10398

С. Л. АВАЛІАНИ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

3 4116

т. I.

Крѣпостное право и исторія крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутаисской губ.

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета М-ва Фин. *

ОДЕССА—1912.

30398.

С. Л. АВАЛІАНИ.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

37446

Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ.

т. I.

Крѣпостное право и исторія крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутаисской губ.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1912.

Библиотека НКФ СССР

86058

Съ чувствомъ глубокой признательности и благодарности мы должны вспомнить лицъ и учрежденія, которыя способствовали появленію настоящаго труда: конференцію ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, въ лицѣ непремѣннаго секретаря ея С. Ѳ. Ольденбурга, высокому покровительству которой мы обязаны доступомъ въ архивъ намѣстника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ; предсѣдателя Кавказской Археографической коммиссіи Д. Н. Михайлова, за необычайную готовность облегчить работу; управляющаго архивомъ намѣстника Я. С. Сманова и помощника его Г. Л. Бакрадзе; Тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Г. А. Багратіонъ-Давидова, секретарей: Тифлисскаго дворянскаго собранія И. Е. Зурабова и Кутаисскаго—Д. В. Мдивани; директора Одесской публичной библіотеки проф. М. Г. Попруженко, за большую помощь и содѣйствіе при работѣ; О. К. и Ш. А. Микеладзе за оказанное гостепріимство во время продолжительнаго пребыванія въ Тифлисѣ.

Появленіе настоящаго изслѣдованія обязано матеріальному иждивенію учителя нашего проф. Ивана Андреевича Линниченко; у автора нѣтъ достаточно силъ и словъ, чтобы выразить и высказать всю глубину чувствъ за постоянное руководительство въ научныхъ занятіяхъ, за неусыпное участіе и заботы о судьбѣ автора, за то хорошее отношеніе, которое постоянно встрѣчалъ авторъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ дорогого учителя.

С. Жваліани.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. V—XII.

Крѣпостное право въ Грузіи до утвержденія русскаго владычества.

I. Грузинское крѣпостное право, его источники и объемъ по законодательнымъ памятникамъ и обычному праву . . . . . стр. 1—53.
II. Категоріи владѣльцевъ крестьянъ . . . стр. 54—59.
III. Разряды крестьянскаго сословія . . . . стр. 60—64.
IV. Повинности крѣпостныхъ крестьянъ . . . . . 65—84.
1. Казенныя крестьянскія повинности
2. Повинности казенныхъ крестьянъ
3. Повинности церковныхъ крестьянъ
4. Повинности помѣщичьихъ крестьянъ
5. Исчисленіе крестьянскихъ повинностей на деньги.

Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ въ Грузіи во время русскаго владычества.

I. Общая характеристика русскаго управленія на Кавказѣ . . . . . стр. 87—90.
II. Попытки изученія грузинскаго законодательства о крѣпостномъ населеніи русской властью . . . . . стр. 91—98.

III. Мѣры къ упорядоченію землевладѣнія въ Закавказьѣ . . . . . стр. 99—102.
IV. Образованіе Дворянскаго Депутатскаго Собранія и утвержденіе въ правахъ дворянъ и князей Тифлисской и Кутаисской губ. . стр. 103—109.
V. Учрежденіе Палатъ Государственныхъ имуществъ . . . . . стр. 110—112.
VI. Мѣропріятія касательно правового положенія грузинскаго крѣпостного крестьянства . стр. 113—146.
VII. Вопросъ о крестьянскихъ повинностяхъ при русскомъ управленіи . . . . . стр. 147—158.
VIII. Крестьянскія волненія . . . . . стр. 159—176.
IX. Сельское хозяйство въ Грузіи . . . . . стр. 177—180.
X. Статистическія данныя о крѣпостномъ населеніи . . . . . стр. 181—184.

Крестьянская реформа въ Закавказьѣ.

I. Крестьянская реформа въ Тифлисской губ.

I. Подготовительныя организаціонныя работы . . . . . стр. 189—194.
II. Программа занятій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . стр. 195—199.
III. Дѣятельность уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ . . . . . стр. 200—212.
IV. Проекты, предположенія отдѣльныхъ дворянъ и уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ относительно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . стр. 213—249.
V. Докладъ Д. И. Кипіани дворянству Тифлисской губ. объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . стр. 250—294.
VI. Работы Закавказскаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . стр. 295—345.

VII. Критика проекта центральнаго комитета со стороны помѣщичьихъ представителей . стр. 346—358.
VIII. Анализъ правительственнаго проекта и Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. и дворянскія возраженія . . . . . стр. 359—403.
IX. Отношеніе Кавказскаго комитета къ проекту Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. стр. 404—409.
X. Объявленіе воли въ Тифлисской губ. . стр. 410—414.
XI. Что дала крестьянская реформа крѣпостному населенію и дворянству Тифлисской губ. стр. 415—428.

II. Крестьянская реформа въ Кутаисской губ.

I. Предварительныя подготовительныя работы . . . . . стр. 431—434.
II. Мнѣніе дворянства Кутаисской губ. о крестьянской реформѣ . . . . . стр. 435—479.
III. Отношеніе представителей Закавказской власти къ крестьянской реформѣ . . . . . стр. 480—485.
IV. О выкупѣ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ . . . . . стр. 486—489.
V. Обсужденіе проекта крестьянской реформы въ Кутаисской губ. въ комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ Управленіи намѣстника Кавказа . . . . . стр. 490—502.
VI. Проектъ крестьянской реформы въ Закавказскомъ комитетѣ . . . . . стр. 502—503.
VII. О правахъ азнауровъ, состоящихъ въ зависимости у князей . . . . . стр. 504—507.
VIII. Объявленіе воли въ Кутаисской губ . стр. 508—509.
IX. Что дала крестьянская реформа крѣпостному населенію и дворянству Кутаисской губ. стр. 510—514.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія крестьянской реформы въ Закавказскомъ краѣ не имѣетъ своего изслѣдователя. Этотъ пробѣлъ попытались мы восполнить, по мѣрѣ силъ и возможности, предлагаемой работой.

Наше изслѣдованіе распадается на нѣсколько неравныхъ частей; въ началѣ мы дали краткую характеристику грузинскаго крѣпостного права; это намъ было необходимо для того, чтобы оттѣнить дѣятельность, которую проявляла русская власть въ теченіи первой половины XIX в., т. е. со времени своего водворенія въ краѣ въ отношеніи грузинскаго крѣпостного населенія; изслѣдованіе этихъ вопросовъ привело насъ къ тому, что грузинское крѣпостное право, со всѣми своими оригинальными чертами и общими свойствами, присущими подобному институту, къ половинѣ XIX в. въ значительной степени видоизмѣнилось; видоизмѣненіе это шло въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, въ безпорядочный грузинскій крѣпостной институтъ русское законодательство вносило планомѣрность, бо́льшую устойчивость и незыблемость, съ другой—благодаря продолжительному дѣйствію русскаго закона о крѣпостномъ населеніи грузинское крѣпостное крестьянство стало все больше и больше входить въ тѣ нормы, въ какихъ исторически складывалось положеніе русскаго крѣпостного сословія, иными словами, къ концу первой половины XIX в., наканунѣ 19 февраля, грузинскій крѣпостной институтъ управляется русскимъ закономъ о крѣпостномъ населеніи; можно сказать, русское и грузинское крѣпостное сословіе нивеллируются въ правахъ и обязанностяхъ своихъ къ помѣщику и къ государству. Однако, этого не слѣдуетъ понимать абсолютно, т. е. осталось среди грузинскаго крѣпостного населенія немало нормъ стараго обычнаго права, болѣе дѣй-

ствующаго въ отношеніяхъ поземельныхъ, повинностныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, это была уступка, специфически мѣстнымъ условіямъ, признанная необходимой со стороны русской власти. Подводя грузинское крѣпостное населеніе подъ дѣйствіе русскаго закона, не всегда удавалось оставаться на высотѣ объективности, часто въ нормы русскаго закона укладывались отношенія мало подходящія, мало соотвѣтствующія и происходила излишняя, ненужная ломка. Направленіе работъ русской власти не отличалось той послѣдовательностью и систематичностью, которая требовалась насажденіемъ русской гражданственности на южной окраинѣ, задачей сложной и трудной; въ теченіе полувѣка мы видимъ политику зигзаговъ, политику неустойчивую, политику начальствующихъ лицъ, а не политику системы, что самымъ рѣшительнымъ образомъ препятствовало движенію русскаго закона въ гущу грузинскаго крѣпостного населенія, создавало сумятицу, неопредѣленность и неясность въ положеніи, что въ конечномъ итогѣ не привлекало мѣстное населеніе къ новой власти, а отталкивало; непониманіе со стороны мѣстнаго населенія того, что насаждала новая власть (непониманіе - слѣдствіе безсистемной, сбивчивой политики) порождало отчужденность отъ власти, которая не себя винила въ этомъ, а мѣстное населеніе; въ дальнѣйшемъ это отчужденность укрѣпляясь, достигло большихъ размѣровъ, особенно въ наши дни.

Наконецъ, въ послѣдней части мы впервые излагаемъ исторію крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутаисской губ. Изслѣдованіе этого вопроса намъ показало, что проведеніемъ крестьянской реформы въ названныхъ губерніяхъ въ 1864 - 1865 г. русская власть довершила начатое; новыя крестьянскія законоположенія для этихъ двухъ губерній представляютъ ничто иное, какъ воспроизведеніе актовъ 19 февраля 1861 г., за немногими отклоненіями, въ вопросахъ поземельнаго пользованія, отбыванія повинностей, вызванныхъ мѣстными условіями и устройства общественнаго управленія.

Наша основная задача состоитъ въ изученіи русской политики въ отношеніи крестьянскаго сословія и крестьянскаго вопроса въ его исторической послѣдовательности; мы рѣшили показать, какой политики держались относительно крестьянскаго вопроса въ Закавказскомъ краѣ Предлагаемый томъ изслѣдованія представляетъ лишь начало; поэтому мы въ общихъ чертахъ касались взаимоотношеній мѣстныхъ условій и новыхъ законовъ, которые насаждались и проводились въ крестьянской реформѣ въ 1864-65 гг.

Отвѣтъ на основной вопросъ, насъ интересующій, о русской политикѣ въ крестьянскомъ вопросѣ, можетъ быть данъ лишь тогда, когда будетъ изслѣдована съ достаточной подробностью исторія крѣпостного права и крестьянской реформы въ другихъ частяхъ Закавказья; съ этой цѣлью наше изслѣдованіе и разбивается на части: во второй томъ войдетъ изученіе крестьянской реформы въ Мингреліи, Сванетіи и Сухумскомъ Отдѣлѣ; въ третій - исторія крестьянской реформы до изданія поселянскаго Положенія 1870 г. включительно, въ четвертый - ходъ и современное состояніе выкупной операціи въ Закавказскомъ краѣ [1]). Въ своемъ мѣстѣ мы говорили о томъ, что остатки крѣпостного права, въ формѣ временнообязаннаго крестьянства, сохранились до нашихъ дней; Закавказская власть разработала свои мѣры для окончательной ликвидаціи крѣпостного института; мѣстное дворянство было привлечено при разсмотрѣніи этого вопроса; теперь за высшими законодательными учрежденіями въ странѣ окончательное рѣшеніе судьбы многочисленнаго крѣпостного населенія; эти вопросы составятъ предметъ изслѣдованія пятаго тома, и наконецъ, заключительный шестой томъ дастъ намъ возможность отвѣтить на большой важности вопросъ: что и какъ сдѣлала русская власть въ Закавказскимъ краѣ для крестьянскаго населенія; поэтому въ предлагаемомъ начальномъ томѣ мы останавливались болѣе на фактической сторонѣ, избѣгали дѣлать выводы; если мы и приходили къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ, лишь постолько, посколько это было необходимо для цѣльности и большей законченности изслѣдованія.

---

[1]) На этомъ основаніи мы не касались обсужденія въ правительственныхъ учрежденіяхъ выкупного наказа.

Изслѣдователь крестьянской реформы въ Закавказьѣ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе относительно литературы предмета. Въ его распоряженіи оказывается большой списокъ работъ, посвященныхъ исторіи крѣпостного права, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что литературный списокъ не даетъ почти ничего цѣннаго въ качественномъ отношеніи, за немногими исключеніями; во-вторыхъ, всѣ работы посвящены исторіи крѣпостного права и ни одной спеціальной работы о крестьянской реформѣ.

Изъ работъ, спеціально посвященныхъ крестьянскому вопросу дореформеннаго періода, заслуживаютъ серьезнаго вниманія: одна старая—г. Калантарова (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. II), и прекрасное изслѣдованіе проф. А. С. Хаханова, доведенное до конца XVIII в. Въ остальныхъ сочиненіяхъ о крѣпостномъ правѣ говорится мимоходомъ, въ связи съ другими вопросами; изъ работъ этой категоріи благодаря своей научности и объективности заслуживаютъ вниманія; изслѣдованіе M. Brosset—„Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle, 1858 г. и В. И. Иваненко—„Гражданское управленіе Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества Михаила Николаевича („Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго, подъ ред. ген.-м. Потто“, т. XII, Тифлисъ, 1901, стр. 1—525). Изслѣдованіе основано на архивныхъ матеріалахъ. Въ 1907 г., по распоряженію Намѣстника Кавказскаго, гр. Воронцова-Дашкова, редакторъ Кавказскаго военно-историческаго отдѣла С. Эсадзе напечаталъ „Историческую Записку объ управленіи Кавказомъ“ (т. I, стр. 1—615; т. II, ст. 1—246, изданіе полуоффиціальное), въ которой въ числѣ другихъ предметовъ излагается исторія крѣпостного права и отмѣны этого института въ Закавказьѣ; С. Эсадзе былъ поставленъ въ прекрасныя условія для работы, ему были доступны богатѣйшія данныя архива Намѣстника Кавказскаго, въ г. Тифлисѣ. С. Эсадзе ограничивается лишь конспективными пересказами архивныхъ дѣлъ.

Необходимо отмѣтить небольшую, но очень цѣнную

статью А. Кипшидзе „Очеркъ крѣпостного права и крестьянской рефомы въ Грузіи“ (Кавказскій Вѣстникъ, 1902 г., № 6). На остальныхъ работахъ не приходится останавливаться въ виду ихъ чрезвычайно незначительной цѣнности. Большую цѣнность представляютъ мемуары бар. А. П. Николаи, начальника главнаго управленія намѣстника Кавказскаго и предсѣдателя Закавказскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ съ сентября 1863 г. „Воспоминанія моей жизни“. „Крестьянская реформа въ Закавказскомъ краѣ“ (Рускій Архивъ, 1892 г., т. XXX). Какъ руководитель и непосредственный участникъ крестьянской реформы, бар. А. П. Николаи даетъ обстоятельную характеристику дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, призванныхъ выполнить реформу. Въ дополненіе къ этимъ мемуарамъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, подробности сообщаетъ другой активный участникъ крестьянской реформы, предводитель Тифлисскаго губернскаго дворянства, съ весны 1864 г., Д. И. Каніани (Русская Старина, 1886 г., т. LI). Вотъ все наиболѣе заслуживающее вниманія по вопросу объ исторіи крестьянской рефомы и крѣпостного права въ Закавказьѣ.

Изъ источниковъ, относящихся къ исторіи крѣпостного права достойны вниманія: „Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI, изд. А. Френкеля, подъ ред. Д. Бакрадзе, 1887 г., изданіе это не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ настоящаго времени; Д. Пурцеладзе: 1) Грузинскіе церковные гуджары, 2) Грузинскія дворянскія грамоты, 3) Грузинскія крестьянскія грамоты, крѣпостные и судебные акты (о значеніи этихъ памятниковъ см. проф. А. Цагарели, Ж. М. Н. Пр., 1877 г., № 12, 1883 г., № 1); къ сожалѣнію, изданіе Д. Пурцеладзе по краткости и недостаточной точности, не вполнѣ удовлетворительно и пользованіе ими затруднительно. Исправно и лучше изданъ актовый матеріалъ проф. А. С. Хахановымъ, Ѳ. Жорданія, Е. Такайшвили [1]).

---

[1]) Литература о крѣпостномъ правѣ и крестьянской реформѣ въ Закавказьѣ: 1) Гастгаузенъ.—Закавказскій край. Замѣтки о семейной

Что касается источниковъ, относящихся до исторіи крѣпостного права въ эпоху русскаго владычества, то они опубликованы въ „Актахъ Кавказской Археографической Коммиссіи".

До настоящаго времени изъ богатѣйшаго архива намѣстника Кавказа опубликовань довольно большой матеріалъ, въ 12 томахъ названныхъ актовъ; томъ XII обрывается на 1862 г., на начальномъ періодѣ крестьянской рефор-

---

и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, живущихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Спб. 1857 г., ч. I. II. 2) Крестьяне и помѣщики въ Тифлисской губ., Моск. Вѣд., 1864 г., № 252; 3) Бороздинъ - Крѣпостное состояніе въ Мингреліи, Зап. Кавк. От. Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. VII, 1866 г. 4) Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ въ статистическомъ, этнографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, произв. по Выс. соизволенію, Спб. 1836 г., ч. I—IV, 5) Д. Пурцеладзе—О крѣпостномъ состояніи въ Грузіи, газ. Кавказъ, 1864 г., № 84—86; 6) Описаніе Кавказа съ краткимъ историческимъ и статистическимъ описаніемъ Грузіи, пер. съ франц. 1805 г., Спб. 7) Тржасковскій—О сословіяхъ въ Грузіи, газ. Кавказъ 1847 г. № 40; 8) Д. Кипіани—О томъ, о семъ и, между прочимъ, о сословіяхъ Закавказскихъ, газ. Кавказъ, 1853 г., № 79, 81, 83, 84; 9) Ситовскій—О числѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ, Зап. Кавк. Общ. Сельск. Хоз. 1858 г., № 3; 10) Зубаревъ. Поѣздка въ Кахетію, Тушетію, Пшавію, и т. д., Русск. В., 1841 г., т. 2; 11) Нордманъ—Путешествіе по Закавказскому краю, Ж. М. Н. Пр. 1838 г., ч. XX; 12) Статистическія данныя о крѣпостномъ владѣніи въ Кутаисской и Тифлисской губ., Кавказскій Кал. за 1855 1866 гг. 13) Вороновъ—Статистическія этюды, газ. Кавказъ, 1866 г., № 73, 78, 79; 14) Евецкій—Статистическое описаніе Закавказскаго края, Спб. 1835 г., ч. 1, 2; 15) Лаврентьевъ—Статистическое описаніе Кутаисскаго генералъ-губернаторства, Спб. 1858 г.; 16) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I; 17) Дубровинъ—Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, Спб. т. I, кн. 2; 18) Къ вопросу о поземельныхъ отношеніяхъ въ Закавказьѣ, Юрид. Обозр., 1881 г., № 27; 19) Егіазаровъ—Изслѣдованіе по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ, ч. I. Сельская община. Казань 1889 г.; 20) Эристовъ—О крестьянскомъ сословіи въ Мингреліи, Кавк. Старина, 1873 г., т. I, № 45; 21) Эристовъ - О привилегированныхъ сословіяхъ, въ Мингреліи, Кавк. Старина, т. I, № 6. 22) Колюбакинъ—По случаю крестьянскаго вопроса въ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Чт. въ М. О. Ист. и Др. Р. 1865 г., № 1; 23) Кучаевъ—Феодализмъ и закрѣпощеніе въ Закавказьѣ, Русск. Вѣстн., 1893 г., № 3.; 24) Семинъ—Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ. Кіевъ, 1911.

мы; послѣдующій матеріалъ, касающіяся крестьянской реформы уже приготовленъ къ печати нынѣшнимъ предсѣдателемъ Кавказской Археографической Коммиссіи Д. Н. Михайловымъ, что составитъ XIII т.

Однако, въ актахъ археографической коммиссіи нашло мѣсто лишь незначительная часть богатѣйшаго собранія архива намѣстника Его Величества на Кавказѣ. По богатству и цѣнности собранія архивъ намѣстника долженъ быть сопричисленъ къ первокласснымъ научнымъ сокровищницамъ Имперіи. Архивный матеріалъ здѣсь первостепенной научной важности, онъ хранитъ неисчерпаемыя сокровища, характеризующія слишкомъ вѣковой періодъ русской власти по всѣмъ направленіямъ и сферамъ. Собранія архива заключаютъ данныя не только обрисовывающія всесторонне жизнь разнородныхъ племенъ Кавказа, но они даютъ неоцѣнимый матеріалъ для всесторонней также характеристики государственной политики на Кавказѣ. Приходится сожалѣть лишь о томъ, что русскіе ученые рѣдко заглядываютъ въ эту богатую сокровищницу.

Предлагаемое изслѣдованіе о крестьянской реформѣ исключительно основано на необнародованныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ архива намѣстника Его Величества на Кавказѣ; чтобы не ссылаться постоянно на источники, мы лишь отмѣтимъ ихъ здѣсь: „Дѣла канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при главномъ управленіи Намѣстника Кавказскаго“: св. № 1, д. по описи № $^{3}/_{5}$; $^{4}/_{6}$—на 52 л.; $^{6}/_{8}$—на 189 л.; $^{8}/_{10}$; св. № 3; д.—№ $^{23}/_{25}$; св. № 4; д. № $^{10}/_{47}$; $^{12}/_{49}$; св. № 5, д. № $^{25}/_{80}$; $^{27}/_{82}$ на 424 л.; св. № 6,—д. № $^{13}/_{94}$; $^{14}/_{95}$ на 266 л.; св. № 7, ч. I, д. № $^{18}/_{99}$ на 301 л., ч. II—на 102 л.; св. № 8 $^{113}/_{114}$, ч. III—на 271 л.; св. № 9, д. № $^{10}/_{121}$; св. № 10, д. № $^{32}/_{142}$; св. № 11, № $^{35}/_{145}$; $^{45}/_{154}$; св. № 13, д. № $^{22}/_{21}$; $^{23}/_{22}$; св. № 15, д. № $^{76}/_{72}$; св. № 35, д. № $^{9}/_{1}$, на 431 л. Дѣло по части Тифлисскаго губ. предв. дворянства, 30 марта 1861 г., № 1.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ неоднократно придется оперировать разнообразными мѣстными мѣрами; для того чтобы сдѣлать изложеніе болѣе понятнымъ, мы предлагаемъ переводъ этихъ мѣръ, хотя попутно мы это дѣлали; мѣры вѣса: литра=4 чарекъ=9 ф, чарекъ=2 ф. 24 зол.; батманъ=6 окъ=19 ф., ока=3 ф. 16 зол.; мѣры сыпучихъ тѣлъ: кода=2 п. 10 ф.; кила=37 ф. 60 зол.; мѣры жидкостей: арба=3 сапалне=81 п., сапалне=27 п.; чапа=4 тунги=36 ф., тунга=4 чарекъ=9 ф.; мѣры земельныя: однодневное паханіе=1200 кв. с.; кцева=900 кв. с. (См. Кавк. Кал., за 1846 г. и др. годы).

Крѣпостное право въ Грузіи до утвержденія русскаго владычества.

I.

Грузинское крѣпостное право, его источники и объемъ по законодательнымъ памятникамъ и обычному праву.

Грузинское крѣпостное право вырабатывалось постепенно, вмѣстѣ съ историческимъ ходомъ жизни самого народа, и возникло подъ вліяніемъ общихъ условій, какъ и у другихъ народовъ, которые знали крѣпостное право. Грузинское крѣпостное право болѣе нормировалось обычаемъ, чѣмъ писаннымъ закономъ. Если бы мы пожелали характеризовать этотъ институтъ только на основаніи писаннаго закона, сохранившагося въ сборникѣ законовъ царя Вахтанга VI, XVIII в., то мы допустили бы крупную ошибку; ежедневная практика общественной жизни создавала такія отношенія, которыя выходили далеко за предѣлы дозволеннаго писаннымъ закономъ, покрывая нормы его и создавая положенія въ крѣпостномъ строѣ, не предусмотрѣнныя закономъ.

Сборникъ грузинскихъ законовъ царя Вахтанга VI, составленный въ началѣ XVIII в., единственный источникъ писанныхъ законовъ, на основаніи котораго мы можемъ характеризовать грузинское крѣпостное право. Но этотъ источникъ совершенно не изслѣдованъ; начать съ того, что у насъ нѣтъ строго провѣреннаго и критически изданнаго текста сборника. Единственное изданіе, которымъ мы теперь пользуемся, совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ научныхъ изданій юридическихъ памятниковъ. Списковъ и редакцій сборника сохранилось очень много; между тѣмъ эти списки не классифицированы, не установлены редакціи. Законы грузинскіе были изданы въ 1887 г., подъ заглавіемъ: „Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI, подъ ред. Д. З. Бакрадзе, Тифлисъ“. Сборникъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ и не связанныхъ между собою частей: 1) зако-

ны царя Вахтанга, 2) законы царя Георгія (1318 – 1346 г.), 3) законы Беки (1361—1391 г.) и Агбуги (1444—1451 г.), 4) законы католикосовы (католикосъ – глава грузинской церкви), 5) законы Моисеевы, 6) законы Греческіе, 7) законы Армянскіе. Въ законахъ собственно Вахтанга VI мы находимъ нормы, какъ судъ Божій, ордаліи, кровавую месть, своеобразныя формы вознагражденія за кровь, которыя говорятъ объ отдаленныхъ и примитивныхъ формахъ общежитія; рядомъ съ ними нормы несомнѣнно значительно позднаго происхожденія. Между нормами собственно Вахтанга VI и иностранныхъ законовъ, включенныхъ въ сборникъ, большія противорѣчія, часто другъ друга исключающія. Изъ данныхъ *изданнаго* сборника никакъ нельзя заключить, какіе изъ законовъ имѣли наибольшее практическое примѣненіе, различалось ли въ повседневной практикѣ пользованіе разнородными законами. Нѣкоторые изъ изучавшихъ сборникъ, а послѣ и русская власть, склонны были разсматривать дѣйствующими нормами только статьи законовъ Вахтанга; остальные законы, по мнѣнію ихъ, имѣли значеніе вспомогательное, и къ нимъ прибѣгали только тогда, когда не находили подходящихъ статей въ законахъ собственно Вахтанга; это заключеніе главнымъ образомъ относится къ иностраннымъ законамъ сборника; но выводъ не находитъ никакихъ реальныхъ аргументовъ въ текстѣ самихъ законовъ. Вопросъ о томъ, какія изъ частей сборника Вахтанга VI являлись дѣйствующими, можетъ быть приблизительно тогда разрѣшенъ, когда будутъ просмотрѣны сохранившіеся списки и редакціи. Въ предисловіи къ законамъ Моисеевымъ читаемъ: „..... какъ и во всѣхъ другихъ странахъ и царствахъ учреждены для руководства отечественныя постановленія, различествующія отъ иноземныхъ, и посему многіе изъ оныхъ безполезны для Грузіи, *изданные же царемъ Вахтангомъ должны быть преимущественно употребляемы*“ (стр. 146), изъ этихъ словъ мы склонны были бы сдѣлать заключеніе, какія части сборника были дѣйствующими и какую роль играли иностранные законы, но редакторъ изданія предостерегаетъ насъ, указывая, что въ спискѣ ок. 1751 г., близкомъ ко времени Вахтанга (ум. 1737 г.) этихъ словъ нѣтъ. Слѣдовательно, безъ детальнаго изученія списковъ и

редакціи выводы о преимущественномъ значеніи въ практическомъ пользованіи отдѣльныхъ частей иностранныхъ законовъ и взаимоотношеніи грузинскихъ законовъ и иностранныхъ сборника будутъ поспѣшными.

Весьма важнымъ является для изслѣдователя исторіи крѣпостного права знаніе источниковъ законовъ сборника Вахтанга. Въ существующей литературѣ почти не найдемъ отвѣта. Въ прекрасномъ изслѣдованіи проф. В. Сокольскаго доказано, что источникомъ греческихъ законовъ Сборника Вахтанга нужно признать сокращеніе Синтагмы Власторя, пополненное извлеченіями изъ Арменопула (Epitome Syntagmatis Matthaei Blastoris ad Hexabiblum Harmenopuli mutati); а 150 первыхъ статей армянскихъ законовъ оказывается не что иное, какъ сирійско-юридическій сборникъ конца V в., изданный и изслѣдованный совокупными трудами проф. Брунса и Захау. Относительно источниковъ другихъ частей сборника Вахтанга у насъ нѣтъ столь цѣнныхъ свѣдѣній [1]). Нашему изслѣдованію не подлежатъ вопросы отмѣченные выше; но, такъ какъ мы пытаемся характеризовать грузинское крѣпостное право и на основаніи писаннаго закона, и такъ какъ вопросъ о практическомъ значеніи, отдѣльныхъ частей сборника, главнымъ образомъ иноземныхъ законовъ, не рѣшенъ, то мы будемъ исходить изъ данныхъ собственно грузинскихъ статей сборника, а равно привлекать и статьи иностранныхъ законовъ. Мы склонны думать, что въ собственно грузинскихъ законахъ окажутся слѣды сильныхъ вліяній культурныхъ сосѣдей, грековъ и армянъ. Включеніе въ одинъ сборникъ наряду съ туземными законами и иноземныхъ должно было имѣть извѣстныя практическія основанія и пользованіе ими было далеко не чуждо грузинскимъ учрежденіямъ.

Однако, нельзя преувеличивать практическаго значенія писанныхъ законовъ. Обычное право было настолько сильно и живуче, что на практикѣ, въ дѣйствительности, оно болѣе регулировало юридическія отношенія. При томъ правовомъ развитіи, на которомъ находилась Грузія наканунѣ присо-

[1]) Вл. Сокольскій—Греко-римское право въ Уложеніи грузинскаго царя Вахтанга VI (Очеркъ по исторіи распространенія византійскаго права на Востокѣ), Журн. Мин. Нар. Просв., 1897 г., № 9, стр. 56—93.

единенія къ Россіи и раньше, едва ли строго соблюдался писанный законъ. Поэтому наряду съ писаннымъ закономъ мы должны обратиться къ другимъ источникамъ права: жалованнымъ и дарственнымъ грамотамъ („сигели", „гуджари"), судебнымъ рѣшеніямъ, кабальнымъ записямъ, отпускнымъ грамотамъ, долговымъ распискамъ и т. д., въ которыхъ раскрываются разнообразныя реальныя отношенія, далеко не предусмотрѣнныя писаннымъ закономъ.

Источниковъ грузинскаго крѣпостного права много и разнообразнаго характера; одни изъ нихъ санкціонированы и регламентированы писаннымъ закономъ, другіе дѣйствуютъ на основаніи эластичнаго и разнообразящагося по мѣстамъ обычнаго права; одни болѣе ранняго происхожденія, другіе —поздняго.

Но Грузія знала не только крѣпостную зависимость, но болѣе худшую форму зависимости однихъ людей отъ другихъ—рабство. Грузія въ теченіи своего историческаго существованія находилась въ постоянныхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ различными народами Востока. Война и являлась обильнѣйшимъ источникомъ рабства. Юридическое положеніе раба было весьма незавидное: это абсолютно безличный субъектъ; но съ теченіемъ времени, а въ особенности наканунѣ присоединенія къ Россіи, рабы, какъ опредѣленная категорія лицъ, смѣшались съ крестьянскимъ крѣпостнымъ населеніемъ. Отмѣтить моментъ смѣшенія рабства и крѣпостного крестьянства и образованіе одного крѣпостного сословія, однообразнаго по правамъ и обязанностямъ, невозможно; только это смѣшеніе и образованіе одного сословія совершилось не вдругъ, подготовлялось исподволь въ теченіи очень долгаго историческаго періода: черезъ ухудшеніе и пониженіе тѣхъ минимальныхъ правъ, которыми пользовались крѣпостные крестьяне. Въ самомъ дѣлѣ, рабъ, попадая въ полную собственность владѣльца, становился въ тѣ же отношенія къ господину своему, въ какихъ находился и крѣпостной, проживающій въ одномъ помѣстьѣ съ рабомъ; только разница была та, что распоряженіе личностью раба было почти безгранично, тогда какъ личныя и имущественныя права крѣпостного отчасти охранялись закономъ. Но уже въ XVI в., а въ XVII в. въ особенности, когда помѣ-

щикъ сталъ пріобрѣтать все большія права на личность крестьянина, когда широкую практику пріобрѣла продажа и залогъ крестьянъ, незначительныя перегородки, отдѣлявшія правовое положеніе раба, отъ такового же крестьянина, пали и препятствій къ распространенію надъ личностью крѣпостного тѣхъ правъ, которыми пользовался помѣщикъ по отношенію къ рабу, не оказалось.

Чужестранецъ или иновѣрный, попавшій въ плѣнъ „принадлежитъ (захватившему его) въ собственность тверже купленнаго", т. е. надъ личностью плѣнника собственникъ пріобрѣтаетъ больше правъ, чѣмъ надъ купленнымъ человѣкомъ (права и юридическія гарантіи котораго были ничтожны), при условіи, если плѣнникъ не будетъ взятъ царемъ или отпущенъ на волю за выкупъ. Захватившій въ плѣнъ единовѣрца или сосѣда и представившій его царю могъ разсчитывать на полученіе награды. По отношенію къ единовѣрцу, сосѣду, законъ предписываетъ болѣе бережное и осторожное отношеніе, что не квалифицировано точно; но это требованіе, болѣе моральное, чѣмъ формальное, оставалось только въ области пожеланій. Плѣнникъ, будущій рабъ, будетъ ли это единовѣрецъ или иновѣрецъ, прежде чѣмъ попадалъ въ собственность къ какому либо господину, становился предметомъ очень сложнаго спора. Кто первый ранилъ, сбросилъ съ коня плѣнника, тому въ собственность онъ и долженъ былъ перейти; но кто, ранивъ непріятеля, оставлялъ его безъ вниманія, терялъ право на собственность; плѣнникъ переходилъ въ руки того, кто подбиралъ его. Если причинившій рану плѣннику доказывалъ, что рана нанесена имъ, то взявшій плѣнника обязывался вознаградить ранившаго лучшей вещью изъ вооруженія плѣнника (Сб. зак. Вахтанга, ст. 254).

Но источникъ рабства не одна война; наряду съ ней почетное мѣсто занимаетъ пріобрѣтеніе людей посредствомъ покупки. Продажа человѣка обращаетъ его въ обыкновенный предметъ торговыхъ сдѣлокъ и въ такихъ случаяхъ покупатель получаетъ надъ купленнымъ человѣкомъ почти неограниченныя права. Человѣкъ купленный и захваченный въ плѣнъ находятся въ одинаковыхъ правовыхъ условіяхъ— они рабы и могутъ стать объектомъ дальнѣйшихъ спекуля-

ціи. Духовенство всегда выступало въ защиту плѣнниковъ, обращавшихся въ рабовъ, внушая по отношенію къ нимъ человѣколюбивое обращеніе. Особенно возставало оно противъ продажи людей, плѣнниковъ, обращавшихся въ рабовъ: отлучало отъ церкви продавцовъ; при содѣйствіи свѣтской власти преслѣдовало ихъ административными взысканіями, денежными штрафами, конфискаціями; но подобныя мѣропріятія мало достигали цѣли, благодаря общей грубости нравовъ, наличности крѣпостного права, смягченнаго вида того же рабства. Законодательство Вахтанга игнорируетъ интересы плѣнника, не принимаетъ мѣръ гарантіи противъ рабства. Греческіе законы сб. Вахтанга отчасти стремятся строгими угрозами ограничить превращеніе людей въ рабовъ. Крестьянинъ или отпущенный на волю, продавшій въ рабство христіанина, подвергается строгому взысканію, такого по поимкѣ должно „остричь, бить крѣпко, облить грязью и отсѣчь ему обѣ руки“ (сб. Вахтанга, зак. греч., ст. 35), но въ тоже время не возбраняется покупать христіанамъ у христіанъ и не христіанъ, напр., плѣнныхъ магометанъ, но купленному предоставляется право по уплатѣ заплаченной за него суммы, искать свободы. Интересы покупателя въ свою очередь вознаграждаются законнымъ правомъ держать въ услуженіи купленнаго въ теченіи 3-хъ лѣтъ, по истеченіи этого срока купленный становится свободнымъ, очевидно, трехлѣтняя служба признается эквивалентной суммѣ, уплоченной за человѣка; кто осмѣлится держать плѣнника послѣ 3-хъ лѣтъ службы, тотъ признается „законнопреступникомъ“ (Сб. Вахтанга, зак. греч., ст. 7, 40). Армянскіе законы въ обереганіи интересовъ покупателя идутъ дальше, они удлиняютъ срокъ обязательной службы купленнаго плѣнника въ 7-лѣтній. Ни грузинскіе, ни греческіе законы сб. Вахтанга ничего не говорятъ о потомствѣ плѣнника проданнаго; армянскій законъ требуетъ свободы для плѣнника съ женой. Если выкупленный плѣнникъ женился и обзавелся семьей въ домѣ выкупившаго его, въ теченіи 7-лѣтняго у него пребыванія, то семья такого плѣнника не получаетъ свободы; жена и дѣти остаются у господина, отецъ семейства получаетъ личную свободу. Но если плѣнникъ такой свободѣ предпочтетъ неволю, то въ такомъ случаѣ онъ обращается

въ зависимаго крестьянина, т. е. крѣпостного. Такой крестьянинъ въ присутствіи мирянъ и священниковъ въ церкви долженъ дать оффиціальное на бумагѣ удостовѣреніе, что отдаетъ себя въ крестьянство, послѣ чего „таковый крестьянинъ и не долженъ помышлять о вольности“ (Сб. Вахтанга, зак. арм., ст. 204).

Выкупъ невольника и отпущеніе на волю — дѣло угодное Богу; кто во спасеніе души рѣшитъ совершить такое дѣло и кто-нибудь отговоритъ, то такой поступокъ „тягче всякаго грѣха. Удивительно, какъ таковаго злодѣя не поразитъ громъ, не пожретъ земля или не поглотитъ вода“. Но отпущеніе плѣнника на волю—милость, проистекающая изъ чувства христіанскаго состраданія, а не обязанность; это убѣжденіе держится до самаго конца XVIII в. Нѣкій Д. Барабіани попалъ въ плѣнъ къ лезгинамъ и былъ выкупленъ братьями и матерью; братья были священниками; выкупленный пожелалъ стать діакономъ, выкупившіе согласны и даютъ разрѣшеніе поселиться, гдѣ ему угодно; члены семьи даютъ въ томъ письменное разрѣшеніе, отказываются на будущее время отъ правъ на его личность и обѣщаютъ въ случаѣ раздѣла семейнаго имущества выдѣлить законную часть. Документъ относится къ 1783 г. Выкупленный получилъ такія права только изъ милости [1]).

Если грузинское законодательство опредѣленно не высказывается о правовомъ положеніи плѣннаго, то этотъ пробѣлъ заполняется нормами обычнаго права, и они оказались настолько живучими, что сохранились до начала XIX в., и русской власти пришлось много труда положить на то, чтобы искоренить всѣ пагубныя послѣдствія безправнаго положенія плѣнника-раба. Самое худшее слѣдствіе безправнаго положенія раба-плѣнника широкая практика работорговли. Продажа плѣнниковъ практиковалась съ давнихъ поръ и сохранилась до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ XV в. итальянецъ Руссето привезъ во Львовъ въ публичный домъ 2-хъ женщинъ изъ Абхазіи, у одной изъ нихъ была дочь;

[1]) Ѳ. Жорданія.—Историческіе матеріалы монастырей и церквей Кахетіи и Карталиніи (на груз. яз.), Поти, 1903 г., стр. 223—224.

привезена была еще одна мингрельская дѣвушка [1]). Жители верхней Карталиніи въ 1673 г. даютъ торжественное обѣщаніе католикосу, что ни сами продавать, ни участія въ продажѣ плѣнниковъ принимать не будутъ и въ заключеніи заявляютъ: „взыщите съ насъ, какъ за преступленіе противъ васъ, противъ креста вашего и омофора, а царь Шахъ-Навазъ (Георгій XI) да взыщетъ съ насъ, какъ съ преступниковъ передъ ними и его дѣтьми и да будетъ поступлено съ нами какъ съ злодѣями". Князья Аваловы дали католикосу „неотложную клятву и условіе" въ томъ, что не будутъ „ни продавать плѣнника, ни вмѣшиваться въ дѣла, ни дозволять плѣнноправцамъ нашимъ и служителямъ" [2]). Правитель Гуріи взялъ„ клятвенное обязательство", чтобы никто изъ людей его владѣнія не продавалъ плѣнника, и самъ правитель за себя даетъ обѣщанія „отнынѣ впредь ни съ цѣлью прибыли и пріобрѣтенія, ни ради пищи и питія уже не продавать людей", [3]) а владѣтель Мингрели Манучаръ Дадіани въ 1795 г. клянется имертинскому царю Соломону: „сколько силъ моихъ станетъ никого не щадить за плѣннопродавство и не принимать участія въ этомъ дѣлѣ ни мнѣ, ни кому либо изъ вѣрныхъ и повинующихся моему велѣнію, а напротивъ преслѣдовать виновныхъ по мѣрѣ возможности" [4]). Царица Русудань дала письменное условіе въ 1712 г. католикосу Доментію преслѣдовать въ своихъ, а также царевича удѣлахъ и вотчинахъ и въ другихъ мѣстахъ своего владѣнія, всѣхъ, кто будетъ держать плѣнниковъ или приводить ихъ для продажи; и обѣщаетъ свое содѣйствіе въ преслѣдованіи вообще такихъ лицъ [5]). Очевидно продажа плѣнниковъ при-

[1]) И. А. Линниченко.—Черты изъ исторіи сословій въ ю. з. (Галицкой) Руси XIV—XV в. М. 1894 г., стр. 89, прим. 3.

[2]) Акты, собранные Кавказской Археографической Коммиссіей—А. К. А. К., т. VI, ч. 2, стр. 772, 773.

[3]) ibid., т. I, стр. 52.

[4]) ibid., № 11, 12, стр. 61.

[5]) ibid., стр. 55, см. еще Нурцеладзе - Гуджары, стр. 149, 151, 152, 154; въ 1777 г. Г. Гуріели даетъ обязательство католикосу Максиму: „отлученнаго вами (за плѣннопродавство) мы не будемъ принимать и не будемъ имѣть общенія съ нимъ, ни ѣсть съ нимъ, ни пить, и будемъ смотрѣть на него, какъ на бѣшенную собаку и, сколько будетъ воз-

няла столь большіе размѣры, что стала переходить всякія границы, стало зломъ жизни и первый противъ зла возвышаетъ свой голосъ служитель Христа. Продажа плѣнниковъ, повидимому, было дѣло прибыльное, ею занимаются всѣ отъ владѣтельныхъ особъ до простыхъ дворянъ. Законъ не могъ ограничить того, что прочно укоренилось въ самой жизни, а словесныя увѣщанія едва ли достигали плодотворныхъ результатовъ.

Русское правительство послѣ водворенія своего на Кавказѣ вступаетъ въ серьезную борьбу съ торговлей рабами. По „обвѣщенію“ кн. Циціанова въ 1804 г. для Мингреліи и Имеретіи „богопротивники“, продающіе христіанъ, будутъ предаваемы военному россійскому суду и наказываемы, „яко преступники законовъ и нарушители цѣлости и безопасности личной“ и отсылаемы на Сибирскіе заводы въ каторжныя работы, „не смотря ни на званіе, ни на родъ“. Справедливые доносители будуъ награждаемы отъ правительства, „по мѣрѣ богоугоднаго дѣла имъ тѣмъ доносомъ или поимкою учиненнаго“ [1]). Несмотря на строгія запрещенія, торговля плѣнными контрабандным путемъ все продолжалась. Капитанъ Коцебу, командированный въ Имеретію, Гурію, Абхазію въ 1818 г., свидѣтельствуетъ, что въ г. Поти „болѣе нежели когда либо ведется торгъ людьми“. Сестра ген.-лейт. кн. Орбеліани, жена бывшаго владѣтеля Гуріи, имѣла частыя сношенія съ комендантомъ Поти, и какъ „говорили“, послѣ ея свиданіи съ комендантомъ, возвращалась изъ ея свиты иногда только половина, „изъ чего должно подозрѣвать, что посредствомъ сего свиданія она имѣетъ торгъ людьми“ [2]). Въ 1849 г. кн. Дадіани послалъ Ахалцихскому пашѣ въ подарокъ „дѣвку“ [3]). Гакстгаузенъ,

можности, постараемся вредить ему; и если обѣщаніе сіе нарушу, то да буду связанъ вами и вашимъ соборомъ“, стр. 152.

[1]) А. К. А. К., т. II, стр. 415; такого же содержанія наставленіе ген. Литвинова, отъ 16 іюня 1804 г., Одишскимъ старшинамъ, князьямъ и дворянамъ, съ угрозой, что продающіе плѣнниковъ будутъ „лишены жизни своей съ семействомъ своимъ“, ibid., стр. 475; о томъ же, предписаніе ген. Тормасова полковн. Симоновичу, отъ 10 іюня 1810 г., ibid., т. IV, стр. 285.

[2]) ibid., т. VI, ч. I, стр. 666, 669.

[3]) ibid., т. VI, стр. 565.

совершившій путешествіе по Закавказью въ 30-хъ гг. прошлаго столѣтія, разсказываетъ о торговлѣ людьми; въ Сванетіи очень часто продавали мальчиковъ и дѣвочекъ; оттуда они перевозились въ горы къ черкесамъ и далѣе, въ Константинополь; мальчики цѣнились до 400 р. с., дѣвочки $^1/_2$ или $^2/_3$ стоимости мальчиковъ. Цѣна грузинской или греческой дѣвушки доходила до 10.000 талеровъ въ зависимости отъ красоты и степени образованія. Въ гавани Бамбори, на Черномъ морѣ, этотъ путешественникъ видѣлъ корабль съ черкескими дѣвушками, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, предназначавшимися для Константинополя [1]). Т. о. практика жизни оказалась сильнѣе закона и правительственныхъ распоряженій и ликвидировать тяжелое наслѣдіе прошлаго удалось русскому правительству только къ половинѣ XIX в. и то съ большимъ трудомъ.

Плѣнники не всегда являлись объектомъ торговыхъ спекуляцій, не всегда обращались въ холоповъ. И писанный законъ, и обычай одобряетъ выкупъ плѣнника; выкупъ, конечно, не купля плѣнника, но во всякомъ случаѣ смягченная, болѣе деликатная, форма пріобрѣтенія людей. Выкупленный переходитъ въ собственность выкупившаго, теряетъ личную свободу, обращается въ крестьянина, получаетъ возможность существованія, не безъ нѣкоторой надежды, при соблюденіи законныхъ условій, освободиться вовсе отъ зависимости.

Въ 1636 г. былъ выкупленъ изъ плѣна Г. Агіашвили съ семействомъ, и получилъ отъ выкупившаго его землю, рогатый скотъ, хлѣбъ, ячмень, а себя „отдалъ съ семействомъ своимъ“ ему въ крестьянство „на вѣчныя времена“; также на вѣчныя времена отдаетъ себя выкупившему Ив. Курдадзе. Въ 1672 г. Дарчіа Бежанишвили попалъ въ плѣнъ къ лезгинамъ, одинъ лезгинъ выкупилъ его, привезъ въ Тифлисъ, но такъ какъ никто его выкупать не хотѣлъ, то лезгинъ рѣшилъ везти назадъ; плѣнникъ принадлежалъ раньше Корганову; Д. Б-ли „жаловался царю и онъ далъ разрѣшеніе“: если помѣщикъ не выкупитъ, отдаться другому въ

[1]). Гакстгаузенъ.—Закавказскій край, СПБ., 1857 г., ч. I, стр. 6, 8 прим. 1, 135.

крестьянство; помѣщикъ не думалъ выкупать; плѣнникъ въ 1794 г. пишетъ Тифлисскому митрополиту Христофору: „могу поступить съ семействомъ моимъ въ крестьяне тому, кто выкупитъ меня. Я пришелъ къ вамъ съ своимъ помѣщикомъ, вы выкупили меня и я отдалъ вамъ себя въ крестьяне“ [1]). Естественно, что зависимыя отношенія между выкупленнымъ человѣкомъ и выкупившимъ, возникали, какъ слѣдствіе тѣхъ затратъ, которыя производилъ выкупавшій. По распоряженію царя Ираклія 1765 г. на крестьянъ, получившихъ свободу изъ плѣна путемъ выкупа прежніе ихъ владѣльцы теряли всѣ свои владѣльческія права и такіе крестьяне „свободны и могутъ поступать въ крестьяне къ тому, къ кому желаютъ“; это распоряженіе повидимому, есть отвѣтъ на притязанія владѣльцевъ.

Т. о., война и какъ ея слѣдствіе большое количество плѣнниковъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ образованія низшей ступени среди зависимыхъ людей, рабовъ. На историческомъ протяженіи рабы смѣшались съ зависимымъ крѣпостнымъ сословіемъ, увеличивъ его объемъ, съ одной стороны, и понизивъ его правовое положеніе привнесеніемъ личнаго безправія, съ другой.

Переходимъ къ источникамъ ведущимъ собственно къ зависимости отъ другого человѣка, къ зависимости крѣпостной. Воръ, забравшійся въ комнату, „гдѣ мужъ съ женой спятъ“, похитивъ какую либо вещь, обязанъ возвратить владѣльцу вещи стоимость ея, увеличенную семь разъ, а за смѣлость, что уже есть личное оскорбленіе домохозяина, половинное удовлетвореніе за кровь. Несостоятельный воръ, обращается вмѣстѣ съ семействомъ, съ движимымъ, благопріобрѣтеннымъ и купленнымъ имуществомъ въ собственность потерпѣвшаго. (Сб. Вахтанга, ст. 151).

Головой выдается и тотъ доносчикъ, который не оправдаетъ своего доноса. Обвиняемый т. е. лицо, противъ котораго донесъ, получаетъ за оскорбленіе полное удовлетвореніе за кровь, а доносчикъ связанный поступаетъ къ нему въ соб-

[1]) Д. Пурцеладзе.—Грузинскія крестьянскія грамоты, крѣпостные и судебные акты, грамоты и письма грузинскихъ и персидскихъ царственныхъ особъ (матеріалы для древней исторіи Грузіи), Тифлисъ 1882 г., стр. 17, 26, 41.

ственность, становится его человѣкомъ (Сб. Вахтанга, ст. 38, 39, 40). Также въ собственность поступаютъ люди по судебнымъ рѣшеніямъ. Казенный крестьянинъ убилъ крестьянина Г. Церетели, не могъ уплатить ему за кровь, а потому царь въ 1721 г. отдалъ виновнаго крестьянина съ домомъ и имуществомъ въ распоряженіе Ц-ли, но съ условіемъ: по уплатѣ царемъ опредѣленной цѣны за кровь, крестьянинъ долженъ быть возвращенъ царю [1]). Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ къ личной зависимости ведетъ преступное дѣяніе лица: преступное дѣяніе уголовное или гражданское измѣряется вознагражденіемъ за кровь, а въ этой стадіи рѣшеніе дѣла сталкивалось съ состоятельностью преступника; косвенно къ зависимости ведетъ неспособность лица выплатить ту сумму, которая является какъ бы эквивалентной его дѣянію. Несостоятельный должникъ, который не можетъ выполнить всѣхъ взятыхъ на себя долговыхъ обязательствъ, теряетъ личную свободу. Несостоятельный должникъ въ удовлетвореніе долговой претензіи выдается заимодавцу, съ условіемъ не продавать такого человѣка невѣрнымъ; повидимому, продажа единовѣрцамъ не возбраняется; а разъ такое право пріобрѣтаетъ кредиторъ надъ несостоятельнымъ должникомъ, то другія формы власти надъ нимъ не исключаются (Сб. Вахтанга, ст. 142).

Незаконнорожденные въ Грузіи обращались въ крестьянъ. Правда законы грузинскіе буквально не говорятъ объ этомъ, но не изъ совсѣмъ точной редакціи статей закона только такое заключеніе и можно вывести. По закону незаконнорожденный участія въ имѣніи отца или братьевъ не имѣетъ. Если незаконнорожденный отдается братьямъ въ крестьянство, то на него уже не имѣютъ правъ ни дядя, ни дѣти его, слѣдовательно, никто изъ числа другихъ родственниковъ. Отдающій себя въ крестьянство незаконнорожденный долженъ быть снабженъ всѣмъ нужнымъ въ крестьянскомъ быту. Снабженіе, конечно, за счетъ братьевъ. Если незаконнорожденный не пожелаетъ быть крестьяниномъ у братьевъ, то свободенъ итти и поступить въ крестьяне кому пожела-

[1]) Д. Пурцеладзе. — Грузинскія дворянскія грамоты (Матеріалы для V Археологическаго съѣзда), Тифлисъ, 1881 г., стр. 43.

еть; т. е. или крестьянство у братьевъ или свободный выборъ господина, слѣдовательно, зависимая жизнь, крѣпость; другого выхода законъ не указываетъ. Ясно отсюда безправное положеніе незаконнорожденнаго. У братьевъ или свободно избраннаго господина его ожидаетъ одинаковая участь, зависимаго, крѣпостного. Иначе и быть не могло, это логическое слѣдствіе того, что незаконнорожденный правъ на имущество не получаетъ, у него наслѣдственныхъ правъ никакихъ; матеріальная необезпеченность и создаетъ такое шаткое положеніе, что незаконнорожденный долженъ непремѣнно отдаться кому-нибудь. Въ одномъ случаѣ незаконнорожденный получаетъ право на участіе въ имуществѣ отца, когда послѣ смерти его останется *только* незаконнорожденный; тогда братья обязаны выдѣлить ему достаточное по крестьянскому быту имѣніе, а незаконнорожденный вправѣ остаться у братьевъ отца своего или вступить въ казенное вѣдомство, очевидно, на правахъ казеннаго крестьянина. Незаконнорожденный только и оставшійся по смерти отца получаетъ часть и изъ недвижимаго имѣнія, сверхъ того, что получилъ отъ отца, при жизни послѣдняго.

Незаконнорожденная также обращается въ крестьянку; братья обязаны выдать ее замужъ и „снабдить ее приличнымъ крестьянскому состоянію приданымъ“. Законодатель обращается къ нравственному чувству братьевъ, „если они честные люди, то, конечно, посовѣстятся не пристроить ее, какъ слѣдуетъ“ (Сб. Вахтанга, 110). Незаконнорожденный признается принадлежащимъ матери и тому, кому принадлежитъ мать. (Зак. Агбуги, ст. 32). Однако, въ жизни незаконнорожденные присваиваются церковью и церковь пыталась это право утвердить за собой. Незаконнорожденный—не свободный. Евѳимій, митрополитъ Генатскій, уступаетъ въ 1806 г. Л. Чхеидзе двухъ незаконнорожденныхъ, кои, по утвержденію митрополита, принадлежатъ церкви. Что незаконнорожденные попадали въ разрядъ крѣпостныхъ, видно между прочимъ изъ тѣхъ условій, на которыхъ митрополитъ уступилъ дѣтей Л. Чхеидзе: дѣвочку послѣдній, по совершеннолѣтіи, долженъ былъ выдать замужъ; мальчика, въ случаѣ его желанія, женить, и оставить на службѣ у себя. Повидимому, дѣти незаконнорожденныхъ оставались, какъ и родители во

крестьянствѣ [1]). Тотъ же митрополитъ въ 1818 г. уступилъ священнику Ишхнели мальчика съ условіемъ: „если Богъ дастъ, онъ (мальчикъ) выростетъ, то не должны (священникъ) его продавать или закладывать; пусть онъ служитъ вамъ и потомкамъ вашимъ. Если онъ будетъ когда нибудь въ состояніи, то переведите его на осѣдлую жизнь (т. е. разрѣшить ему вступить въ бракъ и жить особо)". Мальчика этого прижилъ крестьянинъ эристава, Г. Одивадзе, съ крестьянкой монастыря. Свое рѣшеніе митрополитъ мотивируетъ соображеніемъ: „незаконнорожденные дѣти въ нашей паствѣ *по закону* принадлежали нашей церкви и ея первосвященнику", за обезчещеніе крестьянки монастырю слѣдовало еще удовлетвореніе за кровь [2]). Незаконнорожденный не только самъ зависимый человѣкъ, которымъ распоряжаются другіе, но передаетъ свое состояніе и положеніе по наслѣдству потомству своему.

Къ незаконнорожденному по положенію приближаются подкидыши или взятые на воспитаніи. Подкидыша или взятаго на воспитаніе, по закону, можно или усыновить, или обратить въ крестьянина. Воспитанника можетъ отпустить на волю воспитатель, передъ смертью, въ такомъ случаѣ наслѣдники воспитателя теряютъ на него всѣ права; но воспитатель вправѣ и не отпускать такихъ воспитанниковъ или усыновленныхъ на волю, въ такомъ случаѣ они остаются въ качествѣ наслѣдственныхъ крестьянъ. (Сб. Вахтанга 261; ср. варіанты, у Бакрадзе—Сб. законовъ Вахтанга, стр. 78, прим. къ ст. 261). Правовое положеніе воспитанника или подкидыша не строго регламентировано; собственно онъ никакихъ правъ не имѣетъ; права принадлежатъ лишь воспитателю, но законъ ни къ чему его не обязываетъ, все зависитъ отъ личной воли воспитателя, въ такомъ случаѣ мы вступаемъ во худшія сферы взаимоотношеній: когда на одной сторонѣ все, а на другой ровно ничего.

Бракъ на крестьянкѣ ведетъ къ закабаленію человѣка вмѣстѣ съ потомствомъ за тѣмъ господиномъ, кому кресть-

[1]) Пурцеладзе.—Грузинскія крестьянскія грамоты, 114.

[2]) Пурцеладзе. — Гр. крест. грамоты, 125; ср. сборникъ законовъ Вахтанга, стр. 102, прим. Д. Бакрадзе къ ст. 32.

янка принадлежитъ. Однако, грузинскій законодатель опредѣленно объ этомъ не говоритъ, а тѣ состоянія, на которыя указываетъ законодатель убѣждаютъ насъ въ томъ, что женитьба на крестьянкѣ вела къ потерѣ независимости. Старое законодательство Агбуги признаетъ, что если кто нибудь, записавшись за помѣщикомъ, женится на его крестьянкѣ „уже не вправѣ отходить отъ него“; если прежній господинъ такого крестьянина потребуетъ къ себѣ, „то кромѣ его одного, ни жены, ни дѣтей не вправѣ брать“, но законъ не позволяетъ разводить мужа съ женой, но если судъ присуждаетъ вознагражденіе за крестьянку (Агбуги, ст. 73), такой крестьянинъ обязанъ удовлетворить господина „другой порядочной дѣвкой“ (зак. Вахтанга, 262). Такимъ образомъ, несомнѣннымъ должно быть признано то, что женитьба на крестьянкѣ даетъ господину извѣстныя права на личность и потомство крестьянина, право это не можетъ быть признано безусловнымъ, потому что такой крестьянинъ всегда обязанъ удовлетворять интересы господина крестьянки, вышедшей замужъ, или личнымъ непосредственнымъ трудомъ или денежнымъ вознагражденіемъ; какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ помѣщикъ получаетъ матеріальную компесанцію за отчужденіе собственности, выраженной въ данномъ случаѣ въ образѣ крестьянки. Для крестьянки бракъ безусловная потеря зависимости, на нее всегда распространяется правовое положеніе мужа крестьянина, точно также какъ и на ея пототмство. „Кому онъ самъ (крестьянинъ), тому и жена и дѣти его принадлежатъ“. (Зак. Агбуги, ст. 74). Въ справедливости нашихъ предположеній убѣждаютъ насъ еще постановленія армянскаго закона, включенныя въ сборникъ законовъ Вахтанга VI. Если женщина свободнаго состоянія выйдетъ за крѣпостного, то она и дѣти ея становятся крѣпостною господина своего мужа. Законъ предполагаетъ и такіе случаи, когда крѣпостной женился на вольноотпущенной. Господинъ троекратно обязанъ предупредить такую особу относительно послѣдствій подобнаго брака, но если женщина остается непреклонной въ своемъ рѣшеніи, въ такомъ случаѣ она съ дѣтьми своими переходитъ въ собственность помѣщика (Арм. зак., 37, 75, 76). То же самое должно было происходить и въ тѣхъ случаяхъ, когда свободный

человѣкъ, или вольноотпущенный женился на крѣпостной; бракъ съ зависимымъ человѣкомъ ведетъ къ потерѣ самостоятельности по существу тѣхъ привилегій и полномочій, какія вообще принадлежатъ данному лицу.

Самымъ глубокимъ и широкимъ источникомъ крѣпостного права долженъ быть признанъ слишкомъ распространенный обычай пожалованій населенныхъ имѣній, который практиковался въ Грузіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX в., до водворенія русской власти. Въ точности установить размѣры, въ виду неточности жалованныхъ грамотъ, въ смыслѣ количественнаго обозначенія пожалованій; не представляется возможнымъ, однако, пожалованіе стало повседневнымъ явленіемъ. Жалуютъ царь, члены царской фамиліи, церкви, монастыри, представители высшихъ разрядовъ духовенства, жалуютъ крестьянъ богатыя лица; однимъ словомъ, жалуютъ всякъ, кто можетъ. Это такое-то не прекращающееся перетягиваніе крестьянъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Получаютъ пожалованіе имѣніями населенными, или пожалованіе просто крестьянами, церкви, монастыри, крупные и мелкіе чиновники; пожалованіе милость за какія либо заслуги, помощь; жалуютъ по одиночкѣ или цѣлыми группами. Установить какую либо планомѣрность въ практикѣ пожалованій крестьянами невозможно. Случаевъ, поводовъ, основаній пожалованій, а равно правъ, какія распространяются на получившихъ милость -безконечное разнообразіе; мы остановимся на наиболѣе типичныхъ случаяхъ. Въ законахъ мы не находимъ указаній относительно права даренія или пожалованія имѣніями и крестьянами, но грузинское обычное право признаетъ это за царями, царицами, царевичами. (Сб. законовъ, Вахтанга, стр. 379, 381).

Царица Тамара въ 1189 г. пожертвовала крестьянъ съ ихъ имуществомъ Генатскому монастырю [1]), тому же монастырю царь Давидъ въ 1246 — 1250 г. пожертвовалъ 7 дымовъ крестьянъ [2]). Царица Тамара въ 1202 г. — Шіомгвимской обители — 2 дыма крестьянъ [3]). Царевичъ Гіоргій въ

[1]) Жорданія.—Хроники, II, 73.
[2]) ibid. 128—129.
[3]) ibid—79—80—81, 434; гр. 1267—1268 г.—ib.—161.

1669 г. пожертвовалъ одного крестьянина Урбниской церкви [1]). Александръ въ 1578 г.—Алавердской церкви Св. Георгія въ разныхъ деревняхъ 63 дыма крестьянъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и повинностями, кромѣ военной подати; тотъ же монастырь въ 1612 г. получилъ отъ царя Теймураза 37 дымовъ крестьянъ, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ повинностей, кромѣ военной подати [2]).

Бичвинтскій монастырь получилъ отъ владѣтеля Мингреліи Левана Дадіани въ 1628 г. въ Галадцгахъ старый княжескій замокъ и 13 крестьянъ. Крестьяне обязывались ежегодно, въ праздникъ Успенія, представлять припасы для угощенія бѣдныхъ и убогихъ, а священникъ монастыря—служить молебенъ; сверхъ того монастырь получилъ еще 27 дымовъ крестьянъ, всего 40 дымовъ, со всѣми ихъ имуществомъ и повинностями. Л. Дадіани прогналъ жену свою и женился вторично около 1628 г. Чтобы загладить свой грѣхъ, онъ и принесъ упомянутые дары монастырю; монастырь долженъ былъ совершать литургію съ поминовеніемъ жертвователя каждое 15 августа и въ рождественскій постъ [3]). Царь Александръ жалуетъ церкви св. Спаса крестьянина со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и со всѣми повинностями, кромѣ мали [4]). Леванъ Дадіани жалуетъ въ 1636 г. Хонской св. Георгія церкви 1 дымъ крестьянина во здравіе жены своей и за пожеланія преуспѣянія сыну [5]). За избавленіе отъ чумы царь Георгій въ 1688 г.—жалуетъ Манглисской церкви пр. Богородицы выморочныя села Везети, Угудети „съ горами, пахатными и непахатными землями, покосами, мельницею“ и т. п., съ освобожденіемъ почти отъ всѣхъ повинностей и податей; только настоятель церкви долженъ былъ съ 25 дек. совершать литургію за упокой отца его Вахтанга и мать, и молебенъ за здравіе жертвователя съ супругой. Крестьяне должны къ этому дню представить 1 быка, 2 барановъ, 3 коди хлѣба, 4 коки ви-

8b058

[1]) Жорданія—Хроники, II, 483.
[2]) ibid.—439—440; Пурцеладзе.—Грузинскіе церковные гуджары, 13.
[3]) Жорданія—Хроники, II, 448; ibid.—1685 г.—503.
[4]) ibid.—235; ср. 1635 г.—450.
[5]) ibid—451; см. еще грамоту 1602 г.—432, 434.

на (100 бут.), 2 балыка, 5 паръ рыбной грудинки, литръ сыру, масла, 100 яицъ, свѣчей, соли, $2^1/_4$ ф. ладану [1]).

Особенно большія пожертвованія получали монастыри и обители, которые извѣстны были своимъ положеніемъ, отличались подвижничествомъ или выдѣлялись культурной или политической ролью. Въ этомъ отношеніи должны быть отмѣчены монастырь Генатскій, какъ культурно-просвѣтительный центръ и Мцхетская церковь, находящаяся въ центрѣ политической жизни страны. Пожалованія Генатскому монастырю восходятъ къ очень раннимъ періодамъ политическаго существованія Грузіи. Александръ въ 1495 г. пожертвовалъ Генатскому монастырю имѣніе ранѣе принадлежащее какому-то Жоржоладзе и 5 дымовъ крестьянъ [2]), въ 1504 г.—5 дымовъ съ ихъ семьями и со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ [3]), 1568 г.—Георгій 10 дымовъ крестьянъ въ с. Чунеши, купленнаго крестьянина и еще 5 крестьянъ, съ обязательствомъ служить заупокойную литургію въ рождественскомъ посту и въ праздникъ Рождества Христова [4]), Ростомъ въ 1603 г.—церкви и архіепископу Симеону—одного крестьянина; изъ денежной повинности крестьянина въ великомъ посту должны были зажигать по 2 шемахинской свѣчи предъ иконой Хахульской Божьей Матери [5]); въ 1637 г. Гіоргій—Челишскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, въ Баджахъ имѣніе со слугами и казенными землями, тамъ же одинъ дымъ крестьянина, священника Вагамадзе, въ с. Знаква одинъ дымъ крестьянина; настоятель монастыря за это долженъ былъ служить литургію за упокоеніе души царя и царицы и возжигать свѣчу 8-литровую [6]). Не меньшія пожалованія получаетъ и Мцхетская церковь. Въ 1020 г. католикосъ Мелхиседекъ жалуетъ деревни [7]). Царь Багратъ пожаловалъ той

[1]) Пурцеладзе—Гуджары, 8—9.
[2]) Жорданія—Хроники, II—311.
[3]) ibid.—323.
[4]) ibid.—409.
[5]) ibid.—433, 437.
[6]) ibid.—452.
[7]) ibid.—32—33.

же церкви въ 1466 въ Дигоми 2 крестьянъ съ землями [1]), 1433 г. царь Александръ крѣпость Армазъ со всѣми прилегающими къ ней землями и крестьянскимъ на нихъ населеніемъ [2]), въ 1504 г. царь Багратъ — имѣнія и дачи [3]), Леонъ въ 1563 г—16 дымовъ крестьянъ [4]), Багратъ въ 1618 г.—с. Ахалцихъ, съ воспрещеніемъ чиновникамъ входить въ это селеніе съ какими либо требованіями [5]).

Такія же земельныя пожертвованія съ населеніемъ и съ обязательствомъ служить заупокойныя обѣдни и молебны дѣлаютъ монастырямъ и церквамъ представители высшей церковной свѣтской власти на всемъ историческомъ существованіи грузинской церкви [6]).

Очень большой интересъ, какъ по мотивамъ пожалованія, такъ равно по объему имущественныхъ правъ и распоряженія, представляютъ жалованныя грамоты царей лицамъ свѣтскимъ. Въ 1455 г. царь Георгій мегвинетхуцесу (оберъ-шенку) А. Вачнадзе пожаловалъ имѣніе и крестьянъ въ с. Карданахъ, Вардануци, Бакурцихе и др. съ правомъ взыскивать въ свою пользу деньги за примиреніе тяжущихся, за кровь [7]): царь Константинъ „вѣрноподаннымъ“ бр. Джаваховымъ — имѣнія и крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ [8]). „Богомъ вѣнчанный царь царей Луарсабъ пожаловалъ сію бумагу тебѣ усердно и вѣрно намъ служившему А. Амираджиби“ и сыновьямъ его, въ 1613 г., на всѣ имѣнія въ с. Салтубо, Адзвиси, Цагвли, а царь Теймуразъ въ 1622 г. пожаловалъ Бахутову имѣнія и крестьянъ въ Кисисхеви и должность моурава (земское начальство) кисисхевскаго за то, что во время борь-

[1]) Жорданія—Хроники, 288.

[2]) ibid.—239; см. еще грамоту 1442 г., ibid.—253, стр. 261, стр. 281.

[3]) Жорданія, Хроники, II, стр. 320; см. грамоту 1512 г., стр. 330.

[4]) ibid.—405; грамота 1559 г., 1613 г.—стр. 400, 440, 431.

[5]) ibid.—442.

[6]) ibid.—стр. 432, 439, 445 и т. д. См. жалованныя грамоты у Жорданія—Историческіе матеріалы, за гг. 1707, 1708, 1725, 1759, 1760, 1777, 1791, 1792, стр. 22, 23, 24, 84, 106, 107, 132, 161; Жорданія—Хроники, II, 146, 207, 214, 347, 404.

[7]) Пурцеладзе—Дворянскія грамоты, 2; Такайшвили—Грузинскія Древности, II, 38, Жорданія—Хроники, II, 229.

[8]) Пурцеладзе—op. cit.—2; Такайшвили—op. cit. 21, 158, 159, 171, 253.

бы съ персидскимъ шахомъ, когда послѣдній отнялъ престолъ у Теймураза и тотъ бѣжалъ въ Кутаисъ, Бахутовъ отыскалъ и поймалъ подосланныхъ къ царю измѣнниковъ[1]). Царь Ростомъ въ 1637 г. пожаловалъ „вѣрнымъ и вѣрнослужащимъ епископу Мровельскому Іоанну и брату... помѣщику Тактаку“ и наслѣднику его крестьянина съ „пустопорожнею и пахатною землею, садомъ, домомъ, водою, мельницею и лѣсомъ въ вѣчное владѣніе“ [2]); въ 1644 г. онъ же даетъ слѣдующую жалованную грамоту: „отнынѣ до вѣка въ наслѣдство и наконецъ черезъ всякія времена продолжаться имѣющее твердое и непремѣняемое милостивое письмо и грамоту, помиловавъ, пожаловали вамъ, нашимъ вѣрнымъ и по порядку не щадя съ усердіемъ служившимъ подаднымъ, Мачабелу Кулбату и братьямъ твоимъ Заалу и Іоафаму, дѣтямъ и потомкамъ дома вашего всѣмъ“, имѣніе отца и дѣда ихъ, населенное крестьянами [3]). „Царь царей Патронъ Шахнавазъ“ въ 1662 г. жалуетъ „наслѣдственно и на вѣчное время“ „вѣрноподаннымъ“, базіертъ-ухуцесу (оберъегермейстеру) Вахвахишвили и потомкамъ его 5 душъ крестьянъ „со всѣмъ справедливымъ“ ихъ имуществомъ и собственностью [4]). Царь Ираклій въ 1677 г. пожаловалъ „вѣрному подданному своему“. О. Кобулову дер. Кизиль-Углуни, съ правомъ взимать оброкъ и сабалахо (плата за пастбища) и чиновники царскіе туда входить не могутъ, всѣ дѣла разбираются самимъ Кобуловымъ [5]). Назаръ Али-Ханъ, „кахетинскій государь патронъ“, жалуетъ „отъ нынѣ до вѣка черезъ всякія времена продолжаться имѣющую грамоту“ „заслуженнымъ подданнымъ“ Джорджадзе и потомкамъ дома его на крестьянъ и дер. Ахио „съ живущими въ ней людьми, со всѣми принадлежащими къ оной угодьями землею, рѣкою, должною и со всѣми слѣдуемыми изъ оной доходами и махтою (денежный сборъ съ дыма), безъ изъятія, безъ всякаго спора, съ тѣмъ чтобы наши (царя) чи-

[1]) Пурцеладзе—op. cit., 5 Такайшвили—op. cit., 29.
[2]) Хахановъ—Грузинскіе дворянскіе акты, стр. 18, 40, 41.
[3]) ibid.—4, 5.
[4]) ibid.—19, Пурцеладзе, op. cit.—8.
[5]) Пурцеладзе—op. cit.—9,10.

новники до той деревни дѣла не имѣли“ [1]). Пожалованія населенными имѣніями съ весьма широкими правами тянутся до самаго конца XVIII в. и падающее государство все щедрѣе и щедрѣе становится въ своихъ милостяхъ и тѣмъ сильнѣе подтачиваетъ положеніе государства изнутри, усиливая феодальную аристократію и обезсиливая себя [2]). Назаръ Али Ханъ въ 1701 г. пожаловалъ Г. Петріеву „за ревностную службу“, по его просьбѣ, крестьянъ и имѣніе въ с. Корети, Напакисеви, Земоходашени, должность моурава (земское начальство) панкійскаго, тушинскаго, магранскаго; крестьянъ освободилъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и хевиставскаго оброка (хевистави, начальникъ ущелья);—званіе тушинскаго мебалахе (сборщикъ денегъ за пастьбу скота у горскихъ народностей), съ обязательствомъ половину сбора съ 400 дворовъ тушинскихъ вносить въ казну, половину оставлять себѣ [3]). Въ 1764 г. Ираклій пожаловалъ священнику І. Мачаваріани выморочное имѣніе „съ горами, долинами, водою, крестьянами, сабалахо (мѣсто для пастбища скота) и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ“ прежній господинъ[4]). Милости священникъ получилъ за то, что во время борьбы царя съ дагестанцами, лезгинами, онъ „не только исправлялъ обязанности священника, но и сражался наравнѣ съ другими“.

Пожалованіе крестьянъ царемъ и другими лицами, какъ то высшими представителями церкви или свѣтскими людьми одинъ изъ широкихъ источниковъ крестьянства. Естественно, больше всего жаловалъ царь; царь жалуетъ часто за заслуги, снисходя къ просьбамъ и моленіямъ просителей; пожалованіе всегда есть милость, подтверждаемая и возобновляемая спеціальными жалованными грамота-

---

[1]) Хахановъ—op. cit., 17, 16, 22, 37; Такайшвили, II—op. cit.—гр. 1688 г., стр. 105, 151; 1692 г., 107, 111; 1699—1701 г., 263; 1627 г., 377; 1624 г., 408; 1636 г., 411; 1661 г.—1680 г., 88.

[2]) Жалованныхъ грамотъ отъ XVIII в. очень много, см. Такайшвили, op. cit., 1701 г., стр. 443; 1723 г., 320; 1705 г., 448; 1718 г., 509—511.

[3]) Цурцеладзе—op. cit.—13, 16, 17, 18.

[4]) ibid.—21—22.

ми, всегда однообразными по формѣ, и не всегда одинаковыми по характеру жалуемыхъ правъ. Пожалованія церкви, монастырю всегда имѣютъ спеціальную цѣль, пріобрѣсти благословеніе святыни, а выговоренными службами заступничество церкви о спасеніи души. Жалуя имѣніе и крестьянъ, жертвователи отказываются въ пользу получающаго жалованіе отъ всѣхъ или части крестьянскихъ повинностей и работъ. Царскія пожалованія передаютъ большую или меньшую сумму правъ и обязанностей, которыя при другихъ обстоятельствахъ исполняли государственные чиновники. Жалованныя грамоты церкви или свѣтскимъ лицамъ создаютъ въ пользу новыхъ владѣльцевъ иммунитетныя привилегіи, того же типа, какія знала феодальная Западная Европа, объ этомъ мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ [1]).

Жалованныя грамоты для массы крестьянскаго населенія имѣли отрицательное значеніе. Крестьяне жалуются „потомственно“, „на вѣчныя времена“. Такъ какъ жалованныя грамоты строго оффиціальный юридическій документъ, которыя возобновлялись, то естественно онѣ не теряли силы и создавали такую крѣпость отношеній между крестьяниномъ и его владѣльцемъ, что разорвать ее не представлялось возможнымъ. Часто крéстьяне разсчитывали на относительную свободу или были полусвободны, съ значительной возможностью безъ особаго труда добиться ея. Но съ жаполованіемъ такихъ крестьянъ, а пожалованія сопровождались очень и очень часто не однихъ крестьянъ, но съ ихъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, исчезала всякая возможность и достижимость независимости.

Другимъ очень большимъ источникомъ крестьянской зависимости являлась купля-продажа крестьянъ и самопродажа.

Грузинское крѣпостное право знаетъ такіе формальные, писанные юридическіе акты, которые прочно связывали крестьянъ съ помѣщиками. Таковы кабальныя записи, акты на продажу, разсмотрѣнные выше жалованныя грамоты, завѣщанія и др. подобнаго рода документы. Въ числѣ до-

---

[1]) Журналъ Минист. Юстиціи, апрѣль, 1910 г.

кументовъ, укрѣпляющихъ крестьянъ за помѣщиками особенно большое мѣсто занимали правительственныя переписи. Правда, вопросъ этотъ не разработанъ, однако есть полная увѣренность въ томъ, что переписи существовали и служили формальнымъ основаніемъ при всѣхъ спорныхъ случаяхъ по укрѣпленію владѣльческихъ правъ на крестьянъ (Сб. Вахтанга, стр. 382). Письменные документы, на которыхъ базировались, въ случаяхъ спорныхъ, помѣщичьи интересы, а равно давность владѣнія, создавали юридическое понятіе о наслѣдственномъ, зависимомъ, крѣпостномъ крестьянинѣ. „Наслѣдственнымъ крестьяниномъ почитается тотъ, кто родился отъ отца, бывшаго у господина въ крестьянствѣ“ (сб. зак. Вахтанга, зак. Агбуги, ст. 79).

Грузинское право въ принципѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, признаетъ личную свободу низшихъ слоевъ населенія, но de-facto это признаніе есть лишь фикція. При неустойчивости политическихъ отношеній, что обусловливалось постоянными военными столкновеніями съ народами Востока, при отсутствіи строгихъ правовыхъ гарантій вообще; наконецъ, и это самое главное, при матеріальной необезпеченности грузинъ, плѣнникъ, рабъ, крѣпостной, отпущенный на свободу, не могъ сохранить личную свободу; обстоятельства экономическаго и политическаго свойства постоянно вынуждали его искать защиты, покровительства. Слабый только и могъ чувствовать себя въ относительной безопасности у относительно сильнаго; на почвѣ этой неустойчивости и развилась широкая практика стремленій къ заступничеству. Слабый, плѣнникъ, крѣпостной отдаетъ себя, коммендируетъ на разнообразныхъ до безконечности условіяхъ сильнымъ, иммунитетнымъ владѣльцамъ, духовнымъ или свѣтскимъ. Коммендація и связанное съ нимъ закладничество, патронатъ должны составить спеціальную тему изслѣдованія; для нашей цѣли достаточно будетъ остановиться на слѣдующемъ: законы Вахтанга признаютъ коммендацію, какъ опредѣленный юридическій актъ, гарантирующій личности извѣстное правовое положеніе въ странѣ. Если коренной житель или иноземнаго владѣнія придетъ изъ чужихъ краевъ и обратится къ кому либо со словами: „я твоимъ дѣлаюсь крестьяниномъ“ или дастъ слово въ

томъ, то за тѣмъ лицомъ такой субъектъ и долженъ остаться, если даже потомъ попытается выбрать себѣ другого господина [1]) (Сб. зак. Вахтанга). Свободный человѣкъ 20 л. или свободная женщина, того же возраста, отдающіе себя при свидѣтеляхъ въ крестьянство или въ служанки, тѣмъ самымъ теряютъ свою вольность и законъ не можетъ вернуть эту свободу, въ особенности тогда, когда отдающіе себя другому, получили какое нибудь матеріальное вспомоществованіе; такой субъектъ уже становится крестьяниномъ со всѣми связанными съ этимъ положеніемъ условіями. Женщина, отдавшая себя кому-нибудь въ служанки, поступаетъ въ услуженіе новаго господина, который въ правѣ дать ее въ приданое сестрѣ или дочери своей. Если отдающая себя другому лицу женщина не имѣетъ отъ роду 20 лѣтъ, то она не можетъ потерять свободу путемъ комменданціи, по закону она свободна (Сб. зак. Вахтанга, Арм. зак., ст. 32, 33), очевидно недостигшая 20 л., не можетъ взвѣшивать всѣхъ послѣдствій своего поступка. Неизвѣстно распространяется ли подобное ограниченіе и на мужчину; безъ сомнѣнія по смыслу, такая гарантія принадлежитъ и мужчинѣ.

Главная причина, побуждающая свободныхъ людей поступать въ зависимость къ другимъ, становиться крѣпкимъ къ другимъ, матеріальная необезпеченность, бѣдность, сиротство, т. е. такія состоянія въ общественной іерархіи, которыя не могутъ обезпечить свободу, и свобода при такихъ условіяхъ становится иллюзіей. Джанія и сынъ Зурабъ даютъ Г. Корганову, братьямъ его и всему его потомству въ 1672 г. „нерушимую и твердую грамоту“ въ томъ, что они будутъ ихъ наслѣдственными крестьянами. Этотъ документъ настолько типиченъ, что приведемъ цѣликомъ: „бѣдность и голодъ, говорятъ отдающіе себя въ крестьянство, одолѣли насъ до такой степени, что намъ ничего не оставалось какъ погибнуть: хлѣбъ вздорожалъ до того, что кода (2 п. 9 ф.) пшеницы продавалась по одной марчили (60 коп.). Въ это трудное время мы пришли къ вамъ съ нашимъ семействомъ и вы насъ одѣли, обули, выкормили. За это

[1]) M. Brosset. Histoire de la Georgie; introduction, 1858, стр. LXXXII, ср. А. С. Хахановъ—Сборникъ статей, посв. В. О. Ключевскому.

добро мы обязываемся служить вамъ такъ, какъ должны служить своему помѣщику наслѣдственные крестьяне. Кромѣ Бога, никто никакихъ правъ на насъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Если найдется кто нибудь и выкупитъ насъ или дастъ намъ средства откупиться, то тогда я, Джанія, кромѣ выкупныхъ денегъ, отдамъ еще одного изъ сыновей моихъ, кого вы пожелаете, какъ купленнаго крестьянина, въ вознагражденіе вашихъ на насъ расходовъ, а я съ прочимъ семействомъ уйду отъ васъ такимъ же голымъ и голоднымъ, какимъ пришелъ къ вамъ" [1]). Долговая зависимость также толкаетъ свободныхъ людей къ отдачѣ себя въ зависимость другимъ. У Ацкверскаго жителя Б. Патунашвили было много долговъ, уплатить ихъ самъ не могъ; долги ликвидировалъ Г. Тумановъ и этотъ П—ли отдалъ себя съ братомъ и дѣтьми его въ 1712 г. „въ крестьянство, въ качествѣ купленныхъ крестьянъ, потомственно. Мы должны служить вамъ усердно и хорошо", заключаетъ условіе П—ли [2]). Въ 1715 г. Т. Меладзе отдаетъ себя въ крестьянство Н. Мровели, который уплатилъ его долги и обѣщаетъ, что никто, кромѣ Бога, надъ нимъ никакихъ правъ имѣть не будетъ[3]). С. Кирвадзе въ дракѣ убилъ крестьянина Медулашвили, судъ приговорилъ его къ уплатѣ 240 р. пострадавшему, но деньги были уплочены Р. Андроникомъ, поэтому провинившійся „отдалъ себя" А—ву „во крестьянство на вѣчныя времена" [4]). З. Асатуровъ, работникъ Корганова, вступилъ въ незаконную связь съ служанкой своего господина, но, не имѣя средствъ уплатить за кровь, отдалъ себя въ замѣнъ въ крестьянство, потомственно [5]). Г. Магаладзе въ 1787 г. отдалъ себя съ семействомъ въ крестьянство Г. Арешову за то, что послѣдній далъ средства на при-

[1]) Д. Пурцеладзе—Грузинскія крестьянскія грамоты, крѣпостные и судебные акты, грамоты и письма грузинскихъ и персидскихъ царственныхъ особъ (Матеріалы для древней исторіи Грузіи), Тифлисъ, 1882 г., 6, 66; Е. Такайшвили—Грузинскія древности, (на груз. яз.), т. II, Тифлисъ, стр. 146, 407—408.

[2]) Пурцеладзе—Гр. кр. гр., стр. 9.

[3]) Такайшвили—Гр. др, стр. 250, 260.

[4]) Пурцеладзе—op. cit., 57.

[5]) ibid., 8.

данное для дочери М—дзе [1]). Крестьяне А., Г. Налекришвили въ 1774 г., освободившись изъ турецкаго плѣна, не имѣя земли, отдали себя въ крестьяне монастырю Шуамтинскому, надѣясь найти въ немъ защитника и покровителя. Сынъ царя Соломона уплатилъ долги портного Азрумова, а тотъ въ 1781 г. съ дѣтьми и женой отдается въ крестьянство [2]). Священникъ Маркъ былъ выкупленъ Бобдійскимъ монастыремъ въ 1763 г., пожалованъ землей церкви св. Додона, и онъ отдаетъ себя монастырю съ обѣщаніемъ принадлежать потомственно монастырю [3]). Также потомственно и съ обязательствомъ вѣчной службы отдаютъ себя въ 1784 г. Сахуашвили съ сыновьями церкви св. Іоанна Крестителя, а въ 1791 г. пришедшій изъ Имеретіи—монастырю св. Давида[4]).

Отдающіе себя въ крестьянство иногда не указываютъ обстоятельствъ, которыя вынудили ихъ отказаться отъ свободнаго состоянія; часто объясняютъ свои дѣянія „добровольными“ побужденіями, но это только фигуральныя выраженія, подъ которыми скрываются причины болѣе общаго характера, экономическаго или юридическаго. Т. Георгишвили пришелъ изъ другихъ странъ въ Тифлисъ; не имѣя помѣщика, „пожелалъ поступить“, подъ „покровительство“ С. Туманишвили и передалъ себя въ крестьянство съ дѣтьми и племянникомъ въ 1794 г.[5]). Отецъ Д. Тамалели переселился изъ Джавахетіи въ Карталинію, жилъ батракомъ, но „эта временная и непостоянная жизнь надоѣла“ ему и въ 1782 г. сталъ крестьяниномъ Ив. Мухранскаго [6]). Хатишвили остался послѣ смерти отца грудным младенцемъ, когда подросъ, пожелалъ имѣть господина и „по своей волѣ“ отдалъ себя въ 1794 г. въ крестьяне Мелику Аветику, съ обязательствомъ „служить какъ обыкновенно служатъ добровольные крестьяне“ [7]). Двое братьевъ сиротъ жертвуютъ себя ок. 1780 г.

---

[1]) Пурцеладзе, op. cit., 49.

[2]) Жорданія—Историческіе документы монастырей и церквей Карталиніи и Кахетіи, стр. 135—136.

[3]) ibid., 111.

[4]) ibid., 148, 160.

[5]) Пурцеладзе—op. cit., стр. 59.

[6]) ibid., 40.

[7]) ibid., 59.

монастырю Св. Давида Гареджійскаго, какъ будущему защитнику и покровителю [1]); Г., І. и П. Каноновы, сироты, „прибѣгая подъ покровительство“ царицы Дареджаны, отдаютъ ея себя въ крестьянство въ 1787 г., просятъ „милости быть нашимъ защитникомъ“ и „милостію“ своею дать имъ „существованіе“ [2]).

Отдающіе себя въ крестьянство обязываются служить своему будущему господину такъ, „какъ должны служить крестьяне своему господину“, или такъ, какъ служатъ другіе крестьяне господина. Они не признаютъ надъ собой никакой другой власти, кромѣ власти Бога; они обязываются не имѣть другого „патрона и покровителя“, кромѣ избраннаго. Б. Мусхелишвили отдаетъ себя двоюродному брату, съ „этого времени, говоритъ онъ, души и тѣла наши мы вручаемъ тебѣ“.

Принявшіе такихъ коммендировавшихъ себя крестьянъ и слугъ, принимаютъ въ то же самое время нѣкоторыя обязательства, они должны ищущихъ у нихъ зависимости и покровительства „кормить, одѣвать, и похоронить, какъ своихъ родныхъ дѣтей“, поступать съ ними „законно и справедливо“, „не употреблять насилія“, „не дѣлать неправды и не мстить“, быть милостивымъ и никакими способами не обижать ихъ [3]). Въ свою очередь лицо принявшее крестьянина или слугу имѣетъ право на трудъ его, можетъ селить, гдѣ господину угодно будетъ; надѣляетъ его инвентаремъ и землей, оказываетъ денежную или какую либо иную помощь. Объемъ власти, который получаетъ господинъ надъ отдавшимися крестьянами не всегда одинаковъ и зависитъ отъ каждаго частнаго, даннаго случая; оговорки иногда дѣлаются, но онѣ едва ли имѣли практическое значеніе, ибо поступая въ число помѣщичьихъ крестьянъ, отдавшіе себя добровольно, не составляли особой категоріи среди крестьянъ, а сливались съ ними, составляя одну нераздѣльную группу зависимыхъ, крѣпостныхъ. Отда-

1) Жорданія—Истор. док., стр. 127.

2) А. С Хахановъ—Груз. дворянскіе акты, и родословныя росписи, стр. 36.

3) Пурцеладзе—op. cit., стр. 49, 52, 57, 30; Жорданія—op. cit., стр. 17, 18

ются обыкновенно чаще „въ качествѣ купленныхъ крестьянъ“ и въ такомъ случаѣ они ближе къ рабскому положенію“; рѣже въ „качествѣ пожалованныхъ“. Купленный крестьянинъ-рабъ; купленные крестьяне въ общей массѣ помѣщичьихъ крестьянъ едва ли въ дѣйствительности, въ жизни, выдѣлялись въ особую правовую группу. Въ концѣ XVII, XVIII в. нельзя установить отличій въ правовомъ положеніи крестьянина купленнаго, пожалованнаго, и просто наслѣдственнаго.

Отдающія себя обыкновенно передаются потомственно, „на вѣчныя времена“. Наиболѣе любопытнымъ является то обстоятельство,, что отдающія себя въ крестьянство выдаютъ письменныя обязательства съ указаніемъ на мотивы дѣйствій, съ перечисленіемъ гарантій, которыя сохраняются въ обезпеченіе интереса отдающаго себя субъекта. Письменныя обязательства однообразны; при заключеніи ихъ присутствуютъ свидѣтели, нерѣдко и чиновники, и тѣ и другіе упоминаются въ концѣ документа. Эти оффиціальныя обязательства дѣлали болѣе прочнымъ коммендацію, поскольку права и обязанности сторонъ были строго документально обоснованы и не допускали возможности спорныхъ толкованій.

Помѣщику принадлежатъ большія права надъ жизнью, личностью и имуществомъ крестьянина. По законамъ Вахтанга все, кромѣ души крестьянина, принадлежитъ помѣщику. Конечно, этого утвержденія нельзя понимать буквально; какъ ни сурово было законодательство грузинское въ отношеніи къ грузинскому крестьянину, однако оно признавало нѣкоторыя личныя и имущественныя права крестьянина и, по мѣрѣ возможности, старалось обезпечить за крестьяниномъ эти права; въ защиту крестьянина становилась церковь, и своимъ авторитетомъ пыталась охранять его личныя права, но то обстоятельство, что сама церковь выступала въ качествѣ владѣтельницы крестьянъ, въ значительной степени облабляло степень вліянія церкви по пути защиты личности крестьянина отъ безправнаго положенія. Такимъ образомъ, права помѣщика были настолько широки и растяжимы, что они перекрывали тѣ гарантіи, которыя давало грузинское право крестьянину и грани эти т. е. между правомъ крестьянъ и таковымъ же помѣщиковъ, были настолько неясны, что онѣ

совершенно стушевывались и все болѣе складывалось въ пользу сильнаго, помѣщика. Въ теоріи законъ обязывалъ помѣщика „содержать своихъ рабовъ приличнымъ образомъ, хотя бы они были не христіане“ (Греч. законы сб. Вахтанга, ст. 159), но это было идеальное пожеланіе, а дѣйствительность была слишкомъ далека отъ этого. Законъ признаетъ справедливымъ вознагражденіе за кровь крестьянина; удовлетвореніе это состояло въ уплатѣ быковъ; за „смертоубійство крестьянина взыскивалось 60 быковъ или коровъ“ (Сб. Вахтанга ст. 18); ст. 33 уравниваетъ вознагражденіе крестьянина и купца четвертаго класса, опредѣляя то въ размѣрѣ 120 р.; вознагражденіе за нанесенную рану измѣряется ячменнымъ зерномъ; на каждое зерно крестьянину кладется по одной коровѣ, оцѣниваемой въ 2 рубля, это минимальная расцѣнка; тогда какъ слугѣ это зерно считается въ 4 рубля, а первому князю въ 25 р.; право на вознагражденіе крестьянина признаетъ и болѣестарое законодательство Агбуги (Сб. Вахтанга, ст. 49; Агбуги, ст. 12, 21). Изъ статей закона не видно получаетъ ли это вознагражденіе крестьянинъ или господинъ его, потому что по смыслу законодательства Вахтанга вредъ причиняемый крестьянину есть матеріальный ущербъ для господина крестьянина. Мы склонны думать, что вознагражденіе идетъ помѣщику если не цѣликомъ, то частью, по крайней мѣрѣ, Косвенно въ этомъ насъ убѣждаетъ ст. 52: „кто нападаетъ на крестьянина, близъ своего господина живущаго, тотъ долженъ сдѣлать ему за каждое смертоубійство и за каждую рану двойное удовлетвореніе.... а помѣщику обязанъ заплатить половину слѣдующаго ему за кровь удовлетворенія“. Въ особомъ положеніи ниходились крестьяне Ломисской церкви, пожертвованные царями или другими лицами; за убійство этихъ крестьянъ положено было взыскивать 1500 серебренниковъ (Сб. Вахтанга, зак. Георгія, ст. 42).

Законъ запрещаетъ лишать жизни своего крестьянина или слугу; крестьяне впавшіе въ какое-либо уголовное преступленіе предаются законному, а не помѣщичьему суду; равно владѣлецъ не вправѣ причинять своимъ крестьянамъ физическихъ страданій; кто выбьетъ глазъ или зубъ слугѣ или служанкѣ, то такія пострадавшія лица обязательно

должны быть отпущены на волю. „Если слуга иновѣрецъ и непослушенъ, то его лучше продать а не тиранить“ (Сборн. Вахт., Арм. зак., ст. 28, 214).

Грузинскій законъ особенно ревниво охраняетъ крестьянскую семейную честь отъ покушеній со стороны помѣщика. „Если крестьянинъ заставши господина своего, лежащаго съ женою своею, днемъ или ночью, убьетъ его, то не подвергается никакому взысканію за кровь, *сколь бы знатенъ господинъ его ни былъ*“ (Сб. Вахт., ст. 42). Крестьянину принадлежитъ нѣкоторое право самообороны въ тѣхъ случаяхъ, когда на крестьянина покушается не его господинъ; „если кто стремится убить кого не принадлежащаго ему въ крестьянство“, а крестьянинъ, предупредивъ вторичный ударъ, ранитъ или убьетъ нападателя, то никакому взысканію не подвергается, „ибо онъ, боясь смерти, защищался отъ него: довольно и того, что и одинъ ударъ перенесъ“ (ibid., 42).

Вообще законъ старается защитить интересы крестьянина, какъ личные, такъ равно интересы связанные съ дальнѣйшимъ его матеріальнымъ благополучіемъ; ограничивая личную расправу помѣщика надъ крестьяниномъ, законъ воспрещаетъ „изнурять крестьянъ излишнею работой“: если чрезъ такія работы наступитъ смерть крестьянина, то на помѣщика падаетъ обязанность удовлетворить дѣтей умершаго или родственниковъ, въ случаѣ отсутствія дѣтей; но исходъ изнурительныхъ работъ не всегда можетъ быть такимъ печальнымъ; если у пострадавшаго будетъ повреждена рука, нога, глазъ или зубъ, то виновный обязанъ удовлетворить за поврежденный членъ, пользовать пострадавшаго черезъ лекарей и вознаградить за все потерянное время (Сб. Вахтанга, Арм. зак., ст. 185). Можетъ случиться, что скотина повредитъ лицо, руку или какой нибудь другой органъ крестьянина; судья дознавъ объ этомъ, долженъ удовлетворить крестьянина „сообразно съ его состояніемъ“, т. е. хозяинъ скотины обязанъ уплатить пострадавшему какъ стоимость леченія, такъ и за то количество дней, въ теченіе которыхъ пострадавшій не работалъ (ibid., греч. зак., ст. 67). Равнымъ образомъ, кто принудитъ наемника, крестьянина „взлѣзть на дерево для сбиванія плодовъ, переправиться черезъ рѣку, сѣсть на бѣшенную лошадь“ и въ результатѣ

этихъ лицъ постигнетъ смерть, то помѣщикъ, повинный въ этомъ, подвергается взысканію „какъ за умышленное смертоубійство, особливо, если онъ, сверхъ обыкновенныхъ и установленныхъ работъ, возлагалъ на него что-нибудь лишнее“ (Сб. Зак. Вахт.). Крестьянинъ имѣетъ имущественную собственность, на которую распространяется право распоряженія; собственность эта, повидимому, была не только движимая, но и недвижимая; обокраденный вознаграждается вообще штрафнымъ взысканіемъ „всемеро противъ покраденнаго“, если лицо пострадавшее крестьянинъ, то ему „возвращается украденное вдвое, а остальное затѣмъ поступаетъ въ казну“; внѣ всякаго сомнѣнія, что за крестьяниномъ признается право собственности (зак. Вахт., ст. 154). Крестьянинъ, построившій въ горахъ домъ и удобрившій землю, получаетъ въ собственность все, что создано трудами его рукъ, и такая собственность обращается въ потомственное достояніе (ibid., Арм. зак., ст. 430), на этомъ основаніи крестьянинъ можетъ выпросить себѣ землю и стать полноправнымъ хозяиномъ, безъ права посторонняго вмѣшательства; по крайней мѣрѣ, обычное право признаетъ такое неограниченное, полное крестьянское владѣніе; Р. Бараташвили далъ своему наслѣдственному крестьянину, согласно его просьбѣ, въ 1700 г., имѣніе умершаго бездѣтно родственника „съ пахатными и непахатными землями, потомственно“ и „никто же не имѣетъ права отобрать“ ихъ у крестьянина [1]). Въ справедливости предположеній убѣждаютъ насъ другія ст. законовъ Вахтанга; если крестьянинъ получалъ отъ господина землю съ садомъ, пашней, находившейся въ залогѣ, то имѣлъ право выкупить заложенныя статьи. Если законъ признавалъ за крестьяниномъ право собственности, то въ это право входила возможность свободнаго распоряженія собственностью, вплоть до передачи имущества по наслѣдству, если завѣщаніе было ими сдѣлано „при достовѣрныхъ 5 или 7, по крайней мѣрѣ, 3-хъ свидѣтеляхъ“ (Сб. Вахт., греч. зак., ст. 127).

Такимъ образомъ, есть нѣкоторыя основанія утверждать, что грузинское законодательство сборника Вахтанга, особен-

[1]) Цурцеладзе—Грузинскія крестьянскія грамоты, стр. 7.

но тѣ статьи сборника, которыя взяты изъ иноземнаго законодательства признаютъ за крестьяниномъ нѣкоторыя имущественныя и личныя права, въ предѣлахъ которыхъ они пользовались значительной свободой и независимостью распоряженій. Но намъ кажется, что такое законодательное признаніе было только въ идеалѣ, или въ лучшемъ случаѣ, это право относится къ тѣмъ временамъ, когда грузинское крестьянство не утратило окончательно своей свободы и независимости, но когда оно стало крѣпкимъ на основаніи формальныхъ юридическихъ записей за помѣщиками, а это случилось уже очень рано, тогда власть помѣщичья мало считалась съ этими ограниченіями, а принудить ихъ соблюдать законъ правительство, при слабомъ развитіи государственныхъ органовъ и при сильномъ значеніи элементовъ обычнаго права, не могло. Поэтому болѣе достовѣрнымъ, т. е. соотвѣтствующимъ дѣйствительности, будетъ признаніе за помѣщичьей властью широкихъ правъ, какъ надъ личностью, имуществомъ, такъ и собственностью крестьянина, когда крестьянинъ являлся объектомъ, а не субъектомъ права. Разсмотрѣніе соотвѣтствующаго фактическаго матеріала съ очевидностью убѣдитъ насъ въ этомъ.

Права помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крестьянина были обширны. Но въ виду отсутствія строгой законной регламентаціи это право далеко переходило за предѣлы дозволеннаго; а потому не всегда возможно установить эти предѣлы. Нѣкоторые изъ изучавшихъ грузинское крѣпостное право высказывали мнѣніе, совершенно не обосновывая его, о мягкихъ формахъ крѣпостныхъ отношеній, склонны были говорить о своеобразной гуманности нормъ, регулирующихъ отношеніе между крѣпостными и помѣщикомъ. Но такое предположеніе не находитъ рѣшительно никакого основанія въ тѣхъ скудныхъ документальныхъ данныхъ, которыя намъ уже извѣстны и есть основаніе предполагать, что со временемъ, когда будетъ извлечено больше архивныхъ матеріаловъ изчезнутъ толкованія о своеобразіи въ положеніи грузинскаго крѣпостного населенія. Косвенное доказательство мы находимъ въ нѣкоторыхъ любопытныхъ грамотахъ; въ 1802 г. К. Абашидзе далъ крестьянину своему С. Двали, брату его и потомкамъ его письмен-

ное обязательство въ томъ, что они въ награду за усердіе и преданность помѣщику не будутъ „ни проданы, ни арестованы, ни ограблены“ [1]). Очевидно, не рѣдки были подобныя отношенія помѣщика къ крестьянину, если помѣщикъ снисходитъ до такой „милости“; если такъ было въ началѣ XIX в., то въ болѣе раннія эпохи, при большой грубости нравовъ, положеніе вещей должно было быть еще хуже. Отношенія къ крестьянамъ въ эпоху крѣпостного права мало были проникнуты любовью и человѣчностью. Наоборотъ, когда дѣло касалось крестьянскихъ провинностей, отношеніе къ нимъ власти было весьма суровое. Монахъ Портаитскаго монастыря Григорій, въ 1775 г. жаловался на неповиновеніе монастырскихъ крестьянъ; въ отвѣтъ на жалобу царь приказалъ Кизикскому моураву „принять на себя лично обязанность есаула въ отношеніи ослушниковъ, и, по указанію монаха, *высѣчь* тѣхъ изъ нихъ, *кого онъ пожелаетъ, чтобы были высѣчены*, арестовать тѣхъ, кого онъ желаетъ, чтобы были арестованы; надѣть кандалы на тѣхъ, на кого онъ хочетъ, чтобы они были надѣты; *разори того, кого онъ хочетъ, чтобъ былъ разоренъ; отними скотъ и имущество* у того, у кого онъ хочетъ, чтобы все это было отнято; очень строго поступай съ ослушниками и приведи ихъ въ полное послушаніе и покорность“ [2]).

Помѣщикъ „не имѣетъ права казнить своего крестьянина безъ царя“. О преступленіяхъ, достойныхъ наказанія, каждый обязанъ довести до свѣдѣнія царя и только съ разрѣшенія царя таковое можетъ быть произведено. Если помѣщикъ „убьетъ или изувѣчитъ своего крестьянина за какое-либо преступленіе, тотъ заслуживаетъ *гнѣвъ царя или католикоса*“, но гнѣвъ этотъ не есть что либо опредѣленное, а отвѣтственность помѣщика доводится до значительнаго облегченія и здѣсь особенно выступаетъ несоразмѣрность отвѣтственности крестьянина и помѣщика. Законъ болѣе оберегаетъ помѣщика, чѣмъ крестьянина. Въ тѣхъ случаяхъ, если помѣщикъ казнилъ или увѣчилъ крестьянина, то ни самъ крестьянинъ, ни его наслѣдники не могли

[1]) Пурцеладзе—Грузинскія крестьянскія грамоты, 109.
[2]) Пурцеладзе—Груз. крест. грамоты, 27,28.

требовать удовлетворенія отъ помѣщика, очевидно, какая либо посторонняя власть, ибо вообще крестьянинъ къ помѣщику претензій предъявлять не имѣлъ права. Помѣщикъ обязанъ удовлетворить родственниковъ крестьянина, согласно установленному размѣру вознагражденія, когда „господинъ убьетъ неумышленно невиннаго крестьянина“. Крестьянинъ изувѣченный господиномъ за преступленіе, пожелавшій остаться у помѣщика имѣетъ право получить удовлетвореніе за кровь, и господинъ „обязанъ оставить за нимъ имѣніе его“; если желанія остаться у помѣщика крестьянинъ не проявитъ, то „волент отойти отъ него со всѣмъ семействомъ своимъ, навсегда свободенъ отъ всякаго притязанія со стороны своего господина, ибо кровью своею выкупленъ отъ него“. Братья и родственники казненнаго господиномъ крестьянина съ семействомъ освобождаются отъ помѣщичьей власти, только увѣчье крестьянина, причиненное помѣщикомъ уже не освобождаетъ его крестьянъ. (Сб. Вахтанга, 95). Очевидно, приведенныя нормы пытаются предупредить возможное грубое проявленіе помѣщичьей воли и если законъ говоритъ о подобныхъ явленіяхъ, то ясно, что они занимали извѣстное мѣсто въ жизни, дѣйствительности. Съ крестьянина убившаго или ранившаго своего господина нельзя опредѣлить удовлетворенія за кровь, потому что все „что только есть у крестьянина и безъ того принадлежитъ его господину“; въ случаяхъ, когда крестьянинъ въ состояніи заплатить за кровь, судья долженъ удовлетворить господина за счетъ крестьянина, „отнюдь не называя удовлетвореніемъ за кровь“. Отвѣтственность крестьянина въ подобныхъ проступкахъ не проходитъ безслѣдно для него, наоборотъ, царь долженъ пожаловать „господину такую грамоту на преступнаго крестьянина, чтобы онъ крѣпче купленнаго сдѣлался“, т. е. крестьянинъ становился на положеніе раба съ ограниченіемъ права помѣщика казнить или увѣчить крестьянина, но помѣщикъ не ограничивается „въ распоряженіи движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ крестьянина“. Въ другомъ случаѣ крестьянинъ подвергался болѣе сильной отвѣтственности; за побои господина крестьянинъ повиненъ „лишиться руки или заплатить господину цѣну оной, а за личное ругательство въ ярости ли-

шиться языка или заплатить цѣну онаго“ (Сб. Вахтанга, ст. 258, 259 Ср. Арм. законы, ст. 28).

Помѣщики за преступленія и проступки могли штрафовать своихъ крестьянъ, наказывать тѣлесно „палочными побоями“ (Сб. Вахтанга, Обычаи, ст. 71). Суровѣе отношеніе греческихъ законовъ къ проступкамъ крестьянъ касательно жизни и чести помѣщика; точка зрѣнія какъ въ собственно грузинскихъ законахъ, такъ и въ греческихъ въ сборникѣ Вахтанга одинакова: покушеніе на помѣщичью жизнь или честь весьма тяжкое преступленіе; греческіе законы различаютъ спеціальные случаи, тогда какъ грузинскіе законы говорятъ вообще. Крѣпостной или вольноотпущенный, отравившій господина или госпожу, наказывается смертной казнью вмѣстѣ съ лицомъ доставившимъ ядъ, обезглавленіемъ. Убившій господина своего или лицо услышавшее голосъ господина и не оказавшее помощи, или знавшій объ измѣнѣ и не предупредившій, равно кто изъ господскихъ людей, зная о любовной связи госпожи, не объявитъ о томъ или будетъ содѣйствовать ей, подвергаются сожженію. (Сб. Вахтанга, греческ. законы, ст. 171, 172, 360).

Помѣщикъ полный хозяинъ надъ личностью и имуществомъ крестьянина. При дѣлежѣ между братьями, имѣющими крестьянъ, одинъ изъ нихъ отдается старшему брату за старшинство, а прочіе дѣлятся уже поровну (Сб. Вахтанга, зак. Агбуги, ст. 154, 103, 104) [1]). За долги неисправнаго плательщика отвѣчаютъ крестьяне: чрезъ продажу имѣнія и крестьянъ удовлетворяютъ заимодавцевъ (Сб. Вахтанга, Обычаи, стр. 369, ст. 13). Послѣ смерти крестьянина купленнаго, не оставившаго сыновей „все имущество его принадлежитъ болѣе помѣщику“, но помѣщикъ обязанъ дать содержаніе женѣ и дочери, а также на похороны; имущество пожалованнаго крестьянина, который получилъ имѣніе отъ помѣщика, болѣе принадлежитъ женѣ и дочери. Если у крестьянина не останется ни жены, ни дѣтей, то все имѣніе переходитъ къ помѣщику. Послѣ смерти мужа, не оставившаго никого, кромѣ жены, послѣдняя получаетъ помощь отъ господина на похороны, получаетъ обратно приданое и пред-

[1]) Такайшвили.—Грузинскія Древности, II, 483, 505, 507.

брачный залогъ, но никакого участія не принимаетъ въ недвижимомъ имѣніи, даже если это имѣніе было куплено умершимъ крестьяниномъ. Вдова можетъ выйти замужъ вторично, но ничего, кромѣ приданаго не получаетъ; если останется вдова съ сыномъ, то въ такомъ случаѣ имѣніе принадлежитъ сыну. (Сб. Вахтанга, ст. 231, 248). Законъ признаетъ помѣщика безусловнымъ собственникомъ крестьянской земли; если помѣщики оставляли за дѣтьми мужескаго пола имѣніе, которымъ пользовался отецъ, то это не право крестьянскихъ дѣтей, а только милость, проявляемая помѣщиками по отношенію къ крестьянамъ. Имущество сохранялось владѣльцемъ земли за крестьянскими вдовами, но всегда это являлось слѣдствіемъ особаго ходатайства со стороны вдовъ, въ такихъ случаяхъ онѣ принимали на себя обязательства не только обрабатывать землю, но исполнять всѣ лежавшія на помѣщичьей землѣ повинности; помѣщикъ единственно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы кто нибудь сидѣлъ на землѣ, но кто именно сидѣлъ на землѣ, это значенія для помѣщика не имѣло. Въ 1780 г. архимандриту Давидо-Гареджійскаго монастыря даетъ письменное условіе вдова Елена, потерявшая сына, что она будетъ исполнять всѣ монастырскія повинности и работы, которыя будутъ падать на ея землю и безъ согласія архимандрита обѣщается никого не сажать на монастырскую землю, ни переходить къ кому нибудь въ крестьянство [1]). Такимъ образомъ, за помѣщикомъ признается полное право собственности, все равно будетъ ли владѣльцемъ имѣнія свѣтскій помѣщикъ или духовное лицо, церковь или монастырь; только наслѣдники, въ особенности крестьянская вдова, получаютъ право пользованіи при исполненіи всѣхъ повинностей и работъ [2]). Помѣщикъ, какъ полный собственникъ крестьянской земли, жилища, можетъ продать послѣднія „съ людьми или безъ оныхъ“ (Сб. Вахтанга, зак. Агбуги ст. 57).

Помѣщичій крестьянинъ, его личность находится въ непосредственной зависимости отъ господина; установить

[1]) Жорданія—Историческіе матеріалы, стр. 126.

[2]) Жорданія—Истор. матеріалы, документъ 1749 г., ст. 237—241.

точные предѣлы помѣщичьей власти надъ личностью грузинскаго крестьянина не поддается возможности, но на нѣкоторыя стороны этой власти указать можно. Правда, какъ выше было уже отмѣчено, помѣщикъ не имѣлъ права казнить и увѣчить крестьянина, но за вычетомъ всего этого оставалось широкое поле дѣятельности для помѣщика. Прежде всего помѣщикъ имѣлъ надзоръ за крестьянскими браками, при выходѣ замужъ дѣвицы взыскивали со стороны жениха въ пользу помѣщика, по 6 абазовъ, 2 р. и 3 р.; при выходѣ замужъ вдовы женихъ уплачивалъ въ пользу помѣщика, по достоинству вдовы, такъ называемое *сакврило*, отъ 5 до 50 р., сумма по тому времени не малая (Сб. Вахтанга, Обычаи, стр. 380, ст. 65). Законъ обязываетъ предоставить волю вдовамъ выходить замужъ по своему личному выбору, но разъ добровольное рѣшеніе состоялось, „женихъ долженъ дать за нее, хороша ли она или дурна одного быка и одинъ марчилъ господину ея". (Сб. Вахтанга, ст. 203). Всякія попытки нарушенія этой нормы являлись предметомъ судебнаго разбирательства, что разрѣшалось въ пользу помѣщика. Одинъ помѣщикъ жаловался въ 1763 г., что въ с. Зіари Ив. Алхазишвили женился на вдовѣ его крестьянина, взялъ къ себѣ и сына ея, рожденнаго въ крѣпостной зависимости до вторичнаго замужества и „ни за вдову онъ ничего мнѣ не платитъ, жалуется помѣщикъ, и ни сына моего крестьянина не возвращаетъ", по приказанію царя, съ Алхазишвили взыскали плату за право выхода замужъ вдовы; а мальчика возвратили помѣщику, какъ рожденнаго до второго замужества крестьянки въ имѣніи помѣщика; т. е. потомство крестьянина собственность помѣщика и мать вдова, выходящая замужъ вторично, теряетъ права на сына [1]). Такъ какъ дѣти умершаго крестьянина собственность помѣщика, то законъ (Са. Вахтанга, 203) предписываетъ вдовамъ возрастить и пристроить ихъ; сынъ все равно остается за помѣщикомъ, но дочь можно пристроить, выдавъ ее замужъ. Но помѣщики не такъ просто смотрѣли на вещи и часто склонны были удерживать крестьянскихъ дѣвушекъ, оставшихся безъ отца за собой. „Помѣщику не слѣдуетъ обращать ихъ (дѣ-

[1]) Пурцеладзе—Груз. крестьянскія грамоты, 16—18.

вушекъ) въ своихъ служанокъ", говоритъ законодатель, но такое увѣщаніе, обращенное къ сердцу помѣщика едва ли могло оказать достаточное воздѣйствіе на своеволіе помѣщичьей власти. Если только некому было призрѣть дѣтей, то естественно эта обязанность падала на помѣщика-господина, которому „предоставляется возрастить ихъ, выдать замужъ или обратить въ своихъ служанокъ". Законъ не выражаетъ точно и категорически своей мысли; тотъ или другой образъ поведенія „предоставляется" доброй волѣ помѣщика. Благія пожеланія закона были на руку помѣщикамъ, которыя, пользовались неопредѣленностью закона и обращали такихъ сиротъ дѣвушекъ въ число дворовыхъ слугъ своихъ.

Свои права надъ крестьянами и ихъ дѣтьми грузинскіе помѣщики простирали очень далеко. Въ 1802 г. помѣщикъ Микеладзе требовалъ отъ крестьянъ Д. и И. Лежава служанку, но крестьяне отказались исполнить требованіе помѣщика, послѣдній попытался силой взять дѣвку, но крестьянамъ удалось доказать неосновательность претензій помѣщика и только тогда онъ далъ письменное удостовѣреніе: „ни я, ни наслѣдники мои, никогда не будутъ требовать отъ васъ женской прислуги" [1]). Вдова Мгалоблишвили имѣла купленную дѣвушку, которая безъ ея согласія вышла замужъ, тогда помѣщица пожаловалась въ 1798 г. царицѣ; по постановленію царицы, у купленной сбѣжавшей крестьянки Мгалоблишвили приказали отнять 7-ми лѣтнюю дочь и отдать помѣщицѣ; послѣдняя воспитывала дѣвушку, но мать украла и выдала замужъ ее. Мы не знаемъ чѣмъ кончилось это дѣло, но оно очень хорошо характеризуетъ печальное, безправное положеніе личности грузинскаго крестьянина. Самымъ разительнымъ доказательствомъ угнетеннаго положенія грузинскаго крестьянина служитъ своеобразный обычай расплатъ за личную и имущественную обиду крестьянъ. Крестьянскими душами измѣряется тяжесть оскорбленія [2]). За кровь людей высшихъ классовъ „должны принимать удовлетвореніе...деньгами, золотомъ, серебромъ, мѣдью, крестьянами, имѣніямъ, плѣнниками и оружіемъ" (Сб. зак. Вахтанга, ст.

[1]) Пурцеладзе.—Кр. гр., 109.

[2]) Жорданія—Хроники, II, 339; док. 1519 г.

21, 22. Законы Агбуги, 99). Крестьянинъ наравнѣ съ другими предметами или вещами является разсчетной единицей, только намъ неизвѣстно какъ расцѣнивалась каждая крестьянская душа; знаемъ только, что „за безчестіе такого мѣста, гдѣ для общественнаго богомолія поставленъ образъ Спасителя, полагается взысканіе 30 чел. крестьянъ“ а гдѣ другихъ святыхъ 12; (Сб. законовъ Вахтанга, зак. Агбуги, ст. 122). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ свободнаго распоряженія личностью крестьянина право на личность и собственность крестьянина свободно и безпрепятственно перемѣщалось изъ однѣхъ рукъ въ другія; такія перемѣщенія допускались закономъ, но жизнь эту правовую норму значительно раздвинула и переступила чрезъ дозволенныя грани и обратила крестьянина въ объектъ всевозможныхъ видовъ и формъ распоряженія вплоть до широкой практики продажи врозь и группами Нѣкто Сехніа, принадлежащій Д. Давришвили разобралъ конюшню Корганова и вывелъ оттуда скотъ; по опредѣленію суда, Д. Давришвили отдалъ своего человѣка потерпѣвшему, присовокупивъ къ тому краснорѣчиво: „если хочешь, то имѣй его (Сехніа) у себя, какъ крестьянина, а если не хочешь, то получай отъ него вознагражденіе. Словомъ: поступай съ нимъ какъ хочешь, я отъ него отказываюсь“, 1769 г. [1]). Крестьянъ обмѣниваютъ на различные предметы, на домашнихъ животныхъ. Юридическая основательность этихъ операцій внѣ сомнѣній, ибо таковыя санкціонируются судебными рѣшеніями или просто царскими распоряженіями. В. Кахидзе нѣкто Эристовъ обѣщалъ за лошадь дать человѣка; ни отецъ, ни сынъ, не сдержали обѣщанія, а потому К. принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ царю Соломону въ 1803 г., царь письменно обратился къ Эристову: „надо или возвратить лошадь ему (Кахидзе) или же отдать ему за нее человѣка. *Знай это*“ [2]). Въ 1676 г. Д. Пиланхосрошвили далъ „волею Божіею и помощію“ П. Гостабашишвили крестьянина Техіашвили „со всѣмъ его имѣніемъ и забойкою для лова мелкой рыбы“ и взамѣнъ получилъ мельницу [3]).

[1]) Пурцеладзе.—Гр. крестьянскія грамоты, 23.

[2]) ibid.—111.

[3]) ibid.—7.

Особенно широкое распространеніе получилъ въ Грузіи залогъ крестьянъ. Крестьянъ помѣщики отдаютъ въ обезпеченіе долга свѣтскимъ лицамъ, духовнымъ или церкви. На время нахожденія крестьянъ въ залогѣ кредиторы получаютъ право пользованія трудомъ крестьянъ; трудъ крестьянъ въ однихъ случаяхъ является процентомъ на занятый капиталъ; но чаще всего крестьяне въ залогѣ являлись какъ бы гарантіей въ аккуратномъ исполненіи обязанностей кредитора. Крестьянъ отдаютъ подъ залогъ или однихъ, или съ семействами; нерѣдко населенныя имѣнія съ крестьянами. Хотя опредѣленныхъ указаній нѣтъ, но можно предположить, что положеніе крестьянъ, находящихся въ обезпеченіе долга было весьма не завидно, ибо естественно заимодавецъ старался извлечь возможно большую пользу изъ временно ему отданнаго крестьянина, работника. Въ случаѣ если должникъ не выполнялъ своихъ обязанностей, то крестьяне отданные въ залогъ обращались въ полную собственность.

Противъ закладыванія крестьянъ никто не возражалъ и охотно къ нему прибѣгали цари. Казенный крестьянинъ М. Зарубашвили убилъ дворянина П. Церетели; такъ какъ виновный заплатить за кровь не могъ, то царь Александръ въ 1721 г. отдалъ крестьянина съ его домомъ и всѣмъ, чѣмъ крестьянинъ располагалъ помѣщику Церетели, съ условіемъ, когда царь заплатитъ за казеннаго крестьянина опредѣленную сумму за кровь, то крестьянинъ долженъ быть возвращенъ въ число казенныхъ. С. Беришвили былъ долженъ наблюдающему за пріемомъ царскихъ гостей (местумре); Беришвили просилъ царя освободить отъ долга, царь Александръ въ 1720 году пишетъ заимодавцу: „если вы любите насъ, то пока мы вамъ заплатимъ деньги за Беришвили, примите его къ себѣ въ услуженіе съ тѣмъ, что, когда мы заплатимъ вамъ долгъ, вы бы возвратили нашего крестьянина“ [1]). Залогъ крестьянъ за долги, въ одиночку въ особенности, усиливается въ XVIII в., когда грузинское дворянство, обезсиленное внѣшней борьбой съ врагами, особенно отъ внутреннихъ раздоровъ, и косности, стало опускаться все ниже и ниже въ экономическомъ своемъ по-

[1]) Пурцеладзе—Двор. грамоты, 43.

ложеніи. Исай Заварашвили въ 1742 г. занялъ у Шаншашвили 30 р. и подъ залогъ отдалъ имѣніе съ живущими тамъ крестьянами съ условіемъ, что Ш—ли вмѣсто % будетъ пользоваться всѣми доходами съ заложеннаго имѣнія и крестьянами, и будетъ платить соотвѣтствующія подати въ казну [1]). У Кутаисскаго митрополита Досифея Эристовъ занялъ въ 1811 г. 500 марчилъ (марчилъ 60 коп.) и далъ въ залогъ 5 дворовъ крестьянъ въ сел.-Баши съ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ; до уплаты долга Досифей могъ распоряжаться доходами и трудами рукъ крестьянъ по своему усмотрѣнію [2]). Кн. А. Цулукидзе заложилъ Д. Чхеидзе крестьянина своего, получивъ 45 р. [3]). Хотя на время залога заимодавецъ получалъ права пользованія и распоряженія трудами заложенныхъ крестьянъ и доходами съ заложенныхъ имѣній, но онъ не имѣлъ права заложить или продать крестьянъ. Заложенный крестьянинъ, но не выкупленный закладчикомъ, получалъ отъ помѣщика право выкупиться и право отдаться кому угодно; трудно только сказать общее ли это было положеніе, или зависѣло оно отъ доброй воли помѣщика; неизвѣстно также каково было отношеніе заимодавцевъ къ такимъ случаямъ выкупа [4]). Крестьяне отданные въ залогъ, но не выкупленные во время становились крестьянами на вѣчныя времена [5]).

Крестьяне по завѣщанію владѣльца переходятъ въ руки новыхъ лицъ. Мдиванъ-бегъ Иванъ завѣщалъ воспитаннику отца своего „все купленное и некупленное имѣніе", „домъ и крестьянъ" потомственно въ 1779 г. [6]). Если крестьянъ можно было передавать по завѣщанію, то ихъ можно было отдавать въ качествѣ приданаго. Дим. Орбеліани и сынъ его Вахтангъ отдали сестрѣ послѣдняго при выходѣ замужъ 4 дыма крестьянъ съ ихъ имѣніемъ въ 1767 г. [7]).

---

[1]) Пурцеладзе—Гр. крест. грамоты, 12.

[2]) ibid—стр. 119, 121; Такайшвили, Груз. древности, II—документъ 1727 г., стр. 335, 338.

[3]) ibid.—122; документъ, 1819 г., стр. 126; стр. 80.

[4]) Пурцеладзе—Груз. крест. гр., стр. 74.

[5]) ibid., 115.

[6]) ibid., 33.

[7]) ibid., 18.

В. Іашвили далъ зятю своему крестьянина І. Гашхотеліани, брата и племянниковъ со всѣми ихъ землями и имуществомъ [1]).

Крестьянинъ лишенъ элементарныхъ правъ распоряженія; безъ предварительнаго разрѣшенія помѣщика крестьянинъ не можетъ обязываться векселями, ни отдавать въ заемъ, „ибо ничего своего не имѣетъ“; но если крестьянинъ совершалъ такія сдѣлки, то долгъ покрывался изъ движимаго имущества крестьянина, и вообще трудами рукъ своихъ обязанъ былъ онъ выплатить долгъ и отвѣчать по обязательствамъ (Сб. зак. Вахтанга, гр. зак. 105, 106; обычаи, стр. 370). Равнымъ образомъ крестьянинъ безъ согласія и разрѣшенія помѣщика не можетъ ничего ни купить, ни продать, ни заложить землю, ибо „земля принадлежитъ господину и кредиторъ долженъ требовать удовлетворенія отъ самаго господина“, „проданное имѣніе взять себѣ, а удовлетвореніе покупщика предоставить продавцу“ (ibid., ст. 163; зак. Агбуги, ст. 69—77; зак. Арм. 27) [2]). Свидѣтельство крестьянина противъ господина или въ пользу господина не принимается въ уваженіе (Сб. Вахтанга, зак. греч., ст. 133); свидѣтельствующій противъ господина долженъ быть изгнанъ (ibid., греч. зак., ст. 173); однако, законодательство не вполнѣ послѣдовательно, ибо, признавая съ одной стороны, непріемлемость свидѣтельскихъ показаній крестьянина противъ господина, съ другой, какъ будто и признаетъ возможность допущенія такого показанія, т. е. такому показанію „не иначе должно вѣрить, какъ по личномъ допросѣ судьи“ (ibid., греч. зак., 119), но любопытнымъ является то обстоятельство, что признавалась законность присяги помѣщичьихъ крестьянъ въ дѣлахъ касающихся интересовъ помѣщиковъ [3]). Доносъ крѣпостного на господина, „хотя бы и былъ справедливъ“, ведетъ къ наказанію доносчика,—крестьянина, „за ненависть къ господину“, но въ законѣ есть оговорка, которая пытается смягчить категоричность приведеннаго сужденія, а именно: если „предметомъ такого доноса смертоубій-

[1]) Цурцеладзе, 103; 1793 г., 106.

[2]) ibid., документы 1663 г., стр. 6; 1791 г., стр. 52.

[3]) Пурцеладзе—Груз. крест. грамоты, 102.

ство и оный окажется справедливымъ, то доносчикъ освобождается отъ наказанія, а донось принимается въ уваженіе" (Сб. зак. Вахтанга, зак. Греческ., 167 [1]).

Грузинская жизнь эпохи крѣпостного права знала такіе случаи, когда духовныя лица, священники были изъ крѣпостныхъ, и оставались въ крѣпостной зависимости. Правда, мы не можемъ найти много доказательствъ для подтвержденія этой мысли, но отрывочныя доказательства имѣются. Законъ армянскій Сборника Вахтанга, ст. 199, утверждаетъ, что производить крестьянина въ священники безъ согласія помѣщика не дозволялось. Очевидно въ жизни, изъ уваженія къ духовному сану, священники и низшія священнослужители отпускались на свободу, таже 199 ст. говоритъ, что лицъ достойныхъ священства „господинъ долженъ отпустить на волю для поступленія въ священники, дабы онъ свободно и безбоязненно могъ отправлять службу Божью".

Незаконная связь съ крестьянкой ведетъ къ крѣпостной зависимости. Такъ какъ такую связь судъ всегда разсматривалъ, какъ оскорбленіе нанесенное дворянину, то приговаривалъ виновнаго, сообразно съ степенью знатности помѣщика, къ довольно высокому денежному штрафу, уплата котораго являлась непосильной для крестьянина, а слѣдствіемъ того являлось закабаленіе за помѣщикомъ, съ правомъ выкупа со стороны третьяго лица; а выкупъ все равно велъ къ зависимости отъ выкупившаго [2]).

Самымъ широкимъ и обильнымъ источникомъ крѣпостной зависимости въ Грузіи являлась продажа людей. Этотъ вопросъ совершенно не обслѣдованъ; въ отрывочной литературѣ, кромѣ общаго указанія на практику продажи людей, другихъ указаній нѣтъ. Продажа людей происходила въ громадныхъ размѣрахъ, установить предѣлы которыхъ очень трудно. Торговля людьми была внутренняя и внѣшняя. О продажѣ людей за предѣлами страны, особенно не хри-

[1]) Пурцеладзе - Гуджары; въ 1709 г. Манглисскій епископъ Николай продалъ священника Самебской церкви, стр. 80; Н. Цицишвили продалъ католикосу І. Діасамидзе крестьянина своего, священника Зандарашвили съ семействомъ и имѣніемъ въ 1697 г., стр. 112.

[2]) Пурцеладзе—Грузинскія крест. гр., стр. 8, 42.

стіанамъ, мы уже говорили, здѣсь мы касаемся торговли внутри страны. Насколько сурово было отношеніе и церкви, и свѣтской власти къ внѣшней торговлѣ, настолько снисходительно было отношеніе къ внутренней торговлѣ; эти власти не только не боролись со зломъ, но принимали сами весьма дѣятельное и активное участіе. Законъ допускаетъ продажу людей (Сб. Ватханга, ст. 136); по греческому закону Сборника Вахтанга, ст. 11, продажа дѣтей „дозволяется родителямъ въ случаѣ бѣдности ихъ", но съ условіемъ, что покупатель не будетъ ихъ перепродавать, на тотъ случай, чтобы родители могли ихъ выкупить при первой возможности; законъ обезпечиваетъ право выкупа родителямъ. Признавая принципіально допустимой продажу, статья разрѣшаетъ лицамъ стѣсненнымъ, за неимѣніемъ денегъ, „отдавать своихъ крестьянъ на выкупъ дѣтей своихъ". Законодательство, не запрещая продажи крестьянъ, обязываетъ покупателей испрашивать разрѣшеніе царя; это стѣсненіе для покупателей вводится единственно для огражденія убытковъ фиска. Для царя безразлично кто покупаетъ, важно только ему знать, что земскія и казенныя повинности, которыя падаютъ на крестьянъ и землю, будутъ исправно поступать. (Сб. Вахтанга, ст. 162). Впрочемъ, покупка крестьянъ, вообще людей, возбранялась, повидимому только крестьянамъ (ibid., законы Агбуги, ст. 72).

Такимъ образомъ, продажа крестьянъ совершенно не возбранялась, а считалась въ Грузіи до водворенія русской власти вполнѣ законнымъ актомъ укрѣпленія людей, что неоднократно повторялось царскими постановленіями и рѣшеніями, по спеціально возникавшимъ судебнымъ процессамъ. Крестьяне Л. Джаблишвили, братъ его, дѣти и племянники продали себя и имѣніе другому и выдали купчую крѣпость; владѣлецъ пожаловался, царь допросилъ на судѣ крестьянъ и постановилъ: „такъ какъ въ Грузіи *существуетъ законъ*, по которому крестьяне безъ разрѣшенія своего помѣщика не могли *ни продавать, ни закладывать ни себя*, ни свое имѣніе, то и мы (царь) не хотѣли нарушить этотъ законъ, крестьянъ Джаблишвили съ ихъ имѣніемъ возвратить тебѣ (помѣщику); при чемъ мы повелѣли имъ, чтобы они служили

тебѣ, какъ служили предки ихъ твоему роду“ [1]). Продажа крестьянъ была настолько обычнымъ явленіемъ, что грузинскій законодательный сборникъ въ части греческихъ законовъ касается многихъ деталей и условій правильности торга; во-первыхъ, продающійся крестьянинъ и назначенная для продажи скотина не различаются: „кто продастъ крестьянина или какую скотину здоровую и т. д.“, во-вторыхъ, нельзя продавать нездоровыхъ крестьянъ, какъ и нездоровую скотину (Сб. зак. Вахтинга, зак. Греч., ст. 8); нельзя, продавая крестьянина, скрывать его пороковъ, наклонности къ воровству, къ бродяжничеству, въ противномъ случаѣ продавецъ отвѣчаетъ матеріально (ibid., арм. зак. 36). Крестьянъ продавали съ условіемъ испытанія на 6 мѣсячный срокъ; если въ теченіе того срока не оказывались никакія отрицательныя качества, въ родѣ болѣзни и другихъ пороковъ и недостатковъ, то продавецъ освобождался отъ всякой отвѣтственности; въ противномъ случаѣ сдѣлка считается незаконной и проданный возвращается продавцу (ibid., арм. зак., 21, 22, 35). На продающихся крестьянъ пишутся купчія крѣпости, строго оффиціальнаго характера, однообразныя по содержанію, съ указанію имени продавца, очень часто съ обозначеніемъ причинъ вызвавшихъ продажу, перечнемъ не только продающихся людей, но и ихъ имущества, если таковыя были; съ указаніемъ на свидѣтелей бывшихъ при продажѣ. При совершеніи купчихъ взималась пошлина, если не повсемѣстно, то въ гор. Тифлисѣ во всякомъ случаѣ, въ размѣрѣ 5 коп. съ рубля. Купчія юридическій актъ, укрѣпляющій личность крестьянина за новымъ владѣльцемъ (Сб. зак. Вахтанга, Обычаи, стр. 366).

Цари, представители церковной власти очень строго относились къ продажѣ людей въ невольники, но внутри страны они сами принимали участіе въ этой торговлѣ. Католикосъ Максимъ предалъ анаѳемѣ въ 1777 г. М. Лордкипанидзе за то, что тотъ продалъ своего крестьянина въ невольники. Лордкипанидзе, чтобы загладить вину далъ католикосу двухъ своихъ крестьянъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ не продавать людей въ невольники, а въ случаѣ нужды

[1]) Пурцеладзе—Грузинскія крест. грамоты, стр. 10—11.

продавать ихъ или сосѣдямъ, или жителямъ своей страны [1]). Но представители высшей церковной власти впадали въ сильное противорѣчіе съ самимъ собою; въ католикосовыхъ законахъ, въ ст. 2, находимъ столь рѣшительныя слова: „кто изъ знатныхъ или незнатныхъ, князей, дворянъ или крестьянъ, продастъ человѣка, *тотъ отъ святыхъ соборовъ да будетъ проклятъ и отверженъ*. Кто, по точномъ розыскѣ и изслѣдованіи, бывъ уличенъ въ продажѣ человѣка, выкупитъ и возвратитъ проданнаго на прежнее жительство, тотъ обязанъ заплатить по состоянію своему штрафъ и мѣстному епископу, и господину его; а если не возвратитъ, то ничто уже не избавитъ его отъ наказанія, да и беззаконно было бы избавлять, но таковый *долженъ быть повѣшенъ*“ (Сб. Вахтанга, стр. 130). Очевидно, въ этой статьѣ духовная власть нападаетъ на продажу людей вообще; но продажа людей внутри страны ослабляла силу приведеннаго запрещенія, и въ числѣ многихъ другихъ причинъ, двоякая точка зрѣнія на продажу людей мѣшала борьбѣ съ продажей людей за предѣламм страны.

Продажа крестьянъ восходитъ къ отдаленной древности, но особенно учащаются случаи продажи въ XVIII в. Документовъ, т. е. купчихъ крѣпостей, просто расписокъ о продажѣ людей сохранилось очень много, въ нихъ съ утомительнымъ однообразіемъ говорится объ одномъ и томъ же, съ весьма легкими варіаціями [2]).

Продаетъ и покупаетъ церковь, монастыри, духовныя лица. Въ 1649 г., 1701 г., 1705 г. сіонская церковь купила крестьянъ [3]), манглисскій арх. Іона въ 1720 г. пріобрѣлъ въ пользу церкви покупкой, по предложенію Шахнаваза, крестьянъ Джавахова [4]), въ 1690 г. настоятель монастыря Іоан-

[1]) Пурцеладзе—Гуджары, 154. Ср. армянскій законъ, Сб. Вахтанга, стр. 208.

[2]) Такашвили—Грузинскія древности, т. II, см. купчія и росписки 1616 г., стр. 145; 1634 г., 432; 1661 г., 420; 1685 г., 102; 1670 г., 92; 1690 г., 155; 1697 г., 156; 1703 г., 446; 1704 г., 446; 1717 г., 363; 1721 г., 311, 312, 314; 1723 г., 319; 1724 г., 324; 1728 г., 344; 1729 г., 350; 1736 г., 292, 383; 1744 г., 485; 1750 г., 101; 1722 г., 80. Жордания, Хроники II, 468. Хахановъ, Грузинскіе дворянскіе акты, 23 и др.

[3]) Пурцеладзе—Гуджары, 56, 58, 59, 62, 65.

[4]) ibid. 11.

на Крестителя купилъ крестьянъ въ с. Хашми [1]), въ 1737 г. митрополитъ Евфимій купилъ крестьянъ для сіонской церкви, еще разъ покупалъ въ 1736 г., 1737 г., 1742 г. [2]). Крестьяне Бетніельскіе, обезсиленные оброками и поборами, съ согласія помѣщика, продали въ 1742 г. односельчанина своего Симонашвили [3]); въ 1752 г. Бобдійскій преосвященный Іоаннъ выкупилъ изъ плѣна у Лезгинъ Нацаришвили и продалъ его затѣмъ Давидо-Гареджійскому монастырю въ крестьянство [4]); въ 1697 г. М. Цицишвили, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ католикосу І. Діасамидзе крестьянина своего священника Зандарашвили съ семействомъ и имѣніемъ [5]). Не рѣдки были случаи продажи духовными лицами крѣпостныхъ священнослужителей, такъ въ 1709 г. манглисскій епископъ Николай продалъ Самебской церкви въ крестьяне священника, ибо онъ не пожелалъ оставаться въ крѣпостной отъ епископа зависимости [6]). Въ силу покупки крестьянъ, съ одной стороны, и благодаря частнымъ и обильнымъ пожертвованія съ другой, монастыри стали обладать большимъ количествомъ крѣпостныхъ крестьянъ [7]).

Въ 1673 г. Г. Корганашвили продалъ брату одно крестьянское семейство, со „всѣмъ, что у него есть“; „взяли мы, пишетъ продавецъ, плату, какую желало наше сердце и продали вамъ семейство потомственно. Оно должно служить вамъ такъ, какъ обыкновенно служатъ купленные крестьяне. Если кто предъявитъ на него споръ, то отвѣчать будемъ мы“ [8]). Главная причина, влекущая продажу крестьянъ матеріальная нужда, голодъ, иноземное разореніе, сиротство и т. д. Симонъ Канделаки въ 1701 г. продалъ крестьянина съ женою, племянникомъ, виннымъ подваломъ, лѣсомъ пахатными землями, кладбищемъ и со всѣмъ, „что онъ имѣетъ сегодня“, свидѣтели сдѣлки „Богъ и всѣ святые его небесные и зем-

[1]) Пурцеладзе, 77.
[2]) ibid., 61, 66; см. стр. 74, 75.
[3]) ibid., 65, 73.
[4]) ibib., 75; см. 118, 115.
[5]) ibid., 112.
[6]) ibid., 80.
[7]) Жорданія—Историч. матеріалы, стр. 91.
[8]) Пурцеладзе—Грузинскія крест. грамоты, 7.

ные“ и нѣкто С. Агіадзе [1]). Г. Джаваховъ благодаря мусульманскому разоренію терпѣлъ притѣсненія, для улучшенія матеріальнаго своего положенія продалъ крестьянина, въ 1734 [2]); у крестьянина старшины Ниж.—Болниси остался сынъ сиротой, „настала сильная дороговизна, пишетъ онъ въ купчей, хлѣбъ вздорожалъ, насталъ голодъ, и я не могъ содержать сироту, и потому продалъ его ...кромѣ Бога, никто не можетъ оспаривать и отнять его у тебя“(покупателя [3]). Часто при заключеніи акта призываютъ въ свидѣтели Бога, обычная формула: „прежде всего Богъ (свидѣтель) и святые его, а изъ людей“ такой то, съ весьма легкими варіаціями [4]). Продажа крестьянъ въ хищнической формѣ свободно процвѣтала до 20-хъ гг. XIX в., т. е. до времени утвержденія русской власти въ краѣ.

Крестьянинъ продается не только вслѣдствіе затруднительнаго матеріальнаго положенія помѣщика, но путемъ продажи крестьянина, его жены или дѣтей помѣщикъ вознаграждаетъ причиненный ему крестьяниномъ матеріальный вредъ; крестьянинъ Асатіани изнасиловалъ служанку К. Абашидзе, послѣ чего та скончалась, за это преступленіе помѣщикъ отнялъ у провинившагося крестьянина сына и продалъ въ 1804 г. [5]). Продаются крестьяне какъ семействами, такъ и порознь; помѣщики продаютъ отдѣльно дѣтей отъ родителей, часто несовершеннолѣтнихъ; нерѣдко родители крестьяне продаютъ своихъ дѣтей. З. Бочоришвили вступилъ въ переговоры съ И. Сакварелидзе и продалъ ему сына, послѣ того какъ „сошлись въ цѣнѣ“, въ 1804 г. Въ 1811 г., Г. Кобахидзе пишетъ въ купчей Аннѣ Абашидзе: „я нуждаюсь и потому продалъ вамъ свою дочь Татіа и получилъ отъ васъ за нее плату, какую я просилъ у васъ“ [6]), Г. Чачіашвили продалъ Г. Алавидзе, въ 1780 г., крестьянина съ

---

[1]) Пурцеладзе, 99, 105, 106, 107 г., 112, 114, 117, 119.

[2]) ibid., 10.

[3]) ibid., 14, 28, 41.

[4]) ibid., 15.

[5]) ibid., 112, 119.

[6]) ibid., 113.

дѣтьми „кромѣ двухъ служанокъ и его жены“ [1]). Въ 1801 г. С. Икападзе продаетъ въ крестьяне мяснику С. Сванадзе купленнаго братомъ мальчика для удовлетворенія должниковъ умершихъ братьевъ [2]). Каково было отношеніе продаваемыхъ къ производимымъ надъ ними операціями, купли продажи, сказать трудно, за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ данныхъ; но если судить, по нѣкоторымъ постороннимъ свидѣтельствамъ, продаваемые не всегда спокойными оставались и побѣгами выражали свой протестъ, что уже вызывало соотвѣтствующія мѣры предосторожности. Въ 1813 г. Л. Іоселіани продалъ служанку за 60 марчилъ (марчилъ 60 коп.) и привелъ ее къ покупателю въ кандалахъ [3]). Интереснымъ является изслѣдованіе вопроса о томъ, какъ цѣнились продаваемыя крестьянскія души, къ сожалѣнію, кромѣ двухъ трехъ отрывочныхъ указаній мы никакими данными пока не располагаемъ, а потому нѣтъ возможности дѣлать какіе бы то ни было выводы и заключенія.

Въ купчихъ на продажу крестьянъ не всегда указывается какія права получаетъ покупатель и съ чѣмъ продается крестьянинъ; отсутствіе указаній на такіе вопросы въ актахъ не есть случайность. Практика на этотъ счетъ не выработала никакихъ общихъ основаній; продажа людей была совершенно свободна, она не регулировалась законами, поэтому продаютъ крестьянъ не только безъ земли и имущества, но съ землей и имуществомъ; продаютъ съ дѣтьми и безъ; нерѣдко покупатель получаетъ право на могущее явиться потомство проданнаго крестьянина; продаютъ на неопредѣленный срокъ съ сохраненіемъ права выкупа за продавцомъ, продаютъ на вѣчныя времена, потомственно, „въ полную собственность“ [4]).

Къ числу источниковъ, ведущихъ къ крѣпостной зависимости, нужно отнести самопродажу крестьянъ, кабалу; причины этого явленія опять таки кроются въ матеріальной необезпеченности личности; въ кабалу ведутъ личность какое

---

[1]) ibid., 104.
[2]) ibid., 108.
[3]) Пурцеладзе—Груз. крестьянскія грамоты, 120.
[4]) ibid., 54, 108.

либо преступное дѣяніе, матеріальный вредъ, за которое крестьянинъ, отдѣльная личность, можетъ отвѣчать только головой своей, только закабаленіемъ. Правда, закабаленіе не есть такой источникъ, изъ котораго нѣтъ выхода; если закабалившій постарается освободиться отъ долга, отъ затратъ произведенныхъ на него, т. е. выкупится, то получаетъ свободу. П. Пейкришвили былъ обремененъ долгами и чтобы освободиться отъ нихъ продалъ себя съ дѣтьми въ крестьянство въ 1798 г. [1]). Незаконнорожденный А. Гошпаровъ продалъ себя А. Джавахову. Д. Гошпаровъ былъ плѣненъ лезгинами, но никто не хотѣлъ его выкупать, тогда онъ попросилъ у царя разрѣшенія продать себя и „т. о. получилъ освобожденіе отъ лезгинъ“, въ купчей онъ пишетъ: „я продалъ себя вамъ съ дѣтьми, съ тѣмъ чтобы никто не имѣлъ права оспаривать меня у васъ“; за это Г. обязуется нести крестьянскія повинности, „какъ прилично помѣщику и быть вѣрнымъ“ [2]).

Хотя грузинское крѣпостное право отличается достаточно суровымъ характеромъ, хотя грузинскій помѣщикъ пользовался большими правами надъ личностью крестьянъ, которые „служили, утѣшали и помогали“ своему господину помѣщику, однако грузинскій крестьянинъ имѣлъ нѣсколько возможностей выйти изъ крѣпостной зависимости, признаніе такого права со стороны закона на практикѣ было слишкомъ иллюзорно. Крестьянская крѣпость создавалась оффиціальными документами, письменнаго характера, въ числѣ которыхъ исключительную, по силѣ и значенію, роль играютъ народныя переписи. Крестьянинъ уйти не можетъ, за самовольный уходъ полагается высокій денежный штрафъ, равный стоимости 12 крестьянъ (Сб. Вахтанга, зак. Агбуги, ст. 150). Уйти отъ помѣщика могутъ тѣ изъ находящихся въ услуженіи крестьянъ, которые успѣли состариться, и уходятъ такіе, съ чѣмъ поступили къ господину и имѣютъ даже право на 3-ю часть всего пріобрѣтеннаго собственными трудами, „дабы онъ при изнеможеніи силъ своихъ не

---

[1]) Пурцеладзе—Дворянскія грамоты, 33, Пурцеладзе—Гр. крест. грамоты, II.

[2]) Хахановъ—Груз. акты, 23—24.

оставался въ крайней бѣдности“ (ibid,, 174) Изувѣченный помѣщикомъ крестьянинъ, „навсегда свободенъ отъ всякаго притязанія со стороны своего господина, ибо кровью своею выкупленъ отъ него“ (зак. Вахтанга, ст. 95). Чужой крестьянинъ, поселившись у кого либо, вправѣ уйти, когда пожелаетъ съ женою, дѣтьми и со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ къ новому господину. Но если крестьянинъ добровольно не пожелаетъ возвратиться къ старому господину своему, и если послѣдній въ теченіи 7 лѣтъ не отыскивалъ своего крестьянина, то теряетъ на него всѣ права. Крестьянинъ, находящійся въ неизвѣстности, не освобождается отъ власти помѣщика, за нимъ сохраняется право въ продолженіи 30 лѣтъ искать своего крестьянина (Сб. Вахтанга, зак. Агбуги, ст. 78); вообще крестьянинъ, пробывшій 30 лѣтъ добровольно у новаго помѣщика, не вправѣ уходить; до истеченія этого срока крестьянинъ пожелавшій вернуться къ старому помѣщику, уступаетъ новому своему помѣщику половину всего имъ пріобрѣтеннаго, въ бытность у него въ крестьянствѣ; крестьянинъ пробывшій нѣкоторое время у новаго помѣщика и занесенный въ перепись, до заявленія претензіи на него со стороны стараго помѣщика, не можетъ оставить пріютившаго его помѣщика „до будущей переписи и до разрѣшенія начальства“ (Сб. Вахтанга, ст. 199, ср ст. 200). Крестьянинъ пробывшій въ чужомъ владѣніи, въ другой области, въ бѣгахъ, отъ господина своегочерезъ 30 лѣтъ получаетъ полную свободу распоряженія собой; до прошествія этого срока помѣщикъ всегда имѣетъ право водворить бѣглеца на старое жилище. Давность сокращена для тѣхъ крестьянъ, которые, „выселясь въ Тріалети на казенную землю, пробудутъ тамъ 12 л.“, они уже свободны и не возвращаются прежнему господину (ibid., ст. 202).

Крестьяне переселившіеся за границу, въ чужое владѣніе и пробывшіе тамъ 6 л. и пожелавшіе быть казенными крестьянами оказываются въ особомъ положеніи, т. е. возвращеніе ихъ старому господину или занесеніе въ число казенныхъ крестьянъ „зависитъ совершенно отъ соизволенія царскаго“, „Мы сіе установили для того, чтобы никто не отягощалъ своего крестьянина“, заявляетъ законодатель; въ противномъ случаѣ крестьянинъ, убѣжавъ заграницу, по проше-

ствіи 6 лѣтъ будетъ переходить въ число казенныхъ крестьянъ, „слѣдственно прежній господинъ лишится своего крестьянина“, т. о. „усмотрѣніе“ царя, о которомъ шла выше рѣчь, создана закономъ для охраны интересовъ помѣщиковъ (ibid., 201, ср. Пурцеладзе—Гр. кр. гр , стр. 76). Право крестьянскаго перехода внѣ всякаго сомнѣнія признается грузинскимъ закономъ, и сохранялось до самаго паденія самостоятельности грузинскаго царства, реальнымъ выраженіемъ этого права является 30 лѣтняя давность. Указанныя статьи закона не оставались мертвой буквой, судебная практика при всѣхъ случаяхъ отысканія крестьянами вольности строго ихъ держалась. Крестьяне Д. Орбеліани бѣжали и 6 л. скрывались въ Джавахетіи, судъ, къ которому обратился помѣщикъ призналъ крестьянъ помѣщичьими и въ приговорѣ отмѣтилъ, что если крестьяне представятъ доказательства въ 30 лѣтнемъ проживаніи въ Джавахетіи, то признаетъ ихъ независимыми [1]).

Вольными становились и тѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые освобождались изъ плѣна своими стараніями, но свободу такой крестьянинъ получалъ съ одной женой, а дѣти оставались у помѣщика (Сб. законовъ Вахтанга, стр. 380 [2]).

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости зависѣло также отъ доброй воли помѣщиковъ, которымъ законъ и обычай разрѣшалъ отпущеніе крестьянъ на волю въ любое время и на любыхъ основаніяхъ т. е. съ надѣленіемъ ихъ имуществомъ, землей или безъ нихъ. Но помимо доброй воли помѣщика законъ знаетъ и такіе случаи, когда помѣщикъ долженъ былъ отпускать своихъ крестьянъ на волю; правда, законъ высказываетъ пожеланіе, но не принуждаетъ помѣщика; такихъ случаевъ, конечно, было мало, напримѣръ, крестьянинъ спасшій господина отъ смерти, оказавшій ему услуги, заслуживалъ отпущенія на волю (Сб. зак. Вахтанга, греч. зак., ст. 168. Арм., 38). Чаще всего отпускали крестьянъ на волю по духовнымъ завѣщаніямъ, дабы актомъ милосердія заслужить милость Божію. Для

[1]) Пурцеладзе—Груз. крестьянскія грамоты, 25.

[2]) См. интересное дѣло у А. Хаханова, Груз. дворянск. акты, 20—21.

того чтобы обезпечить юридически свободу отпускаемому крестьянину, все равно получалъ ли крѣпостной свободу за выкупъ или на другихъ основаніяхъ, законъ требовалъ письменнаго акта: „никакое отпущеніе на волю и никакой выкупъ не можетъ быть дѣйствительнымъ безъ свидѣтелей и безъ письменнаго акта“ (Сб. зак. Вахтанга, ст. 260). Армянскіе и греческіе законы сборника Вахтанга спеціально останавливаются на вопросѣ о томъ, кто можетъ выступать свидѣтелемъ при написаніи отпускной; ст. 158 греческихъ законовъ, ссылаясь на 85 правило 6 собора, указываетъ, что отпущеніе на волю можетъ состояться при 3 свидѣтеляхъ; по армянскимъ законамъ совершеніе отпускной должно происходить при мѣстномъ епископѣ, приходскомъ священникѣ, или проповѣдникѣ, а въ селахъ при священникѣ и 7 свидѣтеляхъ (Сб. зак. Вахтанга, ст. 17, 31, 38). Въ отпускной должно быть обозначено, получаетъ ли крестьянинъ вмѣстѣ съ личной свободой движимое или недвижимое имущество, возлагается ли на отпускаемаго совершеніе какихъ-нибудь поминокъ. Если отпускаемый крестьянинъ находится въ совладѣніи семьи или братьевъ отпускающаго, то безъ ихъ подписи отпускная не имѣетъ никакого значенія и силы (Сб. зак. Вахтанга, ст. 234, Арм. ст., 16, 18, 20). Законъ болѣе предпочтенія оказывалъ освобожденію крестьянъ съ имуществомъ. Хотя отпускная и давала крестьянину свободу, однако помѣщикъ имѣлъ право уничтожить отпускную и вернуть себѣ крестьянина; на отпущеннаго на волю крестьянина падала обязанность „служить и доставлять пропитаніе“ впавшему въ бѣдность бывшему господину (Сб. зак. Вахтанга, гр. зак., ст. 170). Помѣщикъ могъ уничтожить отпускную и вернуть себѣ крестьянина, когда доказывалъ при судьяхъ, что отпущенный на волю „поносилъ и злословилъ“ его, если отпущенный „обругаетъ дѣтей его (помѣщика) и окажетъ имъ неуваженіе“, „окажется къ нему неблагодарнымъ“ (ibid., греч. зак., ст. 162, 169, 174, Арм. зак., 19). Съ другой стороны, отпущенный на волю становился подъ особую защиту закона; кто завѣдомо продавалъ отпущеннаго на волю, тому законъ грозилъ отсѣченіемъ обѣихъ рукъ, то же наказаніе постигаетъ всякаго, кто отпущеннаго на волю подаритъ кому либо, продастъ, промѣняетъ на другого (ibid., греч. зак., 176).

II.

Категоріи владѣльцевъ крестьянъ.

Хотя законъ точно не ограничивалъ вопроса, кто могъ владѣть крѣпостными людьми, однако обычнымъ порядкомъ былъ выработанъ довольно опредѣленный кодексъ правилъ, который сохранился вплоть до вступленія русской власти. Крѣпостными владѣли цари грузинскіе и многочисленные члены царской фамиліи; эти царскіе крестьяне отбывали многосложныя повинности въ пользу особъ царской фамиліи и состояли въ ихъ частной неприкосновенной собственности [1]). Очень большимъ собственникомъ обязаннаго крѣпостного населенія была церковь и монастыри. Наконецъ, наибольшее число крѣпостного населенія было сосредоточено въ рукахъ собственно землевладѣльцевъ, которыхъ можно называть, примѣняясь къ терминологіи русскаго крѣпостного права, помѣщиками, дворянами. Но въ средѣ грузинскаго дворянства можно отмѣтить собственно три слоя, три группы владѣльцевъ; и каждая изъ этихъ группъ отличается суммой своихъ владѣльческихъ и политическихъ правъ. Но эти группы не представляютъ слишкомъ строгаго раздѣленія и переходы изъ одного состоянія въ другое, не такія частыя, можетъ быть, не представляютъ ничего невозможнаго съ точки зрѣнія права. Верхній слой дворянства составляли, такъ называемые, „*дидебули*“, часто они носили титулъ „*мтавари*“, это высшіе наслѣдственные сановники; ко времени водворенія русской власти титулъ „мтавари“ носили тѣ

---

[1]) Насколько значительны были владѣнія царей и членовъ царской фамили см. А. К. А. К., т. I.

изъ дидебули, „которые владѣли укрѣпленнымъ городомъ, замкомъ, помѣстьемъ или нѣсколькими долинами“ [1]).

Группа дидебули незначительна по составу своему. Значительную массу привилегированной владѣльческой знати, изъ которыхъ рекрутировались въ то же время наслѣдственные крупные сановники, составляли „тавады“, т. е. собственно князья. Князья вели свое происхожденіе отъ древнѣйшихъ феодаловъ, которые въ отдѣльныхъ частяхъ государства являлись маленькими государями, какъ Арагвскій Эриставъ, Ксанскій Эриставъ и др., или этотъ титулъ получали за личныя доблести и заслуги отъ царей. Многочисленнѣйшій слой состоялъ уже изъ *азнауровъ*, собственно дворянъ. Дворяне—азнауры въ свою очередь дѣлились на азнауровъ царскихъ, княжескихъ, церковныхъ и азнауровъ помѣщиковъ, т. е. независимыхъ собственниковъ; азнауры вообще „были вассалами отчасти царя, отчасти дворянства первыхъ двухъ классовъ, и отчасти католикоса или патріарха“.

Юридическое и имущественное положеніе этихъ вассаловъ всецѣло зависѣло отъ того, къ кому въ вассальныхъ отношеніяхъ они находились. Въ лучшихъ условіяхъ находились азнауры, царскіе вассалы, близость къ особѣ царя возвышала ихъ среди другихъ разрядовъ полусвободнаго населенія.

Азнауры царскіе подчинялись непосредственно царю и исполняли разнообразныя служебныя назначенія; служили юзбашами—сотниками, минбашами — начальниками войсковыхъ тысячъ, назначались моуравами, правителями владеній царя и т. д. Служба царскихъ азнауровъ вознаграждалась населенными помѣстіями, пожалованными царями, на которыя въ силу акта царскаго пожалованія они пріобрѣтали лишь право пользованія, но не распоряженія. По правовому своему положенію царскіе азнауры, принадлежатъ царю

---

[1]) Гакстгаузенъ А.—Закавказскій край, I, 89.

Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ, т. XIII,—Иваненко—Гражданское управленіе Закавказскимъ краемъ, стр. 5—6.

Егіазаровъ, С.—Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьи, ч. I, Сельская община. Сословный строй, внутренняя организація и управленіе общины въ связи съ землевладѣніемъ, водовладѣніемъ и податнымъ обложеніемъ, Каз., 1889, 10—11.

и на нихъ распространяется право владѣнія, это лишь привилегированная форма крѣпостной зависимости. Давидъ III, царь Кахетіи, далъ въ приданое царевнѣ Хварашани, сестрѣ Имамъ-Кули-Хана, утокскаго дворянина Д. Гилдашвили „со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ нынѣ владѣетъ", съ вотчиной, крестьянами, виноградниками, пашнями [1]) „а его самого въ качествѣ, проданнаго крестьянина". Дворяне казенные, они же царскіе крестьяне, несутъ въ пользу помѣщика-царя подати и повинности, отъ которыхъ часто освобождаются царскими пожалованіями [2]): за убійство царскихъ, казенныхъ крестьянъ, въ вознагражденіе потерянныхъ интересовъ выдается членамъ царской фамиліи денежное удовлетвореніе, такъ въ 1773 г. А. Суламидзе убилъ казеннаго дворянина, не могъ заплатить за кровь и отдалъ царевнѣ, дочери Дадіани, сына своего [3]).

Азнауры церковные и княжескіе занимали низшее, сравнительно съ царскими азнаурами, положеніе, что вполнѣ понятно, ибо ихъ зависимость была къ лицамъ низшаго юридическаго положенія. Азнауры церковные и княжескіе подчиняясь церкви и князю, были ихъ слугами; пользовались землями отъ князей и церкви, отбывая за нихъ разнообразныя повинности и состояли въ полной собственности церкви и князей, что не исключало для нихъ возможности перехода и ухода отъ владѣльца, а это было сопряжено съ значительными экономическими потрясеніями. Въ большинствѣ случаевъ княжескіе и церковные, азнауры, бывшіе крѣпостные, надѣленные со стороны помѣщика землями и крестьянами, и признанные царемъ въ дворянскомъ званіи. Княжескіе и церковные дворяне, помимо повинностей въ пользу князей и церкви несли и повинности государственныя; царь Георгій въ 1662 г. освободилъ церковнаго дворянина Вахтангадзе отъ казенной подати и царской службы [4]); въ 1782 г. царь Соломонъ въ виду разоренія Хино-Цминдской (въ Кобулетахъ) архіерейской кафед-

---

[1]) А. К. А. К., т. I, 35.
[2]) Пурцеладзе—Дворянскія грамоты, стр. 7—8.
[3]) ibid., 49.
[4]) ibid., 41.

ры владѣтелю ея далъ мѣсто настоятеля Генатской церкви и ея крестьянъ, въ числѣ пожалованныхъ было много дворянъ и ихъ освободилъ отъ всѣхъ казенныхъ податей [1]). Церковнымъ дворянамъ духовные сеньеры жаловали крестьянъ, которые и становились къ пожалованнымъ въ зависимыя отношенія; въ 1640 г. католикосъ Христофоръ пожаловалъ церковному дворянину Карсидзе 4 дыма крестьянъ [2]); въ другихъ случаяхъ церковнымъ дворянамъ жаловались какія нибудь должности; въ 1725 г. католикосъ Доментій пожаловалъ церковнаго дворянина Х. Магаладзе званіемъ моурава, управляющимъ церковныхъ имѣній, потомственно [3]), а католикосъ Антоній пожаловалъ церковному дворянину Тазишвили должность моурава, и садъ съ землей [4]).

Грузинскіе цари жаловали князьямъ дворянъ вмѣстѣ съ ихъ землями и крестьянами и на нихъ помѣщики смотрѣли какъ на полную свою собственность и распоряжались ими по своему усмотрѣнію; въ этомъ отношеніи любопытнымъ является одно дѣло 1782 г. Вдова дворянина Рчеулашвили жаловалась царю Ираклію: „фамилія наша, пишетъ жалобщица, была пожалована Мачабели (князья) *въ крѣпостные со всѣми землями и крестьянами.* Мачабели хотятъ раздѣлиться между собою и предполагаютъ раздѣлить моихъ крестьянъ“, она и проситъ царя не дозволять дѣлежа и отдать ее съ крестьянами одному изъ Мачабели, царь передалъ дѣло на разсмотрѣніе судьямъ, разобраться, чтобы „не случилось какого нибудь несчастія, такъ какъ просительница дворянка, то имѣніе у нее, пишетъ Ираклій; не можетъ быть отнято; принадлежащіе ей крестьяне и имѣніе должны быть ей отданы, раздроблять и вносить ихъ въ разныя раздѣльныя записи нельзя“ [5]). Вообще церковные дворяне, какъ и княжескіе лишены были права распоряженія землями, на томъ естественномъ основаніи, что владѣльцемъ оставались

---

[1]) ibid., 51.

[2]) ibid., 5.

[3]) Пурцеладзе—Двор. гр., 16.

[4]) ibid., 23.

[5]) ibid., 26—27.

церковь или князь, а дворянинъ пользовался землей лишь временно [1]).

Наконецъ, послѣдній разрядъ владѣльцевъ, независимые азнауры, дворяне—помѣщики, составляли низшій слой владѣтельныхъ классовъ, этотъ классъ отличался многолюдствомъ, но и чрезмѣрной бѣдностью, особенно въ Имеретіи. Въ Имеретіи Гакстгаузенъ видѣлъ село, гдѣ эти низшіе помѣщики, въ количествѣ 120 человѣкъ, владѣли 30 крестьянскими дворами [2]), и такіе случаи не были рѣдкостью. Сословіе азнауровъ—вассаловъ главнымъ образомъ встрѣчалось въ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, и здѣсь эти отношенія свили очень прочное гнѣздо.

Въ Мингреліи, напримѣръ, привилегированное сословіе помѣщиковъ дѣлилось на слѣд. категоріи: къ первой категоріи принадлежали князья Дадіани, такъ называемые батонишвили, т. е. потомки и родственники владѣтелей Мингреліи, 2) независимые тавады—князья, 3) зависимые тавады, подвластные батонишвили, т. е. вассалы послѣднихъ; 4) независимые азнауры, 5) и азнауры—вассалы батонишвили и тавадовъ, и церковные дворяне.

Къ числу лицъ, которые въ силу обычнаго права владѣли крестьянами, нужно отнести и *мокалаковъ*, горожанъ, которые часто получали крестьянъ путемъ пожалованія верховной властью. Повидимому не возбранялось владѣть крѣпостными и крестьянамъ, которые имѣли право покупать на свое имя земли и слугъ, но всѣ эти пріобрѣтенія входили въ составъ владѣній помѣщика, и въ то же время право распоряженія этими купленными людьми, напримѣръ, продажа, имъ была воспрещена. Насколько это право пользованія людьми и крестьянами, со стороны крѣпостныхъ, было явленіемъ частымъ—судить трудно; но разъ существовала широкая торговля людьми, то нѣтъ ничего страннаго

---

[1]) Пурцеладзе—Гуджари, 16.

[2]) Иваненко—op. cit., 6—7; Кипшидзе, А.—Очеркъ крѣпостного права и крестьянской реформы въ Грузіи, Кавк. Вѣстн., 1902 г., № 6. Гакстгаузенъ—op. cit. 21—22, 89, 91. Калантаровъ—Очеркъ исторіи крѣпостн. права, 217. Егіазаровъ, op. cit., т. I, 10—13; А. К. А. К., т. I, 329; т. VIII, 432—433. Brosset Histoire de la Géorgie, introduction, p. LXXIX LXXX.

въ томъ, что и крѣпостные прибѣгали къ этому способу пріобрѣтенія людей; но о широкомъ распространеніи этого обычая говорить едва ли приходится въ виду экономической малосостоятельности крестьянскаго крѣпостного населенія.

Сборникъ законовъ царя Вахтанга различаетъ лицъ владѣтельнаго сословія по степенямъ, онъ вводитъ три группы князей и дворянъ; первѣйшіе дворяне и князья, дворяне и князья второго и третьяго классовъ, и сообразно съ этимъ дѣленіемъ опредѣляетъ цѣну крови (ст. 26, 27, 28, 29, 30, 31 [1]).

---

[1]) Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника, св. 11, д. № 45/154, ч. I.

III.

Разряды крестьянскаго сословія.

Крестьянская масса не представляла по составу своему однороднаго цѣлаго; напротивъ, она была весьма пестрой, состоящей изъ отдѣльныхъ группъ, различающихся по своимъ правамъ и обязанностямъ; но эти группы, по существу, не представляются строго замкнутыми и всегда возможны и естественны переходы изъ однихъ состояній въ другія.

Общее родовое названіе для крестьянина *глехи*, это земледѣлецъ, землепашецъ, который можетъ находиться въ зависимомъ крѣпостномъ и въ независимомъ свободномъ состояніи [1]). Спеціально для обозначенія понятія крѣпостной крестьянинъ существовалъ терминъ *кма*, отсюда крѣпостная зависимость называлась *кмоба*. Указаній на это въ источникахъ безконечное множество [2]). Отъ крѣпостного крестьянина слѣдуетъ отличать *мона*, что равносильно понятію холопъ, esclave [3]).

Если отъ этихъ терминовъ для обозначенія крестьянъ, перейдемъ къ отдѣльнымъ разрядамъ ихъ, то намъ въ нисходящей степени представится слѣдующее. Верхній высшій слой крестьянскаго населенія составляютъ *мсахури* (serviteur, ministerial); мсахури люди несвободные, но среди несвободнаго низшаго населенія занимаютъ привилегированное по-

---

[1]) Жорданія—Хроники, т. II (на груз. яз.), стр. 34, 45, 98, 127, 129, 195, 214, 239, 254, 258, 261, 311, 400, 404; Brosset—Intoduction, LXXXI; „les vilains, глехи, (rus, rustaud), étaiént attachés à la glèbe, labouraient la terre et fournissaient à leur maître et à l'etait certains services, corvées, impôts et redevances".

[2]) Жорданія—op. cit., 188, 198, 233, 492 et passim.

[3]) Brosset—op. cit., p. LXXX.

ложеніе; они состояли при царяхъ, князьяхъ, церкви, дворянахъ, исполняли домашнія услуги, назначались въ придворной администраціи, выступали въ качествѣ воиновъ, служили тѣлохранителями. Мсахури занимаетъ мѣсто между дворянами и крѣпостными крестьянами, кровь его вознаграждается высоко; „если онъ при владѣтелѣ въ званіи дворянина", то еще выше (Сб. Вахтанга, законъ Агбуги, ст. 8, 10); нерѣдко они получали дворянское званіе, освобождались потомственно отъ повинностей (но обязывались поставлять прислугу къ господскому дому). Ниже мсахури, но выше обыкновеннаго крѣпостного крестьянина стояли *азаты*, (отъ персидскаго слова свободный) это тѣ крестьяне, которые удостоились отъ помѣщика, за оказанныя имъ услуги или по другимъ уважительнымъ причинамъ, или за выкупъ, привиллегированнаго положенія; азаты освобождаются отъ нѣкоторыхъ податей и повинностей, по усмотрѣнію помѣщика, особенно такихъ, которыя считаются унизительными. Азаты, особенно въ Мингреліи, Имеретіи и Гуріи, не обязаны помѣщику полевыми работами (надоба, мушаоба), не выставляютъ полевыхъ работниковъ, *муша*, не даютъ рабочей прислуги (*пареши* или *шинакма*), но когда ихъ даютъ, то они освобождаются отъ грубыхъ работъ, какъ носки и колки дровъ, пахатныхъ работъ; они болѣе исполняютъ при особѣ владѣтеля почетныя службы, оказываютъ ему личныя услуги, выступаютъ или въ роли *мерикипе—виночернія*, или *местумре*—valet de chambre.

Азаты или вовсе освобождены отъ повинностей, или смотря по мѣстности несутъ незначительныя, такъ въ Нижней Мингреліи азатъ въ 2 года разъ долженъ платить по 1 коровѣ, 1—2 кила гоми, 1—2 коки вина, угощать господина съ семействомъ въ годъ разъ, сопровождать въ поѣздкахъ господина верхомъ на своей лошади; долженъ кормить лошадей и конюховъ пріѣзжихъ гостей, служить разсыльнымъ, назначается старшиной въ имѣніе и домъ помѣщика; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Верхней Мингреліи, напримѣръ, Лечхумскомъ у., не обязаны угощать помѣщика; если тотъ окажетъ честь азату своимъ посѣщеніемъ, то онъ обязанъ помѣщику преподнести приличный подарокъ; кузнечная работа, оружейная выдѣлка возлагаются на азатовъ;

въ Сванетіи они даютъ помѣщику корову или быка въ годъ. Азаты не платятъ повинности свиньей, особенно въ Мингреліи; эта повинность считается постыдной, а освобожденіе отъ подобной повинности „признакъ привиллегированнаго сословія".

Крѣпостные крестьяне иначе называются *мебегре*, отъ турецкаго слова *бегара*—повинность; это слѣдовательно тѣ крестьяне, которые обложены натуральными и денежными повинностями, а такъ какъ ими была обложена большая часть крѣпостного крестьянства, то ихъ и называютъ мебегре.

Совершенно своеобразное мѣсто занимали въ крѣпостной крестьянской средѣ, крестьяне *хизаны*, *миндобили*, какъ ихъ называли въ Мингреліи, они иногда назывались *стумари*—гость, *мибаребули*. Хизаны — слѣдствіе дворянскаго малоземелья. Безземельные крестьяне съ согласія помѣщика своего уходили отъ него и садились на землю другого помѣщика, съ новымъ владѣльцемъ отношенія устанавливались на основаніи особаго соглашенія; но хизанъ съ уходомъ отъ своего господина не освобождался отъ помѣщичьей власти и зависимости, таковая сохранялась въ цѣлости. Наиболѣе любопытнымъ въ возникновеніи института хизанства является то, что грузинскій писанный законъ его не знаетъ, это продуктъ общественной жизни, и регулировался исключительно обычными нормами. Но ставъ фактомъ жизненнымъ, хизанство находитъ защиту въ законѣ и у верховной власти.

Такъ въ 1772 г., по жалобѣ хизанъ Мчедлишвили судъ постановилъ, которому они жаловались на притѣсненіе со стороны владѣльца, что хизаны эти могутъ переселиться, куда они пожелаютъ. Въ 1777 г. обратились съ жалобой къ верховной власти хизаны Капланишвили: „живемъ здѣсь хизанами и переносимъ много притѣсненій. Мы никому объ этомъ не заявляли до сихъ поръ, такъ какъ не было у насъ покровителя и заступника. Пользуясь пребываніемъ Вашимъ (царя) въ нашемъ краѣ заявляемъ, что здѣшнія подати и повинности для насъ очень обременительны, тѣмъ еще болѣе, что помѣщикъ до сихъ поръ ничего отъ насъ не требовавшій теперь приказываетъ, чтобы мы служили ему". И царь взялъ ихъ подъ свою защиту, приказавъ, „никому не позволять притѣснять ихъ и воспретить, чтобы кромѣ по-

мѣщичьихъ податей и повинностей отъ нихъ не требовать". Хизанство, не избавляя крестьянина отъ правъ на него помѣщика, тѣмъ самымъ сохраняло за владѣльцемъ въ неприкосновенности права распоряженія какъ личностью хизана, такъ его собственностью.

Такъ, одно постановленіе царское говоритъ о продажѣ хизанъ, считая это явленіе вполнѣ законнымъ; царское приказаніе 1799 г. заключается словами: „если мы разрѣшимъ продажу хизанъ, въ Кахетіи, то купить ихъ должны прежде всего тѣ, у кого они живутъ" [1]). Ниже всѣхъ по общественному и юридическому положенію *моджалабе*, особенно въ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи; „рабъ въ семействѣ господина", моджалабе въ сущности совершенно безправное существо; въ Нижней Мингреліи онъ можетъ быть проданъ, отданъ въ приданое съ семействомъ или въ разбродъ. Живетъ моджалабе съ семействомъ своимъ во дворѣ помѣщика, хотя не всегда; въ Верхней Мингреліи они имѣютъ свои пашни и не живутъ во дворѣ помѣщика; питаются остатками со стола господина, отрубями отъ чистки гоми, кукурузы, овощами вообще изъ разведеннаго имъ для господина огорода; ему принадлежитъ внутренность зарѣзанной господской скотины; моджалабе съ семействомъ одѣвается въ поношенное платье своего господина, ни отъ какихъ работъ отказываться они не могутъ, главная ихъ обязанность очистка и толченіе гоми, считающаяся въ Мингреліи „самою грубою и неприличной работой". Они исполняютъ всѣ работы. Бываютъ поварами, лакеями, кучерами, а женщины вдобавокъ ходятъ за птицей, воспитываютъ шелковичныхъ червей. Изъ семьи моджелабе помѣщикъ беретъ по одной *моахле*—служанкѣ. Дочери умершихъ моджалабе, безъ дѣтей мужескаго пола, берутся помѣщикомъ въ домъ и отъ его воли зависитъ выдача ихъ замужъ. Моджалабе своихъ хозяйствъ не имѣютъ; пока живутъ во дворѣ помѣщика своимъ хозяй-

---

[1]) Пурцеладзе—Грузинскія крестьянскія грамоты, 24, 29, 73. О хизанствѣ—Д. Кипіани—Хизанскій вопросъ, „Юридич. Обозрѣніе", изд. подъ ред. Френкеля, 1884 г., № 165; Чавчавадзе—Что такое хизанство? ibid., 1884 г. № 164.; Аб...ъ—Правда о хизанскомъ вопросѣ, ibid., 1874 г., № 187.

ствомъ не занимаются, и въ рѣдкихъ случаяхъ и то съ разрѣшенія помѣщика засѣваютъ свободные участки земель. Моджалабе въ Верхней Мингреліи въ нѣсколько иныхъ условіяхъ; они здѣсь не живутъ во дворѣ помѣщика, имѣютъ свои пашни и виноградники, за что платятъ повинности, даютъ по одной служанкѣ, доставляютъ помѣщику необходимую глиняную посуду. Въ моджалабе обращались незаконнорожденные господскихъ служанокъ, подкидыши, чужіе крестьяне, отданные за уплату крови, свои крестьяне, нанесшіе господину кровную обиду.

Моджалабе, *шинакма* или *пареши*, *моахле* — составляли большой разрядъ низшей группы крѣпостной массы, дворовыхъ [1]). Дворовую прислугу даютъ крестьяне своему помѣщику и это является повинностью крестьянской, такой порядокъ выработался въ Кахетіи и Карталиніи и здѣсь они особого специфическаго разряда въ средѣ крестьянскаго населенія не составляли, между тѣмъ какъ въ Гуріи, Мингреліи, вообще въ Имеретіи — они образовали наслѣдственный классъ дворовыхъ людей, хотя не было обязательнымъ для нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проживаніе во дворѣ помѣщика.

---

[1]) Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказскаго, Записка надв. сов. Р. Эристова, св. 11, ч. I, д. № 45/154; ibid. Описаніе помѣстій и имѣній Сенакскаго и Зугдидскаго у., сост. Деспотъ-Зеновичемъ и Юзбашевымъ, по приказанію бар. Николаи, отъ 23 дек. 1863; А. К. А. К., т. XII, свѣдѣнія объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи, собранныя въ 1841 г., стр. 215; Brosset, op. cit.,—LXXX и дд; проф. Хахановъ—Крѣпостное право въ Грузіи (на груз. яз.), 21—24; Иваненко—op. cit., 8—9; Эсадзе—Историческая записка объ управленіи Кавказомъ, т. I, 350—392.

IV.

Повинности крѣпостныхъ крестьянъ.

I. Казенныя крестьянскія повинности.

Сложной задачей въ исторіи грузинскаго крѣпостного права является установленіе и точное изслѣдованіе крестьянскихъ повинностей. Трудность задачи заключается, во первыхъ, въ томъ, что повинности крестьянскія представляютъ чрезвычайное разнообразіе и дробность не только по однимъ географическимъ полосамъ, но и по отдѣльнымъ помѣщичьимъ владѣніямъ; часто повинности слишкомъ мелочны и потому трудно уловимы. Конечно, разнообразіе повинностей можетъ быть уложено въ опредѣленную схему, но это схематизированіе не выразитъ подлинной исторической дѣйствительности; перечень-же всѣхъ повинностей, покажетъ чрезвычайную, значительно превышающую дѣйствительность, повиностное отношеніе крестьянъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы въ вопросѣ о крестьянскихъ повинностяхъ остановимся на характеристикѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя чаще всего встрѣчаются въ историческихъ источникахъ. Не меньше затрудненія представляетъ опредѣленіе стоимости повинностей, выраженной въ деньгахъ; переводъ повинностей на деньги весьма затрудняется эластичностью и подвижностью стоимости отдѣльныхъ продуктовъ и недостаточностью фактическаго матеріала.

Повинности грузинскихъ крестьянъ, смотря по тому, кому онѣ отбываются не одинаковы ни количественно, ни качественно, поэтому изслѣдованіе вопроса приходится расчленять, и разсматривать повинности отдѣльныхъ категорій крестьянъ. Независимо отъ повинностей, которыя отбывались крѣпостными своимъ непосредственнымъ господамъ, они несли сложныя, а также разнообразныя повин-

ности въ пользу государства. Что на крѣпостныхъ, кромѣ казенныхъ, частно-владѣльческихъ, лежали эти повинности доказательствъ очень много въ актовыхъ матеріалахъ. Нужно отмѣтить, что казенныя подати не всегда строго отличаются отъ крестьянскихъ податей и повинностей въ пользу царя или его дома, ибо царь и члены его дома, какъ помѣщики владѣтели, конечно, получали повинности съ подвластныхъ крестьянъ своихъ. Провести демаркаціонную линію между тѣми и другими очень трудно. Общими повинностями казеннаго характера будутъ: *саудіеро*, тоже что и саури, имъ обложены: крестьяне-мебегре, принадлежащіе Дадіани, батонишвили, въ Мингреліи, въ Имеретіи вообще; крестьяне тавадовъ и азнауровъ имъ подвластныхъ, хизане или миндобили; съ мебегре саудіеро сбирается какъ съ крестьянъ вассаловъ, съ хизанъ за право пользованія землей; сбирается эта повинность свиньями или козлами, козлятами въ количествѣ 1—2 штукъ; или платится отъ 1—9 даже 20 кокъ вина, или въ нѣкоторыхъ селеніяхъ отъ 1—10 килъ гоми; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ эта повинность чрезвычайная. *Саудіеро* у горскихъ народовъ носила названіе махты, это подать денежная. Въ Мингреліи, Имеретіи саури собирается по 50 коп. со двора въ годъ. При Мингрельскомъ владѣтелѣ *саудіеро* были обложены всѣ крестьяне; но уже къ половинѣ XIX в., въ тотъ моментъ, когда собирались свѣдѣнія касательно крестьянской реформы, эту подать присвоили нѣкоторые помѣщики. Есть свидѣтельство что саури и саудіеро взимался и рогатымъ скотомъ, съ цѣлаго селенія или волости „весьма умѣреннымъ числомъ“, по другимъ свидѣтельствамъ „сборы сіи не простирались на всѣхъ подданныхъ Имеретіи, а на самую малѣйшую часть оныхъ, прочіе же всѣ, особливо же подданные сильныхъ фамилій изъ князей и духовенства, по грамотамъ царскимъ отъ сихъ повинностей были увольняемы“, съ 1685 г. въ Имеретіи саудіеро собиралось съ 430 дворовъ [1]). Общей была повинность воинская и турецкая *салашкро* [2]); турецкая подушная подать чаще всего называ-

[1]) А. К. А. К., т. IV, рапортъ полк. Симоновича ген. Тормасову, отъ 30 апр. 1810 г., 255—256, 297.

[2]) Пурцеладзе. — Гр. кр. гр., 61, 62, А. К. А. К., т. V, 199, 266, 479; II, 1052.

ется *мали*, хотя это слово обозначаетъ повинность вообще; въ 1440 г. эта повинность была отмѣнена [1]), но очевидно, она была вновь возстановлена, вызванная необходимостью вести борьбу съ турками; она упоминается въ грамотѣ царя Соломона, 1527 г., которой Энисельскій моуравъ Бебуръ освобождается отъ мали (Пурцеладзе—Дворянскія грамоты, 2).

Къ государственнымъ повинностямъ относится сборъ на содержаніе различныхъ должностныхъ лицъ всѣхъ ранговъ: *самоураво* — повинность на содержаніе моуравовъ, мѣстной полиціи; *саамилахвро, сатаруго*—въ пользу чиновниковъ, наблюдающихъ въ городѣ за продажей съѣстныхъ припасовъ, *санацвало, самохеле*—въ пользу старшинъ и сельскихъ властей, *сабазіеро*—въ пользу егермейстера; конюшенный сборъ, палаточная повинность, *сакараве*; *улупы*, продовольственные сборы. Крестьяне пожертвованные мцхетскому собору въ числѣ повинностей давали мѣшки, ословъ; существовала спеціальная повинность *сацихо* т. е. на содержаніе арестантовъ, стражи для нихъ. Въ Мингреліи существовала повинность *самеджинибо*, т. е. обязанность кормить конюховъ владѣтельнаго князя, конюховъ находящихся при лошадяхъ на подножномъ корму; въ Мингреліи же встрѣчалась повинность временная *сахуро*—на прокормленіе плотниковъ при постройкѣ Зугдидской церкви и постройкѣ судна на рѣкѣ Хопи [2]).

Крестьяне же уплачиваютъ различныя другія мелкія повинности, за производство переписей 10 к. съ дыма, по 5 к. за право перехода съ одного мѣста на другое, налогъ за право отчужденія и продажи земли съ 10 р., 5 коп.

2. Повинности казенныхъ крестьянъ.

Мы говорили до сихъ поръ о казенныхъ повинностяхъ общихъ для всѣхъ категорій крестьянъ. Но крестьянами владѣла и казна, владѣли цари и члены царекой фамиліи, и

[1]) А. К. А. К., т. I, ч. I, № 2, № 4.

[2]) Пурцеладзе.—Грузинскія крестьянск. грамоты, 29, 8; Пурцеладзе, Гуджары, 85, 90, 103; Хахановъ, Грузинскіе дворянскіе акты, 1. А. К. А. К., т. I, ч. I, № 13, 18, 19, 8; т. XII, 216; Дѣло Канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при Главномъ управленіи Намѣстника Кавказскаго, Записка Р. Эристова, св. 11, ч. I, д. № 45/154 ibid. Описаніе помѣстій и имѣній Сенакскаго и Зугдидскаго уѣздовъ.

хотя строгаго различенія de jure между ними не было, однако слѣдуетъ выдѣлить особо повинности крестьянъ, принадлежащія этимъ субъектамъ. Крестьяне собственно казенные и царскіе находились въ тѣхъ же повиностныхъ отношеніяхъ, что и частно-владѣльческіе.

Немалозначительны были повинности крестьянъ казенныхъ деревень. Въ 1707 г. царь Вахтангъ съ супругой пожертвовали монастырю св. Іоанна Крестителя казенныя села Узнаріани и Староузнаріани, въ знакъ особеннаго расположенія крестьяне этихъ селъ освобождаются отъ повинностей старыхъ, т. е. 1) хлѣбной подати, 2) пастбищной, 3) доли со стада, „на шашлыкъ“, 4) ягненка и приношенія сыру, 5) содержанія табуна, 6) самана и ячменя за кормленіе жеребца и жеребятъ, 7) осла, 8) пошлинъ и барщины, 9) жатвъ и пашни, 10) молотьбы, 11) угля, золота, серебра и мѣди, 12) олова и свинца, 13) животнаго, птицъ, 14) овощей и зелени, 15) деревьевъ и камней, 16) угощенія и 17) доставки снѣга [1]).

Цари грузинскіе очень часто жалуютъ частныхъ владѣльцевъ, особенно церкви и монастыри за различныя услуги, изъ личной милости освобождаютъ владѣльцевъ отъ части или совокупности повинностей въ пользу казны, не освобождаются только отъ татарской повинности мали и это въ большинствѣ случаевъ оговаривается, хотя, рѣдко правда, получали и полный иммунитетъ [2]). Въ 1651 г. алавердскій соборъ получилъ тарханство отъ царя Ростома: „никакой нашъ налогъ да не проникаетъ туда, ни выдачи плѣнниковъ, ни саури, ни сборъ въ пользу сыщиковъ, ни угощеніе, ни какая иная подать да не требуется“ [3]), въ 1441 г. жалованная грамота царя Александра Тифлисской Манглисской церкви говоритъ: „не взыскивать никакой подати ни большой, ни малой, и нашимъ служителямъ не являться въ ваши доходныя вотчины, гдѣ бы ни были таковыя, ни съ какими требованіями“ [4]), а крестьяне Сіонскаго собора тарханной грамотой

---

[1]) Пурцеладзе—Гуджари, 78—79.

[2]) Объ этомъ подробнѣе у насъ. Ж. М. Ю., апрѣль, 1910 г.

[3]) А. К. А. К., т. I, ч. I, 13, 18, 19, 21.

[4]) ibid., № 3, ср. грамоту аналогичнаго содержанія 1398 г., подлинность которой оспаривается, ibid. № 1, № 30.

О тарханствѣ см. Жорданія.—Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи

1540 г. освобождены отъ галы и далѣе: „какіе есть въ Тифлисѣ крестьяне и управители Сіонской Божіей Матери всѣхъ освобождаемъ отъ царскихъ податей и повинностей; отъ галы и отъ паханія; ничего отъ нихъ не требовать—ни большаго, ни малаго, кромѣ саури, такъ чтобы не отбывать имъ галы, ни съ пашенъ, ни съ хлопчатой бумаги“ (А. К. А. К., т. I, ч. I, № 6).

3. Повинности церковныхъ крестьянъ.

Грузинская церковь является очень крупной собственницей, она занимала обширныя населенныя помѣстья; населеніе этихъ помѣстій находится въ повиностныхъ отношеніяхъ къ церкви и монастырю; владѣльцемъ крѣпостныхъ являются и лица духовнаго званія всѣхъ степеней. Церковное землевладѣніе и душевладѣніе, сравнительно съ другими частновладѣльческими хозяйствами, было поставлено въ исключительно привилегированное положеніе; никто, кромѣ церкви не получалъ такого большого, количественно и качественно, иммунитетнаго права. Верховная власть особое покровительственное отношеніе выработала къ церкви. Помимо естественнаго нравственнаго авторитета церкви, привилегированное ея владѣльческое положеніе объяснялось верховной властью специфическими аргументами; по грамотѣ царя Александра 1442 г., „имѣнія и вещи въ лицѣ церкви пожертвованы самому Христу—нашему Спасителю“, а это уже требовало особенно внимательнаго и бережнаго отношенія къ церковному землевладѣнію, на этомъ основаніи царевичъ Георгій въ 1796 г. категорически и высказывался: „я съ церковью бороться не могу и отобрать у нее разъ пожалованное ей имѣніе и крестьянъ мы не можемъ“ [1]), но этимъ, конечно, не устраняется вмѣшательство верховной власти въ церковное землевладѣніе, верховная свѣтская власть сохраняетъ въ своихъ рукахъ главное руководитель-

XI—XIII, 1—5; Пурцеладзе—Грузинскія дворянск. грамоты, 41, 49, 55, 62. Пурцеладзе—Гуджари, 6, 7, 27; А. К. А. К., т. I, ч. I, № 25, 27, 34, 40, № 6. Такайшвили—Грузинскія древности, т. II (на груз. яз.), 31, 32, 46, 64, 94, 114, 137. Жорданія — Хроники, т. II, 190, 245, 251, 289, 333, 391, 417.

[1]) Пуреладзе, Гуджари, 35, 89.

ство, „кромѣ царя никто не вправѣ освобождать церковнаго крестьянина“ (1798 г.) отъ повинностей [1]).

Повинности церковныхъ крестьянъ поражаютъ насъ своимъ обиліемъ и безконечнымъ разнообразіемъ. Характеръ и количество повинностей церковныхъ крестьянъ зависятъ отъ усмотрѣнія управляющихъ этими крестьянами, и никакой возможности установить точно систему крестьянскихъ повинностей въ церковныхъ владѣніяхъ, настолько все это пестро и слишкомъ многообразно. Повинности и трудъ церковныхъ крестьянъ являются единственнымъ источникомъ, на которомъ зиждется все матеріальное благополучіе и богатство какъ церквей и монастырей, такъ и ея многочисленныхъ служителей. „Архіереи, также архимандриты и ихъ чиновники, духовные и свѣтскіе и всѣ служители церковные пользуются ежегодно для прожитія доходами отъ церковныхъ крестьянъ и имѣній, каждый въ соотвѣтственность своего званія и всѣ церковныя надобности исправляются изъ сихъ же доходовъ“ [2]).

Опредѣленнаго отвѣта на вопросъ какъ облагались повинностями церковные крестьяне дать трудно, ибо, повидимому, строгаго, единообразнаго порядка на этотъ счетъ жизнь не выработала, но извѣстно что церковные крестьяне облагались податями не по домамъ, и не по душамъ, а по селеніямъ, и при томъ не всегда въ опредѣленной пропорціи вина, хлѣба и прочаго, а по урожаямъ, хотя не исключалось и подымное обложеніе [3]). Наконецъ, установить съ безусловной точностью общія для всѣхъ церковныхъ крестьянъ повинности не легко. Повидимому, общей должна быть признана повинность гала и кулухи для большинства церковныхъ крестьянъ, въ частяхъ разнообразныхъ.

Общими же должны быть признаны слѣдующія повинности: 1) *Сахуцо*, въ два года разъ, въ нѣкоторыхъ ежегодно отъ 1 до 7 р., смотря по состоятельности прихода; это

---

[1]) А. К. А. К., т. I, ч. I, № 39.

[2]) А. К. А. К., т. I, 530, Отвѣтъ католикоса Антонія на письмо ген.-лейт. Кнорринга о состояніи Груз. духовенства, отъ Февраля 1801 г.; т. VIII, 442.

[3]) ibid., VI, ч. I, 363.

собственно плата священниковъ епархіальнымъ архіереямъ за право священства, повинность эта перелагалась на крестьянъ. Плата эта весьма колебалась, была она въ 5, 8 и даже въ 12 рубл., въ годъ. 2) *Сакврило*, отъ 3 до 10 р.; бывала плата и въ 8, 10 и 12 р., взималась съ тѣхъ мужчинъ епархіальными архіереями, которые брали за себя въ жены вдовъ, 3) *нишани*—плата епархіальному архіерею по случаю смерти старшаго сына; эта повинность всеобщая; князья ее уплачиваютъ лошадью въ полномъ уборѣ, ковромъ, серебряной чашей, скатертью, тоже платятъ и дворяне; дворовые люди князей, дворянъ, архіереевъ платятъ 10, 15 и даже по 20 р., эта повинность не исключительно съ церковныхъ крестьянъ, ей подлежатъ всѣ, 4) также общей церковной повинностью должна быть признана *драма*, взимается епархіальными архіереями, черезъ 2 года, съ дома по 1 кодѣ пшеницы и по $^1/_2$ коды ячменя; въ Бобдійской епархіи съ двора крестьянъ взимается по 10 коп., съ неимущихъ по 2 литры пшеницы, или по 1 курицѣ; живущія въ горахъ платятъ по 5 коп. или тоже по курицѣ, цыпленку, 5) *тависъ-гасамтехло*, въ однихъ деревняхъ въ пользу моурава, въ другихъ въ пользу церкви; это штрафныя деньги; въ однихъ имѣніяхъ моуравы взымали въ свою пользу съ церковныхъ крестьянъ за проломленіе головы во время драки, съ зажиточнаго быка, малоимущаго корову, 6) *саканоно*, платятъ крестьяне и священники епархіальному архіерею: если умретъ крестьянинъ безъ причащенія и покаянія; если родственники, по перадѣнію, не пригласятъ священника, къ смертельно - больному—отъ 3 до 5 р.; если священникъ на зовъ не придетъ—отъ 3—8 до 10 р.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это штрафъ съ отступниковъ отъ правилъ религіи и ученія св. отцовъ; а также штрафъ съ блудниковъ, прелюбодѣевъ, нарушителей постовъ, праздничныхъ дней [1])-

Повинности церковныхъ крестьянъ въ каждомъ отдѣльномъ церковномъ владѣніи зависѣли отъ многихъ причинъ

[1]) А. К. А. К., т. V. Предл. прокурора Чиляева Грузино-Имеретинской Синодальной Конторѣ, отъ 15 мая 1815 г., 414, 415, 417, 427—428 ibid., VI, I, 368—Рапортъ Кизикскаго митрополита Іоанна Синодальной конторѣ, отъ 16 янв. 1817 г.

какъ частнаго, такъ и общаго характера на всемъ протяженіи крѣпостныхъ отношеній до водворенія въ краѣ русской власти.

Крестьяне села Кезели, по приказанію Манглисскаго епископа, обязаны были платить ежегодно церкви 20 кодъ пшеницы, одного барана на Р. Хр., ягненка на Пасху, во время раздѣловъ крестьянскихъ имѣній 1/10 отдавать епископу, (1618 г.)[1]). Царь Ираклій, съ разрѣшенія персидскаго шаха, пожертвовалъ Алавердской церкви 10 дворовъ крестьянъ, опредѣливъ оброки крестьянъ въ пользу церкви: 15-го ноября на агапію крестьяне ежегодно должны были давать 1 скотину, 2 барановъ, 1 сапалне вина, 3 коды печенаго хлѣба, куръ, 2 литра сыру, литру масла, 40 яицъ, сухую рыбу, 4 литра свѣчей, 2 1/2 ф. ладану[2]). По постановленію цилканскаго епископа Романа духовенство должно было получать ежегодно отъ крестьянъ на содержаніе: 1 быка или барана, 1 коду пшеницы, 1 литръ ячменя, по 60 коп. со двора, давать по 1 работнику въ годъ священнику т. е. каждый прихожанинъ крестьянинъ день въ году долженъ былъ работать на господина[3]). Крестьяне Гроба Господня Б. и Р. Зарнадзе въ сел. Чхари платили 18 чапъ вина (15 б. въ Зап. Грузіи, въ др. части 20), 2 похали (16 ф.) пшеничной муки, столько же ячменя и гоми, 2 курицы, одну для ястреба, другую на Р. Хр., приносили гостинцы, другой крестьянинъ М. Зарнадзе сверхъ перечисленныхъ повинностей долженъ былъ еще работать въ недѣлю 3 дня въ пользу Гроба Господня, а С. Зарнадзе, кромѣ того еще платить по 50 коп.

Въ сел. Сазано крестьянинъ С. Абесадзе и священникъ Харитонъ уплачивали 1 золотую монету. Въ сел. Сакаро Х. Перадзе долженъ былъ давать мяса на 50 к. и 60 к. деньгами; въ с. Тквири крестьяне уплачивали 1/20 урожая, и кромѣ обычныхъ податей управляющему имѣніемъ Гроба Господня 1/2 осетра, „если Богъ дастъ и они его поймаютъ“[4]).

[1]) Пурцеладзе—Гуджари, 7.

[2]) ibid., 15.

[3]) ibid., 24.

[4]) ibid., 115—120, 123, 133—134, 140, 144—145, 149, 150, 151, 99; 77, 81, 113.

Руставская церковь получала въ 1722 г. 1/2 сабалахо съ Марткобскихъ горъ, полей, долинъ, другая половина шла въ пользу царя, плату за красильныя заведенія въ марткобскомъ районѣ, 1/5 съ военной добычи; жители Марткоби, Насомхари платятъ настоятелю Руставской церкви черезъ каждые три года по 12 литровъ пшеницы съ дворовъ, которые не давали прислуги; обязанные прислугой даютъ лошадь со сбруей за погребеніе, и угощаютъ епископа со свитою въ день погребенія; въ нѣкоторыхъ деревняхъ Руставской церкви получали съ крестьянъ подымный оброкъ, 1/7 за раздѣлъ имѣній; крестьяне той же Руставской церкви были обязаны обрабатывать церковные сады, собирать въ нихъ виноградъ, вымолачивать хлѣбъ, давать прислугу, пшеницу [1]). Крестьяне Цилканской вотчины изъ 50 дворовъ платили архіепископу Іоанну съ своихъ надѣловъ галу 200 кодъ, иногда болѣе, иногда менѣе; съ собственно церковныхъ пашенъ (ходабуни) 200 кодъ; ячменя и проса 200 кодъ; съ церковнаго сада 80 кокъ вина, (кока 96 бут.), въ счетъ кулухи 4 коки и съ паствы черезъ 3 года въ пользу священниковъ 120 р. [2]). Крестьяне католикоса повинны были платить ему со двора по 3 коды хлѣбной подати [3]). 80 дымовъ крестьянъ Некресской церкви обязаны были работать въ пользу церковной вотчины; 50 дымовъ платили каждый по 1/2 вьюка сладкаго вина, по 10 кодъ ячменя, и по 60 р. с.

Въ суммѣ многихъ мелкихъ повинностей, конечно, трудно установить какую нибудь общую руководящую идею опредѣленія размѣра повиностей, но не лишеннымъ интереса являются отдѣльныя характерныя повинности, въ родѣ того, что крестьяне Схвавскаго крестительскаго монастыря (1760 г.) вмѣстѣ съ хлѣбной податью должны были давать 2-хъ откормленныхъ каплуновъ и по 60 коп. Крестяне придворной Телавской Богородицы церкви (1711 г.) должны были приносить 1/10 шелку, или съ предметовъ ими выдѣлываемыхъ, изготовляемыхъ; съ креденнаго 1/10 часть хо-

[1]) ibid., 1—6.

[2]) А. К. А. К., т. I., 533.

[3]) Пурцеладзе—Грузинскія крестьянскія грамоты, 73.

зяину, остальную церкви [1]). Монастыри и церкви получали отъ своихъ крѣпостныхъ сплошь да рядомъ прислугу, какъ женскую, такъ и мужскую, но это не было явленіемъ общимъ, оно не вездѣ встрѣчалось; такъ въ грамотѣ 1811 г. генатскому монастырю, Евфимія митрополита, прямо сказано, что „у генатскихъ крестьянъ нѣтъ обыкновенія давать своему господину вдову, сироту и служанку“ [2]), но зато въ другихъ мѣстахъ такое обыкновеніе имѣло мѣсто. Въ силу множества и разнообразія церковныхъ повинностей и обилія церковныхъ земель церкви и монастыри располагали весьма обширными имущественными владѣніями и богатствами [3]).

4. Повинности помѣщичьихъ крестьянъ.

Каждая страна, государство, которое управляется обычнымъ правомъ, имѣетъ слишкомъ неопредѣленную конструкцію, которую подвести подъ какія нибудь строго опредѣленныя законныя нормы не представляется возможнымъ. Положеніе дѣла для изучаемаго нами государства еще болѣе осложняется тѣмъ, что на помощь и безъ того сложнымъ обычнымъ отношеніямъ присоединялись необычайныя различія въ географическомъ устройствѣ страны, которыя вносили еще большую пестроту въ повинностныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; правда, авторы, писавшія о крѣпостномъ правѣ представляли систему повинностей крестьянъ въ общемъ въ довольно стройной формѣ, но эти схемы искусственны и мало приближаются къ дѣйствительности; актовый матеріалъ, наоборотъ, представляетъ необычайную пестроту въ перечисленіи крестьянскихъ повинностей. Въ отношеніи взиманія съ крестьянъ повинностей помѣщики находились

---

[1]) Пурцеладзе—Гуджари, 36.

[2]) Пурцеладзе—Гр. кр. гр., 118. О церковныхъ крестьянахъ и повинностяхъ см. еще Жорданія—Историч. матеріалы монастырей и церквей Кахетіи и Карталиніи (на груз. яз.), 18, 21, 22, 64, 70, 83, 84, 94, 159, 233, 238, 257. Жорданія, Хроники, т. II, 24, 80, 81, 127, 129, 159, 188, 212, 250, 273, 336, 342, 384, 387, 400, 442, 453, 482, 495.

[3]) Объ этомъ см. Гакстгаузенъ I, 138, А. К. А. К., т. I, № 10; т. II, 529, 271, 266; т. IV, 164—165; т. V, 406; т. VI, I, 362, 364, 376, 419, 421, 373.

внѣ воздѣйствія власти и границъ распоряженіямъ помѣщичьимъ законныхъ предѣловъ поставлено не было. Нѣкоторые изъ писателей склонны говорить о мягкихъ формахъ грузинскаго крѣпостнаго права, но это одинъ сплошной плодъ недоразумѣнія или недостаточно внимательнаго анализа фактическаго матеріала; наоборотъ, „нигдѣ крѣпостное право не достигло такого развитія, какое мы находимъ въ старой Грузіи“, „состоянія его граничило съ рабствомъ“, „поборы и повинности, лежавшія на крестьянахъ не знали ни мѣры, ни границъ“ [1]), русское правительство, производя изслѣдованіе крестьянскаго вопроса, въ моментъ своего вступленія въ край, даетъ сплошной печальный отзывъ. Ген. лейт. Кноррингъ въ отзывѣ, отъ 28 іюня 1801 г., рисуетъ болѣе, чѣмъ печальную картину: помѣщики разоряли крестьянъ, на что первые вынуждались частыми требованіями отъ царей помощи, крестьянство „посему часто изыскивало убѣжище въ чуждыхъ владѣніяхъ, поставляя равнымъ, быть ли крайне утѣснену въ отечествѣ и ожидать того сугубо или находиться въ рабствѣ своихъ сосѣдей“, „власть царская, поколебавшись въ своемъ основаніи, едва и примѣчала таковыя насильства, а того меньше принимала мѣры къ ихъ истребленію“ [2]); тоже въ Имеретіи, Мингреліи, здѣсь „всякій князь имѣетъ право присвоить себѣ навсегда или на время что ему понравится; въ домѣ можетъ стать постоемъ, вещь отнять безъ платы, однѣ жены и дѣти остаются безъ прикосновенія“, „между подданными царя все божье, царское, княжее“, „ведя жизнь почти кочующую, царь всегда живетъ на счетъ тѣхъ селеній, которымъ дѣлаетъ честь своимъ посѣщеніемъ... какъ скоро онъ и спутники его начинаютъ чувствовать недостатокъ, тогда переселяются въ другое мѣсто“ [3]).

Подати и повинности, платимыя крестьянами не отличались строгой опредѣленностью, по свидѣтельству помѣщи-

---

[1]) Егіазаровъ, op. cit., I, 21, 26.

[2]) А. К. А. К., т. I, 427, XI, 38.

[3]) Описаніе Имеретіи и Мингреліи с. с. Литвиновымъ; т. IV, Записка З. Церетели объ Имеретинскомъ правленіи и замѣчанія на оную ген. Тормасова, 377.

ковъ, имъ отъ царей была дана „полная власть, исключая только наказанія лишеніемъ членовъ или смертною казнію". Въ 1826 г. помѣщики Тифлисской губ. давали опредѣленныя показанія на этотъ счетъ и доказывали полную неопредѣленность въ отбываніи помѣщичьими крестьянами повинностей, а относительно крестьянъ уѣздные маршалы отзывались, что ихъ „во всѣхъ нужныхъ случаяхъ помѣщики употребляли по своей волѣ". Помѣщичьи крестьяне отбывали повинности двухъ категорій, обусловленныя разными источниками зависимости: 1) повинности поземельныя и 2) повинности личныя. Поземельныя повинности вытекали изъ факта владѣнія крестьянами помѣщичьихъ земель, а повинности личныя являлись уже слѣдствіемъ этой поземельной зависимости и обусловливали право помѣщика надъ личностью крестьянина. Поземельная повинность—*гала*=десятина, багра=$^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_7$, $^1/_{10}$ съ урожая ячменя, проса, пшеницы и *кулухи*—подать съ вина=$^1/_{10}$, $^1/_7$ урожая. Гала и кулухи вообще взимаются „по мѣстному постановленію". Къ повинностямъ личнымъ относятся барщинныя работы, размѣръ которыхъ не былъ опредѣленъ. Крестьяне были обязаны пахать весною на помѣщика, засѣвать, поливать и полоть; должны пахать на осенній посѣвъ помѣщика гдѣ 2, 3, 5, 7, а гдѣ и 9 дней, осенью перепахивать 2 дня; поливать всѣ вообще помѣщичьи пашни; производить жатву и всѣ связанныя съ уборкой хлѣбныхъ растеній работы; огораживать фруктовые и виноградные сады; приготовлять вино, доставлять въ домъ помѣщика, приготовлять для вина кувшины и вливать туда вино. Во время раздѣловъ крестьянъ помѣщикъ беретъ часть: $^1/_{20}$ со скота, домашняго скарба, иногда деньгами; при выходѣ замужъ вдовы крестьянина, помѣщикъ беретъ съ жениха отъ 10 до 50 р., *сакврuво*, а при выходѣ крестьянской дочери помѣщикъ или управляющій получаетъ отъ 60 к. до 2 руб. 85 коп., иногда до 4 руб., *сачекме*; на помѣщичьихъ крестьянахъ раскладываютъ, по состоянію ихъ, помѣщичьи издержки: свадебныя и на похороны, *сакорцило* и *самархи*, отъ 5 до 50 р. с., а каждое селеніе доставляетъ по коровѣ; раскладка производится еще и въ тѣхъ случаяхъ, когда у помѣщика какіе либо расходы: если помѣщикъ строитъ, крестьяне должны доставлять матеріалы

и принимать трудомъ своимъ участіе въ постройкахъ; если помѣщику понадобится, то крестьяне должны доставлять подводу съ лошадьми; во время своихъ поѣздокъ помѣщикъ беретъ крестьянина съ лошадью съ собой; крестьяне должны къ господскому двору доставлять хворостъ и дрова, иногда въ мѣсяцъ съ крестьянина приходилось по 4—5 аробъ; на праздникъ Рождества Христова, Пасхи приноситъ крестьянинъ гостинцы помѣщику: куръ, гусей, поросятъ, масла, яицъ; гостей своихъ помѣщикъ останавливаетъ часто у крестьянина; на масленицу крестьянинъ долженъ принести 2 ф. масла, 9 яицъ; если у крестьянина имѣются бараны, то помѣщичьему конюху должны давать въ годъ по барану, смотрителямъ надъ ловчими по курицѣ; если у помѣщика имѣются рыбныя ловли и пожелаетъ ихъ использовать, крестьяне обязаны устроить и приготовить все необходимое для рыбной ловли: *сапичхули* или *охчи*. Изъ крестьянъ помѣщикъ беретъ пастуха, погонщика для плуга, конюха, хлѣбника, повара; крестьянскую дочь въ прислуги, которую помѣщикъ даетъ въ приданое дочери, продаетъ, даритъ; крестьянку въ кормилицы, оставляя ее въ домѣ 3, 4 и болѣе лѣтъ, по усмотрѣнію. Когда помѣщикъ отправляется въ походъ, крестьяне даютъ „на харчъ“ денегъ, подводъ съ быками и за время пребыванія въ походѣ служатъ при немъ съ лошадьми, арбами, быками; изъ помѣщичьихъ крестьянъ „находящіеся въ отдаленности ремесленники“ должны работать на помѣщика; купцы изъ помѣщичьихъ крестьянъ, живущіе въ городахъ, участвовали въ раскладкѣ денегъ, какъ сельскіе жители, и съ нихъ подать взыскивалась деньгами [1]).

Объектомъ обложенія большей частью является крестьянскій дымъ, въ рѣдкихъ случаяхъ дворъ крестьянскій.

Повинности, отмѣченныя въ предшествующемъ изложеніи существовали въ Грузіи, т. е. въ Тифлисской губ.,

---

[1]) А. К. А. К., VI, 1. Представленіе Верховнаго Грузинскаго Правительства Общаго собранія ген.-лейт. Вельяминову, отъ 30 апр. 1826 г., 83, 84, 85; т. VII, 26, 27, т. IV, 22, 45; т. XII, 216; Егіазаровъ, I, 308—309; Калантаровъ, op. cit., 229, 230. Жорданія, Хроники, II, грамота 1619 г., 443; Сборникъ законовъ Вахтанга, стр. 380, Обычаи и т. д., ст. 65.

Имеретіи, Мингреліи. Область горскихъ поселеній въ отбываніи крестьянскихъ повинностей вносила своеобразныя, индивидуальныя черты, на которыхъ слѣдуетъ остановиться особо.

Крестьянскія повинности въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи не отличаются отъ повинностей крестьянъ бывшей Грузіи (т. е. нынѣшней Тифлисской губ.) ни характеромъ, ни способами отбыванія. Только разница въ томъ, что повинности первыхъ болѣе мелочны и дробны, чѣмъ вторыхъ. и отличаются по названіямъ. Гала и кулухи повинности общія и для этихъ частей. Но чѣмъ меньше было владѣніе, въ самостоятельную пору историческаго существованія, тѣмъ болѣе любопытная картина открывается: крестьяне въ мелкихъ владѣніяхъ, какъ Мингрелія, обременены множествомъ мелкихъ повинностей, которыя опутываютъ крестьянина со всѣхъ сторонъ, подчиняя его трудъ и благосостояніе помѣщичьей и владѣльческой волѣ. Интересную картину представляютъ подати, напримѣръ, въ Нижней Мингреліи. Главная повинность это *бегара* или *тави-бегара*, которая платится 1 свиньей, стоимостью 4—5 р., виномъ 1 до 10 кокъ, гоми 1 до 5 килъ, 1 курицей; *очамури*—угощеніе помѣщика 1 или 2 раза въ году; *цхенисъ-чабма*—кормленіе одной господской лошади и конюха въ теченіи зимняго мѣсяца; рѣдко скотъ помѣщикъ держитъ въ своей конюшнѣ, тогда каждый крестьянскій дворъ доставляетъ кормъ на домъ помѣщику, въ количествѣ 300 пучковъ кукурузной соломы и 3 килы кукурузы, на лощадь, 1 килу гоми, 1 коку вина и съѣстныхъ припасовъ, скоромныхъ или постныхъ для конюха; это повинность въ общемъ случайная; *сабочи-катами* — сборъ курицъ, не чаще одного раза въ мѣсяцъ, въ не постный сезонъ; *окире-пичури* — повинность въ Рождественскомъ посту: 2 большихъ хлѣба (*дедо-пури*), 1 кукурузный хлѣбъ, 1 котхо фасоли, потребное количество муки, соли, стручковъ перцу, зелени, моченой брюквы, свеклы и т. п., *сакведіеро*—повинность въ сырную недѣлю; кто обложенъ ею въ пользу владѣтеля, свободенъ отъ платежа помѣщику, за рѣдкими исключеніями; уплачивается: 30 кусковъ сыру, 30 -- 40 яицъ, рыба разныхъ видовъ и размѣровъ; *одиди-пичури*, повинность великопостная, какъ и въ рождественскомъ посту,

присоединяются еще раки; *самархо*—приношеніе фасолью, орѣхами въ остальные постные дни; *саагдомо*—къ Св. недѣлѣ ягнятами; послѣ Пасхи козлятами, 1—2, съ мая, когда кукушка впервые прокричитъ свое куку; а послѣ этого ягнята не годятся для завода; *дзгвени*—подношеніе съѣстныхъ припасовъ не только помѣщику, но и всякому почетному его гостю; по мнѣнію современниковъ, повинность выросла изъ добровольныхъ побужденій. Кое-гдѣ крестьяне были обязаны на Рождество доставлять овальный хлѣбъ *гвезели*, каплуна 1—2; бурдюкъ вина, *квери*—крошечныя хлѣбца, по числу дѣтей въ домѣ помѣщика; *самаспинзло*—угощеніе помѣщика съ семействомъ въ годъ разъ, повинность произвольная, отбывалась преимущественно азатами; *сапуре-пури*—хлѣбъ съ новаго урожая, 1 бурдюкъ вина, 1 курица, или 2 круга сыра; *самачро*—повинность съ молодого вина, сусла; *сакурзуало*—для прокормленія егерей, *сабазіеро*—сокольничихъ, *самеджоге*—пастуховъ; по 1 козленку въ годъ; *самеджинибо*—кормъ конюхамъ, находящимся при лошадяхъ на подножномъ корму; она присвоена была владѣтелямъ Дадіани; другіе помѣщики пользовались этой повинностью незаконно; *саунаро*—повинность, замѣняющая личную полевую службу, выражалась въ платежѣ 10 килъ гоми; далѣе цѣлый рядъ повинностей какъ *сакорцило*, *самархи*—платежи при выходѣ замужъ или женитьбѣ дѣтей помѣщика, при похоронахъ, по имущественному состоянію крестьянина, по 1 коровѣ или быку съ 2-хъ дворовъ, или деньгами, хотя рѣдко; на первое отъ 10 до 15 рублей, на второе отъ 1—до 5 р. *Сачекме*—при выходѣ замужъ крестьянскихъ дочерей за крестьянъ другого помѣщика отъ 1 до 10 р.; при вступленіи въ бракъ по 1 р. 20 к. съ жениха; при выходѣ замужъ служанки за чужихъ крестьянъ отъ 2 до 30 р.; *сакврило*—при выходѣ вдовъ за чужихъ крестьянъ по 1 быку; повинность *съ шелка сырца*, съ новаго урожая, отъ 1 до 4 ланди, платили еще воскъ, медъ, ленъ, пеньку, конопляное сѣмя и пр.

Но этими повинностями и подношеніями далеко не исчерпывались крестьянскія обязанности въ Мингреліи; крестьянинъ вдобавокъ обязывался личнымъ, барщиннымъ трудомъ. Крестьяне должны были доставлять *шинакма* или *пареши*—домашнюю прислугу; каждый дворъ изъ крестьянъ мебегре

долженъ доставлять помѣщику одного работника; давать — *моахле*—служанку; крестьянинъ обязанъ и барщинными работами *надоба*: долженъ выходить на господскую полевую работу; дворъ даетъ одного взрослаго работника пѣшаго или съ арбой, по надобности; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне выходятъ на господскую работу 3 раза въ недѣлю; кормъ получаютъ отъ помѣщика; крестьяне даютъ работниковъ и на помѣщичьи постройки, на возку матеріаловъ, и въ этомъ случаѣ кормятся своими средствами; если крестьянинъ не можетъ выставить работника или уклоняется, то въ первомъ случаѣ съ него взыскивается до 10 килъ гоми въ году или деньгами отъ 50 до 80 коп. въ сутки; *твиртоба*—повинность перевозки или переноски помѣщичьей тяжести во время переѣздовъ помѣщиковъ. Съ разными, незначительными варіяціями повторяются эти повинности въ другихъ частяхъ Мингреліи. Въ этихъ крестьянскихъ повинностяхъ бросается въ глаза полная произвольность не только въ установленіи самой повинности, но и въ размѣрахъ ихъ; рѣшительно никакихъ руководящихъ правилъ, все зависитъ отъ произвола помѣщика и конечно, вмѣстѣ взятое все это порождаетъ непосильное обремененіе для крестьянина, который не только служитъ личнымъ трудомъ помѣщику, но отбываетъ повинности и деньгами, и натурой; крестьянинъ принужденъ еще разносторонне удовлетворять требованія помѣщика, безъ элементарной гарантіи личной самостоятельности и матеріальной обезпеченности [1]).

Въ особыхъ условіяхъ обрѣтались горскіе народы, поселенные по военно-грузинской дорогѣ. Управлялись они эриставами. Эриставы—это „чиновники высшаго достоинства, кои избирались, опредѣлялись, увольнялись самими царями“, ихъ обязанности состояли въ томъ, чтобы „съ ввѣренныхъ имъ народовъ собирать государственныя подати, производить между ними судъ и расправу и до извѣстной степени набирать войско и предводительствовать ими на

[1]) Дѣло Канцеляріи по дѣламъ устройства помѣщичьихъ крестьянъ при Главномъ управленіи Намѣстники Кавказскаго, св. № 11, д. № 45—154 Описаніе пом. имѣній Деспотъ-Зеновича и Юзбашева, 23 дек. 1865 г. Записка Р. Эристова, 16 марта 1866 г., ibid.

войнѣ". Особенно выдвинулись Арагвскіе эриставы, изъ Сидамоновыхъ, которые воспользовались наслѣдственностью должностей, „неблагопріятными обстоятельствами и слабостью современныхъ царей грузинскихъ, стали присваивать себѣ права владѣльца или помѣщика надъ арагвцами". Послѣ истребленія рода Сидамоновыхъ и предотвращенія измѣны со стороны эристава, Арагвскій округъ былъ обращенъ въ удѣльное владѣніе дѣтей царя Ираклія въ 1803 г. и поступилъ въ казенное владѣніе, а уже въ 1827 г. Арагвское ущелье, вмѣстѣ съ ксанскимъ и мухранскимъ ущеліемъ, составили Душетскій у., а Хеви, Трусовское ущелье, Мтіулетія, Гудамакари, Ханда составили управленіе горскими народами. Общей государственной повинностью для горскихъ народовъ будетъ *махта*—денежный сборъ. Въ этихъ горскихъ населеніяхъ существовала съ древнихъ поръ поземельная повинность, *калани*, ею были обложены крестьянскіе участки, подъ названіемъ *сакомло*; она уплачивалась натуральными продуктами: произведеніями земли, скотомъ, баранами, барашками, неравномѣрно, по участкамъ. Подымная повинность состояла изъ разныхъ сборовъ различныхъ наименованій: извѣстныя уже саагдгомо, самаспиндзло; *шевардени*—сборъ на содержаніе владѣльческихъ соколовъ; *набади*—войлокъ для конюховъ; обложены этими повинностями были не всѣ крестьяне. Въ Трусовскомъ ущеліи существовала одна подымная подать, калани; земли сакомло обязаны были платить въ 2 года по 5-ти, 3—по 12 барановъ; тарханныя земли должны были кормить посылаемыхъ въ ущелье отъ удѣльнаго царевича чиновниковъ и въ 3 года разъ давать съ каждаго участка по 3 коровы или лошади. Мтіулетинцы и гудамакарцы обложены были подымной калани по 50 коп. со двора. Главное занятіе горскихъ жителей состояло въ скотоводствѣ. Въ общемъ среди горскаго населенія: „бѣдность всеобщая, нищета является самымъ разительнымъ образомъ"[1]).

---

[1]) А. К. А. К., т. VII — Записка Чиляева о горскихъ народахъ по военно-грузинской дорогѣ, 1827 г., 348—350.

5. Исчисленіе крестьянскихъ повинностей на деньги.

Такъ какъ повинности грузинскими крестьянами повсемѣстно отбывались натурой и въ рѣдчайшихъ случаяхъ деньгами, то очень важнымъ является переводъ этихъ повинностей на деньги. Сдѣлать это для отдаленныхъ временъ невозможно въ виду недостатка свѣдѣній; но ко времени болѣе поздней это уже значительно легче, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ такіе переводы современнаго крѣпостному праву періода, 60-хъ гг. Эти свѣдѣнія и переводы исходятъ не изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, но тѣмъ не менѣе они столь близко подходятъ другъ другу, что можно считать ихъ вполнѣ достовѣрными и незначительную разницу отбросить, какъ малосущественную и не вліяющую на общій выводъ. Въ Грузіи повинности исчисляются такъ:

Сакврило—за выходъ замужъ крестьянской вдовы съ одного крестьянскаго дыма отъ 1 р. до 3 р.; въ Горійскомъ у. отъ 2—10 р., Сигнахскомъ у. 12 р.

Сачекме—за выходъ дѣвки замужъ отъ 30 к. до 1 р., въ Горійскомъ у. отъ 50к. до 8 р.; Сигнахскомъ у. 6 р.

Приношенія къ свадьбѣ, въ день женитьбы, при радостныхъ или горестныхъ событіяхъ господину 2—6 р., въ Горійскомъ у. отъ 70 к. до 5 р., Сигнахскомъ у. 1 р.

Приношеніе женившагося крестьянина отъ 3 р.—10 р., Горійскомъ у. до 4 р. 30 к., Сигнахскомъ у. 20 р.

Гасамкрело — съ раздѣла крестьянскихъ семействъ отъ 5—40 р., въ Горійскомъ у. 5 р., Сигнахскомъ 40 р.

Шесамкрело—за соединеніе раздѣльныхъ семействъ отъ 2 р. 50 к.—20 р.

Приношеніе къ Пасхѣ въ Горійскомъ у. отъ 60 к.—1 р. 60 к.,

Приношеніе къ Рождеству отъ 50 к.—2 р., въ Горійскомъ 1 р.; Сигнахскомъ у. отъ 3—10 р.

Приношеніе къ заговѣнію отъ 1—3 р., въ Сигнакскомъ у. отъ 1 р. 27 к.—4 р.

Сборовъ денежныхъ по раскладкѣ отъ 3—15 р.

Саламати—сборъ съ продажи вина отъ 2—6 р.

„ „ „ „ скота отъ 2—6 р.

Съ дракъ отъ 5—10 р., разныхъ штрафовъ въ Сигнахскомъ у. 20 руб.

Къ молотьбѣ отъ 1—3 р.

Съ новыхъ продуктовъ отъ 2—5 р.

Къ сбору винограда отъ 1—4 р.

Съ убоя скота отъ 60 к.—1 р.

Съ убоя дичи отъ 20 к.—60 к.

Приношеніе соли отъ 60 к.—1 р. 60 к.

Приношеніе рыбы отъ 50 к.—1 20 к., въ Сигнахскомъ у. 70 коп.

Приношеніе куръ и яицъ 50 к.

Стоимость прислуги 60 р.

Въ Сигнахскомъ уѣздѣ разныхъ приношеній въ теченіи года оказывалось отъ 3 р. 60 к.—до 12 р., да здѣсь же повинность съ пчеловодства 30 к.

Въ Горійскомъ уѣздѣ съ каждой коровы или буйволицы $2^1/_4$ ф. масла по 25 к., въ среднемъ на 50 к.; здѣсь же крестьянинъ долженъ косить сѣно на господина въ теченіи мѣсяца и свозить со своимъ скотомъ; считая цѣнность косца по 80 к., а арбы 1 р. въ день, въ мѣсяцъ будетъ около 54 р., крестьяне помогаютъ трудомъ и скотомъ строить господину, въ среднемъ придется отъ 1—20 р.

Такимъ образомъ, если перевести крестьянскія повинности на деньги, то окажется, что кахетинскіе помѣщики въ годъ получаютъ разныхъ податей и повинностей съ крестьянскаго дыма въ средней сложности 148 р. $38^1/_3$ к.; при этомъ minimum дохода составитъ 96 р. 30 к., maximum 207 р.; въ Сигнахскомъ уѣздѣ — 116 р. 10 к.; minimum 107 р. $77^1/_2$ к., maximum 126 р., а въ Горійскомъ у. въ среднемъ 177 р. 40 к.; minimum 115 р., maximum 239 р. 80 [1]). Въ это исчисленіе не вошла сумма галы и кулухи, позе. мельной и садовой подати, которая сильно колебалась; напримѣръ, гала въ Горійскомъ уѣздѣ съ дыма въ годъ составляла отъ 5—100 р.

Въ Мингреліи при переводѣ на деньги повинностей получается слѣдующее: въ Зугдидскомъ у., ко времени 1866 г.,

[1]) Дѣло Канцеляріи по дѣламъ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ управленіи Намѣстника Кавказскаго, Св. № 5, д. 25/80.

съ дыма въ годъ получали помѣщики minimum 7 р. 50 к. въ сел. Джвари, maximum 39 р. 90 к. (въ с. Нигоити) съ крестьянъ азатовъ; съ просто крѣпостныхъ крестьянъ 17 р. 50 к., maximum 49 р. 90 к. (въ Зугдиди); въ Сенакскомъ окр., съ азатовъ 7 р. 30 к. (сел. Хупуи), 17 р. 10 к. (Чаладиди); съ крѣпостныхъ 12 р. 60 к. (сел. Чаладиди), 36 р. 80 к. (сел. Дехвири), но въ эту сумму повинностей не включены ни стоимость барщинныхъ работъ крестьянъ на помѣщика, ни стоимость прислуги. При соединеніи этихъ суммъ значительно повысится размѣръ крестьянскихъ повинностей въ Мингреліи [1]).

---

[1]) Дѣло Канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказа, св. 11, ч. I, д. № 45/154, Записка депутата отъ опеки надъ имуществомъ малолѣтняго владѣтеля Мингреліи, 13 февр. 1866 г.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО

и крестьянскій вопросъ въ Грузіи

во время русскаго владычества.

I.

Общая характеристика русскаго управленія на Кавказѣ.

Съ момента своего водворенія на Кавказѣ русская власть приступаетъ къ широкой организаціонной работѣ, къ переустройству гражданскаго управленія на началахъ законности и порядка; иными словами, не уничтожая въ корнѣ старыхъ туземныхъ формъ правовой жизни, русская власть стремится примирить старое мѣстное обычное право съ русскимъ писаннымъ закономъ, частью приспособляя старое къ новому, частью видоизмѣняя старое кореннымъ образомъ. Но бѣда заключалась въ томъ, что русская власть не имѣла опредѣленной програмы строительства; быстрая смѣна главноуправляющихъ, которые почти не считались съ трудами своихъ предшественниковъ, создавала такой хаосъ, такую путаницу отношеній, что открывался широкій просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій и беззаконныхъ дѣяній. Не слѣдуетъ забывать, что русскіе чиновники соблазнялись выгодными условіями службы на новой окраинѣ, и рекрутировались безъ разбора, а потому и попадали худшіе представители чиновничьяго класса. Положеніе вещей на Кавказѣ складывалось весьма неблагопріятно для русской власти. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что новая власть, съ отсутствіемъ точно выработанной программы, съ безконечными измѣненіями и новшествами въ управленіи, взяточничествомъ и разнообразными видами и формами злоупотребленій, напугала туземное населеніе; послѣднее отшатнулось отъ русской власти; начались волненія, бунты, широкая и дѣятельная пропаганда вражды и ненависти къ новой власти; къ великому несчастію эта отчужденность населенія отъ власти по традиціи сохранилась до настоящихъ дней.

Съ первыхъ же лѣтъ водворенія русской власти обнаружилось печальное состояніе новаго управленія. Оффиціальные представители власти уже въ 1802 г. отмѣчаютъ разнообразіе и пестроту въ управленіи, слѣдствіемъ чего оказалось: „величайшее злоупотребленіе властей"; интересы народные совершенно игнорируются, не пытаются даже растолковать новыя начала управленія, „народъ по незнанію правъ Россійскихъ неизвѣстенъ о томъ, какіе предѣлы имѣетъ власть земскихъ чиновниковъ; ниже не знаетъ и того, до какой степени простирается власть дворянства или помѣщиковъ надъ крестьянами, а зависимость сихъ отъ помѣщиковъ" [1]), такъ было въ самомъ началѣ водворенія русской власти, а дальше положеніе все ухудшалось. Въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ гр. И. Ѳ. Паскевичъ, главноуправляющій съ 1827—1831 гг., даетъ обстоятельную характеристику управленія: „чрезвычайное разнообразіе въ формахъ управленія", это первопричина всѣхъ золъ, а изъ этого вытекаетъ то, что „въ одномъ уѣздѣ введены формы судопроизводства Россійскаго, въ другихъ власть исполнительная соединена съ судебною, вездѣ при производствѣ существуетъ смѣшеніе законовъ Грузинскихъ съ русскими", „злоупотребленія низшихъ мѣстныхъ начальниковъ доходили до высочайшей степени", „надзоръ губернскаго начальства за порядкомъ и правосудіемъ былъ ничтоженъ", „поступки низшихъ мѣстъ и лицъ, даже распоряженія казенными суммами были безотчетны", „нужды народа и средства края были неизвѣстны", „существуютъ разные сборы, чрезвычайно отягчающіе народъ и подавляющіе торговлю и промышленность", „иныя узаконенія вовсе не были исполняемы", „часть финансовая была въ совершенномъ запущеніи", „допущены были разныя внутреннія пошлины въ пользу частныхъ лицъ", „въ Грузіи существуетъ почти столько же различныхъ формъ правленія, равно неудобныхъ, сколько и самыхъ уѣздовъ", „управленіе поручено одному лицу, дѣйствія коего всегда произвольны" [2]). По комедіямъ кн. Г. Эристова, можно познако-

[1]) А. К. А. К., т. II, 10—11. Письмо к. с. Соколова гр. А. Воронцову, отъ 1 ноября 1802 г.

[2]) А. К. А. К., т. VII, Всеподд. рапортъ гр. Паскевича, отъ 16 мая

миться, между прочимъ, съ правосудіемъ „добраго стараго времени, правосудіемъ продажнымъ и пристрастнымъ, уважающимъ все, кромѣ правды и справедливости“ [1]). Правда, изъ Петербурга посылали ревизоровъ для изслѣдованія состоянія управленія Кавказомъ, но результаты ревизіи всегда оказывались съ ограниченными послѣдствіями. Зло было настолько очевиднымъ, что каждый посторонній свѣжій человѣкъ не могъ не ужасаться предъ тѣмъ печальнымъ состояніемъ, въ которомъ находилось управленіе Кавказомъ. Ревизія сенаторовъ гр. Кутайсова и Мечникова въ 1831 г. привела ихъ къ такимъ выводамъ: „многіе чиновники забыли совершенно страхъ Божій, честь и самую присягу, которой обязаны государю“, „ни въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Закавказскаго края въ формахъ и обрядахъ производста дѣлъ и тѣни того порядка, который установленъ закономъ: въ однихъ присутственныхъ мѣстахъ отъ неправильной организаціи оныхъ, а въ другихъ отъ неспособности и неопытности чиновниковъ... и отъ совершеннаго недостатка чиновниковъ, къ службѣ способныхъ“, „количество нерѣшенныхъ дѣлъ оказалось необъятное“, „мѣстные начальники въ Закавказскомъ краѣ были образцомъ нарушенія законовъ, нежели блюстителями ихъ“, „Закавказское правительство не ограничивалось однимъ только исполненіемъ Высочайшей воли, оно даже отмѣняло Высочайшія повелѣнія собственно ему данныя, и замѣняло ихъ своими распоряженіями“, такимъ образомъ, не смотря на 30-лѣтнее господство русской власти въ Закавказьѣ управленіе „носитъ еще на себѣ печать *безотчетнаго произвольнаго и неопредѣлительнаго управленія прежнихъ владыкъ края*“ [2]). Если изъ этого отзыва отвлечь все,

---

1829 г., стр. 19, 21, 31—33; 36; 24—25, ср. т. V—бунтъ въ Кахетіи въ 1812 г., его причины, стр. 61—62; 65—66, 83, 463, т. IX, безпокойство въ Гуріи 1841 г., стр. 164—175.

[1]) А. С. Хахановъ — Очерки по исторіи грузинской словесности, в. 4, стр. 93.

[2]) А. К. А. К., т. VII, Отношеніе сен. Мечникова къ ген-ад. Стрекалову, отъ 31 мая 1831 г., стр. 391, 392, 393.; т. VIII, Всеподд. рапортъ сен. т. с. гр. Кутайсова и Мечникова, 1831 г. стр. 2 — 12.; въ отчетѣ между прочимъ сказано: главноуправляющіе кн. Цицiановъ, гр. Гудо-

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

что можетъ быть отнесено къ нѣкоторому сгущенію красокъ, гиперболѣ, все же въ итогѣ останется бенадежно-печальная картина. Мы уклонились нѣсколько въ сторону для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить ту работу русской власти, которая имъ была продѣлана въ 50 съ лишнимъ лѣтъ для ознакомленія съ крѣпостнымъ строемъ въ Грузіи. Въ виду безотчетности, неосвѣдомленности, отсутствія программы и чрезмѣрной медлительности въ дѣйствіяхъ русская власть съ большими задержками и съ трудомъ освоивалась съ сущностью грузинскаго крѣпостного права. Мѣропріятія русской власти по отношенію къ Закавказскому крѣпостному крестьянству никогда не носили опредѣленнаго отпечатка какой-либо программы; всѣ мѣропріятія протекали скачкообразно, все дѣлалось урывками, часто они вступали въ органическое другъ другу противорѣчіе, но главное дѣло подвигалось очень медленно, такъ что, когда приступили къ крестьянской реформѣ, то сейчасъ же встрѣтились съ серьезными затрудненіями, ибо не имѣли отчетливаго представленія объ основахъ грузинскаго крѣпостного права. Конечно, такое положеніе дѣла являлось только слѣдствіемъ того ненормальнаго управленія новой окрайной, о которой говорилось выше.

вичъ, ген. Вельяминовъ, Ермоловъ, „присвоили себѣ то, что принадлежитъ власти самодержавной“, стр. 7.

II.

Попытки изученія грузинскаго законодательства о крѣпостномъ населеніи русской властью.

На первыхъ порахъ, послѣ водворенія русской власти на Кавказѣ, возникъ серьезный вопросъ о томъ, на основаніи какихъ законовъ управлять новымъ краемъ. Затруднительность положенія русской власти заключалась еще въ томъ, что новый край болѣе пользовался правомъ обычнымъ, чѣмъ писаннымъ, естественно изъ этого вытекала необходимость познакомиться какъ съ закономъ писаннымъ, такъ и съ нормами обычнаго права; спеціально необходимо было ознакомиться съ нормами, обнимающими закавказское крѣпостное право. Для того, чтобы не пугать новыхъ подданныхъ и не создавать на первыхъ же порахъ сумятицы въ отношеніяхъ, Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 12 сентября 1801 г., было приказано, что „по общему правилу оставляются всѣ состоянія обитателей царства грузинскаго при своихъ правахъ и преимуществахъ", но въ то же время новая власть пытается выяснить объемъ и существо грузинскаго крѣпостного права [1]). Но прежде всего, конечно, нужно было привести въ извѣстность законы царя Вахтанга, касательно гражданскаго управленія вообще, и крѣпостного права въ частности [2]). Высочайшимъ повелѣніемъ было приказано въ дѣлахъ гражданскихъ руководствоваться Ул. Вахтанга, до-

[1]) А. К. А. К., I—Предписаніе ген.-л. Кнорринга полк. Дренякину, отъ 10 іюня 1802 г., стр. 487—488 и далѣе.

[2]) ibid. Письмо ген.-лейт. Кнорринга къ д. с. с. Коваленскому, отъ 11 іюня 1802 г., стр. 490.

полняя ихъ русскими законами въ тѣхъ случаяхъ, когда нормы грузинскаго окажутся не достаточными, а въ дѣлахъ уголовныхъ пользоваться русскими законами.

Несмотря на настоятельную потребность познакомиться и выяснить сущность мѣстныхъ законовъ, новая власть не торопится и приведеніе въ извѣстность туземныхъ законовъ откладывается на цѣлыхъ семь лѣтъ. Главноуправляющіе ограничиваются только своими личными сужденіями касательно грузинскихъ законовъ, такъ, гр. И. В. Гудовичъ (1806—1809 г.) былъ того мнѣнія, что „собраніе грузинскихъ законовъ для любопытства нужно", но такъ какъ они не достаточны„ то къ общимъ Россійскимъ законамъ надобно и пріучать здѣшній народъ"; не вдаваясь въ оцѣнку этого сужденія, мы тѣмъ не менѣе должны отмѣтить то положеніе, что новыя учрежденія были сбиты съ толку, ибо не было извѣстно какими нормами въ концѣ концовъ руководствоваться. Главноуправляющіе признаютъ недостаточность грузинскихъ законовъ, но въ то же время ничего не дѣлаютъ для созданія достаточныхъ законовъ, ген. А. П. Тормасовъ (1809—1811 г.) полагалъ, что „законы царя Вахтанга которые большею частью переведены, весьма недостаточны и почти всѣ въ пользу сильнаго, а потому и не соотвѣтствуютъ человѣколюбивымъ и кроткимъ законамъ Россійской имперіи, при чемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть сообразно съ народнымъ умоначертаніемъ употребляемы и нужно, *сдѣлавши таковымъ выборъ, утвердить оные, по мѣстнымъ здѣшнимъ обстоятельствамъ*, но вообще законы Россійскіе полезнѣе и жители къ нимъ скоро привыкнуть могутъ". [1]). Несмотря на эти разсужденія ничего не было сдѣлано для приведенія въ извѣстность мѣстныхъ законовъ и окончательнаго пользованія законами русскими или грузинскими, только вопреки Высочайшей волѣ судопроизводство по прежнему грузинскому обычаю было оставлено, „а введенъ былъ, по примѣру россійскаго судопроизводства, судъ по формѣ на Россійскомъ діалектѣ", но этотъ судъ на непонятномъ для народа языкѣ былъ отмѣненъ, по ходатайству кн. Циціа-

[1]) А. К. А. К., т. IV, — Сужденіе о лучшемъ устроеніи Грузіи, отношеніе гр. Гудовича къ кн. Куракину, отъ 30 янв. 1809 г., стр. 6.

нова, Высочайшимъ ук. 13 мая 1805 г. [1]). Неопредѣленность распоряженій касательно пользованія тѣми или другими законами открывала широчайшій просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій мѣстныхъ агентовъ власти. До 20-хъ г.г. вопросъ о приведеніи въ извѣстность грузинскихъ законовъ остался заброшеннымъ. Только главноуправляющій Кавказомъ А. П. Ермоловъ (1816 — 1827 г.) въ письмѣ М. Сперанскому, отъ 7 сент. 1821 г., заявляетъ, что переводы Уложенія Вахтанга, которыми руководились присутственныя мѣста „какъ кореннымъ для тамошняго края закономъ заключаютъ въ себѣ большіе недостатки, не говоря уже о неясностяхъ и повтореніяхъ"; многія статьи оригинала оказались безъ перевода. Въ виду такого открытія ген. Ермоловъ испросилъ разрѣшеніе на образованіе спеціальной коммиссіи для перевода Уложенія Вахтанга, полнаго и точнаго, съ одной стороны, и для выборки, съ другой, тѣхъ статей перевода, которыя „признаны будутъ для судопроизводства приличными и необходимыми" [2]).

Въ апрѣлѣ 1822 г. коммиссія была образована въ составѣ: предсѣдателя ген. м. Ховена, прокурора синодальной конторы Чиляева, кн. Палавандова, мѣстнаго уроженца, и директора Тифлисскаго Благороднаго Училища Букринскаго; осенью 1824 г. переводъ былъ оконченъ [3]). Коммиссія выполнила одну половину работы, переводъ Уложенія, но не сдѣлала систематической выборки тѣхъ статей, которыми можно было пользоваться въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Но коммиссія сдѣлала очень важное постановленіе: порядокъ судопроизводства, законы духовные, уголовные, законы, относящіеся къ праву государственному, „какъ недостаточные во всѣхъ отношеніяхъ и несовмѣстные уже съ настоящимъ положеніемъ Грузіи" оставить и вмѣсто нихъ принять въ руководство существующіе на тотъ предметъ русскіе законы; что же касается грузинскихъ гражданскихъ законовъ, то въ виду ихъ несогла-

[1]) А. К. А. К., т. IV, Докладъ Верховнаго Груз. Правит. Экспедиціи Суда и Расправы, отправляющаго должность начальника, совѣтника Е. Попова ген. Тормасову, отъ 23 мая 1809 г., стр. 7.

[2]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, стр. 46.

[3]) ibid., стр. 52, 56, 72, 73. Рапортъ ген.-л. Вельяминова министру Юстиціи, отъ 15 сент. 1824 г.

сія„ съ принятыми у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ правилами", противорѣчій, несоотвѣтствія духу времени, рѣшено также оставить безъ вниманія, что же останется изъ Уложенія Вахтанга послѣ подобнаго очищенія пополнять узаконеніями русскими. Наконецъ, коммиссія постановила выписать статьи долженствующія быть уничтоженными, выдѣливъ изъ нихъ тѣ въ особенности, которыя слѣдовало бы сохранить для дальнѣйшаго соображенія [1]), но это постановленіе такъ и не было приведено въ исполненіе. На Ермолова было возложено Высочайшимъ повелѣніемъ, еще отъ 21 дек. 1820 г., обязанность представить, какія перемѣны и дополненія можно было сдѣлать въ грузинскихъ законахъ. Ген. Ермоловъ, ссылаясь на служебную обременность, отказался отъ подачи своего мнѣнія по дѣлу, требующему „познанія въ законодательствѣ"; на черновой отвѣта государственному секретарю А. Оленину ген. Ермоловъ между тѣмъ написалъ: *„не скрываю я и недостаточныхъ познаній моихъ по сей части"* [2]). Но любопытнѣе всего то, что Ермоловъ этотъ отвѣтъ далъ черезъ семь лѣтъ, въ 1827 г. Т. о., въ управленіе ген. Ермолова было только составлено извлеченіе изъ Грузинскаго Уложенія тѣхъ статей, которыми можно было пользоваться; выборка была сдѣлана изъ собственно Законовъ Вахтанга. Вмѣстѣ съ переводомъ Ермолова было всего въ разное время сдѣлано 4: при ген. Ртищевѣ, ген. Вельяминовѣ, Ермоловѣ, переводъ царевича Миріана. По распоряженію Прав. Сен. 1828 г. былъ изданъ на основаніи этихъ четырехъ переводовъ „Сборникъ законовъ царя Вахтанга" для руководства въ судахъ Грузіи, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Кутаисской и Тифлисской губ. Черезъ 27 л., наконецъ, былъ изданъ цѣльный сборникъ законовъ и тѣмъ былъ внесенъ нѣкоторый порядокъ въ грузинскія правительственныя учрежденія. Но изданіе „Сборника" не разрѣшило другого кардинальнаго вопроса объ отношеніи и разграниченіи дѣйствій грузинскаго и русскаго закона, т. е. не было сдѣ-

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, Опредѣленіе Коммиссіи, учр. для перевода Грузинскаго перевода съ груз. Уложенія Вахтанга, отъ 15 мая 1825 г., стр. 78.

[2]) ibid., 93-94.

лано учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ *категорическаго* указанія относительно преимущественнаго пользованія грузинскими или русскими нормами въ сферѣ гражданскаго управленія, ибо касательно уголовныхъ законовъ вопросъ былъ давно разрѣшенъ, т. е. уголовныя дѣла разсматривались только на основаніи русскихъ законовъ.

Оффиціальные представители высшей власти на Кавказѣ отдавали предпочтеніе русскимъ гражданскимъ законамъ и считали необходимымъ пріучить мѣстное населеніе къ русскимъ законамъ. Но для того чтобы не производить крупныхъ перемѣнъ въ правовомъ сознаніи народа старались сохранять нормы мѣстныхъ законовъ, но на самомъ дѣлѣ происходило смѣшеніе нормъ мѣстныхъ и русскихъ, что вносило страшную путаницу, какъ въ умы мѣстнаго населенія, такъ и въ правительственныя учрежденія, ибо не было извѣстно въ какихъ случаяхъ и какими нормами нужно было пользоваться. Въ теченіе почти 30 лѣтъ не успѣли размежевать дѣйствій туземныхъ и русскихъ законовъ и вотъ, покончивъ съ изданіемъ сборника грузинскихъ законовъ, приступили къ другой работѣ къ пересмотру тѣхъ изъ статей „Сборника“, которыя можно было бы сохранить въ качествѣ дѣйствующаго закона, а въ остальномъ замѣнить мѣстные законы русскими, но и эта работа стала подвигаться очень медленно и была закончена опять почти черезъ 30 лѣтъ.

Въ 1840 г. засѣдалъ „комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края“, комитетъ призналъ, что законы Вахтанга, „не совмѣстны съ настоящими отношеніями и потребностями жителей“. По отзывамъ гр. Паскевича, ревизоровъ гр. Кутайсова, Мечникова, коммиссіи подъ предсѣдательствомъ бар. Гана, ген. Головина, неустройства въ управленіи краемъ „проистекаютъ именно отъ смѣшаннаго дѣйствія законовъ русскихъ, законовъ царя Вахтанга и мѣстныхъ обычаевъ и что главнѣйшимъ способомъ къ исправленію сихъ неустройствъ можетъ служить введеніе исключительнаго дѣйствія русскихъ законовъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ“. Иного мнѣнія былъ министръ Госуд. Имуществъ, извѣстный гр. Киселевъ, всѣ неустройства по части гражданскаго управленія Кавказомъ, по его мнѣнію, „происходятъ едва ли не отъ преждевременнаго введенія тамъ нашихъ законовъ“;

это заключеніе основывается „на той извѣстной истинѣ, что гражданскіе законы каждой страны должны проистекать изъ элементовъ народной жизни и соотвѣтствовать всѣмъ гражданскимъ потребностямъ и отношеніямъ“ [1]).

Въ виду единогласно признаннаго безпорядка въ гражданскомъ управленіи края Высочайше было повелѣно сообразить и представить заключенія о тѣхъ статьяхъ Уложенія Вахтанга, которыя должны были на будущее время сохранить свое дѣйствіе въ видѣ дополненій или изъятій изъ общихъ законовъ [2]). Но все дѣло на этомъ и остановилось; только во время намѣстничества кн. Воронцова въ 1849 г. спеціальной коммиссіей былъ разработанъ обстоятельный докладъ относительно измѣненія статей Ул. Вахтанга касательно крѣпостного населенія, но, во-первыхъ, проектъ изъятій утвержденія не получилъ, а во-вторыхъ, работа коммиссіи касалась части Ул. Вахтанга (объ этомъ подробнѣе ниже).

Неоднократно поступали ходатайства отъ разныхъ правительственныхъ лицъ и грузинскаго дворянства касательно прекращенія дѣйствія Законовъ Вахтанга; съ такимъ ходатайствомъ обратилось дворянство въ 1837 г. къ Государю во время проѣзда черезъ Закавказскій край, 1839 г. главноуправляющему Грузіей ген. Головину, 1842 г. военному министру; такія же заявленія поступили въ 1830 г. отъ гр. Паскевича, сенаторовъ Кутайсова и Мечникова. Такія заявленія имѣли то основаніе, что русскіе и грузинскіе законы такъ были перемѣшаны, что создавали большой хаосъ въ управленіи краемъ.

Извлеченіе изъ Грузинскихъ Законовъ, составленное при ген. Ермоловѣ и пересмотрѣнное въ Верховномъ Грузинскомъ Правительствѣ, въ 1827 г. было доставлено государственному секретарю А. Оленину, но судьба его неизвѣстна; наконецъ, на заключеніе намѣстника Кавказскаго были отправлены двѣ записки главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственно Е. В. канцеляріи, гр. Блудовымъ; одна записка касалась Законовъ Вахтанга и тѣхъ статей его Уложенія,

---

[1]) А. К. А. К., т. IX, Журналъ Комитета объ устройствѣ Закав. края, отъ 22 января 1840 г., № 20, стр. 21-23.

[2]) ibid., Отчетъ о преобразованіи Закавказскаго края, стр. 34.

которыя предполагалось сохранить въ Грузіи; другая—нѣкоторыхъ дѣйствующихъ въ Грузіи узаконеній. Для разсмотрѣнія записокъ была образована спеціальная коммиссія, которая окончила свой трудъ въ 1846 г.; предположенія коммиссіи перешли на утвержденіе Совѣта Главнаго Управленія Кавказскаго. Багратіонъ-Мухранскому было поручено составленіе по предмету докладной записки. Главныя положенія докада Б.-Мухранскаго были приняты Совѣтомъ Главнаго Управленія. Принимая во вниманіе разнородность частей Уложенія, Б.-Мухранскій счелъ за возможное высказываться по существу только относительно собственно Законовъ Вахтанга; по его мнѣнію, туземные старые законы Георгія и Агбуги лишь историческіе памятники; что же касается армянскихъ и греческихъ законовъ, то они служили лишь объясненіемъ и дополненіемъ мѣстныхъ законовъ, и по голословному утвержденію докладчика, не имѣли никогда обязательной силы; поэтому изъ армянскихъ законовъ должны быть приняты въ нѣкоторое уваженіе только тѣ постановленія, которыя относятся къ дѣламъ коммерческимъ, если ихъ замѣна русскими не окажется возможной. Духовные же законы, какъ совершенно согласные съ греко-россійскими постановленіями, могутъ быть легко ими замѣнены. Сравнивъ законы Вахтанга съ русскими, Б.-Мухранскій пришелъ къ выводу, что грузинскіе законы не достаточны, но „Законы Вахтанга рѣдко бываютъ въ явномъ противорѣчіи съ русскими“, ибо и тѣ и другіе „основаны на нравоученіи христіанскомъ и естественномъ чувствѣ справедливости, въ нѣкоторыхъ случахъ возвышаемомъ еще и другими не менѣе святыми чувствами уваженія къ человѣчеству и снисходительности къ слабости людей“. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній докладчикъ склоняется въ пользу замѣны грузинскихъ законовъ русскими и попутно оправдываетъ нерѣшительныя дѣйствія касательно замѣны Уложенія Вахтанга русскими законами, объясняя это, съ одной стороны, недостаточнымъ знакомствомъ съ грузинскимъ закономъ, а съ другой, тѣмъ, что „разнородныя собранія узаконеній сборника были принимаемы за одно цѣлое“, потому неоднородность въ постановленіяхъ законовъ сборника „приписывалась противорѣчію

законодателя", а „при столь неясныхъ взглядахъ благоразуміе не позволяло приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ". Соображенія Б.-Мухранскаго были одобрены, какъ кавказскимъ начальствомъ, такъ и центральной властью; въ 1859 г., окт. 20, Высочайше утверждено было мнѣніе о замѣнѣ въ Закавказьѣ постановленій изъ Ул. Вахтанга общими узаконеніями Имперіи съ нѣкоторыми изъятіями изъ общихъ законовъ, распространяющимися на Грузію, т. е. Тифлисскую и Кутаисскую губ. Эти изъятія вошли въ доп. къ X т., I ч. Св. Зак. Гражд., изд. 1857 г.[1]).

Итакъ, послѣ многихъ колебаній, неувѣренныхъ дѣйствій, въ теченіи 50 съ лишнимъ лѣтъ, Закавказское центральное правительство приняло въ основаніе правовой жизни страны общіе для имперіи законы. Не вдаваясь въ большія подробности, мы должны отмѣтить, что въ теченіи 50 лѣтъ русская власть утверждала, что нельзя уничтожать мѣстныхъ правовыхъ нормъ и замѣнять ихъ нормами другими; но высказавшись за возможность замѣны мѣстныхъ законовъ общеимперскими, русская власть, во-первыхъ, не познакомила мѣстное населеніе съ новыми законами и не отучила отъ старыхъ, поэтому окончательная замѣна ихъ новымъ русскимъ закономъ органически мало была связана съ предшествующимъ правовымъ сознаніемъ грузинскаго народа, а утвержденіе Б.-Мухранскаго о близкомъ сходствѣ русскаго и грузинскаго закона не имѣетъ серьезныхъ основаній уже потому, что грузинское и русское право вырабатывалось при неодинаковыхъ гражданскихъ и политическихъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, новый законъ не былъ приспособленъ къ правовому самосознанію народа, но положительная сторона реформы заключалась въ томъ, что установивъ нормы закона обязательныя для края, тѣмъ самымъ на будущее время устраняли хаотичность и безпорядокъ отъ неразмежеванности дѣйствія права туземнаго и права русскаго.

[1]) А. К. А. К., т. X, Докладъ к. с Багратіонъ-Мухранскаго кн. Воронцову, отъ 7 авг. 1853 г. (по Запискѣ II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи о законахъ царя Вахтанга), стр. 64, 66—68, 85—87, 100—103; Ibid. т. XII, Отчетъ ген. фельдм. кн. Барятинскаго за 1857—59 г., стр. 1328; Полн. Собр. Зак., т. 34, № 34. 980.

III.

Мѣры къ упорядоченію землевладѣнія въ Закавказьѣ.

Закавказское центральное правительство занялось разрѣшеніемъ другого важнаго вопроса, упорядоченіемъ землевладѣнія. Закавказское землевладѣніе страдало и по сей день страдаетъ отъ чрезполосности, отъ неопредѣленности границъ владѣнія. Имѣніями владѣли цѣлыя поколѣнія безъ раздѣла и такъ они оставались на будущее время безъ раздѣла въ виду „невозможности законнымъ образомъ опредѣлить пространство и границы того, что подлежитъ раздѣлу". Старые дворянскіе документы, жалованныя грамоты, устанавливавшія права на владѣніе были очень неточны въ обозначеніи границъ, многія изъ нихъ были утрачены вовсе; такимъ образомъ, не было возможности установить ни предѣлы, ни размѣры частнаго, дворянскаго землевладѣнія, ни равно размѣры надѣленія крестьянъ; въ силу такого положенія вещей возникали постоянныя земельныя споры и безконечныя тяжбы, — что сильно тормозило хозяйственное и экономическое развитіе края. „Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, писалъ въ всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ кн. Воронцовъ, отъ 24—28 февр. 1854 г., низкой степени гражданскаго развитія, на которой находится Грузія, заключается въ неопредѣленности и шаткости поземельнаго владѣнія," что „порождаетъ бѣдность богатаго края." [1]) Споры возникавшія по поводу земельнаго владѣнія по недостатку документовъ и доказательствъ переходили изъ однихъ инстанцій въ другія, и „требуя дополненій и дослѣдованій, длятся многія десятилѣтія." Отсутствіе строгихъ доказа-

[1]) А. К. А. К., т. X, 828; ibid., т. VII, 17.

тельствъ на право владѣнія вызывали захваты частныхъ и казенныхъ земель, порождая необычайный хаосъ и безпорядокъ въ правѣ землевладѣнія и еще болѣе въ землепользованіи; такъ какъ права на владѣнія не были строго разграничены и такъ какъ многіе изъ землевладѣльцевъ не знали, кто и чѣмъ именно владѣетъ, то культура отсутствовала, „имѣнія остаются въ первобытномъ неустройствѣ, цѣнность поземельной собственности незначительна, довѣрія къ ней и поземельнаго кредита вовсе не существуетъ“. Такъ какъ русская власть рѣшила въ качествѣ первой своей задачи привести въ извѣстность отношенія между различными сословіями, особенно отношенія между дворянами и крестьянами, то разрѣшеніе этой задачи не иначе могло состояться, какъ по приведеніи въ наличность земельнаго владѣнія и выясненія правъ отдѣльныхъ кетегорій земельныхъ владѣльцевъ.

Съ 1819 г. приступили къ межеванію, но дѣло сразу стало; съ 1810 г. возникла переписка, продолжавшаяся болѣе 25 л. относительно примѣненія общихъ законовъ Имперіи касательно межеванія, къ мѣстнымъ условіямъ. Въ 1846 г. была учреждена въ Тифлисѣ спеціальная школа межевщиковъ для нуждъ края; приступлено было къ топографической съемкѣ края съ нанесеніемъ на планы границъ селеній по указанію почетнѣйшихъ старожиловъ. Ни эти мѣры, ни установленіе съ 1840 г. штата губернскихъ и уѣздныхъ межевыхъ чиновъ „не имѣли никакого вліянія на окончательное приведеніе поземельной собственности въ извѣстность и безспорное владѣніе.“ Но такъ какъ не были созданы межевыя установенія, которыя разрѣшали бы споры при межеваніи и утверждали бы межевые акты, то землемѣры должны были ограничится однимъ исполненіемъ порученій начальства, имѣвшихъ большей частью характеръ административныхъ распоряженій, „а продолжительная переписка о примѣненіи общихъ мѣръ государственнаго межеванія къ особенностямъ Закавказскаго края не увѣнчалась ни однимъ окончательнымъ трудомъ, который получилъ бы утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ“. Топографическія съемки съ нанесеніемъ на планы границъ селеній послужили единственнымъ матеріаломъ для карты, составленной Генеральнымъ Штабомъ, но „оказались совершенно безполезными для настоящей цѣли

межеванія". Приведеніе въ извѣстность безпорядочныхъ границъ владѣнія, общее межеваніе края сильно замедлялось отъ того, что не выработали надлежащихъ мѣръ, но затрачивали до 50 т. р. с. ежегодно. Топографическія съемки съ нанесеніемъ границъ въ теченіи 9 л., отъ 1845 — 1855 г. охватили 13.419 кв. в. Практика показала, что топографическія съемки малопригодны для истинныхъ цѣлей межеванія; поэтому послѣ продолжительныхъ обсужденій вопроса и то въ концѣ 1859 г. изготовили проектъ межевого устава, который въ началѣ 60-хъ гг. получилъ окончательную обработку въ Совѣтѣ Намѣстника. Высшій надзоръ за межевыми учрежденіями и ихъ дѣйствіями переданъ былъ намѣстнику Кавказа, а для производства межеванія была создана Закавказская межевая контора. Окончательно было размежевано земель въ Закавказьѣ съ 1850 г. по 1855 г. 176.277 десятинъ, 1.417 кв. с. или 1.692 кв. в., 1.510 кв. с.;[1]) Размежеваніе Закавказскаго края сначала же поведено было такъ неумѣло и нецѣлосообразно. что результаты этого дѣла сказываются до настоящаго дня.

Неопредѣленность и шаткость Закавказскаго землевладѣнія одно изъ самыхъ крупныхъ золъ, которое порождаетъ безконечныя тяжбы, ссоры, открываетъ громадный просторъ всевозможнымъ преступнымъ дѣяніямъ, въ корнѣ подрываетъ возможность какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Ка началу 1889 г. окончательно размежеванныя земли дворянъ Тифлисской губ. составляли 58,7%, крестьянъ всѣхъ наименованій 2,4%; а въ Кутаисской губ. къ тому же времени было обмежевано всего 24,%, изъ нихъ окончательно 5,8 (См. сводъ статисти-

[1]) А. К. А. К. т. IX, стр. 596; т. XI, Записка о бывшихъ предположеніяхъ по межеванію Закав. края и. т. д. съ 1846 по 1855 г., сост. начальникомъ межевыхъ работъ, Федоровымъ, іюль 1855 г., стр. 789—792.; т. XII, Рапортъ с. с. Старицкаго и кол. сов. Барановскаго кн. Баретинскому, отъ 20 марта 1859 г., стр. 44—48; ibid. Отношеніе кн. Барятинскаго къ члену Кавказскаго Комитета, управляющаго дѣлами онаго, отъ 6 апр. 1862 г., № 92, стр. 68—71.; ibid, стр. 1328; т. IX, отношеніе ст.-секр. Позена къ ген. Нейдгарту; отъ 24 апр. 1844 г., № 283, стр. 623—624; т. VII, отношеніе гр. Паскевича къ Министру Юстиціи, отъ 2 мая 1829 г., стр. 17.

ческихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, изд. Закавк. Статист. Комитета, подъ ред. Е. Кондратенко, Тифлисъ 1893 г., стр. 30,32.; Положеніе о размежеваніи Закавказскаго края, изд В. Г. Соболевскаго, Тифлисъ, 1876 г., Г. М. Тумановъ, Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ, СПБ., 1901 г.; его же—Разбои и реформа суда на Кавказѣ, „Вѣстникъ Права," 1902 г., №9, 10; 1903 г., № 2, 3. и отдѣльно А. Френкель, Средства для борьбы съ разбоемъ на Кавказѣ, Тифлисъ 1898 г.).

IV.

Образованіе Дворянскаго Депутатскаго Собранія и утвержденіе въ правахъ дворянъ и князей Тифлисской и Кутаисской губ.

Для выясненія и опредѣленія правъ грузинскихъ помѣщиковъ надъ крестьянами и для опредѣленія и присвоенія дворянскихъ привилегій русская власть на Кавказѣ должна была установить, кто имѣетъ дворянское званіе и на какомъ основаніи. Разрѣшеніе этого вопроса естественно вытекало изъ того неопредѣленнаго и смѣшаннаго состоянія, въ которомъ находились отдѣльныя грузинскія сословія. Наконецъ, признавъ за грузинскими дворянами тѣ же права и обязанности, которыми пользовались русскіе дворяне, необходимо было образовать изъ грузинскаго дворянства одну сословную корпорацію; собрать и объединить въ одно цѣлое разсѣянную и раздробленную дворянскую массу. Но какъ первая, такъ и вторая задача встрѣтила большія затрудненія и препятствія въ средѣ дворянскаго сословія, породивъ тайныя опасенія, касательно сохраненія правъ и привилегій. На первыхъ порахъ приступили было къ образованію въ Тифлисѣ Дворянскаго Депутатскаго собранія; организовано было собраніе на основаніи общихъ узаконеній Имперіи, только съ „нѣкоторой отмѣной, сообразною съ правами и обычаями князей и дворянъ грузинскихъ,“ цѣль и польза учрежденія собранія мотировалась соображеніемъ, что въ собраніи этомъ „грузинское дворянство найдетъ все служащее къ прямой пользѣ и къ поддержанію своего достоинства“. Однако, дворянство Тифлисской губ. неохотно взялось за это дѣло, а для Имеретіи (Кутаисской губ. по преимуществу) открытіе Депутатскаго собранія въ 1830 г. признано

преждевременнымъ. Въ Тифлисѣ Дворянское Депутатское Собраніе начало функціонировать лишь въ 1819 г.[1])

Сложнѣе было дѣло объ опредѣленіи и выясненіи правъ отдѣльныхъ дворянъ и князей на тѣ званія, на которыя они притязали. Прежде всего Дворянству Тифлисской губ. предложено было избрать изъ своей среды въ каждомъ уѣздѣ депутатовъ для составленія дворянской родословной книги, которая послужила бы главнымъ источникомъ для опредѣленія дворянскаго званія[2]). Дворянскому Депутатскому Собранію была преподана спеціальная инструкція въ 1819 г., касательно признанія дворянскихъ и княжескихъ правъ, а именно Дворянское Депутатское Собраніе обязано признавать дворянами и князьями: 1) тѣхъ, которые происходятъ по прямой линіи мужского колѣна отъ фамилій, перечисленныхъ въ трактатѣ 1783 г., заключенномъ между ц. грузинскимъ Иракліемъ II и Екатериной II, такъ пожалованныхъ въ это званіе послѣднимъ грузинскимъ царемъ Георгіемъ XII, а также тѣхъ, кои имѣютъ пожалованныя грамоты за 100 л., 2) всѣ эти лица, внесенныя въ родословную книгу „безъ различія будутъ пользоваться тѣми же правами и преимуществами, каковыя предоставлены Россійскому благородному сословію.“ Доказательствомъ на дворянство не могло служить владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Граждане или мокалаки г. Тифлиса, какъ не дворяне, не могли притязать на дворянское званіе, но Деп. Собраніе можетъ разсматривать ихъ притязанія только въ томъ случаѣ, если у горожанъ окажутся жалованныя грамоты.

Доказательства природныхъ дворянъ и князей на дворянское званіе по разсмотрѣніи Депутатскимъ Дворянскимъ Собраніемъ и признанныя законными Общимъ Присутствіемъ Верховнаго Грузинскаго Правительства, на основаніи Выс. конфирмованнаго распоряженія, отъ 29 мая 1818 г., поступали въ Герольдію. Предоставленіе права признанія законности притязаній дворянъ и князей Верховному Грузинскому Правительству сдѣлано было только на первыя два 3-хъ лѣтія для

[1]) А. К. А. К., т. II, стр. 187, 188, 190, 192; т. VII, стр. 390; т. VI, ч. 1, стр. 105, т. V, стр. 247—250.

[2]) А. К. А. К., т. IV, стр. 14.; ibid., т. VI, ч. 1, 96—97.

предотвращенія недоразумѣній, въ виду неопытности членовъ Депутатскаго Собранія, поэтому членамъ его было указано что они „не должны таковое распоряженіе принимать въ видѣ для себя обидномъ, а еще менѣе оскробляться несправедливымъ мнѣніемъ, что будто бы по опредѣленіямъ ихъ предоставлена ревизія общему Присутствію Верховнаго Грузинскаго Правительства.“ [1]) Но предписаніе Ермолова упустило изъ виду, что помимо поименованныхъ въ трактатѣ 1783 г. дворянскихъ и княжескихъ фамилій, много было въ предѣлахъ нынѣшней Тифлисской и Кутаисской губ. (Имеретіи) князей и дворянъ, которые домогались утвержденія въ своихъ правахъ, поэтому возникъ вопросъ о приведеніи въ наличную извѣстность всѣхъ дворянскихъ и княжескихъ фамилій съ занесеніемъ ихъ въ родословныя книги, тѣмъ болѣе, что многіе пользовались дворянскими правами на сомнительныхъ основаніяхъ [2]). Практическое выполненіе этого дѣла встрѣтило очень большія затрудненія; прежде всего возникъ вопросъ, на основаніи какихъ данныхъ утверждать предъявлявшихъ претензіи на дворянское званіе. Затрудненіе состояло въ томъ, что у многихъ дворянъ и князей купчія, закладныя, и др., утверждавшія права на владѣніе были партикулярнаго характера, не были засвидѣтельствованы въ присутственныхъ мѣстахъ. Прокуроръ Чиляевъ въ рапортѣ, отъ 3 іюня 1824 г., писалъ: „въ Грузіи едва ли можно найти двухъ помѣщиковъ, которые хотя какія-нибудь имѣли письменные акты на родовое имѣніе,“ поэтому всѣмъ этимъ „претендателямъ“ предложено было съ 20 апр. 1817 г., въ теченіе одного года, предъявить документы на право владѣнія въ Тифлисѣ въ Экспедицію Суда и Расправы, а въ уѣздахъ въ уѣздные и окружные суды для законнаго засвидѣтельствованія. Процедура свидѣтельствованія состояла въ томъ, что присутственныя мѣста

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. 1. Предписаніе ген. Ермолова Груз. Депут Собранію, отъ 11 февр. 1819 г., стр. 106—108.

[2]) А. К. А. К., т. VIII, Отнош. бар. Розена къ т. с. Дашкову, отъ 14 марта 1832 г. относительно представленія ген. Панкратьева, стр. 33—35; ibid. т. VI, ч. I, Ук. изъ Прав. Сен. ген. Ермолову, отъ 27 ноябр. 1816 г., стр. 96—97; 102—103.

опрашивали подъ присягой 10 — 12 свидѣтелей, которые удостовѣряли что данное лицо въ теченіе 30 лѣтъ владѣло имѣніемъ, послѣ этого выдавались соотвѣтствующія законные акты [1]). Но свидѣтельствованіе документовъ слишкомъ затянулось въ виду робкаго и боязливаго отношенія мѣстнаго населенія. Утверженіе правъ на имущественное владѣніе еще не доказывало правъ на дворянское званіе; но требованіе для засвидѣтельствованія купчихъ, закладныхъ на имѣнія и др. встрѣтило большія затрудненія, ибо у многихъ владѣльцевъ оказались утерянными всѣ документы, поэтому они стали ссылаться на Выс. манифестъ 1802 г., коимъ приказано было оставаться всѣмъ при соотвѣтствующихъ состояніяхъ, ссылались на Ул. Вахтанга, на 30-лѣтнюю давность владѣнія; многіе изъ дворянъ помѣщиковъ указывали, что имѣютъ жалованныхъ, купленныхъ крестьянъ безъ актовъ, временныхъ свидѣтельствъ и т. д. [2]). Для выясненія всѣхъ недоразумѣній и благополучнаго окончанія дѣла была учреждена въ Тифлисѣ въ 1832 г. слѣдственная коммиссія, съ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствій, для разсмотрѣнія документовъ на дворянское званіе; дворянству лишній разъ внушали, что разсмотрѣніе „документовъ на достоинство и на владѣніе имѣніями отнюдь не есть уничтоженіе правъ на оныя тѣхъ изъ жителей, которые ими пользуются законнымъ образомъ“ [3]) Какія основанія приняло правительство для доказательства правъ на дворянское званіе? Прежде всего трактатъ 24 іюля 1783 г., списки грузинскихъ благородныхъ фамилій, присланные груз. царемъ и подтвержденные Выс. ман. 18 янв. и 12 сент. 1801 г.; по Имеретіи подписи на присяжномъ, русскому царю, листѣ ц. Соломона. Слѣдственная коммиссія признала все это законными актамиутверждающими въ княжескомъ и дворянскомъ достоинствѣ. Тѣ же изъ дворянъ, которые доказывали принадлеж-

---

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, Предп. ген. Ермолова Груз. Правит., Исполнит. Эксп., отъ 12 апр. 1817 г., стр. 27—28; 59, 67.

[2]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, Рап. ген. Вельяминова въ Прав. Сенатъ, отъ 13 ноября 1826 г., стр. 618—619; прошеніе груз. дворянства груз. маршалу кн. Багратіону, отъ 24 мая 1818 г., стр. 101—103.

[3]) П. С. З., т. VII, № 5401, 31 мая 1832 г.

ность свою къ фамиліямъ, значащимся въ сп. царя Ираклія 1783 г. или пожалованные въ дворянство до 1783 г. и послѣ до 1801 г., а по Имеретіи до 1804 г., но не утвержденные русскимъ правительствомъ должны были представить въ депутатское собраніе: 1) свидѣтельство дворянъ и князей одного съ просителемъ уѣзда, которые имѣютъ тамъ осѣдлость и постоянное пребываніе; свидѣтели должны удостовѣрить, что проситель происходитъ изъ благородной фамиліи, значащейся въ спискѣ ц. Ираклія или возведенъ въ дворянское званіе до 1783 г. и послѣ до 1801 г., а по Имеретіи до 1804 г., что „отецъ и дѣдъ просителя вели благородную жизнь, или состояніе, или службу, сходственную съ дворянскимъ названіемъ и какую именно", что отецъ или дѣдъ владѣлъ во время присоединенія Грузіи къ Россіи и продолжаетъ владѣть безспорно дворянскимъ населеннымъ имѣніемъ; 2) родословную и поколѣнную роспись, подписанную тѣми свидѣтелями дворянами и князьями, 3) документы на недвижимое населенное имѣніе, на службу. Грамоты грузинскихъ и имеретинскихъ царей допускалось принимать, но достоинства ихъ, конечно, должны были быть оспариваемы въ судебныхъ мѣстахъ [1]). Въ 1850 г. Совѣтъ Главнаго Управленія разсматривалъ законченную слѣдственной коммиссіей работу; всѣ дворянскія и княжескія фамиліи по степени ихъ правъ на дворянство были раздѣлены на 4 категоріи: 1) къ первой категоріи были отнесены тѣ, права коихъ не подлежали никакому сомнѣнію, 2) ко второй — отнесены тѣ, права которыхъ, хотя и были признаны, но не единогласно, а для признанія окончательнаго за нимъ права найдено нужнымъ разсмотрѣть дополнительныя свѣдѣнія; 3) къ третьей и четвертой тѣ, доказательства которыхъ подлежали утвержденію въ депутатскихъ собраніяхъ; для этой цѣли нужно было открыть Деп. Собраніе въ Кутаисской губ.; наконецъ, въ пятой категоріи отнесены всѣ тѣ, которымъ отказано въ ихъ домогательствахъ; такихъ родовъ оказалось въ Тифлисской губ. 677; Кутаисской — 668; этой категоріи не было отказано искать

[1]) П. С. З., т. 19, № 18.349, 1844 г., 23 окт.

достоинства въ Деп. Двор. Собр., какъ дворянамъ 3 и 4-й категоріи; а пока эту пятую категорію совѣтъ рѣшилъ обложить податьми. Кн. М. С. Воронцовъ въ „политическихъ видахъ“ просилъ поскорѣе утвердить означенное постановленіе [1]). Въ 1850 г. были утверждены именные посемейные списки лицамъ, принадлежащимъ къ княжескимъ и дворянскимъ родамъ по Грузіи (Тифлисская губ.), Имеретіи (Кутаисской губ.), Гуріи [2]).

Такъ какъ Закавказское центральное правительство весьма рѣшительно приступило къ установленію законныхъ правъ на княжеское и дворянское достоинство, и такъ какъ многіе изъ грузинскихъ дворянъ и князей не могли представить никакихъ доказательствъ письменнаго характера, да и вообще никакихъ законныхъ аргументовъ на право владѣнія, то многимъ въ перспективѣ угрожала потеря существенныхъ владѣльческихъ правъ; это опасеніе вызвало фальшивую фабрикацію документовъ на право владѣнія еще въ 1830 г.; конечно, установить подложность документовъ мѣстные чиновники не могли съ достовѣрностью въ виду слабаго знакомства съ вопросомъ, но наличность сомнительности въ документахъ, по справедливости, требовала осторожности, а изслѣдованіе документовъ сильно затормозило разрѣшеніе вопроса о правахъ на дворянство [3]); отголоски этой фальсикаціи не прекратились по сей день.

Съ окончательнымъ установленіемъ правъ отдѣльныхъ родовъ и членовъ ихъ на княжеское и дворянское достоинство, съ учрежденіемъ Тифлисскаго и Кутаисскаго депу-

---

[1]) А. К. А. К., т. X, Отношеніе кн. М. С. Воронцова къ Чернышеву, отъ 11 мая 1850 г., № 670, стр. 48—50; и 21 іюля 1850 г., № 1119, стр. 50—51; ibid., т. VIII, стр. 2.

[2]) А. К. А. К., т. X, Всеподд. рапортъ М. С. Воронцова, отъ 29 сент. 1852 г., стр. 878; т. VIII, стр. 33—36.

[3]) А. К. А. К., т. VII, Рапортъ г. ад. Стрекалова гр. Паскевичу, отъ 12 іюля 1830 г., стр. 42. Всеподд. рапортъ гр. Паскевича, отъ 24 авг. 1830 г. стр. 44—45; ibid., Рапортъ д. с. с. Завилейскаго г. л. Панкратьеву, отъ 16 іюля 1831 г., стр. 55—60; 61—62; ibid., т. VIII, отношеніе бар. Розена къ т. с. Дашкову, отъ 10 дек. 1831 г., стр. 15—20; тоже, отъ 18 дек. 1831 г. стр. 21—22; ibid., Записка Коммиссіи для разсмотрѣнія груз. и имер. царскихъ документовъ, 1837 г., стр. 82—94.

татскаго собраній явилась возможность созданія правильныхъ отношеній между грузинскими сословіями; особенно большое значеніе это имѣло для выясненія отношеній между помѣщиками-дворянами и зависимыми отъ нихъ крѣпостными крестьянами.

V.

Учрежденіе Палатъ Государственныхъ Имуществъ.

Государственныя имущества въ Закавказскомъ краѣ образовались изъ земель, принадлежавшихъ Грузинскимъ и Имеретинскимъ царскимъ домамъ и владѣтелямъ мусульманскихъ провинцій. Въ 1839 г. особая Коммиссія должна была привести всѣ государственныя имущества за Кавказомъ въ извѣстность, составивъ подробныя вѣдомости, характеризующія общее ихъ состояніе: количество земли, находящееся въ вѣдѣніи казны, случаи неправильныхъ захватовъ со стороны казны, состояніе оборочныхъ статей. Но въ 1832 г. признано было преждевременнымъ открытіе палаты государственныхъ имуществъ, „по неразрѣшенію общаго проекта о преобразованіи за Кавказомъ управленія и по неизвѣстности предметовъ, которые должны быть подчинены новому управленію государственныхъ имуществъ“ [1]). Съ 1841—1847 г. учреждены Палаты Государственныхъ Имуществъ Тифлисская и Шемахинская, дѣятельность которыхъ состояла: 1) въ распоряженіяхъ касательно переселенія туземныхъ крестьянъ, 2) въ собраніи свѣдѣній о числѣ умершихъ крестьянъ, павшаго скота, 3) въ разбирательствѣ споровъ между казною и частными людьми, 4) въ отдачѣ въ откупное содержаніе оброчныхъ статей. Такъ какъ дѣятельность палатъ государственныхъ имуществъ далеко разнилась отъ дѣятельности таковыхъ внутри имперіи, а именно

---

[1]) А. К. А. К., т. IX, Отношеніе гр. Киселева къ ген. Головину, отъ 29 іюля 1839 г., № 1712, стр. 14—15, 15—16, тоже, отъ 17 іюля 1838 г., № 1620, стр. 6.

въ учрежденіи уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ управленій и такъ какъ въ Закавказьѣ не было ни ревизскаго исчисленія, ни податныхъ взносовъ по системѣ внутреннихъ губ., ни опредѣленныхъ пропорцій для надѣленія поселянъ, то для упрощенія дѣла и сокращенія расходовъ вскорѣ пришли къ мысли о необходимости къ закрытію палатъ [1]), а для общаго завѣдыванія, съ 1850 г., всѣми дѣлами по части государственныхъ имуществъ въ Закавказскомъ краѣ, учреждается „Экспедиція Госуд. Им. при Главн. Упр. Закав. края“ [1]) а при губернскихъ правленіяхъ Тифлисской и Шемахинской особыя отдѣленія; въ Эривани, Кутаисѣ, Дербентѣ—отдѣльные столы, съ возложеніемъ наблюденій на начальниковъ губерній, что при служебной обремененности ихъ не могло вредно не отразиться на управленіи государственными имуществами. Не довольствуясь произведенной реформой, кн. Воронцовъ въ 1852 г. пытался испросить Высочайшее разрѣшеніе на сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ по управленію государственными имуществами въ Канцеляріи Главнаго Начальника Края, который непосредственно сносился бы съ военными губернаторами на мѣстахъ. Кн. Барятинскій въ 1859 г. сосредоточилъ всѣ дѣла, касающіяся управленія казенными имѣніями и попечительства надъ свободными сельскими обывателями, производившіяся, частью въ канцеляріи Намѣстника, частью въ Экспедиціи Государственныхъ Имуществъ, въ особомъ департаментѣ, возложивъ на него завѣдываніе, переданными въ гражданское вѣдомство грузинскими церковными имѣніями и военными поселянами; лѣса и все относящееся къ развитію въ краѣ лѣсного хозяйства переданы особому управленію. Такимъ образомъ, реформа кн. Барятинскаго совершенно ненужно смѣшала въ одномъ департаментѣ завѣдываніе землями разныхъ категорій, что едва ли послужило пользѣ дѣла [2]).

Итакъ, русская власть на Кавказьѣ послѣ водворенія своего къ эпохѣ крестьянской реформы успѣло отмѣнить дѣйствіе Уложеніе грузинскихъ законовъ царя Вахтанга,

[1]) ibid., т. X, Отношеніе кн. Воронцова къ гр. Чернышеву, отъ 30 іюля 1848 г., № 953, стр. 27—30.

[2]) П. С. З., т. 24, № 23.753, 21 дек. 1849 г.

сохранивъ только нѣкоторыя статьи въ видѣ мѣстныхъ законовъ, положило основаніе упорядоченію землевладѣнія, межеваніемъ края; дала грузинскому дворянству корпоративное устройство, путемъ организаціи на общеимперскихъ основаніяхъ Дворянскихъ депутатскихъ собраній; опредѣлила права на дворянское и княжеское достоинства и тѣмъ положила предѣлъ безпорядочному пользованіями правами и преимуществами привилегированнаго сословія, распространила на грузинское дворянство всѣ права и преимущества русскаго дворянства; образовала спеціальное управленіе государстввенными имуществами, выдѣливъ ихъ изъ общей земельной массы и такимъ образомъ попыталась установить законныя границы въ землепользованіи; не вполнѣ точными камеральными описаніями приблизилась къ пониманію количественнаго состава новаго края. Если не всѣ изъ этихъ реформаторскихъ попытокъ можно назвать вполнѣ цѣлесообразными, соотвѣтствующими подлинному положенію вещей въ новой окраинѣ и вполнѣ достаточными, то однако въ нихъ нужно признать крупное значеніе, потому что этими актами устанавливался правомѣрный порядокъ. Если мы уклонились значительно въ сторону отъ нашей основной задачи, то это сдѣлано нами изъ того соображенія, что каждая изъ вышеназванныхъ реформъ такъ или иначе задѣвала крестьянина-крѣпостного; касаясь помѣщичьяго сословія, эти реформы косвенно отражались на правовомъ положеніи крѣпостного. Наконецъ, разграничивая права землевладѣнія, организовывая и опредѣляя сословныя права дворянства, выдѣляя изъ общей массы казенныя земли, тѣмъ самымъ новая власть устанавливала нормы правъ, притязавшихъ на дворянскія права, а это послѣднее приводило къ строгому выясненію предѣловъ власти помѣщиковъ. Т. о. всѣ перечисленныя реформы, внося правовой, законный распорядокъ въ общественную жизнь новой окраины, Грузіи, отчетливо выдвигали вопросъ о размежеваніи и опредѣленіи положенія крѣпостного; а до выясненія этого вопроса нужно было рѣшить кто владѣетъ землей населенной и на какомъ правѣ. Выясненіе этихъ правъ есть разрѣшеніе вопроса о правѣ на владѣніе душами.

VI.

Мѣропріятія касательно правового положенія грузинскаго крѣпостного крестьянства.

Грузинское крѣпостное право, поддерживаемое болѣе обычаемъ, чѣмъ закономъ, допустило возможность нахожденія духовенства въ крѣпостной зависимости. Крѣпостное духовенство отбывало въ пользу помѣщиковъ положенные оброки и повинности и мало отличалось отъ крѣпостного крестьянства, но, за недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній, мы не знаемъ ни характера этихъ повинностей, ни количества духовныхъ, находящихся въ крѣпостной зависимости. Русское правительство, вскорѣ послѣ водворенія своего въ нынѣшней Тифлисской губ., освободило все духовенство отъ всякихъ повинностей: Высоч. ук., отъ 7 іюля 1808 г., требовало принять въ Грузіи общимъ на будущее время основаніемъ, что „состояніе духовное не только отъ крѣпости, но и отъ всѣхъ податей и повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ свободно“, поэтому „всѣхъ людей сего званія доселѣ, по единому злоупотребленію, за князьями и дворянами укрѣпленныхъ и несущихъ положенный ими оброкъ и др. повинности, какъ отъ крѣпости, такъ и оброка и повинностей сихъ навсегда освободить“; это распоряженіе не касалось Имеретіи, гдѣ правилъ царь Соломонъ. Признавая справедливымъ распространеніе распоряженія и на Имеретію, правительство хотѣло приступить къ дѣлу по „предварительнымъ мѣстнымъ соображеніямъ и съ крайней осторожностью, дабы не поселить неудовольствія между помѣщиками“, поэтому по отношенію къ Гуріи и Имеретіи пытались собрать свѣдѣнія, характеризующія взаимныя отношенія между крѣ-

постнымъ духовенствомъ и дворянами, и данныя о количествѣ духовныхъ лицъ [1]).

Указомъ 1807 г. въ Тифлисск. губ. освобождались отъ крѣпостной зависимости священники, діаконы и другіе церковно-служители и ихъ дѣти, рожденные послѣ 1807 г. Освобожденное духовенство удерживало за собой только благопріобрѣтенное имѣніе, пожалованное помѣщикомъ оставалось за послѣднимъ; дѣти духовенства, родившіеся раньше обнародованія указа 1807 г. и желающіе поступить въ духовное званіе, должны были уплачивать помѣщику за выкупъ съ души по 25 р. [2]). Указъ 1807 г. былъ распространенъ въ 1841 г. на Имеретію и Мингрелію.

Распространеніе ук. на Имеретію ранѣе задержалось. Имеретинское Правленіе, согласно распоряженію бар. Розена, отъ 26 августа 1832 г., собрало свѣдѣнія касательно отношеній между имеретинскими помѣщиками и ихъ крѣпостными и начертало планъ реформы. По этому плану въ Имеретіи священники и діаконы, состоящіе въ крѣпостной зависимости, освобождаются съ причисленіемъ ихъ въ казенное вѣдомство вмѣстѣ съ дѣтьми, рожденными послѣ 1810 г., т. е. по присоединеніи Имеретіи къ Россіи; недвижимыя имущества этихъ духовныхъ лицъ и крестьянъ ихъ, если таковые имѣются, пріобрѣтенные ими или предками ихъ покупкою и по другимъ случаямъ не отъ помѣщиковъ, а отъ другихъ лицъ, остаются во владѣніи духовенства неприкосновенно; недвижимое же имѣніе и крестьяне, пожалованные помѣщиками или предками, возвращаются во владѣніе помѣщиковъ или ихъ наслѣдниковъ; священникамъ и діаконамъ, у которыхъ имѣются дома на помѣщичьихъ земляхъ, если помѣщики не согласятся оставить за ними тѣхъ участковъ земель, нужно дать 3 года сроку для переноски и постройки домовъ на пустыхъ казенныхъ земляхъ, съ надѣленіемъ ими священниковъ и діаконовъ для нуждъ

---

[1]) А. К. А. К., т. III, Выс. повелѣніе гр. Гудовичу, отъ 7 іюля 1808 г., стр. 77-78; ib., т. VIII, Предписаніе бар. Розена управл. Имеретіей ген. м. Вакульскому, отъ 26 авг., 1832 г. № 7, стр. 432.

[2]) ibid, т. XII, Докладъ совѣта, упр. Мингреліей Кутаисскому ген. губ., отъ 18-24 іюня 1858 г., № 1843, стр. 324.

построекъ не болѣе какъ 2-мя кцевами (=1800 кв. саж.) для одного семейства; если при сдачѣ хлѣбопахатныя земли, виноградныя сады окажутся обработанными, то священники и діаконы, снявъ хлѣбъ и виноградъ въ свою пользу, уплачиваютъ помѣщикамъ $^1/_{10}$ часть съ урожая. Означенныя положенія проекта Имеретинскаго Правленія встрѣтили возраженія и поправки со стороны ген.-м. Ахлестышева: онъ полагалъ, состоящихъ въ помѣщичьемъ владѣніи духовныхъ съ дѣтьми, рожденными послѣ 1810 г., совершенно освободить отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ и предоставить ихъ вѣдѣнію духовнаго епархіальнаго начальства въ Имеретіи, и не причислять къ казенному вѣдомству, ибо „духовенство составляетъ свой особый классъ людей въ государствѣ“; дѣти ихъ, не постриженные въ духовный санъ, причисляются къ казеннымъ крестьянамъ; совершеннолѣтніе должны отбывать всѣ повинности наравнѣ съ казенными крестьянами; онъ же предлагалъ сократить число церквей въ Имеретіи, гдѣ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ въ 5 и 10 крестьянскихъ домовъ имѣются придворныя церкви, а духовенство по бѣдности бѣдствуетъ. Уменьшить приходы по числу, и такъ ихъ расписать въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, чтобы каждому приходу принадлежало не менѣе 300 домовъ крестьянъ, а въ окружности имѣли бы 10-15 в.; предоставить духовенству за исправленіе требъ пользованіе добровольными пожертвованіями, подъ наблюденіемъ мѣстнаго духовнаго и гражданскаго начальствъ. Каждая приходская церковь должна быть обезпечена изъ помѣщичьихъ угодій 30 десятинами удобной земли въ пользу духовенства, безъ права распоряженія со стороны духовенства; для постройки домовъ приходскому духовенству должно быть нарѣзано по 2 десят. земли на одно лицо; земли пріобрѣтенныя духовенствомъ покупкой оставляются въ ихъ неприкосновенномъ владѣніи; земли, пожалованныя духовенству помѣщиками, оставляются за послѣдними; если на этихъ земляхъ сады, фруктовыя деревья, то помѣщики обязаны вознаградить воздѣлавшихъ ихъ „справедливою платой за труды свои въ обрабатываніи оныхъ“, или оставить на всегда во владѣніи духовныхъ, если помѣщики согласятся получать ежегодно десятую часть урожая; для этого должны быть со-

ставлены засвидѣтельствованныя условія. Казенныхъ земель вблизи церквей, удобныхъ для раздачи духовенству въ Имеретіи, по мнѣнію составителей проекта, найти трудно и такая раздача сопряжена съ большими убытками для казны [1]).

Духовенство въ Имеретіи и Гуріи было освобождено на основаніи ук. 1807 г., но безъ надѣленія землей; поэтому, не получая опредѣленнаго содержанія отъ прихожанъ бѣдствовало, прибѣгало къ „вымогательствамъ“ за исправленіе требъ [2]). Т. о. составленный Имеретинскимъ правленіемъ спеціальный проектъ освобожденія духовенства изъ крѣпостной зависимости былъ оставленъ безъ вниманія.

Въ 1852 г. всѣ недвижимыя населенныя и ненаселенныя имѣнія церкви въ Грузіи были переданы въ Казенное управленіе, а духовному вѣдомству стали выдавать изъ казны ту сумму, какая была исчислена по послѣднему годичному бюжету 72.053 р. 51 к., съ 1 января 1852 г. [3]).

Въ первые годы по водвореніи своемъ въ Закавказьѣ русская власть попыталась разобраться и усвоить тѣ основанія, выработанныя закономъ или обычаемъ, на которыхъ покоилось крѣпостное право; но дѣло оказалось весьма сложнымъ и труднымъ, въ виду чрезвычайно спутанныхъ и сложныхъ отношеній, къ тому же изслѣдованіе всего строя отношеній помѣщиковъ и крѣпостныхъ шло не систематически, съ перерывами и наконецъ, только передъ самой реформой дѣло было болѣе или менѣе относительно представлено. Въ самомъ дѣлѣ, безъ яснаго и отчетливаго представленія сущности крѣпостного права немыслимы были никакія реформы и улучшенія въ отношеніяхъ между помѣ-

---

[1]) А. К. А. К., т. VIII, Рапортъ г. м. Ахлестышева бар. Розену, отъ 21 авг. 1835 г., № 114, стр. 433; 434-435.

[2]) ibid., т. IX, Отношеніе экзарха Грузіи Евгенія къ ген. Головину, отъ 27 окт. 1839 г., № 2746, стр. 107.

[3]) П. С. З., т. 27, № 26.736, 1852 г., 5 ноября; А. К. А. К., т. X, стр. 892.

Относительно церковныхъ земель, отходящихъ къ казнѣ стали возникать споры, поднятые дворянами см. А. К. А. К., т. VI, г. 1, стр. 375, 599-601; 620-621; 628; 630, 634; ср. ibid., 536, 538-542; 544-545; 554-571.

щиками и зависимыми отъ нихъ крестьянами. Рескриптомъ отъ 12 сент. 1801 г. Высочайше приказано было, что „всѣ состоянія обитателей царства Грузинскаго при своихъ правахъ и преимуществахъ“ оставляются; а Высоч. указомъ 24 марта 1827 г. грузинское дворянство сравнено въ правахъ и преимуществахъ съ дворянствомъ имперіи [1]). Уже въ предписаніи ген. л. Кнорринга полк. Дренякину, отъ 10 іюня 1802 г., указано: изучить на мѣстахъ какіе крестьяне какому принадлежатъ помѣщику, узнать о спорахъ между помѣщиками и крестьянами въ селеніяхъ; въ цѣломъ рядѣ частныхъ вопросовъ въ обязанность мѣстнымъ агентамъ власти вмѣнялось изслѣдованіе правъ, отношеній и зависимостей между новыми русскими поданными, все это для того, чтобы можно было знать, что упростить, какую льготу, „которую въ разсужденіи прошедшихъ ихъ бѣдствій и въ знакъ нашего о нихъ попеченія даровать имъ было прилично“ [2]). Настоятельная потребность выясненія взаимоотношеній между помѣщиками и крестьянами была слишкомъ очевидна, ибо въ Грузіи стали обнаруживаться признаки волненій и безпокойства; мѣстные агенты власти объясняли эти волненія, какъ слѣдствіе того, что народъ не знаетъ „до какой степени простирается власть дворянства или помѣщиковъ надъ крестьянами и зависимости сихъ отъ помѣщиковъ“. Въ описаніи Имеретіи и Мингреліи с. с. Литвинова современные правители Закавказья получали нѣкоторое представленіе о слишкомъ запутанныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, о господствѣ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу болѣе силы, чѣмъ права: „всякій князь имѣетъ право присвоить себѣ навсегда или на время, что ему понравится; въ домѣ можетъ стать постоемъ, вещь отнять безъ платы, однѣ жены и дѣти остаются

[1]) А. К. А. К., т. III, Грузинскіе князья и дворяне просили, „чтобы были считаемы съ князьями и благородными Россійскими, поэлику мы подданные Высочайшему престолу“, стр. II; см. т. XI, Опредѣленіе Тифлисск. губ. дворянскаго собранія по случаю Высочайшаго манифеста, отъ 14 дек. 1854 г., стр. 641; ср. т. IV, стр. 22.

[2]) ibid., т. I, стр. 434-435; 487-488; 490.

безъ прикосновенія. Въ рапортѣ своемъ ген. Тормасову, отъ 30 апр. 1810 г., полковникъ Симоновичъ въ столь же суммарной формѣ характеризовалъ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ въ Имеретіи: „князья и дворяне имѣютъ неограниченную власть надъ своими подданными, коихъ они, какъ мужскаго и женскаго пола по волѣ своей могли продавать, наказывать же могли они только тѣлесно, но съ отнятіемъ у нихъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія... Брали князья и дворяне изъ лучшихъ мужичьихъ домовъ дѣвокъ для служенія въ ихъ домахъ и въ приданое дочерямъ своимъ, и сверхъ онаго сбирали съ своихъ подданныхъ съ каждаго двора по состоянію... Епархіальные митрополиты, епископы и при особенныхъ монастыряхъ и церквахъ архимандриты и игумены пользовались въ принадлежащихъ имъ деревняхъ почти таковыми же выгодами, за исключеніемъ власти надъ подданными, коихъ они продавать не могли, а въ наказаніе за вину отдавали ихъ своимъ же дворянамъ; для сбору же своихъ доходовъ ѣздили они сами по деревнямъ, гдѣ обыкновенно проживали большую часть года“ [1]).

На этой общей характеристикѣ дѣло и стало; до начала второй половины 20-хъ г.г. вопросъ объ изслѣдованіи отношеній между помѣщиками и крестьянами находился безъ движенія. Только, когда въ 20-хъ г.г. стали учащаться со стороны крестьянъ дѣла объ отысканіи вольности отъ помѣщичьей власти, во весь ростъ свой возникъ вопросъ о томъ, каковы эти отношенія между помѣщиками и крестьянами. Прежде всего Закавказскіе администраторы попытались разрѣшить принципіальный вопросъ: да знала ли въ историческомъ своемъ прошломъ Грузія крѣпостное право. Большинство склонялось въ пользу той мысли, что въ Грузіи крѣпостное право было, но раздавались и такіе, правда одинокіе голоса, которые не находили возможнымъ говорить о наличности крѣпостного права въ Грузіи. Изъ признававшихъ крѣпостное право нѣкоторые склонны были полагать, что по существу грузинское крѣпостное право тождественно съ русскимъ, отсюда дѣлали выводъ о возможности распро-

[1]) А. К. А. К., т. IV, стр. 256.

странить на грузинское крестьянство цѣликомъ русское законодательство о крѣпостномъ крестьянствѣ; наоборотъ, другіе признавали отличительныя свойства грузинскаго крѣпостного права, а потому требовали изъятій о крѣпостномъ населеніи, согласно съ мѣстными особенностями этого института. По мнѣнію кн. Воронцова, грузинское „крѣпостное право, въ томъ смыслѣ и пространствѣ, въ какомъ оно понимается въ русскомъ законодательствѣ, существовало въ Грузіи". Этотъ выводъ основывается на уложеніи законовъ Вахтанга, ст. 162, 198, 258, 260 и 261 [1]). „Какъ право грузинскихъ помѣщиковъ на владѣніе крестьянами, по законамъ Вахтанга, и по народнымъ обычаямъ, существенно суть тѣ же, коими пользуется русское дворянство", то „общія постановленія о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, опредѣляющія существо отношеній между помѣщиками и крестьянами, но не роды и мѣры повинностей послѣднихъ къ первымъ распространить и на здѣшній край, съ тѣми изъятіями, которыя не будутъ противны ни общимъ законамъ, ни мѣстнымъ правамъ", таково мнѣніе, высказанное княземъ С. М. Воронцовымъ въ 1849 г., когда послѣ цѣлаго ряда мѣропріятій (о которыхъ рѣчь ниже) грузинское крѣпостное право стало терять свои индивидуальныя особенности, о которыхъ была уже рѣчь въ первой части работы. Конечно, грузинское крѣпостное право, возникшее изъ тѣхъ же общихъ экономическихъ основаній [2]), какія были и въ другихъ странахъ, своими личными свойствами, обусловленными спеціальными историческими условіями, отличалось отъ русскаго. Но на ряду съ такимъ взглядомъ встрѣчаемъ и діаметрально ему противоположный. Въ Мин. Вн. Д. въ 1839 г. утверждали, что грузинское крѣпостное право „совершенно различное", чѣмъ въ Россіи [3]). Бар. Ганъ (1837-41 г.) доказывалъ въ 1839 г.,

[1]) А. К. А. К., т. X, Отношеніе кн. Воронцова къ кн. Чернышеву, стр. 40, отъ 13 іюля 1849 г., № 121.

[2]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, см. рапортъ прокурора Чиляева г. л. Вельяминову I, отъ 6 сент. 1824 г., о происхожденіи и источникахъ грузинскаго крѣпостного права, стр. 72.

[3]) ibid., т. IX, стр. 19-20.

что въ Грузіи крѣпостного права вовсе не было; это сужденіе аргументировалось ссылкой на 171 ст. армянскихъ законовъ, которая гласитъ: „человѣкъ самъ по себѣ свободенъ; но зависимость его происходитъ по землѣ и водѣ. Кто же не пользуется ими, тотъ воленъ итти, куда пожелаетъ; ни государи, ни князья не въ вправѣ удержать его принужденно на одномъ мѣстѣ“. Изъ этой статьи вовсе не исключается существованіе зависимости человѣка; утверждая объ абсолютной свободѣ человѣка, какъ бы объ его естественомъ правѣ на свободу, она указываетъ на ту сравнительную теоретическую легкость, съ какою зависимый человѣкъ уходилъ отъ своихъ господъ; другой доводъ бар. Гана утверждаетъ, что въ Грузіи вассальство, истекшее изъ феодализма, обратилось въ подданство при послѣднихъ царяхъ; ген. Головинъ въ двухъ своихъ отзывахъ на мнѣнія бар. Гана доказалъ ихъ неосновательность.

Признавъ, что крѣпостное право существовало въ Грузіи, Закавказская администрація приступила къ выработкѣ проекта объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ на основаніи знакомства съ существующими порядками въ этихъ отношеніяхъ. Спрошенные по этому поводу дворяне Телавскаго у. въ 1826 г. показали, что помѣщикамъ отъ царей была дана „полная власть, исключая только наказанія ихъ лишеніемъ членовъ или смертной казни“, а маршалы Тифлисскаго, Горійскаго, Сигнахскаго уѣздовъ отвѣтили, что крестьянъ „во всѣхъ нужныхъ случаяхъ помѣщики употребляли по своей волѣ“[1]). Т. о. изъ этихъ разспросовъ дворянъ узнали, что власть помѣщика распространялась на личность и имущество крестьянина. Эти изслѣдованія старались производить „безъ малѣйшей огласки и сколь возможно секретнѣе“; но въ тоже время выяснилось, что отношенія между помѣщиками и крестьянами весьма неопредѣленныя, неясныя, но такъ какъ такія отношенія терпимы не могли быть, то рѣшили изъ „неопредѣленной обязанности поставить

---

[1]) А. К. А. К. т. VI, ч. I, Представл. Верховн. Груз. Правительства Общаго Собранія ген. лейт. Вельяминову, отъ 30 апр. 1826 г., стр. 83 и дд.; т. VIII, 432—433.

крестьянъ и ихъ помѣщиковъ въ отношенія опредѣлительныя“ [1]), конечная цѣль этихъ работъ сводилась къ выясненію характера и существа отношеній между грузинскими помѣщиками и ихъ крестьянами для того, чтобы постепенно, безъ крутыхъ переворотовъ подвести зависимость между грузинскими крестьянами и ихъ помѣщиками подъ русскіе законы. Самымъ простымъ средствомъ почиталось собраніе всѣхъ фактическихъ, поэтому вопросу, свѣдѣній съ приведеніемъ ихъ въ систематическій порядокъ, съ соображеніемъ „до какой степени эти отношенія согласны съ общими законами государства, съ учрежденіемъ 10 апр. 1840 г. и съ устройствомъ новой финансовой системы“, проектировавшейся въ Закавказьѣ. Только послѣ такой предварительной работы хотѣли приступить къ составленію проекта объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, примѣнительно къ общимъ законамъ и учрежденіямъ Имперіи и видамъ правительства о свободныхъ хлѣбопашцахъ [2]). Только бар. Розенъ нѣсколько разошелся по вопросу о приведеніи въ извѣстность отношеній между помѣщиками и крестьянами. Исходя изъ своеобразныхъ историческихъ и географическихъ условій Закавказскаго края, а также изъ того, что въ Россіи нѣтъ твердыхъ правилъ касательно повинностей крѣпостныхъ, онъ не понималъ: „для чего непремѣнно нужно вводить теперь хотя и постепенныя, опредѣлительныя и постоянныя о томъ (о повинностяхъ) правила въ Грузіи“; поэтому онъ настаивалъ „оставить въ Грузіи помѣщиковъ и крестьянъ при нынѣшнихъ ихъ по настоящему предмету обычаяхъ, пока время и образованіе края дадутъ средства къ развитію всѣхъ отраслей здѣшняго хозяйства, чѣмъ напредъ надлежитъ заняться, а потому покажутъ нужду въ новомъ какомъ либо по сему положеніи, примѣненномъ къ Сибири“ [3]). Однако, восторжествовало другое мнѣніе, въ 1843 г. получившее Вы-

---

[1]) ibid., т. VIII, Всеподд. докладъ сенаторовъ Кутайсова и Мечникова, отъ 28 ноября 1831 г., стр. 24.

[2]) А. К. А. К., т. IX, стр. 34.

[3]) ibid., т. VIII, отношеніе бар. Розена къ т. с. Блудову, отъ 11 февр. 1832 г., стр. 27—28.

сочайшее разрѣшеніе, объ учрежденіи въ Тифлисѣ особаго Комитета для разсмотрѣнія всѣхъ свѣдѣній, поступившихъ въ Совѣтъ Главнаго Управленія касательно отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, послѣ окончанія разсмотрѣнія дѣло должно было быть сообщено Временному Отдѣленію Собст. Е. В. Канцеляріи, но „занятіямъ Комитета не было дано никакой гласности“ и вообще были приняты всѣ необходимыя предосторожности „для отвращенія неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое было произведено прежними розысками по этому предмету“ [1]). Работы по собиранію свѣдѣній о грузинскомъ крѣпостномъ правѣ дали положительные результаты и въ 1841 г. центральное Закавказское правительство составило очень цѣнную записку о сущности крѣпостного права въ Грузіи, о правовомъ положеніи крѣпостного, объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами [2]). Выяснивъ себѣ весьма обстоятельно начала, на которыхъ основывалось крѣпостное право въ Грузіи, оставалось выработать проектъ такихъ отношеній, который болѣе соотвѣтствовалъ бы и духу времени, и видамъ правительства въ отношеніи замѣны нѣкоторыхъ нормъ грузинского крѣпостного права русскими.

Закавказская администрація заявляла постоянно, что, „охраняя крѣпостное право въ Грузіи въ законныхъ предѣлахъ, не могло оказывать такого же покровительства тѣмъ неправильнымъ владѣніямъ, кои были въ ней обнаружены въ первое же время, не согласовались съ общими законами русскими и которыхъ не допускало и самое Уложеніе Вахтанга“. Въ 1847 г. совѣтъ главнаго Управленія приступилъ къ составленію проекта о взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Совѣтъ Главнаго Управленія пришелъ къ заключенію, что коренныхъ измѣненій въ обычаяхъ края не слѣдуетъ производить, и такъ какъ грузинское крѣпостное право то же, что и русское, то слѣдуетъ на грузинское крестьянство распространить русскіе законы

[1]) А. К. А. К., т. IX, Отношеніе т. с. Позена къ ген. Нейдгарту, отъ 26 апр. 1843 г., № 200, стр. 395.

[2]) ibid., т. XII, стр. 204—219.

съ изъятіями, сообразно съ мѣстными особенностями края. Намѣстникъ Кавказа кн. Воронцовъ въ свою очередь „призналъ за лучшее вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ здѣшнемъ краѣ и объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ оставить въ настоящемъ положеніи, не упуская впрочемъ изъ виду пользоваться удобнымъ случаемъ для сдѣланія какихъ либо перемѣнъ въ этомъ отношеніи", и до окончанія работъ коммиссій, учрежденныхъ въ Тифлисѣ и Кутаисѣ для разбора княжескихъ и дворянскихъ родовъ оставилъ ходатайство Совѣта Главнаго Управленія о распространеніи на грузинскихъ крестьянъ постановленій о русскомъ крѣпостномъ правѣ. Кн. Воронцовъ былъ того мнѣнія, что можно „постепенно достигать предположенной нами цѣли (т. е. распространенія по Грузіи русскихъ постановленій о крѣпостномъ правѣ), не нарушая коренныхъ обычаевъ края, столь священныхъ вездѣ, въ особенности въ Имеретіи и Грузіи, правительственными мѣрами и не возбуждая ропота и негодованія" [1]). Прежде чѣмъ посылать составленный Совѣтомъ Главнаго Управленія проектъ положенія съ изъятіями для крѣпостного населенія, кн. Воронцовъ рѣшилъ обратиться за отзывами къ почетнымъ дворянамъ, для каковой цѣли въ 4-хъ у. Тифлисской губ. подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, были учреждены временныя коммиссіи „изъ нѣсколькихъ лицъ дворянъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ", присоединивъ къ нимъ „въ видѣ представителей отъ сословій крестьянъ" попечителей государственныхъ имуществъ, уѣздныхъ прокуроровъ и особыхъ благонадежныхъ чиновниковъ по выбору гражданскаго начальства. На комитеты возложена была обязанность указать въ проектѣ Совѣта Главнаго Управленія на тѣ постановленія, которыя окажутся неудобными къ исполненію; кн. Воронцовъ же полагалъ, что члены Комитетовъ изложатъ по каждому вопросу свои замѣчанія, „основанныя на мѣстныхъ обстоятельствахъ края". Послѣ этихъ работъ предполагали приступить къ окончатель-

[1]) А. К. А. К., т. X, Предписаніе кн. Воронцова ген.-м. Бѣлявскому, отъ 20 марта 1848 г., стр. 25.

ному обсужденію проекта [1]). Мнѣніе кн. Воронцова удостоилось въ 1849 г. Высочайшаго утвержденія, но тогда же взаимныя отношенія между грузинскими помѣщиками и ихъ крестьянами въ Тифлисской и Кутаисской губ. оставлены были при дѣйствующихъ законахъ и обычаяхъ до окончанія межеванія земель и утвержденія въ дворянскихъ правахъ помѣщиковъ [2]).

Въ своемъ проектѣ Совѣтъ Главнаго Управленія сохраняетъ выработавшуюся практику взаимоотношеній между грузинскими помѣщиками и ихъ крестьянами, такъ „какъ права грузинскихъ помѣщиковъ на владѣніе крестьянами, и по закону Вахтанга, и по народнымъ обычаямъ существенно суть тѣ же, какими пользуется русское дворянство“ и чтобы не „производить крутого переворота“ составители проекта думали распространить на Закавказское крестьянство общія постановленія русскія, съ изъятіями, не противными ни общимъ законамъ, ни мѣстнымъ правамъ. Изъятія эти должны быть 2-хъ родовъ: 1)означить въ общихъ законахъ имперіи тѣ постановленія, которыя не имѣютъ силы въ Закавказскомъ краѣ въ примѣненіи къ крестьянамъ и ихъ помѣщикамъ, 2) указать на тѣ изъ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, которые, безъ коренного ихъ измѣненія, могутъ сохранять свою силу при общихъ законахъ имперіи и внести въ видѣ особыхъ дополненій или примѣчаній къ соотвѣтствующимъ статьямъ Св. Зак.

Въ первой категоріи не должны имѣть обязательной силы въ Грузіи (Тифлисск. губ.), Имеретіи (Кутаисск. губ.), Гуріи, (т. е. въ уѣздахъ Тифлисской и Кутаисской губ.) узаконенія: 1) о рекрутской повинности, которая замѣнялась службой крестьянъ въ милиціи по требованію начальства; 2) отдачѣ крестьянъ за проступки въ солдаты, вмѣсто этого крестьянъ проектировали отдавать въ арестантскія роты, 3) о производствѣ ревизій, которыя въ Закавказскомъ краѣ замѣняются камеральными описаніями; съ подымнымъ ис-

---

[1]) А. К. А. К., т. X, Отношеніе кн. Воронцова къ кн. Чернышеву, отъ 10 янв. 1849 г., № 11, стр. 37.

[2]) П. С. З., т. 24, № 23. 478, 28 авг. 1849 г.

численіемъ крестьянъ, — а не по душамъ, 4) о залогѣ крестьянъ въ кредитныхъ установленіяхъ внѣ Закавказскаго края, 5) о надѣленіи крестьянъ землей, впредь до особыхъ по этому дѣлу распоряженій до окончанія размежеванія края, 5) наконецъ, на Закавказскій край не распространяются всѣ постановленія, имѣющія частное значеніе и изданныя въ видѣ временныхъ правилъ, или изданныя въ видѣ изъятій къ существующимъ законоположеніямъ.

Ко второй категоріи должны быть отнесены постановленія, что къ крѣпостчому состоянію принадлежатъ: 1) домашняя прислуга или домочадцы, въ Имеретіи, Гуріи, 2) дворовыя семьи въ Имеретіи, Гуріи, 3) всѣ остальные люди крѣпостного званія въ остальныхъ уѣздахъ [1]).

За этими параграфами слѣдуетъ цѣлый рядъ статей проекта, опредѣляющій отношенія между помѣщиками и крестьянами. По смыслу проекта крѣпостное право устанавливается: 1) грамотами царей, выданными до 1801 г., 2) Высочайшими пожалованіями, или отъ имени Е. И. В. главноуправляющими въ краѣ объявленными, 3) судебными рѣшеніями, утвержденными царями, 4) купчими крѣпостями, 5) обыскомъ, свидѣтельствомъ родственниковъ и свойственниковъ крестьянина или окольныхъ людей, 6) записью за помѣщикомъ въ описаніяхъ.

Право владѣнія и управленія крестьянами принадлежитъ въ помѣстьѣ старшему члену нераздѣльнаго семейства т. е. отцу или когда братья владѣютъ нераздѣльно, то старшему брату, съ согласія другихъ совершеннолѣтнихъ.

Помѣщикъ обязывается въ случаѣ недостатка у крестьянъ продовольствія оказывать пособіе имъ продуктами или сложеніемъ податей. Но если вслѣдствіе неурожая или по другимъ случайнымъ обстоятельствамъ помѣщикъ не въ силахъ этого сдѣлать, то онъ освобождается отъ штрафовъ общими законами назначаемыхъ.

Устраивая новое поселеніе, помѣщикъ долженъ дать жителямъ льготу въ отбываніи повинностей.

Споры, возникающіе между помѣщиками по новому про-

---

[1]) С. Аваліани, Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др., т. XXXI и отд. Од. 1912 г.

екту разбираются на мѣстахъ полицейской властью, безъ всякаго судебнаго производства. Проектъ касается и имущественныхъ правъ крестьянина; вдова крестьянина, если она изъ крестьянокъ господина своего мужа, получаетъ только приданое и благопріобрѣтенное движимое имѣніе. Помѣщикъ, убившій крестьянина, подвергается отвѣтственности по общимъ законамъ Имперіи, но помимо этого семейство и нераздѣльные братья убитаго получаютъ свободу и зачисляются въ казенное управленіе. Помѣщикъ только тогда отвѣтствуетъ за обязательства своихъ крестьянъ, когда послѣдніе дѣйствовали по довѣренности помѣщика или за его ручательствомъ.

Права помѣщика на продажу крестьянъ ограничиваются. Крестьяне, назначенные въ публичную продажу, могутъ въ установленный срокъ, 30 дней, внести лично за себя выкупъ, если не желаютъ выкупать и назначеннаго въ продажу имѣнія. Если къ продажѣ назначается нѣсколько семействъ вмѣстѣ или цѣлое селеніе, то свободу свою они могутъ выкупить только въ томъ случаѣ, если всѣ вмѣстѣ или одинъ по довѣренности другихъ представитъ предлагаемую покупателемъ сумму, или сумму оцѣнки, если къ торгамъ не явится желающій купить. Отъ воли покупателя зависитъ уже дозволить каждому семейству въ отдѣльности или всѣмъ вмѣстѣ выкупиться; безъ согласія покупателя этого никто разрѣшить не можетъ. Послѣдняя льгота крестьянамъ, открывающая путь къ свободѣ, очень существенная. Указанная статья проекта выработана была между прочимъ 17 іюля 1846 г. и въ 1847 г. удостоилась Высочайшаго утвержденія.

За помѣщиками сохраняется старинное право при выдачѣ замужъ дочерей или сестеръ за лицъ имѣющихъ право владѣнія душами, отдавать въ приданое крестьянскихъ дѣвокъ или прислугу обоего пола; въ Тифлисск. губ. преимущественно изъ такихъ семействъ, въ которыхъ могутъ оставаться рабочія руки; а въ Имеретіи и Гуріи изъ тѣхъ, которыя обязаны давать такую прислугу (моджалабэ).

Такъ какъ въ Грузіи издавна практиковалась продажа крестьянъ и таковая признавалась и общими законами имперіи, то проектомъ вводятся общія ограниченія, а именно при продажѣ и покупкѣ крестьянъ въ Закавказьѣ помѣщичьи

крестьяне не могутъ быть продаваемы ни цѣлыми семьями, ни отдѣльно за-границу, въ Мингрелію, Абхазію, Сванетію, а равно какъ покупаемые изъ этихъ владѣній; покупка цѣлыхъ семействъ отдѣльно отъ земли дозволяется, но не иначе какъ съ оффиціальнаго разрѣшенія владѣтелей этихъ земель; безъ подобныхъ разрѣшеній не могутъ быть совершаемы въ присутственныхъ мѣстахъ крѣпостные на людей акты. Составителямъ проекта казалось, что „грузинское крѣпостное право, въ существѣ своемъ не различествующее съ таковымъ же правомъ Россійскаго дворянства, сольется съ онымъ и зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ установится на однихъ и тѣхъ же главныхъ и прочныхъ основаніяхъ".

Уѣздные комитеты, разсмотрѣвъ статьи проекта, признавая ихъ вполнѣ удовлетворительными, внесли болѣе поправокъ въглаву о повинностяхъ крестьянъ. Горійскій Комитетъ призналъ, что предоставленное крестьянамъ право выкупа при продажѣ съ публичнаго торга уменьшитъ цѣнность имѣній, затруднитъ продажу ихъ, а крестьяне будутъ терпѣть обремененія: 1) когда нѣсколько братьевъ владѣютъ сообща небольшимъ числомъ крестьянскихъ семействъ, отъ которыхъ каждый изъ владѣльцевъ требуетъ порознь какъ прислуги, такъ и повинностей, 2) когда общее имѣніе подвергается раздѣлу на основаніи 1083 ст., т. X св. зак. гражд., изд. 1842 г., т. е. съ предоставленіемъ наслѣдникамъ для миролюбиваго раздѣла общаго имѣнія 2-хъ годичнаго срока, послѣ котораго имѣніе должно дѣлиться судомъ; часто случается, что раздѣлъ не оканчивается въ 10 и 15 лѣтъ, и тогда каждый изъ владѣльцевъ старается извлечь больше и отягощать крестьянъ повинностями. Поэтому Комитетъ и полагаетъ, 1) или принять, чтобы одинъ изъ братьевъ выкупалъ общихъ крестьянъ, или по общимъ правиламъ учредить надъ нераздѣльнымъ имѣніемъ опеку, 2) относительно раздѣловъ примѣнить раньше практиковавшееся въ Грузіи правило: вмѣсто 2-хъ годичнаго срока, назначеннаго для добровольнаго раздѣла, опредѣлить 5-лѣтній; если въ этотъ срокъ наслѣдники добровольно не раздѣлятся, то дѣлить ихъ уѣзднымъ предводителямъ, уѣзднымъ начальникамъ и прокурорамъ, а не желающихъ раздѣла подвергать законнымъ штрафамъ.

Сигнахскій Комитетъ ходатайствовалъ: 1) дозволить грузинскому дворянству залогъ имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ внѣ Кавказскаго края, а не въ одномъ Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія; 2) дозволить помѣщикамъ, выдающимъ дочерей и сестеръ замужъ за лицъ имѣющихъ права владѣнія крѣпостными, давать въ приданое прислугу обоего пола, круглыхъ сиротъ, цѣлыми семействами безъ раздробленія, съ условіемъ, чтобы послѣ смерти, если владѣльцы не завѣщаютъ ихъ кому либо, они поступали въ распоряженіе ближайшихъ родственниковъ, 3) разрѣшить покупать и переселять крестьянъ въ Мингрелію, Абхазію, Сванетію, вообще изъ Имеретіи.

Проектъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, выработанный Совѣтомъ Главнаго Управленія имѣетъ одну очень цѣнную черту, онъ устанавливаетъ строгія рамки въ положеніи крѣпостныхъ и господъ, и если бы проектъ получилъ окончательное утвержденіе, то этимъ устранились бы тѣ злоупотребленія въ расширеніи правъ надъ крѣпостными, которыя практиковались раньше; а вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ слишкомъ эластичныхъ нормъ обычнаго права, установилось бы прочное положеніе. Но если внимательно всмотрѣться въ существо началъ проекта, то будетъ ясно, что прочность положенія шла на пользу помѣщикамъ, она создавала незыблемую гарантію помѣщичьимъ правамъ, а крестьяне никакихъ облегченій не получали, кромѣ стѣснительнаго права выкупа на торгахъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что проектъ игнорируетъ существенное право крестьянъ на землю и недвижимую собственность вообще крестьянина. Такъ и посмотрѣлъ на этотъ проектъ намѣстникъ Кавказа М. С. Воронцовъ; по мнѣнію кн. Воронцова, правила Совѣта „слишкомъ недостаточны для опредѣленія взаимныхъ отношеній крестьянъ и ихъ помѣщиковъ *въ духѣ настоящаго времени*“, „эти правила въ нѣкоторой степени усиливаютъ болѣе прежняго власть помѣщиковъ, *ничѣмъ не обезпечивая крестьянскаго быта*“, принимая во вниманіе, что при опредѣленіи взаимоотношеній между помѣщиками и крестьянами первое мѣсто занимало — опредѣленіе положительнымъ образомъ нормъ повинностей, а это опредѣленіе было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ выясненіемъ количества и качества земли и цѣн-

ности повинностей, то кн. Воронцовъ полагалъ оставить помѣщиковъ и крестьянъ при существующихъ отношеніяхъ до размежеванія края и утвержденія въ дворянскихъ правахъ грузинскихъ помѣщиковъ [1]). Послѣ этого вопросъ объ установленіи отношеній между помѣщиками и крестьянами болѣе уже не возобновлялся.

Ближайшимъ поводомъ къ выясненію отношеній между помѣщиками и крестьянами послужило стремленіе крестьянъ къ отысканію вольности отъ помѣщичьей власти. Очевидно, крестьяне провѣдали о томъ, что не у всѣхъ помѣщиковъ имѣлись документы на права владѣнія и о томъ также, что происходилъ разборъ дѣлъ на права дворянскія; можетъ быть, дѣло не обошлось и безъ посторонняго наущенія. Помѣщики очутились въ большомъ затрудненіи, ибо иски о свободѣ увеличивались, крестьяне отбивались отъ исполненія повинностей, а разборъ подобныхъ дѣлъ подвигался очень медленно; другіе изъ помѣщиковъ, наоборотъ, подвергали такихъ крестьянъ изнурительнымъ работамъ въ теченіи производства дѣла. Тифлисскій губернскій предводитель дворянства кн. Багратіонъ-Мухранскій для прекращенія исковъ крестьянъ о свободѣ и обезпеченія дворянъ предложилъ признавать безспорно помѣщичьими крестьянами тѣхъ изъ нихъ, которые при введеніи русскаго правительства и по камеральному описанію 1817 г. были записаны за помѣщиками, но это предложеніе не встрѣтило одобренія главнымъ образомъ потому, что камеральныя описанія не служили доказательствомъ правъ на владѣніе, во-вторыхъ, на точность ихъ нельзя было положиться, и наконецъ, многіе помѣщичьи крестьяне по камеральному описанію были показаны на казенныхъ земляхъ; не мало помѣщичьихъ крестьянъ въ моментъ камеральныхъ описаній отмѣчено находящимися на другихъ земляхъ, гдѣ они имѣли участки для обработки, такъ назыв. хизаны; предложеніе это ген. Ермоловъ находилъ неудобнымъ для казны и невыгоднымъ для помѣ-

[1]) А. К. А. К., X, Отношеніе кн. Воронцова къ кн. Чернышеву, отъ 13 іюля 1849 г., № 121, стр. 42—45.

щиковъ [1]); значительно позже, бар. Розенъ въ 1833 г. предложилъ мѣры обезпеченія интересовъ помѣщиковъ въ виду отысканія крестьянами свободы; по его мнѣнію, 1) всѣхъ крестьянъ въ Грузіи слѣдовало оставить въ безспорномъ владѣніи за тѣми, за которыми показаны по вновь составленному камеральному описанію, какъ это сдѣлано для Екатеринославской губерніи, быв. Вознесенской, Кавказской, Таврической и возвращенныхъ отъ Польши земель, ук. 12 дек. 1796 г. и 9 апр. 1806 г., 2) тѣ изъ крестьянъ, которые постановленіемъ судебныхъ мѣстъ отчуждены отъ помѣщичьяго владѣнія, остаются свободными, даже въ томъ случаѣ, если по камеральному описанію окажутся записанными за помѣщиками, 3) дѣла, начатыя до утвержденія этого предположенія, должны быть производимы на прежнемъ основаніи, 4) пропущенные въ камеральныхъ описаніяхъ должны безъ суда причислены къ казенному вѣдомству, 5) если по послѣднему камеральному описанію крестьяне одного помѣщика окажутся записанными за другими, то за ними и оставляются, но первые владѣльцы-помѣщики должны быть удовлетворены по разсчету: за малолѣтнихъ мальчиковъ до 10 л. по 30 р.; дѣвочекъ—20 р.; за крестьянъ м. п. отъ 10—17 л.—50 р.; ж. п.—30 р.; отъ 17—40 л. м. п.—80 р.; ж. п.—50 р.; отъ 40—60 л. и свыше м. п.—60 р.; ж. п.—40 р. с.; если получившіе по камеральной записи крестьянъ этихъ денегъ платить не будутъ, то крестьяне должны быть возвращены прежнему владѣльцу [2]). Однако и соображенія бар. Розена не нашли сочувствія; всѣ выводы опирались на камеральномъ описаніи; хотя они и замѣняли русскія ревизіи, но камеральныя описанія составлялись на другихъ основаніяхъ, съ меньшими подробностями, между тѣмъ иски крестьянъ все болѣе и болѣе учащались. На этомъ основаніи Кавказскій комитетъ, „признавая необходимымъ для спокойствія края принять такія мѣры, кои, ограждая владѣльцевъ, не нарушали бы правъ поселянъ“, постановилъ въ 1849 г.: 1) отмѣнить пер-

---

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. 1, стр. 130; см. т. VII, стр. 30; т. VIII, стр. 13—14, 26—27; т. X, 45—46.

[2]) А. К. А. К., т. VIII, Отношеніе бар. Розена къ т. с. Дашкову, отъ 26 окт. 1833 г., стр. 53—55.

вый пунктъ примѣчанія къ ст. 922, т. IX Св. Зак. о сост. (изд. 1842 г.), на основаніи котораго всякій крестьянинъ въ Грузіи, на принадлежность коего помѣщикъ не имѣетъ актовъ, можетъ начать искъ о свободѣ, 2) взамѣнъ этого постановить, что помѣщичій крестьянинъ не иначе можетъ начать искъ объ освобожденіи изъ помѣщичьей зависимости, какъ только тогда, когда самъ представитъ, куда слѣдуетъ, доказательства о томъ, что онъ самъ или отецъ, или дѣдъ его пользовались правами свободнаго состоянія; исковъ о свободѣ по отсутствію документовъ у помѣщиковъ не допускать, 3) означенныя постановленія относятся и къ тѣмъ крестьянамъ, которые уже начали иски о свободѣ и дѣла которыхъ не окончены, 4) крестьяне, отыскивающіе свободу до полнаго окончанія дѣла должны оставаться въ полномъ повиновеніи помѣщиковъ, исполняя всѣ обязательныя работы и повинности (Св. Зак., изд. 1857 г.; прим. къ ст. 1003, IX т. о сост.) [1]). Мнѣнія эти удостоились Высочайшаго утвержденія 28 авг. 1849 г.

Въ Грузіи въ эпоху крѣпостного права образовался особый зависимый классъ, княжескихъ дворянъ. Послѣ утвержденія русской власти возникъ практическій вопросъ, распространить ли на нихъ тѣ же права и преимущества, которыя были признаны за коренными дворянами по трактату, заключенному между Екатериной II и Ираклiемъ [2]). Для разрѣшенія вопроса необходимы были свѣдѣнія касательно положенія этихъ дворянъ въ прошлой жизни народа. Дворянское Депутатское собраніе Тифлисское, въ представленіи своемъ ген. лейт. Вельяминову было того мнѣнія, „что княжескихъ дворянъ не должно лишать коренныхъ ихъ правъ обращеніемъ въ простолюдины“, свое заявленіе собраніе аргументируетъ тѣмъ, что „дворяне сіи жалованы были царями вмѣсто отличій ихъ владѣльцамъ за усердную службу и что всякій княжескій дворянинъ, получивъ сіе достоинство, имѣлъ уже полную свободу, по грузинскому обычаю,

[1]) А. К. А. К., т. X, Выписка изъ Журн. Кавказскаго Комитета, отъ 16 авг. 1849 г., стр. 45 — 46; Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, отд. I, IV, стр. 33.

[2]) Ibid., т. V, 263, 259.

оставаться въ помѣстьяхъ своего господина или перейти къ другому князю или самому царю", по ул. Вахтанга княжескимъ дворянамъ предоставлено удовлетвореніе царскихъ дворянъ, а потому дворянъ этихъ нельзя обращать въ крестьянъ, какъ полагалъ ген. Ртищевъ, въ 1816 г.[1]) Запрошенные на этому же предмету грузинскіе совѣтники и почетные князья дали слѣдующій отзывъ: 1) княжескіе дворяне это тѣ, которые владѣютъ пожалованными крестьянами и имѣніями изъ принадлежащихъ тѣмъ же князьямъ; 2) не приходилось имъ видѣть или слышать, чтобы князь продавалъ своего дворянина, равно принадлежащаго ему крестьянина или имѣнія. Совѣтникъ Кобуловъ, к. с. Бебутовъ, кап. Меликовъ заявили: когда дворянинъ уходилъ отъ помѣщика, то тотъ оставлялъ имѣнія и крестьянъ помѣщику, и тогда помѣщикъ получалъ право продажи, 3) княжескіе дворяне, выходя изъ княжескихъ помѣстій, оставались въ дворянскомъ званіи и если вновь отдавались князьямъ, то считались опять княжескими дворянами. Тѣ же Бебутовъ, Кобуловъ, Меликовъ сказали, что княжескій дворянинъ, оставляя имѣніе помѣщику и переселяясь на казенную землю, или былъ принимаемъ за царскаго дворянина, пожалованнымъ царемъ имѣніемъ, грамотой на дворянство или княжескій дворянинъ причислялся къ казеннымъ крестьянамъ: 4) княжескіе дворяне не равнялись царскимъ, такъ какъ цари и царевичи не принимали ихъ на службу, не опредѣляли ни къ какимъ должностямъ, не производились чинами; царскіе дворяне, напротивъ, отличались чинами по дворянскому достоинству[2]). Повѣренные Грузинскихъ князей объяснили въ 1825 г., что 1) дворяне принадлежатъ князьямъ въ крестьянство и въ доказательство этого предъявили грамоты царя Георгія 1453 г., ц. Симона 1627 г., 2) при дѣлежѣ братьевъ, этихъ дворянъ дѣлили какъ и крестьянъ (докум., раздѣльный актъ 1523 г., рѣшеніе царя Ираклія 1770 г.), 3) по Вахтангу княжескіе дворяне—княжескіе крестьяне, 4) князья продавали своихъ дворянъ, покупали

[1]) Ibid., т. VI, ч. 1, стр. 117.

[2]) А. К. А. К., т. VI, ч. 1, стр. 117, 118, 120.

имѣнія и самихъ дворянъ (гр. царевича Вахтанга, 1709 г., 1712 г.), 5) нѣкоторыхъ изъ княжескихъ дворянъ отдавали въ приданое (док. 1667 г.) 6) съ крестьянъ своихъ и имѣній княжескіе дворяне платили повинности князьямъ, царскія подати платили на имя князей съ прочими княжескими крестьянами, 7) отправляясь въ походъ или куда-нибудь, княжескіе дворяне служили князьямъ, какъ прочіе княжескіе крестьяне, 8) до царя Ираклія дворяне княжескіе считались княжескими крестьянами, а послѣ получали при оставленіи имѣнія и крестьянъ право свободнаго перехода (гр. кн. Палавандову, дв. Гварамадзе и т. д.) [1]). Нѣкоторые изъ княжескихъ дворянъ сами пріобрѣтали покупкой какъ крестьянъ, такъ и имѣнія, но не безъ позволенія князей. Т. о. по вопросу о положеніи княжескихъ дворянъ образовалось два теченія: одни склонны были распространить на нихъ права дворянъ, другіе, а это сами заинтересованные въ вопросѣ князья, готовы были сохранить полное право владѣнія и распоряженія на своихъ дворянъ. Общее Собраніе Грузинскаго Правительства признало, что княжескіе дворяне владѣютъ имѣніемъ, жалованными царями, благопріобрѣтенными, наслѣдственными, полученными въ приданое, въ подарокъ отъ князей. Дворяне княжескіе поступали, въ зависимость отъ князей по пожалованію царей за услуги, въ приданое за дочерьми и сестрами, нѣкоторые съ имѣніемъ. Принимая все это во вниманіе, вмѣстѣ съ Выс. Ман. 12 сент. 1801 г. и 10 янв. 1805 г., Общее Собраніе рѣшило, что князьямъ принадлежитъ неотъемлемое право на имѣніе, принадлежащее ихъ дворянамъ; но такъ какъ при выходѣ дворянъ изъ княжеской зависимости, прежде всего возникалъ вопросъ о землѣ, то дворянинъ оставляя князя, оставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ все имѣніе съ крестьянами, съ которыми 1) поступилъ, по пожалованію царя или въ приданое, князю, 2) имѣніе подаренное самимъ княземъ, 3) купленное или полученное въ приданое отъ такого же княжескаго дворянина. Но дворянину оставляется въ собственность пожалованная ему

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. 1, Представленіе общаго Собранія Верховнаго Грузинскаго Правительства, 24 апр. 1825 г., стр. 122—123, 125.

или его предкамъ царями за услугу, во время нахожденія въ зависимости отъ князя, земля; купленныя по письменнымъ сдѣлкамъ земли, приданое, благопріобрѣтенное въ др. владѣніяхъ [1]). Выс. Утв. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, отъ 11 іюля 1833 г., княжескіе дворяне были освобождены отъ зависимости грузинскихъ князей. Князья получаютъ неотъемлемое право на имѣнія пожалованныхъ имъ дворянъ, только въ томъ случаѣ, если въ жалованныхъ грамотахъ обозначено, что дворяне жалуются съ имѣніемъ; въ противномъ случаѣ имѣніе безъ спору оставляется за дворяниномъ, равно за дворянами сохраняются имѣнія, пожалованныя царями, пріобрѣтенныя дворянами покупкой во время пребыванія въ княжеской зависимости. При освобожденіи княжескихъ дворянъ съ имѣніемъ или безъ имѣнія, до утвержденія въ дворянскомъ достоинствѣ, и огражденія ихъ, рѣшено было причислить къ казеннымъ крестьянамъ и обложить податьми, съ дачей имъ узаконенной пропорціи казенныхъ земель; а при утвержденіи дворянъ княжескихъ въ дворянскомъ достоинствѣ постановили не отбирать „во уваженіе ихъ бѣдности“ казенныхъ земель, если они, покидая помѣщиковъ, оставили имъ всѣ свои земли. Если дворянинъ на княжеской землѣ устроилъ мельницы, др. какія либо заведенія, развелъ сады, съ дозволенія помѣщика, то князьямъ предоставляется предпочтительно вознаградить воздѣлывателей дворянъ по оцѣнкѣ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, съ причисленіемъ процентовъ со дня оцѣнки [2]).

Въ 1848 г. былъ разрѣшенъ вопросъ о зависимости имеретинскихъ и гурійскихъ азнауровъ (дворянъ) отъ тавадовъ (князей) на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Относительно земель была установлена довольно сложная градація. Помѣщикъ получалъ 1) половину дворянскаго (азнаурскаго) имѣнія, если предки дворянина съ имѣніемъ были пожалованы таваду (князю), 2) $^1/_3$, если неизвѣстно, пожалованъ ли дворянинъ съ имѣніемъ или безъ него, и если князь наслѣдственно владѣетъ дворяниномъ, 3) $^1/_4$, если предки или

---

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, стр. 127—128.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 6.311, 11 іюля 1833 г.

самъ дворянинъ были пожалованы безъ имѣнія, 4) 1/5—если предки азнаура или сами пріобрѣли имѣніе, или имѣніе перешло къ дворянину наслѣдственно отъ лица, принадлежащаго князю. Имѣніе принесенное въ приданое женою азнаура (дворянина), не подлежитъ раздѣлу; если дворянинъ женатъ на дочери князя, казеннаго или церковнаго дворянина, или на дочери княжескаго азнаура, принадлежащаго другому таваду; если жена его была и прежде подвластна помѣщику мужа или если приданое ея по смерти обратилось въ наслѣдственное имѣніе дѣтей, то изъ такихъ земель выдѣляется помѣщику 1/5. Эти постановленія не распространяются на членовъ фамиліи Багратіоновъ въ Имеретіи и Гуріеловъ въ Гуріи, такъ какъ до введенія въ этихъ провинціяхъ русскаго управленія владѣли азнаурами и ихъ имѣніями не на общемъ съ тавадами основаніями, а на правахъ удѣльныхъ князей, поэтому за освобожденіе подвластныхъ имъ азнауровъ получаютъ 1/2 имѣнія, принадлежащаго дворянамъ. Разграниченіе имущественныхъ правъ тавадовъ и азнауровъ производится полюбовно и разводы представленные въ Дворянское Депутатское собраніе служатъ основаніемъ для утвержденія въ правахъ владѣнія въ части имѣнія тавадовъ и въ дворянскомъ достоинствѣ азнауровъ; если полюбовное соглашеніе не состоится, то къ разводу приступаетъ Дворянское Депутатское Собраніе. Всякое неудовольствіе по поводу развода разрѣшается на общемъ основаніи законовъ [1]).

Другой разрядъ зависимыхъ дворянъ церковныхъ въ 1811 г. отчисленъ отъ церкви и съ ихъ имѣніями крестьянами и причисленъ къ казенному вѣдомству [2]), а церковные крестьяне приняты въ то же вѣдомство въ 1852 г.

Русское правительство въ Закавказьѣ старается сдѣлать право владѣнія крѣпостными только привилегіей дворянскаго сословія. Въ Грузіи, особенно въ Тифлисской губ., крѣпостными издавна владѣли мокалаки или горожане, куп-

---

[1]) П. С. З., т. 23, № 22.791, дек. 7, 1848 г.; А. К. А. К., т. X, Отчетъ кн. Воронцова за 1849—51 гг., стр. 878.

[2]) П. С. З., 1841 г., № 24.696.

цы, и другія непривилегированныя сословія. Закономъ 24 августа 1832 г. право владѣнія и пріобрѣтенія крѣпостныхъ не дворянамъ воспрещается на будущее время. Тѣ изъ мокалаковъ и др. лицъ, которые уже владѣли крестьянами обязывались въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 1 янв. 1833 г., людей, находящихся въ зависимости отъ нихъ или продать потомственнымъ дворянамъ, или дать свободу по добровольному съ ними соглашенію. Уволенные по добровольнымъ соглашеніямъ пріобрѣтаютъ отъ своихъ бывшихъ господъ земли; выкупившіеся съ землей крестьяне переходятъ въ разрядъ свободныхъ хлѣбопашцевъ; выкупившіеся безъ земли причисляются къ казеннымъ крестьянамъ. Если въ теченіи 4-хъ лѣтъ лица, не имѣющія правъ владѣнія крестьянами, не принадлежащіе къ потомственному дворянству, не продадутъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, или послѣдніе не выкупятся, то съ 1 янв. 1837 г. получаютъ свободу и приписываются къ казеннымъ крестьянамъ [1]).

Русское правительство, стараясь урегулировать отношенія между помѣщиками и крестьянами, стремилось оградить крестьянъ отъ чрезмѣрныхъ злоупотребленій помѣщичьими правами. Въ первой части настоящей работы мы уже говорили о широкой и безпрепятственной торговлѣ людьми внутри Грузіи и Имеретіи. Крестьянъ покупали всѣ, кто только располагалъ мало мальски достаточными средствами. Поэтому крестьяне купленные оказались у такихъ лицъ, которыя правъ на ихъ владѣніе не имѣли, въ 1824 г. возникъ вопросъ, благопріятно разрѣшенный, о предоставленіи купленнымъ не дворянами крестьянамъ права уплатить заплаченную за нихъ, или ихъ предковъ сумму и получить свободу; при необозначеніи цѣнъ въ купчихъ, должны были руководствоваться табелью 24 янв. 1821 г., т. е. расцѣнивать душу м. п. по 200 р. [2]). Продажа помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказьѣ уничтожена не была, но на грузинское крѣпостное крестьянство распространенъ законъ 16 іюня 1833 г., въ 1847 г.: о пріобрѣтеніи людей не иначе какъ съ землей; пріобрѣтенные

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 5578.

[2]) А. К. А. К., т. VI, 1; Рапортъ прокурора Чиляева ген. Ермолову, отъ 12 іюля 1824 г., стр. 69—70.

въ противность этому закону, (на основ. прил. 5 къ ст. 204, т. IX, Св. Зак. о сост., прод. VIII) получали свободу съ предоставленіемъ права выбирать въ установленный срокъ родъ жизни; при освобожденіи этихъ лицъ, покупатели ихъ вознаграждались въ суммѣ, обозначенной въ купчей изъ средствъ казны; съ 1833 по 1841 гг., а съ 1847 г., т. е. со времени введенія въ Закавказьѣ новаго гражданскаго управленія, деньги должны были взыскивать съ присутственныхъ мѣстъ, виновныхъ въ совершеніи актовъ на продажу людей безъ земли [1]). Для Имеретіи были выработаны особыя правила о продажѣ крестьянъ, распространенныя и на Тифлисскую губ. Родители часто по бѣдности отдавали дѣтей своихъ „на вѣчность“ или „до возраста“, съ надеждой что со временемъ дѣти возвратятся къ родителямъ; помѣщики же норовили такихъ дѣтей закрѣпостить, и они даже составляли письменные акты въ присутственныхъ мѣстахъ, такого характера, что мальчикъ или дѣвочка „проданы яко крѣпостные люди“. Бороться съ такими злоупотребленіями, конечно, было очень трудно, но для цѣлей возможнаго огражденія помѣщики, покупающіе крестьянъ должны были составлять письменныя сдѣлки у мдиванъ-беговъ (у чиновниковъ судебнаго вѣдомства), акты подписываться свидѣтелями изъ князей и дворянъ, не менѣе 3-хъ человѣкъ; а принадлежность людей продаваемыхъ помѣщику удостовѣряться однимъ изъ мдивановъ-беговъ. Безъ соблюденія этихъ формальностей сдѣлки не признавались законными[2]). Продажа крестьянъ внѣ границъ Имеретіи, Грузіи (Тифлисской) губ., не дозволялась „ни семействами, ниже въ розницу по 1 человѣку“, наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія въ 1815 г. поручено было окружнымъ начальникамъ; внутри Имеретіи дозволялась продажа на основаніи Россійскихъ узаконеній „не иначе, какъ цѣлыми семействами и съ землей, а не по одиночкѣ, исключая развѣ однихъ оставшихся безродными“[3]);

---

[1]) ibid., т. X, Выписка изъ Журнала Кавказскаго Комитета, отъ 26 февр. 1848 г., стр. 21.

[2]) А. К. А. К., т. V, Рапортъ груз. губ. Симоновича ген. Ртищеву, отъ 11 янв. 1814 г., стр. 233.

[3]) ibid., Предписаніе ген. Ртищева ген.-м. Симоновичу, отъ 2 окт. 1815 г., стр. 485.

въ 1824 г. Общее Собраніе Верховнаго и Грузинск. Правительства постановило, что русскіе чиновники-дворяне въ Закавказьѣ могутъ пріобрѣтать крестьянъ и держать ихъ у себя въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ у прежнихъ владѣльцевъ[1]). Воспрещено покупать и переводить изъ Россіи въ Грузію и Имеретію русскихъ крестьянъ и продавать здѣсь [2]).

Положеніе крестьянина было очень незавидное въ Тифлисской и Кутаисской губ.: „почти всѣ приняли правиломъ, чтобы за хорошую лошадь, ружье, парчи и пр. имъ нужное, равно и въ пріятельскихъ подаркахъ, отдѣлываться уступкою крестьянина, а иногда и нѣсколькихъ семействъ“, даже на вывозъ; въ Имеретіи крестьянъ отдавали въ залогъ евреямъ. Въ 1816 г. ген. Ртищевъ приказалъ всѣхъ находящихся въ залогѣ у евреевъ или въ купленныхъ у имеретинскихъ помѣщиковъ отобрать „немедленно“ въ казенное вѣдомство, а помѣщиковъ обязать выкупомъ удовлетворить евреевъ; помѣщики „вдвое ихъ виновнѣе, преступивъ въ семъ случаѣ гражданскіе законы, а также законы самой вѣры и совѣсти своей“; въ случаѣ несостоятельности помѣщиковъ должны выкупить ихъ родственники, и если никто ужъ не выкупитъ, то крестьянъ передаютъ въ казенное вѣдомство, а евреи должны искать убытки судомъ; евреи подпиской должны были обязаться подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности не принимать крестьянъ въ залогъ, и не покупать ихъ. Не исполнившіе запрещенія помѣщики, продавшіе крестьянина или семью, въ первый разъ наказывались взысканіемъ штрафа въ казну вдвое противъ суммы, полученной отъ залога или продажи и 4 мѣс. арестомъ; уличенные вторично— передачей всей земли въ казну, лишеніемъ права пользованія и владѣнія имъ, и выдачей содержанія изъ казны для помѣщика съ семействомъ его. Евреи въ первый разъ наказываются отобраніемъ въ казну купленныхъ или принятыхъ въ залогъ крестьянъ, безъ вознагражденія убытковъ,

---

[1]) ibid., т. VI, 1, Отношеніе ген. Ермолова къ Мин. Вн. Д., отъ 12 ноября 1824 г., стр. 74.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. 1, отд. 1, ч. IV, стр. 32; ср. А. К. А. К., т. X, отношеніе Т. С. Перовскаго къ кн. Головину, отъ 10 янв. 1842 г., № 2, стр. 37—38.

съ тѣлеснымъ наказаніемъ публично; уличенные второй разъ—ссылкой на вѣчное поселеніе въ Сибирь [1]).

Въ спеціальныхъ условіяхъ политической жизни Закавказья, въ виду частыхъ войнъ большое практическое значеніе имѣло разрѣшеніе вопроса о томъ, оставлять ли крестьянъ, возвращавшихся изъ плѣна, въ крѣпостной зависимости отъ ихъ первыхъ владѣльцевъ или давать свободу. По силѣ ст. 705, IX т. Св., и на основан. ст. 34, гл. XX Уложенія 1648 г., крѣпостныхъ людей, возвращавшихся изъ плѣна, приказано было признавать свободными; Совѣтъ Главнаго Управленія не нашелъ возможнымъ распространить этотъ законъ на Закавказье на томъ основаніи, что „различіе географическаго, не менѣе какъ политическаго положенія Россіи тогдашняго времени, съ положеніемъ, въ коемъ находится Грузія нынѣ, необходимо должно имѣть примѣненіе сего закона въ Грузіи". Въ виду обилія войнъ, а слѣдовательно и плѣнниковъ, по мнѣнію Совѣта Главнаго Управленія, освобожденіе всѣхъ возвратившихся изъ плѣна, „разоряя совершенно помѣщиковъ, противно было бы правосудію"; подъ видомъ плѣна явились бы многочисленные случаи передачи крестьянъ помѣщичьихъ, тогда крестьяне вошли бы „въ связи съ горцами для правительства вредными"; крестьяне искали бы свободы, и „безпрерывное столкновеніе правъ помѣщичьихъ съ правами вышедшихъ изъ плѣна ослабило бы совершенно власть помѣщиковъ", въ виду всего этого, благодаря мѣстнымъ особенностямъ края, выгодѣ казны, и помѣщиковъ, Совѣтъ находилъ болѣе цѣлесообразнымъ не распространять дѣйствія ст. 705, IX т. Св. З. на Закавказскій край, съ ограниченіемъ, чтобы пріобрѣтеніе свободнаго состоянія по выходѣ изъ плѣна опредѣлялось каждый разъ судебнымъ постановленіемъ, основаннымъ на 10 лѣтней давности, т. е. 10-лѣтнемъ пребываніи крѣпостного человѣка въ плѣну [2]).

---

[1]) А. К. А. К., т. V, Всеподд. рапортъ ген. Ртищева, отъ 3 сент. 1816 г., стр. 491—492; 492—493.

[2]) А. К. А. К., т. VIII, Письмо Сперанскаго къ бар. Розену, отъ 17 апрѣля 1835 г., стр. 60—61; т. IX, Письмо ген. Головина къ Мин. Юст., отъ 8 ноября 1838 г., стр. 10—11.

Тяжелыя экономическія условія жизни крестьянства въ предѣлахъ бывшаго государства грузинскаго вызывали побѣги крестьянъ за границу, побѣги эти стали весьма ощутительны. Русская власть на Кавказѣ стремится цѣлымъ рядомъ мѣръ, выработанныхъ въ 1817 г., Выс. утвержденныхъ 22 окт. 1819 г., ограничить эти побѣги и уменьшеніе крестьянскаго населенія. Грузинскимъ помѣщикамъ разрѣшается вызывать бѣглецовъ, сажать на своихъ земляхъ, даже казенныя земли раздавать для этой цѣли „въ награду особенныхъ заслугъ“; но новые поселенцы не обращаются въ крѣпостныхъ помѣщиковъ; они поселяются „на однихъ правахъ арендныхъ“. Образованіе поселеній изъ бѣглыхъ крестьянъ дозволяется съ вѣдома правительства, и приглашаются поселенцы, пробывшіе заграницей „изъ числа природныхъ подданныхъ Грузіи“ не менѣе 12 лѣтъ. Благопріобрѣтенная собственность бѣглыхъ должна оставаться неприкосновенной. Надъ поселенцами помѣщики, какъ надъ арендаторами, имѣютъ ограниченныя права, ибо поселенцы свободны отъ личной крѣпости, а условія, заключенныя между поселенцемъ крестьяниномъ и помѣщикомъ, утверждаются въ присутственныхъ мѣстахъ. Продавать, дарить, отдавать въ закладъ поселенца безъ того участка земли, на которомъ онъ сидитъ нельзя, „да и въ семъ случаѣ личная свобода поселенцевъ должна оставаться неприкосновенной“, подаренные, проданные, переходятъ къ новому владѣльцу, и „ихъ зависимость отъ него единственно по землѣ, на которой будутъ находиться хозяйственныя заведенія“. Въ случаѣ притѣсненій со стороны помѣщика поселенецъ можетъ уйти на казенную землю, оставивъ помѣщику „всѣ заведенія свои, сдѣланныя на его землѣ“, если они не возмѣщаютъ убытковъ помѣщика, понесенныхъ по вызову крестьянина, тогда послѣдній вознаграждаетъ помѣщика изъ своихъ суммъ. По первоначальному проекту ген. Ермолова, для поощренія помѣщиковъ къ вызову людей, проектировалось дозволить имъ „владѣть безвозвратно тѣми семействами, кои были ими на своемъ иждивеніи вызваны изъ заграницы“, если даже они будутъ принадлежать другимъ помѣщикамъ или казнѣ, ибо ушедшихъ казенныхъ крестьянъ „лучше имѣть у помѣщиковъ, нежели вовсе лишиться“ и казна не потеряетъ „выгодъ по повинностямъ, которую пла-

тятъ въ оную и помѣщичьи крестьяне"; въ военное время предполагалось даже разрѣшать, на вышеуказанныхъ основаніяхъ, выселять подданныхъ воюющей стороны [1]) (ук. 14 фев. 1808 г. о выводимыхъ изъ заграницы людяхъ).

Изъ Имеретіи, (нынѣшняя Кутаисская губ.), Мингреліи въ большомъ количествѣ убѣгали крѣпостные крестьяне въ Грузію, (т. е. въ Тифлисскую губ.). Причинъ для такого явленія было очень много: 1) въ 1811 г., 1812 г. въ Имеретіи былъ сильный голодъ и помѣщики не кормили крестьянъ, 2) другіе получали отпускныя за деньги, но не засвидѣтельствованныя законнымъ порядкомъ, 3) третьи спасались отъ помѣщичьей власти. Такіе бѣглецы въ Грузіи обзаводились хозяйствомъ, садами, пахотными землями; приписывались къ казеннымъ и церковнымъ крестьянамъ, къ помѣщичьимъ владѣніямъ, отбывая установленныя повинности. По трактату 1804 г., заключенному Имеретинскимъ царемъ Соломономъ съ русскимъ правительствомъ, „отъ дня подписанія сего акта никто изъ Имеретіи въ Грузію и изъ Грузіи въ Имеретію безъ вѣдома не воленъ на переселеніе переходить, до нынѣ же перешедшія изъ Имеретіи въ Грузію, а изъ Грузіи въ Имеретію, имѣютъ оставаться тамъ, гдѣ они теперь находятся". Трактатъ исполненъ не былъ благодаря бѣгству царя Соломона въ 1810 г., но условіями трактата главнокомандующіе пользовались и крестьянъ помѣщичьихъ, бѣжавшихъ послѣ 1804 г. возвращали въ Имеретію, если владѣльцы доставляли свидѣтельства Имеретинскаго Правительства о времени побѣга крестьянина. Послѣ ревизіи Закавказскаго края гр. Кутайсова и Мечникова это дѣло дошло до свѣдѣнія сената и пользуясь означеннымъ параграфомъ трактата, Сенатъ раздѣлилъ бѣглыхъ на 3—разряда: 1) отлучившихся изъ Имеретіи и водворившихся въ Грузіи до 1804 г., 2) выбывшихъ до 1804 г., но основавшихся въ Грузіи послѣ 1804 г., 3) поселившихся и выбывшихъ послѣ 1804 г.

Сообразно съ этимъ бѣглые перваго разряда должны оставаться на мѣстахъ своихъ поселеній безъ возвращенія,

[1]) А. К. А. К., VI, I, Всеподд. рапортъ ген. Ермолова, отъ марта 1817 г., стр. 5—7; отношеніе ген. Ермолова къ упр. Мин. Вн. дѣлъ, отъ 15 янв. 1827 г., стр. 131—133.

а 2 и 3 разряда возвращаются помѣщикамъ. Въ виду этого ук. Прав. Сен. 1834 г. издано важное положеніе о томъ, какъ опредѣлять принадлежность бѣглаго крестьянина къ тому или другому разряду. Это устанавливается или сознаніемъ бѣглаго, или изслѣдованіемъ спеціальнымъ, слѣдствіе должно быть произведено не Имеретинскимъ, а Грузинскимъ Правленіемъ. На основаніи этихъ новыхъ правилъ много крестьянъ было водворено на свои мѣста; Закавказское правительство было того мнѣнія, что „крѣпостное состояніе не прекращается побѣгомъ крестьянъ". По просьбѣ Мингрельскаго князя въ 1835 г. бар. Розенъ распорядился, проживающихъ въ Грузіи безъ письменнаго вида мингрельцевъ высылать въ Мингрелію, кромѣ находящихся въ казенномъ управленіи и записанныхъ за нимъ по камеральнымъ описаніямъ.

Имеретинскіе и мингрельскіе помѣщики, пользуясь новыми правилами, употребляли при переселеніи крестьянъ мѣры „самыя притѣснительныя, доводя ихъ до совершеннаго разоренія потерею имущества и обзаведеній, такъ что большая часть изъ переселяемыхъ были безъ одежды, безъ обуви, въ зимнее время тащились съ женами, малолѣтними дѣтьми и др. младенцами". Не довольствуясь старыми распоряженіями, ген. Головинъ выработалъ новыя: 1) оставить всѣхъ водворившихся въ Грузіи имеретинскихъ крестьянъ до 1810 г. (а не 1804 г.) на мѣстахъ ихъ новыхъ поселеній, 2) выселившихся во время голода 1811 и 1812 гг. оставить также на мѣстахъ, ибо помѣщики сами повинны въ бѣгствѣ крестьянъ, не озаботившись ихъ прокормленіемъ, 3) водворившихся въ Грузіи послѣ 1810 г., состоящихъ по камеральному описанію за казной, церковью, помѣщиками, имѣющихъ отпускныя домашнія и др. акты, по которымъ пользовались свободой, возвращать послѣ рѣшенія судебными мѣстами, 4) водворившихся послѣ 1810 г., не причисленныхъ ни къ какому вѣдомству, возвращать владѣльцамъ съ производствомъ судебнаго дознанія, касательно времени ихъ водворенія, 5) называть бѣглыми отлучившихся послѣ 1830 г. въ томъ году стали выдавать отпускные билеты, 6) принимающіе бѣглыхъ подвергаются отвѣтственности на основ. 171 и 491 ст.ст., XIV т. Св. З., 7) касательно Мингреліи оста-

вить въ силѣ распоряженіе бар. Розена; но возвращать въ Мингрелію всѣхъ водворившихся въ Грузіи послѣ 1804 г., т. е. вступленія Мингреліи въ русское подданство. Предположенія ген. Головина вызвали возраженія со стороны управляющаго Мин. Вн. Дѣлъ; онъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, что ген. Головинъ принялъ срокомъ для высылки выходцевъ изъ Имеретіи 1810 г., а не 1804 г., а для мингрельцевъ 1804 г., „безъ сомнѣнія, заключаетъ Министръ, на основаніи русскаго крѣпостного права, по которому (ст. 581, т. IX Св. Зак.) не распространяется 10-лѣтняя давность на бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ", но грузинское крѣпостное право „совершенно различное" и 10-лѣтняя давность не распространяется въ Россіи на бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ томъ случаѣ, если помѣщикъ подалъ „явочное о бѣжавшемъ крестьянинѣ прошеніе" въ установленный срокъ, но въ Закавказскомъ краѣ нѣтъ такихъ явокъ, ибо только послѣ 1830 г. введена правильность въ отлучкахъ выдачей срочныхъ билетовъ. Эти „замѣчанія представляются однако же не для того, чтобы подвергнуть сомнѣнію право собственности въ Заказказьѣ помѣщиковъ на крѣпостныхъ крестьянъ ихъ, но для того, чтобы показать, что предлежащій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ строгимъ примѣненіемъ къ нему русскихъ законовъ и что самая необходимость требуетъ обратиться къ другимъ болѣе приличнымъ настоящему случаю соображеніямъ". Министръ Внутреннихъ дѣлъ и полагаетъ болѣе умѣстными слѣдующія правила: 1) всѣхъ вышедшихъ изъ Имеретіи и Мингреліи въ Грузію и обратно помѣщичьихъ крестьянъ и др. званія людей до приведенія въ исполненіе этихъ правилъ оставить на мѣстахъ жительства съ тѣмъ, что не приписавшіеся ни къ какому роду жизни въ теченіе года должны это сдѣлать, 2) такъ какъ побѣгъ и ложная приписка къ свободному состоянію не разрѣшается, то предоставить помѣщикамъ и обществамъ отыскивать вознагражденія за бѣглыхъ и др. людей, если они до обнародованія этихъ правилъ объявили начальству о побѣгѣ или начали иски о нихъ, 3) вознагражденія не выдаются за умершихъ и представившихъ отпускныя и не засвидѣтельствованныя, если нѣтъ сомнѣній въ подложности подписи, 4) вознагражденія опредѣляются за крестьянина

м. п. 60 р., ж. п. 30 р., за дѣтей, исключая родившихся въ бѣгахъ, какъ не пользовавшихся со стороны помѣщика ничѣмъ, свыше 14 л. м. п. 40 р., ж. п. 30 р., 5) вознагражденія эти уплачиваютъ за бѣглыхъ тѣ общества, вѣдомства, помѣщики, которые дали пріютъ бѣглымъ, 6) переселившіеся до изданія настоящихъ правилъ остаются на своихъ мѣстахъ; а впредь наблюдать, чтобы не было самовольныхъ отлучекъ со стороны помѣщичьихъ крестьянъ и чтобы не держали такихъ бѣглецовъ. Графъ Строгановъ призналъ нужнымъ въ соображеніяхъ Закавказскаго Начальства допустить многія „измѣненія, имѣющія впрочемъ главною цѣлью успокоеніе самого края“ [1]).

Самовольныя переселенія крестьянъ были безусловно воспрещены и съ такими крестьянами было велѣно поступать, какъ съ бродягами [2]).

Распространяя на грузинскихъ дворянъ всѣ права и преимущества русскихъ, въ 1832 г. даровано было помѣщикамъ право удалять крестьянъ за проступки въ ссылку на поселеніе въ Кавказскую область вм. Сибири, не разлучая мужей съ женами и дѣтьми женскаго пола, какихъ бы лѣтъ онѣ ни были, мужескаго до 15 л., а старше должны быть оставляемы у помѣщиковъ, если удалить ихъ помѣщики не желаютъ; равнымъ образомъ не должны были разлучать братьевъ и сестеръ, если они жили въ одной семьѣ съ переселяемыми, если первые не достигли 15 л., а послѣднія не были замужемъ, если только онѣ, совершеннолѣтнія, не пожелали бы остаться у помѣщиковъ. Переселяемымъ въ Кавказскую область должны были отводить подъ поселеніе свободныя при казенныхъ станицахъ земли; расходы по высылкѣ и снабженіе на первое обзаведеніе за счетъ помѣщиковъ; ревизовавшіе Закавказскій край гр. Кутайсовъ и Мечниковъ были того мнѣнія, что помѣщикамъ слѣдовало даровать право отдачи крестьянъ за вины въ Сибирь на поселеніе [3]).

---

[1]) А. К. А. К., т. IX, Рапортъ ген. Головина къ гр. Чернышеву, отъ 7 окт. 1838 г.; Отношеніе гр. Строганова къ ген. Головину, отъ отъ 15 дек. 1839 г., № 4492, стр. 19—20.

[2]) А. К. А. К., т. IX, Отношеніе гр. Чернышева къ ген. Головину, отъ 19 окт. 1840 г., № 90, стр. 27.

[3]) П. С. З., т. VII, № 5577 24 авг. 1832 г.; А. К. А. К., т. VIII, От-

Большая часть мѣропріятій правительства какъ центральнаго, такъ Закавказскаго, касательно крѣпостного населенія, сводилась къ упроченію и законному упорядоченію власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Помѣщики цѣлымъ рядомъ распоряженій получили очень широкія права надъ крѣпостными крестьянами. Хозяйственныя распоряженія помѣщика, юридическое содержаніе которыхъ совершенно не было выяснено, самостоятельны и никакое вмѣшательство администраціи не допускается; спеціальнымъ распоряженіемъ 1826 г., кромѣ случаевъ предусмотрѣнныхъ русскими законами: 1) малолѣтства помѣщика, 2) слабоумія, 3) мотовства, 4) жестокаго обращенія съ крестьянами, 5) накопленія казенныхъ недоимокъ по имѣнію, въ другихъ случаяхъ „никакое мѣстное начальство не въ правѣ брать участія въ распоряженіяхъ его по имѣнію". Никакія обращенія къ крестьянамъ, помимо помѣщиковъ, не допускаются на томъ основаніи, что они „выводятъ крестьянъ изъ полной зависимости помѣщиковъ и клонятся къ постепенному разстройству отличнѣйшихъ сословій народа", „мѣшаютъ наслаждаться вполнѣ щедрымъ милостынямъ, обильно изливающимся на здѣшній край отъ Высокомонаршаго престола" [1]). Что касается споровъ между крестьянами одного помѣщика, то гр. Гудовичъ въ 1807 г. распорядился предоставить разрѣшеніе ихъ помѣщикамъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ; а крестьянамъ воспрещено съ просьбами о разсмотрѣніи частныхъ споровъ обращаться къ судебнымъ установленіямъ [2]).

Несправедливо было бы, однако, умолчать и о тѣхъ положительныхъ предпріятіяхъ, которыя до нѣкоторой степени шли на пользу Закавказскому крѣпостному крестьянству. Воспрещены безпорядочныя пожалованія земель, практиковавшіяся раньше; съ 1843 г. пожалованія могутъ производиться только съ Высочайшаго назначенія и соизволенія и

ношеніе бар. Розена къ т. с. Блудову, отъ 11 февр. 1832, г. стр. 28; отношеніе т. с. Блудова къ бар. Розену, отъ 25 февр. 1831 г., стр. 23—24.

[1]) А. К. А. К., т. VI, ч. I, Представленіе Исполнит. Экспедиціи г.-л. Вельяминову I, отъ 27 янв. 1826 г., стр. 80—82.

[2]) ibid., т. III., стр. 16.

„прекращенъ былъ принятый нынѣ порядокъ представленій въ числѣ другихъ наградъ къ пожалованію землями“ [1]). Уничтожены всѣ тарханныя грамоты въ 1807 г. [2]). Закономъ 1848 г., 3 марта грузинскіе крестьяне получили право покупать и другими законными средствами пріобрѣтать въ собственность земли, лавки и др. рода недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній [3]). Крестьяне, получившіе со времени введенія въ Мингреліи русскаго управленія свободу и впредь могущіе получать таковую, причисляются къ тѣмъ имѣніямъ, на которыя не распространялось опекунское управленіе, совокупность такихъ свободныхъ крестьянъ должна образовать „сословіе вольныхъ людей Мингрельскаго владѣнія“ [4]).

---

[1]) А. К. А. К., т. XII, Отношеніе Мин. Госуд. Им. къ и. д. намѣстника Кавказскаго г.-ад. кн. Орбеліани, отъ 21 апр. 1861 г., № 186, стр. 71.

[2]) ibid., т. VI, Письмо ген. Ермолова къ ген.-л. Канкрину, отъ 16 іюля 1823 г., стр. 609.

[3]) Сб. статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, отд. I, ч. IV, стр. 33.

[4]) А. К. А. К., т. XII, Предложеніе кн. Барятинскаго Кутаисскому ген.-губ. отъ 25—27 февр. 1860 г., стр. 345—346.

Мы ничего не говоримъ о заводскихъ крестьянахъ въ Грузіи, за недостаткомъ свѣдѣній; едва ли можно и найти ихъ много, потому что фабрикъ и заводовъ въ Грузіи почти не было; скудныя свѣдѣнія, см. А. К. А. К., т. II, стр. 203; т. V, стр. 284.

VII.

Вопросъ о крестьянскихъ повинностяхъ при русскомъ управленіи.

Русское правительство со вступленія своего въ управленіе Закавказскимъ краемъ стало проявлять значительный интересъ къ тѣмъ повиностнымъ отношеніемъ, которыя создались между грузинскими помѣщиками и ихъ крѣпостными, но съ первыхъ же шаговъ на пути къ выполненію задачи создалось весьма затруднительное положеніе, въ виду необычнаго своеобразія и разнообразія существовавшихъ въ Грузіи повинностей. Въ рапортѣ своемъ, отъ 5 іюля 1802 г., ген.-л. Кноррингъ указываетъ на это обстоятельство: „доселѣ всѣ подушные и поземельные сборы почти не имѣли основательнаго постановленія и требовались по единому произволенію царя, который, пользовавшись правомъ отнимать избытки у кого только хотѣлъ изъ его подданныхъ, не помышлялъ повинности гражданъ уравнивать по способамъ ихъ промышленности“ [1]). Высочайшимъ рескриптомъ 12 сент. 1801 г. „оставляются всѣ состоянія обитателей царства грузинскаго при своихъ правахъ и преимуществахъ“. Но въ то же время соотвѣтствующимъ органамъ предписывается привести въ извѣстность крестьянскія повинности, чтобы можно было знать какія упрощенія и льготы нужно предоставить, и какія „въ разсужденіи прошедшихъ ихъ бѣдствій и въ знакъ нашего о нихъ попеченія даровать имъ было прилично“; но сборы въ казну, особенно сборы въ пользу царскаго дома становятся предме-

[1]) А. К. А. К., т. I, 211.

томъ серьезнаго вниманія правительства и въ томъ же рескриптѣ на этотъ предметъ дано опредѣленное указаніе: „привесть въ такое положеніе (сборы государственныхъ повинностей, принадлежавшихъ царскому дому), чтобы все то, что кромѣ хлѣба натурою прежде собиралось, обращено могло быть въ сборъ хлѣбный, по мѣрѣ надобности онаго къ продовольствію войскъ, а остатокъ расчислить въ подать денежную“ [1]).

На первыхъ порахъ мѣстная власть дальше частичныхъ распоряженій о крестьянскихъ повинностяхъ не идетъ. Взамѣнъ казенныхъ податей разныхъ видовъ, вводится подушная подать, съ распространеніемъ ея на Тифлисскую губ. и причислена она была по платежу къ третьему классу, который платилъ по 6 р.; подчиненіе Тифлисской губ. платежу подушной подати мотивировалось тѣмъ, что эта область „начала чувствовать выгоды свои со времени только Россійскаго правительства“ [2]). Самымъ серьезнымъ основаніемъ этого мѣропріятія было то соображеніе, что казенные сборы, производимые съ грузинскихъ крестьянъ, т. е. тифлисскихъ такіе, „какіе же существовали при грузинскихъ царяхъ, съ наименованіемъ только нѣкоторыхъ денежныхъ и хлѣбныхъ окладными“. Въ Выс. манифестѣ 2 фев. 1810 г. постановлено взимать подушную подать, до окончательнаго и лучшаго въ ней распорядка, со всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ „по ревизіи въ окладѣ состоящихъ равнымъ числомъ“. Въ Тифлисской губ. обложеніе пришлось бы производить по камеральному описанію. Противъ повышенія податей возсталъ ген. Тормасовъ (отнош. къ д. т. с. Гурьеву, отъ 26 мая 1810 г.) на томъ основаніи, что оно „навлечетъ большія затрудненія и обратится во вредъ спокойствія необразованнаго здѣшняго народа“, и населеніе „сочтетъ народнымъ угнетеніемъ“, къ тому же ген. Тормасовъ видѣлъ и практическое затрудненіе въ томъ, что Грузинская казенная экспедиція „не имѣетъ достовѣрныхъ

---

[1]) ibid., т. I, 434—435, 487, 488, 490.

[2]) А. К. А. К., т. IV, Представленіе Казенной экспедиціи ген. Тормасову, отъ 28 мая 1810 г., 35—36, см. тамъ же таблицу окладныхъ сборовъ; ср. т. VI, I, 532.

свѣдѣній, какъ о всѣхъ доходахъ, которыя Грузія приносить можетъ, ни о числѣ людей и званіи ихъ“ [1]).

Еще до водворенія русской власти со всѣхъ безъ изъятія поселянъ, въ Кахетіи и Карталиніи собиралась подать *сурсати*, сборъ провіанта для войска, подать эта не случайная, какъ *сарусо*, сборъ провіанта для русскаго войска, *салеко*— сборъ для борьбы съ лезгинами, это—„одна только изъ общественныхъ или поголовныхъ податей всегда собиралась въ Грузіи на необходимыя нужды государственныя“, и при русскомъ правительствѣ она собиралась со всѣхъ „безъ изъятія“, съ купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, и „прочихъ нижнихъ состояній всѣхъ племенъ обитателей грузинскихъ“ съ дыма или *комли*, по мѣстному названію, по 2 коды пшеницы и 1 кодѣ ячменя, къ этому присоединялась еще накладка за труды сборщикамъ, такъ называемое *саясауло* на 1 коду по одной литрѣ, всего 3 литры съ дыму, или 7 п. 10 ф.

Единицей обложенія былъ принятъ дымъ или комли, т. е. „такое семейство въ купцахъ и промышленникахъ, въ которомъ 2 человѣка мужчинъ производятъ промыслъ свой или ремесло, а въ земледѣльцахъ и при нижнихъ состояніяхъ не болѣе 3 мужчинъ работу отправляющихъ“. Селенье, деревня, кочевье вноситъ сурсати по числу дымовъ, цѣлымъ обществомъ, которое и раскладываетъ сборы „безъ всякаго вмѣшиванія въ то сборщиковъ“; доставка производилась на назначенныя мѣста, въ обывательскихъ мѣшкахъ и на обывательскихъ подводахъ; по желанію, вмѣсто доставки натурой не возбранялась плата и деньгами по 1 р. за коду, за литру въ 22 стиля ($2^1/_2$ стиля=фунтъ) по 10 к. сер., грузинской монетой [2]).

Русская власть на Кавказѣ неоднократно возвращалась къ мысли о необходимости сближенія Грузіи въ податяхъ и повинностяхъ съ русскими губерніями; эта мысль въ 1816 г., въ замѣчаніяхъ Министра Финансовъ о доходахъ и расходахъ по Грузіи, приняла довольно опредѣлен-

---

[1]) Ibid., IV, 35.

[2]) А. К. А. К., II, 7, 32.

ное выраженіе, а именно предполагалось, въ слишкомъ общихъ очертаніяхъ, произвести перемѣны и сокращенія въ подушномъ и оброчномъ сборахъ съ крестьянъ и поселянъ, такихъ какъ гостинцы крестьянъ, сабалахо, мали и взамѣнъ ихъ, часто мелочныхъ и обременительныхъ, ввести уравнительную подушную подать, махту, для каковой цѣли проектировалось произвести поголовную перепись или ревизію но болѣе точную, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось [1]). Но дѣло дальше смутныхъ и неопредѣленныхъ предположеній не двинулось. Всѣ предположенія и проекты болѣе касались Тифлисской губ., Имеретія и Гурія съ Мингреліей на первыхъ порахъ оставались внѣ сферы вниманія. По отношенію къ Имеретіи русское правительство стало на точку зрѣнія необходимости не производить рѣзкой ломки въ установившихся повинностныхъ отношеніяхъ, но въ то же время считало нужнымъ привязать населеніе къ новой власти, „дать имъ восчувствовать крѣпость онаго и справедливость и то, что кромѣ покоренія Имеретіи было единственно благоденствіе сего народа“; на этомъ основаніи рѣшили оставить всѣ старые сборы, кромѣ хлѣбнаго, нужнаго для продовольствія войска, предоставивъ льготу хотя бы на 2 года, „тѣмъ болѣе, что повинности сіи падали только на однихъ безсильныхъ и бѣдныхъ людей, а сильные помѣщики съ ихъ подвластными, имѣвшіе при царѣ какое либо вліяніе или постороннюю подпору, отъ оныхъ были совершенно изъяты“ [2]), и вопросъ объ установленіи въ Имеретіи казенныхъ податей, взамѣнъ существовавшихъ, „хотя на основаніи взимаемыхъ въ Грузіи“, былъ рѣшенъ; но не забыта была бѣдность Имеретіи и поэтому рѣшено было устроить такъ, чтобы „преимущественная часть падала на казенныхъ крестьянъ, потому что они не платятъ ничего уже помѣщикамъ, на помѣщичьихъ же наложить подати умѣренныя, такъ чтобы подать казенная и оброки помѣщикамъ платимые не обременяли ихъ“. Постановленіе о церковныхъ

---

[1]) Ibid., V, 267, 268.

[2]) А. К. А. К., т. IV, Отношеніе ген. Тормасова, 3 іюля 1810 г., 298; т. V, 479.

крестьянахъ отложено было, „ибо, зная легковѣріе народа, вліяніе на оный духовенства и еще не твердость нашу въ томъ краю, должно признать рановременнымъ касаться чѣмъ либо до духовныхъ и нужно ихъ покамѣстъ чрезъ разныя выгоды привязывать къ намъ“. Послѣднимъ въ программѣ поставлена необходимость склонить дворянство къ платежу податей, что „никакой народъ или государство не можетъ быть въ благосостояніи безъ того, чтобы не имѣть опредѣленныхъ казенныхъ доходовъ, кои будутъ обращаться на пользу же онаго народа, и что *помѣщики за то могутъ быть награждаемы особыми милостями* отъ Его Императорскаго Высочества и разными выгодами“ [1]); дворянство въ то же время обнадеживалось, что „власть князей и дворянъ надъ принадлежащими имъ крестьянами ничѣмъ ограничена не будетъ, кромѣ закона, ибо и Государь самъ издаетъ законы и самъ ему повинуется“ [2]).

Однако до 1823 г. вопросъ объ урегулированіи крестьянскихъ повинностей, и необходимости изъ „неопредѣлительной обязанности поставить крестьянъ и ихъ помѣщиковъ въ отношенія опредѣлительныя“ оставался безъ движенія, только въ 1823 г. при производствѣ дѣлъ о крестьянахъ ищущихъ вольности возникъ очень затруднительный вопросъ объ обложеніи повинностями крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Поэтому Общее Собраніе Грузинскаго Правительства, вмѣстѣ съ предводителями дворянства и видными помѣщиками, должно было опредѣлить крестьянскія повинности, ищущихъ вольности въ пользу помѣщика. Уѣздные предводители дворянства высказались, что повинности всегда отличались неопредѣленностью, что „во всѣхъ нужныхъ случаяхъ помѣщики употребляли ихъ (крестьянъ) по своей волѣ“, и что исчислить повинности не представляется возможнымъ; они же предложили правительству проекты обложенія крестьянъ ищущихъ вольности.

---

[1]) А. К. А. К., т. IV, Предписаніе ген. Тормасова ген.-м. Симоновичу, отъ 25 янв. 1811 г., 352.

[2]) Ibid., т. IV, 377, Записка З. Церетели объ Имеретинскомъ правленіи и замѣчанія на оную ген. Тормасова.

Тифлисскій уѣздный предводитель высказалъ свои предположенія относительно Тифлисскаго у. и Борчалинской дистанціи; вмѣсто существовавшихъ повинностей и податей онъ опредѣлилъ взносы деньгами, раздѣливъ крестьянъ на три категоріи. Крестьяне первой категоріи—это крестьяне земледѣльцы, ремесленники, должны быть обложены въ годъ по 70 р.; второго класса по 40 р., третьяго — 15 р.; не имѣющимъ денегъ не возбраняется отбывать повинности продуктами, и требовать ихъ на лѣтнія работы. Телавскій предводитель дворянства сталъ на нѣсколько иную точку зрѣнія: съ крестьянъ, по его проекту, должны были взыскивать: изъ урожая вина $^1/_7$, изъ прочихъ земныхъ произведеній $^1/_{10}$; изъ свиней и овецъ $^1/_{20}$; сверхъ того обложить крестьянъ работой; работать долженъ въ недѣлю по 1 дню каждый членъ семейства м. п., способный къ работѣ, сколько бы ихъ въ семьѣ ни будетъ, вмѣстѣ съ рабочимъ скотомъ; эту повинность должны отправлять и безземельные, ремесленники, гдѣ имъ будетъ назначено и работать по два дня въ недѣлю, по ремеслу своему, и оставить, по прежнему, безъ измѣненія саквриво. Сигнахскій предводитель дворянства принялъ проектъ Тифлисскаго предводителя, только крестьне, надѣленные землей крестьянъ первой категоріи обязывались платить въ годъ 80 р., II-группы—60 р.—III—30 р.; не имѣющіе земли, ремесленники,—отъ 10 р. до 30 р.; Душетскій предводитель дворянства понизилъ размѣры платежей для всѣхъ группъ, принявъ нормы въ 50 р., для II—40 р., III—30 р., IV—20 р. Наконецъ, Горійскій предводитель попытался соединить денежныя повинности съ другими сборами; онъ проектируетъ денежныя сборы въ 80 р., 40 р., 30 р., 20 р., сверхъ этого сохраняетъ галу, кулухи, сачекме и саквриво; съ малосемейныхъ взносы должны производиться по состоянію, а не по числу душъ.

Второй вопросъ непосредственно связанный съ установленіемъ повинностей—это опредѣленіе размѣровъ земельныхъ надѣловъ, съ которыхъ крестьяне обязывались подобными платежами. По мнѣнію Тифлисскаго комитета, крестьяне должны владѣть для успѣшнаго несенія повинностей: I класса—землей равной 30 дневному паханію, 40 шт. рогатаго скота, 100 овецъ и 100 свиней, виноградным садомъ

двухъ- или трехдневнаго размѣра паханія; II—15 дневнымъ паханіемъ пашни, 20 шт. рогатаго скота, 30 гол. овецъ и 30 гол. свиней, виноградным садомъ 1—1 1/2 дневного паханія; III— 1/2 владѣній 2-го класса и IV—1/3; Сигнахскій и Телавскій комитеты уклонились отъ опредѣленія нормъ; Душетскій же опредѣлилъ: для I категоріи 20 дневное паханіе земли, мельницу, виноградный садъ 2 или болѣе дневного паханія, рогатаго скота на цѣлый плугъ и 200 свиней или овецъ; для II—половину перваго класса, для III—половину II; IV—половину III. Выслушавъ эти соображенія компетентныхъ лицъ, члены Общаго Собранія и рѣшили, что такъ какъ подати и повинности въ Грузіи *не обременительны*, образъ взиманія ихъ различенъ и зависитъ отъ произвола владѣльцевъ, то крестьянъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ и уже платящихъ имъ кулухи и гала, обязать еще барщинными повинностями: по 2 дня въ недѣлю, тѣхъ изъ крестьянъ, которые не отбываютъ галу и кулухи—по 3 дня; всѣ другія повинности уничтожаются и отмѣняются и эти нормы одинаковы для всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, кромѣ осетинъ, для которыхъ проектируется особое постановленіе [1]). Изъ дѣлъ не видно на какихъ выводахъ основано заключеніе собранія о томъ, что повинности грузинскихъ крестьянъ не обременительны; мнѣніе это довольно произвольно, что было признано и ревизовавшими Закавказскій край сенаторами гр. Кутайсовымъ и Мечниковымъ. Они отмѣтили, что обложеніе платящихъ галу и кулухи крестьянъ еще 2-мя днями работы не равносильно платежамъ тѣхъ, которые, не платя галу и кулухи, отбываютъ по 3 дня. Сенаторы не сошлись въ сужденіи съ Общимъ Собраніемъ Верховнаго Грузинскаго Правительства относительно тяжести повинностей; сенаторы ревизоры даже нашли, что повинности грузинскихъ крестьянъ больше, чѣмъ русскихъ, хотя въ Россіи „твердыхъ правилъ на сей предметъ не постановлено“, но изъ этого вполнѣ правильнаго положенія сенаторы во Всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ совершенно неожиданно дѣлаютъ неправильные выво-

---

[1]) А. К. А. К., VI, 1, Представленіе Верховн. Груз. Прав. Общаго Собранія ген.-л. Вельяминову, отъ 30 апр. 1826 г., 83, 85—86, 89—90, 91

ды. Такъ какъ Грузинское Дворянство, ук. 24 марта 1827 г. сравнено съ русскими помѣщиками, то сенаторы и находили возможнымъ предоставленіе грузинскимъ помѣщикамъ нѣкоторыхъ правъ, присвоенныхъ русскимъ, а именно: разрѣшеніе брать домашнюю прислугу; этимъ правомъ грузинскіе помѣщики уже пользовались, они же полагали „дать безотлагательное право грузинскимъ помѣщикамъ отдавать крестьянъ своихъ въ солдаты за вины и право, предоставленное русскому дворянству мнѣніемъ Выс утв 3 марта 1822 г. о ссылкѣ въ Сибирь; но чтобы „крутымъ переворотомъ не сдѣлать потрясеній", вводить ихъ постепенно, т. е. замѣнять существующія въ Грузіи повинности русскими; сенаторы не скрываютъ того, что все проектируемое можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда грузинскія повинности будутъ опредѣлены, оцѣнены и сравнены съ повинностями предполагаемыми къ введенію, и если бы все это „можно было произвести *въ видѣ добровольнаго согласія крестьянъ*"; на такое нововеденіе предполагается не болѣе 3-хъ лѣтъ [1]). Такимъ образомъ, предположеніе Общаго Собранія Грузинскаго правительства движенія никакого не получило, а оно вмѣстѣ съ Паскевичемъ сен. Кутайсовымъ и Мечниковымъ отстаивало цѣлесообразность распространенія на грузинское дворянство отношеній существующихъ въ русскихъ губерніяхъ, съ уничтоженіемъ мѣстныхъ многочисленныхъ повинностей и замѣной ихъ русскими. Главноуправляющій Розенъ не находилъ возможнымъ согласиться съ данными предположеніями, на томъ основаніи, что мѣра проектируемая Общимъ Собраніемъ Грузинскаго Правительства касалась лишь крестьянъ ищущихъ вольности и, по его мнѣнію, не слѣдовало бы изъ частнаго случая дѣлать какихъ бы то ни было обобщеній, и что „никакъ нельзя утвердительно говорить, что повинности владѣльческихъ крестьянъ, существующія въ Грузіи гораздо многочисленнѣе Россійскихъ повинностей", наоборотъ, „сколько извѣстно, выгоды, получаемыя грузинскими помѣщиками отъ своихъ крестьянъ

---

[1]) А. К. А. К., т. VIII—Всеподд. докладъ сенаторовъ Кутайсова и Мечникова, отъ 28 ноября 1831 г., 24.

весьма незначительны". Единственная польза въ опредѣленіи повинностей, по мнѣнію Розена,—огражденіе крестьянъ отъ стѣсненія ихъ владѣльцевъ, „но и самая сія цѣль едва ли можетъ быть достигнута, ибо весьма трудно правительству довести свое постановленіе до того, чтобы имъ были довольны обѣ стороны, помѣщики и крестьяне, такъ что если однимъ оное будетъ казаться выгоднымъ то другимъ нѣтъ; даже невозможно ручаться будутъ ли еще довольны сею перемѣною, нарушающею издревле введенные обычаи и сами крестьяне, поелику жалобы на излишнее отягощеніе со стороны помѣщиковъ послѣдовали не отъ всего сословія ихъ, а отъ однихъ ищущихъ свободы", „перемѣна обыкновеній, народу извѣстныхъ, безъ необходимыхъ къ сему причинъ, напрасно породитъ превратные толки неблагонамѣренныхъ людей". Да и сравненіе Грузіи съ Россіей по разности географическихъ условій не умѣстно, тѣмъ болѣе, что, по признанію самихъ ревизующихъ сенаторовъ и въ Россіи нѣтъ твердыхъ правилъ о крестьянскихъ повинностяхъ, „для чего непремѣнно нужно вводить теперь, хотя и постепенно, опредѣлительныя и постоянныя о томъ правила въ Грузіи", поэтому, заключаетъ бар. Розенъ, благоразумнѣе „оставить въ Грузіи помѣщиковъ и крестьянъ при нынѣшнихъ ихъ по настоящему предмету обычаяхъ, пока время и образованіе края дадутъ средства къ развитію всѣхъ отраслей здѣшняго хозяйства, чѣмъ напредъ надлежитъ заняться" [1]).

Вопросъ о повинностяхъ крестьянскихъ такъ и остался безъ окончательнаго разрѣшенія. Русское правительство изъ необходимости защищать край отъ внѣшнихъ враговъ-сосѣдей попыталось возложить на мѣстное податное крестьянское населеніе, обязанность принимать въ этомъ дѣлѣ участіе, въ формѣ организаціи милицій. Дворянство спеціальнымъ актомъ, 24 апрѣля 1848 г., торжественно постановило, для представленія Императору, что они охотно будутъ итти на службу внѣ своей страны; постановленіе было вызвано

[1]) А. К. А. К., VIII, Отн. бар. Розена къ т. с. Блудову, отъ 11 февр. 1832 г., 26—27, 27—28. т. XII, 197—198.

манифестомъ 14 марта 1848 г. по поводу совершающихся въ Зап. Европѣ событій, „если бы безпорядки, заявляютъ дворяне, волнующіе Западъ Европы могли дойти до покушенія противъ благосостоянія государства", которому они принадлежатъ, то двинулись бы поголовно [1]), но на этотъ вопросъ населеніе иначе смотрѣло. Когда въ 1829 г., въ виду ожидаемой войны съ Персіей, гр. Паскевичъ „по собственному вызову и по желанію грузинскаго дворянства" назначилъ сборъ милиціи по 1 чел. съ 5 дымовъ, что могло составить ополченіе въ 6 тыс. человѣкъ, возникло упорное сопротивленіе населенія, пущены были слухи, что сборы дѣлаются только для вида, а на самомъ дѣлѣ собираются рекруты для несенія обыкновенной военной службы; пришлось отмѣнить сборы для успокоенія страны, но гр. Паскевичъ все же остался при мнѣніи, что справедливо было бы съ грузинъ требовать милиціонеровъ. Въ уу. Тифлисскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ обвиненіе въ подстрекательствѣ падало на дворянъ [2]). Значительно позже вопросъ о сборахъ милиціонеровъ сталъ фактомъ; милиціонеры вербуются по мѣрѣ надобности; при опредѣленіи численности милиціи принимаются во вниманіе численность населенія, самыя условія войны, „степень духа воинственнаго или ратнаго, ратная способность", вообще опредѣленіе численности милиціи зависитъ отъ усмотрѣнія высшаго начальства; губернскому начальству предоставлено было право ходатайства объ освобожденіи селеній отъ выставки милиціонеровъ. Уравнительность въ несеніи милиціонерской обязанности была недостижима въ виду неодинаковой близости селеній къ театру дѣйствій. Опредѣляя общую численность милиціонеровъ по селеніямъ, земская полиція не вмѣшивалась во внутреннюю разверстку ихъ. Нѣкоторые представители мѣстной крупной администраціи не сочувствовали сборамъ милиціонеровъ, находя это обременительнымъ для бѣднаго народа, такого мнѣнія, напримѣръ, въ 1855 г. былъ ген. Колюбакинъ, въ Кутаисской губ.: „отнявъ у помѣщика небогатаго одного крестья-

[1]) ibid., т. X, стр. 26.

[2]) А. К. А. К., т. VII, стр. 325, 326—329, 329—336, 336—338.

нина, котораго обязянность онъ не можетъ возложить на другого, мы лишаемъ его одной изъ необходимостей жизни", и поэтому, думаетъ ген. Колюбакинъ правительство поступаетъ не вполнѣ раціонально, требуя милицію. Хотя церковные и казенные крестьяне лучше помѣщичьихъ могли бы исполнять обязанности милиціонеровъ, но „многіе изъ нихъ сдѣлались слишкомъ добрыми хлѣбопашцами, чтобы сдѣлаться внезапно хорошими воинами". При опредѣленіи числа крестьянскихъ милиціонеровъ предписывалось принимать во вниманіе размѣры крестьянскихъ повинностей. Земская полиція сильно злоупотребляла при сборѣ милиціонеровъ, поэтому ген. Колюбакинъ и полагалъ, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственномъ отношеніи дѣло милиціонерскихъ сборовъ подчинить губернскимъ предводителямъ дворянства, возложивъ на нихъ раздачу содержанія и повѣрку численности милиціонеровъ [1]).

Относительно церковныхъ крестьянъ намъ не приходится дѣлать особыхъ замѣчаній. Правда, Θеофилактъ, экзархъ Грузіи, пытался опредѣлить церковное имущество по Имеретіи, Грузіи, Мингреліи, но попытка вызвала волненіе, и „не имѣла успѣха", частью по необразованности народа, частью по „неблагопріятнымъ внушеніямъ нѣкоторыхъ людей своекорыстіемъ управляемыхъ". Въ 1819 г. для сборовъ сахуцо причтъ церковный былъ раздѣленъ на 3 разряда: I — съ приходскими дымами не выше 40, съ платой 5 р.; II—не выше 80 дым. — 10 р.; III — болѣе 80 — 15 р.; а драму, обязывались платить черезъ годъ каждый дымъ: зажиточные по 20 к., средніе—15 к., малоимущіе—10 к. [2]).

Такимъ образомъ, крестьянскія повинности не были урегулированы, какъ о томъ неоднократно думала мѣстная власть; все сдѣланное въ этомъ направленіи не шло далѣе частичныхъ, и не связанныхъ въ одну стройную систему, распоряженій. Такъ до самой крестьянской реформы и сохранилась хаотичность и неопредѣленность въ размѣрахъ, характерѣ и способѣ отбыванія крестьянами повинно-

---

[1]) А. К. А. К., т. XI, стр. 671—672, 672—674.

[2]) ibid. VI, I, стр. 387, 391—395, 397.

стей, а равно сохранился старый произвольный помѣщичій режимъ. Повинности горскихъ народовъ были болѣе или менѣе урегулированы, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи отбыванія ихъ правительству. Натуральныя повинности, возложенныя на горскія племена, кромѣ трусовцевъ „кои не участвуютъ въ оныхъ“ состояли: 1) въ доставкѣ безденежно на воинскіе посты по военно-грузинской дорогѣ дровъ; въ 1825 г. доставлено было до 200, въ 1826 г. — 300 куб. саж., 2) доставкѣ, особо на Койшаурскій постъ для пересушки сухарей за плакатные прогоны, дровъ, 3) доставкѣ лѣса для казенныхъ построекъ, для мостовъ, за что получали по 1 р. асс. за бревно, а иногда и ничего; сѣна для конницы по 10 к. с. за пудъ, подводъ для войска безъ прогоновъ, 4) перевозкѣ нижнихъ чиновъ больныхъ, безденежно; они же давали проѣзжающимъ чиновникамъ быковъ, предоставляя имъ на усмотрѣніе производство платы; кромѣ того въ число повинностей входили: перевозка почты во время снѣжныхъ обваловъ, разлитія Терека, исправленіе въ лѣтнее время военно-грузинской дороги, большей частью безплатно; расчистки зимой дороги отъ снѣга, по 10 к. с. въ день. Всѣ эти повинности обременяли народъ, не давали времени убирать хлѣбъ съ полей; мужчины со скотомъ бывали заняты отбываніемъ повинностей — и на долю однѣхъ женщинъ выпадали сельско-хозяйственныя работы. Настоятельной необходимостью, помимо достаточнаго надѣленія землей, представлялось уравненіе въ податяхъ, и приведеніе въ извѣстность натуральныхъ повинностей, съ назначеніемъ одного срока въ году для сбора повинностей, чтобы неожиданными требованіями платежей не ставились крестьяне въ затруднительное положеніе и предоставленіе самому населенію избирать на каждые 3 года сборщика податей изъ своей среды [1]).

---

[1]) А. К. А. К., т. VII, Записка Чиляева о горскихъ народахъ, 1829 г., стр. 350—352.

VIII.

Крестьянскія волненія.

Положеніе грузинскихъ крѣпостныхъ всѣхъ ранговъ было весьма тяжелое; отданные всецѣло во власть помѣщикамъ, они изнывали подъ бременемъ зависимости, особенно тяжело было положеніе частно-владѣльческихъ крестьянъ. Положеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей грузинскаго крѣпостного права о мягкихъ формахъ крѣпостной зависимости отвергается самымъ рѣшительнымъ образомъ крестьянскими волненіями. Правда, мы не располагаемъ достаточными данными для всесторонняго обслѣдованія крестьянскихъ волненій, но не потому, что ихъ не было, а потому, что матеріалы о нихъ хранятся подъ спудомъ. Во время занятій, напримѣръ, въ Архивѣ Намѣстника намъ не удалось найти слѣдовъ волненій, но это произошло просто потому, что нѣтъ достаточно вѣрныхъ путеводителей, а въ многотысячномъ собраніи громадныхъ связокъ разбираться не такъ легко. Но и имѣющихся у насъ матеріаловъ вполнѣ достаточно. Во всякомъ случаѣ интенсивность проявленія народнаго гнѣва въ тѣхъ немногочисленныхъ, но извѣстныхъ намъ случаяхъ, свидѣтельствуетъ о степени и силѣ общихъ причинъ, вызывавшихъ неудовольствіе крестьянъ. Причины крестьянскихъ волненій какъ общаго характера, вытекающія вообще изъ условій крѣпостного права, такъ специфически мѣстнаго, обусловленнаго необычайной продажностью и злоупотребленіями со стороны мѣстныхъ органовъ власти, и эти причины засвидѣтельствованы очень краснорѣчиво оффиціальными отзывами и характеристиками.

Въ 1809 г. возмутились крестьяне Ксанскаго ущелія, разграбили дер. Ломискана, убили кн. Ш. и Р. Эристовыхъ

и выставили караулы для защиты деревень, и имѣли на то серьезныя основанія, ибо нѣсколько времени передъ тѣмъ, по приказанію этихъ князей, сел. Одзиси „вооруженною рукой“ было въ конецъ разорено, а имущество разграблено. Крестьяне въ одинъ голосъ жаловались, что Эристовы ихъ угнетаютъ, „всякій дѣлаетъ имъ притѣсненія и отнимаетъ послѣднее имущество, доведены до того, что лишаются дневного пропитанія“, они заявили, что „до тѣхъ поръ не оставятъ противъ князей Эристовыхъ сопротивленія, пока не отданы будутъ правительствомъ одному какому-нибудь ни-на-есть изъ оныхъ, (а ихъ хозяйничало 20 человѣкъ) а войска сколько ни прислано будетъ, они готовы расположить по квартирамъ и доставлять все нужное безъ всякаго сопротивленія, лишь бы только всѣ князья Эристовы не имѣли надъ ними полной власти и не дѣлали доселѣ невиданныя ими притѣсненія и кровопролитія“ [1]).

Особенное сильное и грозное волненіе имѣло мѣсто въ Кахетіи въ 1812 г., продолжавшее 4 мѣсяца; ген. Ртищевъ въ донесеніи гр. Румянцеву назвалъ волненіе „ужаснѣйшей революціей“; этотъ бунтъ интересенъ для насъ, какъ показатель крестьянскаго настроенія, вскорѣ по водвореніи Русской власти; волненіе, „революція“ по оффиціальной терминологіи „сопровождаема была неслыханнымъ ожесточеніемъ народнаго духа“. Правительство въ части бунта усмотрѣло политическую подкладку, какъ попытку со стороны мѣстнаго высшаго населенія отдѣлиться отъ Россіи, такой мотивъ бунта, конечно, не исключается, но для массы, низшихъ слоевъ населенія, особенно для крестьянъ этотъ мотивъ совершенно не умѣстенъ. Грузинскій маршалъ ген.-м. Тамаза Орбеліани, въ рапортѣ маркизу Паулуччи, отъ 14 марта 1812 г., находилъ, что причинъ волненія, „судя изъ народныхъ разговоровъ прежнихъ и нынѣшнихъ“ много, а именно: неурожай хлѣба 2 года подъ рядъ, тѣмъ не требованіе властями хлѣба для продовольствія войска; не смотря на дороговизну хлѣба, оставалась старая устано-

[1]) А. К. А. К., т. III, Рапортъ и. д. Ананурскаго капитанъ исправника г.-м. Ахвердову, отъ 21 февр. 1809 г., 112.

вленная, фиксированная цѣна коды хлѣба 6 абазовъ (1 р. 20 к.), но покупать для нуждъ казны приходилось по 4 и 5 р. с.; настоятельныя требованія недоимокъ и за другіе годы; поэтому народъ оказывался вынужденнымъ покупать хлѣбъ, закладывая недвижимыя имѣнія, „и самихъ дѣтей за безцѣнокъ“; доставка хлѣба сопровождалась обмѣриваніемъ со стороны провіантскихъ чиновниковъ и другими злоупотребленіями, медленнымъ пріемомъ хлѣба; требовались подводы при всякомъ движеніи войскъ и по другимъ военнымъ надобностямъ; внутреннее управленіе, присутственныя мѣста „несовмѣстныя съ умоначертаніемъ здѣшняго грубаго народа“, „тѣмъ паче по злоупотребленіямъ вкравшимся чувствительно при начальствованіи края сего, ген. отъ кав. Тормасовымъ“, тягости повинностей, экзекуціи въ крестьянскихъ домахъ при собираніи провіантскаго хлѣба. Бобдисхевскіе жители въ жалобѣ своей указывали на аналогичныя причины; они называли крестьянъ, у которыхъ забирали женъ и по недѣлямъ держали ихъ, „снимали съ нихъ (женщинъ) штаны и палками били ихъ (женщинъ), и насъ (мужей), требуя службу по наряду“, „у дѣтей вырывали хлѣбъ изъ рукъ, женщинамъ надѣвали камни на шеи“, „брали женщинъ и запрягали въ арбы“, „давали ли мы, кормили ли, поили ли—за все насъ били“, „двери суда были намъ закрыты“, за жалобы еще болѣе тѣснили, исправникъ все спалъ и не иначе открывалъ двери присутствія, какъ за взятку [1]). Въ объясненіи причинъ волненія сошлись какъ частныя изслѣдованія и жалобы потерпѣвшихъ, такъ и оффиціальные источники. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ, марк. Паулуччи, отъ 26 марта 1812 г., полагалъ, что бунтъ не лишенъ политическаго характера, что дѣйствія были „давно уже подготовлены“, что оно есть слѣдствіе происковъ членовъ бывшаго грузинскаго царскаго дома и подстрекательства Персіи съ цѣлью ослабить значеніе въ краѣ Россіи, и строптивый характеръ грузинъ, но ближайшимъ поводомъ къ волненію послужило, по его мнѣнію, „чрезвычайныя злоупотребленія чиновниковъ“, голодъ и

[1]) А. К. А. К., т. V, 67—81, 83, 459—460, 463; 61—62; 65—66, 83.

затрудненія провіантскаго сбора съ населенія, неудовольствіе дворянъ, которое недовольно образованіемъ Россійскаго правительства, особенно неудовольствіе благодаря причисленію къ казнѣ церковныхъ имѣній, ибо оно лишилось большей части правъ своихъ, „по элику каждая деревня имѣла своихъ моуравовъ", управлявшихъ казенными и церковными имѣніями, а моуравы, т. е. управляющіе, были недовольны потерей своихъ правъ и дѣйствовали на народъ; непомѣрное количество требуемыхъ подводъ и худыхъ по этому предмету распоряженій; медленность Россійскаго судопроизводства, по причинѣ продолжительнаго дѣлопроизводства, тысячи „дѣлаемыхъ подлостей чиновниками провіантскаго вѣдомства".

Т. о. сама высшая власть на Кавказѣ признала наличность серьезныхъ причинъ, вызвавшихъ неудовольствіе массы.

Въ 1841 г. въ Гуріи разразилось еще болѣе серьезное движеніе. Крестьяне нѣкоторыхъ деревень Саабекскаго участка, Кутаисскаго у., стали отказываться отъ уплаты денежныхъ повинностей, отговариваясь тѣмъ, что „терпятъ будто большія притѣсненія отъ своихъ помѣщиковъ въ отбываніи повинностей въ пользу ихъ и что требуемая съ нихъ натуральная земская повинность, какъ то: выставка рабочихъ лошадей, подводъ, содержаніе кордона по границѣ линіи весьма тягостно", на рапортѣ Императоръ Николай даже отмѣтку сдѣлалъ: „ежели тягостно, то лучше впредь отмѣнить". Главному управленію Закавказскаго края предложено было обсудить „возможность отмѣнить или сократить денежныя повинности", если онѣ тягостны.

Волненія и безпорядки имѣли мѣсто и въ другомъ мѣстѣ Гуріи, въ Гуріанъ-мта, на почвѣ взноса податей. Въ моуравствѣ Гуріанъ-мта, казенные, церковные, помѣщичьи крестьяне отказались отъ платежа земскихъ повинностей и 26 іюля 1841 г., собравшись въ дер. Хварбети до 100 чел. „посредствомъ трубы призывали прочихъ жителей, находившихся въ полѣ на работахъ"; переходили съ одного мѣста на другое и „увлекая съ собой жителей, успѣли уговорить имъ въ томъ содѣйствовать". Волнующіеся захватили цѣлый рядъ крестьянъ и деревни; по слухамъ, гурійцы партіями

до 20 и болѣе человѣкъ ходили въ Турцію; Кобулеты, и мѣстный бекъ Хасанъ Тавдгиридзе угощалъ ихъ, снабжалъ порохомъ, пулями, обѣщалъ помочь людьми; состоящіе на кордонной линіи крестьяне объявили, что удерживать переходы гурійцевъ за-границу они не могутъ, „бывъ связаны съ ними союзомъ въ общемъ дѣлѣ“. Въ дер. Гогорети собралось до 300 мятежниковъ, и въ столкновеніи съ ними полк. Брусиловскій потерялъ 6 убитыми, 16 раненными и отступилъ, подвергаясь сильнѣйшему огню, въ упоръ изъ-за лѣса. Мятежники разогнали пограничную кордонную стражу, разграбили казачій постъ, разорили таможенный постъ, захватили въ плѣнъ нѣсколько казаковъ. 10 августа гурійскіе мятежники въ числѣ 500 ч. завладѣли Николаевскимъ пограничнымъ постомъ, обезоруживъ находившихся тамъ казаковъ и солдатъ караульныхъ; ранивъ одного смертельно, разграбили таможенную заставу и карантинъ. Но напасть на Озургеты изъ разногласія не рѣшались, они пытались „сдѣлать непроходимыми всѣ дороги, ведущія къ Озургетамъ, прежде чѣмъ приступить къ нападенію. Дорога въ Гуріанъ-мта уже завалена большими деревьями“. Милиціонеры, собранные въ Мингреліи и Имеретіи, не могли прибыть въ Озургеты, потому что всѣ дороги оказались перерытыми и заваленными. Въ виду все разрастающагося волненія прибѣгли къ формированію военной силы, которая вмѣстѣ съ милиціонерами должна была составить войско около 2.400 человѣкъ при 4 полевыхъ и 4 горныхъ орудіяхъ, кромѣ резерва, для котораго предназначался одинъ баталіонъ Эриванскаго Карабинернаго полка и 6 легкихъ орудій; такимъ образомъ, началась форменная война съ пролитіемъ крови, смертельными исходами. Попутно стали все болѣе циркулировать слухи, что, „со введеніемъ новаго въ Закавказскомъ краѣ управленія, собираются подати отяготительныя и вводится рекрутскій наборъ“ въ Гуріи, и то же самое ожидаютъ другія мѣстности Закавказья. Высочайшимъ повелѣніемъ отданъ былъ приказъ „принять неукоснительно самыя рѣшительныя и дѣятельныя мѣры къ усмиренію возмутившихся“, и Императоръ „подозрѣваетъ, что какія либо новыя злоупотребленія мѣстныхъ ближайшихъ властей вывели жителей Гуріи изъ терпѣнія“, и склоненъ былъ согла-

ситься отложить взысканіе повинностей до успокоенія Гуріи. Волненіе въ Гуріи началось въ 20-хъ числахъ іюня, а къ концу августа мятежники, располагая 3 т. человѣкъ, блокировали Озургеты. Полковникъ кн. Аргутинскій имѣлъ, кромѣ милиціи, 2 1/2 баталіона Гренадерскаго полка, 2 роты Мингрельскаго полка, Егерскаго полка, 5 ротъ Грузинскаго линейнаго № 1 и 2 баталіоновъ и 10 орудій; мятежники были поражены 5 сент., и къ концу сентября Гурія успокоилась, 2812 семействъ были приведены къ присягѣ, а виновниковъ и особенно подстрекателей, дерзнувшихъ „участвовать въ преступной богопротивной присягѣ“ приказано наказать въ селеніи 100 ударами розогъ. Въ заключительномъ итогѣ признано было, что причина волненія „введеніе новаго порядка управленія и сбора податей“, которымъ воспользовались злонамѣренные люди „къ ложному распространенію видовъ правительства и къ вреднымъ внушеніямъ о наборѣ рекрутскомъ, о постепенномъ ежегодномъ увеличеніи подати“, въ подстрекательствѣ участвовали и „заграничные турки“, а „можетъ статься и другіе иностранцы“ [1]).

Въ 1858 г. крестьяне Амаглебскаго и Багдадскаго участковъ Кутаисской губ., до 400 человѣкъ, возмутились противъ помѣщиковъ, стали „учреждать сборища“, „на которыхъ составляется заговоръ на освобожденіе отъ помѣщичьей зависимости“. Вмѣшательство военной силы положило конецъ волненію. Правительство держалось относительно крестьянскихъ волненій той же тактики, что во внутреннихъ губерніяхъ, но здѣсь, какъ будто, охотнѣе вникало въ жалобы и заявленія крестьянъ, но въ то же время, не придавало „разбору этихъ жалобъ преимущественной важности, дабы искоренить въ крестьянахъ убѣжденіе, что подобными противозаконными сборищами они могутъ вызвать къ себѣ особенное участіе правительства“, а также думало, что „немедленная кара за совершенное преступленіе“, заключая въ себѣ „устрашающее вліяніе“, удержитъ крестьянъ отъ волненій [2]), иногда, впрочемъ

[1]) А. К. А. К., т. IX, стр. 164, 165, 165 — 166, 166 — 169, 169 — 172. 172—173, 173—176.

[2]) ibid., XII, 245—246.

рѣдко, прибѣгало правительство къ упрощенному способу, наказанію. Ген. Тормасовъ, во время волненія въ Имеретіи въ 1810 г., нисколько не стѣсняясь, далъ приказъ по войскамъ: „въ наказаніе бунтовщиковъ и въ страхъ другимъ *позволить грабить бунтующія селенія*; самимъ имеретинцамъ, кои будутъ на нашей сторонѣ, дать волю тоже дѣлать“ надъ бунтовщиками, онъ же разрѣшалъ „выказать примѣрную строгость, не взирая ни на какое лицо и не дѣлая имъ никакой пощады“, князей и дворянъ, заковывая въ цѣпи, держать подъ строгимъ карауломъ „до отсылки ихъ въ Сибирь“, „а простыхъ бунтовщиковъ можете (предп. ген.-м. Орбеліани) *нѣсколько въ страхъ другимъ и повѣсить*, буде сіе признаете по обстоятельствамъ надобнымъ и полезнымъ“ [1]).

Въ 1861 г. подняли волненіе крестьяне князей Гуріели и Накашидзе въ количествѣ 500 или 600 чел.; повидимому, безпорядки были слѣдствіемъ „сговора между крестьянами различныхъ мѣстностей и попыткою возбужденія общихъ безпорядковъ“. Кутаисскій ген. губ. былъ противъ сильныхъ мѣръ наказанія людей, „которыхъ вся вина состоитъ въ невѣдѣніи и недовѣріи весьма естественныхъ при ихъ невѣжествѣ“, и „при шаткости сословныхъ здѣсь отношеній“, необходимо лучше увѣрить крестьянъ, что освобожденіе ихъ немедленно не возможно, и увѣрить „какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, что судьба первыхъ не можетъ быть предоставлена совершенно произволу послѣднихъ, а для того, чтобы контроль, обезпечивающій интересы обѣихъ сторонъ, сдѣлался, возможнымъ необходимо, что бы начальство имѣло точныя понятія объ обязанностяхъ крестьянъ“ [2]).

Въ крестьянскихъ волненіяхъ въ Грузіи весьма серьезно переплетаются явленія двухъ разнородныхъ характеровъ, разграниченіе которыхъ представляетъ весьма сложную и подчасъ маловыполнимую, по существу, задачу. Съ одной стороны, крестьянскія волненія слѣдствіе совокупности условій, вытекающихъ изъ факта существованія широкаго права надъ личностью и имуществомъ крѣпостныхъ;

[1]) А. К. А. К., IV, 294.

[2]) Ibid, XII, 250, Отнош. Кутаисск. ген. губ. къ Нач. Главн. Упр. Намѣстника Кавказскаго, отъ 1 янв. 1852 г., № 2686.

съ другой, волненія обусловлены ненормальными отношеніями, укоренившимися между крестьянскимъ населеніемъ и мѣстными агентами власти различныхъ категорій, которые были слишкомъ далеки отъ объективнаго исполненія своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ факторовъ усиливаетъ степень интенсивности проявленія крестьянскаго недовольства. Конечно, первопричина крестьянскихъ волненій крѣпостное право, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, а злоупотребленія представителей мѣстной власти разныхъ ранговъ, обстоятельство не самостоятельнаго характера, но привходящее и на фонѣ общей причины, вызывающей крестьянскія волненія, играющее далеко не послѣднюю роль. Справедливость нашихъ выводовъ подтверждается данными, изложенными выше, и еще болѣе картиной крестьянскихъ волненій въ Мингреліи.

Въ 1857 г. вспыхнули очень серьезныя крестьянскія волненія въ Мингреліи, которыя охватили почти все крестьянское населеніе этой области. Мингрелія нѣкогда составляла совершенно самостоятельное и независимое политическое управленіе. Но съ вступленіемъ другихъ частей Закавказья въ составъ русскихъ владѣній самостоятельное существованіе Мингреліи являлось уже недопустимымъ съ точки зрѣнія русской политики. Мингрелія вступаетъ въ 1803 г. въ вассальное подданство Россіи и управляется на автономныхъ началахъ кн. Дадіани. Въ 1857 г. умеръ кн. Давидъ Дадіани. наслѣднику его было всего семь лѣтъ, а потому правительницей Мингреліи, по предложенію гр. М. С. Воронцова, была назначена жена умершаго владѣтеля Е. Л. Дадіани, которая и управляла при помощи особаго совѣта, составленнаго изъ братьевъ покойнаго кн. Дадіани и Мингрельскаго епископа. Среди членовъ совѣта и противъ правительницы начались интриги, которыя совершенно заслоняли народные интересы и нужды. А владѣтельница, малосвѣдущая въ дѣлахъ правленія, какъ помѣщица и обладательница большого числа крѣпостныхъ, была очень сурова и обременяла своихъ крестьянъ [1]).

---

[1]) В. Иваненко, op. cit., 489 - 490.

Владѣтели Мингреліи пользовались неограниченными правами надъ подданными своими и широко ими злоупотребляли, они считались не только верховными правителями, суверенами, но въ то же время разсматривали всю страну, какъ свою собственность; они считались собственниками земель, которыя отчуждались ими вассаламъ различныхъ категорій. Поэтому нельзя было за время самостоятельнаго политическаго существованія Мингреліи отдѣлить интересы личные, владѣтеля, отъ общихъ интересовъ области, то же самое продолжалось послѣ вступленія Мингреліи въ вассальную зависимость Россіи. Въ такой атмосферѣ отношеній, естественно, трудно приходилось сословію крестьянскому, которое и безъ того было лишено многихъ правъ; выше намъ уже удалось коснуться тяжести и сложности крестьянскихъ повинностей въ Мингреліи; вообще необходимо отмѣтить, что „всѣ сословія въ Мингреліи, не исключая членовъ самаго владѣтельнаго дома, зависѣли всегда отъ произвола владѣтелей и судьба ихъ лично и по имуществу была предоставлена собственнымъ ихъ распоряженіямъ“ [1]).

Волненія Мингрельскихъ крестьянъ въ 1857 г. охватили очень большой районъ. Волновались крестьяне Джварскаго округа въ количествѣ 3000 чел., къ нимъ присоединились крестьяне всѣхъ прилегающихъ округовъ; за ними слѣдовали крестьяне Мартвильскаго округа, въ числѣ 300 челов., Зугдидскаго округа, со всѣми прилегающими селами и деревнями, т. е. волновалось почти все крестьянское крѣпостное населеніе Мингреліи [2]). Движеніе приняло настолько серьезный характеръ, что, по мнѣнію Кутаисскаго воен. губ. Колюбакина, единственное средство успокоенія „административный походъ, т. е. послѣдовательное движеніе по всѣмъ частямъ Мингреліи съ возможно большимъ числомъ пѣхоты для повсемѣстнаго водворенія порядка“.

Крестьянское движеніе началось въ верхней Мингреліи, по лѣвую сторону рѣки Хопи. Толпа приблизительно въ

---

[1]) А. К. А. К., т. XII, Записка о поземельномъ правѣ Мингрельскаго владѣтельнаго дома, 309; ср. ibid., 333—340.

[2]) ibid., стр. 283—285; 287—290; 311, 318—321.

4000 ч., вооруженная дубинами, пиками, топорами, перешла на правый берегъ и поднявъ все населеніе между рѣками Хопи и Ингуромъ, возвратилась обратно и распространило возстаніе до Мартвиля, Накалакеви. По пути движенія бунтовщики на мѣстахъ приводили къ присягѣ всѣхъ, наказывая розгами тѣхъ, кто отказывался; попутно отнимали у князей мужскую и женскую прислугу; врывались въ церкви, забирали образа, оскорбляли тѣхъ священниковъ, которые пытались уговаривать бунтовщиковъ. 13 числа возставшіе явились въ Салхино, резиденцію правительницы кн. Дадіани, съ жалобой и она обѣщала удовлетворить ихъ просьбы при условіи спокойствія среди крестьянъ. Предводитель возстанія по лѣвой сторонѣ р. Хопи Утуа Тодуа, вмѣстѣ со старшинами возстанія, присягнули, обѣщавъ быть терпѣливыми и покорными, т. о. на лѣвой сторонѣ волненіе какъ бы остановилось. Но на правой сторонѣ волненіе продолжалось, подъ предводительствомъ кузнеца, „кесаря“ движенія Утуа Микава, у котораго было подъ командой болѣе чѣмъ 7000 ч., по другимъ свѣдѣніямъ 10 т. Кутаисскій воен. губ. Колюбакинъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи, имѣя лишь 2000 ч. пѣхоты и „никакой опоры нравственной въ краѣ“. Возстаніе на лѣвомъ берегу Хопи оставалось въ выжидательномъ состояніи, между тѣмъ руководители право-бережнаго движенія отрядили партію въ 2 т. человѣкъ, которая и переправилась 19 мая на лѣвый берегъ, 20 числа эта партія подъ предводительствомъ У. Микава остановилась въ 25 в. отъ мѣста стоянки губ. Колюбакина; чтобы предупредить соединеніе, Колюбакинъ двинулся на встрѣчу Микава; произошла встрѣча; Колюбакинъ пригласилъ къ себѣ предводителя, съ которымъ имѣлъ весьма любопытную бесѣду; Микава въ „положеніи величайшей покорности“, сталъ говорить о „страданіяхъ народа“, говорилъ о томъ, что „налоги чрезмѣрны, семейства раздробляются, собственность зависитъ отъ произвола, жалобы подаютъ поводъ къ новымъ обидамъ и ущербамъ истцу“, „однимъ словомъ, крестьяне въ Мингреліи не люди“; долго крестьяне терпѣли тяжесть положенія, но терпѣніе не помогло и вотъ рѣшились „умереть, чѣмъ продолжать жизнь страдальческую“. Крестьяне проявили очень большое миро-

любіе, послушаніе и представителямъ власти оказывали довѣріе, считая и полагая, что они станутъ на защиту ихъ интересовъ. Колюбакинъ для выясненія степени достовѣрности жалобъ крестьянскихъ, а равно для посредничества между крестьянами и помѣщиками, назначилъ двухъ чиновниковъ, туземцевъ, Эристова и Микеладзе. Эти распоряженія были приняты съ удовольствіемъ, крестьяне отдали знаки свои и трубы; оружіе было оставлено у крестьянъ въ виду настойчивыхъ просьбъ, и увѣреній, что оно свято для нихъ и оберегаетъ отъ хищныхъ звѣрей.

Въ Хопійскомъ монастырѣ Эристовъ и Микеладзе встрѣтились съ главарями движенія Тодуа и Микава, которые обѣщали успокоить народъ, и стали выжидать исхода слѣдствія. Между прочимъ возставшіе высказали свою боязнь и ненависть противъ прежнихъ низшихъ полицейскихъ властей и не скрывали своего опасенія относительно возможности возстановленія ихъ. Опасенія и боязнь не лишены основанія. Низшія полицейскія власти, такъ называемые мдиванъ-беги, или участковые начальники, были изъ князей Дадіани, князей владѣтельнаго дома Мингрельскаго; такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ одновременно соединялись двѣ власти: власть помѣщика и власть полицейскаго чиновника и естественно у крестьянъ не было никакихъ гарантій относительно защиты ихъ правовыхъ и экономическихъ интересовъ.

Микава обнаружилъ необыкновенное вліяніе на народъ. Микава и народъ, повидимому, предпочитали введеніе русскаго вмѣшательства въ управленіи Мингреліей, считая это болѣе обезпечивающимъ ихъ интересы; они весьма остроумно характеризовали свое довѣріе и отношеніе къ большему безпристрастію и объективности русскаго управленія: „мы видимъ и слышимъ, что справедливость существуетъ въ Имеретіи, но что *шагъ у нея коротокъ, и она не можетъ перешагнуть чрезъ р. Цхенисъ-Цкали.* Мы присягнули собраться всѣ вмѣстѣ, т. е. приблизительно тысячъ 20, и *итти за нею въ г. Кутаисъ*“. (А Имеретія уже съ 1810 г. управлялась русскими, г. Кутаисъ—центръ управленія Имеретіей).

Дворянство Мингреліи, за нѣкоторыми исключеніями, не обнаружило энергіи, „свойственной высшему сословію“;

но дворянство, вызвавъ по отношенію къ себѣ ненависть и презрѣніе, уклонившись отъ урегулированія дѣлъ, и умиротворенія возставшихъ, въ то же время рѣшилось возбудить претензіи предъ правительствомъ. Правительница съ своей стороны защищала участковыхъ начальниковъ, вызвавшихъ вообще по отношенію къ себѣ сильнѣйшее раздраженіе и не хотѣла допускать мысли о томъ, что движеніе вызвано тягостями крѣпостного положенія, наоборотъ, она весьма патетически говорила о любви и привязанности народа къ себѣ и представляла все движеніе, какъ поголовную народную попытку отстоять и защитить ея полномочія отъ посторонніхъ происковъ и стремленій между прочимъ и русской власти лишить ее владѣтельныхъ правъ. Конечно въ первую очередь волнующіеся крестьяне обратились за помощью и защитой къ владѣтельницѣ, считая ее прерогативу законной въ этомъ направленіи, но волнующіеся крестьяне не ставили никакихъ политическихъ задачъ и цѣлей себѣ. Волнующіеся крестьяне, выражая свой протестъ противъ помѣщичьяго произвола и крѣпостныхъ тягостей, тѣмъ самымъ возставали противъ владѣтельницы Мингреліи, какъ самой крупной помѣщицы и владѣлицы крѣпостныхъ крестьянъ.

Весьма важнымъ является изслѣдованіе отношенія правительницы кн. Дадіани къ вопросу о причинахъ крестьянскихъ волненій въ Мингреліи въ 1857 г. Она представляетъ дѣло въ такомъ видѣ. Выѣзжая въ іюлѣ на коронацію въ Петербургъ, она передала управленіе совѣту; за время ея отсутствія, якобы сталъ распространяться слухъ, что ее больше въ Мингрелію не возвратятъ и слухъ, „поддерживался разными толками и дошелъ до того, что простой Мингрельскій народъ сталъ колебаться въ справедливости ихъ“. А въ январѣ 1857 г. дѣло приняло такой оборотъ, что жители собственной деревни Салхино до 60 д. „рѣшились дать между собою присягу не подчиняться поставленнымъ надъ ними лицамъ до возвращенія“ владѣтельницы; оказывается, къ этой присягѣ присоединились крестьяне другихъ волостей до 2000 т. дымовъ во главѣ съ У. Тодуа. Но когда 28 апрѣля владѣтельница пріѣхала, никто вѣрить этому не хотѣлъ, потому что увѣрили уже народъ, что владѣтельница изъ Россіи не пріѣдетъ

больше, что вмѣсто нея „привезли какую-то куклу, которую водятъ и заставляютъ говорить“ голосомъ владѣтельницы, что вмѣсто владѣтельницы пріѣхала сестра ея Н. А. Грибоѣдова, что владѣтельница лишена власти, и лишенъ ея и малолѣтній правитель Мингреліи. Слухи поддерживалъ и распространялъ Микава и для убѣдительности носилъ *„русскую съ краскимъ околышемъ фуражку, панталоны и сапоги*, и увѣряя, что это прислано ему отъ русскихъ и велѣно ему внушить непослушаніе властямъ и что они будутъ защищены русскимъ правительствомъ, уничтожившимъ уже владѣтеля и всѣхъ помѣщиковъ въ Мингреліи“. Когда всѣ средства умиротворенія были исчерпаны, тогда „дедопали“, владѣтельница, стала объѣзжать деревни, надѣясь личнымъ воздѣйствіемъ успокоить волнующихся; вездѣ удивлялись ея появленію, „крестились“ и убѣждались, что предъ ними не кукла. Такимъ образомъ, удалось ей возстановить спокойствіе по лѣвой сторонѣ р. Хопи; на правой подъ предводительствомъ У. Микава крестьяне продолжали волноваться. Микава увѣрялъ бунтующихся, что, русскіе за нихъ. Волненіе началось въ январѣ мѣсяцѣ, 17 мая прибылъ ген. Колюбакинъ и стали производить слѣдствіе среди волнующихся крестьянъ на правой сторонѣ рѣки Хопи; когда отъ крестьянъ стали требовать объясненій, толпа „поставила во главѣ Микаву въ русской фуражкѣ“, и *„не зная какъ оправдаться потребовала защиты отъ разныхъ несправедливостей помѣщиковъ и мѣстныхъ низшихъ властей*, о которыхъ они не имѣли даже возможности принести мнѣ (владѣтельницѣ) жалобы, *таковой выдумкѣ дано было тогда же мѣсто*; позволено подавать теперь жалобы, обѣщанъ скорый и строгій разборъ; высказано сожалѣніе о положеніи ихъ и выданы какія то деньги“.

Объясненія кн. Дадіани совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; возставшіе съ большимъ довѣріемъ относились къ русскимъ властямъ, смирялись предъ ихъ обѣщаніями, но вовсе не потому, что русскіе были за одно съ волнующимися, а потому, что крестьяне Мингреліи окончательно извѣрились въ своей правительницѣ, которая отдала ихъ въ безконтрольное распоряженіе помѣщиковъ и представителей мѣстной администраціи, которые рекрутировались

изъ той же помѣщичьей среды; движеніе не имѣло никакой политической основы и меньше всего рѣчь шла среди волнующихся о защитѣ политическихъ правъ владѣтельницы. Наоборотъ, движеніе чисто крестьянское, вызванное специфическими условіями крѣпостного быта, и, какъ далѣе будетъ показано, нигдѣ никакихъ мотивовъ и жалобъ политическаго характера, вездѣ проходитъ одна и та же жалоба на тягость зависимыхъ условій, злоупотребленія помѣщичьей власти.

Вмѣшательство русской власти въ дѣло явилось единственнымъ средствомъ урегулировать создавшееся положеніе; и вмѣшательство это не противорѣчило обѣщаніямъ русской власти владѣтельному дому: защищать интересы и оказывать широкое покровительство Мингреліи. На этомъ основаніи предписано было кн. Эристову и Р. Микеладзе изслѣдовать: въ какой мѣрѣ справедливы жалобы крестьянъ на злоупотребленія помѣщичьей власти, и корыстныя дѣйствія низшихъ полицейскихъ чиновниковъ; данныя слѣдствія должны были представить правительницѣ для ея заключенія, и для того, чтобы узнать и ея сужденія[1]) по данному вопросу, основанныя на близкомъ знакомствѣ ея съ мѣстной жизнью.

Если обратимся къ выясненію причинъ крестьянскихъ волненій въ Мингреліи, то увидимъ, что всѣ оффиціальные и неоффиціальные источники въ одинаковой степени указываютъ и находятъ корни волненій въ крѣпостномъ укладѣ. Кутаисскій военный губ. такъ говорилъ о волненіи: „организація, дисциплина и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ возстанія ведутъ къ заключенію, что, если оно, такъ сказать, вышло наружу, быть можетъ, отъ случайности, или мгновенной раздражительности, то оно уже давно зачато и долго зрѣло въ чьей либо мысли“. Цѣль возстанія извѣстна предводителямъ и посвященнымъ, но слова, идеи, брошенныя

[1]) А. К. А. К., т. XII—Рапортъ Кутаисск. воен. губ. генералъ губ. кн. Гагарину, отъ 18 мая 1857 г., 253—259.; ibid., Письмо кн. Е. А. Дадіани къ ген.-лейт. В. О. Бебутову, отъ 31 мая 1857 г., 259—262; 292—294; 297—298; Письмо кн. Е. Дадіаникъ Дюкруаси, отъ 30 іюля 1857 г.; 298—299; ср. 263—272.

народу какъ лозунги, придаютъ ему характеръ, для названія котораго необходимо „прибѣгнуть къ революціонной номенклатурѣ Запада“, такое заключеніе вытекаетъ, по мнѣнію губернатора, изъ требованій и заявленій возставшихъ: „сослов е княжеское и дворянское не должно существовать, ибо всѣ люди братья“ [1]), „роскошь-грѣхъ, а потому запрещается носить чохи (туземный костюмъ) изъ сукна фабричнаго или украшенныя галунами“, „барыши торговые должны быть ограничены, умѣренны, и потому установляется такса не только на всѣ произведенія естественныя, но и на всѣ товары вообще“. Чрезмѣрныя требованія нѣкоторыхъ помѣщиковъ, злоупотребленія низшихъ полицейскихъ агентовъ, безъ сомнѣнія, подали поводъ съ возстанію, но они вдохновлялись „нѣсколькими полукорыстными, полумелкочестолюбивыми агитаторами, которые воспользовались народнымъ недовольствомъ, чтобы выказать правительству недостаточность нынѣшней высшей власти въ Мингреліи“ и „замѣнить ее собственнымъ своимъ возвышеніемъ“. „Нѣтъ то же сомнѣнія, что къ недостаткамъ правленія и злымъ домашнимъ внушеніямъ присоединилось вліяніе *идей западныхъ*....., занесенныхъ, спросятъ: кѣмъ, какимъ путемъ? Отвѣчу: минувшей войною, пребываніемъ здѣсь торгующихъ иностранцевъ, контрабандою, *наконецъ, если можно такъ выразиться, съ моря вѣтромъ*“ [2]).

Намѣстникъ Кавказа кн. Баратинскій, во Всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ, отъ 20 іюня 1857 г., подчеркивалъ, указывая, что причина волненій въ Мингреліи дурное управленіе Мингреліей, „чрезмѣрныя требованія и злоупотребленіе полицейскихъ властей, избранныхъ изъ класса помѣщиковъ, а главное образованіе различныхъ партій въ самомъ высшемъ управленіи Мингреліею, вслѣдствіе вражды, находящихся въ составѣ его кн. Григорія и Константина Дадіани породило это возстаніе“, онъ же объяснялъ что „нарушенное спокойствіе ихъ (крестьянъ) скрываетъ упорное неповиновеніе помѣщикамъ въ отношеніи полевыхъ работъ и прислуги“. По мнѣнію кутаисскаго генералъ-губернатора кн.

[1]) А. К. А. К., т. XII, стр. 253—254.

[2]) А. К. А. К., т. XII, стр. 253—254.

Гагарина, причины волненій слишкомъ общаго и серьезнаго характера: „можно ли себѣ представить, заявляетъ онъ, правленіе, которое, собирая подати, увеличивая ихъ, постоянно употребляло оныя исключительно для себя, никогда не возвращая ихъ въ страну, никакимъ косвеннымъ образомъ, хотя бы устройствомъ мостика, проложеніемъ дорожки, заведеніемъ школы и, что всего важнѣе содержаніемъ чиновниковъ для раздачи правосудія"; „здѣсь одинъ и тотъ же мужикъ платитъ подать своему помѣщику, своему князю и владѣтельному дому, которые съ своей стороны ничего для него не дѣлаютъ; всѣ имѣютъ на него права, онъ никакихъ противъ никого". Такимъ образомъ, отзывы оффиціальныхъ представителей власти о причинахъ крестьянскихъ волненій звучатъ одинаково: „развращеніе и невѣжество высшихъ сословій, угнетеніе поселянъ, доводящихъ ихъ до крайней нищеты, забвеніе всякихъ законныхъ правилъ, злоупотребленія властей, заботящихся исключительно о своемъ обогащеніи на счетъ бѣдныхъ жителей, безнаказанность злодѣяній, отсутствіе всякой заботливости объ общественныхъ нуждахъ" [1]).

Для высшей власти очевидно было, что ненормальныя отношенія между грузинскими крѣпостными и ихъ помѣщиками главный источникъ всѣхъ волненій и безпокойствъ въ странѣ, тѣмъ не менѣе они не приступали къ радикальнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и на то, конечно, были вѣсскія соображенія; нельзя было касаться этого основного вопроса политической и хозяйственной жизни на окраинѣ, когда онъ въ центрѣ, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, былъ лишь въ стадіи предварительныхъ подготовительныхъ дѣйствій. Но все же представители кавказской администраціи при всякомъ удобномъ случаѣ отмѣчали вредныя послѣдствія крѣпостного строя и тѣмъ указывали на желательныя реформы [2]) въ области крѣпо-

[1]) А. К. А. К., т XII, 276—277, 307—308; Письмо кн. Барятинскаго къ кн. Е. А. Дадіани, отъ 1 авг. 1857 г., 300; Письмо д. с. с. Дюкруаси къ кн. Е. Дадіани, отъ 22 іюля 1857 г., 291—292; Письмо кутаисск. ген.-губ. кн. Барятинскому, отъ 15 іюня 1857 г., 267—269; 314—315; 252.

[2]) А. К. А. К., т. XII, стр. 253.

стного права, и несомнѣнно держались достаточно либеральныхъ эмансипаціонныхъ идей, хотя въ данномъ случаѣ не исключается допущеніе и той мысли, что въ основаніи эмансипаціонной политики лежала и затаенная мысль о привлеченіи симпатій народныхъ массъ къ новой власти въ краѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ одного любопытнаго вопроса: волненія въ Мингреліи очень остро поставили вопросъ о необходимости реформы въ крѣпостномъ строѣ; между прочимъ кутаисскій ген. губ. Н. П. Колюбакинъ въ рапортѣ кутаисск. воен.-губ., отъ 18 мая 1857 г. присоединяется къ этой мысли и заключаетъ: „не хочу вѣрить, что на Кавказѣ, во многихъ случахъ, слово русскаго человѣка не могло замѣнить штыка и пушку. Не должно упускать изъ виду, что каждый нашъ *выстрѣлъ* въ Мингреліи противъ туземца—въ странѣ приморской, нацолненной пришельцами изъ Турціи, будетъ имѣть *отголосокъ въ Константинополѣ, въ Европѣ и въ Лондонѣ, на какомъ либо митингѣ послужитъ пьяному оратору темой разглагольствованій противъ безчеловѣчія Россіи*“.

Уже въ самый разгаръ реформы кутаисскій ген.-губ., по поводу волненія крестьянъ въ Гуріи, отъ 1 янв. 1862 г., заявлялъ Начальнику Главнаго Управленія, что „шаткость сословныхъ здѣсь отношеній и не можетъ не навести на мысль каждаго правительственнаго лица на изысканіе способовъ къ скорѣйшему и удобнѣйшему ихъ измѣненію, согласно духу заявленной правительствомъ реформы“ [1]) и это заключеніе одинаково приложимо ко всему крестьянскому населенію края.

Управа Земской Полиціи въ началѣ русскаго владычества обязана была „наблюдать строжайше, дабы никто не дерзалъ отягощать народъ никакими поборами и налогами, кромѣ установленныхъ“ [2]). Новымъ учрежденіемъ объ управленіи Закавказскимъ краемъ, 1842 г., эта обязанность переходитъ къ Совѣту Главнаго Управленія, которое должно имѣть „полное уваженіе мѣстнымъ обстоятельствамъ“, а

---

[1]) А. К. А. К., т. XII, 250; Отчетъ ген. фельдм. кн. А. И. Барятинскаго за 1857—59 г., т. XII, ч. II, стр. 204—219—„О крѣпостномъ правѣ въ Грузіи“.

[2]) ibid., т. I, 451.

равно „руководствоваться общими законами имперіи“, дабы „новое учрежденіе вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ видамъ правительства и общимъ пользамъ жителей“ [1]), въ 1840 г. учреждены были уѣздные комитеты о земскихъ повинностяхъ съ правомъ составлять смѣты на гражданскія, воинскія и земскія повинности, 2) распредѣлять денежныя повинности и уравнивать натуральныя; въ Тифлисѣ, Шемахѣ были учреждены губернскіе и областные, а въ другихъ городахъ Закавказскаго края уѣздные комитеты [2]). Но всѣ эти учрежденія съ возложенными на нихъ обязанностями не могли справляться съ тѣмъ недугомъ, который порождался общей атмосферой крѣпостныхъ отношеній, и нужно было дойти лишь до предѣльныхъ граней, чтобы рѣшительнымъ ударомъ положить конецъ ненормальнымъ отношеніямъ между крестьяниномъ-рабомъ и помѣщикомъ-господиномъ.

---

[1]) ibid., IX, 35.

[2]) П. С. З., т. XV, 1840 г., апрѣль, 10.

IX.

Сельское хозяйство въ Грузіи.

Сельское хозяйство въ Грузіи, во всемъ ея составѣ, находилось болѣе чѣмъ на низкой ступени своего развитія. Главный источникъ существованія мѣстнаго населенія — сельское хозяйство; но сельско-хозяйственная техника не успѣла выйти изъ первобытныхъ формъ. Повсемѣстно за Кавказомъ господствовала переложная система, съ неизмѣннымъ спутникомъ, истощеніемъ земли; къ удобренію земли прибѣгали сравнительно рѣдко; обработка земли производилась несовершенными земледѣльческими орудіями, которыя требовали слишкомъ большого количества рабочей силы; плугъ въ Тифлисской губ. требовалъ отъ 8—9 паръ скота, при 5—7 рабочихъ разнаго возраста; такимъ плугомъ можно было распахать въ сутки не болѣе, какъ одну треть хозяйственной десятины, имѣющей отъ 4000 до 4800 кв. саж.; обработка одной десятины требовала отъ 24—27 паръ рабочаго скота и отъ 15 до 21 рабочаго; въ итогѣ, благодаря большимъ затратамъ, въ сильной степени повышалась стоимость продукта. Помѣщики, въ общемъ, въ Тифлисской губ., занимались собственными запашками въ слабой степени и земли свои передавали крестьянамъ; тѣ же помѣщики, которые обрабатывали сами свои участки земель, обрабатывали ихъ своими же крестьянскими руками, и потому не обращали особеннаго вниманія на большое количество рабочихъ рукъ, которое требовалось для запашки земель; опредѣлить стоимость, т. е. цѣнность производимой крѣпостными работы не легко, такъ какъ учета денежнаго помѣщичье хозяйство не производило, руководствуясь только тѣмъ, что работа „производится своими людьми“; повинности отбывались натурой.

Такое положеніе держалось лишь до тѣхъ поръ, пока помѣщики не познакомились съ другой жизнью, пока не появились новыя потребности, вмѣстѣ съ тяготѣніемъ къ шумной городской жизни, что особенно усиливается къ 40—50 гг. прошлаго столѣтія; тогда и потянулись къ звонкой монетѣ, и многіе изъ помѣщиковъ начали „понимать, что работа крѣпостными людьми имѣетъ свою положительную цѣнность", стали дорожить ею, а нѣкоторые „даже пытались замѣнить эту повинность денежнымъ оброкомъ, явное доказательство, что эта работа дорога и можетъ быть дороже работы посредствомъ наемныхъ рукъ". Рабочія руки вообще въ Тифлисской губ. отличались дороговизной, въ виду малочисленности населенія, и естественно приходилось прибѣгать къ наемнымъ рукамъ изъ Имеретіи, Персіи; стоимость чернорабочей руки доходила отъ 30 до 60 коп. с. въ день, въ годъ въ среднемъ—до 60 р. с., самой низкой платой въ мѣсяцъ считалось 5 р.; если обыкновенная плата составляла 30—40—60 к., въ разгаръ рабочаго сезона она удваивалась; человѣкъ для услугъ въ комнатѣ стоилъ отъ 10 — 15 р. въ мѣсяцъ, а каменщики, столяры, плотники—и по 1 руб. въ день требовали, „въ лѣтнее время рабочіе дороже, потому что мѣстнаго населенія даже недостаточно для того, чтобы соотвѣтствовать всѣмъ нуждамъ своего хозяйства", вообще „требованіе труда всегда больше предложенія, а потому и работа дорога". Крупной статьей дохода, особенно въ Кахетіи, являлось винодѣліе, но примитивность выдѣлки, отсутствіе сбыта понижало въ сильной степени значеніе этой важной статьи сельско-хозяйственной дѣятельности [1]).

Приблизительно тоже приходится сказать и о сельскомъ хозяйствѣ Имеретіи, оно страдало здѣсь отъ тѣхъ же причинъ; въ Имеретіи по преимуществу воздѣлывались менѣе цѣнныя хлѣбныя растенія, чѣмъ въ Карталиніи и Кахетіи: кукуруза и гоми. Въ Имеретіи отсутствовала плодо-

[1]) Бар. А Николаи, Нѣсколько словъ о сельской промышленности въ Тифлисскомъ у., Зап. Кав. Отд. Сельск.-Хоз., № 1, 1857 г., 11—29. А. Дейчманъ, Нѣсколько словъ о Кавказѣ въ сельск.-хоз. отношеніи, ibid., 1856 г., кн. III, 95—98, Штукенбергъ, Занятія, II, 21—22; Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, ч. I, 235

смѣнная система, земли засѣвались только кукурузой или гоми; лѣтъ черезъ 10 или 15 земля истощалась и урожаи все падали до самъ двѣнадцать или самъ пятнадцать; послѣ истощенія одного участка пашни переносились часто на дальніе участки, верстъ за 10 или 15, земледѣліе потому получало „почти кочующее“ состояніе.

Въ Имеретіи крѣпостное крестьянское сословіе составляло почти $^2/_3$ общаго числа населенія. Помимо общихъ причинъ, обусловливающихъ весьма неудовлетворительное состояніе сельско-хозяйственной дѣятельности, для Имеретіи нужно отмѣтить и наличность мелкаго землевладѣнія, которое въ корнѣ подрывало возможность примѣненія высшихъ формъ земледѣльческой техники. Помѣщиковъ, которые бы отдавали свои земли постороннимъ подъ распашку, было весьма ограниченное количество. „Вся масса помѣщиковъ имѣетъ весьма небольшое количество земли до 30, 50 и 100 кцевъ“ (11, $18^1/_2$, $37^1/_2$ дес.) большинство имлѣо до 3,5 дес.; владѣющіе до 10 и 15 кцевъ считались съ достаточнымъ состояніемъ; сообразно съ этимъ нужно полагать, что крестьянскіе надѣлы были совершенно ничтожны; при такихъ условіяхъ землевладѣнія, конечно, не можетъ быть рѣчи о какихъ нибудь улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ. Имеретія въ отношеніи экономическаго благосостоянія стояла гораздо ниже Карталиніи и Кахетіи.

Отсутствіе рынковъ, удобныхъ путей сообщенія лишали возможности тѣхъ изъ земледѣльцевъ, у которыхъ оказывались излишки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, сбывать ихъ. Безошибочно можно утверждать, что въ дореформенную эпоху все Закавказье, а восточное и западное въ особенности, существовало въ предѣлахъ типичныхъ формъ натуральнаго хозяйства [1]).

Земельные участки въ Гористой и неровной Кутаисской губ. не давали возможности устраивать сплошныя по-

---

[1]) Архивъ Канцеляріи Намѣстника. Дѣло Канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказскаго, Записка предсѣдателя Коммиссіи по составленію проекта правилъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Кутаисской губ., 26 апр., 1865 г., св. № 7, д. № 18/99.

селенія, какъ это встрѣчалось въ Тифлисской губ. Въ нижней Имеретіи поселенія представляли рядъ хуторовъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, приписанныхъ къ одной церкви или приходу. Поселки-хутора называются селеніями въ смыслѣ административномъ, но никакъ не въ смыслѣ сближенія нѣсколькихъ домовъ и поселеній въ одно цѣлое [1]).

[1]) Бобылевъ, Нѣсколько мыслей и замѣчаній объ Имеретіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, Зап. Кавк. Общ. Сельск.-Хоз., 1856 г. г., № 3, стр. 115—118, 129, 1856 г., № 4, стр 183; 1856 г., № 6, стр. 349.

X.

Статистическія данныя о крѣпостномъ населеніи.

Статистическое изслѣдованіе крестьянскаго вопроса въ дореформенную пору Грузіи дѣло очень трудное и сложное. Статистическіе кадастры, поземельныя и писцовыя книги велись задолго до водворенія русской власти, но эти матеріалы совершенно не изслѣдованы, разбросаны по неизвѣстнымъ хранилищамъ, а потому пользованіе ими почти невозможно [1]). Остается тотъ статистическій матеріалъ, который даютъ намъ камеральныя описанія послѣ водворенія русской власти въ Закавказьѣ. Камеральныя описанія были введены взамѣнъ ревизій, практиковавшихся во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Матеріаловъ камеральныхъ описаній, пожалуй, не мало, но пользованіе ими требуетъ особенной осторожности, и полной вѣры не заслуживаютъ. Камеральныя описанія начались съ давнихъ поръ; первое описаніе произведено въ 1803—1805 г., по приказанію главноуправляющаго кн. Циціанова. Мѣстное высшее правительство всегда боялось производства этихъ описаній, изъ опасенія неблагопріятнаго воздѣйствія на низшіе разряды населенія и изъ опасенія, въ особенности, невѣжественныхъ народныхъ толковъ. Предписаніе правительства всегда одинаково звучитъ; правительство своимъ агентамъ диктуетъ заниматься описаніями „ловкимъ и осторожнымъ образомъ“, „безъ всякихъ разглашеній“; какъ на мѣстахъ эти лозунги принимались судить трудно, но уже эта осторожность въ сильной степени тормозила дѣло. Описаніе мѣстностей происходило далеко не сразу всѣхъ и не одновременно. Они растягива-

[1]) Народными переписями въ древней Грузіи въ послѣднее время занялся И. Джаваховъ.

лись на очень длинные промежутки времени и такимъ образомъ теряли свой практическій смыслъ и значеніе. Описаніе 1803—1805 г., первое по времени,—за нимъ послѣдовали описанія 1816—1817 г., 1830—1832 г., 1841 г., и наконецъ, въ 1860—61 г., эти промежутки, конечно, не пропорціальны и цифровыя данныя, если допустить даже ихъ полную достовѣрность не могутъ представить полной и точной картины движенія населенія; кромѣ общихъ описаній, происходили частныя, дополнительныя или повѣрочныя; въ 1808 г. произведено было повѣрочное описаніе жителей города Тифлиса, возникшее по жалобѣ горожанъ на неправильное и неуравнительное взысканіе податей [1]), 1839—1840 г. учинена была повѣрка всей Тифлисск. губ.. Въ 1823 г. новое описаніе, по распоряженію мѣстнаго начальства, „для уравнительнаго платежа“ податей въ Имеретіи; описанія тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, осетинъ до 1822 г. не было. Такое несистематическое и хаотическое состояніе учетнаго дѣла не даетъ увѣренности въ точности свѣдѣній. Правительство, какъ уже сказано, боялось производства описаній; признавъ необходимость камеральныхъ описаній, русская власть думала, что населеніе „будетъ выводить разные толки, служащіе ко вреду общему и даже не можно ручаться, чтобы при самомъ началѣ приведеніе сего предположенія Казенной Экспедиціи въ дѣйствіе нѣкоторые не поколебались и въ вѣрности“. Описаніе горскаго христіанскаго населенія даже производили черезъ священниковъ, какъ болѣе близкихъ людей [2]); повидимому, были извѣстныя основанія для опасеній, помимо невѣжественности массы; ген. Ермоловъ спеціально замѣтилъ Казенной Экспедиціи: „вообще нахожу не у мѣста мелочныя и мучительныя подробности въ формахъ Казенною Экспедиціею изобрѣтенныхъ“. Точности камеральныхъ описаній не вѣрило само мѣстное высшее Кавказское начальство. Кромѣ

[1]) 1817 г.—невѣрное описаніе Тифлисскаго у.; 1821—1823 г. произведено описаніе въ Душетскомъ и Телавскомъ уу. по поводу слуховъ, дошедшихъ до ген. Ермолова о тайномъ водвореніи помѣщиками иностранныхъ выходцевъ.

[2]) „Но отнюдь къ описанію горскихъ народовъ чиновниковъ гражданскихъ не допускать“, прибавляетъ оффиціальная власть.

указанныхъ недостатковъ, Закавказскія камеральныя описанія имѣли еще тотъ большой дефектъ, что они производились по очень простому, правда, но весьма сомнительному способу; секретнымъ предписаніемъ ген. Тормасова ген. м. Симоновичу, отъ 1 іюня 1811 г., въ Имеретію, чтобы не смутить населеніе, окружные начальники должны были представить ген. Симоновичу списокъ деревень съ обозначеніемъ собственниковъ и числа дворовъ, а уже ген. Симоновичъ, положивъ по 5 душъ мужескаго пола на каждое семейство, составилъ „*примѣрное исчисленіе*“. Камеральныя описанія производились съ спеціально фискальными и полицейскими мѣрами. Камеральныя описанія, не только показывали количественный составъ податныхъ классовъ, но касались и вопросовъ ихъ земельнаго довольствія, матеріальнаго обезпеченія и попутно выяснялись права владѣльцевъ на тѣхъ или другихъ крестьянъ; камеральныя описанія не служили актомъ утверждающимъ и укрѣпляющимъ права владѣнія, но они возбуждали и затрагивали чисто владѣльческіе интересы, которые разрѣшались судебными установленіями. Наконецъ, камеральныя описанія, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ и недостаткахъ, служили источникомъ ознакомленія съ сословіями края и облегчали степень пониманія и проникновенія въ нужды населенія [1]).

Контрольныхъ матеріаловъ статистическаго характера, на основаніи которыхъ можно было бы провѣрять данныя камеральныхъ описаній у насъ не имѣется; свѣдѣнія авторовъ, современниковъ ничего не уясняютъ въ этомъ вопросѣ, потому что всѣ свои цифровые матеріалы они заимствуютъ изъ тѣхъ же камеральныхъ описаній.

Такимъ образомъ, оперированіе надъ сомнительными цифровыми данными камеральныхъ описаній, при томъ не

---

[1]) А. К. А. К., т. IV, О необходимости камеральнаго описанія Грузіи, рапортъ г.-м. Ахвердова ген. м. Тормасову, отъ 2 дек. 1810 г., 47—48; ibid., т. IX—Записка о камеральныхъ описаніяхъ, производившихся въ Закавказскомъ краѣ со времени присоединенія онаго къ Россійской Имперіи, 603—604. Ibid., VI, 1, 58—59; ibid., IV—Секретное предписаніе ген. Тормасова ген. м. Симоновичу, отъ 1 іюля 1811 г. 374—375.

поддающимися контролю не можетъ имѣть никакой научной цѣны. Но въ то же время мы не можемъ упустить изъ виду необходимости изслѣдованія вопроса о приблизительномъ, по крайней мѣрѣ, численномъ составѣ привилегированнаго дворянскаго сословія и крѣпостного крестьянства, а равно вопроса о размѣрахъ земельнаго довольствія грузинскаго крестьянства. Для большей цѣльности и послѣдовательности ими займемся во второй части работы, гдѣ они болѣе умѣстны [1]).

---

[1]) Данныя относительно этого вопроса можно найти: А. К. А. К., т. III, 714; т. IV, 164; т. VI, I, 10—11; т. V, 199; т. VI, I, 531; т. IV, 258; VII, 247—248; т. VIII, 189, 40; IX, 613, 616; т. X, 844; т. XI, 682; т. XII, 94, 383, 385. Кавказскій Календарь, за 1847 г., 156—159; 1852 г.,—284, 293—294, 341, 401; 1855 г.—279, 275, 278; 1857 г.; 1858 г.- 269, 277—218; Гакстгаузенъ—1, 44; Евецкій—1, 27, 143, 157; Зябловскій, VI, 403, Штукенбергъ, II, 5—6—7; Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ I, 392, 397, 399, 196, 288, 350—351; 365—369; 374—375; 85 328—330, 342; 19—24; т. II, 26, 57—68; т. IV, таблица А., Д.; т. II, 140—142; 146, 148—149; 151—154; т. IV, табл. Е.; А. Берже—Краткій обзоръ горскихъ племенъ Кавказа, Кав. Кал. 1858 г., 270.

А. К. А. К., т. X, Отчетъ кн. М. С. Воронцова съ 25 марта 1845 г. по 1 января 1846 г., 834, 844.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

Крестьянская реформа въ Закавказьѣ.

I.

Крестьянская реформа въ Тифлисской губерніи.

БИБЛІОТЕКА
Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Крестьянская реформа въ Западныхъ.

I.

Крестьянская реформа въ Тифлисской губерніи.

Исторія крестьянской реформы въ Закавказскомъ краѣ еще не написана. Упраздненіе крѣпостного права въ Закавказьѣ совершилось не сразу. Реформа проводилась постепенно въ различныхъ, исторически сложившихся, областяхъ. Въ первую очередь упраздненіе крѣпостного института состоялось въ Тифлисской губерніи, по оффиціальной терминологіи въ Грузіи, въ 1864 г.

Крестьянская реформа въ Закавказьѣ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ великими началами положенія 19 февраля 1861 г. Хотя упраздненіе крѣпостного права въ Россіи и Закавказьѣ разъединено нѣкоторымъ небольшимъ промежуткомъ времени, однако идейно отмѣна крѣпостного института и въ Россіи, и въ Закавказьѣ явленія одного порядка, въ Закавказьѣ она представляетъ лишь логическое слѣдствіе и естественное завершеніе великой реформы. Если, однако, реформа крестьянская въ Закавказьѣ была проведена значительно позже, то это обстоятельство было обусловлено специфическими, чисто мѣстными, условіями и особенностями крѣпостного института на южной окраинѣ. Поэтому до распространенія основныхъ началъ реформы на Закавказское крѣпостное сословіе явилась непосредственная необходимость выясненія и точнаго опредѣленія всѣхъ особенностей и своеобразія крѣпостного состоянія въ Закавказьѣ, посколько таковыя были выработаны историческими условіями жизни этой страны. Конечно, нѣсколько страннымъ представляется, что русская власть принуждена была наканунѣ реформы заниматься приведеніемъ въ систему своеобразныхъ особенностей Закавказскаго крестьянскаго права. Въ первой части работы мы подробно выяснили вопросъ о томъ, что несмотря на полувѣковое слишкомъ свое господство въ Закавказьѣ, русская власть не успѣла достаточно отчетливо формулировать себѣ основанія и сущ-

ность Закавказскаго крѣпостного права. Въ своемъ мѣстѣ мы уже отмѣтили, что столь странное явленіе обусловливалось, съ одной стороны, необычайнымъ разнообразіемъ, по отдѣльнымъ мѣстамъ Тифлисской, Кутаисской губ., Мингреліи и Гуріи (быв. царство Грузинское) формъ и видовъ крѣпостныхъ отношеній; отсутствіемъ единаго писаннаго закона, наличностью слишкомъ эластичнаго, измѣнчиваго обычнаго права; съ другой—и это самое существенное, не согласованностью въ дѣятельности представителей высшей мѣстной администраціи, шаткостью и неопредѣленностью правительственной программы.

Разъединенное нѣкоторымъ промежуткомъ во времени, упраздненіе крѣпостного права въ разныхъ частяхъ имперіи, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и Закавказьѣ, тѣмъ не менѣе составляетъ одно неразрывное цѣлое. Изученіе крестьянской реформы въ Закавказьѣ, конечно, имѣетъ вполнѣ самостоятельное научное значеніе и интересъ и мы думаемъ не нуждается въ оправданіи.

I.

Подготовительныя организаціонныя работы.

Вскорѣ послѣ обнародованія положенія 19 февраля 1861 г. Александръ II повелѣлъ намѣстнику своему ген.-фельдм. кн. Барятинскому приступить къ разработкѣ проекта о распространеніи началъ Положенія 19 февраля и на Закавказское крѣпостное населеніе. Въ конфиденціальномъ отношеніи членъ Кавказскаго Комитета В. Бутковъ, отъ 5 марта 1861 г., подчеркивалъ необходимость „дѣйствовать постепенно къ освобожденію этого состоянія...., но дѣйствовать съ надлежащей осторожностью".

Центральная и мѣстная власть почти съ мистическимъ страхомъ относились къ возможнымъ послѣдствіямъ обнародованія актовъ 19 февр., и принимали самыя строгія въ этомъ отношеніи мѣры. Препроводивъ въ экзарху Грузіи Выс. манифестъ, общія и мѣстныя положенія о крестьянахъ, Начальникъ Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ, Крузенштернъ, предостерегалъ, что „манифестъ не подлежитъ обнародованію посредствомъ прочтенія въ здѣшнихъ церквахъ, такъ какъ возвѣщаемое онымъ освобожденіе крѣпостного населенія до времени не распространяется на Закавказскій край"; однако, дворовымъ людямъ „нетуземнаго происхожденія" должны были объявить новое положеніе объ устройствѣ этого сословія. Такимъ образомъ, получилось довольно затруднительное положеніе: съ одной стороны, опасеніе какъ бы чего не вышло въ результатѣ опубликованія Положенія 19 февраля въ Закавказьѣ, съ другой, необходимость оповѣщенія дворовыхъ людей, нетуземцевъ, о правахъ, которыя они пріобрѣтали. Выходъ изъ положенія былъ найденъ и довольно курьезный: сама жизнь выдвинула вопросъ объ оказаніи пособія тѣмъ изъ дворовыхъ, которые

по наступленіи 19 февр. 1863 г. останутся безъ средствъ къ существованію, поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ было признано: „не объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе“, просто принять мѣры для пособія тѣмъ дворовымъ, „кои по увольненіи отъ обязанныхъ отношеній окажутся безъ средствъ къ жизни“; губернаторы и другія заинтересованныя правительственныя лица увѣдомлялись касательно всего этого „не гласно“.

Намѣстникъ Кавказскій обязанъ былъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія „о томъ порядкѣ, въ которомъ можно бы было приступить къ этому дѣлу въ Закавказскомъ краѣ“.

Намѣстникъ Кавказа, кн. Барятинскій, немедленно приступилъ къ выполненію возложенной на него задачи, отчасти даже предупредилъ: „съ самаго начала, когда приступлено было во всей Россіи къ подготовленію мѣръ для освобожденія крѣпостного населенія, здѣшніе закавказскіе помѣщики прилежно слѣдили за ходомъ сего дѣла, осваивались со смысломъ и значеніемъ его, привыкали къ мысли, что настанетъ время, когда и имъ должно будетъ подумать объ устройствѣ дѣла здѣсь. Имѣя въ виду такую настроенность мыслей, я (намѣстникъ, кн. Барятинскій) не могъ не воспользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ вѣстію объ изданіи благодѣтельнаго манифеста 19 февраля“, и тотчасъ же приступилъ „къ пріуготовительнымъ мѣрамъ по устройству быта здѣшнихъ помѣщичьихъ крестьянъ“.

Кн. Барятинскій вызвалъ въ Тифлисъ предводителей дворянства и съ ними вмѣстѣ „нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ дворянъ“. 25 марта 1861 г. объявилъ имъ о „необходимости приступить къ примѣненію“ въ Тифлисской губ. изданнаго для имперіи положенія. Дворяне выразили „безусловную готовность на жертву, требующуюся временемъ“. Такъ какъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи въ обсужденіи наступающей реформы приняло участіе заинтересованное въ дѣлѣ дворянство, то естественно было привлечь къ обсужденію вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ мѣстное дворянство и провести реформу сначала въ Тифлисской, затѣмъ въ Кутаисской губ.; на 8 апрѣля, ко дню пріѣзда Намѣстника въ гор. Кутаисъ, должны были собраться дворянскіе предводители и почетнѣйшіе дворяне

для изъясненія имъ вопроса о приступѣ къ реформѣ. Въ виду того, что крѣпостной строй въ Тифлисской и Кутаисской губ. представлялъ нѣкоторыя отличія, вызванныя чисто мѣстными условіями, то и рѣшено было проводить крестьянскую реформу не одновременно.

Въ цѣляхъ привлеченія дворянства къ предварительной работѣ по проведенію реформы предположено было образовать *дворянскіе комитеты* въ тѣхъ уѣздахъ Тифлисской губ., гдѣ существовало крѣпостное населеніе. Уѣздные комитеты проектировались въ составѣ 5 членовъ, избранныхъ уѣзднымъ дворянствомъ; предсѣдательствовать въ комитетахъ должны были уѣздные предводители дворянства. На уѣздные комитеты возложена обязанность „собрать предварительныя свѣдѣнія о существующихъ между помѣщиками и ихъ крестьянами отношеніяхъ и войти въ обсужденіе устройства быта послѣднихъ тѣми способами, въ той формѣ и въ тѣхъ подробностяхъ, какія само дворянство каждаго уѣзда признаетъ удобнѣйшими, съ тѣмъ, чтобы собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія и состоявшіяся предположенія были представлены не далѣе 6-ти мѣсячнаго срока къ начальнику губерніи, который съ своей стороны предложитъ ихъ на разсмотрѣніе общаго съѣзда дворянства всей губерніи“ (изъ Журнала Центральнаго Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, 18 апр. 1861 г.); наиболѣе важнымъ въ программѣ дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ является предоставленіе имъ права обсужденія самыхъ способовъ „устройства ихъ (крестьянъ) сообразно мѣстнымъ особенностямъ“; собранныя же комитетами „самыя полныя и вѣрныя и положительныя данныя объ отношеніяхъ личныхъ и по имуществу существующихъ въ настоящее время между помѣщиками и крестьянами“ послужили бы единственнымъ основаніемъ „для установленія на будущее время отношеній между ними, которыя должны основываться *на свободной волѣ обѣихъ сторонъ* и на обоюдныхъ выгодахъ помѣщика и крестьянина, а не на произволѣ и выгодѣ одной только стороны“.

Если оставить въ сторонѣ риторическія выраженія „о свободной волѣ обѣихъ сторонъ“ (о какой свободной волѣ можно было говорить тамъ, гдѣ одна изъ сторонъ, крестьяне,

вовсе были устранены отъ какого бы то ни было участія въ обсужденіи вопроса), то инструкція и программа работы уѣздныхъ комитетовъ была весьма широка и обстоятельна, открывающая дворянамъ возможность съ исчерпывающей полнотой подойти къ вопросу.

Тифлисское дворянство нашло неудобнымъ обсуждать столь сложный вопросъ въ небольшихъ уѣздныхъ комитетахъ а потому предпочитало замѣну уѣздныхъ комитетовъ уѣздными дворянскими съѣздами, проекты и сужденія которыхъ должны были разсматриваться на собраніяхъ губернскаго съѣзда.

Начальнику главнаго управленія Закавказскимъ краемъ ст.-секр. Крузенштерну поручили образовать подъ своимъ предсѣдательствомъ, при участіи губернатора и губернскаго предводителя дворянства, центральный комитетъ подъ названіемъ: „*Закавказскій Комитетъ по устройству помѣщичьихъ крестьянъ*“. Образованіе уѣздныхъ комитетовъ, замѣненныхъ послѣ уѣздными дворянскими съѣздами, мотивировалось тѣмъ „главнѣйше“ соображеніемъ, что отношенія между помѣщиками и крестьянами въ Тифлисской губ. „чрезвычайно различны и разнообразны, не только по уѣздамъ, но и по отдѣльнымъ имѣніямъ“, а потому и „потребны значительныя мѣстныя изысканія, успѣшнѣйшаго исполненія коихъ можно достигнуть лишь посредствомъ отдѣльныхъ мѣстныхъ комитетовъ“. Но работы этихъ комитетовъ, замѣненныхъ дворянскими съѣздами, нуждались въ объединяющемъ ихъ руководствѣ и направленіи, такое руководство и было возложено на упомянутый выше центральный комитетъ; первоначальная задача комитета заключалась въ томъ, что онъ обязывался „направлять и руководить дѣйствіями уѣздныхъ комитетовъ, а впослѣдствіи разсмотрѣть окончательно всѣ тѣ предположенія, кои будутъ представлены послѣдними“. Для того, чтобы центральный комитетъ былъ освѣдомленъ по крестьянскому вопросу, туда были переданы всѣ изданія, указы, манифесты, журналы и т. п., вышедшіе изъ петербургскихъ канцелярій и высшихъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ центральный Комитетъ обязанъ былъ составить „подробную и ясную программу для

занятій уѣздныхъ комитетовъ, согласовавъ ее съ положеніемъ и свойствомъ крестьянскаго дѣла въ частяхъ Закавказскаго края".

Во главѣ центральнаго комитета былъ поставленъ начальникъ главнаго управленія Закавказскимъ краемъ статсъ-секретарь А. Ѳ. Крузенштернъ, а съ сентября 1863 г. предсѣдательское мѣсто занимаетъ бар. А. П. Николаи, онъ же начальникъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. При предсѣдателѣ бар. А. П. Николаи центральный комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ членовъ: начальника губерніи К. И. Орловскаго, тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства, съ весны 1864 г., д. с. с. Д. И. Кипіани, членовъ совѣта намѣстника: т. с. А. М. Фадѣева, Е. П. Старицкаго; директоровъ департаментовъ: судебныхъ дѣлъ, д. с. с. І. К. кн. Багратіонъ-Мухранскаго, государственныхъ имуществъ, Ю. Ѳ. Витте, управленія общихъ дѣлъ, Н. И. Барановскаго, управляющаго Закавказскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія К. М. Богданова-Калинскаго, при правителѣ дѣлъ комитета кн. М. Б. Тумановѣ. Въ трудахъ комитета, кромѣ поименованныхъ должностныхъ лицъ, принимали участіе почетные члены мѣстнаго дворянства: ген.-лейт. И. К. Багратіонъ-Мухранскій, ген.-лейт. кн. Р. И. Андрониковъ—2-й, состоящій по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ; ген.-майоръ Д. А. Чавчавадзе, состоящій при Кавказской арміи въ свитѣ его Величества; и нѣкоторые другіе члены дворянства.

Присутствіе, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, мѣстныхъ дворянъ и спеціально приглашенныхъ представителей того же сословія имѣло большое значеніе для занятій центральнаго комитета; крупные помѣщики, много лѣтъ служившіе на Кавказѣ (напр., Д. И. Кипіани), знакомые съ бытомъ и духомъ народа, представители мѣстныхъ дворянъ, являлись отличными экспертами дѣла; наиболѣе подготовленнымъ и свѣдущимъ лицомъ былъ Д. И. Кипіани.

Всѣ распорядительныя дѣйствія по крестьянскому дѣлу были сосредоточены во временномъ отдѣленіи Главнаго Управленія Намѣстника. На первыхъ порахъ дѣятельность центральнаго комитета выразилась въ ознакомленіи Тифлисскаго дворянства съ основными началами положенія 19

февраля 1861 г., для чего оно и было переведено на грузинскій языкъ; одновременно съ этимъ центральный комитетъ подготовляется къ разсмотрѣнію и критической оцѣнкѣ будущихъ дворянскихъ проектовъ. А для этого комитетъ занимается изслѣдованіемъ прошлой исторіи крѣпостного права въ Грузіи, съ одной стороны; съ другой—знакомится съ тѣми мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу, къ которымъ прибѣгала русская власть со времени водворенія въ краѣ, для урегулированія запутанныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами грузинскими [1]).

Всѣ эти организаціонныя работы касались только помѣщиковъ и дворянъ Тифлисской губ., что же касается крѣпостного вопроса въ Кутаисской губ., то такъ какъ тамъ отношенія были „своебычные", разрѣшеніе этого дѣла было отложено до окончанія реформы въ Тифлисской губ.

---

[1]) Докладъ правителя дѣлъ Закавказскаго Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ оный Комитетъ, отъ 5 іюня 1862 г., Акты Кавк. Арх. Ком., т. XII, № 130; и докладъ отъ 31 окт. 1862 г., ibid., № 132.

II.

Программа занятій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Выше мы указали на тѣ общія руководящія начала, которыми должны были пользоваться при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Тифлисской губ. центральный комитетъ и уѣздные дворянскіе съѣзды. Однако эти начала, представленныя въ общихъ очертаніяхъ, не предуказывали конкретныхъ задачъ, выполненіе которыхъ являлось естественнымъ дѣломъ означенныхъ учрежденій. Этотъ вопросъ вскорѣ былъ разрѣшенъ изготовленіемъ обстоятельной программы, одинаково обязательной какъ для центральнаго комитета, такъ равно для уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ. Программа эта предваряется общимъ принципіальнымъ предисловіемъ, изъ котораго логически слѣдуютъ дальнѣйшія начала программы; по мнѣнію центральнаго комитета, преобразованіе поземельнаго устройства крѣпостного крестьянства, что справедливо являлось основаніемъ всей будущей реформы, только тогда можетъ совершиться „спокойно, правильно и безобидно, когда оно *не нарушаетъ существующихъ отношеній, не колеблетъ вѣковыхъ народныхъ обычаевъ* и не требуетъ ни отъ кого жертвъ, не оправдываемыхъ собственнымъ сознаніемъ въ ихъ справедливости и разумности“, слѣдовательно, и реформа въ Закавказскомъ краѣ должна имѣть „исходною точкою и основаніемъ существующія въ настоящее время отношенія между помѣщиками и крестьянами“; въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно придется встрѣчаться съ этой любопытной точкой зрѣнія на предстоящую реформу. Мѣстные руководители, какъ бы хотѣли убѣдить себя и внушить дру-

тѣмъ, что надвигающаяся реформа въ сущности не нарушаетъ создавшихся отношеній; а слѣдовательно, всякое нарушеніе этихъ отношеній признается преступнымъ; но дѣйствительность скоро уничтожила эти иллюзіи, когда оказалось, что, какъ разъ наоборотъ, реформа кореннымъ образомъ разрушитъ и поколеблетъ вѣковыя отношенія; если однако, подобныя сужденія не разъ слышались въ оффиціальныхъ источникахъ, то это скорѣе для формы, для успокоенія смятенныхъ помѣщичьихъ умовъ, да и тѣ скоро убѣдились въ иллюзорности такихъ мечтаній. Это наше сужденіе, тѣмъ болѣе справедливо, что сама власть умѣряла категоричность заявленій, отмѣчая, что порядки существующіе „въ настоящее время не могутъ быть приняты безусловно за неизмѣнное правило при установленіи отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами на будущее время".

Такъ какъ отношенія между помѣщиками и крестьянами устанавливались не закономъ, а обычаемъ и разновременными соглашеніями сторонъ, то было „необходимо разъяснить означенныя отношенія во всемъ ихъ разнообразіи и со всею возможною достовѣрностью". Поэтому на обязанности уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ оказалось составленіе описей этихъ отношеній; описи эти указали бы на отношенія по каждому имѣнію, дыму отдѣльно; онѣ же показали бы количество земель и угодій, находящихся въ пользованіи крестьянъ, а равно количество и характеръ крестьянскихъ податей и повинностей. Установившіяся обычаями отношенія между помѣщиками и крестьянами подлежали пересмотру по всѣмъ направленіямъ, по каждому отдѣльному имѣнію. Конечная цѣль этихъ пересмотровъ—замѣна утвердившихся, ежегодно мѣняющихся, многосложныхъ и тягостныхъ отношеній на будущее время „отношеніями простыми, правильными и неизмѣнными". Программа предписывала не только опредѣленіе реальныхъ условій взаимоотношеній двухъ сословій; разрѣшеніе предначертанной работы являлось лишь средствомъ для рѣшенія основной задачи, а именно, при какихъ условіяхъ обязательныя отношенія „должны прекращаться и переходить въ отношенія, основанныя на полной свободѣ". Такимъ образомъ, цѣль занятій уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ состояла въ описаніи существующихъ отношеній

между помѣщиками и ихъ крестьянами: а это должно было реально выразиться въ приведеніи въ извѣстность количества угодій и земель крестьянскихъ, размѣра податей и повинностей ихъ. Общія свѣдѣнія по имѣніямъ показали бы: 1) приблизительное пространство земель и угодій, составлявшихъ имѣнія помѣщиковъ, особенно полей, садовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ, пастбищъ, съ опредѣленіемъ ихъ размѣра въ десятинахъ или мѣстныхъ земельныхъ мѣрахъ; 2) количество крестьянскихъ дымовъ, съ подраздѣленіемъ крестьянъ, принадлежащихъ самому помѣщику или живущихъ на помѣщичьей землѣ по договору; 3) личное хозяйство помѣщика съ указаніемъ размѣровъ собственной запашки въ 1860 г., количества и размѣровъ садовъ, находящихся въ непосредственномъ пользованіи помѣщика, и количества его рабочаго и не рабочаго скота. „Въ программѣ требовались свѣдѣнія и относительно крестьянскаго хозяйства; а именно: 1) описаніе личнаго состава собственности и имущества дымовъ 2) свѣдѣнія о помѣщичьихъ земляхъ и угодіяхъ, находящихся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго дыма, 3) описаніе податей и повинностей, отбываемыхъ дымомъ, съ точнымъ обозначеніемъ всего недвижимаго имущества, находящагося въ безспорномъ крестьянскомъ владѣніи. Если на недвижимыя имущества крестьяне предъявляли претензіи, то описаніе необходимо должно было указать и тѣ основанія, на которыя опирались эти претензіи. При описяхъ земель и угодій слѣдовало показывать: 1) усадьбы, размѣры ихъ, хозяйственныя строенія, 2) сады, число ихъ, величину и средній урожай, 3) цахатныя земли, ихъ пространства (количество поливныхъ и неполивныхъ земель), съ указаніемъ пользуются ли крестьяне другими угодіями, сѣнокосами, пастбищами, лѣсомъ для топлива.

При описаніи податей должны были показать особо: 1) галу или кодисъ-пури (сборъ части съ урожая хлѣбныхъ произведеній), 2) кулухи (сборъ съ винограда), 3) виды барщинныхъ повинностей и количество ихъ, 4) денежныя повинности; 5) показать натуральныя повинности съ переводомъ ихъ на деньги „по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами“; указанныя свѣдѣнія охватывали всѣ разряды крестьянъ: казенныхъ, церковныхъ, помѣщичьихъ. Ко-

нечно, эти описи должны были составляться подъ наблюденіемъ и руководствомъ членовъ уѣздныхъ дворянскихъ комитетовъ. Въ случаяхъ несогласія показаній крестьянъ и помѣщиковъ, записывались отдѣльно показанія помѣщика, отдѣльно крестьянина; члены уѣздныхъ комитетовъ обязаны были склонить стороны къ соглашенію показаній; для этого нужно было приглашать старшинъ, сосѣдей помѣщика и крестьянъ, лицъ почетныхъ и уважаемыхъ. При неуспѣхѣ подобнаго пріема члены уѣзднаго комитета обязывались заявлять, что для выясненія вопроса выѣдетъ спеціальная коммиссія и всѣ издержки падутъ на неисправную сторону или на обѣ, если показанія ихъ не будутъ согласны съ дѣйствительностью.

Составленныя такимъ образомъ описи переводятся съ грузинскаго на русскій, провѣряются въ полнотѣ и основательности и принимаются за основаніе работъ центральнаго комитета. Сообразно количеству разнорѣчивыхъ и разнообразныхъ показаній при составленіи описаній, Закавказскій центральный комитетъ опредѣляетъ въ какомъ составѣ должна быть командирована особая коммиссія для соглашенія сторонъ. Уѣздные комитеты составляются: изъ членовъ отъ дворянства, крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ особо командированныхъ членовъ отъ центральнаго кавказскаго комитета.

Разсмотрѣнная программа занятій отличается сложностью и широтой задачъ, возложенныхъ на уѣздные комитеты. Приблизительное выполненіе программы требовало очень большого труда и времени въ то время, когда мѣстная и центральная власть торопились съ ликвидаціей крѣпостныхъ отношеній. При такомъ состояніи вещей уѣздные комитеты были поставлены въ безвыходное положеніе, подготовительная работа, начертанная программой сама по себѣ требовала настолько большой работы и изслѣдованія, что совершенно заслоняла основную задачу—выработку проекта улучшенія положенія помѣщичьихъ крестьянъ. Программу, какъ мало практичную и трудно выполнимую поэтому слѣдовало оставить, что и было сдѣлано; такъ посмотрѣли на дѣло нѣкоторые изъ видныхъ представителей высшей администраціи. По отзыву Фадѣева, количество свѣдѣній, которое

должно быть собрано уѣздными комитетами „слишкомъ многосложно и составитъ работу чрезвычайно трудную и запутанную не только для составителей, но и для тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи должны будутъ выводить изъ нихъ заключенія“.

Въ силу всѣхъ указанныхъ соображеній съѣздамъ была предоставлена полная свобода и ихъ не стѣсняли формальными программами для работъ.

III.

Дѣятельность уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ.

Намѣстникомъ Кавказа кн. Барятинскимъ предписано было 29 марта 1861 г. Тифлисскому гражданскому губернатору немедленно приступить къ выполненію общихъ правительственныхъ предначертаній къ открытію уѣздныхъ дворянскихъ комитетовъ или уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ, взамѣнъ первыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ на губернатора была возложена обязанность объяснить цѣли, задачи уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ. Общую программу дѣйствій и занятій съѣздовъ долженъ былъ выработать центральный Кавказскій комитетъ. Посредствующимъ лицомъ между уѣздными съѣздами дворянъ и центральнымъ Кавказскимъ комитетомъ былъ Тифлисскій гражданскій губернаторъ, д. с. с. Конст. Ив. Орловскій. Полицейскія и судебныя установленія обязаны были оказывать всяческое содѣйствіе дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ. Въ половинѣ 1861 г. уѣздные съѣзды могли уже приступить къ обсужденію вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Ни въ оффиціальной перепискѣ, ни при первоначальной организаціи дѣла не говорилось *объ освобожденіи* крестьянъ, но первыя же засѣданія уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ показали, что *улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ равносильно освобожденію крестьянъ* изъ подъ власти помѣщиковъ. Уѣздные съѣзды дворянъ обязаны были выполнить очень трудную и сложную работу: 1) охарактеризовать существующія отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами, отмѣтить обязанности послѣднихъ по отношенію къ первымъ и границы власти помѣщиковъ, 2) исходя изъ подобной работы, установить на буду-

щее время правильныя и не подлежащія перемѣнамъ отношенія, 3) наконецъ, предначертать способы перехода отъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ къ институту свободныхъ сельскихъ обывателей. Наиболѣе трудной представлялась первая задача, ибо строго регулированныхъ положеній между грузинскими помѣщиками и крестьянами не было, несмотря на неоднократныя попытки русской администраціи въ этомъ направленіи. Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ до безконечности варьировались по мѣстностямъ, уѣздамъ, частямъ уѣздовъ Тифлисской губ., слѣдовательно, все разнообразіе крестьянскихъ повинностей, а также разнообразіе предѣловъ власти помѣщиковъ нужно было свести къ нѣкоторой однообразной нормѣ, поскольку этому не препятствовали мѣстныя, природныя условія. Что же касается двухъ послѣднихъ задачъ, то въ разрѣшеніи ихъ Тифлисское дворянство могло руководствоваться основаніями положенія 19 февраля, и, конечно, тѣми статьями изъ этого положенія, которыя не шли въ разрѣзъ съ мѣстными интересами и условіями.

31 марта уѣздные комитеты должны были открыться по уѣздамъ: 1) Тифлисскомъ, 2) Горійскомъ, 3) Сигнахскомъ и 4) Телавскомъ. Прежде чѣмъ комитеты приступили къ своимъ непосредственнымъ занятіямъ, уѣздные дворяне были созваны для предварительныхъ организаціонныхъ работъ. По первоначальному проекту мѣстные дворяне, т. е. уѣздное дворянство, какъ уже было сказано, должно было учредить уѣздные комитеты по пяти человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, при этомъ губернатору предоставлено было право „въ случаѣ нужды“ назначить въ каждый комитетъ по одному чиновнику „для содѣйствія въ письменныхъ занятіяхъ“; „въ виду недостаточности средствъ дворянства“ каждому комитету на расходы было ассигновано по 100 р. въ мѣсяцъ, съ 1 апрѣля въ теченіи всей работы. Хотя число членовъ этихъ комитетовъ было опредѣлено въ количествѣ 5-ти человѣкъ, однако уже 28 апрѣля и. д. намѣстника кн. Орбеліани нашелъ возможнымъ предупредить Тифлисскаго губ. Орловскаго, что уѣздные комитеты могутъ „не стѣсняться тѣмъ числомъ дворянъ, которое указано въ предложеніи кн. намѣстника, отъ

29 марта, за № 200, а допустить ихъ въ такомъ числѣ въ какомъ самое мѣстное дворянство каждаго уѣзда признаетъ это необходимымъ, соображая съ мѣстными требованіями и особенностями". Правительственное распоряженіе стало быстро приводиться въ исполненіе. 15 іюня 1861 г. въ г. Тифлисѣ собралось Тифлисское уѣздное дворянство и постановило, чтобы „каждый помѣщикъ представилъ свои предположенія и свѣдѣнія по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ для разсмотрѣнія и обсужденія этихъ свѣдѣній и предположеній", но вторичный съѣздъ, назначенный для этой цѣли въ сентябрѣ, не состоялся, потому что уѣздный предводитель поѣхалъ въ г. Кутаисъ для встрѣчи Императора, а помѣщики были заняты хозяйственными дѣлами въ своихъ имѣніяхъ. Только въ началѣ 1862 г., въ январѣ, нѣкоторые помѣщики явились и представили свои предположенія, но значительное ихъ число затруднялось сдѣлать тоже самое; собрать еще съѣздъ было трудно, потому что многіе изъ помѣщиковъ проживали въ другихъ уѣздахъ Тифлисской губ., тѣмъ болѣе что ихъ пришлось бы собрать еще разъ на губернскій дворянскій съѣздъ. Такіе частые съѣзды, въ виду отдаленности помѣщичьихъ владѣній отъ г. Тифлиса, при крайне плохихъ средствахъ сообщенія являлись весьма трудными, поэтому Тифлисскій уѣздный предводитель дворянства и рѣшилъ собрать дворянъ своего уѣзда одинъ разъ, на губернскій съѣздъ, на который дворяне и представили бы свои предположенія, проекты и мнѣнія касательно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ; такимъ образомъ, Тифлисское уѣздное дворянство совершенно уклонилось отъ порядка и формы обсужденія вопроса, которое предложено было намѣстникомъ, тѣмъ болѣе, что дворянскій губернскій съѣздъ долженъ былъ собраться лишь тогда, когда уѣздные комитеты собрали бы и разработали всѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и обратно. Сигнахское дворянство, собравшись 25 іюня, приступило по формѣ къ выполненію своей задачи. Серьезнѣе и съ большей вдумчивостью отнеслось ко дѣлу дворянство Горійскаго и Телавскаго уѣздовъ. Телавское уѣздное дворянство, на съѣздѣ 29 мая, „прійдя къ заключенію о необ-ходимости прежде всего постановить основаніе и потомъ

разсматривать всѣ стороны этого дѣла, ограничилось избраніемъ 20 чел., коихъ уполномочило собрать всѣ данныя, долженствующія служить основаніемъ при обсужденіи дѣла", эти уполномоченные заявили, что „они не считаютъ себя вправѣ ни установить именемъ всего дворянства основанія, ни высказать мнѣнія о выборѣ лицъ въ комитетъ, не будучи уполномочены на то отъ болѣе значительнаго числа дворянъ, состоящихъ на службѣ въ разныхъ мѣстахъ и не бывшихъ на съѣздахъ", такое странное заявленіе уполномоченныхъ уже принявшихъ раньше избраніе и согласившихся на исполненіе возложенной на нихъ задачи, смутило въ сильной степени уѣзднаго предводителя дворянства и послѣдній, считаясь съ такимъ заявленіемъ, назначилъ новый съѣздъ дворянъ на 2-е августа, на которомъ „при бытности состоящихъ на службѣ и находящихся нынѣ въ отлучкѣ дворянъ принято будетъ, какъ полагаютъ уполномоченные, окончательное рѣшеніе вопроса относительно установленія основъ для обсужденія будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, а быть можетъ составить и полный проектъ къ разрѣшенію сего дѣла".

Опредѣленнѣе уже высказался Горійскій комитетъ въ засѣданіи 1 іюля: „дворянство, имѣя въ виду указанія объясненныя въ программѣ, остановившись на способѣ рѣшенія настоящаго вопроса, т. е. въ комитетѣ или на общемъ съѣздѣ, нашло лучшимъ обсудить вопросъ послѣднимъ способомъ, дабы каждый изъ дворянъ могъ участвовать въ рѣшеніи и высказать свои соображенія", въ силу этого, а также для собранія необходимыхъ по вопросу свѣдѣній и рѣшило созвать общій уѣздный съѣздъ дворянства на 1 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ горійское уѣздное дворянство выразило пожеланіе, чтобы „до рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ всѣ споры между ними и помѣщиками разбирались уѣздными начальниками, предводителемъ и судьей" и чтобы всѣ такія рѣшенія были окончательными. Но Тифлисскій гр. губернаторъ протестовалъ противъ этихъ „гласныхъ и изустныхъ" процессовъ помѣщиковъ съ крестьянами, находя ихъ неудобными, и весьма вредными: „при настоящемъ устройствѣ въ краѣ судебныхъ и полицейскихъ установленій, властію и законнымъ

вліяніемъ пріобрѣтшихъ въ глазахъ народа значеніе, раздвоить которыя я (губернаторъ) считаю неудобнымъ и совершенно излишнимъ".

Изъ всего вышеизложеннаго наиболѣе очевиднымъ является то, что дворянство не находило удобнымъ обсужденіе кардинальнаго вопроса въ небольшихъ комитетахъ, одно только Горійское дворянство усмотрѣло весьма цѣлесообразнымъ обсужденіе вопроса въ болѣе многолюдныхъ собраніяхъ уѣзднаго дворянства, такому расширенію полномочій косвенно способствовало и мнѣніе высшаго начальства о возможности увеличенія численнаго состава комитетовъ по мѣстнымъ условіямъ, слѣдовательно рѣшеніе Горійскаго комитета было логическимъ развитіемъ мнѣнія высшаго начальства. Вообще нужно отмѣтить, что дворянство много времени и энергіи тратило на чисто техническіе вопросы, не приступая къ существу дѣла; въ концѣ концовъ и мѣстная высшая администрація находила возможнымъ расширеніе формы, указанной правительствомъ для обсужденія вопроса; Тифлисскій губернаторъ въ донесеніи намѣстнику отъ 26 іюля 1861 г. находилъ, что если дворянство уклонилось и избрало другую форму, вмѣсто уѣздныхъ комитетовъ для обсужденія крестьянскаго вопроса, то „это нисколько не вредитъ дѣлу, напротивъ, предоставляя каждому непосредственное участіе, возможно будетъ извлечь большій запасъ матеріала, долженствующій уяснить взаимныя отношенія, нынѣ существующія между владѣльцами и ихъ крестьянами, и быть можетъ, при разсмотрѣніи этихъ матеріаловъ на общемъ съѣздѣ выразится единодушное мнѣніе о возможно лучшемъ разрѣшеніи предложеннаго дворянству вопроса".

Уѣздные съѣзды для предварительнаго обсужденія крестьянскаго вопроса было созваны въ г. Телавѣ для Телавскаго уѣзднаго дворянства 2 августа и въ г. Гори для Горійскаго дворянства 1 октября 1861 г. Какія основанія улучшенія быта крестьянъ приняли уѣздныя дворянства Тифлисское и Сигнахское изъ архивныхъ дѣлъ не видно.

Видя такой оборотъ дѣла, и. д. намѣстника кн. Орбеліани, въ распоряженіи 15 ноября 1861 г., указывалъ, что уѣзднымъ комитетамъ, собственно теперь съѣздамъ уѣздныхъ

дворянствъ, „представляется собрать предварительныя свѣдѣнія и войти въ соображенія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ той формѣ и въ тѣхъ подробностяхъ какія само дворянство каждаго уѣзда признаетъ удобнѣйшимъ“, и съ обязательствомъ всю работу предварительнаго обсужденія закончить въ теченіи 6 мѣсяцевъ, начиная съ послѣднихъ чиселъ марта, т. е. къ октябрю 1861 г. Такимъ образомъ признано было и высшей администраціей, что уѣздные комитеты представляютъ „слишкомъ тѣсный кругъ“ для обсужденія дворянскихъ предположеній.

Работы уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ пошли на первыхъ порахъ достаточно успѣшно, но вскорѣ дѣло стало тормозиться отъ какихъ то внутреннихъ причинъ. Телавское уѣздное дворянство на совѣщаніи съ 16—19 декабря 1861 г. избрало 9 лицъ для подготовки матеріала и разработки проекта улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи труда проектъ былъ представленъ на утвержденіе уѣзднаго дворянскаго съѣзда, но оказалось, что 6 членовъ уѣзднаго комитета даже не были извѣщены объ избраніи и хотя засѣданія комитета начались съ 22 декабря, но означенныя лица были оповѣщены только 10 февраля, а по Телавскому у. „никакого засѣданія изъ выбранныхъ лицъ составляемо не было“. Изъ архивныхъ дѣлъ и оффиціальной переписки не видно, какимъ образомъ могло приключиться столь странное и небрежное отношеніе. Но тутъ возможно одно, болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе: большинство изъ избранныхъ членовъ комитета находились на службѣ, внѣ предѣловъ уѣзда и при крайне неудовлетворительномъ состояніи почтоваго сообщенія, они своевременно не могли узнать о состоявшемся ихъ избраніи.

Дворянскіе уѣздные съѣзды очень уже не спѣшили съ представленіемъ своихъ проектовъ и предположеній. Мы не можемъ сказать, что творилось въ уздныхъ дворянскихъ съѣздахъ и избранныхъ имъ комитетахъ, потому что никакихъ протоколовъ или письменнаго дѣлопроизводства нѣтъ ни въ архивѣ намѣстника, ни въ архивѣ Тифлисскаго депутатскаго собранія. Одно только Горійское уѣздное дворянство представило въ Закавказскій центральный коми-

свое мнѣніе по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, отъ 16 января 1862 г.

Дворянствомъ другихъ уѣздовъ, Тифлисскаго, Телавскаго, Сигнахскаго, „не только не представлено, но даже не было составлено ожидаемыхъ предположеній“ (14 марта 1862 г.); на неоднократные запросы и требованія центральной власти „озаботиться устраненіемъ всего могущаго отсрочить и далѣе представленіе“ ими свѣдѣній, мнѣній и проектовъ, уѣздные предводители назначали новые и новые сроки. Между тѣмъ срокъ для представленія дворянскихъ проектовъ и предположеній давно истекъ, 1 ноября 1861 г.; и. д. намѣстника кн. Орбеліани очень хотѣлъ узнать „есть ли надежда, что оно будетъ окончено къ сроку, а если нѣтъ, то по какимъ причинамъ“, не смотря ни на какіе запросы, ускорить поступленіе проектовъ не удавалось и приходилось волей не волей мириться съ дѣломъ и слѣдить, что бы оно еще болѣе не затянулось, и до 9 марта 1862 г. отъ дворянства уѣздовъ: Тифлисскаго, Телавскаго и Сигнахскаго такъ и не были получены никакія мнѣнія и проекты. Дворянство между тѣмъ возбудило черезъ и. д. намѣстника Кавказскаго ходатайство о созывѣ губернскаго съѣзда. Желаніе дворянъ состояло въ томъ, чтобы „согласовать мнѣнія (отдѣльныхъ уѣздныхъ съѣздовъ) и устранить возникшія противорѣчія и недоразумѣнія въ общемъ собраніи дворянства всей губерніи“. Этотъ же съѣздъ долженъ былъ: 1) „разсмотрѣть частные проекты, представленные по уѣздамъ“, 2) „установить основанія, на которыхъ могло совершиться *освобожденіе* (не улучшеніе) крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости“, 3) „избрать уполномоченныхъ для развитія сихъ основъ и составленія самаго проекта положенія“. Соглашаясь съ мыслью о пользѣ общегубернскаго дворянскаго съѣзда, губернаторъ, „предвидя, что при заявленіи мнѣній каждымъ помѣщикомъ въ отдѣльности произойдутъ разнорѣчія, соглашеніе которыхъ потребуетъ много времени и едва ли увѣнчаются успѣхомъ, тѣмъ больше что частныя мнѣнія, по всей вѣроятности, будутъ основаны на частныхъ же интересахъ, слишкомъ разнообразныхъ и даже общей цѣли противоположныхъ, полагалъ бы необходимымъ здѣсь уже предложить дворян-

ству избрать изъ среды себя вполнѣ уполномоченныхъ депутатовъ по каждому уѣзду особо, которымъ можно бы обсуждать взгляды и желанія всего дворянскаго сословія", но это мнѣніе не нашло сочувствія.

Законное и основательное желаніе Тифлисскаго дворянства нашло подержку въ лицѣ и. д. намѣстника при условіи, если дворянами, „уже собраны по уѣздамъ предварительныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и составлены самыя предположенія объ устройствѣ быта послѣднихъ"; съѣздъ былъ разрѣшенъ на 20 апрѣля 1862 г. (отношеніе и. д. намѣстника къ гр. губ., отъ 13 декабря 1861 г., № 715).

Вскорѣ послѣ начала предварительныхъ работъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губ., главный руководитель реформы, кн. Барятинскій, по болѣзни, выѣхалъ изъ края, но оставался въ званіи Намѣстника до декабря 1862 г.; въ исправленіе обязанностей намѣстника вступилъ ген.-ад. кн. Г. З. Орбеліани, который на первыхъ порахъ сталъ фактическимъ руководителемъ реформы. „Въ это переходное время дѣло крестьянской реформы вовсе не подвинулось, говоритъ бар. А. П. Николаи, дворянство по уѣздамъ и по губерніи, хотя и собиралось для совѣщаній, но ни къ какому положительному заключенію не приходило, центральный же комитетъ, въ ожиданіе имѣвшихъ поступить на его разсмотрѣніе заявленій оставался въ бездѣйствіи". Разрѣшенное и. д. намѣстника губернское собраніе открыто было 25 апрѣля 1862 г. въ гор. Тифлисѣ гр. губ. Орловскимъ и продолжало свои дѣйствія до 30 апрѣля. Категорическое утвержденіе бар. А. П. Николаи о томъ, что послѣ отъѣзда кн. Барятинскаго обсужденіе крестьянскаго вопроса не подвинулось впередъ, слѣдуетъ принять съ нѣкоторыми оговорками.

Губернскій съѣздъ имѣлъ возможность выслушать проекты, предположенія заявленія дворянъ, сужденія о которыхъ происходили въ уѣздныхъ собраніяхъ. Губернское собраніе, познакомившись со всѣми мнѣніями и предположеніями дворянства, разсуждало о принципіальныхъ положеніяхъ, на основаніи которыхъ должна была совершиться крестьянская реформа въ Тифлисской губ.; послѣ этого

возникъ вопросъ объ избраніи уполномоченныхъ для составленія окончательнаго проекта, но тутъ то и произошла серьезная путаница, которая задержала на нѣсколько мѣсяцевъ движеніе работъ по крестьянскому дѣлу. Губернское собраніе „съ согласія нѣкоторой части дворянства“ поручило составленіе проекта д. с. с. Кипіани; Горійское дворянство заявило, что часть дворянства на съѣздѣ „изустно“ просила объ этомъ д. с. с. Кипіани; Сигнахское дворянство утверждало, что оно избрало въ качествѣ составителя проекта Кипіани, который черезъ 6 мѣсяцевъ долженъ былъ представить проектъ новому губернскому съѣзду для окончательнаго сужденія. Телавскій уѣздный предводитель сообщилъ на запросъ губ., что на сколько ему извѣстно дворянствомъ его уѣзда никто не избранъ для этой цѣли. Совершенно иначе поступила другая часть дворянства, а именно, на запросъ гр. губернатора, Тифлисскій у. предводитель отвѣтилъ, что на губернскомъ съѣздѣ была коммиссія уполномоченныхъ для составленія окончательнаго проекта для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ изъ слѣдующихъ лицъ: ген.-ад. Гр. Дм. Орбеліани, ген.-лейт. Ив. Конст. Багратіонъ-Мухранскаго, д. ст. с. Зах. Степ. Автандилова, ст. сов. М. Б. Туманова, ген. м. кн. Мих. Ѳом. Орбеліани, „въ составъ той коммиссіи, которая должна была составиться изъ членовъ также другихъ уѣздовъ“, а эти лица были избранниками Тифлисскаго уѣзднаго дворянства, другіе „словесно“ о томъ же просили Кипіани; и тутъ же дворянство избрало ген. м. Мах. Орбеліани, кол. сов. Габаева, пор. кн. Давида Сумбатова, Ник. Челокаева „для разъясненія въ подробности положенія крестьянъ своего уѣзда“. Коммиссія по инструкціи губернскаго собранія должна была имѣть предметомъ обсужденія каждый изъ имѣвшихся на лицо проектовъ при губернскомъ съѣздѣ, оцѣнку ихъ, выработку общихъ основаній, на коихъ должно опираться, безобидное освобожденіе закавказскихъ помѣщичьихъ крестьянъ и представить докладъ новому губернскому съѣзду.

На губернскомъ съѣздѣ, очевидно, произошло разногласіе: въ то время какъ часть дворянства отстаивала коммисію изъ членовъ отъ каждаго уѣзда, другая называла имя д. с. с. Кипіани. Коммиссія на этотъ счетъ не пришла

ни къ какому опредѣленному рѣшенію; часть дворянства считала избраннымъ Д. И. Кипіани, и послѣдній, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе. Такимъ образомъ, выясняется безпорядочное и безтолковое веденіе дѣла на губернскомъ съѣздѣ. Однако Д. И. Кипіани, въ маѣ мѣсяцѣ, вскорѣ по закрытіи губернскаго съѣзда, отказался отъ исполненія порученія, уже принятаго на себя. Во избѣжаніе задержки дѣла Тифлисскій губернскій предводитель дворянства полагалъ нужнымъ къ избранной коммиссіи присоединить еще двухъ новыхъ членовъ Д. Сумбатова и Челокаева; такимъ образомъ, составилась бы новая коммиссія изъ 8 человѣкъ, которая вмѣстѣ съ другими членами изъ другихъ уѣздовъ должна была изготовить проектъ для будущаго губернскаго съѣзда. И. д. намѣстника былъ нѣсколько иного мнѣнія: онъ предложилъ Тифлисскому губернскому предводителю дворянства, чтобы каждый уѣздъ особо избралъ своихъ уполномоченныхъ и прислалъ ихъ въ г. Тифлисъ не позже первыхъ чиселъ сентября для изготовленія проекта „освобожденія крестьянъ“, сообразно съ положеніями, высказанными на губернскомъ съѣздѣ; если оказалось бы необходимымъ, то и. д. намѣстника готовъ былъ „помочь матеріальнымъ и всѣмъ правительственнымъ содѣйствіемъ къ выполненію того важнаго дѣла“. Уѣздныя дворянства, особенно Сигнахское и Телавское, усиленно просили Кипіани не отказываться отъ составленія проекта; уступая этимъ просьбамъ Д. И. Кипіани въ сентябрѣ 1862 г. приступилъ къ дѣлу. Для составленія проекта Д. И. Кипіани обратился за необходимыми свѣдѣніями къ дворянамъ, которые могли быть полезными, но дворяне не особенно охотно помогали; изъ Тифлисскаго у. Д. И. не получилъ никакихъ отвѣтовъ; изъ Горійскаго— изъ 28 адресатовъ отвѣтило къ 7 октябрю всего 5, только Телавскій уѣздъ „выказалъ въ этомъ дѣлѣ исправность единомыслія, котораго ожидать не могъ“ Д. И. Кипіани.

Въ концѣ концовъ Д. И. Кипіани, правда, съ значительными опозданіями, но сталъ получать отвѣты на запросы, даже получилъ 17 готовыхъ дворянскихъ мнѣній. „На разработку этихъ основаній и собранныхъ по нимъ отъ самихъ владѣльцевъ свѣдѣній употреблено было времени цѣлый годъ“. Дѣло реформы начатое успѣшно, стало сильно

тормозиться, не встрѣчая со стороны дворянства и ихъ руководителей достаточнаго рвенія и усердія. И. о. намѣстника кн. Орбеліани обратилъ на эту медленность вниманіе и выразилъ свое порицаніе Тифлисскому уѣздному предводителю дворянства тит. сов. кн. Баратову, который не „озаботился выказать болѣе дѣятельности и истиннаго рвенія къ дѣлу".

Между тѣмъ, въ мартѣ 1863 г. прибылъ въ Тифлисъ новый намѣстникъ вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, который въ свою очередь обратилъ вниманіе на медленное движеніе крестьянскаго дѣла; „ровно два года порученное мѣстному дворянству" крестьянское дѣло не успѣло выйти изъ стадіи предварительнаго обсужденія въ средѣ заинтересованнаго дворянства, поэтому предлагалось дворянству „озаботиться безотложнымъ составленіемъ своихъ по этому дѣлу предположеній и представленіемъ ихъ къ нему (намѣстнику) не позже первыхъ чиселъ будущаго іюня" (отн. Тифлисск. губ., отъ 30 марта 1863 г., № 382). При этомъ дворянству разрѣшалось собраться для этой цѣли въ г. Тифлисѣ, въ наиболѣе удобное для нихъ время, а губернаторъ приглашалъ дворянъ къ 1-му мая. Къ марту Д. И. Кипіани обѣщалъ закончить свой проектъ, поэтому письмомъ къ Тифлисскому гражд. губ., отъ 29 января 1863 г., просилъ разрѣшенія отпечатать докладъ „не для публичнаго обсужденія, хотя оно нисколько не повредило бы дѣлу, а собственно для того, чтобы уѣздные съѣзды могли заблаговременно разсмотрѣть и лично выразить свои замѣчанія".

Д. И. Кипіани 27 апрѣля 1863 г. представилъ Телавскому уѣздному дворянству свой докладъ объ освобожденіи крестьянъ въ Тифлисской губ.; уѣздное дворянство постановило: „дворянство, привыкнувъ безусловно предаваться волѣ Монаршей и всѣ упованія возлагать на его милосердіе, вполнѣ предаетъ и настоящее важное для края нашего дѣло милостивому воззрѣнію и ходатайству великаго князя намѣстника".

Горійское уѣздное дворянство слушало докладъ и проектъ Д. И. Кипіани 11, 13, 15, 17 мая и „признало соображенія г. Кипіани и проектъ его согласными съ общимъ желаніемъ дворянства и сдѣлавъ къ нимъ нѣкоторыя дополненія и опредѣленія", подписало и выразило желаніе

подписанные акты чрезъ особыхъ избранныхъ лицъ доставить, вмѣстѣ съ Д. И. Кипіани, вел. кн. намѣстнику и „участь обоихъ сословій представить непосредственному благоусмотрѣнію Его Высочеству“, для этой цѣли, а также для дачи необходимыхъ объясненій по проекту собраніе избрало д. с. с. К. І. Циціанова, поруч. кн. Ал. Тарханова, уѣзднаго предводителя кн. Эристова.

Наконецъ, Тифлисское и Душетское уѣздное дворянство выслушало Д. И. Кипіани 18, 20 и 26 мая и нашло проектъ и соображенія „согласными съ общимъ желаніемъ дворянства“, сдѣлало нѣкоторыя поправки и дополненія и съ своей стороны избрало депутацію къ намѣстнику для представленія проекта, изъ уѣзднаго предводителя дворянства тит. сов. кн. Баратова, д. с. с. Кипіани, д. с. с. Автандилова и кн. Челокаева, и ходатайствовало, чтобы названныя лица были признаны представителями уѣзднаго дворянства, „съ правомъ голоса въ сужденіяхъ по оному (крестьянскому дѣлу), не отступая отъ нашихъ мыслей и желаній, выраженныхъ за насъ въ работѣ Кипіани“.

Одобривъ проектъ и предположенія Д. И. Кипіани, всѣ уѣздныя собранія высказали пожеланія единогласно, чтобы были допущены къ намѣстнику дворянскіе представители для необходимыхъ разъясненій и сообщеній по существу проекта; равно дворяне просили о допущеніи дворянскихъ представителей для участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта реформы. На это дворяне получили отвѣтъ, что отдѣльныя пожеланія дворянъ въ формѣ приговоровъ, составленныхъ на съѣздахъ, должны быть представлены дворянскому губернскому съѣзду; и отъ имени намѣстника дворянству по существу ходатайства отвѣтили, что вел. кн. „предоставляетъ себѣ въ случаѣ необходимости вызвать уполномоченныхъ отъ дворянъ по своему усмотрѣнію“.

Для окончательнаго сужденія было созвано въ концѣ мая въ Тифлисѣ новое губернское собраніе. Дворянство разсмотрѣло заслушанный еще раньше въ уѣздныхъ собраніяхъ проектъ освобожденія крестьянъ, составленный Д. И. Кипіани. 539 членовъ подписали этотъ проектъ, меньшинство въ 16 человѣкъ выступили съ особымъ проектомъ положенія. А 6 іюля 1863 г. Тифлисскій гражданскій губ. представилъ

въ главное управленіе намѣстника: 1) докладъ Д. И. Кипіани дворянству губерніи, проектъ положенія „по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, подписанный уѣздными собраніями 27, 30 апрѣля, 11, 13, 15, 17, 18 мая и 7 іюня, 2) приложеніе къ докладу и проекту: исчисленіе крестьянскихъ повинностей, 3) письмо Д. И. Кипіани къ Тифлисскому гражд. губ., отъ 1 іюля, объясняющее причины непредставленія проекта къ сроку, а 4 августа Крузенштернъ получилъ отъ губернскаго предводителя дворянства для представленія вел. князю мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ дворянства, несогласныхъ съ способомъ устройства поземельнаго быта помѣщичьихъ крестьянъ, принятыхъ большинствомъ дворянства. Получивъ такой матеріалъ, великій князь, отъ 11 окт. 1863 г., приказалъ центральному комитету „безотлагательно приступить къ начертанію проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губ., но имѣть въ виду всѣ дворянскія мнѣнія и предположенія и сообразить все это съ тѣмъ, какія можно допустить „существенныя изъятія изъ Выс. утв. 19 февраля 1861 г. законоположенія объ устройствѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Россіи“.

Въ октябрѣ 1863 г. начальникъ Главнаго управленія, А. Ѳ. Крузенштернъ, онъ же предсѣдатель Закавказскаго комитета, былъ уволенъ и замѣненъ сен. ст. секр. бар. А. П. Николаи.

IV.

Проекты, предположенія отдѣльныхъ дворянъ и уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ относительно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Подготовка крестьянской реформы, обсужденіе этого вопроса въ обществѣ и литературѣ русской, опубликованіе началъ реформы, отношеніе къ состоявшейся реформѣ русскаго общества—все это прекрасно было извѣстно грузинскому дворянству въ началѣ 60-хъ годовъ. Многіе изъ грузинскихъ дворянъ находились на русской службѣ, занимая отвѣтственныя мѣста (Гр. Орбеліани, Д. И. Кипіани); слѣдовательно, имъ небезызвѣстно было состояніе реформы крестьянскаго строя. Наконецъ, дѣти грузинскаго дворянства воспитывавшіеся въ столичныхъ университетахъ (И. Г. Чавчавадзе, А. Церетели — властители думъ и чаяній многихъ поколѣній, крупнѣйшіе представители художественнаго слова въ грузинской литературѣ), были свидѣтелями интенсивнаго напряженія общественной мысли русской, въ центрѣ котораго находился животрепещущій вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и чрезъ нихъ, между прочимъ, до грузинскаго общества доходили извѣстія о совершающихся въ Россіи крупныхъ общественныхъ событіяхъ. Наряду съ этими факторами, повліявшими на настроеніе грузинскаго дворянства, нельзя не отмѣтить также глубокаго культурнаго вліянія русскихъ писателей-классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Каждый изъ мало-мальски образованныхъ грузинскихъ дворянъ былъ знакомъ съ ними и увлекался ими; даже такой консерваторъ въ общественныхъ

убѣжденіяхъ, романтикъ, влюбленный въ историческое прошлое, какъ гр. Г. З. Орбеліани, послѣ ухода кн. Барятинскаго исполнявшій обязанности намѣстника Кавказа, оказался подъ сильнымъ вліяніемъ Пушкина и Лермонтова, переводилъ ихъ. Кн. М. Б Тумановъ зачитывался произведеніями русскихъ писателей, перевелъ многія произведенія Пушкина. Интересъ къ классическимъ твореніямъ русскихъ писателей 40—50-хъ годовъ имѣлъ о благотворивающее, гуманизирующее вліяніе на многихъ дѣятелей. Упомянутый М. Б. Тумановъ, какъ членъ комитета объ устройствѣ быта крестьянъ Закавказскаго края, Г. З. Орбеліани, какъ и. о. намѣстника Кавказа въ 1862 г., въ моментъ обсужденія дворянскими собраніями крестьянскаго вопроса, воспитанные на лучшихъ идеалахъ, или во всякомъ случаѣ не чуждые ихъ, не могли проявлять агрессивныхъ дѣйствій по отношенію къ надвигающимся событіямъ.

Грузинская литература 60-хъ годовъ, въ свою очередь, дѣлала большое культурное дѣло воспитанія грузинскаго общества. Первый грузинскій журналъ „Цискари“ („Заря“— 1852 г.) явился проводникомъ въ общественное самосознаніе гуманныхъ взглядовъ, проповѣдью человѣческаго отношенія къ крѣпостному люду. Комедіи Г. Эристова съ безпощаднымъ реализмомъ разоблачали язвы крѣпостного строя, съ поразительной художественной правдой онѣ обрисовывали старый помѣщичій бытъ и старались внѣдрять въ общественное самосознаніе болѣе человѣческіе взгляды на крѣпостного и его подневольную судьбу. Въ 1859 г. была напечатана „Сурамская крѣпость“ Д. Чонкадзе; это произведеніе особенно цѣнно тѣмъ, что авторъ первый выступилъ съ протестомъ противъ произвола грузинскихъ помѣщиковъ крѣпостниковъ. Разночинецъ—авторъ знакомъ со всѣми тѣми ненормальными явленіями, которыя вытекали изъ отношеній полноправнаго господина помѣщика къ безправному крестьянину рабу; авторъ полонъ негодованія и со страстью, съ жаромъ беретъ подъ защиту личность и собственность крѣпостного. Пламенная любовь къ крестьянину, сочувственное отношеніе къ его долѣ подкупаетъ читателя, и въ грузинскомъ общественномъ самосознаніи эта повѣсть играетъ такую же роль, какъ „Записки Охот-

ника“ Тургенева въ исторіи русской общественной жизни [1]).

Такимъ образомъ, 60-е годы въ грузинской общественной жизни характеризуются исключительнымъ подъемомъ мысли и интенсивностью общественнаго настроенія; причиной подобнаго явленія послужило, съ одной стороны, настроеніе кануна великихъ реформъ въ Россіи, съ другой—достаточно опредѣлившееся культурное самосознаніе грузинскаго общества, что особенно типично характиризуется появленіемъ на общественной аренѣ „новаго человѣка“, разночинца, демократа по убѣжденію. Съ этой поры общественная жизнь вступаетъ въ новую фазу своего развитія; лицомъ къ лицу становятся, съ одной стороны, землевладѣлецъ-помѣщикъ, съ другой—разночинецъ, въ большинствѣ пролетарій, но вооруженный знаніемъ, проникнутый любовью и стремленіемъ къ нему. При такихъ перемѣнахъ выступаетъ на очередь крестьянская реформа въ Закавказскомъ краѣ. Грузинскіе помѣщики были подготовлены къ ней, на ихъ глазахъ совершилась реформа во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, съ лихорадочнымъ вниманіемъ они слѣдили за всѣми фазами развитія реформы тамъ; ни одинъ почти членъ грузинскаго дворянства не отстаивалъ крѣпостного права. Такой либерализмъ обусловливается не степенью бо́льшей умственной зрѣлости грузинскаго дворянства, не исключительнымъ пониманіемъ общественныхъ интересовъ и политическаго момента, какъ думаютъ нѣкоторые, а просто сознаніемъ неизбѣжности реформы и безполезности какого бы то ни было противодѣйствія; а потому дворянству приходилось отстаивать, елико возможно, свои помѣщичьи интересы, вопреки интересамъ крестьянства, что они успѣли почти сдѣлать. Къ изслѣдованію этого послѣдняго вопроса мы и перейдемъ.

Проекты улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисской губерніи, мнѣнія, предположенія отдѣльныхъ представителей дворянства очень мало разнятся между собою въ основныхъ положеніяхъ, различія можно отмѣчать только

---

[1]) А. Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности, в. 4; Литература XIX в. М. 1907 г.

въ детализаціи вопросовъ обсуждаемой реформы. Никто изъ дворянъ Тифлисской губерніи не пытался отстаивать сохраненія крѣпостного права, они согласны были съ тѣмъ, что „наступила та пора, въ которую было бы столько же неестественно утверждать крѣпостное право, сколько и безполезно вдаваться въ излишніе по этому предмету разсчеты и предположенія". Но дворянство предлагаетъ въ разрѣшеніи столь сложныхъ вопросовъ не спѣшить и не предаваться иллюзіямъ, а „приступить съ глубокою обдуманностью къ дѣлу развитія идеи улучшенія быта крѣпостного сословія". Помѣщикъ Тифлисскаго уѣзда, помощникъ начальника Кабардинскаго округа, Т. Г. Баратовъ предостерегаетъ дворянъ отъ скороспѣлыхъ рѣшеній; „великіе вопросы возбуждаютъ", обращается онъ къ дворянамъ, „всегда большія и разнообразныя пренія". „Если же среди грузинскаго дворянства есть въ нѣкоторыхъ благонамѣренныя увлеченія приступить теперь же (писано 15-го сентября 1861 г.) къ дѣлу освобожденія крѣпостныхъ людей безъ постепенностей и предварительныхъ подготовленій обоихъ сословій, то сколько это увлеченіе благонамѣренно, столько же ошибочно и вредно, а для доказательства можно прибѣгнуть къ безсмертному творенію отца юридическихъ наукъ Монтескью" [1]) и современному состоянію помѣщиковъ Россіи. „Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ" всѣми помѣщиками, понималось какъ освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти, но всѣ, и оффиціальныя лица, и въ дворянскихъ собраніяхъ, предпочитали пользоваться этимъ выраженіемъ. На первыхъ же уѣздныхъ собраніяхъ, съ первыхъ же словъ, заговорили объ условіяхъ освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщичьей. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ полагали, что для большинства дворянъ правильное разрѣшеніе „фундаментальнаго и сложнаго" крестьянскаго вопроса не по силамъ, потому что для обсужденія „гуманно" этого вопроса необходимъ „правильный запасъ умственнаго развитія—

[1]) О духѣ законовъ, пер. подъ редакціей А. Горнфельда, со вступит. ст. М. Ковалевскаго, кн. XV—Объ отношеніи законовъ гражданскаго рабства къ природѣ климата, гл. 18—Объ освобожденіи рабовъ, стр. 253.

развитіе европейское и знаніе историческаго переворота этого дѣла въ Европѣ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ основаніемъ европейское начало, а не противоположное азіатское рабство"; такъ какъ дворянство самостоятельно не можетъ рѣшить вопроса и благія намѣренія подготовленнаго меньшинства дворянства будутъ подавлены численностью большинства, то правительственными мѣрами должно дать дѣлу дѣйствительное направленіе, назначить людей извѣстныхъ правительству изъ „грузинскихъ чиновниковъ хорошо знающихъ край, отнюдь не допуская общаго начала выбора со стороны большинства всего дворянства". (Записка о крестьянскомъ вопросѣ для Тифлисской губ. кн. Заала Чавчавадзе, 27-го іюня 1863 г.). Сознавая неизбѣжность реформы, дворянство мобилизуетъ силы для того, чтобы сохранить послѣ реформы возможно больше выгодъ и правъ для себя. Высочайшая воля, объявленная намѣстнику кн. Барятинскому, подчеркивала, что Закавказская крестьянская реформа должна была совершиться на началахъ, положенныхъ въ основаніе закона 19-го февраля, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что не слѣдуетъ упускать изъ виду чисто мѣстныхъ условій, созданныхъ своеобразными причинами географическими и историческими. Тифлисское дворянство, обсуждая условія грядущей реформы, въ первую очередь выдвинуло мѣстныя условія жизни, опираясь на каковыя, оно пыталось отстаивать личное освобожденіе крестьянъ безъ земли. Оно старается доказать неприложимость и непріемлемость тѣхъ условій, какія были приняты при крестьянской реформѣ въ Россіи. Дворянство выдвигаетъ два сильныхъ, по его мнѣнію, аргумента. Прежде всего отстаивается то положеніе, что „по исторіи (грузинской) крѣпостное право было такой необходимостью, что безъ тѣсной связи (между помѣщикомъ и крестьяниномъ) едва-ли Грузія могла дожить до настоящаго". Горійское уѣздное дворянство также находитъ, что русскія условія улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ не могутъ быть примѣнены къ улучшенію быта крестьянъ грузинскихъ, „потому что права наши и на крестьянъ (грузинскихъ), географическое положеніе нашего края, наши обычаи и обоюдныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ нисколько не подходятъ къ Россіи". Отстаи-

вая самобытность возникновенія крѣпостного права, базируя на этомъ своеобразіе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ и характеризуя это отношеніе какъ „тѣсную зависимость“ на „братскихъ“ основаніяхъ и доказывая, наконецъ, что только крѣпостное право способствовало сохраненію силы и мощи государства, Тифлисское дворянство нѣсколько видоизмѣнило историческую картину, это было „ихъ“ представленіе; на самомъ дѣлѣ крѣпостное право грузинское развивалось изъ тѣхъ же экономическихъ и правовыхъ нормъ, какія формировали этотъ институтъ въ другихъ государствахъ; если можно говорить о своеобразіи условій въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, то оно выражалось въ характерѣ повинностей и податей крестьянскихъ, но общій духъ института отъ этого нисколько не мѣнялся.

Если грузинское дворянство энергично отстаивало безземельное освобожденіе крестьянъ, а за дарованіе личной свободы требовало денежнаго вознагражденія, какъ компенсанціи за потерю дарового труда, то въ доказательство основательности своихъ притязаній оно ссылалось на историческія свои заслуги въ прошломъ, въ эпоху самостоятельнаго существованія грузинскаго государства, и въ настоящемъ, въ эпоху ворворенія русской власти на Кавказѣ. Этотъ второй аргументъ представлялся особенно сильнымъ Тифлисскому дворянству, а потому во всѣхъ земскихъ проектахъ и предположеніяхъ встрѣчаемъ это утвержденіе, высказываемое съ паѳосомъ, что̀ мало гармонируетъ съ дѣловымъ, сухимъ тономъ остальныхъ частей записокъ и проектовъ. На губернскомъ съѣздѣ дворянства въ 1863 г. Д. И. Кипіани въ рѣчи обращенной къ дворянству, мѣтко выразилъ чувства и мысли дворянъ, назвалъ ихъ „первенцами Грузіи, наслѣдовавшими добродѣтели временъ героическихъ, питающими чувства виновъ-рыцарей“. „Грузинское дворянство“, читаемъ въ мнѣніи Горійскаго дворянства, „пріобрѣло свои права на крестьянъ одними только заслугами;... дворянство—эти рыцари креста Христова—сохранили отечество и вѣру отъ IV в. до XVIII в.“. „Нѣтъ ни одной фамиліи изъ насъ, которая бы не гордилась, что предокъ ея мученическою кровію спасалъ отечество и религію. Религія и отечество были девизомъ грузинскаго дво-

рянства. Вотъ какими пожертвованіями пріобрѣли предки наши крестьянъ. Крестьяне не роптали на это, многіе сами закабаливали себя дворянамъ и сами гордятся этимъ и теперь съ гордостью произносятъ: „я не какой нибудь“, безъ патрона, я принадлежу „такому-то“. Дворянство „защитою элементовъ народности было исключительно грузинскимъ“, заявляетъ Т. Г. Баратовъ; „военная слава и духъ его на защиту чести отечества проявились въ полномъ блескѣ и и въ послѣднюю войну нашу съ западными державами“. „Пока это дворянство, энергіи и самостоятельности котораго обязано крѣпостное сословіе Грузіи сохраненіемъ своей народности и даже существованія, не будетъ поставлено въ улучшенный бытъ, нѣтъ причинъ думать, чтобы правительство Императора отбирало у него крѣпостныхъ людей теперь же и безвозмездно“.

Дворянство Тифлисской губ. вполнѣ правильно оцѣнивало тотъ переворотъ во всемъ общественномъ и хозяйственномъ строѣ, который естественно вытекалъ изъ реформы. Правда, новыя отношенія, вызванныя реформой во внутреннихъ губерніяхъ, еще не достаточно рельефно опредѣлились, но сущность перемѣнъ довольно отчетливо уже вырисовывалась, чего не могли не замѣтить дворяне Тифлисской губ., отсюда стремленія и домогательства ихъ къ сохраненію maximum'а изъ крѣпостного права. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права они теряли даровую рабочую силу, и такъ какъ большинство дворянства собственнымъ хозяйствомъ не занималось, а занимались имъ крестьяне, то для сохраненія равновѣсія и приспособленія къ новымъ обстоятельствамъ за дарованіе личной свободы требовали денежнаго вознагражденія. Если бы правительство вняло дворянскимъ желаніямъ, то въ Тифлисской губ. оказался бы большой классъ людей лично свободныхъ, но безземельныхъ; дворяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чувствовали невыгоды и даже опасность подобнаго обезземеленія крестьянства и потому предлагали перевести ихъ въ разрядъ вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ, пользуясь для подобной организаціи новаго сословія старымъ институтомъ хизанства; хизанами признавались водворившіеся на владѣльческихъ земляхъ крестьяне земледѣльцы, которые съ владѣльцами

земли не состояли въ срочныхъ договорныхъ отношеніяхъ. Не признавая правъ крестьянъ на землю и находя невозможнымъ изъ-за малозем елья надѣлять крестьянъ землею, дворяне грузинскіе охотно допускали, на основаніи добровольныхъ соглашеній съ крестьянами, установленіе такихъ отношеній, которыя болѣе всего соотвѣтствовали бы обстоятельствамъ мѣста и времени. Но это добровольное соглашеніе всецѣло зависѣло отъ помѣщиковъ, и крестьянинъ не могъ предъявлять особыхъ правъ къ нимъ, ибо устранялось всякое вмѣшательство власти. Дворянство готово было признать за крестьянами право собственности на движимое имущество, а также на тѣ земли, которыя были пріобрѣтены, съ согласія помѣщика, собственными усиліями крестьянъ на законныхъ основаніяхъ. Для того, чтобы точнѣе опредѣлить дворянскія стремленія и отношенія къ дворянскимъ проектамъ со стороны центральнаго комитета, мы полагаемъ небходимымъ разсмотрѣть важнѣйшія по содержанію заявленія и представленія дворянства.

Дворянство не хотѣло допускать, чтобы крестьянская реформа сразу внесла переворотъ въ установившійся общественный и хозяйственный строй. „*Улучшеніе быта крѣпостного сословія не есть освобожденіе отъ власти помѣщика, но, конечно, оно должно быть преддверіемъ великаго прогресса нашей общественной жизни и осуществленіемъ въ будущемъ высокой идеи христіанскаго человѣколюбія, однако все же воля эта есть подготовленіе народа къ будущему общественному благоденствію, а не крутой переворотъ системы взаимныхъ соотношеній разныхъ сословій народа, системы, освященной вѣками*“. Но дѣйствительность скоро разочаровала Тифлисское дворянство, ему сразу пришлось говорить объ условіяхъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и, такимъ образомъ, положить начало именно „крутому перевороту“. Единичныя попытки отстоять переходныя формы, т. е. попытки сохранить на нѣкоторое время старыя отношенія и постепенно подготовлять „переворотъ“, не нашли сочувствія въ большинствѣ дворянства, и послѣднее приступаетъ къ разсмотрѣнію и выясненію условій освобожденія крестьянъ.

Изъ проектовъ и записокъ, поданныхъ отдѣльными ли-

цами, особеннаго вниманія заслуживаютъ два мнѣнія: ген.-лейт. Ивана Багратіона-Мухранскаго, поданное имъ 20-го августа 1861 г., и секретаря Тифлисскаго дворянства кол. секр. кн. Магалова, 20-го апрѣля 1861 г. Оба автора чрезвычайно внимательно отнеслись къ своей задачѣ и представили обстоятельный проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Проекты эти свидѣтельствуютъ, что авторы знакомы были очень хорошо съ вопросомъ, о которомъ говорили. Всѣ проекты отдѣльныхъ дворянскихъ представителей можно разбить на двѣ группы. Авторы одной группы проектовъ—ихъ много—отстаиваютъ личное безземельное освобожденіе крестьянъ, съ вознагражденіемъ за счетъ правительства помѣщиковъ за потерю послѣдними личнаго крестьянскаго труда. Въ этомъ случаѣ они сходятся съ мнѣніями уѣзднаго дворянства въ цѣломъ. Въ названной группѣ проектовъ и заявленій выдѣляются двѣ записки, въ которыхъ, правда, отстаивается безземельное освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ всего движимаго благопріобрѣтеннаго имущества въ непосредственное пользованіе и распоряженіе, но умалчивается совершенно о вознагражденіи помѣщиковъ за утерянныя личныя услуги крестьянъ. Предлагая крестьянамъ личную свободу, дворяне не сгоняютъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, а предоставляютъ себѣ право устраивать жизнь крестьянъ по добровольнымъ соглашеніямъ на почвѣ вѣчно-наслѣдственнаго арендаторства или на хизанскомъ правѣ. Совершенно особнякомъ стоятъ тѣ авторы проектовъ, которые предлагаютъ надѣленіе крестьянъ землею и не раздѣляютъ безземельнаго освобожденія.

Признавая вполнѣ своевременнымъ личное освобожденіе крестьянъ, ген.-лейт. И. Багратіонъ-Мухранскій проситъ вознагражденія за потерю крѣпостного труда, ибо крѣпостное право и обязательный трудъ крѣпостныхъ для всѣхъ безъ исключенія дворянъ „представляется въ хозяйственномъ быту помѣщиковъ такимъ орудіемъ, замѣна коего сопряжена съ большими пожертвованіями“. Безвозмездное пожертвованіе этого труда для дворянства обѣднѣвшаго, задолженность котораго приказу общественнаго призрѣнія равняется почти 2 милліонамъ руб., явится непосильнымъ и несправедливымъ бременемъ. Помѣщики признаютъ „священное уваженіе къ

труду дѣятелей", но изъ этого уваженія не вытекаетъ, что слѣдуетъ отнять у помѣщика „собственность-землю, гдѣ только виденъ трудъ крестьянина", потому что всѣ лучшія земли отдавались помѣщиками крестьянамъ „изъ любви выгодныхъ отношеній, а не изъ иного долга", слѣдовательно, и впредь „производство труда принадлежитъ крестьянину, а земля помѣщику". На основаніи такого положенія крестьянину предоставляется право переселяться со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ съ вѣдома губернскаго присутствія; на обязанности послѣдняго лежитъ наблюденіе за тѣмъ, гдѣ крестьянинъ будетъ селиться, уходя отъ помѣщика, а также надзоръ за тѣмъ, чтобы крестьянинъ выполнялъ аккуратно свои обязанности и передъ правительствомъ. Крестьянамъ не возбраняется оставаться и дальше на земляхъ помѣщиковъ, но въ такомъ случаѣ они подчиняются правиламъ, выработаннымъ для подобныхъ явленій. Крестьяне, живущіе на владѣльческой землѣ, называются наслѣдственными арендаторами, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что такой крестьянинъ имѣетъ право всегда уйти отъ помѣщика съ движимымъ своимъ имуществомъ и можетъ „продать любому производство труда, сохранивъ для землевладѣльца повинность". Такой крестьянинъ арендаторъ надѣляется землей со стороны помѣщика; изъ всей наличности земли помѣщикъ отмежевываетъ себѣ половину, приступаетъ къ дѣлежу остальной части на участки подъ названіемъ: литра, сами-чареки (2/3 л.) нахевари-литра (1/2 л.), чареки (1/3 л.); величина каждаго изъ нихъ опредѣляется „мѣстными обстоятельствами, соображаясь съ потребностями крестьянъ каждаго изъ названныхъ разрядовъ, для содержанія себя и семейства и для выполненія повинностей землевладѣльцу и правительству". Крестьянину предоставляется право увеличивать или уменьшать размѣры полученныхъ надѣловъ; но если количество земли недостаточно для такого надѣла, крестьянинъ можетъ переселиться, и, съ согласія мирового посредника, поселиться на казенной землѣ или приписаться къ городамъ. За земли, полученныя въ надѣлъ, за „сахлъ-кари", т. е. усадебныя земли, виноградные сады, крестьянинъ отбываетъ натуральныя повинности, работаетъ на помѣщика или платитъ оброкъ деньгами или произведеніями земли; размѣръ повин-

ностей крестьянскихъ для обоюднаго удобства опредѣлить разъ навсегда частью произведеній земли, прекративъ натуральныя повинности, барщину и денежный оброкъ. Земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, даже дворъ крестьянина, со всѣми хозяйственными строеніями, землевладѣлецъ всегда можетъ отобрать у крестьянина, если докажетъ мировому посреднику „необходимость той земли для окруженія фигуръ своей дачи, необходимой для экономическаго устройства полеводства и садоводства“; власть помѣщика не простирается, конечно, на земли по купчимъ крѣпостямъ, пріобрѣтенныя отъ постороннихъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу имѣнія помѣщика. Въ обмѣнъ на отобранные участки помѣщикъ долженъ дать другой участокъ такой же величины и качества, но если у помѣщика не окажется такого участка или крестьянинъ не пожелаетъ принять предлагаемую землю, то мировой посредникъ назначаетъ крестьянину срокъ для переселенія. Неисправный плательщикъ крестьянинъ лишается отведеннаго надѣла; если мировой посредникъ удостовѣритъ, что крестьянинъ не въ состояніи платить недоимокъ съ имущества, то въ такомъ случаѣ все его движимое имущество, строеніе и др. цѣнности подлежатъ продажѣ,—„эта мѣра одна только и спасительна для обузданія лѣнивыхъ и негодныхъ поселянъ“.

Ни одно изъ уѣздныхъ дворянствъ въ своихъ предположеніяхъ и проектахъ не касалось общественнаго устройства будущаго свободнаго сословія; только въ проектѣ кн. Багратіона-Мухранскаго этотъ вопросъ подвергнутъ болѣе внимательному разсмотрѣнію. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірскую расправу проектъ предоставляетъ мірскимъ, составленнымъ изъ крестьянъ, судамъ, подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ, назначенныхъ правительствомъ, „а лучше было бы дворянствомъ“. Міру крестьянскому проектируется предоставленіе права избранія адвоката изъ землевладѣльцевъ для защиты интересовъ крестьянъ. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ, для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между крестьянами и помѣщиками, должны быть, въ качествѣ первой инстанціи, мировые посредники, уѣздные съѣзды и губернскія присутствія, согласно постановленію положенія 19 фев-

раля „съ нѣкоторыми измѣненіями по примѣненію къ мѣстнымъ особенностямъ".

Такимъ образомъ, „за землевладѣльцемъ признаются въ отношеніи къ крестьянамъ только тѣ права, которыя прямо вытекаютъ изъ права собственности его на землю; кромѣ того, мировому посреднику-землевладѣльцу, какъ органу правительства, предоставляется вотчинное управленіе, и затѣмъ всякая, выходящая изъ сихъ предѣловъ, личная власть или произволъ землевладѣльца надъ крестьянами устраняется", „крестьянинъ же, пользуясь свободнымъ состояніемъ и гражданственностію, переходитъ свободно изъ одного мѣста въ другое. Кромѣ того, черезъ наслѣдственное арендаторство, получаютъ прочную осѣдлость, надежныя средства къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей".

Проектъ ген.-лейт. Багратіона-Мухранскаго защищаетъ исключительно дворянскіе интересы и представляетъ значительный шагъ назадъ; не говоря о томъ, что проектъ обезземеливаетъ массу крестьянства, онъ въ общемъ ухудшаетъ положеніе крестьянства, и реформаторскихъ идей въ немъ очень мало.

Предлагая личную свободу крестьянамъ, взамѣнъ проектъ ничего не даетъ, ибо условія, на которыхъ крестьянинъ поселялся на землѣ помѣщика, обезпечивали дворянскіе интересы, предѣлы которыхъ совершенно не очерчены, но такъ какъ весь распорядокъ жизни крестьянина былъ поставленъ подъ контроль мирового посредника-дворянина, то естественно, что для крестьянина создавалось безвыходное и безправное положеніе. На сторонѣ помѣщика все, а на сторонѣ крестьянина почти ничего; такимъ образомъ, проектъ идетъ въ разрѣзъ съ основными положеніями закона 19 февраля, который прежде всего старался создать изъ крестьянъ землевладѣльческое сословіе. Цѣнной въ проектѣ является попытка подведенія безконечнаго разнообразія барщинныхъ, натуральныхъ и другихъ повинностей подъ одинъ знаменатель и переложенія ихъ на повинность однообразную, произведеніями земли. Послѣднее представляется намъ особенно важнымъ, ибо переводъ натуральныхъ повинностей на денежный оброкъ явился бы непосильно тяжелымъ. При крайне примитивномъ сельско-хозяйственномъ

строѣ, при абсолютномъ почти отсутствіи рынка, денежная реализація произведеній земли была бы невозможной.

Мнѣніе секретаря Тифлисскаго губернскаго дворянства, поданное 20-го апрѣля 1862 г., сравнительно съ разсмотрѣннымъ выше проектомъ, представляетъ бо́льшій интересъ, не мотивировкой сужденій, не особенной аргументаціей, а систематической разработкой тѣхъ положеній, на основѣ которыхъ будущее свободное крестьянство должно было устроиться. Если авторы другихъ проектовъ мало вникали въ условія устройства будущихъ свободныхъ крестьянъ, то этотъ пробѣлъ возстановляется проектомъ кн. Магалова.

Вся реформа автору проекта представляется, какъ ограниченіе помѣщичьей власти „опредѣлительною обязанностью, уточненіемъ которой между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, т. е. прежнимъ помѣщикомъ, можно дать крестьянину возможность, чтобы онъ зналъ погодичную свою обязательную работу, исполнялъ бы оную“, а землевладѣлецъ, „предупрежденный опредѣлительнымъ исполненіемъ обязанностей перваго, будетъ пребывать въ извѣстныхъ предѣлахъ власти“. Такое юридическое разграниченіе правъ и обязанностей помѣщика и крестьянина являлось безусловно необходимымъ, но опять-таки при этомъ разграниченіи больше отмежевывалось помѣщику, чѣмъ крестьянину. Кн. Магаловъ въ своемъ проектѣ улучшенія быта крестьянъ выдѣляетъ разные разряды крестьянъ, не смѣшиваетъ ихъ и старается опредѣлить будущее юридическое положеніе каждаго изъ этихъ разрядовъ. Онъ различаетъ крестьянъ, живущихъ на землѣ своего помѣщика-господина, и крестьянъ одного помѣщика, живущихъ на земляхъ другихъ землевладѣльцевъ, и, сообразно съ этимъ, выводитъ юридическія обязательства и повинности тѣхъ и другихъ. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманія въ проектѣ кн. Магалова, такъ это попытка разрѣшенія условій освобожденія отъ крѣпостной зависимости дворовыхъ людей, интересы которыхъ совершенно игнорировались авторами другихъ мнѣній и проектовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ домашней прислуги могутъ быть освобождаемы отъ зависимости помѣщичьей м. п. 35 л. и ж. п. 25 л. и болѣе; такая прислуга можетъ жить у помѣщика, если

такое условіе будетъ заключено съ помѣщикомъ, или избирать родъ жизни по своему усмотрѣнію. Вдовы и сироты поселянъ могутъ поступать въ качествѣ домашней прислуги къ землевладѣльцамъ, съ оставленіемъ земли и хозяйственныхъ обзаведеній въ распоряженіи владѣльца, съ обязательствомъ уплачивать ежегодно казенную подать до причисленія ихъ къ какому-нибудь сословію или ремеслу; или такія вдовы и сироты могутъ отправляться по билетамъ въ ближайшіе города на заработки или для обученія ремеслу, но съ условіемъ уплачивать съ мѣста своего нахожденія казенныя подати и повинности владѣльцу. Тѣ изъ нихъ, которые поступятъ въ услуженіе къ своему же землевладѣльцу, обязаны послужить м. п. съ 20 л., а „лѣта женскаго не опредѣляются“, „честно и усердно“, первые 15 л., вторыя 10 л. Съ истеченіемъ положеннаго срока такая прислуга становится „совершенно свободной отъ владѣльческихъ распоряженій“, „съ тѣмъ, что, если обоюдно пожелаютъ, они могутъ оставаться при своихъ занятіяхъ за условленную плату до общаго желанія“. Если дворовые пожелаютъ поселиться на землѣ своего господина, то могутъ вступать въ письменное соглашеніе по данному предмету.

Въ дореформенное время́ грузинскіе помѣщики имѣли право продавать, дарить, закладывать своихъ крестьянъ. Но это право помѣщиковъ было подчинено узаконеніямъ, существовавшимъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Не смотря на широкое право распоряженія личностью крестьянина, грузинскіе помѣщики пользовались имъ изъ хозяйственныхъ соображеній въ малой степени, ибо крестьянина, какъ рабочую силу, лучше, выгоднѣе было держать при себѣ, чѣмъ продавать. Однако, фактически помѣщику принадлежало право распоряженія личностью крестьянина. Кн. Магаловъ, уступая настроенію времени и не отказываясь отъ права пользованія властью надъ личностью крестьянина, пытается это право оформить должнымъ образомъ и поставить въ надлежащія юридическія рамки; право продажи, даренія, заклада крестьянъ должно быть ограничено „*лишь* тѣмъ, что владѣлецъ поселянина можетъ передать другому лицу только свое обязательное пользованіе, и то имѣющему на то право лицу по законнымъ актамъ цѣлыми

селеніями или подымно", а равно помѣщику предоставляется право закладывать крестьянъ въ банкахъ по существующимъ правиламъ.

Естественно, что при осуществленіи подобнаго положенія въ крестьянской реформѣ едва ли крестьянинъ что либо выигралъ бы, наоборотъ, крестьянинъ пользовался бы слишкомъ проблематично свободой, и новыя начала жизни еще болѣе связали бы личность крестьянина сравнительно съ прежнимъ, ибо новое положеніе предусматриваетъ строго юридическія основанія будущаго правопорядка, взамѣнъ неопредѣлительнаго дореформеннаго права; личность крестьянина прикрѣплялась къ землѣ, а черезъ послѣднюю къ землевладѣльцу. Ясно, что это предложеніе проекта кн. Магалова не могло мириться съ основными началами положенія 19-го февраля о личной свободѣ крестьянина.

Въ проектахъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній и частныхъ лицъ, въ которыхъ отстаивается безземельное освобожденіе крестьянъ, оговаривается, однако, что помѣщики готовы надѣлять крестьянъ землей, но только по добровольнымъ соглашеніямъ съ ними и вносятъ это положеніе, какъ обязательство для себя. Проектъ кн. Магалова, несмотря на всѣ свои чисто дворянскія, сословныя стремленія, обстоятельно касается „права крестьянъ на домовое мѣсто и прочее хозяйственное обзаведеніе, у него нынѣ имѣющееся или могущее отъ землевладѣльца вновь пріобрѣсти". Такъ какъ поселяне должны отбывать въ пользу помѣщика повинности, то крестьяне „должны имѣть отъ своего землевладѣльца возможно достаточное пространство земли для своего хозяйственнаго обзаведенія по сельскому положенію", но если поселянинъ „освободитъ себя съ семействомъ до срока даже отъ обязательныхъ работъ землевладѣльца и пожелаетъ переселиться съ своего мѣста жительства, то долженъ оставить все свое недвижимое обзаведеніе въ распоряженіе землевладѣльца безвозмездно". Полнымъ хозяиномъ надѣльной крестьянской земли считается, конечно, помѣщикъ, но крестьяне могутъ владѣть, на правѣ неограниченной собственности, недвижимымъ имуществомъ, благопріобрѣтеннымъ законными актами, а равно они могутъ пріобрѣтать всякаго рода недвижимую собственность отъ своего

господина землевладѣльца или отъ постороннихъ лицъ, не испрашивая на то никакого ни отъ кого разрѣшенія.

Въ заключеніе проектъ кн. Магалова касается организаціи сельской расправы. Сельская расправа проектируется въ селеніяхъ многолюдныхъ, заключающихъ 100 и болѣе дворовъ. Въ сельскую расправу назначаются или избираются (авторъ проекта не различаетъ сущности этихъ двухъ моментовъ: назначенія и выбора) два опытныхъ лица, живущія въ тѣхъ селеніяхъ, которыя составляютъ одну сельскую расправу, землевладѣлецъ, приходскій священникъ, не менѣе 6 поселянъ-старожиловъ, старшина, 2 распорядителя, 1 писецъ. На обязанности сельской расправы лежало выполненіе всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, разсмотрѣніе претензій и жалобъ землевладѣльцевъ, кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій или высшихъ по имѣнію взысканій денежныхъ; о дѣлахъ подобныхъ категорій сельская расправа доводитъ до свѣдѣнія ближайшихъ полицейскихъ властей; сельская расправа разрѣшаетъ денежныя претензіи до извѣстныхъ предѣловъ и маловажныя уголовныя преступленія, даже разрѣшаетъ маловажные споры землевладѣльцевъ между собою; сельская же расправа наблюдаетъ за сельскими дорогами, мостами, постройками, спокойствіемъ, развитіемъ полезныхъ и необходимыхъ изобрѣтеній, устанавливаетъ цѣны „подъ наблюденіемъ полицейскихъ властей на всѣ жизненныя необходимости“, наблюдаетъ за училищами, устраиваетъ училища съ „доброжелательными преподавателями“, чтобы дворянскія и крестьянскія дѣти „съ малыхъ лѣтъ умѣли бы читать и писать на необходимыхъ языкахъ“.

Проектъ кн. Магалова отличается во многомъ отъ разсмотрѣнныхъ выше проектовъ. Что касается основного взгляда на предметъ, то и кн. Магаловъ подчеркиваетъ, съ одной стороны, историческую роль грузинскаго дворянства, съ другой—крайнюю его задолженность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявляетъ полнѣйшимъ хозяиномъ земли помѣщика, но полагаетъ, что и крестьянинъ имѣетъ историческое право на землю, т. е. право пользованія землей; но такъ какъ передача права пользованія крестьянину всецѣло вытекаетъ изъ права принадлежности земли помѣщику, то вся реформа улучшенія

быта помѣщичьихъ крестьянъ и представляется автору проекта, какъ дѣятельность „по постепенности“. Начальнымъ моментомъ этой реформы будетъ лишь „уточненіе“ взаимоотношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ на почвѣ строго опредѣленнаго порядка и формъ отбыванія повинностей послѣднимъ въ пользу перваго, слѣдовательно, проектируется положеніе, нѣсколько сходное съ институтомъ временно-обязанныхъ крестьянъ, съ той существенной разницей, что не опредѣляется конечный моментъ этого „постепеннаго“ проведенія реформы. При осуществленіи крестьянской реформы на основѣ проекта кн. Магалова едва ли измѣнилось бы положеніе крестьянъ, сравнительно съ эпохой крѣпостного права; теперь перемѣна сказалась бы лишь въ болѣе опредѣлительныхъ, юридически оформленныхъ, отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ и осталась бы старая экономическая зависимость крестьянина отъ помѣщика. Проектъ кн. Магалова признаетъ крестьянина личностью „свободной въ семейномъ своемъ быту“, но эта свобода аннулировалась крѣпкой экономической зависимостью крестьянина отъ помѣщика, избавиться отъ которой онъ никакъ не могъ, развѣ только полнѣйшимъ обезземеленіемъ, формой еще болѣе худшей, чѣмъ экономическая порабощенность. Что же касается организаціи сельской расправы, то едва ли она могла внести опредѣлительность въ сельское общежитіе, когда она состояла изъ разнокалиберныхъ общественныхъ элементовъ, къ тому же не въ одинаковыхъ размѣрахъ представленныхъ и съ чрезвычайно многообразнымъ и пестрымъ кругомъ вѣдомства, что вело, конечно, къ неодинаковой освѣдомленности и продуктивности въ повседневной дѣятельности. Переводъ крестьянъ въ разрядъ временно-обязанныхъ представлялся многимъ изъ помѣщиковъ радикальнымъ средствомъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ; однако, по минованіи срока временной обязанности, крестьяне не надѣлялись землями, имъ предоставлялось только вступать въ добровольныя соглашенія съ помѣщиками на счетъ права пользованія помѣщичьими землями. Въ одномъ изъ дворянскихъ мнѣній, ген.-маіора М. Ѳ. Джамбакуръ-Орбеліани, предлагалось съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости обязать ихъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ оставаться въ

прежнемъ положеніи, дореформеннаго періода, на мѣстахъ своего жительства и предоставить въ этотъ срокъ крестьянамъ заключать съ помѣщиками условія относительно будущаго отбыванія повинностей за пользованіе землями, садами, угодьями, съ опредѣленіемъ соотвѣтствующаго срока. Если уже крестьяне по прошествіи двухъ лѣтъ предпочтутъ переселеніе на другія земли, то помѣщикъ не имѣетъ права возбранять имъ такового, но дома ихъ и прочія хозяйственныя обзаведенія должны оставаться за помѣщиками безъ всякаго за оныя вознагражденія; такое переселеніе, конечно, въ конецъ разоряло крестьянина, лишая его того, что было имъ пріобрѣтено трудами рукъ своихъ. Такую форму личнаго освобожденія крестьянъ предполагали далеко не многіе; наоборотъ, большинство помѣщиковъ не оспаривало правъ крестьянъ на движимое имущество, ибо „все, что устроено на землѣ (помѣщика) крестьяниномъ для себя, какъ и все движимое имущество, принадлежитъ ему по всей истинной и неоспоримой справедливости“; нѣкоторые изъ помѣщиковъ, не раздѣляя ни той, ни другой точки зрѣнія на принадлежность крестьянамъ недвижимаго имущества, старались занять среднее положеніе между двумя крайними взглядами: „такъ какъ все достояніе трудовъ крѣпостного человѣка, заявляетъ Т. Г. Баратовъ, было неотъемлемою собственностью его господина, то дать крѣпостнымъ людямъ опредѣлительно изъ благопріобрѣтеннаго ими часть для пріобрѣтенія собственнаго независимаго богатства“.

Такое разнообразіе сужденій по одному и тому же предмету и противорѣчивыя утвержденія не были слѣдствіемъ умышленнаго искаженія фактовъ дѣйствительности, а вытекали изъ неопредѣленности нормъ крѣпостного владѣнія, которыя зависѣли отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ и разнообразились въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Намъ остается разсмотрѣть проекты, въ которыхъ предлагалось освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ землей на правѣ выкупа. Кн. Т. Г. Баратовъ находитъ допустимымъ выкупъ помѣщичьей земли „за опредѣленную уже предварительно сумму, только изъ одной четверти всего поземельнаго владѣнія своего господина“, но это право только тогда

могло быть предоставлено крестьянамъ, когда межеваніе опредѣлило бы границы и права владѣній помѣщиковъ. Изъ проекта, однако, не видно, что̀ въ точности заключалъ въ себѣ этотъ выкупъ, и на какихъ условіяхъ онъ оказался бы пріемлемымъ для крестьянъ. Обстоятельная записка объ условіяхъ выкупа помѣщичьими крестьянами Тифлисской губ. надѣльныхъ земель была разработана кн. Заалomъ Чавчавадзе (27-го іюня 1863 г.). Это единственный трудъ, принадлежащій помѣщику Тифлисской губ., по крайней мѣрѣ, изъ извѣстныхъ намъ, гдѣ находимъ посильное, весьма дѣльное разрѣшеніе вопроса. Дворянство, по мнѣнію автора записки, не дошло до самостоятельнаго разрѣшенія вопроса объ условіяхъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и не въ силахъ окончить реформу безъ вмѣшательства и понужденія правительства. Само „дворянство смотрѣло и смотритъ на крестьянъ, какъ на производительное средство своего существованія, а отнюдь не допускаетъ съ своей стороны развитія своихъ же силъ для своего существованія, а потому рѣшить этотъ вопросъ добровольно, принося съ своей стороны извѣстную жертву для своихъ младшихъ братьевъ — крестьянъ, ожидать нельзя отъ большинства дворянъ“. Обязанность дворянъ, безусловныхъ собственниковъ земли, освободить крестьянъ, безъ вознагражденія за ихъ личную свободу. Все движимое имущество, находящееся въ рукахъ крестьянъ—ихъ собственность, и помѣщикъ не въ правѣ требовать вознагражденія за это, равно и за крестьянскіе дома, построенные самими крестьянами, собственными средствами, за исключеніемъ построекъ, полученныхъ готовыми отъ помѣщика, что уже подлежитъ выкупу. Что касается земель подъ домами и постройками, то таковыя, какъ собственность помѣщика, подлежатъ выкупу. Чтобы крестьянинъ не остался безъ собственности, помѣщики „со временемъ“ обязаны надѣлить ихъ землями въ размѣрѣ $2^1/_2$ дес. на дымъ; надѣлы эти должны быть выкупаемы крестьянами по цѣнамъ, установленнымъ уѣзднымъ комитетомъ; выкупаются на такомъ же основаніи и земли подъ домами. При вычисленіи выкупной цѣны уѣздные комитеты должны сообразоваться съ мѣстными условіями и не принимать однообразной цѣны. Для облегченія крестьянамъ

выкупа, сообразуясь съ правилами приказа общественнаго призрѣнія, требовать съ нихъ по стоимости земель 5% платежа съ основного капитала выкупной суммы въ годъ, 1% для погашенія долга въ срокъ, опредѣленный комитетомъ; или крестьяне должны платить по мѣстнымъ обычаямъ за однодневное паханіе (мѣстная мѣра, приравненная половинѣ десятины казенной мѣры) галу (часть урожая съ посѣвовъ) до тѣхъ поръ, пока выкупная сумма не будетъ выплачена. Подымное надѣленіе крестьянъ предлагается въ нѣкоторомъ пропорціональномъ соотношеніи: за надѣломъ крестьянъ по $2^1/_2$ дес., у помѣщика должна остаться $^1/_2$ всей надѣльной пахотной земли въ общей сложности крестьянскаго надѣла; при этомъ предполагается у помѣщика minimum количества земли, но если у помѣщика окажется болѣе половины надѣла всѣхъ крестьянъ, то съ нею помѣщикъ поступаетъ, какъ ему заблагоразсудится. Эта пропорція соблюдается въ каждой мѣстности, а не въ общей сложности помѣщичьяго владѣнія въ разныхъ мѣстахъ. Въ надѣльный фондъ не включаются земли подъ виноградными садами. Если за надѣленіемъ крестьянъ останутся еще крестьяне не надѣленные, за неимѣніемъ у помѣщика свободнаго для дальнѣйшаго распоряженія фонда, то въ такомъ случаѣ крестьянинъ получаетъ право переселенія на казенную или землю другого землевладѣльца; если у помѣщика окажутся земли внѣ района поселенія крестьянъ, то помѣщикъ, на указанномъ уже основаніи, надѣляетъ крестьянъ тѣми землями, если на то послѣдуетъ согласіе крестьянъ, въ противномъ случаѣ крестьяне переселяются. На помѣщика падаетъ обязанность выкупать всѣ постройки крестьянина, переселяющагося на другую землю, и по цѣнамъ, какія будутъ установлены для данныхъ случаевъ уѣздными комитетами. Сады, виноградники не попадаютъ въ общій надѣльный фондъ, какъ неприкосновенная собственность помѣщиковъ, но нельзя упускать изъ виду того, что на разведеніе садовъ затраченъ трудъ крестьянина, и сады въ хозяйствѣ ихъ являются не лишней экономической статьей, а потому лишеніе садовъ будетъ не вполнѣ справедливо; выходъ изъ положенія можетъ быть такой: сады остаются во владѣніи крестьянъ на 2 срока: на 7 или 9 лѣтъ; въ продолженіи этихъ сроковъ

пользованія крестьяне уплачиваютъ владѣльцу третью часть доходовъ съ виноградныхъ садовъ въ годъ, не принимая во вниманіе ни урожайнаго, ни неурожайнаго года, а средній доходъ съ сада; эта плата опять же устанавливается уѣзднымъ комитетомъ. Въ теченіе указаннаго срока крестьянинъ или выкупаетъ сады отъ помѣщика по добровольной цѣнѣ, или, по прошествіи срока пользованія, сады поступаютъ въ полную собственность помѣщиковъ. Что касается лѣса, необходимаго для сада, то до выкупа крестьянинъ пользуется имъ даромъ отъ помѣщика, послѣ выкупа—крестьяне покупаютъ лѣсъ. Помѣщикъ обязанъ дать крестьянину столько лѣса, сколько необходимо ему для домашняго обихода; это потребное на дѣло количество лѣса опредѣляется уѣзднымъ комитетомъ. Земли выгонныя, водопои, рѣки, дороги, озера и т. п. остаются въ общемъ пользованіи помѣщика съ крестьянами. Конечно, рыба ловится, мельницы строятся для собственныхъ потребностей крестьянина; но если съ цѣлями торговыми эксплуатируются рѣки и озера, то на это требуется соглашеніе съ помѣщикомъ.

Если послѣ смерти крестьянина останется выморочное имѣніе, то помѣщикъ предлагаетъ міру этотъ надѣлъ, съ обязательствомъ продолжать выкупъ, и только въ случаѣ отказа со стороны крестьянъ, надѣлъ поступаетъ въ полную собственность помѣщика. Если же въ имѣніяхъ окажутся вдовы безъ наслѣдниковъ, которымъ не полагается надѣла, и если онѣ пожелаютъ жить по прежнему въ своихъ домахъ, то помѣщикъ долженъ это допустить и даже обезпечить ихъ жизнь денежнымъ пособіемъ, опредѣленнымъ уѣзднымъ комитетомъ; въ случаѣ выхода вдовъ замужъ, онѣ теряютъ право на все. Авторъ проекта склоняется и старается убѣдить дворянъ, что въ интересахъ обоихъ сословій поскорѣе разрѣшить вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Существующій же порядокъ можетъ быть сохраненъ не болѣе, какъ на 3 года. Условія надѣленія крестьянъ по проекту кн. З. Чавчавадзе поставили бы въ затруднительное положеніе помѣщиковъ малоземельныхъ со многими крестьянами; малоземельные помѣщики потеряли бы большую часть крестьянъ, которые за поисками земли ушли бы отъ своего господина, поэтому автору проекта кажется справедливымъ,

если бы правительство вознаградило такихъ помѣщиковъ за потерю личной свободы крестьянъ; этотъ правительственный выкупъ слѣдовало бы выдавать помѣщику только за душу мужскаго пола, уходящую отъ помѣщика изъ-за малоземелья.

При этомъ правительство выплачиваетъ помѣщикамъ выкупную сумму деньгами и выкупныя деньги уплачиваются за дома и постройки крестьянъ, по оцѣнкѣ уѣздныхъ комитетовъ. Всѣ крестьяне, оставшіеся безъ надѣла, свыше 5 дымовъ, должны быть выкупаемы правительствомъ, т. е. правительство обязуется выкупать личную свободу этихъ крестьянъ, а до 5 дымовъ включительно должны быть отпускаемы помѣщикомъ безъ выкупа; въ эту категорію попадутъ и тѣ изъ крестьянъ, которые были куплены помѣщикомъ безъ земли и обращены въ дворовыхъ людей.

Въ разсмотрѣнномъ проектѣ кн. Заала Чавчавадзе мы находимъ очень важную принциціальную точку зрѣнія. Признавая безспорнымъ право помѣщиковъ на землю, онъ признаетъ въ то же время и право крестьянъ на землю, а такъ какъ большинство дворянъ Тифлисской губ. стояло за безземельное освобожденіе крестьянъ, то взглядъ автора разсматриваемаго проекта, разработаннаго весьма тщательно, заслуживаетъ большого вниманія. Правда, среди дворянъ Тифлисской губ. раздавались голоса, что крѣпостному сословію можно предоставить право покупки земли изъ четверти земельнаго владѣнія помѣщика, но такіе проекты были слишкомъ фантастичны, чтобы могли быть проведены въ жизнь. Проектъ З. Чавчавадзе ближе подходитъ къ дѣйствительно возможному рѣшенію вопроса. Уже одно то обстоятельство, что онъ отвергаетъ вознагражденіе помѣщиковъ за дарованіе личной свободы крестьянамъ вообще, выдвигаетъ автора изъ среды другихъ. Однако система выкупа, предложенная имъ, заранѣе была обречена на неудачу въ Тифлисской губ. Желаніе автора видѣть въ новомъ сословіи свободныхъ землевладѣльцевъ не могло осуществиться по той простой причинѣ, что крестьянское хозяйство въ массѣ своей едва ли могло собственными экономическими средствами выкупить землю за деньги, но предложенная имъ, вмѣсто денежнаго выкупа, плата галы, или работа на помѣщика, едва ли улучшила бы положеніе крестьянина. Единствен-

нымъ выходомъ могла явиться правительственная помощь, предусмотрѣнная положеніемъ 1861 г. Къ тому же $2^1/_2$ десятинный надѣлъ едва ли могъ обезпечить крестьянское хозяйство, и относительно возможности увеличенія такого надѣла авторъ ничего не говоритъ; не видно, равнымъ образомъ, основаній такого опредѣленія размѣра надѣла. Не лишено смысла и значенія, конечно, признаніе за уѣздными комитетами права регулированія отношеній между крестьянами и помѣщиками цѣнъ на земли и т. п., но неизвѣстно, изъ кого составлялись эти уѣздные комитеты.

Въ проектахъ дворянъ, запискахъ и мнѣніяхъ ихъ не разъ поднимался вопросъ объ устройствѣ поселеній будущихъ свободныхъ крестьянъ. Всѣ проекты, касающіеся этого дѣла, которые намъ пришлось видѣть, ограничиваются общими замѣчаніями, не вступая въ обсужденіе деталей предмета; но наиболѣе важныя по данному вопросу приведены уже были раньше. Если относительно сельскаго устройства крестьянъ въ дворянскихъ мнѣніяхъ имѣется мало данныхъ, то это объясняется тѣмъ, что вниманіе дворянъ было цѣликомъ поглощено земельнымъ вопросомъ, условіями вознагражденія ихъ за личную свободу крестьянъ, крестьянскими повинностями, и поэтому было обойдено почти молчаніемъ сельское устройство крестьянъ. Да оно и понятно, дворяне заинтересованы были установленіемъ болѣе выгодныхъ для себя нормъ въ наступающей реформѣ, будущая судьба крестьянъ выходила изъ сферы интересовъ дворянъ. Однако, тѣ изъ дворянъ, которые интересовались будущимъ общественнымъ устройствомъ крестьянъ, стремились къ такому строю, который предоставилъ бы имъ вотчинную власть, правда, немного смягченную, надъ крестьянами. Несмотря на это, нѣкоторые изъ помѣщиковъ высказывались въ пользу предоставленія общегражданскихъ правъ крестьянамъ и видѣли въ этомъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ Тифлисскій губернскій предводитель дворянства флигель адъютантъ кн. Ал. Орбеліани находилъ, что „первымъ и главнымъ“ пунктомъ реформы необходимо признать, чтобы „крестьянинъ вошелъ въ права гражданина, ибо никакое дѣло не можетъ быть законнымъ съ человѣкомъ, котораго права и обязанности не опредѣлены

и котораго можно считать какъ бы внѣ законовъ", второй пунктъ реформы „измѣненіе порядка управленія, устройство сельскаго управленія и гласнаго суда, которымъ народъ нашъ управлялся въ старину".

По проекту ген.-лейт. Багратіона-Мухранскаго, въ отношеніи отбыванія крестьянами повинностей, всю Грузію, въ виду разнообразія почвенныхъ условій, слѣдовало раздѣлить на 3 категоріи земель и угодій. Въ первую категорію вошли бы виноградные и другіе фруктовые сады, поливныя поля съ сѣнокосами, выгонами и лѣсомъ; во вторую—неполивные фруктовые сады, такія же пахатныя угодія съ сѣнокосами, выгономъ и лѣсомъ; въ третью—пашни въ горныхъ мѣстахъ, производящія только ячмень, пастбища и сѣнокосы. При опредѣленіи размѣра повинностей и работъ необходимо принимать во вниманіе, сколько и для чего нужно работать въ теченіе недѣли, а именно: крестьянинъ долженъ работать 3 дня для содержанія себя и семейства, 1 день для приращенія капитала своего, $^1/_2$ дня для исполненія правительственныхъ повинностей, $^1/_2$ дня для непредвидѣнныхъ нуждъ, а также на случай болѣзни; 1 день — помѣщику, 1 день „посвящать Богу и отдыху". Принимая дѣленіе Грузіи на категоріи, сообразно съ почвенными условіями и опредѣленіемъ количества и назначенія рабочихъ дней, каждый изъ владѣльческихъ крестьянъ обязывается платить помѣщику: кулухи $= ^1/_6$ урожая съ виноградныхъ садовъ, $^1/_{10}$ часть урожая съ другихъ фруктовыхъ садовъ и прочихъ предметовъ урожая; галу съ поливныхъ полей по 2 коды (кода $= 2$ п. 10 ф.) 1 кодѣ съ неполивныхъ полей, съ однодневнаго паханія ($= ^1/_2$ десят.); эти сборы взимаются съ половины крестьянской земли. Вездѣ при этомъ устанавливается однообразная мѣра.

Когда выше мы говорили о проектѣ ген.-лейт. Багратіона-Мухранскаго, то отмѣтили, что, въ случаѣ соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, послѣдніе надѣляются помѣщикомъ землями разныхъ размѣровъ; надѣлы измѣрялись мѣстными земельными мѣрами.

Вотъ съ этихъ размѣровъ надѣловъ, сообразно съ ихъ величинами, авторъ проекта исчисляетъ размѣръ работъ и прочихъ повинностей сверхъ названныхъ раньше. Съ селеній

первой категоріи крестьяне, получившіе надѣлъ земельный въ 1 литру, обязаны представить на барщинныя работы въ теченіе года разновременно 52 арбы съ погонщикомъ; арбы запрягаются 2 парами быковъ или парою быковъ и парою буйволовъ; распредѣленіе ихъ на работу предоставляется усмотрѣнію помѣщика; сверхъ этого дають 52 работниковъ въ годъ, 20 арбъ навоза безъ перевозки, 4 курицы или 2 индѣйки или 1 барана и на наемъ прислуги въ домъ помѣщика 8 руб. сер. Пользующіеся надѣломъ самичареки (=$^2/_3$ л.) представляютъ на барщину въ продолженіе года разновременно 39 арбъ съ погонщикомъ, 39 работниковъ въ годъ особо, 15 арбъ навоза безъ перевозки, 3 курицы и на немъ прислуги 6 р. с. Пользующіеся надѣломъ нахевари-литра ($^1/_2$ л.)—26 арбъ съ погонщиками, 26 работниковъ въ годъ, 10 арбъ навоза безъ перевозки, 2 курицы и на наемъ прислуги 4 руб. Надѣленные землей чареки ($^1/_4$ л.) обязаны дать помѣщику 13 арбъ съ погонщиками, 13 работниковъ сверхъ этого въ годъ, 5 арбъ навоза безъ перевозки, 1 курицу и на наемъ прислуги 2 рубля. Если изъ послѣдней категоріи крестьяне не будутъ имѣть скота, то взамѣнъ работы скота каждый изъ членовъ такого семейства, способный къ полевымъ и садовымъ работамъ, долженъ работать по одному дню въ недѣлю, платить помѣщику по 1 курицѣ и по 2 р. с. на наемъ прислуги.

На основаніи этихъ правилъ можно опредѣлить порядокъ отбыванія повинностей для крестьянъ двухъ другихъ категорій селеній. Вмѣсто отбыванія повинностей и работъ, помѣщику должно быть предоставлено право брать въ прислугу сиротъ, когда у нихъ нѣтъ родственниковъ, желающихъ взять на себя попеченіе о нихъ вмѣстѣ съ повинностями, слѣдующими отъ сиротскихъ имѣній; когда сироты будутъ достигать совершеннолѣтія, возвращать ихъ „къ осѣдлости“, если только они не изберутъ какого либо ремесла. Недоразумѣнія же, могущія возникать между крестьянами и помѣщиками на почвѣ отбыванія повинностей крестьянами, должны быть устраняемы сельскими управленіями вмѣстѣ съ мировыми посредниками. Такимъ образомъ, послѣ установленія имущественныхъ правъ крестьянъ, уплаты денегъ за ихъ личную свободу, крестьяне будутъ освобождены отъ помѣщичьей власти, а до той поры отношенія между помѣ-

щикомъ и крестьянами будутъ регулироваться вышеизложенными правилами.

Разсматривая предположенія кн. Багратіона-Мухранскаго, прежде всего нельзя не отмѣтить, что въ существовавшую пеструю, не вездѣ одинаковую систему и порядокъ отбыванія повинностей, авторъ проекта вноситъ планомѣрность, пропорціональность, что, конечно, представляетъ большой шагъ впередъ, ибо устраняетъ произвольность и хаотичность въ отбываніи крестьянами податей и повинностей; это плюсъ проекта еще потому, что многіе изъ высшихъ начальниковъ края не разъ стремились къ подобной задачѣ, но всѣ попытки разбивались и оказывались тщетными. Въ остальномъ проектъ кн. Багратіона-Мухранскаго ничего новаго не вноситъ: во-первыхъ, онъ сохраняетъ существовавшее по обычному праву дѣленіе повинностей на натуральныя, денежныя, работныя, случайныя, сохраняетъ, слѣдовательно, обременительную для крестьянскаго хозяйства систему сбора по разнороднымъ основаніямъ, нѣтъ попытки свести ихъ къ одной общей повинности; далѣе, и по размѣрамъ новый проектъ повинностей, если не повсемѣстно, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, превышаетъ нормы; сравнивая приблизительно нормы новаго проекта, строго уже фиксированнаго, съ нормами дореформенными, чрезвычайно эластичными, о которыхъ мы уже говорили въ первой части работы, должны признать, что первыя далеко не ниже послѣднихъ, а потому едва ли можно видѣть въ предложеніи кн. Багратіона-Мухранскаго улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисской губ. Очевидно, авторъ и самъ не вполнѣ въ этомъ былъ увѣренъ и старается отклонить упрекъ въ стремленіи затормозить реформу.

Большими достоинствами обладаетъ и по разработкѣ, и по вдумчивости, и по детализаціи проектъ кн. Магалова. Онъ предусмотрѣлъ много вопросовъ, которые были пропущены въ разсмотрѣнномъ уже проектѣ, и вопросовъ перво степенной важности. Въ отбываніи повинностей точность и опредѣлительность—необходимое условіе для правильныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Безграничная помѣщичья власть должна быть ограничена „опредѣлительною обязанностью, уточненіемъ которой между

крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, т. е. прежнимъ помѣщикомъ, можно дать крестьянину возможность, чтобы онъ зналъ погодично свою обязательную работу", а землевладѣлецъ „опредѣлительнымъ исполненіемъ обязанностей перваго, будетъ пребывать въ извѣстныхъ предѣлахъ власти"; поэтому „въ видахъ будущаго благосостоянія какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ дворянство можетъ, по долгу сочувствія къ человѣчеству, крѣпостныхъ мужскаго пола, перешедшихъ за 50 л., а женскаго пола за 40 л., не выводить ни на какую помѣщичью работу, чтобы такіе крѣпостные старожилы считались въ семействѣ лично свободными отъ обязательныхъ помѣщичьихъ работъ"; если такіе старожилы, одни, сами составляютъ крестьянскій дымъ, безъ дѣтей и пріемышей или при несовершеннолѣтнихъ дѣтяхъ, то отбываютъ только поземельныя повинности. Не достигшіе указанныхъ возрастовъ, а равно достигшіе совершеннолѣтія, т. е. 20 л., называться будутъ „поземельными поселянами" и тѣ изъ нихъ, которые будутъ жить на земляхъ владѣльца, т. е. своего господина, несутъ слѣдующія повинности: дымъ поселянина изъ 1 д. мужскаго и 1 д. женскаго пола, съ малолѣтними дѣтьми или безъ нихъ, во всякое время года, въ недѣлю два дня работаетъ съ своимъ пропитаніемъ на помѣщика; эти же поселяне, имѣющіе скотъ, въ теченіе года могутъ выставить на помѣщичью работу пару быковъ съ проводникомъ на 30 дней, съ зачисленіемъ ихъ въ число обязательныхъ дней, засѣвать и пахать въ теченіе года по полудню. Дымъ поселянина изъ 2 совершеннолѣтнихъ мужскаго пола, безотносительно къ женскому и дѣтямъ, въ теченіе недѣли на 4 дня долженъ высылать одного рабочаго съ своимъ пропитаніемъ; эти поселяне, имѣющіе рабочій скотъ, могутъ выставить въ число опредѣленныхъ рабочихъ дней пару быковъ съ упряжью и проводникомъ на 50 дней, засѣвать и пахать въ теченіе года по одному дню. Дымъ поселянина, состоящій изъ 3 душъ мужскаго пола съ женскимъ поломъ и дѣтьми, долженъ высылать одного рабочаго на помѣщичью работу въ теченіе 6 дней съ собственнымъ пропитаніемъ; въ число обязательныхъ рабочихъ дней въ году могутъ выставить 1 арбу съ упряжью и проводникомъ на 50 дней, засѣвать и пахать въ теченіе года по два дня. Дымъ поселянина, со-

стоящій изъ 4 совершеннолѣтнихъ душъ мужскаго пола, не считая дѣтей и женщинъ, во всѣ дни года, кромѣ воскресенья и табельныхъ дней, выставляютъ 1 рабочаго, въ счетъ обязательныхъ рабочихъ дней арбу съ упряжью на 60 дней, засѣвать и пахать въ году по 3 дня. По соглашенію съ помѣщикомъ поселянинъ можетъ за всю годовую работу уплачивать деньгами, ежемѣсячными взносами; цѣны работъ будутъ устанавливать сельскія общественныя учрежденія. Если помѣщичья работа потребуетъ, то поселяне могутъ быть вызываемы поголовно съ зачисленіемъ этихъ рабочихъ дней въ число обязательныхъ. За уклоненіе отъ обязательныхъ работъ крестьяне наказываются денежными штрафами въ пользу землевладѣльца, а сверхъ того за такія „прихотливыя наклонности“ подвергаются общей уголовной отвѣтственности по закону.

Крестьяне владѣльческіе, живущіе на чужой землѣ и пользующіеся всѣми полевыми угодьями, должны двѣ части повинностей отбывать своему владѣльцу-господину, одну часть владѣльцу земли, или распредѣляя свои рабочіе дни, могутъ тому и другому уплачивать ежегодно деньгами или по добровольной оцѣнкѣ, или по оцѣнкѣ сельской расправы. Если правительство пожелаетъ, чтобы такіе поселяне и тѣ изъ поселянъ, которые живутъ въ разныхъ городахъ, занятые какими-нибудь ремеслами, были освобождены отъ обязательныхъ работъ, то помѣщики охотно согласятся съ этимъ, чтобы только была опредѣлена подушная стоимость такихъ поселянъ, по усмотрѣнію правительства, и выкупная сумма уплочена самими поселянами; тогда они могутъ располагать собою по своему желанію. Что касается дворовыхъ людей и ихъ повинностей, они или остаются на землѣ владѣльца, или избираютъ другой образъ жизни, въ первомъ случаѣ—отбываютъ повинности по условіямъ, письменно съ владѣльцами заключаемымъ. Вообще, необходимо отмѣтить, что проекты уѣздныхъ дворянскихъ собраній почти не касались участи дворовыхъ людей, а тамъ, гдѣ въ частныхъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ; возникала рѣчь о нихъ, сужденія были туманны и сбивчивы, дворовыхъ людей приравнивали къ владѣльческимъ крестьянамъ и распространяли на нихъ тѣ же положенія, какія вырабатывались относительно владѣльческихъ крестьянъ.

Повинности крестьянскія не ограничивались только работами барщинными. За право пользованія пашнями поселянинъ обязывался выдѣлять въ пользу помѣщика 1/5 часть урожая или за однодневное паханіе изъ всякаго годичнаго урожая по 2 коды, но вмѣсто уплаты этой повинности натурой крестьяне, по соглашенію, могутъ платить деньгами „по стоимости". Съ виноградныхъ садовъ поселянинъ соразмѣрно съ годичнымъ урожаемъ отдаетъ своему помѣщику 1/4 часть. Поселянинъ, задумавшій разводить сады на владѣльческой землѣ, вступаетъ относительно этого въ письменное соглашеніе съ помѣщикомъ

Весьма важная статья о правѣ крестьянъ на сѣнокосныя поля и пастбища, а также лѣсныя угодія игнорировалась въ большинствѣ дворянскихъ проектовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ проектѣ же кн. Магалова предусмотрѣны повинности за пользованіе указанными статьями. За сѣнокосныя поля крестьяне обязывались уплачивать владѣльцу земли 1/2 укоса. Такъ какъ пастбищныя поля, сами по себѣ, могли являться доходной статьей, то за пользованіе ими цѣлыя селенія или дымы обязывались особыми повинностями, размѣръ которыхъ обусловливался соглашеніемъ сторонъ. Относительно пользованія лѣсными угодьями, кн. Магаловъ проектируетъ распространеніе „однообразныхъ, съ существующими въ губерніяхъ Россіи на этотъ предметъ, правилъ". Пользованіе водой изъ сельскихъ канавъ, рѣчекъ и родниковъ предоставляется поселянамъ съ обязательствомъ устраивать мосты и переправы и починять ихъ на свой собственный счетъ.

Хотя проектъ кн. Магалова и отличается болѣе детальной и тщательной обработкой, однако и онъ грѣшитъ тѣмъ же, чѣмъ проектъ кн. Багратіона-Мухранскаго; онъ сохраняетъ ту же пестроту и многообразіе въ сборѣ повинностей и предлагаемые размѣры вносятъ мало облегченія въ условія жизни крестьянъ. Сравнительно съ проектомъ кн. Багратіона-Мухранскаго, проектъ кн. Магалова облегчаетъ все же въ нѣкоторой степени тяготы крестьянъ. Но экономическая зависимость крестьянъ становилась болѣе крѣпкой и сильной; все право распоряженія на сторонѣ помѣщика, онъ диктуетъ всѣ условія; между тѣмъ интересы крестьянъ почти ни-

кѣмъ не защищаются. Проектъ кн. Магалова дѣлаетъ и шагъ назадъ въ установленіи повинностей за пастбищныя угодья, тогда какъ обычное право во многихъ мѣстахъ Кавказа установило общинное пользованіе какъ выгонами, водопоями, такъ и лѣсомъ; въ нѣкоторыхъ дворянскихъ проектахъ, какъ въ разсмотрѣнномъ выше проектѣ кн. З. Чавчавадзе, рекомендовалось сохраненіе порядка общиннаго пользованія, коль скоро это пользованіе удовлетворяло потребности крестьянскаго хозяйства и не преслѣдовало цѣлей коммерческихъ или какихъ либо другихъ. Каковы бы ни были недостатки всѣхъ этихъ проектовъ разрабатывавшихъ условія правильнаго отбыванія крестьянами повинностей, они имѣли ту положительную цѣнность, что пытались систематизировать всю массу повинностей и податей, которыя были вѣками вырабатываемы безконечно растяжимымъ обычнымъ правомъ; вносили распорядокъ и систему въ хаотическое состояніе повинностныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Разумѣется, тѣмъ самымъ получалась нѣкоторая путеводная нить въ разрѣшеніи сложнаго крестьянскаго вопроса.

Весьма интересное мнѣніе представило Горійское уѣздное дворянство губернскому. Дворяне стараются доказать, что между крестьянами и ихъ помѣщиками были добрыя отношенія. „Дворянство считало крестьянъ своихъ дѣтьми, а крестьяне помѣщика отцомъ своимъ, нужда одного составляла нужду другого. Они входили въ домъ своего помѣщика свободно, помѣщики входили въ домъ крестьянина свободно и какъ бы составляли одно семейство, главою былъ помѣщикъ. И теперь почти всѣ помѣщики сажаемъ за трапезою своею почетныхъ крестьянъ“. Наступающая реформа должна уничтожить подобныя отношенія, отдѣлить „дѣтей“ отъ „отцовъ“ — это жертва, которую требуютъ отъ дворянъ, и дворяне „вѣрноподданническимъ чувствомъ“ отвѣтствуютъ на призывъ царя „за такое христіанское дѣло“. „Да будутъ свободны наши поданные! Мы согласны на эту высокую жертву! Да, это высокая жертва! Мы жертвуемъ единственнымъ нашимъ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ нашею кровью, мы жертвуемъ послѣднимъ нашимъ состояніемъ, нашимъ насущнымъ хлѣбомъ, но мы еще не отчаиваемся. Великій Государь возымѣлъ великое дѣло; устраивая и

улучшая бытъ одного сословія, не уничтожитъ бытъ другого сословія, которое столько вѣковъ было опорою своего отечества, вѣры, и было вѣрными поданными своихъ царей". Горійское дворянство того мнѣнія, что какъ только свобода будетъ объявлена, то все помѣщичье хозяйство будетъ уничтожаться, владѣльцы будутъ выброшены на улицу. „Дома останутся безъ прислугъ, сады и земли необработанными, стада покинуты пастухами, дѣти безъ кормилицъ". Дворянство поэтому не можетъ безвозмездно отказаться отъ обязательнаго труда крестьянъ. Дворянство въ неоплатномъ долгу предъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Причины сильнаго задолжанія многообразны. Прежде всего съ водворенія русской власти грузинское дворянство вступило въ „дорого стоющіе и отяготительные" процессы съ казной, и многіе изъ процессовъ не окончены; вторая причина задолжанія дворянства болѣе основательная: „не зная правильнаго хозяйства европейскаго, не имѣя путей сообщенія, наши (дворянъ) сельскія произведенія продаются за ничтожную цѣну"; вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство не могло улучшать хозяйства, потому что „ежегодно ополчалось и сражалось вмѣстѣ съ русскими противъ общихъ враговъ и для этого занимало деньги у торговцевъ за значительные %". Но открытіе земельнаго банка, по ходатайству кн. Воронцова, оживило дворянство, началась дѣятельность по улучшенію сельскаго хозяйства и вдругъ новый ударъ. „Въ одну минуту потерять все, остаться безъ куска хлѣба, увидѣть дѣтей своихъ голыми, безъ воспитанія, такое положеніе кого не поразитъ физически и морально". „Отрекшись отъ своихъ вѣковыхъ крестьянскихъ правъ, дворянство не считаетъ возможнымъ принять какія-нибудь земельныя пожертвованія", „оставить себя и дѣтей своихъ безъ клочка земли,— жертва эта сдѣлалась бы не христіанскою добродѣтелью, а страшнымъ противуприроднымъ зломъ". Дворянство противъ земельнаго надѣленія крестьянъ по малоземелью Горійскаго у.; по разсчету дворянъ, провѣрить который не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ, если давать 2-хъ десятинный земельный надѣлъ, то для этой цѣли не хватило бы казенныхъ и церковныхъ земель. Такъ какъ въ Горійскомъ уѣздѣ не могутъ быть

массовыя передвиженія крестьянъ по причинѣ того же малоземелья, то въ интересахъ правительства не прикрѣплять крестьянъ къ землѣ и не связывать ихъ какими-нибудь условіями, а предоставить крестьянамъ полною свободу въ выборѣ жизни и въ образѣ занятій. Такимъ образомъ, Горійское дворянство готово предоставить крестьянамъ личную свободу, сохраняя право на земли за собою, право, исторически пріобрѣтенное, но за потерю личнаго труда крестьянъ дворянство испрашиваетъ денежное вознагражденіе по справедливой оцѣнкѣ.

И Горійское дворянство, исходя изъ вышеизложенныхъ принципіальныхъ соображеній, предлагаетъ новую форму жизни крестьянъ. Освобождаемыхъ крестьянъ Горійское дворянство готово оставить на занимаемыхъ ими земляхъ на хизанскомъ правѣ, т. е. крестьяне стали бы вѣчными арендаторами помѣщичьихъ земель. „Пусть правительство, заявляютъ дворяне, довѣрится въ благородствѣ и добросовѣстности дворянства грузинскаго, пусть дозволитъ намъ договориться съ своими крестьянами, мы нуждаемся въ нихъ, они въ насъ, благородно и добросовѣстно окончимъ это великое дѣло безъ вмѣшательства правительства“, несогласія между дворянами и крестьянами будетъ улаживать коммиссія изъ почетныхъ дворянъ подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Но до окончанія обоюдныхъ сдѣлокъ между дворянами и крестьянами дворянство проситъ не объявлять крестьянамъ свободы, чтобы „они, по примѣру Россійскихъ крестьянъ, отъ недоразумѣнія не произвели безпорядковъ“.

Если мы такъ подробно остановились на изложеніи мнѣнія Горійскаго уѣзднаго дворянства, то исходили изъ того основного положенія, что мнѣніе этого дворянства было подано раньше всѣхъ другихъ, и среди мнѣній и проектовъ уѣздныхъ собраній оно отличается бо́льшей обстоятельностью мотивировки и предвосхитило въ нѣкоторой степени сужденія другихъ уѣздныхъ собраній. Мнѣнія уѣздныхъ собраній Телавскаго и Сигнахскаго буквально, почти слово въ слово, повторяютъ одно другое и значительно уступаютъ въ аргументаціи первому. Телавское и Сигнахское уѣздныя дворянскія собранія, какъ и Горійское, проектируютъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ съ правительственнымъ

вознагражденіемъ помѣщиковъ за дарованіе крестьянамъ личной свободы. Только Сигнахское и Телавское дворянство вносятъ дополненія къ мнѣнію Горійскаго дворянства; Горійское дворянство, сохраняя за собою полное, неограниченное право на земли, не указало, какія именно земли имѣются въ виду; Телавское и Сигнахское дворянство перечисляютъ категоріи земель, которыя остаются за помѣщиками; это будутъ: усадебная земля крестьянъ, культивированные участки разнаго рода, виноградные сады, пахотныя земли. Сигнахское и Телавское дворянство готово предоставить крестьянамъ во временное пользованіе тѣ же угодія, какими они пользовались до освобожденія, за заранѣе опредѣленныя въ пользу помѣщика повинности. Опредѣленный порядокъ отбыванія повинностей крестьянами и вытекающія изъ сего отношенія могутъ дѣйствовать десять лѣтъ, но срокъ дѣйствія можетъ быть сокращаемъ и удлиняемъ по желанію сторонъ; въ теченіе срока соглашенія помѣщикъ не можетъ согнать крестьянина; только по прошествіи срока крестьянинъ и помѣщикъ вступаютъ, съ обоюднаго согласія, въ новыя отношенія, но, при нежеланіи крестьянина принять условія помѣщика, первый долженъ оставить помѣщичьи земли. Такимъ образомъ, Сигнахское и Телавское дворянство примыкаютъ въ своихъ взглядахъ на крестьянскую реформу къ Горійскому дворянству, но если послѣднее квалифицировало отношенія между помѣщикомъ и дворяниномъ, какъ отношенія на почвѣ хизанскаго права, то Сигнахское и Телавское дворянства, уклоняясь отъ точной квалификаціи отношеній, пытаются создать отношенія, повидимому, временно обязательныя, приближающіяся къ арендным.

Разсмотрѣнныя выше предположенія касательно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисской губ. имѣли въ виду крестьянъ всей губерніи, они не принимали во вниманіе тѣхъ спеціальныхъ и исключительныхъ географическихъ условій, въ которыхъ жили нѣкоторые помѣщичьи крестьяне. Дѣло въ томъ, что Тифлисская губ. въ географическомъ отношеніи представляетъ значительныя различія, которыя вліяютъ на сельско-хозяйственную жизнь, вслѣдствіе чего въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ возникали осо

быя отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами, не похожія на зависимыя отношенія въ другихъ частяхъ губерніи, а потому регулировались иными обычными нормами. Записка князей Эристовыхъ, 19 мая 1864 г., и касается устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ нагорной полосѣ Тифлисской губ.

Владѣльцы крестьянъ въ этой части губерніи были, конечно, заинтересованы относительно размѣровъ крестьянскихъ усадебныхъ и полевыхъ участковъ. Обычай здѣсь выработалъ своеобразный способъ надѣленія. Земли здѣсь распредѣлялись на участки подъ названіемъ *сакомло*. Эти сакомло составляли участокъ въ размѣрѣ отъ 15 до 20 дней паханія, особо крестьяне надѣлялись сѣнокосами, смотря по положенію мѣстности и все это находилось „*въ потомственномъ* и *исключительномъ пользованіи семейства крестьянина*“. Лѣса и пастбища состояли въ пользованіи общества. Весьма немногіе сакомло были въ пользованіи—одного дыма, большей частью оно находилось въ пользованіи 2, 3 и болѣе дымовъ.

Кромѣ опредѣленныхъ обычаемъ повинностей и приношеній, крестьяне въ нагорной полосѣ несли еще въ пользу помѣщика личную службу, съ каждаго семейства выходилъ на жатву 1 работникъ, всего на—6 дней; для кошенія сѣна—6 дней, для возки дровъ и лѣса—6 дней, одинъ верховой для посылокъ—5 дней, итого съ дыма въ годъ требовалось 23 дня службы.

Что касается повинностей, то, оставаясь неизмѣнными, отбывались онѣ съ каждаго сакомло. Неизмѣнными повинностями съ каждаго сакомло являлись *сачукари*—3 коровы въ каждые два года разъ; *бегара*—3 барана ежегодно.

Опредѣляя наименьшую стоимость коровъ въ 10 рублей и барана въ 2 рубля, ежегодныя повинности съ сакомло составятъ 15 рублей сачукари (т. е. половина съ 30 рублей платы за 2 года) и 6 рублей бегара, всего 21 рубль.

Но независимо отъ этой неизмѣнной повинности на каждый дымъ падали еще особыя повинности: въ два года разъ *сасахимо* (приношеніе на ужинъ господина)—одинъ баранъ, цѣною въ 2 рубля, слѣдовательно въ годъ 1 рубль; *сашобао* — (на Рождественскіе праздники) ежегодно 1 баранъ—2 рубля, *саагдгомо* (на Пасху) 1 баранъ—2 рубля, *са-*

моурао (на содержаніе управляющаго) 1 баранъ — 2 рубля, *санацвало* (шерсть съ стрижки одного барана) — 30 копеекъ; *садагави* — (сборъ съ клейменія скота) — 30 копеекъ; кругъ сыра — 40 копеекъ, масла $^1/_4$ литра=$2^1/_4$ фунта — 50 коп., 2 коды ячменя и 5 пудовъ сѣна—2 рубля 50 копеекъ, праздничныхъ приношеній разнаго рода на 2 рубля всего — на 13 рублей, прибавимъ къ этому 21 рубль съ каждаго сакомло, получится, что дымъ, пользующійся сакомло, отбываетъ всѣхъ повинностей на 34 рубля въ годъ. Если сакомло будетъ состоять въ пользованіи двухъ дымовъ, то имъ вмѣстѣ придется отбывать постоянныхъ повинностей на 21 рубль, каждому по 13 рублей измѣняющихся повинностей въ годъ, всего 47, если изъ 3-хъ дымовъ—21 рубль+3×13 рублей = 39 рублей = 60 рублей, 4-хъ—21 руб. + 4 × 13 рублей = 52 рубля = 73 рубля и т. д. Такимъ образомъ, повинность въ 21 рубль остается безъ измѣнія для любого сакомло, а 13 рублей взимается съ каждаго дыма, входящаго въ сакомло. Не касаясь измѣняющихся повинностей, можно опредѣлить, такимъ образомъ, среднюю сложность всѣхъ повинностей, падающихъ на крестьянъ въ нагорной полосѣ, которые, по географическимъ и топографическимъ условіямъ, занимались исключительно скотоводствомъ. Взявъ 4 сакомло, изъ коихъ одинъ будетъ состоять изъ одного дыма другой— изъ 2 дымовъ, 3 — изъ 3 дымовъ, 4 — изъ 4 дымовъ, повинности на нихъ падающія составятъ 34, 47, 60 и 73 р., средняя ихъ составитъ 21 рубль 40 копеекъ, что и можно принять за среднюю годовую повинность въ пользу помѣщиковъ нагорной полосы съ дыма.

Указывая на эти особенности отношеній между помѣщиками и крестьянами, и производя означенныя выкладки кн. Эристовы, владѣльцы помѣстій въ нагорной полосѣ Тифлисской губерніи, предложили для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ими обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками слѣдующее: они согласны предоставить за вышеозначенныя повинности въ потомственное пользованіе крестьянскому обществу усадебную осѣдлость, фруктовые сады и тѣ полевыя земли: пахатныя, сѣнокосныя, которыя состояли въ исключительномъ пользованіи каждаго семейства.

До тѣхъ поръ пока крестьяне будутъ оставаться въ поземельной зависимости отъ помѣщиковъ, пастбищныя мѣста, которымъ пользовались крестьянскія общества вмѣстѣ съ помѣщиками, останутся въ общемъ пользованіи на прежнихъ, старыхъ основаніяхъ. Вообще же пастбища сохраняются въ исключительномъ пользованіи помѣщиковъ, и на будущее время. За право пользованія помѣщики будутъ взымать плату, опредѣленную обычаемъ, называемую *сабалахо*. Неудобныя земли со включеніемъ водъ оставляются въ общемъ пользованіи помѣщиковъ съ крестьянскимъ обществомъ. Сохраняя за собою право на лѣсныя угодія, помѣщики нагорной полосы въ тоже самое время предоставляютъ крестьянскому обществу право пользоваться дровами, строевымъ лѣсомъ для домашнихъ нуждъ и потребностей. Выморочные участки помѣщики готовы предоставлять обществу съ тѣмъ, чтобы за всѣ повинности, которыя будутъ падать на эти участки, отвѣчало крестьянское общество. Всѣ предположенія свои, касающіяся крестьянъ нагорной полосы, владѣльцы хотятъ распространить и на всѣхъ другихъ зависимыхъ людей, состоящихъ въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ, на дворовыхъ людей или водворенныхъ на правахъ хизановъ на земляхъ постороннихъ владѣльцевъ.

Особенности хозяйства нагорной полосы заключались въ томъ, что здѣсь не было виноградныхъ садовъ, колеснаго сообщенія; по мѣстнымъ условіямъ пользовались тяжелымъ плугомъ, для котораго требовалась большое количество рабочей силы.

Помѣщики нагорной полосы не представляли такихъ доводовъ въ пользу сохраненія своей власти и доли на имущество, собственность и личность крестьянина, какъ помѣщики другихъ частей Тифлисской губ., и это вполнѣ понятно; для этихъ помѣщиковъ исключительную цѣнность представляли не земельныя угодія, не земля, а тѣ повинности за земли, которыя получали съ крестьянъ скотоводовъ, слѣдовательно, для помѣщиковъ связь съ крестьянами была постолько цѣнной, посколько не прекращалась повинность крестьянъ; поэтому, обходя молчаніемъ нормы надѣленія и минуя вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, намѣчая лишь слабыя основанія этого устройства, помѣщики нагорной

полосы выдвигаютъ и особенно настаиваютъ на сохраненіи установившихся повиностныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, личная власть помѣщиковъ надъ крестьянами скотоводами нагорной полосы въ концѣ концовъ была проблематичная [1]), слѣдовательно, они не были заинтересованы въ компенсаціи при потерѣ личной власти надъ ними; земля по географическимъ и мѣстнымъ климатическимъ условіямъ представляла незначительную хозяйственную цѣнность, такимъ образомъ, вопросы, которые представляли существенные предметы разногласій въ другихъ частяхъ губерніи, здѣсь въ нагорной полосѣ не играли роли и поэтому, выговаривая себѣ опредѣленную сумму повинностей за пользованіе полевыми, главнымъ образомъ, пастбищными угодіями и расцѣнивая повинности на довольно большія суммы, помѣщики пытались сохранить свое положеніе, тѣмъ болѣе, что личное ихъ хозяйство было въ ничтожныхъ размѣрахъ и поддерживалось по преимуществу крестьянскими повинностями, освященными обычнымъ правомъ.

---

[1]) Крестьянинъ въ нагорной полосѣ былъ разъединенъ отъ своего помѣщика трудно проходимыми долинами и горными ущеліями; скотоводъ крестьянинъ, подвижный по условіямъ занятій, былъ тѣмъ самымъ поставленъ на почтительное разстояніе отъ помѣщика, и послѣдній въ силу всѣхъ этихъ условій не могъ проявлять силы и тяжести своей помѣщичьей власти.

V.

Докладъ Д. И. Кипіани дворянству Тифлисской губ. объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Какъ выше уже было разсказано на долю Д. И. Кипіани выпала обязанность составить проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губерніи. Руководящія соображенія Д. И. Кипіани и проектъ его, съ незначительными поправками и дополненіями, былъ одобренъ на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Потомъ проектъ этотъ окончательно обсуждался на губернскомъ собраніи въ концѣ мая 1863 года и въ видѣ проекта большинства удостоился утвержденія. Проекту предпосланъ докладъ Д. И. Кипіани о крестьянскомъ дѣлѣ: основныя положенія и соображенія доклада цѣликомъ раздѣлялись дворянскимъ съѣздомъ, поэтому, познакомившись съ этимъ докладомъ, мы въ то же время ознакомимся съ мыслями, чувствами и пожеланіями Тифлисскаго дворянства. Въ образныхъ выраженіяхъ Д. И. Кипіани пытается изобразить настроеніе дворянства и ихъ отношеніе къ грядущей неизбѣжной реформѣ. „Въ одномъ старинномъ зданіи, повѣствуетъ докладчикъ, помѣщалось съ давнихъ временъ семейство древняго почетнаго рода и жили члены этого семейства хотя бѣдно, но успокоенные нѣкоторымъ образомъ отъ различныхъ переворотовъ судьбы. Въ ожиданіи еще лучшихъ временъ услышали они вдругъ отъ архитекторовъ, что надобно немедленно выбираться изъ зданія, а не то оно можетъ обрушиться надъ ними. Прошло еще нѣсколько времени и то здѣсь послышался трескъ стѣны, то тамъ, признаки разрушенія стали появляться чаще и чаще и тогда уже убѣдились, что въ самомъ дѣлѣ нужно было выбираться, иначе дѣйствительно угрожала опасность. Куда бы приклонить голову не вѣдали, но стали выбираться

въ надеждѣ, что Богъ и Государь не отринутъ уповающихъ". Дворяне были испуганы стихійнымъ бѣдствіемъ, нагрянувшимъ съ такой силой, они „были встревожены, что разрушается наше крѣпостное право". Этой ужасной вѣсти предшествовали очевидные признаки, но *дворяне не хотѣли вѣрить, не хотѣли думать*, что „ниспровергнется" такъ легко и просто вѣковое учрежденіе, но когда окончательно дворяне „удостовѣрились изъ предшествовавшихъ примѣровъ и изъ личныхъ объясненій съ правительственными лицами и изъ положительныхъ свѣдѣній, получавшихся изъ Россіи, что дѣло это *дѣйствительно доходитъ и до насъ*—тогда мы (помѣщики) взглянули на дѣло прямо, соотвѣтственно нашему достоинству и стали совѣщаться между собою, какъ въ частности домашнимъ образомъ, такъ и въ уѣздныхъ нашихъ собраніяхъ", пришлось покориться неизбѣжной и неминуемой бѣдѣ. Отъ этихъ „домашнихъ" собраній и совѣщаній дворянъ не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ „постоянно избѣгали письменнаго выраженія мыслей, не довѣряя даже другъ другу въ той *общей бѣдѣ*", но тѣмъ не менѣе „пріучили мысли свои къ этому неожиданному и весьма прискорбному дѣлу и стали всѣ одинаково заботиться о наилучшемъ его исходѣ". Крестьянская реформа внесла смятеніе въ умы и настроеніе дворянства именно, потому что она разрушала вѣковыя отношенія; она явилась источникомъ великаго несчастія и притомъ такого, сопротивленіе которому заранѣе предвѣщало неудачу, поэтому обстоятельства и подсказывали въ законныхъ рамкахъ попытаться отстоять свои позиціи и тѣмъ самымъ оказать все возможное сопротивленіе неожиданной и неизбѣжной бѣдѣ. Даже призванное къ участію въ подготовкѣ реформы дворянство все не хотѣло вѣрить, что начатое можетъ имѣть серьезный характеръ, въ душѣ еще тлѣла искорка надежды, что буря пронесется мимо и они отдѣлаются лишь временной, но крупной тревогой, но мало по малу стала исчезать и эта слабая надежда и пришлось окончательно увѣровать въ неизбѣжность бѣдствія. Дворяне „опасались всѣ того, чтобы этому предварительному домашнему способу (работы уѣздныхъ съѣздовъ) приготовленія дѣла, не привилось какъ-нибудь значенія комитетскаго или иного оффиціальнаго характера. Въ томъ опасеніи дво-

рянство не могло „и начальство извѣстить, пока оно само не заговорило о послѣдствіи нашихъ апрѣльскихъ засѣданій".

Примирившись съ мыслью о необходимости реформы и принимая активное участіе въ рѣшеніи вопроса дворянство считало уже своей прямой обязанностью освѣтить дѣло съ надлежащей обстоятельностью и представить его въ истинномъ свѣтѣ. Поэтому особенно важнымъ признается засѣданіе губернскаго дворянства 30 апр. 1862 г., когда Тифлисское дворянство впервые въ цѣломъ своемъ составѣ коснулось крестьянскаго вопроса, какъ это подобало благородному сословію. „Было тогда совѣщаніе о дѣлѣ, важнѣе котораго не только на нашей памяти ничего не было въ этомъ краѣ, но и въ преданіяхъ отцовъ нашихъ не слыхали. Что сдѣлали? Сдѣлали то, что какъ прилично *первенцамъ Грузіи, наслѣдовавшимъ добродѣтели временъ героическихъ и питающимъ чувства воиновъ рыцарей*, такъ подъ Богомъ, безъ страха и торопливости, взглянули мы на дѣло, ничего, казалось, кромѣ бѣдствій, не предвѣщавшее намъ и нашему потомству. Что вышло изъ этого? Вышло то, что *ни одного, изъ бывшихъ въ общемъ собраніи грузинскихъ помѣщиковъ, не могло увлечь ни негодованіе временное, или неудовольствіе какое либо, ни эгоизмъ или влеченіе къ личнымъ интересамъ, ни страхъ невѣдомаго будущаго, ни, наконецъ, скажемъ и то, наша необразованность и непросвѣщенность* и когда разсмотрѣли дѣло всѣ вмѣстѣ, какъ два или три любящихъ и уважающихъ другъ друга брата, сказали мы въ одинъ голосъ: *даруемъ свободу крестьянамъ нашимъ*. Да скажетъ же кто-нибудь изъ ученыхъ и просвѣщенныхъ, *въ какой просвѣщенной странѣ рѣшено дѣло это съ большимъ спокойствіемъ и съ большимъ достоинствомъ*. И какое дѣло! Взгляните ближе на это дѣла"!

Рѣчь Д. И. Кипіани, въ весьма удачной формѣ и мѣтко выразила тревогу и опасенія, которыя смѣнялись въ дворянской средѣ. Рѣчь замѣчательна по своей откровенности и точности выраженій. Умный наблюдатель, самъ видный помѣщикъ, Д. И. Кипіани, очень удачно подмѣтилъ тотъ животный ужасъ и страхъ, который пережило дворянство, узнавъ о надвигающейся опасности реформы; съ рѣдкой откровенностью подчеркивается мысль какъ они боялись оффиціальнаго участія въ дѣлѣ; но въ то же время, дво-

рянство такъ не желавшее реформы, такъ боязливо встрѣтившее начало реформы, старается сохранить свой престижъ, указывая на свое великодушіе. Но эта отмѣтка своего великодушія, благородства проявленнаго при проведеніи реформы, не гармонируетъ съ той непріязнью и съ тѣми препятствіями, которое они ставили реформѣ вначалѣ, когда не померкла послѣдняя надежда въ ея призрачность. Эта гордость, сознаніе своего достоинства звучитъ страшнымъ диссонансомъ, но психологически оно понятно, это самоутѣшеніе потерявшихъ надежду и упованіе людей. Но Тифлисское дворянство не ограничилось однимъ самоутѣшеніемъ, но постаралось, по своему, укрѣпить свои позиціи, чтобы выйти изъ дѣла безъ большихъ потеръ и нужно отдать справедливость они сдѣлали все возможное и въ проигрышѣ не остались.

Для того чтобы сохранить свое положеніе и побольше выгодъ изъ предстоящей реформы, дворянство видвинуло всевозможные аргументы. Д. И. Кипіани, какъ лучшій выразитель дворянскихъ идеаловъ, выполнилъ свою работу весьма добросовѣстно. Онъ анализируетъ грузинское крѣпостное право „со стороны законности (de jure) и со стороны обычности (de facto)“. Разсматривая съ юридической стороны этотъ институтъ, Д. Кипіани привлекаетъ законнодательные акты, манифестъ Павла I, 18 янв. 1801 г., Александра I, 12 сент. 1801 г., ст. грузинскаго сб. Вахтанга, 95, 163, 198, 199, 200, 201, 202, 231, 232, 234, 248, 258, 260 и приходитъ къ выводу, что „изъ этихъ законовъ, кажется, ясно видна, неограниченная сила нашего (помѣщичьяго) права надъ крестьянами и это почти неограниченное право есть тотъ источникъ, и источникъ единственный, которымъ питались и существовали мы и предки наши съ древнихъ временъ“, выводъ былъ бы доказателенъ, лишь въ томъ случаѣ, если кто нибудь оспаривалъ неограниченность помѣщичьихъ правъ надъ крестьянами. На дѣлѣ, въ жизни возникали большія отступленія отъ дозволеннаго и допущеннаго закономъ, жизнь и обычай покрыли своимъ значеніемъ неподвижный законъ: „различная вода, различный воздухъ, различныя свойства почти должны порождать и въ пользованіи ими различныя условія“ и въ дѣйствительности

породили. Прошлое обычное право узаконило что „крестьянъ пріобрѣтали отчуждали, какъ и всякую неоспоримую помѣщичью движимость, право на то давали намъ (помѣкамъ) ясные положительные законы“, это право породило особое понятіе о недвижимой собственности, а именно „земля вся владѣльческая и ему принадлежитъ почва со всѣми естественными своими условіями и содержаніемъ“. И „гдѣ какая выгода могла быть извлекаема человѣкомъ изъ этого двоякаго права, тамъ на этой выгодѣ установилась связь между владѣльцемъ и крестьяниномъ, человѣколюбивое исповѣданіе *умягчило эту связь, а обоюдная польза и взаимное заступничество превратила ее въ союзъ равноправный*. Гореи радость, выгода и убытки, все было общее между нами и крестьянами нашими, пока не появились причины разложенія“. До 1812 г. не было случаевъ, чтобы крестьяне отыскивали свободу отъ господина своего, послѣ этого года случаи стали учащаться и уже правительство стало вмѣшиваться въ эти дѣла; но авторъ не отмѣчаетъ причинъ, породившихъ это разложеніе. Такъ какъ право помѣщика создавалось изъ двухъ различныхъ источниковъ „изъ права собственности на крестьянина и права собственности на землю, то и обязанности крестьянъ раздѣляются, также естественно на двѣ части: въ одну изъ нихъ всякая служба, всякая повинность отбываемая крестьяниномъ господину по крестьянству, по личной отъ него зависимости; въ другую всякая служба, всякая повинность, отбываемая крестьяниномъ господину за землю“. Первая категорія повинностей составляетъ обязанность крестьянина, „не смотря на то, жительствуетъ ли онъ на землѣ своего господина или на чужой“. Вторая категорія—„составляетъ обязанность всякаго, какого бы вѣдомства, званія ни былъ къ владѣльцу той земли, которой пользуется“. Обязанности и повинности этихъ двухъ родовъ подробно были исчислены правительствомъ въ 1841 г., и „безъ вѣдома и безъ всякаго участія со стороны дворянства“, не безъ укоризны замѣчаетъ докладчикъ.

Повинности по личной зависимости доставляютъ помѣщикамъ весьма серьезный доходъ, „расцѣнивая по крайне уменьшеннымъ цѣнамъ всѣ предметы крестьянской службы и повинностей т. е. службы и повинности, отбываемыя соб-

ственно по личной зависимости, окажется годоваго дохода помѣщика съ бѣднѣйшаго крестьянскаго дыма 96 р. и богатѣйшаго 239 р. 80 к."; чтобы опредѣлить цифру средняго дохода и принять дѣленіе повинностей на 9 разрядовъ, по которымъ крестьяне описываются для залога въ Закавказскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія и отъ 96 р. дойти до 239 р. 80 к. то посредствомъ „соразмѣрнаго возвышенія среднихъ разрядовъ, сложенія ихъ всѣхъ вмѣстѣ и раздѣленія потомъ на 9 равныхъ частей", окажется средняго годового дохода съ одного крестьянскаго дыма по личной зависимости, независимо отъ количества и качества занимаемой дымомъ земли, 148 р. 38 1/3 к., въ эту сумму входитъ и годовая стоимость прислуги; изъ этого ясно, что потеря личныхъ правъ надъ крестьяниномъ сопряжена съ сильнымъ хозяйственнымъ ущербомъ для помѣщиковъ, а потому разрѣшеніе крестьянскаго вопроса требуетъ осторожности, устраненія шаблоновъ, чтобы не разорились помѣщики.

Отношеніе между помѣщиками и крестьянами основываются не только на повинностяхъ личныхъ, но и на повинностяхъ поземельныхъ. Послѣднія, исчисляясь подымно, исчисляются въ зависимости отъ количества земли, поэтому „невозможно опредѣлить вѣрную и справедливую цѣнность этихъ доходовъ, иначе какъ по ближайшемъ соображеніи съ пространствомъ и различными свойствами земли".

Кромѣ доходовъ отъ личной повинности и повинности поземельной, другихъ доходовъ грузинскіе помѣщики не имѣютъ. „Но почему нѣтъ"? говоритъ Д. Кипіани. „Въ быту гражданственномъ, въ дѣятельности человѣческой весьма много и др. способовъ, которыми не только можно существовать самому, но семейству своему обезпечить существованіе", къ занятію торговлей, промышленностью грузинскіе помѣщики оказались мало приспособленными; правда, они могутъ отдать свои силы и способности службѣ, но „иному она мать, иному мачиха": Занятіе сельскимъ хозяйствомъ сопряжено для помѣщиковъ великими затрудненіями, потому что не положенъ еще конецъ тяжбамъ и искамъ съ казной, церковью, но для успѣшнаго занятія земледѣліемъ необходимо пріобрѣсти знанія, опытность, умѣніе вести хозяйство трудомъ вольно-наемныхъ рабочихъ. „Однимъ сло-

вомъ, куда бы ни взглянули мы, *нѣтъ нигдѣ ни для насъ, ни для домашнихъ нашихъ никакихъ способовъ, кромѣ тѣхъ доходовъ двоякаго рода, который получали мы съ древнихъ временъ по нынѣ, отъ крестьянъ нашихъ и отъ земли нашей*". Теряя права на крѣпостныхъ, грузинскіе помѣщики теряютъ все, они обращаются въ нищихъ. Но тогда, какъ согласовать ихъ участіе въ предварительныхъ работахъ по крестьянскому дѣлу, ихъ готовность принять участіе въ реформѣ, рѣшеніе 30 апр. 1862 г.; вѣдь дворяне „рѣшились изъ того, что они имѣютъ пожертвовать крестьянамъ; дабы согласно съ волей Государя Императора и *съ нашимъ искреннимъ желаніемъ улучшить быть*" крестьянъ. Не смотря на неоцѣнимыя выгоды, которыя получаютъ помѣщики изъ существованія крѣпостного права, они тѣмъ не менѣе не уклоняются отъ реформы, они готовы итти на жертвы, но на это имѣются у нихъ свои серьезныя основанія, серьезные побудительные импульсы; „*нравственная и неразрывная связь* существовала между нами и крестьянами нашими со временъ глубокой древности", заявляетъ Д. И. Кипіани отъ лица дворянъ губерніи. „Есть множество примѣровъ тому, что крестьянинъ *съ радостью жертвовалъ собою за господина*, есть множество примѣровъ тому, что и *господинъ жертвовалъ свою жизнь, защищая крестьянина. Вѣрность крестьянина* къ своему господину выражалась всегда *безусловной преданностью, служба крестьянина къ своему господину была всегда безпредѣльна, крестьяне всегда были кормильцами нашими, ими существовали мы, ими славились. Мы помнимъ всѣ труды и заботы ихъ о благѣ нашемъ*, помнимъ и изъ преданій отцовъ нашихъ и изъ собственныхъ опытовъ и когда пора разстаться намъ, *мы желаемъ доказать дѣломъ благодарную и благородную память* и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить, ради пользы края водворившееся между нами въ эти послѣднія времена несогласія. *До того искренно, до того горячо желаніе наше даровать крестьянамъ нашимъ улучшеніе быта ихъ*, что рѣшаемся принести этому желанію *жертву, которую, конечно, никто не назоветъ малою*", „*слово жертва сорвалось съ языка*".

Наиболѣе любопытнымъ въ сужденіяхъ грузинскихъ дворянъ Тифлисской губ. было то, что они пытались всѣми силами представить и охарактеризовать отношенія между

помѣщиками и крестьянами, какъ отношенія добрыя, поддерживаемыя попечительными заботами; при такихъ отношеніяхъ, когда помѣщики выступали въ роли блюстителей интересовъ и жизни крестьянъ, а послѣдніе въ благодарность всегда являлись послушными, помѣщики не хотѣли допускать мысли о необходимости расторженія такихъ узъ, но уступая, въ концѣ концовъ, оставались или вѣрнѣе хотѣли оставаться въ полномъ недоумѣніи относительно заботъ объ улучшеніи быта крестьянъ; отдавая сами себѣ дань уваженія въ своихъ уступкахъ, они въ то же время противорѣчили себѣ, ибо, если отношенія при крѣпостномъ правѣ были идеальными, то тогда не было надобности ихъ улучшать. Но затаенная въ глубинѣ души классовая непріязнь къ крестьянскому дѣлу и ко всей реформѣ, при всемъ стремленіи скрыть и замаскировать ее, всегда прорывалась и выдавала помѣщичьи стремленія. Называя всѣ свои уступки жертвами, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживало плохо скрытую и глухую вражду, которую нужно было таить подъ давленіемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ времени. Когда отъ общихъ фразъ и словъ о своихъ чувствахъ къ крѣпостнымъ приходилось переходить къ дѣйствительному улучшенію быта крестьянъ, къ уступкамъ въ пользу крѣпостныхъ, то помѣщики, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, изображали тѣхъ же крестьянъ, о нравственной связи съ которыми такъ много говорили, мстительными, коварными и злоумышляющими противъ помѣщиковъ; такимъ образомъ, слова дворянъ мало гармонировали съ ихъ дѣйствіями и всѣ ихъ добрыя увѣренія звучатъ весьма фальшиво и неубѣдительно. Само дворянство не хотѣло сознавать этихъ противорѣчій; оно и понятно: словесныя добрыя пожеланія и миролюбіе являлись лишь удачнымъ стратегическимъ пріемомъ, за которымъ скрывалось чисто классовое эгоистическое стремленіе отстоять во что-бы то ни стало свои помѣщичьи сословные интересы.

Когда Д. И. Кипіани приступилъ къ составленію дворянскаго проекта, то, не довѣряя своимъ знаніямъ и опытности, онъ потребовалъ отъ дворянъ свѣдѣній и сообщеній. Разбирая и систематизируя эти сообщенія, заимствуя фактическій матеріалъ, онъ въ то же время знакомился и съ на-

строеніемъ дворянскихъ круговъ. Онъ получилъ, наконецъ, 226 мнѣній и всѣ они „порознь и разновременно, но единогласно“ доказываютъ, что нужно дать крестьянамъ личную свободу и оставить „въ ихъ пользованіи, безъ исключенія всѣ тѣ земли, которыми пользуются въ настоящее время, но что *удѣлять имъ земли въ собственность считаютъ рѣшительно невозможнымъ*“. Отстаивая только личное освобожденіе крестьянъ, Д. И. Кипіани опирается на цѣлый рядъ мотивовъ,—а ихъ у него много: 1) земельная тѣснота: „иной помѣщикъ такъ малоземеленъ, что, предоставивъ крестьянамъ занимаемыя ими земли, самъ останется совершено безъ всего“ 2) „гдѣ земли будутъ принадлежать крестьянамъ, тамъ *помѣщику невозможно будетъ жить и все ему принадлежащее подвергнется разоренію*“, 3) если поселить на помѣщичьей землѣ постороннаго, то остающіеся на мѣстѣ крестьяне, „хотя бы земли было вдоволь, не перестанутъ тревожить и сопротивляться распоряженіямъ помѣщика“, 4) безспорныя земли попадаются крайне рѣдко, а такъ какъ исходъ поземельныхъ тяжбъ будетъ не всегда въ пользу помѣщика, нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, т. е. въ виду неувѣренности помѣщиковъ въ прочности земельнаго владѣнія, они могутъ оказаться въ печальномъ состояніи, если предоставить земли крестьянину, 5) лучшія земли въ пользованіи крестьянъ, и если ихъ укрѣпить за ними, то помѣщики очутятся въ безвыходномъ положеніи, 6) сами крестьяне не сомнѣваются, что помѣщики пріобрѣли земли покупкой, слѣдовательно, не могутъ крестьяне и допускать мысли о переходѣ земель въ ихъ руки, 7) крестьяне лично того мнѣнія, что „если съ личнымъ освобожденіемъ они и должны будутъ выкупать у помѣщиковъ земли, то имъ необходимо имѣть право выкупать или пріобрѣтать земли по своему усмотрѣнію, а не по принужденію или по заранѣе опредѣленной цѣнѣ“, а тамъ гдѣ сами желаютъ, поэтому „обязательность выкупа земель по опредѣленнымъ цѣнамъ не можетъ быть полезна“, 8) „земля есть собственность помѣщика и распоряженіе ею должно зависѣть отъ него“, 9) сами помѣщики за недостаткомъ земель пользуются церковными, уплачивая за нихъ галу ($^0/_0$ съ доходовъ земными произведеніями), 10) если допустить, что помѣщикъ раздѣлитъ землю съ крестьянами, то „наживетъ столько себѣ враговъ,

сколько освободитъ отъ себя такимъ образомъ крестьянъ, возникнутъ постоянно споры изъ-за земли", 11) если земли будутъ предоставлены крестьянамъ въ собственность, „*владѣльцамъ останется пуститься въ путь по волѣ судьбы и съ посохомъ странника искать себѣ хлѣбъ для существованія*".

Помѣщики почти единогласно отвергаютъ даже мысль о надѣленіи крестьянъ землею, и выдвигая безконечное количество аргументовъ противъ, они готовы только предоставить крестьянамъ личную свободу; безземельное освобожденіе крестьянъ съ такой энергіей, кажется, нигдѣ не отстаивалось. Если кто и заикался о возможности земельнаго надѣленія крестьянъ, то ихъ называли „педантами", которые, „ничего почти не имѣя, ничего и не теряютъ, а разсуждаютъ о дѣлахъ, *какъ бы изъ человѣколюбія и тѣмъ льстя сановнымъ лицамъ*, возбуждаютъ толки въ помѣщичьемъ классѣ и тѣмъ измѣняютъ пользамъ родного края". Думать о надѣленіи крестьянъ опасно и гибельно для дворянскаго сословія и подобная мысль чревата неисчислимыми послѣдствіями, объ этомъ „разсуждаютъ младшіе изъ нашихъ собраній, но гнѣвъ да не получитъ мѣста въ совѣтѣ нашемъ", предостерегаетъ своихъ единомышленниковъ Д. И. Кипіани. „Предоставляя крестьянамъ личную свободу, но не укрѣпляя за ними земель" и возставая противъ этого, помѣщики исходятъ изъ соображеній естественнаго и нравственнаго порядка.

Причины и соображенія нравственнаго порядка, не позволяющія помѣщикамъ надѣлять крестьянъ землей и побуждающія возставать противъ тѣхъ, кто думаетъ объ этомъ слишкомъ серьезны, по мнѣнію Д. И. Кипіани, чтобы обойти ихъ молчаніемъ. „По основному праву всякой гражданственности употребленіе собственности зависитъ отъ свободной воли собственника". Конечно, въ дѣлѣ улучшенія положенія крестьянъ „*сердце*, безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ каждому изъ насъ (помѣщиковъ), что хорошо было бы укрѣпить землю за крестьянами, *но разумъ* всячески сопротивляется этому рѣшенію". Выдѣлить и укрѣпить за крестьянами земли, которыми они пользуются „нѣтъ ни малѣйшей возможности", выдѣлить же наибольшую часть тоже нельзя, потому что это возбудитъ негодованіе, „уничтожитъ воз-

можность добраго между нами согласія". Но прежде чѣмъ возбуждать вопросъ о полномъ или частичномъ надѣленіи крестьянъ, нужно рѣшить, нужно подлинно знать, есть ли у помѣщиковъ столько земли, чтобы удѣлять крестьянамъ, да и помимо этого, до рѣшенія исковъ съ казною, церковью, до размежеванія земель нельзя даже возбуждать подобныхъ вопросовъ. Сильнѣе этихъ естественныхъ причинъ, причины нравственныя: „*неразрывная связь существовавшая съ древнихъ временъ между нами* (помѣщиками) *и крестьянами нашими не можетъ быть ни перомъ зачеркнута, ни словомъ отмѣнена безъ содѣйствія времени*", „сочувствовать„ и „соболѣзновать" нуждамъ крестьянъ „больше нашего никто не можетъ", хотя въ послѣдніе 40 или 50 л. и водворились между помѣщиками „тамъ и сямъ" „неудовольствія по злымъ внушеніямъ", но „дѣло 40 л., какъ бы ни прискорбно было оно для обѣихъ сторонъ, не можетъ измѣнить характера 8 и 9-соть лѣтнихъ добрыхъ семейственныхъ отношеній", возбуждать же теперь неблагодарность крестьянъ—„равносильно возбужденію раздора *между дѣтьми и родителями*, слѣдовательно, было бы противно *законамъ нравственнымъ и законамъ Божескимъ*", поэтому „укрѣпленіе за ними земель вовсе не соотвѣтствовало бы этому положенію, такъ какъ подобное разъединеніе наше было бы распространеніемъ, *дѣйствіемъ насильственнымъ* и породило бы одну лишь постоянную вражду, слѣдовательно послужило бы къ уничтоженію тѣхъ добрыхъ началъ взаимности, о водвореніи которыхъ нравственно мы должны заботиться", это уже новый аргументъ, дворянство противъ надѣленія не во имя личныхъ классовыхъ интересовъ, на которые такъ настойчиво они указывали въ предшедствующихъ разсужденіяхъ, а во имя опасенія расторженія нравственныхъ связей, разъединенія сословій, связанныхъ вѣковыми узами, но они упустили изъ виду, что въ теченіи всего XIX вѣка крестьяне активно протестовали противъ этой связи; когда блеснула слабая надежда, они стали буквально засыпать правительственныя учрежденія—исками о свободѣ и правительство принуждено было принять прямо героическія мѣры, чтобы сдержать потокъ; навязывая и стараясь на будущее время сохранить связь, во имя высшихъ нравствен-

ныхъ принциповъ, дворяне забыли весьма серьезную вещь, запросить само крестьянство, какъ оно относится къ данному явленію; путемъ слишкомъ прозрачныхъ и парадоксальныхъ умозаключеній грузинское дворянство хотѣло удержать то, что отрицалось духомъ времени. Но тѣ мѣропріятія, которыя они предлагали и въ которыхъ вскрываются слишкомъ откровенно сословные интересы, не только не способствовали сохраненію какихъ бы то ни было связей, не только не способствали созданію мирнаго общежитія, но, наоборотъ, проектируемое безземельное освобожденіе создавало для будущаго большой контингентъ недовольной массы, нищей, которая явилась бы постоянной угрозой не только для развитія края, но и для личнаго дворянскаго благополучія. Правда, дворяне тоже говорили о томъ, что сосѣдство свободныхъ крестьянъ, даже надѣленныхъ землей, будетъ источникомъ постоянныхъ непріязненныхъ отношеній между ними и ихъ бывшими крестьянами, но ни Д. Кипіани, ни другіе представители дворянскіе не потрудились объяснить причинъ подобнаго явленія. Конечно, обдѣленное, обезземельное крестьянство не могло бы питать къ своимъ господамъ добрыхъ чувствъ, но дворяне Тифлисской губ. надъ этимъ вопросомъ совершенно не задумывались, только сами, своими проектами, сохраняя за собой всѣ свои земли, создавали основы неспокойной и неустойчивой общественной жизни. Что предложенныя дворянствомъ мѣры разрушали моральныя и матеріальныя связи, видно изъ общаго разсмотрѣнія предложенныхъ ими мѣръ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губ. Предоставленіе крестьянамъ въ собственность земель и угодій „было бы противно нравственности, какъ дѣйствіе неосмотрительное и противное всякому разсчету, а дать имъ этихъ земель и угодій только часть, отобравъ остальныя, было бы противно нравственности, какъ лишеніе обычныхъ средствъ къ жизни“, утверждаютъ помѣщики.

Отказываясь отъ вознагражденія крестьянъ землею и не находя этого возможнымъ ни въ какомъ случаѣ, дворяне Тифлисской губ. соглашаются на одну „жертву“; они готовы освободить крестьянъ отъ личныхъ повинностей; что же касается земель, лѣсовъ, пастбищъ, находящихся

въ пользованіи крестьянъ, то помѣщики готовы оставить ихъ крестьянамъ, но съ условіемъ, что крестьяне будутъ отбывать всѣ установленныя обычаемъ повинности, т. о. въ существующемъ быту крестьянъ помѣщики не допускаютъ никакихъ измѣненій, кромѣ предоставленія личной независимости. Но за то всѣ поземельныя повинности крестьяне должны отбывать безъ измѣненія, какъ то установленно обычаемъ; однако, такой порядокъ отношеній предполагаютъ сохранить лишь до условленнаго срока. Наиболѣе подходящей формой для подобныхъ отношеній Д. Кипіани призналъ тѣ обязанности и повинности, которыя несли хизаны т. е. вѣчно-наслѣдственные крестьяне, арендаторы, а потому и крѣпостныхъ проектировалось перевести на положеніе хизанъ. Но Закавказскій центральный комитетъ былъ того мнѣнія, что хизанское положеніе не можетъ быть разсматриваемо какъ нѣчто постоянное, а оно лишь „счастливая случайность“. По мнѣнію Д. И. Кипіани, это заключеніе центральнаго комитета неосновательно и что хизанское положеніе получило въ жизни народа „ясную сословную опредѣлительность“. Переводъ лично свободныхъ крестьянъ въ хизанское состояніе кажется дворянству тѣмъ болѣе законом ѣрнымъ, что оно не потребовало бы особаго труда, и кромѣ того устранило бы введеніе условій необычныхъ и неизвѣстныхъ народу. Дворяне опасаются въ лицѣ Д. И. Кипіани введенія новыхъ условій общежитія и гражданскаго правопорядка; единственное спасеніе и возможность избѣжать потрясенія они видятъ лишь въ сохраненіи старыхъ формъ, имѣющихъ лишь то удобство, что они старыя; всякія новыя предпріятія осуждаются, какъ таковыя; но послѣдовательности и логической связности и въ этихъ сужденіяхъ мало. Вѣдь, предоставляя крестьянамъ личную свободу, помѣщики тѣмъ самымъ создавали новыя формы общежитія, и они на это шли, но новизна въ остальномъ ихъ уже страшила, пугала. „Не смотря ни на какое умственное развитіе, говоритъ Д. Кипіани, никто изъ насъ не пойметъ справедливости въ мѣрѣ, которая, прекращая установленное законами право наше на крестьянъ, прекращала бы вмѣстѣ съ тѣмъ свободное пользованіе и другимъ нашимъ правомъ на земли, ибо чтобы ни говорить, но обязанность

дать земли крестьянамъ въ постоянное пользованіе и на однажды предписанныхъ условіяхъ подвергаетъ насъ (дворянъ) такому ограниченію нашего права собственности, которое равно хищенію". Чтобы обезопасить и сохранить свое благосостояніе отъ послѣдствій этого хищенія, наиболѣе радикальнымъ признается обращеніе крестьянъ въ хизанъ. Разъ такое предложеніе существуетъ, то очевидно предполагаемое положеніе, сохраняя выгоды помѣщика, въ то же самое время есть улучшеніе и матеріальныхъ условій существованія крѣпостного. Изъ изслѣдованія Д. И. Кипіани выясняется, что хизанское положеніе различалось и имѣло свои особенности по мѣстамъ. Въ Горійскомъ уѣздѣ, оказывается, хизане тѣмъ отличались отъ крѣпостныхъ крестьянъ, что тамъ помѣщикъ, по обычаю, могъ не собирать никакого хлѣба, кромѣ галы ($^0/_0$, часть съ хлѣбнаго урожая, въ опредѣленномъ размѣрѣ), не могъ требовать денегъ по раскладкѣ, денегъ за выходъ замужъ дѣвицы или вдовы, повинности за раздѣлъ семействъ, не могъ брать людей въ качествѣ домашней прислуги; что касается повинностей остальныхъ, главнымъ образомъ поземельныхъ, то таковыя крестьянами хизанами отбывались наравнѣ съ крѣпостными крестьянами.

Хизане, какъ видно, были лично свободны, т. е. избавлены отъ несенія всѣхъ тѣхъ повинностей, которыя возникали изъ личной зависимости; помѣщики согласны были дать своимъ крестьянамъ личную свободу, т. е. освободить какъ разъ отъ тѣхъ повинностей, отъ значительной части которыхъ хизаны по праву своего положенія были свободны, слѣдовательно, съ этой стороны при переводѣ на хизанское положеніе крестьяне выигрывали очень мало; поземельныя повинности хизанъ и крѣпостныхъ крестьянъ одинаковы, и въ этомъ отношеніи крестьяне также ничего не выигрывали; съ переводомъ на хизанское положеніе крестьяне теряли уже то, что лично свободные, они становились вѣчными арендаторами. Д. И. Кипіани производитъ расчетъ и выходитъ, что крестьяне должны платить тоже, что и хизаны, а именно: галы, со дня паханія—2 коды хлѣба или $^1/_6$ урожая; съ виноградныхъ садовъ кулухи—$^1/_4$ урожая, съ каждаго дыма кромѣ того 40 арбъ въ годъ, 3

дзгвени т. е. праздничныхъ приношенія съѣстными припасами; съ удобренныхъ полей 1/2 урожая, 80 арбъ въ годъ, 3 дзгвени и три арбы дровъ. Единственное что въ данномъ случали выгадывали крестьяне, такъ эту опредѣлительность въ отбываніи возложенныхъ на нихъ повинностей, и только. Хизанскіе обычаи рекомендуются на вѣчныя времена, какъ наиболѣе удобные для обѣихъ сторонъ. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что эти проектируемые хизанскіе обычаи не были вездѣ одинаковы, они слишкомъ разнообразились; между тѣмъ составитель доклада не совѣтуетъ пытаться описать и привести въ ясность хизанскія повинности изъ опасенія волненій и возможныхъ заключеній: „если возможно, лучше не дѣлать этого, чтобы не возбудить толковъ".

Помѣщики Телавскаго и Сигнахскаго у. были того мнѣнія, что на крестьянъ слѣдуетъ наложить опредѣленныя повинности за пользованіе усадьбами, пахатными землями, пастбищами, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ повинностей, какъ истекавшихъ изъ личной зависимости, такъ и другихъ, создавшихся обычнымъ порядкомъ. Но повинности, ихъ размѣры устанавливаются добровольными соглашеніями; такъ онѣ будутъ опредѣляться лишь для перваго случая и „не установляя ничего новаго, для какой бы то ни было стороны выгоднаго", впослѣдствіи будетъ уже видно, какія изъ нихъ нужно будетъ отмѣнить, какія ввести вновь. Но среди этихъ голосовъ были и такіе, которые доказывали, что „устанавливать опредѣлительныя повинности нѣтъ никакой надобности, ни пользы", ибо при обязательныхъ отношеніяхъ, какъ бы они ни были „провѣрены и соглашены со строгою справедливостью все таки останется характеръ принужденія, и потому выполненіе ихъ всегда затруднительно болѣе или менѣе: безъ свободныхъ взаимныхъ отношеній нѣтъ добросовѣстности въ исполненіи обязательствъ", при „взаимно свободныхъ отношеніяхъ землевладѣльца и крестьянъ сельская промышленность будетъ предоставлена ея собственному естественному ходу и никакое покровительство, никакое заранѣе придуманное направленіе не замѣняетъ этой свободы". Несмотря на противорѣчивыя мнѣнія относительно отбыванія крестьянами повинностей, грузинскіе помѣщики въ большинствѣ своемъ были того мнѣнія, что „быв-

шіе крѣпостные обязаны давать владѣльцамъ за ихъ земли, на которыхъ живутъ и коими пользуются, галу и кулухи, равно отбываютъ бегару, такъ и въ такомъ размѣрѣ, какъ *добровольно договорятся между собою*, а добровольнаго соглашенія—такъ и въ томъ размѣрѣ, какъ и въ какомъ размѣрѣ даютъ и отбываютъ хизаны, а гдѣ хизановъ нѣтъ, тамъ, какъ давали и отбывали сами освобожденные крестьяне въ бытность свою въ крѣпостной зависимости".

Помѣщики задумывались и надъ вопросомъ о тѣхъ случаяхъ, когда добровольнаго соглашенія не будетъ; они полагаютъ, „что каждый изъ насъ (помѣщиковъ) сознаетъ, что единственной связью отнынѣ между ними (крестьянами) и нами (помѣщиками) должна служить одна лишь *безусловная справедливость* во взаимныхъ отношеніяхъ, *на ихъ добромъ къ намъ расположеніи и добромъ сосѣдствѣ должно опираться въ будущемъ домашнее наше благоденствіе*". Поэтому, когда добровольнаго соглашенія относительно отбыванія повинностей и несенія обязанностей между помѣщиками и крестьянами не будетъ, или споры будутъ возникать о размѣрѣ повинностей, то стороны должны избирать, каждая отъ себя медіатора; въ случаѣ уклоненія одной изъ сторонъ, вмѣсто крестьянина, медіатора назначаетъ сельское общество, вмѣсто помѣщика—сельское общество и уѣздный предводитель дворянства, посредника уже избираютъ медіаторы.

Замѣна бегары, барщинныхъ работъ, оброкомъ предоставляется обѣимъ сторонамъ, особенно тамъ, „гдѣ свободный обыватель пожелаетъ или гдѣ въ имѣніи владѣльцу не нужны рабочіе". Въ случаѣ жалобъ на чрезмѣрное требованіе оброка, размѣръ его устанавливается „согласно съ мѣстною справочною цѣною".

Устанавливая неизмѣнность повинностей и оброка на нѣкоторый срокъ, помѣщики Тифлисской губ. не могли прійти къ окончательному выводу и въ данномъ вопросѣ сказалась необычайная пестрота и неопредѣленность ихъ стремленій: 1 лицо требовало срока отъ 1 до 6 лѣтъ; 1—отъ 6 до 10 или 12 л.; 22—10 лѣтъ; 48—отъ 10—12 л.; 74—2 г.; 3—5 л.; 2—отъ 5—10 л.; 1—отъ 3—5 л. 1—отъ 5—7 л. Во всякомъ случаѣ очевидно, что дворянство болѣе склонно продлить и сохранить неизмѣнность въ существующихъ по-

винностяхъ и обязанностяхъ крестьянскихъ, чѣмъ ускорить наступленіе момента улучшенія быта своихъ крестьянъ; т. е. оттягивали срокъ принесенія той жертвы, о которой, не безъ чувства самоудовлетворенія, говорили помѣщики.

Кромѣ крѣпостного населенія крестьянъ, привязаннаго къ помѣщичьей землѣ, былъ еще большой классъ дворовыхъ людей, которыхъ реформа крестьянскаго быта не могла обойти. Дворовые люди, по мнѣнію Д. И. Кипіани, не составляли особаго класса. Но намъ думается, что это утвержденіе не точно; правильно то, что дворовый человѣкъ не былъ привязанъ къ своему состоянію; выходъ изъ него не былъ затруднителенъ, но наличность этого класса, имѣвшаго свои прямыя обязанности, свой кругъ повинностей, свой курсъ вербованія уже указываетъ на существованіе именно опредѣленнаго класса, но настаивать на этомъ особенной надобности нѣтъ, ибо это уже будетъ споръ о словахъ, а не о сущности.

Относительно облегченія участи дворовыхъ мы также будемъ находить разнообразные проекты и сужденія. Одинъ изъ дворянъ былъ того мнѣнія, что помѣщикамъ слѣдуетъ разрѣшать брать въ качествѣ домашней прислуги сиротъ, которыхъ родственники откажутся воспитывать и отбывать за нихъ повинности; побудительнымъ мотивомъ такого рѣшенія является христіанскій долгъ и человѣколюбіе: „долгъ человѣчества обязываетъ не только землевладѣльца, но и всякаго, болѣе или менѣе состоятельнаго человѣка, призрѣвать сиротъ и потомъ давать осѣдлость или возвращать къ ней“; но это вопросы будущаго. Для дворянъ было важнѣе разрѣшить практическій вопросъ о правѣ владѣнія тѣми дворовыми, которые пребывали въ качествѣ домашней прислуги; многіе изъ этихъ дворовыхъ людей были круглые сироты обоего пола, безпріютные и безземельные; помѣщиковъ очень интересовала ихъ судьба; возникало предположеніе, что всѣхъ подобныхъ дворовыхъ слѣдуетъ отпустить на волю, но отпустить ихъ до совершеннолѣія, по мнѣнію дворянъ, „значило бы поступить *вопреки долга человѣколюбія*“. Да помимо этого, по мнѣнію Тифлисскихъ дворянъ, „*по долгу христіанства и благородства*“, они „не должны отрекаться отъ обязанности пещись о подобныхъ сиротахъ“ и

потому не соглашаются отпускать дворовыхъ изъ своихъ домовъ, „пока они не въ состояніи обзавестись своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ“; тогда одни изъ нихъ должны быть водворены на хизанскомъ положеніи; дворовыя дѣвки выданы замужъ; если дворовые по совершеннолѣтіи не пожелаютъ остаться у помѣщиковъ, то получаютъ личную свободу. Ни одного почти помѣщичьяго дома не было, по завѣренію самихъ помѣщиковъ, въ которомъ бы не было „дѣвокъ собственныхъ, изъ семействъ ли взятыхъ, отдѣльно ли купленныхъ или въ приданое поступившихъ“, естественно онѣ наравнѣ съ прочими дворовыми должны были получить личную свободу. Освобожденіе дворовыхъ людей не было выгодно помѣщикамъ, грозило лишеніемъ даровой прислуги совершенно, поэтому чтобы не остаться сразу безъ прислуги, дворяне доказываютъ, что освобожденіе дворовыхъ не можетъ состояться до того срока, пока помѣщики не будутъ уже въ состояніи имѣть наемную прислугу. Но помѣщики дворовымъ не возбраняютъ уходить и раньше обусловленнаго срока, но въ такомъ случаѣ они должны выкупаться т. е. вносить по 50 р. въ годъ за наемъ прислуги.

Такимъ образомъ, помѣщики Тифлисской губ. стоятъ за весьма несовершенныя формы улучшенія крестьянскаго положенія; по смыслу ими проектируемыхъ предположеній наилучшее состояніе для крестьянъ—это положеніе хизанское, вѣчно-наслѣдственное арендаторство, т. е. новое экономическое рабство; крестьяне въ положеніи хизанъ принуждались нести только тѣ обязанности, которыя вытекали изъ зависимости по землѣ, другихъ никакихъ обязанностей по отношенію къ владѣльцу земли они не должны были имѣть, *„кромѣ отношеній нравственныхъ, внушаемыхъ благодарностью за дарованіе свободы и взаимнымъ содѣйственнымъ благорасположеніемъ“*.

Помимо общихъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянской реформой, возникали въ Тифлисской губ. вопросы чисто мѣстнаго характера, которые требовали особаго, внимательнаго разрѣшенія и разсмотрѣнія, а именно самостоятельно слѣдовало рѣшать условія надѣленія крестьянъ виноградными садами. Сады въ Тифлисской губ. предста-

вляютъ весьма важную статью. Мнѣнія касательно вознагражденія помѣщика за право пользованія виноградными садами были слишкомъ разнорѣчивы. Большая часть помѣщиковъ склонна была согласиться, что повинности за пользованіе виноградными садами должны выражаться въ части урожая—кулухи; одни проектировали эту часть=1/4 урожая; другіе=1/3, но были и такіе, которые доказывали, что половина садовъ должна остаться въ полномъ владѣніи крестьянъ, а другую обрабатывать изъ урожая въ пользу владѣльца, а доля владѣльца опредѣлялась=1/4 урожая. Но возможность подобнаго соглашенія не разрѣшала еще вопроса о правѣ пользованія виноградными садами вообще, на будущее время; изъ дворянскихъ сужденій не видно, на какой срокъ проектировалось сохраніе предлагаемыхъ ими способовъ рѣшенія вопроса о виноградныхъ садахъ.

Особыхъ соглашеній требовали тѣ случаи, когда дѣло касалось тѣхъ садовъ, которые были разведены *трудами крестьянъ*, но на *помѣщичьихъ земляхъ;* въ другихъ условіяхъ были сады, полученные крестьянами въ готовомъ видѣ отъ помѣщиковъ. Высказывались среди дворянъ мнѣнія, что разъ сады разведены трудами и иждивеніемъ крестьянъ, то нѣтъ, слѣдовательно, основаній у помѣщиковъ предъявлять къ владѣльцамъ садовъ претензіи и отстаивать помѣщичье право собственности, этого мнѣнія держалось незначительное дворянское меньшинство. Большинство, напротивъ, признавало безусловное право собственности на сады виноградные, разведенные крестьянами на помѣщичьихъ земляхъ, основывая это право на томъ, что земля подъ виноградниками безспорная собственность помѣщиковъ. Только эта часть дворянства охотно соглашалась всѣ подобнаго рода сады оставлять за крестьянами за условленныя повинности. Когда дворянство Тифлисской губ. касалось условій и мѣръ, на основаніи которыхъ крестьянамъ могли быть предоставлены права пользованія всевозможными угодіями, виноградными и другими садами, то немедленно затрагивали право крестьянскихъ переходовъ. Дворянство въ значительной своей части самымъ рѣшительнымъ образомъ возставало противъ крестьянскихъ переходовъ; помѣщики стремятся прикрѣпить крестьянъ къ мѣсту жительства и

тѣмъ районамъ, гдѣ находятся ихъ земельные надѣлы; по мнѣнію дворянства, право свободныхъ переходовъ губительно отзовется на самомъ строѣ жизни губерніи; они могутъ вызвать: 1) замѣшательства и затрудненія въ правительственныхъ видахъ, предположеніяхъ и разсчетахъ, 2) обнищаніе крестьянства до крайности, а крестьяне „въ этомъ немедленномъ движеніи искали бы засвидѣтельствованія своей свободы", 3) и окончательное разореніе дворянства. Для предупрежденія столь печальныхъ послѣдствій дворянство проектируетъ запрещеніе права перехода съ мѣста на мѣсто до истеченія срока соглашенія, конечно, соглашенія временнаго, но такъ какъ это было бы „задержаніе права свободы", то дворяне проектируютъ 3-хъ лѣтній срокъ, въ теченіе котораго, со дня обнародованія положенія „ни владѣлецъ земли не имѣлъ бы права выселять съ нея бывшаго крѣпостного, ни бывшій крѣпостной переселяться", безъ обоюднаго на то согласія. Особенно просили воспрещенія крестьянамъ переходовъ въ Сигнахскомъ у. на казенныя и церковныя земли.

Во время переселенія крестьянинъ сохраняетъ за собой все движимое имущество, какъ личную неприкосновенную собственность; все недвижимое имущество, всѣ строенія и насажденія на владѣльческой землѣ, оставляются помѣщику, какъ собственнику земли. Если при переселеніи окажется, что виноградный садъ доведенъ до разоренія, умышленно или испорченъ по нерадѣнію, то этотъ вредъ владѣльца возмѣщается, по опредѣленію медіаторовъ, изъ движимаго имущества крестьянина.

Своевременно мы уже указывали, что дворяне отказывались отъ личной зависимости крестьянъ и отъ тѣхъ выгодъ, какія эта зависимость имъ давала. Выгоды эти были достаточно серьезны, но своимъ отказомъ дворяне хотѣли подчеркнуть готовность принять участіе въ дѣлѣ столь крупнаго и важнаго значенія; эту готовность они очень мѣтко называли „жертвой", которую съ своей стороны они несли общему дѣлу. Разъ помѣщики отказывались отъ выгодъ, вытекающихъ изъ личной зависимости крестьянъ, мы думали бы, что они удовлетворились бы нравственнымъ сознаніемъ важности, сдѣланной ими уступки, жертвы. Хотя та „жертва"

сложена была, съ крестьянъ, однако, въ итогѣ она оказалась миѳической, ибо въ вознагражденіе своихъ потерь дворянство единогласно требовало компенсаціи въ видѣ единовременнаго денежнаго пособія изъ средствъ правительства. Для насъ особенно интересными являются мотивы этого ходатайства. Двое изъ помѣщиковъ мотивировали домогательства соображеніемъ, что „крестьяне до сего времени отпускались на волю, могутъ и теперь откупаться и по цѣнамъ, которыя будутъ установлены сравнительно съ нашими потерями“. Одинъ полагалъ, что „личное право помѣщика надъ крестьяниномъ должно быть вознаграждено или землями, или деньгами, какъ правительство заблагоразсудитъ“, третій исходилъ изъ того соображенія, что „никогда не случалось, чтобы отбирали отъ помѣщиковъ крестьянъ иначе, какъ за измѣну странѣ и вѣрѣ“. Послѣ 1801 г. помѣщики покупали крестьянъ въ долгъ; въ частыхъ войнахъ, окруженные врагами, помѣщики „теряли въ плѣнъ“ крестьянъ, и выкупали ихъ, вступая опять въ долги; если помѣщики лишатся крестьянъ безвозмездно, безъ вознагражденія за ихъ личность, то тогда, „чѣмъ выплачивать помѣщикамъ долги, или на чемъ основывать свое существованіе“; помѣщики поставлены въ такія хозяйственныя условія, что нѣтъ путей сбывать сельско-хозяйственные продукты; не знаютъ они ни наукъ, ни искусствъ и останутся они безъ средствъ къ жизни, если правительство „не приметъ участія въ нашей (помѣщичьей) непомѣрной и неизбѣжной жертвѣ и поддержитъ насъ денежнымъ содѣйствіемъ“. Одинъ изъ кахетинскихъ помѣщиковъ развивалъ такія мысли: „по бѣдности нѣтъ у насъ знанія и просвѣщенія“, „торговли и промышленности мы не знали или не свойственны они намъ“ и не приготовлены къ нимъ. Большинство, повторяя эти аргументы, выдвигало новые, усиливая значеніе своихъ доводовъ. Такъ 48 помѣщиковъ основывало свое ходатайство на задолженности помѣщиковъ; долги эти, оказывается, весьма своеобразнаго происхожденія, они возникли изъ за тратъ на процессы, которые вели помѣщики для доказательства своихъ правъ на крестьянъ и на земли, отъ военныхъ дѣйствій и тревогъ, сопряженныхъ съ ними до 1859 г.; когда помѣщики занятые войной, находились вдали отъ своихъ помѣстій: „воз-

можно ли было въ такомъ положеніи улучшеніе быта крестьянъ и нашего имѣнія, чѣмъ изъ доходовъ покрывать долги".

69 помѣщиковъ свои претензіи на вознагражденіе за потерю личныхъ правъ на крестьянъ основывали на томъ, что кромѣ двоякихъ выгодъ отъ крестьянъ и отъ земли, помѣщики имѣли еще право брать съ дома по одной душѣ въ качествѣ домашней прислуги; съ потерей этого права помѣщики просятъ единовременно выдачи такой суммы, которая по числу дымовъ крестьянъ приносила бы $^0/_0$ до 60 р. въ годъ на дымъ.

74 помѣщика въ свою очередь указывали, что реформа отниметъ у нихъ прислугу, рабочія руки для обработки полей и виноградниковъ, пастуховъ и т. п., не будетъ „ни даже кормилицъ для дѣтей". Множество долговъ за помѣщиками, потому что нѣтъ ни одной фамиліи, которая судебнымъ порядкомъ не доказывала бы своихъ правъ на имѣнія и крестьянъ; новаго языка, русскаго, помѣщики не понимаютъ, не понимаютъ новыхъ законовъ, замѣна суда словеснаго судомъ письменнымъ вызвала необходимость письменнаго веденія дѣла, посыпались издержки на составленіе бумагъ, отъ 300—1000 р.; отсутствіе путей сообщеній, невозможность сбыта продуктовъ сельско-хозяйственнаго производства, отсутствіе времени для улучшенія и развитія хозяйства, ежегодныя вооруженія на войну, окончательно разстроили помѣщиковъ, впали они въ большіе долги „лишились всѣхъ способовъ къ существованію", и если не будетъ выдана субсидія, то помѣщики окончательно разорятся.

Наконецъ, 27 помѣщиковъ разсуждали, что, *„по требованію времени*, крестьянамъ надо дать свободу, это не можетъ совершиться безъ жертвы", но чтобы *„на общеполезное дѣло жертва могла требоваться не отъ всего общества, а отъ одного лишь класса въ немъ"*, едва ли допустимо для помѣщиковъ; „трудъ крестьянина не что иное какъ извѣстный $^0/_0$ на капиталъ", „въ правѣ на трудъ крестьянина *виновны не владѣльцы, а законы, допустившіе это право"*, *„освобожденіе крестьянъ требуется не въ видахъ пользы владѣльцевъ, а въ видахъ пользы государства"*, помѣщики „въ освобожденіи крестьянъ не только лишаются имущественныхъ правъ и нрав-

ственнаго своего значенія, на пріобрѣтеніе которыхъ мученически проливали кровь за вѣру и отечество, но впадаютъ въ крайность, въ которыхъ члены 1000 лѣтнихъ фамилій принуждены будемъ *въ подляніи искать насущнаго куска хлѣба себѣ и своимъ семействамъ*". Такъ постепенно обнаруживались настоящія стремленія дворянъ; громкія заявленія о готовности жертвы, были позой, фразой. Дворянство откровенно сознается въ значительной своей части въ томъ, что освобожденіе крестьянъ, какъ дѣло нужное и полезное государству и вредное для дворянскаго сословія, должно быть принято на свой страхъ государствомъ и оно же должно оплатить права тѣхъ, которые, не нуждаясь въ реформѣ, должны тѣмъ не менѣе принять на себя тягости ея. Но это былъ самый рѣшительный и послѣдній, къ тому же весьма откровенный аргументъ, говорящій объ узости политическаго развитія дворянства, по использованіи котораго, дворяне дальше лишь могли ихъ варьировать на различные лады.

По приблизительному исчисленію Д. И. Кипіани крестьянскій дымъ въ среднемъ давалъ помѣщику дохода 148 р. $38^1/_3$ к., если капитализировать посредствомъ увеличенія въ $16^2/_3$ разъ эту сумму, получимъ на дымъ 2.473 р., а на 17.208 дымовъ $42^1/_2$ мил.; положеніе свое дворяне считаютъ безвыходнымъ, когда они потеряютъ и капиталъ—личныя повинности крестьянъ—и $^0/_0$ съ него. „Сознáемся, господа, говорилъ Тифлисскимъ дворянамъ Д. И. Кипіани, скажемъ открыто, *что прискорбно намъ, больно для чувствъ нашихъ, тяжело для вѣковаго нашего званія, что, даря крестьянамъ нашимъ свободу, пятнаемъ это священное дѣло просьбою о денежномъ содѣйствіи*, но положеніе наше въ точномъ смыслѣ слова крайне затруднительно и чего не выразилъ бы языкъ нашъ никогда иначе, какъ въ дѣйствительной крайности, то побуждаетъ насъ высказать естественный долгъ нашъ обращаться въ нашей нуждѣ непосредственно къ нашему Государю Императору". Д. Кипіани основывается на законѣ (X т. ч. II, ст. 794 и ч. I, ст. 594), по которому, въ замѣнъ переселяемыхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, владѣльцу выдавалось по 100 р. съ души м. п. и 50 р. ж. п. Если бы получили вознагражденіе по этому разсчету (Рѣш. Прав. Сен. 21 іюля 1858 г., 7 авг. 1862 г.) и

дворяне Тифлисской губ., то при 100 р. вознагражденія за д. м. п., съ дыма пришлось бы не болѣе 400 р., и помѣщики считали эту норму вознагражденія пріемлемой. „Духъ времени требовалъ, заключаетъ Д. И. Кипіани, и крестьяне лишены были личной свободы; духъ времени требуетъ и они возстановляются въ видахъ пользы государства; *государство и должно понести необходимыя на это издержки*“ и онѣ ни коимъ образомъ не должны быть переложены на крестьянъ, „было бы столько же несправедливо, сколько и не милосердно безвозмездно лишить ихъ пасъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне наши находятся также въ весьма затруднительномъ положеніи; много выполнено ими различныхъ общественныхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей; много понесено ими расходовъ по снаряженію и содержанію милиціи и дружинъ“.

Основныя положенія доклада Д. И. Кипіани, принципіальныя сужденія его о направленіи и формахъ улучшенія быта крѣпостного крестьянства въ Тифлисской губ. раздѣляло почти все дворянство губерніи. Изъ анализа доклада, а также общихъ сужденій дворянства безусловно вытекаетъ то заключеніе, что дворянство въ цѣломъ, признавая безспорныя права свои на крестьянъ, освященныя вѣками, соглашалось только на дарованіе имъ личной свободы, съ выкупомъ всѣхъ личныхъ крестьянскихъ повинностей за счетъ правительства; Д. И. Кипіани совершенно игнорируетъ то, что высшая власть никакъ не допускала возможности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ докладѣ Д. И. Кипіани, охотно поддержанномъ и дворянскимъ большинствомъ, любопытно соображеніе, что освобожденіе крестьянъ, предпринятое правительствомъ, необходимо и начато исключительно въ пользу и въ интересахъ государства, которымъ и былъ учрежденъ крѣпостной институтъ; мы въ докладѣ и въ сужденіяхъ дворянъ не найдемъ очевидныхъ доказательствъ этого сужденія, дворяне выставляли въ подкрѣпленіе этой мысли только то, что освобожденіе крестьянъ для нихъ невыгодно, и естественно приходилось имъ заключать, что освобожденіе кому-нибудь принесетъ пользу, а такимъ выгадывающимъ субъектомъ признается государство; но какую именно государство получало пользу—неизвѣстно.

Помѣщики Тифлисской губ. добросовѣстно упустили изъ виду третьяго субъекта—крестьянство, въ интересахъ котораго прежде всего должна была совершиться крѣпостная реформа.

Общее впечатлѣніе отъ большей части дворянскихъ записокъ, мнѣній, докладовъ, сужденій далеко не въ пользу ихъ составителей: постоянныя противорѣчія, увѣренія въ миролюбіи и стремленіи на началахъ справедливости провести реформу, смѣняются часто энергичными попытками отстоять свои личные интересы, не поступаясь рѣшительно ничѣмъ въ пользу тѣхъ крестьянъ, о любви и доброжелательствѣ къ которымъ не разъ распространялись многіе и многіе дворяне. Конечно, въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ трудно установить какую нибудь строго выдержанную общественную философію или общественное міровоззрѣніе не только у большинства, массы дворянской, но и у лучшихъ образованныхъ представителей дворянства, за то у нихъ весьма немного затаенныхъ, маскированныхъ ходовъ и соображеній, все выходитъ наружу; необходимо подчеркнуть и то, что Тифлисское дворянство въ цѣломъ слишкомъ далеко стояло отъ эмансипаціонныхъ идей, мы почти не находимъ среди дворянства того естественнаго психологическаго состоянія, которыя обычны въ моменты великихъ событій, которое характеризуется увлеченіемъ, стихійнымъ подъемомъ. Наоборотъ, растерявшись и испугавшись, дворяне Тифлисской губ. въ великой паникѣ, мало считаясь съ послѣдовательностью своихъ дѣйствій и поступковъ, стараются изъ погибающаго достоянія спасти возможно больше; конечно, подобное отношеніе къ дѣлу величайшей важности и поведеніе въ столь высокомъ дѣлѣ упраздненія владѣнія лицами,—было лишь слѣдствіемъ невѣжества, умственной отсталости; умы непросвѣщенные не могли возвыситься до общихъ принципіальныхъ сужденій; и, какъ всегда бываетъ у людей малокультурныхъ, интересы матеріальные, личные заглушали все и въ наивной простотѣ невѣжественнаго и недисциплинированнаго ума нельзя искать идеальныхъ порывовъ и строгой логической послѣдовательности въ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Если коренное русское дворянство мало было подго-

товлено по умственному развитію своему для воспріятія гуманныхъ идей реформы 19 февраля, то окраинное грузинское дворянство, еще менѣе способно было проникнуться и усвоить идею цѣлесообразности и необходимости упраздненія крѣпостного права.

б. *Мнѣніе большинства дворянъ Тифлисской губ. объ улучшеніи быта крѣпостныхъ.*

Дворянство Тифлисской губ. обязано было начертать свой проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Общія сужденія и предположенія свои дворянство должно было систематизировать. Д. И. Кипіани, какъ уже извѣстно, и былъ занятъ отъ лица дворянства составленіемъ такого проекта положенія. Проектъ, составленный Д. И. Кипіани, оказался на столько удовлетворительнымъ, что былъ принятъ и вполнѣ одобренъ большинствомъ дворянства. Такъ какъ общія сужденія дворянъ о крѣпостной реформѣ Тифлисской губ. намъ уже извѣстны, то мы можемъ перейти къ детальному анализу проекта положенія большинства дворянства Тифлисской губ. Примирившись съ мыслью о необходимости освобожденія отъ личной зависимости крестьянъ, дворяне Тифлисской губ. въ первую очередь занялись рѣшеніемъ вопроса о крестьянской движимой и недвижимой собственности. Большинство помѣщиковъ ссылается на уложеніе законовъ Вахтанта VI, по которому имущество крестьянина, какъ и онъ самъ, составляютъ собственность помѣщика. Но въ дѣйствительности, въ повседневной жизненной практикѣ, это суровое постановленіе закона смягчалось обычными нормами и переселявшійся крестьянинъ оставлялъ помѣщику недвижимость, сохраняя за собой всю движимую часть имущества; не взирая на установившуюся обычную жизненную практику, признанную самими дворянами, проектъ большинства предпочиталъ возвратиться къ буквѣ закона; большинство дворянства не находитъ строгихъ основаній для отступленія отъ закона, допущеннаго обычаемъ, но все-же постановило: „бывшій крѣпостной, переселяясь съ помѣщичьей земли, все свое движимое имущество сохраняетъ за собой, а недвижимое т. е. землю, строенія и насажденія, возведенныя на помѣщичьей землѣ, оставляетъ помѣщику съ тѣмъ, что если окажется, что виноградный садъ доведенъ

крестьяниномъ до разоренія умышленно или по нерадѣнію, то причиненный вредъ возмѣщается владѣльцу по опредѣленію медіаторовъ".

Крестьяне же въ уѣздахъ, армяне, мусульмане, евреи, занятые скотоводствомъ, торговлей должны „при выселеніи изъ помѣщичьихъ имѣній оставлять въ пользу помѣщиковъ половину изъ движимаго имущества". По тѣмъ же законамъ Вахтанга все купленное или иначе пріобрѣтенное крестьяниномъ принадлежитъ помѣщику, на этомъ основаніи помѣщиками, безъ собственнаго разрѣшенія, не дозволялась крестьянамъ покупка и продажа. Разставаясь съ крестьянами, дворянство отказывается отъ права на движимое или пріобрѣтенное имѣніе. Помѣщики не находятъ только возможнымъ принимать отъ крестьянъ въ качествѣ безспорныхъ доказательствъ на права владѣнія имуществомъ домашнихъ баратовъ т. е. расписокъ, ибо нѣтъ гарантій въ ихъ безусловной подлинности; поэтому для предотвращенія фабрикаціи фальшивыхъ документовъ дворянство предлагаетъ: „кто изъ бывшихъ въ крѣпостномъ состояніи пріобрѣлъ въ бытность свою въ крѣпостномъ состояніи какую либо недвижимую собственность, права на которую не оспариваетъ у него бывшій его владѣлецъ или на которую имѣется надлежащій письменный актъ, установленнымъ порядкомъ, въ судебномъ мѣстѣ у крѣпостныхъ дѣлъ совершенный, до такой собственности помѣщику нѣтъ уже дѣла и крестьянинъ распоряжается ею, какъ законный собственникъ".

Связь между дворянами и крестьянами устанавливалась въ теченіе продолжительнаго срока и эта связь „безъ взаимнаго болѣзненнаго ощущенія" не можетъ исчезнуть; дворянство не можетъ забыть и того, что „служба крестьянина своему господину была всегда безпредѣльна" и вотъ, когда наступила пора „разстаться съ крестьянами", дворянство „желаетъ доказать дѣломъ благодарную къ нимъ память", „рѣшаетъ принести жертву, которую никто не назоветъ малою, кто знаетъ положеніе дворянъ" губерніи Эта жертва выражается въ томъ, что помѣщики даютъ крестьянамъ личную свободу и оставляютъ въ ихъ пользованіи всѣ тѣ, безъ исключенія земли, которыя состоятъ въ пользованіи

крестьянъ и за тѣ же повинности, которыя они въ моментъ реформы отбывали.

Установивъ понятіе о собственности движимой, помѣщики тѣмъ самымъ опредѣлили всѣ свои права на земли и другія угодія. Помѣщики никоимъ образомъ не соглашаются давать крестьянамъ земли въ собственность. Въ числѣ наиболѣе важныхъ причинъ указывается на дворянское малоземелье; оно настолько велико, по показанію дворянъ, что „если дать, напримѣръ, хоть по 2 дес. на дымъ, то помѣщикамъ не достанетъ уже для ихъ существованія не только своихъ, но даже казенныхъ и церковныхъ земель“, и помѣщичьи земли не могутъ находиться въ сосѣдствѣ съ крестьянскими, „ибо все ему (помѣщику) принадлежащее подвергнется разоренію“; земель безспорныхъ нѣтъ; „лучшія земли находятся въ пользованіи крестьянъ нашихъ (помѣщиковъ), если укрѣпить ихъ за ними, помѣщики должны остаться ни причемъ“, а „крестьяне не могутъ думать и не думаютъ, что эти земли могутъ достаться имъ“. Помѣщики не могутъ предоставить этихъ земель въ собственность крестьянамъ, еще и потому, что среди самихъ крестьянъ создались своеобразные взгляды на дѣло: „сами крестьяне говорятъ, что если съ личнымъ освобожденіемъ, они должны будутъ выкупать у насъ земли, то имъ необходимо имѣть право выкупать или пріобрѣтать земли по своему усмотрѣнію, а не по принужденію; или по заранѣе опредѣленной цѣнѣ т. е. коль скоро они должны употребить на то свои трудовыя деньги, то должны пріобрѣтать такую землю и въ такихъ мѣстахъ, какую гдѣ сами пожелаютъ или найдутъ для себя выгоднѣе. Вотъ фактъ, высказываемый самими крестьянами и служащій доказательствомъ тому, что *обязательность выкупа земель, по опредѣленнымъ цѣнамъ, не можетъ быть полезна*“. „Земля есть собственность помѣщика и распоряженіе ею должно зависѣть отъ него; многіе изъ помѣщиковъ, за неимѣніемъ своей земли, пользуются церковными землями, отбывая галу, что же такіе помѣщики могутъ дать крестьянамъ“. Проектъ большинства сильно страшится выдѣленія крестьянамъ земли въ собственность; сосѣдство крестьянина земледѣльца съ помѣщичьими землями признается слишкомъ опасной и недопустимой въ интере-

сахъ спокойствія и мирнаго веденія сельско-хозяйственнаго помѣщичьяго труда, „малѣйшая даже часть земли, отданная крестьянину, уронитъ остальную помѣщичью“; если помѣщики предоставятъ свои земли крестьянамъ въ собственность, „владѣльцамъ останется пуститься на волю судьбы и съ посохомъ странника искать себѣ хлѣба для существованія“. Дворяне, однако, не объясняютъ причинъ такого гибельнаго сосѣдства крестьянъ, но опасеніе, очевидно, истекало изъ предвзятаго сужденія о злой и раздраженной волѣ крестьянина, преслѣдующаго и мстительнаго по отношенію къ своимъ бывшимъ господамъ, такое представленіе уже плохо вяжется съ безпрестаннымъ утвержденіемъ помѣщиковъ о мирныхъ и любовныхъ отношеніяхъ между ними и крестьянами, разъ такъ сильно приходилось пугаться сосѣдства крестьянъ. Выдѣлить крестьянамъ земли „значило бы возбудить въ нихъ негодованіе къ себѣ и тѣмъ навсегда уничтожить возможность добраго между нами согласія. А такъ какъ дѣйствіе это можетъ породить только неблагодарность и взаимную непріятность, то и было бы совершенно неестественно“. Дворянство, съ одной стороны, категорически возставало противъ укрѣпленія за крестьянами тѣхъ земель, которыми они уже владѣли, на томъ основаніи, что это при существующемъ малоземеліи совершенно ихъ разорило бы; противъ выдѣленія части этихъ земель они находили другой аргументъ, который, казалось, имѣлъ бо́льшее значеніе въ первомъ случаѣ, враждебность крестьянъ; такимъ образомъ, создавалось нелѣпое рѣшеніе: не давать крестьянамъ всѣхъ земель, ни части ихъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ упускалось изъ виду дѣйствительно естественное негодованіе крестьянской массы, которая лишалась насиженныхъ мѣстъ. Но эта слабая защита позицій есть попытка лишь утвердить и доказать законность своихъ притязаній; наоборотъ, она обнаруживаетъ чрезмѣрную элементарность доводовъ. Болѣе сильнымъ былъ другой доводъ дворянъ, это указаніе на необходимость размежеванія земель и безспорнаго ихъ отчужденія владѣльцамъ, прекращеніе тяжбъ съ однофамильцами, сосѣдями. Правда, это требованіе имѣло огромное значеніе для большинства дворянскихъ земель, но оно уже касалось принципіальнаго во-

проса упорядоченія въ губерніи вообще землевладѣнія и практическаго рѣшенія вопроса о возможныхъ нормахъ надѣленія крестьянъ; между тѣмъ дворянство самымъ настойчивымъ образомъ возставало противъ земельнаго обезпеченіе, поэтому ссылка на то, что невозможно опредѣлить пропорціи крестьянскихъ надѣловъ не имѣла реальнаго основанія; вопросъ о надѣленіи крестьянъ былъ слѣдствіемъ кардинальнаго вопроса *о необходимости надѣленія*. Легко прійти къ заключенію, что и этотъ доводъ—наобходимость размежеванія земель, самъ по себѣ, въ практическомъ отношеніи важный, не имѣетъ никакого отношенія къ принципіальной постановкѣ дѣла. Наконецъ, упомянутый доводъ не имѣетъ значенія абсолютнаго. Въ спорномъ владѣніи находились не всѣ безъ исключенія помѣщичьи земли, вѣдь при спорности ихъ существовало же, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское хозяйство. Поэтому болѣе понятно доказательство дворянъ, что, отказавшись отъ личной крестьянской службы, они не желаютъ итти на другія уступки, и не могутъ надѣлять крестьянъ землями, чтобы не лишиться главныхъ источниковъ доходовъ; а выдѣленіе части изъ существовавшихъ крестьянскихъ надѣловъ не удовлетворило бы крестьянъ. Ссылки на естественное и нравственное право, въ примѣненіи къ крестьянской реформѣ, о которыхъ говорили уже выше, конечно, послѣ приведенныхъ разсужденій, совершенно не убѣдительны.

Самымъ замѣчательнымъ въ мнѣніи большинства дворянъ нужно признать то, что, не желая надѣлять крестьянъ землею, дворяне тѣмъ не менѣе не хотятъ отказываться отъ вмѣшательства и участія въ жизни крестьянъ послѣ того какъ они получили бы личную свободу; это попеченіе вытекало изъ сознанія нравственной обязанности, какъ результата существовавшей, якобы нравственной связи, между помѣщиками и крѣпостными. Мы уже говорили, что ни о какой нравственной связи ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ нельзя говорить, когда одинъ изъ членовъ этой связи взятъ былъ подъ сильное подозрѣніе. Дворяне разсуждаютъ: „оставить вдругъ безъ ближайшаго совѣта и помощи тѣхъ, кои потомственно жили подъ постоянной охраной законной защиты *было бы противно чистой нравственности*. Ни имъ нельзя

приписать никакой вины, которая бы оправдывала совершенное, съ нашей стороны, отъ нихъ отреченіе, ни намъ нельзя приписать такихъ чувствъ, которыя заставили бы насъ уклоняться отъ взаимнаго благорасположенія или не желать устраненія всякой между нами враждебности. *Укрѣпленіе за крестьянами земель вовсе не соотвѣтствовало бы тому положенію*, такъ какъ подобная мѣра была бы *принудительною, слѣдовательно, послужила бы къ уничтоженію тѣхъ добрыхъ началъ взаимности, о сохраненіи коихъ нравственно мы должны заботиться*". Едва ли можно въ такомъ маломъ отрывкѣ, при другихъ обстоятельствахъ, совмѣстить такое количество логическихъ несообразностей. Постоянное подчеркиваніе нравственныхъ связей и нравственныхъ обязательствъ, которыхъ не было въ прошломъ и едва ли возможны были въ будущемъ, пріобрѣтаетъ привкусъ очень дурного специфическаго тона, отвести глаза въ сторону, показавъ себя въ качествѣ безконечно рачительныхъ и заботливыхъ попечителей. Само дворянство своимъ проектомъ безземельнаго надѣленія уничтожало тѣ крупицы нравственныхъ отношеній, которыя когда либо существовали. Создавая армію безземельныхъ они, такимъ образомъ, закладывали фундаментъ соціальнаго неустройства и анархіи, ибо масса безземельныхъ, при совершенномъ отсутствіи возможности приложенія своихъ трудовъ къ производительной дѣятельности, за несуществованіемъ таковой, давала основаніе существованію опаснаго элемента въ государствѣ.

Очевидно, нѣкоторую неловкость чувствовало дворянство въ проектѣ безземельнаго освобожденія и видѣло экономическую невыгодность подобнаго предпріятія, а потому въ качествѣ временной мѣры, на три года, проектировало: „всѣ домовыя и дворовыя мѣста (усадебныя), всѣ земли въ настоящее время крестьянами обрабатываемыя, всѣ лѣса, пастбища, воды въ пользованіи ихъ состоящія, все это оставляются за ними же, крестьянами нашими, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы давали они намъ доходъ съ земли и отбывали за нее бегару по обычаю", „домашняго быта и обзаведенія крестьянъ" дворяне не касаются; за образецъ новаго общественнаго устройства они берутъ хизанское положеніе. Въ продолженіи этого срока стороны должны

вступить въ соглашеніе относительно дальнѣйшаго пользованія землями. Возражая противъ надѣленія крестьянъ земельной собственностью, дворяне указываютъ, что крестьяне могутъ пріобрѣтать земли порядкомъ, закономъ дозволеннымъ (Св. Зак. изд. 1857, т. IX, ст. 1089—1093), но это право и безъ того было безспорно, слѣдовательно, явилось излишнимъ упоминаніе о немъ; съ другой стороны, признаніе желательности распространенія выкупной операціи, принятой въ Россіи, и на тифлисскихъ крестьянъ, т. е. правительственнаго содѣйствія крестьянамъ, всплыло очень поздно и опять таки оно явилось уступкой времени.

Анализъ проекта улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ большинства дворянства Тифлисской губ., какъ и анализъ другихъ частныхъ дворянскихъ проектовъ и предположеній, приводитъ насъ къ единственному выводу, что интересы помѣщиковъ цѣликомъ сосредоточились около вопросовъ, касающихся права пользованія недвижимостью, т. е. землей и крестьянскими повинностями; за предѣлы этихъ вопросовъ дворянскіе интересы не выходили, что объясняется, конечно, исключительной жизненной ихъ важностью для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ съ реформой были связаны и другія не менѣе серьезныя задачи, удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ не могло не касаться дворянъ; мы имѣемъ въ виду будущее общественное устройство свободнаго крестьянскаго населенія; отказавшись отъ личныхъ правъ на крестьянъ, дворянство успокоилось на этомъ и дальнѣйшая участь крестьянскаго населенія ихъ мало волновала и трогала, что лишній разъ подчеркиваетъ недостаточность общественнаго развитія дворянства. Хотя нельзя не указать и того, что значительная доля вины въ этомъ случаѣ должна быть отнесена за счетъ недостаточной точности, въ смыслѣ опредѣлительности, программы дѣятельности, преподанной Закавказскимъ правительствомъ мѣстному дворянству.

в. *Мнѣніе меньшинства дворянства Тифлисской губ.*

Меньшинство Тифлисскаго дворянства, всего 14 чел., соглашаясь съ общими положеніями проекта улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисской губ., выработаннаго на губернскомъ и на уѣздныхъ съѣздахъ „въ отношеніи

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

необходимости вознагражденія помѣщиковъ за уничтоженіе личнаго крѣпостного права, такъ и равно въ отношеніи оставленія за помѣщиками полнаго и безусловнаго права собственности на принадлежащія имъ земли и др. угодія", считало „справедливымъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ обезпеченію будущности крестьянъ, освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости".

Меньшинство дворянства уже прямо говоритъ объ освобожденіи крестьянъ, а не объ улучшеніи быта ихъ. Обезпеченіе крестьянскаго быта разсматривается какъ главное условіе и основаніе этого обезпеченія и оно, по мнѣнію меньшинства, должно быть основано на обоюдныхъ выгодахъ помѣщика и крестьянина, „между которыми, по всей справедливости, должно возникнуть взаимное уваженіе правъ на извѣстное имущество". По мнѣнію меньшинства, „право помѣщика на недвижимое имущество, состоящее нынѣ во владѣніи крестьянина, конечно, неоспоримо, но *неоспоримо также и право крестьянина на его трудъ*, на все, гдѣ только видно участіе его заботъ, капитала, опытности, гдѣ видны слѣды его дѣятельности и заботливости о своемъ улучшеніи". Все что сдѣлалъ, засадилъ, устроилъ, пріобрѣлъ на свои средства крестьянинъ, „все это должно составлять полную, неприкосновенную его собственность, до которой не долженъ имѣть притязанія помѣщикъ"; это право на трудъ крестьянина, признало, наконецъ, и большинство дворянства, но послѣднее мало склонно было дѣлать изъ этого практическіе выводы, и въ оправданіи своемъ указывало, что право крестьянина на результаты его труда слѣдствіе обычнаго института, который для большинства не имѣетъ принудительнаго значенія.

Меньшинство же дворянства, „признавая право крестьянина на трудъ", доказывало, что безспорную собственность крестьянина составляютъ: 1) домашняя скотина, сельскохозяйственныя орудія, вообще все движимое имущество, 2) жилыя и всѣ хозяйственныя строенія; земли, же на которыхъ они возведены составляютъ собственность помѣщика, 3) виноградные и другіе сады, не касаясь земли, на которой они разведены, она собственность помѣщика, 4) пріобрѣтенныя отъ постороннихъ лицъ недвижимыя имѣнія, по

законнымъ актамъ, совершеннымъ со дня водворенія русскаго правительства. Проектъ меньшинства цѣненъ детализаціей правъ и ихъ регламентаціей; признавая все это, меньшинство дворянства въ свою очередь требовало и со стороны крестьянъ уваженія правъ помѣщика: „на столько, на сколько мы рѣшились, говоритъ оно, уважать права крестьянъ на ихъ трудовое достояніе, настолько и крестьяне обязаны уважать право наше на землю, на которой видны слѣды ихъ дѣятельности и участія труда и собственности ихъ капиталовъ“, изъ этого взаимнаго признанія правъ слѣдуетъ, что каждая сторона должна имѣть возможность облегчить себѣ право распоряженія своимъ достояніемъ, а это возможно лишь при точномъ опредѣленіи тѣхъ условій, на основаніи которыхъ каждая изъ сторонъ соглашается пользоваться своимъ правомъ и своей собственностью; что касается этихъ условій, то они „должны быть неизмѣнны и опредѣлены на все время *по обоюдному и добровольному соглашенію*“. Неизмѣнное и точное опредѣленіе условій необходимо: 1) для устраненія всякихъ недоразумѣній, 2) для избѣжанія опасностей, которыя могутъ предстоять при опредѣленіи новыхъ условій, 3) для увѣренности каждой стороны, что его опредѣленное положеніе не можетъ измѣниться ни въ какое время, 4) для важности дѣла, которое получить совершенное окончаніе, „не подвергая крестьянина никакому сомнѣнію на счетъ будущаго своего положенія, которое не должно зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ, могущихъ уничтожить надежду его на спокойное и безмятежное состояніе“. Условія, устанавливающія отношенія между помѣщиками и крестьянами „должны быть заранѣе опредѣлены и объявлены“, чтобы и помѣщики, и крестьяне „съ самаго дня объявленія объ освобожденіи были бы приготовлены къ тому, что ихъ ожидаетъ и что за каждымъ изъ нихъ сохраняется изъ прежнихъ правъ по рѣшеніи крестьянскаго вопроса“.

Проекту меньшинства въ этомъ пунктѣ нужно отдать значительное преимущество, ибо онъ пытается заранѣе предупредить возможныя столкновенія при ликвидаціи столь сложнаго вопроса. Ясность и опредѣлительность правъ обѣихъ сторонъ на будущее время была ими признана весьма

и весьма существенной, между тѣмъ большинство этими формальными, по существу, но опредѣляющими сущность дѣла вопросами мало интересовалось; нельзя также пройти молчаніемъ мимо достаточно послѣдовательной и логической связности основаній проекта меньшинства, а равно мимо того, что заботы объ устроеніи одинаково простираются на оба сословія, а не на одно дворянское, какъ въ проектѣ большинства.

Уступая крестьянамъ все то, гдѣ видны его труды, признавая историческое „право на трудъ", дворяне меньшинства требовали, чтобы крестьяне платили подати: 1) съ земли, на которой они возвели хозяйственныя постройки, заведенія на свои средства, 2) съ земли, на которыхъ крестьяне развели сады своими трудами. Повинности съ земель первой категоріи должны быть опредѣлены по спеціальной оцѣнкѣ, а послѣдняя производится или по добровольному соглашенію сторонъ, или по опредѣленной нормѣ, установленной для этого учрежденіями. При оцѣнкѣ должны, приниматься во вниманіе мѣстныя условія, удобства сообщенія, количество и качество земли и др. спеціальныя условія, вліяющія на цѣнность земли вообще. Съ установленной, такимъ образомъ, суммы оцѣнки крестьяне должны уплачивать ежегодно $4^0/_0$ деньгами или какими нибудь другими средствами.

Повинности съ земель второй категоріи должны быть опредѣлены также по соображенію съ мѣстными условіями и ни въ какомъ случаѣ не должны превосходить $^1/_4$ доходовъ съ произведеній сада или другихъ разведеній. При опредѣленіи четвертой части платежей помѣщики сообразовались съ мѣстными обычаями. Обычаи же были таковы: при наймѣ разведеннаго уже сада платили $^1/_2$ съ дохода; если разведеннаго сада не было, то помѣщикъ уже получалъ $^1/_4$ на слѣдующемъ основаніи: $^1/_2$ дохода удерживалась съемщикомъ земли за трудъ, потраченный на разведеніе сада, $^1/_2$, какъ чистый доходъ, дѣлилась между работникомъ и владѣльцемъ сада; этотъ обычай и принятъ меньшинствомъ въ основаніе исчисленія повинностей. Этотъ разсчетъ не примѣняется къ полевымъ произведеніямъ. Сѣнокосы, пастбища, выгонныя мѣста, такъ называемыя санахпре-сазовари, пре-

доставляются крестьянамъ въ безплатное пользованіе. Такимъ образомъ, меньшинство дворянъ думало, что обѣ стороны будутъ „довольны настолько, насколько это возможно при объявленіи реформы и при обстоятельствахъ нашей жизни и нашего общественнаго положенія и устройства“, крестьяне получатъ отъ помѣщиковъ, домъ, усадебную осѣдлость „за самую ничтожную плату“, садъ и др. произведенія. Меньшинство дворянства отлично сознаетъ, что этихъ уступокъ недостаточно для матеріальнаго благосостоянія будущаго свободнаго крестьянства, что ему необходимы пахатныя и др. полевыя угодія. Мы знаемъ съ какой настойчивостью дворянство въ большинствѣ своемъ отстаивало неприкосновенность своихъ правъ собственности на землю. Меньшинство также отказывается отъ надѣленія землей крестьянъ; мотивы тѣ же самые, что у большинства, а именно недостатокъ земель у самихъ дворянъ; „у большей части помѣщиковъ нѣтъ въ распоряженіи и 20 дней паханія“. По увѣренію помѣщиковъ, всѣ земли обрабатывались за галу крестьянами; если бы помѣщики рѣшились на передачу этихъ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе и распоряженіе крестьянъ, то у владѣльцевъ ничего не осталось бы а „помышлять объ этомъ, значитъ помышлять, чтобы принести въ жертву одну сторону другой, менѣе имѣющей правъ на земли вообще помѣщика, приносящаго и безъ того много жертвъ и уступокъ въ пользу крестьянина“, выводъ изъ этихъ разсужденій тотъ, что и у большинства, только не въ столь рѣзкой и непослѣдовательной формѣ. Но сохраняя безусловное право на земли, меньшинство предлагаетъ крестьянамъ брать земли у нихъ въ наемъ, и обѣщаетъ предоставлять имъ „преимущественное право на пользованіе и на наемъ нашихъ (помѣщичьихъ) земель подъ луговые, хлѣбные и др. посѣвы. Обоюдная выгода обяжетъ насъ именно къ этой уступкѣ“.

Помѣщики меньшинства не пытаются связывать своихъ крестьянъ. Если крестьяне найдутъ невыгоднымъ пользованіе для себя уступленными помѣщикомъ домами и садами, имѣютъ полное и безпрепятственное право искать себѣ новаго пристанища и брать съ собою все, на что признано право крестьянъ, но уже здѣсь выдвигается настолько неопредѣленное и шаткое новое требованіе, что оно могло со-

вершенно аннулировать право крестьянина, безспорное по утвержденію меньшинства, на недвижимость, а именно: крестьянинъ при уходѣ можетъ забрать движимое имущество, сельско хозяйственныя орудія, „если таковыя безъ ущерба землѣ могутъ быть взяты“ и вообще все, что „не можетъ клониться къ порчѣ и пониженію цѣнности земли“, вотъ неопредѣленность и необычайная расплывчатость этихъ выраженій могла оказаться гибельной. Разведенный на землѣ помѣщика садъ, тамъ гдѣ уходящій крестьянинъ имѣетъ право на трудъ и потраченный капиталъ, онъ можетъ продать, заложить, съ тѣмъ, однако, что пріобрѣтающій отъ крестьянина садъ выдѣляетъ владѣльцу 1/4. Вообще помѣщики того мнѣнія, что въ отношеніи распоряженія садами, главнымъ образомъ виноградными, крестьяне вполнѣ свободны, но эта свобода не должна влечь за собой нарушенія правъ помѣщика на землю; при передачѣ сада кому нибудь всегда заранѣе должно обусловливаться и оговариваться выполненіе со стороны новаго лица всѣхъ обязанностей по отношенію къ владѣльцу земли; безъ такой оговорки сдѣлка юридически недѣйствительна, а неогражденіе интересовъ помѣщика вызываетъ въ свою очередь потерю правъ крестьянина на имущество. Поэтому во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній каждую передачу лучше совершать съ согласія помѣщика, хотя крестьянинъ „имѣетъ полное право распоряженія своимъ трудовымъ достояніемъ“. Если относительно новаго лица будутъ возникать сомнѣнія въ исправномъ исполненіи ихъ обязательствъ, то дѣло въ такихъ случаяхъ безъ одного или другихъ поручителей обходиться уже не можетъ; эти же правила распространяются на уступки со стороны крестьянина домовъ и др. хозяйственныхъ заведеній, находящихся на помѣщичьей землѣ.

Но возможны и такіе случаи, когда уходящій крестьянинъ не найдетъ охотника взять садъ, домъ и др., тогда они остаются въ собственности помѣщика, за нимъ же сохраняется безспорное право на все выморочное имѣніе и имущество крестьянина. Предоставляя свободу переселенія крестьянамъ, меньшинство дворянства, не можетъ требовать отъ крестьянина переселенія съ мѣста жительства; даже нарушеніе выполненія условій со стороны крестьянина от-

носительно взноса и исполненія податей не влечетъ удаленія крестьянина съ мѣста жительства, а требуетъ только возстановленія нарушенія и удовлетворенія правой стороны, а это уже дѣло существующихъ властей. Помѣщики склонны еще болѣе ограничивать это свое право. Такъ, они не могутъ даже на выгодныхъ условіяхъ отдавать земли подъ домами и садами, предпочтительно предъ своими крестьянами, не въ правѣ увеличивать повинностей и податей крестьянскихъ, доколѣ они на землѣ. Преимущественное право помѣщика допускается тогда, когда крестьянинъ хочетъ уступить другимъ лицамъ разведенный садъ, строенія и др. Преимущественное право распоряженія и владѣнія доходными мѣстами, находящимися въ помѣстьяхъ, какъ то ярмарками, лавками, мельницами и т. п. сохраняются за помѣщиками; конечно, они могутъ поступать и въ крестьянское пользованіе, но на извѣстныхъ основаніяхъ.

Помѣщики предоставляютъ крестьянамъ пользованіе лѣсомъ для виноградныхъ садовъ и домашнихъ нуждъ по казенной цѣнѣ; внѣ этого, безъ предварительнаго соглашенія съ владѣльцами, пользованіе не можетъ быть допустимо. Такъ какъ могутъ оказаться мѣстности, гдѣ у помѣщиковъ лѣсовъ своихъ не будетъ и крестьяне будутъ вынуждены покупать ихъ дороже казенной цѣны, то въ такихъ мѣстахъ помѣщики обязаны получать не $^1/_4$, а $^1/_5$ часть доходовъ съ садовъ. Относительно пользованія водой, поливными канавами и др. подобными устройствами сохраняются въ силѣ существующіе обычаи.

Представляя свои мнѣнія, меньшинство дворянства было увѣрено, что правительство уважитъ ихъ право въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „это право основано на законахъ общечеловѣческихъ и государственной справедливости“, и меньшинство дворянства думаетъ, что „при рѣшеніи народнаго дѣла необходимо сохранить за каждымъ изъ заинтересованныхъ сторонъ столько выгодъ, на сколько каждая изъ нихъ имѣетъ на это право“.

Проектъ меньшинства дворянства Тифлисской губ. имѣетъ значительныя преимущества предъ проектомъ большинства. Въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землею, этомъ наиболѣе сложномъ и важномъ пунктѣ, оба проекта сходятся;

и это сходство въ стремленіи удержать землю въ своихъ рукахъ мотивируется однимъ и тѣмъ же—малоземельемъ; другіе мотивы проекта большинства, въ большей части своей мало доказательны, искусственны и цѣнности аргумента убѣдительнаго не имѣютъ; въ проектѣ же меньшинства нѣтъ никакихъ побочныхъ мотивовъ, кромѣ существеннаго указанія на скудное земельное довольствіе. Но преимущество, конечно, не исчерпывается этимъ; въ проектѣ меньшинства болѣе благожелательное отношеніе къ освобождающемуся рабу; болѣе стремленія прійти на помощь ему; когда большинство беретъ крестьянъ огульно, какъ массу, съ затаеннымъ враждебнымъ чувствомъ, готовымъ ежеминутно вырваться наружу, меньшинство, напротивъ, склонно къ болѣе сочувственному отношенію, ибо во всѣхъ гражданскихъ актахъ, которые могли возникать между крестьянами и помѣщиками, послѣдніе обѣщали, выставляли необходимость оказывать предпочтеніе именно бывшему крестьянину, какъ бы въ благодарность за прошлые труды и услуги крестьянъ; вопросъ другой, на сколько эти обѣщанія на дѣлѣ оправдались бы, но принципіальное заявленіе о такой готовности и оффиціальное признаніе этой готовности имѣетъ очень большое значеніе; въ пользу нашего замѣчанія говоритъ и то, что въ вопросѣ о крестьянской движимости меньшинство дворянства сразу признало права крестьянъ и немедленно отказалось отъ своихъ притязаній. Но какъ бы то ни было творцы проекта меньшинства, какъ и проекта большинства, отстаивали весьма настойчиво худшую форму реорганизаціи крестьянскаго быта—безземельное освобожденіе; правда, меньшинство отказалась отъ перевода крестьянъ на хизанское положеніе, т. е. отвергло идею обращенія крестьянъ въ вѣчныхъ арендаторовъ, но и рекомендуемая имъ мѣра обезпеченія крестьянъ землей путемъ найма, нисколько не сулила крестьянской массѣ лучшаго условія общежитія, чѣмъ обращеніе ихъ въ хизанское положеніе, а пожалуй и худшее. Какъ никакъ, а хизанское положеніе представляло нѣчто болѣе или менѣе опредѣленное, гарантированное; а предлагая крестьянамъ земельное довольствіе путемъ найма, меньшинство ставило ихъ въ очень невыгодныя условія и вотъ почему: крестьянинъ, какъ вольный съемщикъ земли

изъ платы долженъ былъ всецѣло зависѣть отъ тѣхъ колебаній въ наемной платѣ, которая явилась бы слѣдствіемъ или естественныхъ, или результатомъ искусственныхъ условій, но положеніе усугублялось еще и безправнымъ положеніемъ безземельнаго крестьянина, который въ договорѣ найма является одной изъ сторонъ, а помѣщикъ несомнѣнно не отказался бы учесть это обстоятельство при опредѣленіи наемной платы. Помѣщики сами очень нуждались въ рабочихъ рукахъ, они мало занимались сельскимъ хозяйствомъ; но такъ какъ противная договаривающаяся сторона сплошь была безземельна, то это обстоятельство должно было создать большой спросъ, а такое положеніе не гарантировало особыхъ выгодъ безземельному крестьянину.

Проектъ меньшинства еще тѣмъ отличается отъ проекта большинства, что онъ стремится къ большей ясности и регламентаціи, въ особенности по вопросу о виноградныхъ и др. садахъ. Но нельзя забывать, что этотъ проектъ являлся выразителемъ мнѣній лишь незначительнѣйшей части дворянства Тифлисской губ. (14 противъ 539) и это мнѣніе привнесло нежелательный и непредвидѣнный диссонансъ въ общій хоръ большинства. Но какъ бы то ни было оба проекта создавали лишь безземельное освобожденіе крестьянъ, хотя такая форма освобожденія безусловно была отвергнута въ реформѣ крестьянской внутри Россіи, что не могло не быть извѣстнымъ дворянству Тифлисской губерніи.

Мнѣніе Тифлисскаго гражданскаго губернатора К. И. Орловскаго. Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ уѣздныхъ и губернскихъ дворянскихъ съѣздахъ вызвало очень внимательное и серьезное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ представителей высшей администраціи на Кавказѣ.

Въ запискѣ по крестьянскому дѣлу въ Тифлисской губ., членъ совѣта намѣстника, тайн. сов. Фадѣевъ (27-го марта 1861 г.) пришелъ къ заключенію, что Закавказское крѣпостное право имѣетъ „во многомъ отличительный характеръ отъ существовавшаго во внутренности имперіи“, поэтому древніе, сохранившіе силу обычаи, природа страны и особенныя свойства земледѣльческаго труда „будутъ требовать необходимо нѣкоторыхъ измѣненій тѣхъ началъ, кои по сему предмету были приняты во внутреннихъ губерніяхъ“.

Отличительныя свойства грузинскаго крѣпостного права требуютъ измѣненія той статьи Высочайше утвержденнаго положенія главнаго комитета, по которому „выкупу могутъ подлежать только усадебныя земли и полевыя угодія, но отнюдь не личность крестьянъ и не рабочая ихъ сила“; правило это можетъ быть примѣнено въ отношеніи достаточныхъ помѣщиковъ, у которыхъ за надѣломъ крестьянъ останутся еще земли, но никакъ нельзя этого правила примѣнить къ владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ, для которыхъ личное владѣніе крестьянами составляетъ главный источникъ существованія [1]).

Намѣстникъ Кавказа кн. Барятинскій, раздѣляя эту точку зрѣнія, признавалъ правильнымъ вознаградить помѣщиковъ за потерю правъ на личность крестьянъ [2]).

Особенно внимательно за обсужденіемъ крестьянскаго вопроса въ дворянскихъ съѣздахъ слѣдилъ Тифлисскій гражданскій губернаторъ К. И. Орловскій, который не преминулъ, познакомившись съ дворянскими предположеніями, высказать свое личное сужденіе по наиболѣе спорнымъ и важнѣйшимъ пунктамъ крестьянской реформы.

Губернаторъ вполнѣ раздѣляетъ тотъ взглядъ большинства дворянства, по которому вся движимость, рабочій скотъ, полевыя орудія, предметы хозяйственныхъ обзаведеній составляютъ неприкосновенность земледѣльца крестьянина; на усадьбы, жилыя и хозяйственныя строенія, сады, отведенные помѣщиками крестьянамъ губ. Орловскій не признаетъ правъ собственности, но думаетъ, что крестьянамъ слѣдуетъ предоставить „право пользованія оными и то съ отбываніемъ изъ нихъ за сады помѣщику той доли произведеній, какая нынѣ гдѣ отбывается“; сады, разведенные трудами и „иждивеніемъ“ крестьянъ, авторъ мнѣнія признаетъ собственностью крестьянъ и допускаетъ возможность оставленія ихъ въ собственность помѣщика, но не иначе, какъ съ вознагражденіемъ крестьянъ. Пользованіе мельницами, рыбными ловлями, предметами царства иско-

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Коммиссіи, т. XII, стр. 128.

[2]) Ibid., стр. 204.

паемаго могутъ быть предоставлены крестьянамъ, но только „по соглашенію съ владѣльцемъ и съ его дозволенія".

Движимость, пріобрѣтенная по какимъ-нибудь письменнымъ документамъ и состоящая въ безвозмездномъ пользованіи крестьянъ, и на будущее время должна остаться неприкосновенной собственностью крестьянъ, но съ обязательствомъ предъявлять акты на владѣніе въ мѣстныя управленія для законнаго ихъ засвидѣтельствованія.

Право собственности должны сохранить крестьяне и на тѣ земли, сады и др. угодія, которыя получили они отъ помѣщиковъ въ видѣ дара за какія нибудь заслуги или по другимъ случаямъ, если опять таки въ удостовѣреніе будутъ предъявлены акты, подлинность и значеніе которыхъ не будутъ отвергаемы выдавшими ихъ лицами, или наслѣдниками ихъ, или если ихъ несомнѣнность будетъ признана учрежденіями, которыя вообще будутъ разбирать споры и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами.

Орловскій самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаетъ противъ примѣненія въ Тифлисской губ. крестьянскаго положенія, изданнаго для внутреннихъ губерній Россіи „не только въ существѣ, но даже въ формѣ", потому что отношенія между помѣщиками и крестьянами не одинаковы въ Россіи и Закавказьѣ и во-вторыхъ, потому, что крѣпостное право въ Грузіи возникло „далеко не изъ тѣхъ побужденій и не въ той формѣ", какъ въ Россіи. Губернаторъ всецѣло раздѣляетъ точку зрѣнія того огромнаго количества дворянъ Тифлисской губ., которое признавало неотъемлемыя права помѣщиковъ на земли, воды, лѣса, но въ тоже самое время считаетъ необходимымъ, что кромѣ личной свободы, крестьяне должны получить права: 1) на безвозмездное пользованіе усадебными мѣстами, огородами при нихъ, всѣми хозяйственными строеніями, какія существуютъ и какія впредь будутъ возводимы на крестьянскихъ надѣлахъ, кромѣ фабричныхъ и питейныхъ заведеній, устраиваемыхъ съ торговой и промышленной цѣлью; возведеніе ихъ допускается только съ разрѣшенія помѣщика,—2) на пользованіе садами, какъ тѣми, которые разведены трудами и заботами самихъ крестьянъ, такъ и тѣми, которыми они пользуются по надѣлу отъ помѣщиковъ, съ сохраненіемъ существующихъ

повинностей и отношеній, 3) на пользованіе мельничными мѣстами, рыбными ловлями, съ разрѣшенія помѣщика, 4) хлѣбопахатными землями въ томъ пространствѣ и въ томъ порядкѣ надѣла и передѣла, какими крестьяне пользуются въ моментъ реформы и съ отбываніемъ всѣхъ установленныхъ повинностей, 5) на безпрепятственное пользованіе водою изъ каналовъ, покосными лугами, выгонными, пастбищными земляли, такъ какъ это пользованіе установлено обычаемъ; сады и земли, на которые крестьяне имѣютъ законные акты остаются въ пользованіи крестьянъ, какъ ихъ неприкосновенная собственность, наконецъ, права свободнаго переселенія крестьяне не должны имѣть, а такое право можетъ быть предоставлено имъ лишь съ разрѣшенія начальства. Расширяя такимъ образомъ права крестьянъ и признавая одну личную свободу недостаточной, К. И. Орловскій, однако, упускаетъ изъ виду одно важное обстоятельство, которое почти сводитъ къ нулю всѣ его предположенія. Въ нихъ очень большое мѣсто удѣляется соглашеніямъ помѣщика съ крестьянами относительно правъ пользованія угодіями. Все предоставляется этому соглашенію, а таковое ограничивается рамками существующихъ обычаевъ, но авторъ проекта нигдѣ не обмолвился замѣчаніемъ относительно того, кто и какъ будетъ ограждать интересы крестьянина въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ возникать споры, недоразумѣнія относительно толкованія обычая; когда будутъ возникать вообще препятствія для соглашенія; вѣдь, права сторонъ неодинаковы; на одной сторонѣ очень большія права и на другой ничего, а безпристрастные посредники необходимы были между этими неравноправными, но договаривающимися сторонами.

Проектъ К. И. Орловскаго представляетъ интересъ съ той особенно стороны, что отъ него исходитъ обоснованная мысль о возможности выкупа надѣловъ крестьянами. К. Орловскій находитъ вполнѣ допустимымъ выкупъ въ собственность садовъ, земель и всякаго рода угодій однолично и цѣлыми крестьянскими обществами; выкупъ, какъ частная гражданская сдѣлка, должна разрѣшаться взаимнымъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьяниномъ. Вся суть разсматриваемаго проекта въ томъ, что К. И. Орловскій, представи-

тель администраціи, первый выдвинулъ мысль о допустимости и желательности правительственнаго пособія выкупающимъ земли крестьянамъ: или при помощи ссуды подъ залогъ выкупаемыхъ земель, или переводомъ на нихъ займа, если будутъ выкупаемы имѣнія заложенныя въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. К. И. Орловскій особенно подчеркиваетъ то положеніе, что на пособіе болѣе всего имѣютъ право крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ.

Немало трудностей въ крестьянской реформѣ представлялъ вопросъ о прекращеніи личной зависимости крестьянъ. „Въ большей части помѣстій личная зависимость т. е. крѣпостное право составляетъ ежели не единственный, то самый выгодный источникъ дохода, обезпечивающій владѣльца“, повторяетъ К. Орловскій лейтъ-мотивъ всѣхъ почти дворянскихъ заявленій. Крестьяне пріобрѣтали часто личную свободу за выкупъ, но иногда плата была до того значительна, что помѣщики возстановляли имъ разстроенныя имѣнія; слѣдовательно, при такомъ значеніи личной свободы и ея цѣнности, потеря ея для помѣщиковъ будетъ весьма чувствительна и губернаторъ въ свою очередь того мнѣнія, что дворянство въ правѣ просить вознагражденія за предоставленіе крестьянамъ личной свободы. „Дворянство Грузіи, посвятивъ себя службѣ, по преимуществу на поприщѣ военномъ, *усвоило себѣ добродѣтели, стяжавшія ему вниманія государей, но за то отрѣшилось отъ заботъ*“, „*это масса храбрыхъ, преданныхъ престолу*, потеряла источникъ, едва ли не обезпечивающій ея существованіе; обремененная казенными и настолько частными долгами, не обладая промышленными способностями, не развивавшимися въ ней въ силу вѣковыхъ преданій, лишенная всякихъ средствъ для какихъ бы то ни было предпріятій, будучи застигнута настоящимъ вопросомъ какъ бы врасплохъ, образуетъ изъ себя *сословіе тягостное для правительства и не свойственное благости души Императора*“, усвоивъ этотъ взглядъ на прошлое значеніе грузинскаго дворянства и настоящее его положеніе, повторяя уже извѣстные, по этому вопросу доводы дворянства, К. Орловскій ходатайствуетъ о вознагражденіи дворянства. При этомъ отмѣчается, что вознагражденіе дворянъ за потерю личныхъ правъ на крестьянъ явилось бы не толь-

ко актомъ справедливости, но великодущія и милости Монаршей, мотивъ почти чуждый дворянскимъ заявленіямъ, но энергично выдвинутый лишь К. Орловскимъ. Для тифлисскаго дворянства поддержка К. Орловскаго имѣла очень важное принципіальное значеніе, въ смыслѣ благополучнаго разрѣшенія ихъ ходатайства.

VI.

Работы Закавказскаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

Закавказскій центральный комитетъ приступилъ къ своей дѣятельности въ декабрѣ 1863 г. По предварительной программѣ Закавказскій комитетъ долженъ былъ положить въ основаніе всѣхъ своихъ работъ проектъ, составленный дворянствомъ, а также имѣть въ виду всѣ предположенія и мнѣнія, высказанныя Тифлисскими дворянами въ теченіе всего періода обсужденія крестьянскаго вопроса. Нужно сказать, что Закавказскій комитетъ находился въ очень благопріятныхъ условіяхъ для работы: съ одной стороны, ему были извѣстны тѣ общія начала, которыя были разработаны въ положеніи 19 февр. для внутреннихъ губерній Россіи, съ другой—предъ нимъ былъ готовый проектъ дворянства; все это способствовало быстротѣ работы. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ начальникъ Главнаго Управленія, сенаторъ, т. с. бар. А. П. Николаи, членами его состояли: ген. лейт. кн. Багратіонъ-Мухранскій, ген. лейт. кн. Андрониковъ 2-й (назначенъ онъ былъ 15 апр. 1864 г.), свиты Его Величества ген. маіоръ Д. А. Чавчавадзе, (назначенъ 1 мая 1864 г.) д. с. с. Кипіани, (назначенъ 15 апрѣля), д. с. с. Багратіонъ-Мухранскій; названныя лица всѣ мѣстные уроженцы, сами помѣщики и многіе изъ нихъ крупные помѣщики; они же состояли на государственной русской службѣ, на отвѣтственныхъ и важныхъ мѣстахъ; присутствіе ихъ въ комитетѣ должно быть признано весьма важнымъ по значенію своему, они являлись достаточно свѣдущими лицами. Вмѣстѣ съ ними дѣлили труды 7 правительственныхъ лицъ; т. с. Ѳа-

дѣевъ, д. с. с. Витте, д. с. с. Орловскій, д. с. с. Старицкій, д. с. с. Барановскій, д. с. с Богдановъ-Калинскій, всѣ они многіе годы прослужили на Кавказѣ, были знакомы съ мѣстными условіями, а Ѳадѣевъ очень близко стоялъ къ крестьянскому дѣлу, принимая широкое участіе въ разработкѣ мѣропріятій касательно крестьянскаго дѣла еще до начала реформы, а К. Орловскій, Тифлисскій гражданскій губернаторъ, все время внимательно и пристально слѣдившій и сочувствовавшій крестьянскому дѣлу, хорошо былъ освѣдомленъ о сущности грузинскаго крѣпостного права; дѣлопроизводителемъ комитета состоялъ тоже мѣстный уроженецъ, кн. М. Б. Тумановъ, старый служака Кавказскій, спеціалистъ по крестьянскому дѣлу [1]).

Въ составѣ членовъ Закавказскаго комитета находились почти въ одинаковомъ числѣ, какъ представители мѣстной земельной знати, такъ и государственные чиновники. Только одно обстоятельство тѣмъ не менѣе достойно вниманія: мѣстное дворянство и его интересы представлены были въ комитетѣ высшими слоями, или по служебному положенію, или по землевладѣнію, отсутствіе другихъ дворянскихъ представителей объясняется отчасти тѣмъ, что многіе изъ нихъ не обладали ни достаточной подготовкой, ни достаточнымъ знаніемъ русскаго языка, чтобы безпрепятственно принимать участіе въ обсужденіи крестьянской реформы. Здѣсь, какъ и въ центрѣ, не были представлены интересы другой, весьма заинтересованной стороны, крестьянъ; но это уже общая точка зрѣнія власти на значеніе участія крестьянъ въ проведеніи реформы. Но присутствіемъ означенныхъ уже членовъ намѣстникъ не ограничился и по докладу, отъ 5 февраля 1864 г., начальника Главнаго Управленія приказалъ приглашать изъ среды помѣщиковъ „извѣстныхъ своимъ близкимъ знаніемъ положенія и свойства здѣшнихъ имѣній“. Эти дворяне должны были быть приглашаемы въ засѣданія центральнаго комитета „въ видѣ экспертовъ“, но съ тѣмъ, чтобы „приглашенія ихъ, по разнообразію и разнохарактерности помѣщичьихъ имѣній, дѣлалось частями и по тѣмъ

[1]) А. К. А. К., т. XII, стр. 204-219.

именно мѣстностямъ, по коимъ они въ состояніи дать потребныя объясненія". На этомъ основаніи губернскій предводитель дворянства присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали эксперты помѣщики и такимъ образомъ сталъ постояннымъ на время обсужденія реформы членомъ комитета. Въ качествѣ такого эксперта спеціально былъ приглашенъ ген. ад. Гр. Дм. Орбеліани, „по личному почетному его положенію въ средѣ дворянства". Въ тоже самое время были составлены списки экспертовъ помѣщиковъ по Тифлисской губ., по отдѣльнымъ ея уѣздамъ. Въ этотъ списокъ попали: по Тифлисскому уѣзду 7 человѣкъ [1]), Горійскому у.—13 [2]), по Телавскому у.—8 чел. [3]), Сигнахскому —7 чел. [4]) всего —35 чел. Не всѣ изъ нихъ, конечно, играли аткивную роль, но нѣкоторые, о которыхъ рѣчь будетъ итти дальше, принимали очень дѣятельное участіе въ окончательной разработкѣ проекта крестьянскаго положенія.

Засѣданія центральнаго комитета начались 9 декабря 1863 года. [5]).

Государь выразилъ желаніе, чтобы комитетъ ознакомился съ дворянскими мнѣніями. Закавказскій комитетъ въ свою очередь принялъ во вниманіе крестьянское положеніе, изданное для внутреннихъ губерній, переписку по крестьян-

---

[1]) Предводитель дворянства 1) кн. Заалъ Чавчавадзе, 2) ген. ад. Г. Д. Орбеліани, 3) ген. м. Мамука Орбеліани, 4) Дм. Вах. Орбеліани, 5) кн. Ѳад. Гурамовъ, 6) д. с. с. Автандиловъ, 7) кн. А. Бебутовъ.

[2]) Предводитель дворянства 1) кн. Алекс. Эристовъ, 2) ген. лейт. Г. Р. Эристовъ, 3) уѣздн. нач. кн. Элизбаръ Эристовъ, 4) кн. Дав. Эристовъ, 5) кн. Н. Амилахвари, 6) Ив. Циціановъ, 7) Іос. Циціановъ, 8) кн. Алкн. Тарханъ-Моуравовъ, 9) кн. Рев. Моуравовъ, 10) кн. Дм. Абашидзе, 11) кн. Г. Мачабели, 12) д. с. с. Кипіани, 13) кол. секр. Мамацовъ.

[3]) Предводитель дворянства кн. 1) Гр. Макаевъ, 2) кн. Іос. Джорджадзе, бывшій у. предводитель, 3) кн. Г. Джорджадзе, 4) ген. лейт. Л. Челокаевъ, 5) кн. Э. Челокаевъ, 6) тифл. судья Н. Чавчавадзе, 7) Я. Чавчавадзе, 8) кн. Ник. Кобуловъ.

[4]) Предводитель дворянства 1) кн. Сол. Андрониковъ, 2) кн. Г. З. Андрониковъ 3) кн. Зах. Андрониковъ, 4) кн. Р. Вачнадзе, 5) кн. Д. Вачнадзе, 6) кн. З. Абашидзе, 7) кн. Д. Абхазовъ.

[5]) Засѣданія состояли: дек. 1863 г.—9, 16, 18, 20, 23, 30; янв. 1864 г.: 3, 8, 13, 17, 20, 22, 29, 31; фев.: 27, 19; март.: 13, апр.: 6, 9, 10, 11, 12, 13; мая: 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 23, 24, 25, 26; іюня: 5, 6.

скому дѣлу, журналы главнаго комитета и труды редакціонныхъ коммиссій.

Прежде всего Закавказскій комитетъ попытался опредѣлить свою непосредственную задачу; комитетъ такъ формулируетъ програму своихъ работъ: „изучивъ общія законоположенія по крестьянскому дѣлу и виды, *какимъ правительство руководилось при устройствѣ вообще быта крестьянъ въ Россіи*, осуществить и здѣсь (въ Тифлисской губ.), въ крестьянской реформѣ преслѣдуемую правительствомъ цѣль, *согласивъ требованія его со средствами, кои могутъ на практикѣ представиться къ ея достиженію*“. Исходя изъ этихъ соображеній, комитетъ приступилъ къ разрѣшенію двухъ, по его мнѣнію, основныхъ вопросовъ, а именно: 1) *вопроса о правахъ крестьянъ по имуществу*, и 2) *вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ по освобожденіи*. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о личномъ освобожденіи крестьянъ былъ уже предрѣшенъ реформой 19 фев. и всякія соображенія и толкованія по этому предмету были излишни; равно излишни были сужденія объ освобожденіи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей, какъ фактъ совершившійся; но мы уже изъ обзора дворянскихъ мнѣній знаемъ, какія страстныя пренія возникали о крестьянской собственности; за крестьянами безусловно не признавалось право на землю и даже оспаривалась законность владѣнія со стороны крестьянъ пріобрѣтенными ими землями и землями дарственными; помѣщики склонялись болѣе къ безземельной формѣ освобожденія крестьянъ, или, въ лучшемъ случаѣ, пытались обратить ихъ въ вѣчныхъ арендаторовъ, поэтому вполнѣ правильной должна быть признана исходная точка работъ комитета; принимаясь за разрѣшеніе вопроса о правѣ крестьянъ на владѣніе имуществомъ, комитетъ сразу вступилъ въ принципіальный споръ по существу съ дворянами, а разрѣшеніе этого основного вопроса, опредѣляло путь рѣшенія и другого, вытекающаго изъ него—объ общественномъ устройствѣ крестьянъ. Оставляя въ сторонѣ другіе вопросы, связанные съ крестьянской реформой, комитетъ поступалъ вполнѣ послѣдовательно; для составителей дворянскаго проекта не существовали никакіе другіе вопросы, кромѣ поземельнаго устройства крестьянъ и комитетъ вступивъ въ обсужденіе мѣро-

пріятій общественнаго устройства крестьянъ, не могъ ожидать особыхъ возраженій со стороны дворянства.

Объ улучшеніи быта крестьянъ вообще комитетъ рѣшилъ высказать свои сужденія независимо отъ сужденія дворянъ экспертовъ, на эту точку зрѣнія сталъ комитетъ потому, что находилъ подобный способъ обсужденія дѣла удобнымъ и для дворянъ экспертовъ т. е. комитетъ, имѣя дворянскій проектъ, общія законоположенія о крестьянахъ, рѣшилъ составить свой проектъ положенія и получивъ согласіе отъ намѣстника изготовилъ *„Проектъ мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ Тифлисской губ.“*, этотъ проектъ вмѣстѣ съ соображеніями комитета о порядкѣ укрѣпленія за крестьянами частныхъ ихъ пріобрѣтеній и о лицахъ, находящихся въ домашнемъ услуженіи, должны были уже разсмотрѣть, въ частныхъ засѣданіяхъ, помѣщики эксперты и послѣ этого передать на обсужденіе вновь въ центральный Закавказскій комитетъ; отъ помѣщиковъ дозволено было принимать замѣчанія какъ въ формѣ письменныхъ, такъ и устныхъ заявленій. Путь изслѣдованія, такимъ образомъ, былъ предпринятъ очень длинный и сложный.

Для того, чтобы прослѣдить всю исторію разработки крестьянскаго положенія для Тифлисской губ., мы познакомимся съ предварительными сужденіями Закавказскаго центральнаго комитета, и въ дальнѣйшемъ будемъ попутно изучать проектъ Закавказскаго комитета съ дворянскими сужденіями и тѣми измѣненіями, какія были внесены въ окончательную редакцію проекта.

Проектъ свой Закавказскій комитетъ изложилъ, примѣняясь къ плану общихъ законоположеній 19 февраля въ результатѣ чего и получились: 1) *„Дополнительныя правила о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губ.“* 2) *„Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Тифлисской губ.“*. Первое обнимаетъ вполнѣ или съ нѣкоторыми мотивированными объясненіями и изъятіями: 1) Общее о крестьянахъ положеніе, 2) Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей, 3) Положеніе о выкупѣ, 4) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежде-

ніяхъ, 5) Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній, 6) Выс. утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта относительно отчужденія по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, 7) Высоч. утв. 21 іюня 1861 г. правила для имѣній, принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ, такимъ образомъ комитетъ начерталъ „Правила объ устройствѣ крестьянскихъ обществъ и общественнаго ихъ управленія и объ отбываніи сими обществами казенныхъ земскихъ и общественныхъ повинностей.“

Относительно правъ крестьянъ Тифлисской губ., даруемыхъ имъ по освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, Закавказскій комитетъ только повторяетъ соотвѣтствующія начала изъ общаго положенія о крестьянахъ, изданнаго для внутреннихъ губерній Россіи.

Болѣе всего вниманія Закавказскій комитетъ удѣляетъ изслѣдованію и факсированію правъ на имущества, находящіяся во владѣніи и пользованіи крестьянъ. Комитетъ прежде всего различаетъ: 1) движимое имущество крестьянъ, 2) находящіяся на помѣщичьей землѣ крестьянскія жилья, хозяйственныя и общественныя строенія; торговыя и промышленныя заведенія; сады: виноградные, фруктовые, тутовые, устроенные крестьянами, 3) земли и дома, пріобрѣтенные крестьянами въ собственность, на имя помѣщиковъ, или на свое собственное имя. Означенныя владѣнія представлялись объектами неодинаковаго происхожденія и неравнаго значенія, поэтому комитетъ призналъ за правильное ихъ расчленить и разсмотрѣть каждое порознь, принимая во вниманіе, какъ мнѣніе большинства, такъ и мнѣніе меньшинства дворянъ и отдѣльныхъ дворянскихъ записокъ.

а. *Движимое имущество крестьянъ.*

Въ отношеніи признанія правъ крестьянъ на движимое имущество Закавказскій центральный комитетъ не разошелся съ дворянскими мнѣніями и принимая, съ одной стороны, утвердившійся обычай, по которому „все движимое имущество крестьянъ составляетъ принадлежность ихъ“, а съ другой и то, что такое имущество признано собственностью

крестьянъ и безспорной, Высочайше утв. 19 февраля законоположеніями, комитетъ полагалъ и для Тифлисской губ. „справедливымъ силу тѣхъ законоположеній въ отношеніи движимаго имущества крестьянъ распространить безъ всякаго ограниченія въ Тифлисской губ.“.

б. *Недвижимое имущество крестьянъ.*

Взглядъ большинства и меньшинства дворянъ относительно правъ крестьянъ на недвижимое имущество, какъ показали уже раньше, явился центральнымъ пунктомъ ихъ проектовъ и самымъ острымъ вопросомъ, въ которомъ съ наибольшей отчетливостью проявились глубокіе сословные интересы, на защиту которыхъ стало дворянство и въ этомъ вопросѣ большинство и меньшинство дворянства не расходились; земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ обѣ группы признавали безспорной собственностью дворянъ, но дѣло въ данномъ случаѣ осложнялось тѣмъ, что на этихъ земляхъ были хозяйственныя и всякія другія постройки, возведенныя крестьянами; были земли дарственныя, земли пріобрѣтенныя крестьянами по купчимъ, не всегда въ законномъ порядкѣ оформленнымъ. За крестьянами большинство дворянъ признаетъ право лишь на тѣ земли, на которыя у нихъ оказались бы формально законченные документы, что касается „домашняго быта и обзаведеній, а также земель и угодій“, то большинство дворянства, предоставляло все это въ пользованіе крестьянамъ; меньшинство также заявляло неоспоримость своихъ правъ на землю и, въ противоположность игнорированію большинства, не скрываетъ того, что эти земли представляютъ цѣнность не только сами по себѣ, но существенно еще и потому, что крестьяне затратили свои труды на культивированіе ихъ, а отсюда оно уже дѣлало тотъ существенный выводъ, что претензіи крестьянъ на земли ими устроенныя имѣютъ извѣстное основаніе и основаніе принципіальное и естественно неоспоримое право на земельную собственность дворянства тѣмъ самымъ нѣсколько ограничивалось, и обязывало дворянъ къ болѣе справедливому разрѣшенію вопроса, а именно, меньшинство признаетъ „право крестьянина на его трудъ, на все, гдѣ только видно участіе его заботъ, капитала, зна-

нія и опытности, гдѣ видны слѣды его дѣятельности и заботливости о своемъ улучшеніи", т. е. иначе говоря, меньшинство признало права крестьянъ на все ими заведенное и сдѣланное на помѣщичьей землѣ.

Но признаніе права на трудъ крестьянина не предрѣшало основного спорнаго вопроса о правѣ крестьянъ на земельную собственность, хотя бы въ долевыхъ частяхъ.

По мнѣнію комитета, это различіе во взглядахъ большинства и меньшинства относительно правъ крестьянъ на недвижимое имущество, „проистекаетъ изъ различія во взглядахъ на сущность правъ помѣщиковъ на сей родъ имуществъ, состоящихъ въ пользованіи или владѣніи крестьянъ". По дѣйствующему законодательству помѣщики „имѣютъ неоспоримое право не только на землю, но и на все устроенное на ней крестьяниномъ, если земля принадлежитъ помѣщику и не составляетъ частнаго пріобрѣтенія крестьянъ". Но дѣло въ томъ, что при практическомъ разрѣшеніи задачи возникалъ вопросъ, выдвинутый меньшинствомъ, а именно, что дѣлать съ правомъ крестьянина на трудъ, слишкомъ очевидный и какія изъ правъ сохранить за помѣщикомъ: право на землю или право на трудъ крестьянина т. е. сдѣланное трудами и усиліями крестьянина, или одно поземельное право? Значитъ, по существу основная и трудная задача состояла въ томъ, чтобы „разграничить слитыя донынѣ въ одно неразрывное цѣлое право на одно и тоже имущество двухъ сословій". Вопреки мнѣнію большинства и вмѣстѣ съ меньшинствомъ Закав. комитетъ принципіально признаетъ *и крестьянское право на недвижимость.* Комитетъ разсуждаетъ: вѳрховная власть, признавъ за помѣщикомъ право собственности на земли, „отнесла крестьянскія жилыя хозяйственныя строенія къ составу усадебной осѣдлости", которыя вмѣстѣ съ полевой землей были предоставлены въ постоянное пользованіе крестьянамъ за опредѣленныя повинности, но съ присвоеніемъ въ то же время права собственности крестьянамъ на эти строенія (ст. 143 Мѣстн. Пол. для губ. Великор., Новоросс., Бѣлор.) Анализируя смыслъ ст. 90, 91, 105 Мѣстн. Пол. для губ. Великоросс. и соотвѣтствующія статьи для др. губерній, комитетъ рѣшаетъ, „промышленныя и торговыя заведенія крестьянъ и общественныя ихъ

строенія, равно водяныя мельницы, выстроенныя обществомъ или отдѣльными крестьянами на ихъ счетъ, также составляютъ собственность крестьянъ". Въ этомъ сужденіи комитетъ разошелся съ большинствомъ дворянства, притязавшимъ и на эти статьи, но не сошелся и съ меньшинствомъ, которое, хотя и считало право на трудъ крестьянина достойнымъ серьезнаго вниманія, но несклонно было признавать этихъ статей крестьянской собственностью. Но центральный комитетъ опирается на одно весьма основательное сужденіе: въ Грузіи, какъ справедливо отмѣчаетъ комитетъ, права помѣщиковъ на крестьянъ и находящіяся въ ихъ пользованіи земли и усадьбы утверждено на тѣхъ же основаніяхъ, что въ Россіи и дѣйствовали тѣ же положенія, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи въ дореформенное время, слѣдовательно, разрѣшеніе верховной власти относительно разграниченія имущественныхъ правъ въ Россіи двухъ сословій, „получающихъ равноправность", одинаково обязательно всюду, гдѣ существуетъ крѣпостное право, на одинаковыхъ основаніяхъ съ внутренними губ. Россіи. По этимъ соображеніямъ всѣ постановленія, какъ общія, такъ и мѣстныя, положенія 19 февраля 1861 г., опредѣляющія права крестьянъ на устроенныя на ихъ счетъ жилыя, хозяйственныя, общественныя строенія, промышленныя и торговыя заведенія должны быть распространены и на крестьянъ Тифлисской губ.

Относительно виноградныхъ садовъ комитетъ находитъ справедливымъ выясненіе правъ крестьянъ по этимъ имуществамъ, согласно съ тѣмъ порядкомъ, которымъ, по обычаю, опредѣляются взаимныя права владѣльцевъ земли и съемщиковъ ея, когда послѣдняя предназначается подъ разведеніе садовъ. По обычаю, въ Тифлисской губ. земля подъ разведеніе сада отдавалась изъ $^1/_2$, и по разведеніи $^1/_2$ сада принадлежала съемщику, а $^1/_2$ владѣльцу, на этомъ основаніи комитетъ заключаетъ, что „въ виноградныхъ садахъ, разведенныхъ крестьянами на землѣ помѣщика, доля, принадлежащая крестьянамъ, выражается въ половинной части сада". Если эта половина будетъ помѣщикомъ оставлена за собой, то послѣдній обязанъ вознаградить крестьянина. Когда садъ будетъ предоставленъ въ пользованіе крестьянамъ, означенная половина должна исключаться при

исчисленіи повинностей съ сада въ пользу помѣщика. Но крестьяне разводили на помѣщичьихъ земляхъ не одни виноградные сады, которые были главнымъ предметомъ обсужденія, но и фруктовые, тутовые, правда, такихъ садовъ было не много, и обычай не установилъ правилъ, регулирующихъ цѣнность земли подъ этими разведеніями, ни равно правилъ касательно капитала и труда, потребнаго на ихъ разведеніе, поэтому, не вдаваясь въ большія объясненія по этому поводу, комитетъ счелъ за болѣе справедливое предоставить крестьянскимъ учрежденіямъ опредѣлять по этимъ разведеніямъ вознагражденіе какъ помѣщика, такъ и крестьянина.

в. *Имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность.*

Имущества крестьянъ этой категоріи были предметомъ весьма страстнаго обсужденія въ дворянскихъ собраніяхъ. Большинство дворянства признавало за крестьянами право лишь на тѣ имущества, на которыя у крестьянъ оказались бы законно оформленные акты, но меньшинство готово было признать акты, совершенные со дня водворенія русскаго правительства, относительно актовъ, совершенныхъ до этого момента умалчиваетъ и меньшинство и большинство дворянства. Требованіе оформленныхъ документовъ на права владѣнія было весьма серьезно; до водворенія русской власти въ слишкомъ большомъ ходу были бараты, т. е. записки, дарственныя и т. п., которыя сплошь да рядомъ не свидѣтельствовались, были частнаго характера; при русскомъ правительствѣ, ихъ стало меньше, но все же часты были случаи совершенія пріобрѣтеній неформальнымъ путемъ, поэтому, если бы комитетъ сталъ на точку зрѣнія дворянъ, то крестьяне утеряли бы значительную часть земель и владѣній, на которыя, въ силу земскихъ давностей, они привыкли смотрѣть какъ на полную свою собственность, и признаніе требованія со стороны дворянъ засвидѣтельствованныхъ въ законодательномъ порядкѣ актовъ породило бы значительное броженіе въ средѣ крестьянства. Закавказскій центральный комитетъ подошелъ къ разрѣшенію задачи съ другой стороны и болѣе правильной.

Дворянскія мнѣнія, какъ справедливо отмѣчаетъ комитетъ, признаютъ право на пріобрѣтенныя крестьянами недвижимыя имущества, если не de jure, то de facto, это утвержденіе согласуется съ мѣстными узаконеніями, утвердившимися съ давнихъ поръ въ Грузіи, по которымъ крестьяне и до Выс. ук. 3 марта 1848 г. (Св. Зак. о сост., 1857 г., т. IX, ст. 1138) всегда пользовались правомъ на пріобрѣтеніе въ собственность недвижимыхъ имуществъ. Но эти общія соображенія, касательно признанія правъ крестьянъ не разрѣшали вопроса. Комитетъ тогда обратился къ основаніямъ, принятымъ по этому предмету въ Общ. Пол. о крест. 19 ф. и на обсужденіе комитета были поставлены слѣд. вопросы: 1) слѣдуетъ ли допустить какое либо ограниченіе въ правѣ крестьянъ доискиваться тѣхъ имѣній крестьянскихъ, которыя были отчуждены помѣщиками въ постороннія руки? Постановка этого вопроса не вытекаетъ изъ заявленій помѣщиковъ, но она была вполнѣ правильна, какъ со стороны формальной, такъ и по существу. Разрѣшая принципіальный вопросъ о правѣ собственности крестьянъ на пріобрѣтенныя имущества, комитетъ предугадывалъ возникновеніе поставленнаго имъ вопроса, ибо принципіально помѣщики считали себя полноправными собственниками крестьянскаго имущества. Не трудно предугадать рѣшеніе комитета. Онъ признаетъ, что дѣйствія помѣщика вообще, въ эпоху крѣпостного права, должны „покрываться силою закона ихъ (помѣщиковъ) ограждавшаго“, изъ этого общаго положенія, подсказаннаго желаніемъ не колебать авторитета власти помѣщичьей, комитетъ заключаетъ, что необходимо отклонять всѣ иски крестьянъ, „хотя и основательные въ сущности“, противъ такихъ дѣйствій помѣщика, на какія не принимались жалобы по прежнимъ законамъ, т. е. періода крѣпостного права. Но для комитета было очевидно, что дѣйствія помѣщиковъ могли переходить границы дозволеннаго, допустимаго, и такимъ образомъ своимъ рѣшеніемъ комитетъ могъ узаконять нарушенія со стороны помѣщиковъ правъ крестьянъ, уже явно не дозволенныхъ никакимъ закономъ. Такъ какъ Общее Положеніе 19 ф. оставляло неприкосновенными частныя крестьянскія пріобрѣтенія, подчинивъ заявленія крестьянъ на имѣнія

10 л. давности со времени пріобрѣтенія, то комитетъ постановилъ ограничить сроки возбужденія споровъ и исковъ со стороны крестьянъ противъ прежнихъ дѣйствій помѣщиковъ и тѣмъ отклонить продолжительные и разорительные процессы крестьянъ и помѣщиковъ.

Комитетъ не находитъ никакихъ основаній не примѣнить къ крестьянамъ Тифлисской губ. 32 ст. Об. Пол. 19 ф., но съ изъятіями относительно тѣхъ случаевъ, когда имущества крестьянъ были отчуждаемы помѣщикомъ въ посторонія руки и когда отчужденіе было произведено до дня „воспослѣдованія“ законоположенія 19 ф. Это изъятіе комитетъ допускаетъ на томъ основаніи, что, „если къ возстановленію нарушеннаго права крестьянина на имущество не вышедшее изъ распоряженія помѣщика, не можетъ встрѣтиться никакого затрудненія и подобная мѣра будетъ лишь прекращеніемъ продолжающагося насилія, выразившагося въ завладѣніи, то отвѣтственность за дѣйствія, кои, хотя и заключаютъ въ себѣ нарушеніе правъ крестьянъ, но совершались подъ охраною, такъ сказать, самого закона, едва должна распространиться на помѣщика безусловно“, поэтому, по мнѣнію комитета, необходимо различать дѣйствія помѣщика до изданія и послѣ изданія Положенія 19 февр.

Съ обнародованіемъ Положенія помѣщики Тифлисской губ. обнаружили попытки посягательствъ на собственность крестьянъ, эти дѣйствія помѣщиковъ, признаваемыя незаконными комитетомъ, вызывали жалобы крестьянъ, но имъ по закону не давали ходу. Комитетъ потому и признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ принять 19 фев. за начало того періода, съ котораго всякія нарушенія правъ собственности крестьянина со стороны помѣщика должны вызывать отвѣтственность послѣдняго. Предложенныя мѣропріятія должны распространиться и на тѣхъ крестьянъ, имѣнія которыхъ были заложены или проданы до 19 февраля и не были освобождены до 19 фев., всѣ эти распоряженія такъ и остаются въ силѣ; послѣ 19 февр. такія дѣйствія абсолютно отрицаются и помѣщики подлежатъ полной отвѣтственности. 2) Второй вопросъ, обсуждавшійся комитетомъ, касался спорнаго дѣла о томъ, какіе акты принимать въ доказательство правъ собственности крестьянина на недвижимыя имѣнія и въ ка-

комъ порядкѣ производить разборъ споровъ по недвижимымъ имуществамъ. Комитетъ опять таки принимаетъ исходной точкой своихъ сужденій Общее Пол. о крестьянахъ 19 ф. 1861 г.; онъ опирается на тѣ же самыя основанія, по которымъ Положеніе 19 февр. допускаетъ въ числѣ доказательствъ не только одни формально совершенные акты, но и акты домашніе; разборъ всѣхъ споровъ по данному вопросу комитетъ полагаетъ необходимымъ возложить на крестьянскія учрежденія и въ этомъ спорномъ пунктѣ комитетъ признаетъ цѣлесообразнымъ распространеніе дѣйствія мѣръ, указанныхъ въ приложеніи къ 32 ст. Общ. Пол., съ отнесеніемъ этихъ правилъ къ имуществамъ, пріобрѣтеннымъ крестьянами не только на имя своего помѣщика, но и на свое собственное.

Споръ однако, касался, не только имуществъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами покупкой, но и поступившихъ въ даръ отъ помѣщика къ крестьянамъ; такія пожалованія, по мнѣнію комитета, должны быть признаны за дѣйствительныя лишь въ томъ случаѣ, если въ дарственной бумагѣ выражено, что земли жалуются въ потомственное и вѣчное владѣніе и въ тѣхъ также случаяхъ, когда пожалованіе не сдѣлано подъ условіемъ вѣрной службы дарителю или его дому и наслѣдникамъ. Относительно укрѣпленія этихъ имуществъ комитетъ полагаетъ нужнымъ распространеніе правилъ, приложенныхъ къ 32 ст.

Комитетъ переходитъ далѣе къ разрѣшенію другихъ, менѣе уже сложныхъ вопросовъ о наслѣдованіи крестьянской собственности и о выморочныхъ имѣніяхъ; относительно наслѣдованія крестьянскихъ имуществъ комитетъ сохраняетъ существовавшіе обычаи, дабы „не поколебать безъ всякой нужды привычнаго порядка“ и не дать поводовъ къ семейнымъ тяжбамъ. О выморочныхъ имѣніяхъ комитетъ рѣшилъ оставить вопросъ въ зависимости отъ отвѣтственности, которая будетъ возложена на воспринимающаго исполненіе повинностей и платежъ податей, на этомъ основаніи комитетъ призналъ справедливымъ возвращать выморочныя имущества сельскимъ обществамъ, согласно Общему Положенію 19 февр. съ возложеніемъ отвѣтственности на сельское же общество.

в) *О поземельномъ устройствѣ крестьянъ.*

Комитетъ прежде всего попытался выяснить какія цѣли должны преслѣдоваться при поземельномъ устройствѣ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губ. Слѣдуетъ ли, сохраняя за помѣщиками полное право собственности на принадлежащія имъ земли и угодія, предоставить ихъ за установленныя повинности крестьянамъ въ пользованіе, для обезпеченія крестьянской осѣдлости и выполненія ими повинностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, или предоставить крестьянамъ всѣ или нѣкоторыя изъ земельныхъ угодій въ срочное только пользованіе. Какъ проектъ большинства, такъ и проектъ меньшинства, высказался вполнѣ опредѣленно по вопросу о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, они и не допускали мысли о предоставленіи крестьянамъ своихъ земель въ собственность, т. е. были противъ надѣленія крестьянъ землей; они согласны были только предоставить земли въ пользованіе крестьянамъ и наиболѣе лучшей формой, по мнѣнію, большинства являлось вѣчное арендаторство, а меньшинство соглашалось сдавать земли въ наемъ въ будущемъ за опредѣленную плату. Комитетъ, считаясь съ дворянскими мнѣніями, ищетъ прежде всего отвѣта въ общемъ положеніи 19 февр. Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губ. Великороссійскихъ, Новороссіи, Бѣлоруссіи признало обязательность надѣленія помѣщикомъ сельскихъ обществъ опредѣленнымъ количествомъ земли по числу ревизскихъ душъ, т. о. „*обязательность надѣла крестьянъ землею, со стороны владѣльца, основывается не на правѣ крестьянъ, какъ отдѣльныхъ лицъ*, ибо въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи они оставлены безъ надѣла, *а на соображеніяхъ нуждъ государственныхъ; на произволѣ владѣльцевъ не можетъ быть оставлена участь массы населенія* въ пріисканіи прочной осѣдлости и добыванія средствъ не только къ существованію, но къ выполненію предъ правительствомъ многоразличныхъ и обширныхъ обязанностей, отъ которыхъ оно не освобождается“, населеніе, лишенное осѣдлости „внесетъ въ государственный организмъ постоянный элементъ безпорядка“. Это было самое радикальное постановленіе комитета, идущее въ разрѣзъ съ желаніями дворянства. Нельзя именно этого не

поставить въ особенную заслугу комитету, онъ предотвратилъ наиболѣе опасный экспериментъ со всѣми его послѣдствіями, въ пользу котораго склонялось дворянство, съ другой стороны, вся цѣнность этого постановленія вытекала изъ Положенія 19 февр., ибо обязательное земельное надѣленіе — одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ великаго акта. Кавказское начальство, благожелательно вообще настроенное по отношенію къ Тифлисскому дворянству, а въ вопросѣ о крестьянской реформѣ въ частности, пытается нѣсколько ослабить какъ бы впечатлѣніе своего рѣшенія. Комитетъ утверждаетъ, что въ Россіи обязательное надѣленіе крестьянъ было для помѣщиковъ тяжелой и обременительной, а для дворянства Тифлисской губ. „оно представляется настолько тягостнѣе, насколько общій уровень образованія и экономическаго быта помѣщиковъ здѣшнихъ отстаютъ отъ уровня образованія и экономическаго быта помѣщиковъ въ Россіи“. Тягость положенія помѣщиковъ въ томъ, что они лишь недавно стали обзаводиться своимъ хозяйствомъ, что вся масса ихъ живетъ на счетъ хозяйства крестьянъ, и всѣ помѣщичьи земли поэтому находятся въ крестьянскомъ пользованіи. Вся производительность земли зависитъ отъ устройства орошенія, поэтому обращеніе земли въ постоянное крестьянское владѣніе лишитъ помѣщиковъ и самой надежной части средствъ къ существованію, т. о., заключаетъ комитетъ, „нельзя не сознаться что крестьянская реформа *опережаетъ здѣсь ходъ времени столѣтіями*“, но не взирая на столь серьезныя и сложныя явленія, связанныя съ крестьянскимъ земельнымъ надѣленіемъ, комитетъ не находитъ возможнымъ осуществлять дворянскія пожеланія. Предположенное хизанское положеніе лишь счастливая особенность; если перевести крестьянъ на это положеніе, конечно, грузинскіе крестьяне оцѣнятъ всѣ послѣдствія новаго устройства „и въ правахъ личныхъ, и имущественныхъ, и въ отношеніяхъ къ землевладѣльцу и правительству“. Комитетъ того мнѣнія, что большинство крестьянъ пользуется бо́льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ хизаны, ибо хотя помѣщикъ и не дѣлалъ особой разницы между крестьяниномъ—крѣпостнымъ и хизаномъ—арендаторомъ, однако предоставлялъ крестьянину болѣе удобствъ и льготъ, чѣмъ

поселянину—хизану, и понятно хизанъ, „живя у него, какъ гость, могъ оставить его по своему усмотрѣнію“ т. е. хозяйскій интересъ отдавалъ болѣе предпочтенія крестьянину привязанному къ помѣщику, чѣмъ хизану, временному арендатору, котораго не связывали съ владѣльцемъ земли такія прочныя связи. Крестьяне, при переводѣ на хизанское положеніе, не ошибутся въ истинномъ характерѣ преимуществъ, которымъ они пользовались въ званіи крѣпостного, зная, что этому они обязаны добровольному усмотрѣнію помѣщичьей воли. Комитетъ охотно соглашается съ дворянствомъ въ томъ, что хизанское положеніе, есть улучшеніе быта крестьянъ, потому что крѣпостные крестьяне, „получая безвозмездно права лицъ свободнаго состоянія“, не могутъ требовать отъ помѣщика дарованія болѣе выгоднаго положенія, чѣмъ то въ какія ставятъ себя лица свободнаго состоянія. Но это соображеніе комитета весьма слабое и, повидимому, самъ онъ это чувствовалъ; вѣдь, хизанское положеніе какъ разъ не разрѣшало основного вопроса, который защищается и комитетомъ, и пол. 19 ф., земельнаго, безспорнаго надѣленія; земельное надѣленіе, базисъ экономическаго существованія крестьянства, при хизанскомъ положеніи подчинилось бы всѣмъ многоразличнымъ случайнымъ и не случайнымъ причинамъ земельнаго спроса и предложенія и всѣмъ невыгодамъ договорнаго соглашенія для слабаго и безконечно нуждающагося въ землѣ крестьянина, поэтому ни о какихъ выгодахъ хизанскаго положенія говорить нельзя. Въ эпоху крѣпостного права, крестьянинъ могъ съ согласія владѣльца, не порывая съ нимъ связи, садиться въ качествѣ арендатора на чужую землю, это преимущество, это право, конечно, было не малое, но это былъ палліативъ, которымъ земельное обезпеченіе и довольствіе не разрѣшалось. Выгодно было хизанское положеніе предъ крестьянскимъ еще тѣмъ, что хизанъ, какъ съемщикъ земли, находился въ отношеніи къ владѣльцу лишь въ поземельной зависимости и личной зависимости не несъ. Но съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости эта проблематическая выгода исчезала, но за то оставалась очень опасная сторона; принявъ хизанское положеніе, правительство тѣмъ самымъ признало бы исключительныя права на землю только за помѣ-

щикомъ; правда, съ другой стороны, оно признало бы и право крестьянина на землю, но это право не есть абсолютное, а лишь объектъ договорнаго соглашенія. Дворянство весьма заинтересовано было въ сохраненіи хизанскаго положенія и вполнѣ понятны мотивы ихъ; съ одной стороны, они сохранили бы всѣ свои права на землю въ нетронутомъ видѣ, съ другой—сохранили бы и рабочія руки, въ которыхъ они сильно нуждались.

Комитетъ соглашается съ тѣмъ, что хизанское положеніе есть улучшеніе крестьянскаго крѣпостного, но онъ же признаетъ, что справедливое въ приложеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, не можетъ быть примѣнимо къ массѣ населенія, которое должно получить „новое прочное и окончательное устройство“, т. е. если хизанство для отдѣльныхъ крестьянъ, по совокупности индивидуальныхъ обстоятельствъ, и было сравнительно выгодно, то едва ли тоже самое можно утверждать о всей массѣ крестьянскаго населенія. Комитетъ, отвергая дворянскій проектъ перевода крестьянъ на хизанское положеніе, находитъ, что крестьянская реформа *не задумана съ цѣлью наилучшаго устроенія дворянскаго сословія*, ибо государственный интересъ не можетъ быть устраненъ въ крестьянской реформѣ, „правительство не можетъ даровать никому такого права, выполненіе коего оно не имѣетъ никакой возможности обезпечить на дѣлѣ“. Комитетъ видитъ противогосударственное начало и недопустимость въ томъ, что, по истеченіи періода договорнаго срока, крѣпостное населеніе, равное не менѣе $^1/_3$ населенія всей губерніи, должно по требованію владѣльцевъ удалиться съ насиженныхъ мѣстъ и образовать кадры массы безземельной и опасной для общественнаго и государственнаго спокойствія.

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, но лишенные земли, не будутъ въ состояніи образовывать сельскія общества, ибо интересы людей, временно собравшихся на жительство въ извѣстной мѣстности, будутъ лишены тѣхъ элементовъ, которые необходимы для образованія и созданія общественнаго управленія; лишенные средствъ къ самоуправленію, „они затруднятъ собою всѣ отрасли государственнаго управленія, котораго сельское общество соста-

вляетъ низшій, но тѣмъ не менѣе весьма важный органъ". Пока существуетъ нынѣшняя податная система, будетъ „несправедливо и непослѣдовательно не обезпечить сословіе, которое обязано само повинностями, средствами къ ихъ выполненію", т. о. ссылка на хизанское положеніе въ настоящихъ случаяхъ не можетъ быть уважена, ибо при окончательномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, когда должно устроиться прочное будущее огромной части населенія недопустимо примѣненіе положенія, „образовавшагося постепенно для одинокихъ семействъ или небольшихъ ихъ группъ; положеніе, не въ отдаленной будущности, безъ сомнѣнія, само не избѣгнетъ значительныхъ видоизмѣненій", въ силу всѣхъ этихъ соображеній правительство „*постановлено въ необходимость положить именно на помѣщиковъ обязанность обезпечить крестьянъ, освобожденіемъ изъ крѣпостной зависимости, прочною осѣдлостью и земельнымъ довольствіемъ*". Дворянство именно этого принять въ соображеніе не хотѣло. „Дворянство не убѣждено ни въ необходимости отнесенія на его попеченіе обязанности вышеуказанной, ни въ невозможности для самого правительства удовлетворить сію государственную потребность собственными средствами".

Комитетъ слишкомъ много вниманія удѣляетъ этому вопросу и не обходитъ молчаніемъ, въ виду исключительной его важности, и потому еще, чтобы дворянство не подумало, что недостаточно вниманія удѣляютъ ихъ мнѣнію о надѣленіи крестьянъ землею. Комитетъ понимаетъ, что дворянство много теряетъ, представленія дворянъ „полныя доводовъ въ ясномъ сознаніи непреложности жертвъ, требуемыхъ государствомъ отъ дворянства; можно, безъ сомнѣнія, успокоить умы и тѣмъ содѣйствіемъ къ перенесенію терпѣливо того, что будетъ признано неизбѣжнымъ".

Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи крестьянамъ, независимо отъ личныхъ имущественныхъ правъ, принадлежащихъ лицамъ свободнаго сословія присвоено право на то, что „возвигнуто или сдѣлано ихъ трудами", т. е. признано право на произведенія. При „совершенномъ тождествѣ сущности крѣпостного права въ Россіи и Грузіи", опредѣленіе имущественныхъ правъ можетъ быть совершено ни одинаковыхъ условіяхъ.

Комитетъ того мнѣнія, что „нельзя оставить на произволъ судьбы участь огромнаго населенія, не обезпечивъ въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни, не говоря о предоставленіи ему средствъ къ выполненію лежащихъ на немъ обязанностей предъ правительствомъ“. Отвергнувъ предложеніе помѣщиковъ и признавая единственно цѣлесообразнымъ обязательное надѣленіе крестьянъ землею, комитетъ переходитъ къ выясненію способовъ разрѣшенія задачи и находитъ, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ двояко: 1) или водвореніемъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ, 2) или оставленіемъ крестьянъ на прежнемъ мѣстѣ жительства съ обязательствомъ выкупать земли отъ помѣщиковъ, когда того будетъ требовать помѣщикъ, съ тѣмъ чтобы правительство приняло прямую отвѣтственность въ уплатѣ всей выкупной по оцѣнкѣ суммы. Оба способа, однако, признаются комитетомъ неисполнимыми въ Тифлисской губ.: „по громадности пожертвованій, коихъ они потребуютъ даже и при относительной незначительности крѣпостного населенія“. Если неисполнимо второе возможное рѣшеніе вопроса, то менѣе исполнимо и первое т. е. переселеніе крестьянъ на казенныя земли: 1) по недостатку свободныхъ земель, 2) по обширности расходовъ, сопряженныхъ съ перемѣщеніемъ населенія, 3) по „обезлюденію обитаемыхъ мѣстностей цѣлыхъ частей уѣздовъ“; главнымъ образомъ затруднительность этого предположенія заключалась въ томъ, что едва ли правительство знало границы своихъ земель, въ виду слабыхъ успѣховъ межеванія; земли казенныя не были приведены въ извѣстность, а многія были въ спорномъ еще владѣніи. Единственнымъ исходомъ изъ положенія могло быть перенесеніе тяжести надѣленія крестьянъ землей на дворянство и комитетъ такъ и рѣшилъ; онъ постановилъ, что другого исхода нѣтъ, „какъ принять на себя жертвы этому самому сословію, которое закрѣпляло узы крѣпостного права и пользовалось продолжительными выгодами его существованія“, а изъ этого комитетъ и дѣлаетъ окончательное принципіальное заключеніе: „пользованіе со стороны крестьянъ усадебною осѣдлостью, садами и полевою землей не можетъ быть ограничено какимъ либо срокомъ и должно быть постояннымъ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Россіи

по законоположеніямъ 19 февраля 1861 г., съ сохраненіемъ за помѣщикомъ права собственности на землю съ обязанностью крестьянъ нести за оныя установленныя повинности".

д. *О крестьянскомъ надѣлѣ.*

Разрѣшивъ принципіальный вопросъ объ обязательномъ надѣленіи крестьянъ землею и возложивъ эту обязанность на помѣщиковъ и принявъ за основаніе и руководство Положеніе 19 ф., комитетъ переходитъ къ выясненію и опредѣленію размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ дворянскихъ проектахъ, вѣдь, совершенно отбрасывается вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ, они готовы были лишь сохранить за крестьянами, находящіяся въ ихъ пользованіи земельныя угодія, за повинности и на сроки, по добровольнымъ соглашеніямъ, установленные. Комитетъ же выдвигаетъ вопросъ, которымъ не занимались ни дворянскія собранія, ни проекты дворянъ. Разсуждая о крестьянскомъ надѣленіи, комитетъ выдѣлилъ ту часть земель Тифлисской губ., которыя лежатъ въ ущельяхъ и склонахъ ближайшихъ отроговъ главнаго Кавказскаго хребта и входятъ въ составъ Горійскаго у. и Горскаго округа. Эта часть губерніи рѣзко отличается отъ остальныхъ мѣстностей губерніи, какъ въ отношеніи хозяйственномъ, такъ и въ отношеніи производительности. Мѣстность здѣсь отличается суровостью климата, скудостью почвы, недостаткомъ земель, годныхъ подъ сельско-хозяйственную обработку; въ означенныхъ мѣстахъ вся помѣщичья земля находилась въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи крестьянскаго общества, а помѣщики сами не имѣли хозяйственныхъ обзаведеній; главнѣйшею отраслью хозяйства было скотоводство, количество пахатныхъ земель было въ весьма ограниченномъ составѣ.

Въ остальныхъ частяхъ губ. „въ рѣдкихъ имѣніяхъ помѣщики не имѣли своихъ обзаведеній", повсемѣстно почти сѣялся озимый хлѣбъ, произросталъ виноградъ. Въ первую очередь комитетъ и занялся разсужденіемъ о крестьянскомъ надѣлѣ по всей губерніи, исключая нагорныя имѣнія Горійскаго у. и Горскаго округа.

е. *Составъ и размѣръ надѣла.*

Комитетъ озабоченъ былъ выясненіемъ того, что въ Тифлисской губ. должно было разумѣть подъ усадебной-осѣдлостью крестьянъ. Въ составъ крестьянской осѣдлости, по предположенію комитета, должна войти вся земля подъ крестьянскими жилыми и хозяйственными строеніями, выпускъ для скота; къ хозяйственнымъ строеніямъ комитетъ причисляетъ скотные дворы, буйлятники, гумна, мякинники; овчарники (пареки) не причисляются къ таковымъ и для нихъ выработаны были особыя правила пользованія. Хозяйственныя строенія во многихъ селеніяхъ, по причинѣ гористости мѣстности, либо особымъ хозяйственнымъ условіямъ, устраивались совершенно отдѣльно отъ жилыхъ строеній и нерѣдко внѣ самыхъ селеній; поэтому комитетъ и нашелъ справедливымъ границу усадебной осѣдлости ограничить чертой жилыхъ и хозяйственныхъ строеній и тамъ, гдѣ по разбросанности крестьянскихъ усадебъ промежутки между ними заключаютъ пустопорожнія мѣста, черта усадебной осѣдлости каждаго дыма имѣетъ быть проведена по добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ; при невозможности добровольнаго соглашенія, таковое устанавливается рѣшеніемъ мировыхъ посредниковъ. Какъ бы черта эта не опредѣлялась, въ концѣ концовъ, земля подъ усадебной осѣдлостью на дымъ не должна была превышать однодневнаго паханія. Къ усадебной же осѣдлости причисляются комитетомъ земли подъ крестьянскими торговыми и промышленными заведеніями.

Въ вопросахъ о размѣрахъ надѣленія крестьянъ землею комитетъ исходитъ изъ того, какимъ фондомъ располагаетъ дворянство и какое вліяніе на дворянское земельное довольствіе произведетъ принудительное надѣленіе крестьянъ.

Грузинское дворянство, какъ это признаетъ, и комитетъ, являлось стѣсненнымъ въ своихъ средствахъ. На 1751 дворянское семейство приходилось 17,114 крестьянскихъ дымовъ, т. е. на одно дворянское семейство 10 крестьянскихъ дымовъ. Вмѣстѣ съ этимъ дворянство страдало отъ малоземелья. Цѣнныя земли у нихъ были заняты подъ собственныя поселенія и особенно большими размѣрами не

отличались; хотя поземельныя владѣнія помѣщиковъ и заключали пространныя земли, но онѣ не давали владѣльцамъ ихъ большихъ доходовъ, т. е., по мнѣнію комитета, „мѣриломъ имущественнаго состоянія здѣшнихъ помѣщиковъ можетъ служить не общее количество земель имъ принадлежащихъ, а только имѣнія населенныя, цѣнность которыхъ соразмѣряется со степенью густоты населенія". Комитетъ раздѣляетъ общія жалобы дворянъ на то, что они совершенно не подготовлены къ занятіямъ, „замкнуты въ безвыходный кругъ," а также признаетъ, что, съ освобожденіемъ крестьянъ, „масса помѣщиковъ лишится послѣдняго надежнаго средства для поддержанія своихъ семействъ, если за ними не будутъ сохранена земля въ достаточномъ количествѣ." Обязательное надѣленіе крестьянъ должно было такъ совершиться, чтобы не особенно пострадали интересы помѣщиковъ. Комитетъ ясно видитъ, что соблюденіе интересовъ помѣщиковъ, при обязательномъ надѣленіи, можетъ обидѣть крестьянъ, если слѣдствіемъ соблюденія дворянскихъ интересовъ будетъ уменьшеніе надѣловъ крестьянъ; выходъ изъ положенія тѣмъ не менѣе былъ найденъ и выходъ этотъ былъ указанъ въ слѣдующемъ: по мнѣнію комитета, наиболѣе правильнымъ будетъ сохранить за помѣщиками $^1/_2$ всѣхъ принадлежащихъ имъ земель; другая половина земель, предоставленная крестьянамъ, была признана достаточной для обезпеченія крестьянскаго быта, въ особенности при сравнительной ея цѣнности; этотъ доводъ усиливаютъ еще и тѣмъ, что „крестьяне, пріобрѣтая полную свободу и располагая независимо своимъ трудомъ въ краѣ, гдѣ рабочія руки и всякій трудъ такъ дороги, найдутъ всегда подспорье и при ограниченіи, по необходимости, земельнаго надѣла," „улучшеніе его быта, на счетъ крайняго, и не временнаго, а постояннаго стѣсненія помѣщиковъ, не можетъ быть допускаемо безъ извращенія истинной цѣли и видовъ, руководившихъ правительствомъ въ настоящемъ дѣлѣ"; тѣмъ не менѣе для комитета было слишкомъ очевидно, что проектируемое надѣленіе крестьянъ недостаточно, но въ стремленіи спасти дворянство, якобы отъ разоренія, комитетъ пожертвовалъ крестьянскими интересами. При слабомъ же развитіи сельско-хозяйствен-

ной производительности и при образованіи путемъ недостаточнаго надѣленія крестьянства землей, массы земельнаго пролетаріата, конечно цѣны на рабочія руки должны были пасть. Если цѣны на нихъ были сравнительно высоки, то это происходило потому, между прочимъ, что значительная часть крестьянъ сидѣла на пашнѣ, а это сокращало количество свободныхъ рабочихъ рукъ, нынѣ же при земельной необезпеченности рабочія руки должны были неминуемо увеличиться въ количественномъ отношеніи; да и вообще весьма проблематичной была компенсація земельнаго недостатка крестьянъ дороговизной рабочихъ рукъ, когда послѣднія естественно подчинялись чрезвычайно разнообразнымъ случайнымъ и не случайнымъ обстоятельствамъ спроса и предложенія, да по существу комитетъ не находилъ другого исхода, тѣмъ болѣе, что увеличеніе земельной площади переводомъ крестьянъ на казенныя земли было оставлено, какъ недопустимое при данныхъ реальныхъ условіяхъ.

При отрѣзкѣ въ пользу помѣщика половины земли, по мнѣнію комитета, должны быть принимаемы въ разсчетъ только земли, принадлежащія къ тому селенію, изъ коего надлежитъ учинить отрѣзку, расширеніе этого условія и на помѣстья, лежащія внѣ границъ того селенія, комитетъ не допускаетъ возможнымъ и удобнымъ ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ, потому что въ виду гористости мѣстности два помѣстья могутъ находиться въ совершенно различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и лишеніе какое понесетъ помѣщикъ въ одномъ имѣніи оставленіемъ за крестьянами всего или извѣстнаго количества ихъ настоящаго надѣла, можетъ далеко не вознаградить его прирѣзкой въ другомъ имѣніи. Кромѣ того, крестьяне одного селенія ничего общаго не имѣютъ съ крестьянами другого, хотя бы оба имѣнія принадлежали одному и тому же помѣщику, въ особенности въ отношеніи тѣхъ удобныхъ земель, которыя должны войти въ исчисленіе при отрѣзкѣ. Комитетъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ выдѣленіе въ пользу помѣщиковъ половины земли, „по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ оказывается невозможнымъ при крестьянской реформѣ подводить помѣщиковъ здѣшнихъ подъ одни правила съ помѣщиками въ Россіи.“

Подходя ближе къ опредѣленію размѣровъ крестьянскаго надѣленія, комитетъ попытался установить высшіе и низшіе размѣры надѣловъ. Размѣръ высшихъ надѣловъ, по предположенію комитета, долженъ быть поставленъ въ соотвѣтствіе съ количествомъ полевой земли, какое находится въ пользованіи крестьянъ, съ производительностью почвы и другими хозяйственными условіями. На основаніи вышеприведенныхъ признаковъ вся Тифлисская губ., за исключеніемъ нагорной части, была раздѣлена на 2 полосы: 1) орошаемую искусственными сооруженіями, на часть поливную, (поливныя земли), болѣе производительную и 2) неорошаемую, по отсутствію водопроводовъ, искусственныхъ сооруженій или по климатическимъ и топографическимъ условіямъ (неполивныя земли). Комитетъ ограничился этимъ дѣленіемъ потому, что оно обусловливало на дѣлѣ, въ жизни, различіе въ поземельномъ довольствіи крестьянъ, „сообразномъ потребности обезпеченія ихъ быта;“ дѣйствительно, въ поливныхъ мѣстностяхъ надѣлъ бывалъ меньше, чѣмъ въ неполивныхъ; во-вторыхъ, дѣленіе признано цѣлесообразнымъ еще и потому, что, обнимая собой разнохарактерныя мѣстности по производительности почвы, съ различіемъ географическимъ, выражало разграниченіе естественное.

Комитетъ въ основаніе своихъ разсчетовъ принялъ поливные участки, состоящіе въ пользованіи крестьянскаго дыма, лучшимъ образомъ надѣленнаго, которые попадались въ благоустроенныхъ имѣніяхъ и на этомъ основаніи установилъ высшіе размѣры надѣловъ полевой земли: въ поливныхъ земляхъ на дымъ въ размѣрѣ 10 дневнаго паханія, въ неполивныхъ—20 дневнаго паханія, т. е. 1-дневное паханіе въ поливныхъ земляхъ приравнено по производительности 2-дневному паханію въ неполивныхъ, хотя въ дѣйствительности такого строгаго и прямого соотношенія не было, но оно принято единственно изъ удобства въ производствѣ разчетовъ. Опредѣленіе высшаго размѣра подымно дѣлается на томъ основаніи, что по существующему повсемѣстно, въ цѣломъ краю, обычаю, каждый дымъ пользовался участками отдѣльно и потомственно и „общинное владѣніе съ сопряженнымъ съ нимъ передѣломъ земли, здѣсь не извѣстно;“ означенные высшіе размѣры надѣловъ коми-

тетъ считаетъ безобидными для обѣихъ сторонъ. Комитетъ въ крестьянскомъ надѣлѣ различаетъ коренной надѣлъ; для опредѣленія же количества полевой земли, которое должно считаться для каждаго дыма кореннымъ участкомъ, комитетъ принялъ половину того количества земли, которое въ каждой мѣстности принято за высшій размѣръ надѣла полевого. Пространство земли, заключающееся въ полевомъ надѣлѣ, сверхъ размѣра коренного участка, признается добавочнымъ. За опредѣленіемъ высшаго размѣра весь излишекъ земли отрѣзывается въ собственность помѣщика.

Если были установлены высшіе размѣры надѣловъ, то не меньше вниманія заслуживали низшіе размѣры ихъ. Относительно высшихъ размѣровъ надѣловъ, комитетъ разсуждалъ, что низшіе размѣры надѣловъ были установлены во внутреннихъ губерніяхъ Россіи тамъ, гдѣ крестьяне были обезземелены помѣщиками, чтобы этимъ путемъ вернуть крестьянамъ часть ихъ прежняго надѣла. Въ Тифлисской губ., напротивъ, вся земля или большая ея часть находится въ распоряженіи крестьянъ, а помѣщикъ вовсе не имѣетъ своихъ собственныхъ запашекъ, или имѣетъ ихъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, по крайней мѣрѣ, едва ли найдется 10 помѣщиковъ, которые распахивали бы ежегодно 10 десятинъ, а потому интересы крестьянъ достаточно будутъ вознаграждены, если возложить на помѣщиковъ обязанность не отрѣзывать въ свою пользу болѣе половины крестьянскаго надѣла, на основаніи всего этого комитетъ „находитъ излишнимъ уставлять низшіе размѣры,“ т. е. обозначеніе низшаго размѣра надѣла и опредѣленіе размѣровъ его по существу является совершенно излишнимъ и вводящимъ нѣкоторымъ образомъ даже въ заблужденіе, такимъ образомъ установленъ былъ одинъ размѣръ надѣла.

Спеціальнымъ предметомъ обсужденія былъ надѣлъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, для которыхъ требованіе о половинномъ отчужденіи земли въ надѣлъ крестьянамъ сопряженъ былъ съ весьма серьезными затрудненіями. Для мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ было признано, что такіе помѣщики, надѣляя крестьянъ, должны сохранить за собою пространство земли, заключающее шестидесятидневное паханіе. Въ тоже время комитетъ допустилъ возмож-

нымъ обращеніе крестьянской усадьбы и садовъ непосредственное владѣніе помѣщика, не имѣющаго собственной усадьбы; такое серьезное право утверждается за помѣщикомъ на томъ соображеніи, что можетъ случиться, что у помѣщика не будетъ мѣста для устройства усадьбы, такъ какъ подобное мѣсто непремѣнно требуетъ нахожденія возлѣ него воды, годной для питья и орошенія.

Вопросъ съ надѣленіемъ крестьянъ полевой землей непосредственно былъ связанъ съ другими важными статьями, безъ одновременнаго разрѣшенія которыхъ, низводилась къ нулю хозяйственная цѣнность полевой земли; крестьянское хозяйство сильно было заинтересовано въ сохраненіи правъ пользованія выгонами, пастбищами, водопоями, лѣсами и т. п. Комитетъ мимо этихъ статей не прошелъ, но касательно крестьянскихъ выгоновъ заключилъ, что не только „положительное разграниченіе“ въ пользованіи выгонами между помѣщиками и крестьянами, но и опредѣленіе, что именно должно понимать подъ выгонами представляетъ большія затрудненія; что считать за выгоны: земли, не распахиваемыя или назначаемыя подъ сѣнокосы, но годныя подъ пашни, или земли совершенно безплодныя, безъ всякаго между ними различія, образуютъ одинъ выгонъ или одно мѣсто для пастьбы; такія земли, по мнѣнію комитета, не могутъ болѣе оставаться подъ выгонами въ особенности тамъ, гдѣ большія пространства земли могутъ найти болѣе выгодное назначеніе; но съ другой стороны, этотъ предметъ находится въ зависимости отъ многихъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, существующихъ обычаевъ и хозяйственнаго быта. Комитетъ и призналъ необходимымъ ввести выгоны, пастбища для скота въ составъ крестьянскаго надѣла, но не нашелъ возможнымъ включить ихъ въ количество, которое опредѣляло высшій размѣръ подымнаго полевого участка, сталъ на полдорогѣ и не довелъ рѣшенія вопроса до конца. Лѣса же комитетъ не включилъ въ разрядъ удобныхъ земель, какъ и по общеимперскому закону, по которому они (877 ст. Меж. Зак.) не причисляются къ удобнымъ землямъ.

ж. *Крестьянскій надѣлъ въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго уѣзда и Горскаго округа.*

Исключительность владѣній въ нагорныхъ имѣніяхъ

Горійскаго у. и Горскаго о. заключалась: въ ограниченности размѣровъ пахатной земли, скудости ея, сравнительно съ другими частями губерніи, отсутствіи хозяйственныхъ обзаведеній у помѣщиковъ, оставленіи всей земли въ пользованіи крестьянъ, за исключеніемъ пастбищныхъ мѣстъ; означенныя специфическія условія внушили комитету убѣжденіе въ невозможности уменьшить крестьянскій надѣлъ, ибо въ этомъ „не только необходимое условіе обезпеченія быта крестьянъ, но и выгода самихъ помѣщиковъ“, такъ какъ по географическимъ условіямъ нельзя разсчитывать на охотниковъ нанимать здѣсь земли. Владѣльцы имѣній въ нагорной части, кн. Эристовы, вполнѣ сознали неизбѣжность этой мѣры, какъ примиряющей объ стороны и въ запискѣ, подписанной 9 лицами, выразили свои мнѣнія, о которыхъ говорили выше, а комитетъ, опираясь на всѣ эти данныя положилъ: 1) оставить крестьянамъ въ постоянномъ пользованіи „весь нынѣшній ихъ надѣлъ, какъ усадебныхъ участковъ“, къ которымъ причисляются „безъ всякаго ограниченія“, строенія, огороды и т. п. угодія, такъ и полевые участки, заключающіе не только пахатныя и сѣнокосныя земли, но и „состоящія въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ крестьянскихъ дымовъ пастбища“, 2) помѣщики не въ правѣ въ теченіи перваго десятилѣтія, ни послѣ, уменьшать надѣлъ, состоящій въ пользованіи отдѣльныхъ крестьянскихъ дымовъ, или подъ именемъ сакомло, въ совмѣстномъ пользованіи нѣсколькихъ дымовъ. Въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ крестьянинъ обязывается держать земельный надѣлъ за повинности. Уменьшеніе надѣла безъ согласія помѣщика не допускается. Всѣ эти правила принимаются комитетомъ въ томъ уваженіи, что по скудости надѣла и дороговизнѣ усадебныхъ и полевыхъ угодій въ нагорныхъ имѣніяхъ крестьянамъ не выгодно отказаться отъ какой-либо части надѣла; отказъ можетъ вынудить помѣщика къ крайне убыточной для него уступкѣ надѣла, такъ какъ по географическому положенію крестьянинъ не можетъ опасаться соперничества.

Любопытно то, что здѣсь защита помѣщичьихъ интересовъ вызывала чуть ли не насильственное навязываніе крестьянину земель въ виду страховъ, что крестьяне мо-

гутъ отказаться отъ земли; тогда какъ въ другихъ частяхъ губерніи, наоборотъ, комитетъ обнадеживаетъ крестьянъ, вынужденныхъ большую часть земель своихъ оставлять помѣщикамъ, возможностью находить примѣненіе своимъ рабочимъ силамъ; какъ тамъ, такъ здѣсь, слишкомъ очевидна защита и обереганіе помѣщичьихъ интересовъ.

Сверхъ усадьбы и полевыхъ угодій крестьянамъ предоставляются пастбищныя и лѣсныя угодія; размѣръ этихъ надѣловъ долженъ былъ опредѣленъ спеціальными правилами, выработка которыхъ была предоставлена намѣстнику Кавказа.

3. *О крестьянскихъ повинностяхъ и пользованіи надѣльными землями.*

Вопросъ о повинностяхъ крестьянскихъ въ дворянскихъ проектахъ не занимаетъ большого мѣста, по вполнѣ понятнымъ мотивамъ. Для дворянскихъ проектовъ наиболѣе важнымъ было сохраненіе земельной собственности, а повинности за нихъ являлись дѣломъ добровольнаго соглашенія. Дворяне разсуждали лишь о томъ, какъ бы удержать земли, а разрѣшеніе этого центральнаго вопроса заслонило предъ ними всѣ остальные, связанные или вытекающіе изъ нихъ Для комитета же, напротивъ, весьма существеннымъ являлось фиксированіе повинностей за земельное пользованіе, и въ самомъ дѣлѣ, не достаточно точное разъясненіе и разрѣшеніе этого вопроса аннулировало первое рѣшеніе.

Комитетъ до рѣшенія этого дѣла основательно изучилъ основанія, принятыя въ Главномъ комитетѣ при опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, слѣды чего остались въ журналѣ Зак. комитета; комитетъ пришелъ къ выводу, что при разработкѣ вопроса о крестьянскихъ повинностяхъ, нужно принять во вниманіе отбываемыя уже крестьянами повинности, барщинныя и оброчныя. Комитетъ съ этой цѣлью подробно останавливается на изученіи всѣхъ существующихъ повинностей.

Второе дѣло, которое занимало комитетъ—это опредѣленіи размѣра повинностей съ крестьянскаго надѣла по введеніи новаго положенія. При опредѣленіи размѣра повинностей въ Тифлисской губ., какъ и въ Россіи, были при-

няты существующія повинности, только на это комитетъ смотрѣлъ, какъ на задачу облегчить ихъ „отбываніе, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, съ наименьшимъ, по возможности, ущербомъ для помѣщиковъ".

Существующія повинности отбывались въ смѣшанномъ видѣ, то были: бегара, барщинныя работы и гала съ кулухи т. е. патуральныя повинности, частями съ произведеніи земли; для комитета предсталъ вопросъ, слѣдуетъ ли по введеніи новаго положенія сохранить оба вида повинностей или установить одинъ видъ. Комитетъ разсуждаетъ, что по малой производительности, по малому соотвѣтствію и отрицательной стоимости, по стѣснительности для крестьянъ, необезпеченности въ исправномъ отбываніи, издѣльная повинность признана правительствомъ неудобной для сохраненія въ видѣ постоянной. Но комитетъ считаетъ оставленіе издѣльной повинности или бегары необходимымъ на весь тотъ періодъ времени, какой будетъ опредѣленъ для добровольнаго соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами и составленія уставныхъ грамотъ. Основаніями такого рѣшенія были: 1) соображеніе, что на этотъ періодъ оставляются въ пользованіи крестьянъ существующіе надѣлы, 2) но главное— необходимость дать помѣщикамъ возможность поддержать хозяйство обычными средствами, существенную часть которыхъ состявляютъ рабочія крестьянскія силы.

По истеченіи этого срока издѣльныя повинности должны быть сохранены въ видѣ необязательномъ. Комитетъ не скрываетъ, что отбываніе ихъ будетъ сопряжено съ тяжбами, недоразумѣніями, потому, между прочимъ, что „чрезвычайная рѣдкость—принадлежность селенія единственному владѣльцу", не скрываетъ комитетъ и того, что трудно будетъ принудить крестьянъ къ исполненію повинностей. По освобожденіи крестьянъ лишь большой трудъ можетъ доставить одинаковое обезпеченіе, какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ, на этомъ основаніи комитетъ рѣшительно не можетъ допустить бегару или барщину, какъ постоянную повинность, въ видѣ обязательномъ для обѣихъ сторонъ, и полагаетъ болѣе справедливымъ и удобнымъ сохраненіе повинностей земными произведеніями.

Для опредѣленія соотношенія между бегарой и повин-

ностями, отбываемыми земными произведеніями, комитетъ рѣшилъ оцѣнить совокупность всѣхъ тѣхъ издѣльныхъ повинностей, которыя приходились на весь крестьянскій надѣлъ, а также стоимость натуральныхъ повинностей и найденную сумму расположить сперва на каждую изъ составныхъ частей надѣла, а затѣмъ на каждое однодневное паханіе. Въ разрѣшеніи этой оцѣнки комитетъ встрѣчалъ препятствіе въ количественномъ разнообразіи существующихъ повинностей и мѣриломъ комитетъ полагаетъ считать среднюю между высшимъ и низшимъ сборами; умѣренной комитетъ признаетъ: для галы одну коду—(2 п. 10 ф.) съ однодневнаго паханія въ неполивныхъ поляхъ, 2 коды въ поливныхъ, или для галы отъ $^1/_7$ до $^1/_{10}$ части урожая; для кулухи отъ $^1/_5$ до $^1/_7$.

Относительно бегары, для котораго не существовало ни закономъ, ни обычаемъ опредѣленнаго размѣра, комитетъ былъ поставленъ въ болѣе затруднительное положеніе. Въ виду чрезвычайной неопредѣленности повиностныхъ сборовъ, многообразія и расплывчатости ихъ комитетъ рѣшился обратиться къ пріисканію такого способа опредѣленія повинностей за крестьянскій надѣлъ, который, „сохраняя существенныя черты теперешняго порядка, былъ бы вмѣстѣ удобоисполнимъ на практикѣ и ограждалъ интересы обоихъ сословій“. Князь Багратіонъ-Мухранскій предложилъ за основаніе повинностей принять $^1/_4$ урожая со всѣхъ земныхъ произведеній, какъ полевыхъ, такъ и виноградныхъ. При такой нормѣ, по исчисленію Закавказскаго комитета, пришлось бы съ пашенъ, съ урожая, въ поливныхъ земляхъ требовать отъ 4 до 5 кодъ, въ неполивныхъ отъ 2—$2^1/_2$ к., по этому разсчету можно было бы опредѣлить и доходъ помѣщика съ земель, предназначенныхъ подъ усадьбы. Такимъ образомъ, вся система повинностей выразилась бы въ отношеніи пахатныхъ полей въ удвоеніи галы, а въ отношеніи виноградныхъ садовъ вм. $^1/_7$, сравнительно умѣренной—$^1/_4$. Половина хлѣбной повинности со всѣхъ земель полевого и усадебнаго надѣла „и та часть подати съ садовъ, которая составитъ превышеніе противу умѣренной цифры оной, представили бы собою замѣну всѣхъ издѣльныхъ повиностей“. Комитетъ того мнѣнія, что стоимость издѣльныхъ повинностей всюду, а въ особенности тамъ, гдѣ они умѣренны, да-

леко превыситъ стоимость половины даже удвоенныхъ, по указанному разсчету, галы и кулухи, въ совокупности, а въ отношеніи крестьянъ, не имѣющихъ садовъ, замѣна удвоенною галою нынѣ отбываемыхъ повинностей, бегары и галы будетъ значительно выгоднѣе. Всю эту систему повинностей комитетъ находитъ безобидной. Вообще, комитетъ предполагалъ, что, съ прекращеніемъ зависимыхъ отношеній, будущія отношенія помѣщика и крестьянина по поземельному пользованію должны быть согласованы съ тѣми, которыя устанавливаются при добровольныхъ наймахъ.

Четвертую часть съ урожая хлѣбовъ, какъ повинность въ пользу помѣщика, комитетъ считаетъ за дѣйствительный доходъ землевладѣльца, ибо болѣе этого постороннія наниматели не давали, наоборотъ, платили менѣе, отъ $^1/_{10}$ до $^1/_6$ урожая. „Безобидность для помѣщиковъ предположенной нормы повинности съ крестьянъ за полевыя земли можетъ быть удостовѣрена“, по мнѣнію комитета, слѣдующимъ примѣромъ: кореннымъ бекамъ Алхацихск. у. (Кутаисской тогда губ.) наниматели земли обязывались уплачивать $^1/_5$, въ Эриван. ской губ. поселяне давали землевладѣльцамъ мюлькодарамъ $^3/_{30}$, тіулистамъ $^4/_{30}$; въ остальныхъ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края Высоч. утв. 1847 г. правилами плата опредѣлена въ $^1/_{10}$ съ урожая земныхъ произведеній, но сверхъ того землевладѣльцы получали и прислугу, съ семейства по работнику, со скотомъ, сельскими орудіями на 8 дней въ году.

Ограниченіе поземельнаго дохода помѣщиковъ съ виноградныхъ садовъ, устроенныхъ крестьяниномъ, Закавказскій комитетъ основываетъ на томъ соображеніи, что по существующему мѣстному обычаю, устроенный или разведенный садъ отдается на такихъ условіяхъ, что $^1/_2$ всего дохода или урожая отчисляется въ вознагражденіе за издержки и труды по разведенію сада, другая дѣлится между съемщикомъ земли и хозяиномъ ея, и на долю послѣдняго приходится $^1/_4$.

Означенное правило или обычай не распространяется на собственно тутовые и фруктовые сады или тутовые и фруктовые сады въ виноградникахъ, потому что за подобные сады вообще обычаями не установлены опредѣленныя повинности и онѣ являются предметомъ добровольнаго соглашенія.

Принявъ $^1/_4$ съ урожая земныхъ произведеній за основаніе опредѣленія поземельнаго дохода въ пользу помѣщика, съ крестьянскихъ угодій, комитетъ указалъ, что по этому принципу будетъ легко опредѣлить повинности за земли подъ усадебною осѣдлостью. Для этой цѣли земли должны быть введены въ вычисленіе общаго количества полевыхъ земель, предоставляемыхъ въ постоянное пользованіе крестьянину и по соразмѣрности съ прочими полевыми землями опредѣлять и доходъ помѣщика, и повинности крестьянина за земли подъ усадебною осѣдлостью. Принимая стоимость усадебной земли, представляющую особую цѣнность, и примѣняясь къ положенію, изданному для русскихъ губерній, комитетъ постановляетъ, что было бы вполнѣ правильно считать усадебныя земли наравнѣ съ лучшими полевыми землями для мѣстностей, находящихся въ исключительно выгодныхъ условіяхъ, по торговлѣ, промышленности, густотѣ населенія, но пользуясь такимъ способомъ оцѣнки крестьянскихъ усадебъ, комитетъ оговариваетъ, чтобы при оцѣнкѣ увеличенный размѣръ не превосходилъ вдвое размѣра низшаго.

Относительно мѣстъ для пастьбы и выгоновъ, комитетъ приходитъ къ рѣшенію, что количество повинностей съ крестьянъ должно быть соразмѣрно съ выгодами получаемыми имъ отъ земельнаго довольствія вообще, а выгоды съ названныхъ угодій не могутъ быть въ настоящее время приведены въ извѣстность, поэтому комитетъ не нашелъ возможнымъ опредѣлить какую либо повинность за пользованіе пастбищными угодіями впредь до установленія правилъ о надѣлѣ крестьянъ выгонами.

Комитетъ очень внимательно обсуждалъ вопросъ о порядкѣ взноса повинностей, и обезпеченія исправности взноса и постановилъ нужнымъ примѣнить въ данномъ случаѣ общія основанія по данному предмету правилъ мѣстнаго положенія для внутреннихъ губерній Россіи.

Въ дѣлѣ объ установленіи повинностей за пользованіе земельными надѣлами Закавказскій комитетъ, повидимому, не имѣлъ твердаго и отчетливаго представленія о существующихъ основаніяхъ въ повинностяхъ крестьянъ.

Подводя повинностныя отношенія подъ одинъ знаме-

натель и не попытавшись даже намѣтить, хотя бы различныя группы или полосы въ отношеніи отбыванія повинностей, Закавказскій комитетъ допускалъ весьма серьезную ошибку. Онъ все время при опредѣленіи поземельныхъ повинностей бралъ въ качествѣ мѣрила поземельныхъ крестьянскихъ повинностей плату, которая уплачивалась частными съемщиками земли. Изъ дѣлъ Закавказскаго комитета не видно, чтобы собирались эти цѣны, напротивъ, онъ принималъ лишь случайныя и единичныя показанія. Если обычай наложилъ сильный отпечатокъ на колебаніе размѣровъ крестьянскихъ повинностей, то тотъ же обычай не меньше вліянія оказывалъ на колебаніе размѣра платы при наймѣ земли частными лицами. Правда, принятыя Закавказскимъ комитетомъ нормы поземельныхъ повинностей, были нѣсколько ниже существующихъ, но комитетъ не показалъ соотношенія между существовавшими до реформы нормами крестьянскихъ повинностей и проектируемыми имъ.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что въ дѣлѣ установленія размѣровъ поземельныхъ крестьянскихъ повинностей, Закавказскій комитетъ не проявилъ необходимой точности и потому всѣ заключенія комитета случайны и не вполнѣ убѣдительны, но въ этомъ и самъ комитетъ сознается. Наконецъ, комитетъ не удовлетворилъ и помѣщиковъ. Послѣдніе рѣшительно возражали противъ опредѣленія нормальной хлѣбной повинности, они настойчиво домогались установленія лишь повинностей изъ части урожая. Центральный комитетъ согласился и съ заявленіемъ помѣщиковъ, такъ какъ, говоритъ центральный комитетъ, „нельзя отвергать, что повинности установленныя съ части урожая, болѣе соразмѣряются съ производительностью и доходностью земли и болѣе удобны къ отбыванію для крестьянъ, чѣмъ повинности по заранѣе опредѣленной нормѣ“.

Закавказскій комитетъ положилъ удобнымъ установить повинность съ усадебной осѣдлости денежнымъ оброкомъ, по сравненію съ лучшими полевыми землями, полагая за однодневное паханіе по 3 р. ежегодно, но не нашелъ возможнымъ допустить въ отношеніи размѣра полевой земли изъятія для хлѣбородныхъ мѣстностей, т. е. введенія $^1/_3$ вм.

1/4 повинностей, какъ предлагали нѣкоторые помѣщики, тѣмъ болѣе, что, устанавливая высокія повинности за земельный надѣлъ „на основаніи не вполнѣ обслѣдованныхъ данныхъ," по мнѣнію комитета, надлежало бы „въ устраненіе опасеній на счетъ чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ освободить и ихъ отъ обязанности, налагаемой на нихъ въ теченіи первыхъ 9 лѣтъ держать отводимый надѣлъ въ пользованіи въ извѣстномъ размѣрѣ, а оставленія въ силѣ этого обязательнаго пользованія со стороны крестьянъ землею особенно домогались тѣ самые помѣщики, кои сдѣлали означенное выше заявленіе" (помѣщики Горійскаго у.) о повышеніи размѣра повинностей съ 1/4 до 1/3 для хлѣбородныхъ мѣстностей.

Помѣщики кахетинскіе не довольствовались 1/4 повинности съ урожая виноградныхъ садовъ, они требовали 1/3. Не оспаривая показаній помѣщиковъ относительно существовавшихъ отношеній въ моментъ реформы, которыя позволяли помѣщикамъ получать съ виноградныхъ садовъ 1/3 доходовъ, Закавказскій комитетъ не могъ не замѣтить, что садовъ разведенныхъ крестьянами въ ближайшее время было меньше, чѣмъ устроенныхъ въ прежнее время, когда обычаи были иные, а входить въ разрѣшеніе вопросовъ, въ какое время и при какихъ обычаяхъ разводили сады, комитетъ находилъ совершенно недопустимымъ, а изъ данныхъ общихъ, и изъ изслѣдованія комитетъ нашелъ, что „повинность изъ 1/4 части урожая вина заключаетъ въ себѣ размѣръ, далеко превышающій нынѣ отбываемый и почти равняющійся во многихъ мѣстахъ удвоенной кулухи, слѣдовательно размѣръ этотъ вполнѣ безобидный для землевладѣльцевъ". Комитетъ не находитъ возможнымъ согласиться съ доводами кахетинскихъ садовладѣльцевъ и признаетъ болѣе удобнымъ „не обусловливать дохода помѣщика изъ 1/4 части урожая съ вина безвозмезднымъ отпускомъ крестьянамъ лѣсныхъ матеріаловъ", нужныхъ для виноградниковъ, а подчинить пользованіе ими платѣ существующей для лѣсныхъ матеріаловъ, слѣдовательно, въ этой платѣ комитетъ какъ бы пытался компенсировать ту часть дохода, которой добивались помѣщики.

Наконецъ, въ общей системѣ повинностей комитетъ затро-

нулъ вопросъ о повинностяхъ за сѣнокосныя земли и назначилъ за нихъ вм. 1/4—1/3, на томъ соображеніи, что сравнительно съ пахатными землями расходы крестьянъ по сбору урожая съ сѣнокосовъ совершенно ничтожны, и повсемѣстно сѣнокосныя мѣста сдавались постороннимъ изъ 1/2.

и. *Повинности съ крестьянскаго надѣла въ горныхъ частяхъ Горійскаго у. и Горскаго округа.*

Въ запискѣ объ отношеніяхъ между помѣщами и крестьянами въ нагорныхъ частяхъ Тифлисской губ. помѣщики мѣстные, кн. Эристовы, между прочимъ сообщили, что въ нагорныхъ земляхъ однодневное паханіе по размѣрамъ своимъ равняется лишь половинѣ той же земельной мѣры въ плоскости, въ низменныхъ частяхъ. Закавказскій комитетъ постановилъ при приведеніи въ систему крестьянскихъ повинностей строго держаться обычаевъ, существующихъ на этотъ предметъ.

Въ имѣніяхъ, гдѣ установилось дѣленіе на сакомло, комитетъ рѣшилъ признать изъ поземельныхъ повинностей съ сакомло лишь тѣ, которыя въ запискѣ Эристовыхъ названы неизмѣнными,—это сачукари и бегара, которыя отбываются за весь земельный надѣлъ, входящій въ составъ сокомло; остальныя повинности, измѣняющіяся по количеству дымовъ, пользующихся землями одного сакомло, комитетъ не находитъ возможнымъ относить къ повинностямъ, „истекающимъ изъ пользованія земельнаго надѣла, входящаго въ составъ сакомло“, ибо доходъ помѣщика съ крестьянскаго надѣла „не долженъ быть поставленъ въ какую либо зависимость отъ числа дымовъ, пользующихся имъ“. Соображеніе кн. Эристовыхъ, что повинности измѣняющіяся по числу дымовъ, живущихъ на одномъ сакомло, проистекаютъ изъ пользованія пастбищными и лѣсными дачами, не лишено основанія въ нѣкоторой степени, „но въ такомъ случаѣ повинности эти слѣдуетъ отдѣлить отъ тѣхъ, кои платятся за земельный надѣлъ, входящій въ составъ сакомло и при томъ соразмѣрить ихъ съ количествомъ пастбищныхъ и лѣсныхъ угодій, кои будутъ предоставлены крестьянамъ, дабы этимъ путемъ отсѣчь отъ повинностей въ настоящемъ видѣ и размѣрѣ отбываемыхъ все то, что онѣ содержатъ въ себѣ, *какъ остатокъ крѣпостной зависимости*“.

Закавказскій комитетъ поэтому полагаетъ: 1) въ имѣніяхъ, гдѣ существуетъ сакомло, повинности должны быть ограничены тѣми, которыя неизмѣнно отбывались съ цѣлаго сакомло всѣми принадлежащими къ нему дымами совокупно, подъ названіемъ сачукари-бегара, бегара, въ размѣрѣ обычаемъ установленномъ. Крестьяне, пользующіяся сакомло, изъ какого бы числа дымовъ оно не состояло, отбываютъ совмѣстно только эти неизмѣнныя повинности, 2) въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сакомло не существуетъ, крестьяне отбываютъ повинности на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ прочихъ частяхъ губерніи, 3) повинности за пастбищныя и лѣсныя угодія предоставляется опредѣлить намѣстнику Кавказскому; всѣ эти положенія должны быть распространены и на Горскій округъ по сходству.

Повинности крестьянскія исчислялись все болѣе натуральными приношеніями, что представляло нѣкоторыя удобства въ отношеніи несенія повинностей извѣстное время, но отбываніе повинностей натурой имѣло и свои отрицательныя стороны; при натуральныхъ повинностяхъ естественны были споры, столкновенія, недоразумѣнія относительно количества и качества долей и комитетъ отлично это понималъ, и поэтому рѣшилъ, что „установленіе денежнаго оброка составляетъ неизбѣжный исходъ всякой повиностной системы, основанной на остаткахъ барщины, либо на подати произведеніями въ натурѣ“, однако, Закавказскій комитетъ самъ не пытался замѣнить повинностей произведеніями земными денежнымъ оброкомъ; переоброчку, замѣну натуральныхъ повинностей денежнымъ оброкомъ, такъ и переоцѣнку, со временемъ потребную, натуральныхъ повинностей, предоставилъ намѣстнику Кавказскому.

і. *О выкупѣ крестьянами въ собственность земельнаго надѣла и о содѣйствіи въ томъ правительства.*

Помѣщики Тифлисской губ. слишкомъ рьяно отстаивали неприкосновенность земельной собственности, поэтому у нихъ не заходила рѣчь о возможности земельнаго выкупа, а Закавказскій комитетъ, знакомый съ крестьянской реформой и ходомъ всего дѣла внутри Россіи, не могъ обойти молчаніемъ этого вопроса. Комитетъ обращаетъ вниманіе на то,

что въ селеніяхъ Тифлисской губ., образующихъ чисто земледѣльческія мѣстности, усадьбы отдѣльно отъ полевой земли никакой цѣнности и значенія не имѣютъ; далѣе, Закавказскій комитетъ полагаетъ, что, при цѣнности земли вообще, нельзя допустить, чтобы помѣщикъ воспрепятствовалъ крестьянамъ, въ противность своимъ собственнымъ интересамъ, выкупить отдѣльно усадьбу, очевидно, признаніе этого положенія не вяжется и противорѣчитъ первоначальному мнѣнію комитета о недопустимости надѣленія лишь усадебными землями. Закавказскій комитетъ тѣмъ не менѣе, допуская возможность выкупа усадьбы отдѣльно, имѣетъ основаніе въ томъ, что тамъ, гдѣ со временемъ усадьбы пріобрѣтутъ самостоятельное значеніе, онѣ могутъ дѣйствительно сдѣлаться для крестьянина предметомъ первѣйшей необходимости, но, какъ бы то ни было, комитетъ думаетъ о неизвѣстномъ будущемъ, не разрѣшая тѣмъ настоящаго. Первоначально Закавказскій комитетъ проводилъ мысль о выкупѣ усадьбы, и, повидимому, выкупъ усадьбы онъ считалъ дѣломъ весьма важнымъ, обязательнымъ; но усадебную осѣдлость комитетъ въ отношеніи выкупа подчинялъ одинаковымъ правиламъ выкупа полевыхъ угодій, пріобрѣтеніе которыхъ крестьянами по законоположеніямъ 19 февраля допускается не иначе, какъ съ согласія помѣщика; это согласіе было почти невѣроятнымъ, насколько намъ извѣстно умонастроеніе дворянскихъ круговъ. Пріобрѣтеніе садовъ Закавказскій комитетъ подчиняетъ тѣмъ же правиламъ, что усадебныя земли, съ тѣмъ однако различіемъ, что содѣйствіе правительства „ни въ какомъ случаѣ не должно распространиться на сады, хотя бы они выкупались крестьянами совмѣстно съ прочимъ земельнымъ надѣломъ“, такъ какъ по случайнымъ обстоятельствамъ сады могутъ въ непродолжительное время разстроиться и не могутъ въ долгосрочныхъ сдѣлкахъ представлять надежнаго обезпеченія. Между тѣмъ Закавказскій комитетъ все время признавалъ очень большую цѣнность и значеніе садовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и ни въ какомъ случаѣ не допуская правительственной помощи въ выкупѣ садовъ, подвергалъ крестьянъ весьма затруднительному положенію относительно наиболѣе цѣнной части надѣловъ. Мотивъ, къ которому прибѣгаетъ комитетъ въ оправданіе своего мнѣнія, не пред-

ставляетъ въ себѣ ничего серьезнаго. Въ долгосрочной кредитной операціи и полевыя угодія представляютъ ненадежное обезпеченіе, потому что и они могли разстроиться, истощиться и не выполнить своихъ обязательствъ, конечно, сады скорѣе могли подвергнуться разоренію, но едва ли это можно было принимать какъ общее правило, на основаніи котораго, въ силу непреложности его, можо было отказать крестьянину въ содѣйствіи. Сады для крестьянъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Тифлисской губ., напримѣръ, въ Кахетіи, изъ всего земельнаго довольствія только и имѣли цѣнность, а если имъ не была бы оказана помощь, то при сравнительно высокой ихъ цѣнности, крестьяне остались бы безъ весьма существеннаго обезпеченія и подверглись бы серьезному хозяйственному ограниченію.

Закавказскій комитетъ весьма рѣшительно защищалъ взглядъ, что необходимо оказать содѣйствіе обоимъ сословіямъ къ прекращенію „равно для нихъ тяжкихъ условій срочно-обязаннаго періода искусственныхъ отношеній“, съ другой стороны, комитетъ думалъ что правительство же должно „доставить твердое обезпеченіе заимообразному содѣйствію“, оказываемому имъ дворянству и крестьянству. Проектъ мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ устанавливаетъ повинности за надѣлъ: 1) либо денежнымъ оброкомъ (за усадебную осѣдлость), 2) либо земными произведеніями (за полевыя земли), 3) либо скотомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нагорной полосы. До опредѣленія размѣровъ помощи комитетъ считаетъ нужнымъ изысканіе основаній для опредѣленія стоимости разныхъ частей надѣла, и затѣмъ только размѣра выкупныхъ платежей. Особенныхъ затрудненій въ опредѣленіи размѣра помощи за усадебную осѣдлость комитетъ не видитъ, такъ какъ „за размѣръ ея можетъ быть принята сумма капитализированнаго ежегоднаго оброка за усадебную осѣдлость изъ 6%“. Для опредѣленія же размѣра ссуды за полевыя угодія (пахатныя, сѣнокосы) комитетъ полагаетъ считать нормальной за однодневное паханіе полевой земли въ неполивныхъ поляхъ 10 р., капитальной суммы, и 20 р. въ поливныхъ, или вообще за земли отличающіяся особымъ плодородіемъ; изъ журнала не видно, на основаніи какихъ данныхъ комитетъ принялъ за нормы именно эти цифры.

Различій между пахатными и сѣнокосными полями Закаказскій комитетъ не устанавливалъ по равноцѣнности ихъ и потому еще, что тотъ или другой видъ угодій можетъ получить то или другое значеніе. Принятыя нормы даютъ комитету основаніе выводить размѣры ссудъ; по этому предположенію за высшій земельный надѣлъ причтется: за однодневное паханіе усадебной земли 50 р., за 20 дневное паханіе полевыхъ угодій въ неполивныхъ или 10 дневное въ поливныхъ 200, р. всего 250 р.; эта сумма, какъ увѣряетъ комитетъ, равняется ссудѣ, обыкновенно выдаваемой Закавказскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, подъ обезпеченіе одного дыма. Для нагорныхъ имѣній на тотъ же размѣръ земель проектируется по 10 р. капитальной ссуды. За сѣнокосныя земли предполагется одна треть противъ оцѣнки пахатной земли, по обилію первыхъ, т. е. три рубля капитальной ссуды за однодневное паханіе. Закавказскій комитетъ въ то же время полагалъ возможнымъ оставить въ постоянномъ пользованіи крестьянъ все количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, которое состояло въ пользованіи крестьянъ и поэтому въ исчисленіи размѣра выкупной ссуды комитетъ принялъ крайній размѣръ ея, свыше котораго ссуда уже не могла подняться, а этотъ крайній размѣръ опредѣляется по соображенію съ тѣмъ количествомъ земельнаго надѣла, который могъ находиться у хорошо надѣленнаго крестьянина, въ размѣрѣ 180 р., считая въ этой суммѣ 50 р. за усадебную осѣдлость, 100 р. за десятидневное паханіе и за такое же количество сѣнокосныхъ земель 30 р. Въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности опредѣлялись денежнымъ оброкомъ, Закавказскій комитетъ принималъ за основаніе операціи - положеніе о выкупѣ для внутреннихъ губ.; по способу капитализаціи годового оброка изъ 6% должна была исчисляться вся выкупная ссуда. При такихъ условіяхъ выкупная ссуда, въ ея высшемъ размѣрѣ, подъ полевыя земли опредѣляется въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ тогда, когда повинности отправлялись натуральными взносами, земными произведеніями: за однодневное паханіе въ неполивныхъ поляхъ 15 р., въ поливныхъ 30 р., поэтому высшій размѣръ ссуды исчислялся за однодневное паханіе усадебной земли 50 р., за 20 дневное паханіе полевой земли въ неполивныхъ и 10 дневное въ поливныхъ по 300 р., всего 350 р.

Въ нагорныхъ областяхъ высшій размѣръ ссуды за пахатную землю, въ сравненіи съ пахатной въ неполивныхъ земляхъ прочихъ частей губ., принятъ въ 15р., за сѣнокосъ однодневнаго паханія одна треть высшаго—5 р., слѣдовательно, по этому разсчету приходилось ссуды на дымъ 250 р.

Прослѣдивъ весь ходъ мыслей комитета, проектированныя имъ положенія размѣровъ надѣла, мы должны выяснить одинъ существенный и важный вопросъ, насколько предположенныя имъ выкупныя ссуды соотвѣтствовали дѣйствительной стоимости въ губерніи земель разныхъ категорій, а слѣдовательно, и отвѣтить на вопросъ, на сколько эти предложенія были пріемлемы и дѣйствительно полезны для крестьянскаго населенія.

Но въ виду того, что съ этими вопросами мы встрѣтимся при разсмотрѣніи утвержденнаго проекта мѣстнаго положенія для Тифлисской губ. и такъ какъ основныя положенія Закавказскаго комитета касательно земельнаго обезпеченія и выкупныхъ платежей существенныхъ измѣненій не потерпѣли, то и наши замѣчанія по этому вопросу удобнѣе перенести въ послѣдующее изложеніе.

Вообще въ отмѣнную заслугу дѣятельности комитета нужно поставить то, что онъ не поддался на страстные доводы помѣщиковъ относительно сохраненія за ними всѣхъ земель. Принятый имъ принципъ обязательнаго надѣленія—самая существенная часть работы; не менѣе важной является и признаніе необходимости выкупа съ правительственной ссудой.

к. *Объ устройствѣ быта крестьянъ, находящихся въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ или водворенныхъ на правахъ хизанъ на землѣ постороннихъ владѣльцевъ или вѣдомствъ.*

Нельзя также не поставить въ особую заслугу дѣятельности комитета вниманіе къ двумъ категоріямъ зависимыхъ людей, на которыхъ помѣщики Тифлисской губ. не обращали достаточнаго вниманія, то были: дворовые люди и хизаны.

Помѣщики утверждали и Закавказскій комитетъ согласился съ ними, что дворовыхъ людей въ Тифлисской губ. нѣтъ, однако, комитетъ находилъ, что по положенію съ

ними сходны люди, „кои, находясь въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ или при его хозяйствѣ, не имѣютъ никакого земельнаго надѣла или имѣютъ только усадебную осѣдлость“, и что этотъ разрядъ зависимыхъ людей, какъ по матеріальному положенію, такъ и по правамъ и обязанностямъ мало чѣмъ отличался отъ дворовыхъ людей вообще. У помѣщиковъ было право брать изъ крестьянскаго дома людей для услуженія и такія лица занимали положеніе дворовыхъ людей; разница въ положеніи ихъ и крѣпостныхъ была въ правахъ и обязанностяхъ, глубинѣ и стойкости ихъ. Къ этимъ дворовымъ людямъ, а также крестьянамъ, принадлежащимъ одному помѣщику, но водвореннымъ на правахъ хизанъ на землѣ посторонихъ владѣльцевъ или вѣдомствъ, Закавказскій комитетъ находитъ возможнымъ примѣнить Положеніе 19 февраля объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Уравненіе дворовыхъ и хизанъ и одинаковое примѣненіе къ нимъ положенія о дворовыхъ приводило къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ касательно ихъ правъ и состоянія. Разъ комитетъ примѣнялъ къ нимъ одинаковыя нормы, очевидно, можно думать что они имѣли одинаковыя права и обязанности, можно дѣлать предположеніи объ общности ихъ правового положенія. Между тѣмъ это несправедливо. Положеніе хизанъ въ общемъ было значительно лучше, хизанами становились въ большинствѣ случаевъ малоземельные крестьяне, ихъ малоземелье и недостаточная обезпеченность были слѣдствіемъ помѣщичьяго земельнаго недостатка. Въ этихъ случаяхъ крестьянинъ искалъ земли у посторонняго владѣльца, съ согласія своего помѣщика крестьянинъ становился въ двоякія отношенія: по праву крѣпостному, онъ не прерывалъ связей и зависимыхъ отношеній къ своему владѣльцу, по праву арендатора, онъ становился въ опредѣленныя отношенія, обусловленныя письменнымъ договоромъ или устнымъ, для насъ безразлично, къ владѣльцу земли; крестьянинъ хизанъ, какъ связанный арендным договоромъ, не такъ чувствовалъ силы власти и проявленія ея со стороны помѣщика, ибо этой власти всегда противопоставлялись новыя обязательства; естественно хизанское положеніе, съ одной стороны, ослабляло узы крѣпостничест-

ва, превращая ихъ въ отношенія только повинностныя; съ другой, положеніе хизана было достаточно тягостнымъ, ибо ему приходилось работать на владѣльца своего, на господина и на владѣльца земли; такое двусторонное обязательство, созданное неблагопріятными экономическими условіями, значительно принижало положеніе хизана, такъ какъ онъ не былъ независимъ и всецѣло подчинялся условіямъ и колебаніямъ аредныхъ цѣнъ. Однако, въ положеніи хизана была одна выгодная сторона, чего не было въ положеніи дворовыхъ; за нимъ признавалось право аренднаго соглашенія, право юридическаго лица, правда, съ согласія помѣщика, но все же это было право и на время его дѣйствія онъ, какъ личность, какъ хозяйственная единица, оставался независимымъ, внѣ сферы вліянія и дѣйствія помѣщичьяго произвола. Совершенно другое было въ положеніи лицъ, находящихся въ личномъ услуженіи помѣщика или на его хозяйствѣ. Уже одно положеніе человѣка, находящагося въ личномъ услуженіи, дѣлало дворовaго и его права весьма неопредѣленными и это состояніе сильнѣйшимъ образомъ отражалось на личныхъ правахъ такого лица; о какой бы то ни было хозяйской самостоятельности дворовыхъ или находящихся въ личномъ услуженіи говорить не приходится. Экономическое благосостояніе людей этой категоріи было болѣе, чѣмъ безнадежное. Уравнивая эти два состоянія, Закавказскій комитетъ понижалъ права хизанъ, не возвысивъ тѣмъ правого положенія дворовыхъ. Между тѣмъ сама жизнь требовала опредѣленія и по возможности точнаго выясненія многообразныхъ, выработанныхъ обычнымъ правомъ, взаимоотношеній между хизаномъ и владѣльцемъ земли; комитетъ оставилъ этотъ вопросъ совершенно безъ вниманія. Вѣдь, хизанское положеніе было слѣдствіемъ экономическихъ условій: весьма слабаго земельнаго довольствія, поэтому эта именно сторона требовала тщательнаго изслѣдованія; хизаны, какъ уже было сказано, состояли въ двусторонней зависимости и освобожденіе ихъ именно должно было состоять въ выясненіи этихъ отношеній къ двумъ сторонамъ и въ опредѣленіи ихъ будущихъ правъ. Комитетъ игнорировалъ всѣ эти сложные вопросы и до настоящаго времени приходится считаться съ запутанными хизанскими

отношеніями, что создаетъ не малую сумятицу въ жизни и позднѣйшему законодательству приходилось при иныхъ условіяхъ и положеніи развязывать этотъ узелъ.

Закавказскій комитетъ находитъ, наконецъ, вполнѣ примѣнимыми, изданныя 19 февраля 1861 г. правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіи положенія о крестьянахъ и въ Тифлисской губ., по ближайшимъ указаніямъ намѣстника, „съ тѣми измѣненіями, какія по мѣстнымъ особенностямъ будутъ признаны имъ необходимыми".

л. *О порядкѣ управленія крестьянскими обществами и отбыванія ими государственныхъ и общественныхъ повинностей.*

Тифлисскіе помѣщики, увлеченные защитой своихъ собственныхъ интересовъ, поглощенные заботами о сохраненіи всѣхъ своихъ правъ на крѣпостное населеніе, совершенно не могли интересоваться судьбой и жизнью своихъ крестьянъ по упраздненіи крѣпостной зависимости. Разсуждая о порядкѣ управленія крестьянскими обществами, Закавказскій комитетъ сталъ на ту точку зрѣнія, что по этому вопросу вполнѣ достаточно использованіе Пол. 19 февраля (Общ. Пол., ст. 17, 40, 41-44, 69, 71). Существенное улучшеніе быта помѣщьихъ крестьянъ, по мнѣнію комитета, „состоитъ въ правильномъ учрежденіи общественнаго, хозяйственнаго и внутренняго полицейскаго управленія, которое должно замѣнить власть помѣщика, сохранить общій порядокъ и спокойствіе въ государствѣ." Вполнѣ соглашаясь съ основнымъ положеніемъ о сущности и цѣли общественнаго устройства крестьянскихъ обществъ, мы полагали бы найти у комитета и истинныя пути для осуществленія задачи; мы должны были искать въ дѣйствіяхъ комитета планомѣрность и логическую цѣлесообразность. Конечно, всякое устройство новаго порядка должно было исходить изъ реальныхъ основаній, изъ условій мѣстной жизни, ея индивидуальныхъ свойствъ и особенностей, но комитетъ не оказался на высотѣ своего положенія. Комитетъ не учелъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей своеобразія, созданнаго всѣмъ ходомъ жизни и исторіи народа въ стремленіи привить основы новаго правопорядка крестьянской жизни, выработанныя для совершенно другихъ экономическихъ и общественныхъ

условій, въ стремленіи подвести мѣстныя отношенія крестьянъ подъ чуждыя имъ нормы жизни.

Основаніями къ образованію изъ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ „отдѣльнаго сельскаго общества послужили: общность ихъ хозяйскихъ интересовъ и круговая отвѣтственность въ отправленіи казенныхъ и земскихъ податей и повинностей, равно повинностей въ пользу помѣщика, гдѣ существуетъ въ семъ отношеніи круговое ручательство крестьянскаго общества".

Крестьяне владѣющіе сообща всѣмъ надѣломъ или частями его, связанные круговой порукой, должны образовать „одно сельское сообщество, составляющее единицу для общественнаго и хозяйственнаго управленія"; въ Закавказскомъ краѣ комитетъ не находитъ необходимости дѣлить крестьянскія общества на хозяйственныя и административныя единицы; наоборотъ, онъ полагаетъ болѣе простымъ сліяніе сельскаго общества, какъ органа хозяйственнаго съ волостью, какъ учрежденіемъ административнымъ. Главнымъ исходнымъ моментомъ въ этомъ рѣшеніи было признаніе, что въ Закавказскомъ краѣ вообще, а въ Тифлисской губерніи въ частности, рѣдки однопомѣстныя селенія, что крестьянское населеніе дѣлится на разнопомѣстныя и дробныя единицы. Общиннаго владѣнія комитетъ не находитъ, хотя пастбищныя, лѣсныя угодія состояли въ общемъ пользованіи не только крестьянъ одного помѣщика, но цѣлаго селенія: наемъ надсмотрщиковъ, пастуховъ, сторожей, устройство оросительныхъ сооруженій производилось сообща, цѣлымъ селеніемъ.

При будущемъ поземельномъ устройствѣ крестьяне одного помѣщика, по предположенію Закавказскаго комитета, будутъ имѣть общіе хозяйственные интересы: пользованіе выгономъ и пастбищами для рабочаго и домашняго скота, и отвѣтственность по отбыванію казенныхъ и земскихъ податей. Всѣ прочія хозяйственныя дѣла, административныя, полицейскія, судебныя будутъ общими для цѣлаго селенія, безъ различія вѣдомствъ.

Одновременность устройства крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ признана мѣрой необходимой. Поэтому для Тифлисской губерніи устройство крестьянскихъ обществъ и крестьянскаго

управленія должно составить „отдѣльную законодательную мѣру, внѣ законоположеній, какія будутъ начертаны собственно по крестьянской реформѣ“, но обнародованіе ихъ должно состояться одновременно.

Устройство крестьянскаго общества Закавказскимъ комитетомъ проектировалось слѣдующимъ образомъ:

1) Сельское общество составляется изъ всѣхъ крестьянъ, водвореныхъ въ одномъ селеніи, къ какому бы вѣдомству они не принадлежали.

2) Малолюдныя селенія соединяются въ одно, либо присоединяются къ другимъ; выясненіе того, какія селенія считать малолюдными предоставляется усмотрѣнію намѣстника.

3) Сельское общественное управленіе составляется изъ: а) сельскаго схода, в) сельскаго старшины (мамасахлиси), можетъ быть, съ помощникомъ, с) сельскаго крестьянскаго суда.

Отъ сельскаго общества будетъ зависѣть установленіе другихъ должностныхъ лицъ, какъ то: разсыльныхъ (гзири), полевыхъ сторожей (мевеле), смотрителей канавъ (меруэ).

4) Вѣдѣнію сельскаго схода будутъ подлежать предметы, которые Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ 19 февраля предоставлены сельскому сходу и волости.

5) Крестьянамъ, водвореннымъ на землѣ одного помѣщика и принадлежащимъ къ составу одного сельскаго общества, предоставляется, независимо отъ общаго сельскаго схода, собираться отдѣльно на частныхъ сходахъ по дѣламъ, касающимся ихъ общихъ хозяйственныхъ интересовъ.

6) На сельскаго старшину, по дѣламъ полицейскимъ и общественнымъ, возлагаются тѣ же обязанности, какія Общимъ Положеніемъ возлагаются на старшинъ въ предѣлахъ волости.

7) Сельскій крестьянскій судъ получаетъ ту же власть и тѣ же предметы вѣдомства, которые возложены на волостные суды, съ тѣмъ, однако, изъятіемъ, что здѣсь сельскій судъ вѣдаетъ всѣ безъ различія тяжебныя дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, владѣніе которыхъ не основано на актахъ формально совершенныхъ. Сельскій судъ несетъ обязанности волостного правленія.

8) „Помѣщику предоставляется на основаніяхъ, опредѣленныхъ Общимъ Положеніемъ (ст. 149—161, 163) вотчинная полиція и попечительство въ отношеніи крестьянъ, водворенныхъ на его землѣ".

9) Помѣщикъ сносится съ сельскимъ обществомъ черезъ сельскаго старшину, по предметамъ же, вѣдаемымъ частными сходами, сношенія съ крестьянами, водворенными на его, помѣщика землѣ, могутъ происходить черезъ помощника старшины (нацвала).

Намѣстникъ Кавказскій уполномочивается примѣнительно къ ст. 40—163 Общаго Положенія въ особомъ наказѣ опредѣлить и другія, вытекающія изъ этихъ основаній правила объ устройствѣ сельскихъ обществъ и общественнаго управленія въ Тифлисской губ.

м. *О порядкѣ отбыванія крестьянскими обществами государственныхъ и общественныхъ повинностей.*

До преобразованія податной системы Закавказскій комитетъ находитъ лучшимъ отбываніе казенныхъ и земскихъ податей и повинностей въ Тифлисской губ. сохранить на существующихъ основаніяхъ и возложить отвѣтственность за исправное отбываніе повинностей на всѣхъ крестьянъ отдѣльнаго помѣстья или вѣдомства, на земляхъ которыхъ крестьяне водворены.

Нигдѣ не сказалось съ такой яркостью и отчетливостью зависимость творчества комитета отъ положенія 19 ф., какъ именно въ этомъ вопросѣ. Конечно, тамъ гдѣ существовало общинное землевладѣніе, круговая отвѣтственность имѣла извѣстныя основанія; но Закавказскій комитетъ самъ отлично зналъ и онъ это удостовѣряетъ, что общиннаго землевладѣнія въ Тифлисской губ. не было, слѣдовательно, установленіе круговой отвѣтственности не вытекало изъ существа создавшихся отношеній, оно являлось лишь искусственной надстройкой и не сообразовалось съ мѣстными условіями. Закавказскій комитетъ не опредѣлилъ, на какихъ именно основаніяхъ должна была совершаться эта отвѣтственность, нѣтъ рѣчи о реальныхъ гарантіяхъ. Но комитетъ пытался узаконять не полную круговую отвѣтственность, а лишь частичную, т. е. въ отношеніи общественныхъ, мірскихъ по-

винностей, должна была существовать отвѣтственность личная каждаго дыма, круговая лишь при отбываніи государственныхъ и земскихъ повинностей.

Такими постановленіями и рѣшеніями комитетъ противорѣчилъ самому себѣ; основная исходная точка зрѣнія, которая неоднократно провозглашалась имъ и высшей администраціей заключалась въ томъ, что реформа не должна являться переворотомъ, а лишь усовершенствованіемъ существующихъ отношеній, что она должна проистекать изъ наличныхъ общественныхъ условій, между тѣмъ круговая повинность именно и являлась новостью, необычной, не вытекающей изъ условій жизни. Она именно создавала нѣчто совершенно новое и если принять точку зрѣнія комитета, являлась рѣзкимъ переворотомъ. Главная ошибка проекта комитета не въ этомъ одномъ, а въ томъ, что, признавъ разнопомѣстность, разбросанность крестьянскихъ поселеній, отсутствіе глубокихъ внутреннихъ связующихъ элементовъ, принялъ такой порядокъ, который не могъ существовать при наличности первыхъ.

Разверстка общественныхъ повинностей между крестьянами должна производиться цѣлыми обществами или сельскими сходами, разверстка же повинностей казенныхъ и земскихъ должна происходить тоже на общихъ сельскихъ сходахъ, но между разными крестьянскими обществами, водворенными на земляхъ помѣщиковъ или вѣдомствъ. А разверстка между каждымъ изъ сихъ обществъ происходитъ на частныхъ сходахъ.

Намѣстникъ примѣнительно къ ст. 177—191 Общ. Пол. долженъ былъ составить подробный наказъ по исполненію и практическому проведенію въ жизнь означенныхъ предположеній.

н. *О мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.*

Вновь образованное крестьянское сословіе, конечно, не могло быть оставлено на произволъ судьбы Необходимо было установить новый порядокъ общежитія для свободнаго крестьянскаго сословія.

Установленіе института мировыхъ посредниковъ для Тифлисской губ. признано необходимымъ, но съ тѣмъ, что-

бы „выборъ и назначеніе мировыхъ посредниковъ предоставлены были ближайшему усмотрѣнію намѣстника Кавказскаго". Комитетъ затруднялся, однако, въ учрежденіи уѣздныхъ Мировыхъ Съѣздовъ и Губернскаго Присутствія. Признавая пользу ихъ, потому что они давали возможность „установить разборъ жалобъ на мировыхъ посредниковъ вблизи тяжущихся въ предѣлахъ каждаго уѣзда", Закавказскій комитетъ принималъ во вниманіе, какъ препятствіе то, что „мѣстное населеніе Закавказскаго края всего болѣе опасается всякой многосложности и медленности въ ходѣ судопроизводства и всего болѣе желаетъ скораго и окончательнаго суда". Поэтому медленность при такихъ жизненныхъ вопросахъ, аргументируетъ Закавказскій комитетъ, можетъ вызвать всеобщее недовольство неразвитого населенія: „сама необходимость заставляетъ ограничиться здѣсь одной высшей инстанціей и такъ какъ мѣстное населеніе привыкло доискиваться окончательнаго удовлетворенія у высшихъ лицъ и въ центральныхъ установленіяхъ, то единственной высшей инстанціей для разрѣшенія жалобъ на мировыхъ посредниковъ слѣдуетъ признать Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе". Но такъ какъ могла возникать неотложная потребность разбора дѣлъ на мѣстахъ, осмотра мѣстностей, выслушиванія тяжущихся, то губернскому присутствію разрѣшалось командировывать на мѣста „*Временныя Отдѣленія*", съ правомъ „не только собирать необходимыя свѣдѣнія, но и постановлять на мѣстѣ окончательное рѣшеніе по дѣлу", а для естественнаго въ такихъ случаяхъ усиленія ихъ состава могли быть приглашаемы мѣстные уѣздные предводители дворянства, уѣздные начальники, можетъ быть, нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ.

Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, которые могли возникать изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами и для завѣдыванія дѣлами крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, учреждаются мировые посредники и Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Избраніе мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ, опредѣленіе числа посредниковъ, назначеніе имъ со-

держанія, образованіе мировыхъ участковъ, предоставляется непосредственному усмотрѣнію намѣстника Кавказскаго. Всѣ жалобы на мировыхъ посредниковъ разсматриваются въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи.

Тифлисское по Губернскимъ дѣламъ присутствіе состоитъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи: изъ губернскаго предводителя дворянства, одного старшаго чиновника департамента государственныхъ имуществъ при главномъ управленіи намѣстника Кавказскаго, 4 членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ, помѣщиковъ, избираемыхъ собраніемъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, 4 членовъ дѣлопроизводителей, по назначенію намѣстника.

Въ вѣдомство Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должны входить: 1) жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, 2) распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, 3) отъ управленія губернскаго присутствія зависятъ командировки на мѣста членовъ особыхъ временныхъ отдѣленій для собиранія нужныхъ свѣдѣній, въ затруднительныхъ случаяхъ, по дѣламъ, „заслуживающимъ вниманія высшаго начальства“, начальникъ губерніи останавливаетъ рѣшенія губернскаго присутствія, доводя объ этомъ до свѣдѣнія намѣстника, который вообще устанавливаетъ порядокъ дѣлопроизводства въ губернскомъ присутствіи и у мировыхъ посредниковъ.

Предположенія Закавказскаго центральнаго комитета и составленный имъ проектъ мѣстнаго положенія долженъ былъ стать предметомъ самостоятельнаго разсмотрѣнія представителей дворянства для рѣшенія вопроса о пріемлемости или непріемлемости комитетскихъ предположеній. Проектъ комитета заключалъ не только общія положенія, заимствованныя изъ акта 19 февр. 1861 г., но и значительныя изъятія, которыя не всегда шли въ унисонъ съ интересами и домогательствомъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Закавказскій комитетъ въ свои предположенія внесъ и особыя соображенія и изятія изъ общаго положенія, которыя какъ бы должны удовлетворить специфическимъ, чисто мѣстнымъ условіямъ жизни. Эти особыя предположенія, въ спеціально печатномъ видѣ, предъявленныя помѣщикамъ подчеркивали нововведенія, изъятія, отступленія отъ об-

щихъ правилъ и весьма существенныя по значенію своему. Если систематизировать изъятія изъ общаго положенія, допущенныя комитетомъ, то они будутъ касаться слѣдующихъ статей: 1) укрѣпленія за крестьянами недвижимостей, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность, къ этимъ дѣламъ по постановленію комитета должны быть примѣняемы правила 32 статьи Общ. о кр. пол. Относительно укрѣпленія за крестьянами недвижимыхъ имуществъ въ прежнее время комитетъ постановилъ: а) не принимать исковъ крестьянъ на помѣщиковъ о вознагражденіи за такія недвижимыя имущества, которыя отчуждены были помѣщикомъ до 19 февр. 1861 г. или были заложены и проданы до этого времени, б) недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность, отчужденныя помѣщикомъ въ постороннія руки, остаются у пріобрѣтателей, но помѣщики обязаны вознаградить крестьянъ, если такія отчужденія произведены до 19 февр., в) по недвижимымъ имѣніямъ крестьянъ, заложеннымъ помѣщикомъ до 19 ф., и не освобожденнымъ отъ залога и послѣ этого срока, помѣщики отвѣтствуютъ за убытки, понесенные крестьянами, если такія имущества подвергнутся или подверглись продажѣ, г) тѣ изъ дарственныхъ крестьянскихъ земель составляютъ неотъемлемую ихъ собственность, относительно которыхъ въ дарственныхъ записяхъ указано, что пожалованіе дается потомственно и на вѣчныя времена и если „пожалованіе сіе не дѣлано подъ условіемъ вѣрной службы дарителю или его дому и наслѣдникамъ его“.

Особыя предположенія комитета касались еще распространенія на Тифлисскую губ. положенія о дворовыхъ людяхъ на всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, „кои, находясь въ домашнемъ услуженіи у помѣщика или при его хозяйствѣ, не имѣютъ никакого земельнаго надѣла или имѣютъ одну только усадебную осѣдлость и при томъ въ обоихъ случаяхъ образуютъ отдѣльный дымъ“, отдѣльнымъ дымомъ въ этомъ случаѣ признается тотъ, „который состоитъ изъ крестьянина одинокаго или семейнаго, котораго семейство заключаетъ въ себѣ жену, дѣтей, либо малолѣтнихъ родственниковъ крестьянина“. Это положеніе о дворовыхъ людяхъ не распространяется на тѣхъ изъ крестьянъ, которые, будучи

въ домашнемъ услуженіи у помѣщика, имѣютъ независимо отъ усадьбы полевой надѣлъ, или на крестьянъ, которые, хотя и не имѣютъ полевого надѣла, принадлежащаго къ составу крестьянскаго дыма, но располагаютъ другими взрослыми работниками, всѣ эти крестьяне, согласно 158 ст. проекта Мѣстнаго Положенія (прим. 1). должны исполнять настоящія свои обязанности въ продолженіи 2-хъ лѣтъ со дня утвержденія положенія; обязанность по платежу оброка, возложенная названнымъ проектомъ на дворовыхъ людей, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, распространяется и на тѣхъ крестьянъ, которые будутъ водворены на правахъ хизанъ на земляхъ другихъ владѣльцевъ или вѣдомствъ (казны, церкви), или проживая въ городахъ и мѣстечкахъ, платятъ оброкъ; послѣдній не можетъ быть увеличенъ противъ того, какой уплачивался крестьянами до утвержденія мѣстнаго положенія для Тифлисской губ.; во всякомъ случаѣ не долженъ превышать 30 р въ годъ съ взрослаго мужчины. По истеченіи 2-хъ лѣтъ эти крестьяне освобождаются отъ всякой обязанности къ прежнему помѣщику, но остаются въ хизанскомъ положеніи.

VII.

Критика проекта центральнаго комитета со стороны помѣщичьихъ представителей.

Изготовленный Закавказскимъ центральнымъ комитетомъ проектъ мѣстнаго положенія былъ предложенъ на обсужденіе дворянскимъ представителямъ и послѣдніе необычайно настойчиво отстаивали свои точки зрѣнія, частью повторяя старые доводы, уже извѣстные намъ, частью выдвигая новые. Къ моменту обсужденія правительственнаго проекта положеніе вещей измѣнилось въ сильной степени. Во-первыхъ, по многимъ кардинальнымъ вопросамъ: объ обязательномъ надѣленіи крестьянъ, о крестьянскихъ повинностяхъ комитетъ высказался вполнѣ категорически и нападать на эти статьи проекта мѣстнаго положенія было весьма трудно да и безполезно; съ другой стороны, помѣщикамъ предстояла борьба съ общими положеніями 19 февр., которыя къ моменту засѣданій помѣщиковъ обратились въ реальный фактъ для внутреннихъ губерній Россіи, т. о. отстаиваніе помѣщиками своихъ позицій было сопряжено съ весьма серьезными и непреодолимыми препятствіями. Нашлись помѣщики, которые сочли болѣе подходящимъ производить въ проектѣ частныя поправки, дополненія и болѣе или менѣе пріемлемыя измѣненія, но оказались и упорные люди, которые совершенно не считались съ реальными условіями и отстаивали абсолютно безнадежныя и безжизненныя предложенія, которыя обличаютъ рѣзкую сословную и глубоко эгоистическую корысть, но такихъ было очень мало. Большинство видѣло безнадежность защиты старыхъ позицій и непримиримые въ глубинѣ души антагонисты, они, какъ реальные политики, стали охранять не всѣ позиціи, а возможныя.

Наиболѣе отсталыми и настойчивыми оказались два эксперта дворянина кн. Дм. Абхазовъ и кн. Кобуловъ; въ мнѣніи своемъ, заявленномъ 16 апр. 1864 г., они отказались отъ высказыванія своихъ соображеній по частямъ проекта, а говорили о проектѣ въ его цѣломъ. „Мы, заявляютъ они, постоянно живемъ въ имѣніи, занимаемся исключительно хозяйствомъ и совершенно знаемъ и духъ нашихъ крестьянъ, и потребности ихъ". Это знакомство и подсказываетъ имъ единственно правильный и пріемлемый путь реформъ, а именно: „крестьяне получаютъ свободу, а земли остаются за помѣщиками", но это мнѣніе проекта большинства и и оригинальнаго ничего въ этомъ заявленіи нѣтъ; но дѣло именно въ томъ, что если бы такое рѣшеніе было предоставлено имъ, то сами дворяне покончили бы съ крестьянскимъ вопросомъ, безъ вмѣшательства и посторонняго участія и никакихъ проектовъ мѣстныхъ положеній не было бы нужно, „тогда *мы сами позаботились бы успокоить нашихъ крестьянъ*, безъ добраго согласія между нами нельзя ни имъ, ни намъ существовать; *мы сами надѣлили бы ихъ или помогли бы имъ пріобрѣсти собственность*". Такого откровеннаго признанія и столь циничнаго завѣренія, а равно полнаго отсутствія пониманія важности государственнаго момента, намъ не приходилось встрѣчать. Эти эксперты только находятъ два возможныхъ средства разрѣшенія сложнаго вопроса: либо представленіе всей земельной собственности крестьянамъ и вознагражденіе помѣщиковъ по оцѣнкѣ за земли, либо предоставленіе самимъ помѣщикамъ „распорядиться на счетъ общаго спокойствія". Противъ надѣленія крестьянъ они возстаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: „а ежели установятся надѣлы, *какіе бы не было*, да будетъ воля правительства, спорить не будемъ; собственно для насъ, быть можетъ, и будетъ это выгоднѣе но мы не можемъ имѣть никакого уже дѣла съ крестьянами, нужно будетъ, чтобы правительство взяло на себя исполненіе и собираніе съ крестьянъ назначеннаго, *удовлетворяло насъ отъ себя*. Безъ того дѣло не обойдется: безъ большихъ затрудненій и непріятностей".

Прежде чѣмъ перейти къ постатейному обзору проекта мѣстнаго положенія Закавказскаго комитета и тѣхъ замѣ-

чаній, какія онъ вызвалъ, мы должны обратить вниманіе на замѣчательную записку кн. Чавчавадзе, 4 мая 1864 г., въ которомъ онъ высказывается вообще противъ проекта. По мнѣнію автора записки, проектъ Закавказскаго комитета не имѣетъ практическаго значенія ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ. „Весь проектъ, заявляетъ кн. Чавчавадзе, составленъ *по теоріи*, безъ знанія крѣпостного состоянія, который желаютъ въ силу необходимости вырвать съ корнемъ", между тѣмъ средства уничтоженія, предлагаемыя центральнымъ комитетомъ таковы, что „*крѣпостное состояніе не только не уничтожается, но, напротивъ, облекается въ гораздо правильную форму, видоизмѣняя это состояніе къ худшему, чѣмъ было до сихъ поръ*", „теперь подчиненное сословіе поставлено внѣ всякаго покровительства закона", „оно во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ власти и отъ землевладѣльца", малѣйшее сопротивленіе которому поведетъ къ лишенію надѣла и къ нищетѣ. Помимо того, крестьяне „не поймутъ, что *свободный человѣкъ, въ силу неотразимыхъ обстоятельствъ, можетъ оставаться еще въ рабствѣ*, не имѣя ни собственности, ни возможности къ самостоятельной жизни". Единственное рѣшеніе вопроса, вполнѣ пріемлемое, а потому безусловно желательное, состоитъ въ томъ, чтобы „*оба сословія не были бы зависимы другъ отъ друга ни по личнымъ, ни по имущественнымъ отношеніямъ*", весь смыслъ реформы въ томъ, чтобы „освободить крестьянъ, какъ лично, такъ и по имуществу отъ всякой зависимости землевладѣльцевъ и сихъ послѣднихъ *отъ обязательныхъ отношеній къ крестьянамъ*, которые никогда не захотятъ выполнить ихъ въ то время, когда получатъ личную свободу". Какимъ образомъ цѣлесообразнѣе для обоюдной пользы и безъ потрясеній можно развести эти два сословія? Крестьянину принадлежитъ безспорное право на „трудъ и капиталъ", т. е. на устроенныя имъ домовыя и хозяйственныя и др. строенія, виноградники, усадьбы и сады. „Все это неотъемлемо и безспорно принадлежитъ крестьянину на правахъ полной собственности". Вмѣстѣ съ этимъ полнымъ правомъ крестьянину принадлежитъ право неполной собственности на земли подъ усадебныя устройства, подъ виноградные и др. сады; на эти земли полныя права соб-

ственности принадлежатъ помѣщику, движимое же имущество безусловная собственность крестьянъ. Высказавъ эти положенія, кн. Чавчавадзе приступаетъ къ начертанію собственнаго проекта реформы.

Прежде всего этотъ проектъ старается разрѣшить вопросъ о правѣ собственности на земли и на виноградники. На всѣ земли помѣщикъ имѣетъ право собственности, крестьянину же принадлежитъ право „на трудъ и капиталъ", изъ этого соотношенія и вытекаетъ, что помѣщики должны уступить крестьянамъ часть земли, а крестьяне часть своего „труда и капитала", потраченнаго на устройство и разведеніе виноградныхъ и др. садовъ; уступка съ обѣихъ сторонъ должна быть равномѣрной и равной стоимости, такой обмѣнъ, между прочимъ, оправдывается авторомъ проекта, тѣмъ, что въ Тифлисской губ. „трудъ и капиталъ всегда равняются половинѣ всей стоимости земли, на которой онѣ потрачены". При отдачѣ пустой земли землевладѣлецъ получаетъ $^1/_2$ сада съ землей, другую $^1/_2$ получали тѣ, которые разводили садъ, на этомъ основаніи сады при разводѣ сословій должны быть раздѣлены пополамъ, одну $^1/_2$ получитъ крестьянинъ, другую помѣщикъ и каждая будетъ, по своему, располагать половинами, какъ полный и неограниченный собственникъ; такое разграниченіе будетъ вполнѣ законнымъ и, конечно, не безвозмезднымъ, потому что помѣщикъ уступитъ землю, крестьянинъ, трудъ а „количество труда и земли въ этомъ случаѣ одномѣрны и одноцѣнны, какъ по количеству, такъ и по качеству".

Вторымъ вопросомъ, не менѣе сложнымъ и большимъ былъ вопросъ о земляхъ подъ усадьбы. Усадьбою признаетъ кн. Чавчавадзе „всѣ строенія и всѣ хозяйственныя заведенія, устроенныя трудомъ и средствами крестьянъ", гдѣ бы они не находились и изъ чего бы они не состояли. Земля, конечно, принадлежитъ помѣщикамъ и оставляется въ пользованіи крестьянъ до тѣхъ поръ, пока остаются находящіяся на землѣ строенія, но пользованіе этими землями не можетъ быть безвозмезднымъ, ибо нѣтъ такихъ условій, какъ для виноградныхъ садовъ; земли не могутъ быть подѣлены или отобраны, такъ какъ отъ этого пострадаютъ хозяйственныя строенія. Слѣдовательно, вопросъ о пользо-

ваніи землями подъ усадьбы долженъ разрѣшаться добровольными соглашеніями или въ случаѣ споровъ при участіи властей, на основаніяхъ, предложенныхъ центральнымъ комитетомъ. Земли подъ усадьбы не подлежатъ уменьшенію, а остаются въ *томъ размѣрѣ и видѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ до обнародованія* Положенія 19 фев. 1861 года. Добровольныя соглашенія или постановленія мировыхъ посредниковъ обязательны для обѣихъ сторонъ, отъ объявленія реформы въ теченіи 2-хъ лѣтъ, послѣ этого обязательныя отношенія на счетъ отбыванія и пользованія землями подъ усадьбы должны непремѣнно прекратиться и земли должны быть отданы крестьянамъ на выкупъ. Выкупъ *обязателенъ для обѣихъ сторонъ* и въ выкупѣ обѣ стороны должны пойти на уступки; для достиженія независимости, свободы, крестьяне должны выкупить свои усадьбы, помѣщики отказаться отъ усадебныхъ земель или перенесенія крестьянскихъ устройствъ, хотя бы за извѣстное вознагражденіе. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ крестьянинъ получаетъ право пользованія усадьбой за повинности и въ теченіи этого періода имѣетъ право выкупа; и помѣщикъ можетъ въ теченіи этого періода требовать выкупа. *Обезпеченіе крестьянъ землей-основное условіе реформы*, по мнѣнію кн. Чавчавадзе, но оно должно совпадать и съ видами правительства, въ отношеніи сохраненія за крестьянами усадебной осѣдлости, а потому тамъ, гдѣ крестьяне не могутъ сами выкупить земель, на помощь должно прійти правительство, т. е. правительство выдаетъ ссуду крестьянамъ; соглашеніе о выкупѣ, вѣрнѣе опредѣленіе вознагражденія, должно совершаться по договору сообразно съ количествомъ и качествомъ, по мѣстной производительности, земли; при опредѣленіи стоимости берется 16-лѣтняя сложность годового дохода и по этой сложности опредѣляется цѣнность земли. Такимъ образомъ, повинность съ однодневнаго паханія полевой земли опредѣляется кн. Чавчавадзе въ одну коду, стоимостью отъ 1 р. до 1 р. 50 к. слѣдовательно, однодневное паханіе будетъ стоить отъ 16 р. до 24 р.; гдѣ повинность въ 2 коды = 2 р. до 3 р., тамъ однодневное паханіе будетъ стоить отъ 32 р. до 48 р.; эти цифры почти не превышаютъ подлинной стоимости; въ теченіи 2-хъ лѣтъ выяснится количество владѣемой крестьянами земли и тогда будетъ возможность устроить выкупъ.

Но однихъ усадебныхъ земель для крестьянства было мало и авторъ проекта переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о полевыхъ и др. угодіяхъ „Бытъ крестьянъ, продолжаетъ кн. Чавчавадзе, не можетъ быть улучшенъ безъ того, *чтобы ему (крестьянину) не дать земельнаго надѣла*“, эта точка зрѣнія является особенно знаменательной; даже послѣ того, какъ Тифлисскіе дворяне познакомились съ основными положеніями проекта центральнаго комитета объ обязательности крестьянскаго надѣла и тогда они не могли примириться съ возможностью такого рѣшенія крестьянскаго дѣла, кн. же Чавчавадзе усвоилъ эту мысль и находитъ надѣленіе крестьянъ непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго реформа ему представляется излишней и ненужной. Аргументація автора, въ пользу этой мысли, не лишена извѣстнаго интереса, но она направлена, конечно, къ членамъ своего сословія, которыхъ еще нужно было убѣждать и которымъ нужно было доказывать цѣлесообразность крестьянскаго земельнаго надѣленія. Авторъ находитъ, что усадебныя земли, не дающія дохода, и $^1/_2$ виноградnаго сада, которую должны получить крестьяне, не обезпечатъ ихъ экономическаго и матеріальнаго благосостоянія, полевая земля - насущная потребность для крестьянскаго хозяйства. Размѣръ полевого надѣла „долженъ соображенъ съ нуждами и потребностями, какъ крестьянина, такъ и землевладѣльца“; средства надѣленія и опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, указанныя центральнымъ комитетомъ, по мнѣнію автора, недостаточны. Достаточно, по его мнѣнію, если помѣщики уступятъ, треть того, чѣмъ помѣщики владѣютъ. Помѣщики должны уступить $^1/_3$, которая можетъ быть приведена въ извѣстность межеваніемъ, но межеваніе не скоро закончится, а потому цѣлесообразнѣе и скорѣе будетъ, если допустить добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, при участіи мірской власти, а также при участіи цѣлаго сельскаго общества; опредѣленіе этой $^1/_3$ должно быть сдѣлано въ теченіи 2-хъ лѣтъ и выкуплена въ продолженіе этого срока, съ вычисленіемъ выкупной стоимости по доходамъ и мѣстной производительности. Въ теченіе же этого срока повинности отбываются крестьянами по старымъ обычаямъ. По опредѣленіи размѣра надѣла=$^1/_3$, кре-

стьяне или выкупаютъ ихъ тотчасъ, или пользуются на обязательныхъ условіяхъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ, но съ отбываніемъ повинностей по опредѣленію центральнаго комитета: за одно-дневное паханіе въ поливныхъ поляхъ по 2 коды, въ неполивныхъ—1 к. галы, съ тѣмъ, чтобы это пользованіе прекратилось по прошествіи 2-хъ лѣтъ, послѣ котораго крестьяне пріобрѣтаютъ землю выкупомъ въ собственность, обязательномъ для обѣихъ сторонъ и по той же расцѣнкѣ, что усадебныя земли, а именно въ 16 р., 24 р., 32 р., 48 р., за одно—дневное паханіе, сообразно съ тѣмъ размѣромъ повинности, какая установилась обычаемъ. Авторъ даже находитъ нужнымъ въ теченіе 2-хъ лѣтняго обязательнаго періода вычислить общіе итоги стоимости земель подъ усадьбы, подъ полевыя угодія; въ теченіи этого времени должно быть опредѣлено общее количество уступаемой крестьянамъ земли, что вмѣстѣ дастъ возможность опредѣлить среднюю выкупную стоимость для всѣхъ категорій земель, поступающихъ въ собственность крестьянъ. Размѣръ всей выкупной ссуды опредѣляется въ 2.992.000 р.

Остается еще одна важная статья крестьянскаго хозяйства: пользованіе выгономъ, лѣсомъ, водопоемъ; до окончанія межеванія и отведенія ихъ въ натурѣ сторонамъ, когда пользованіе этими угодіями будетъ подчинено закону, должны оставаться въ силѣ обычныя нормы. Равнымъ образомъ обычному праву должно подчиниться пользованіе водой, канавами, оросительными средствами; могущіе возникать споры заинтересованныя стороны будутъ разрѣшать черезъ соглашеніе, или при отсутствіи такового по рѣшенію мірскихъ властей.

Такимъ образомъ, „реформа эта должна обезпечить обѣ стороны такъ, чтобы каждая изъ нихъ могла бы вполнѣ самостоятельно располагать своею личною и имущественною свободою. *Безъ личной и имущественной свободы нѣтъ и не можетъ быть свободы.* Зависимо—обязательныя отношенія не могутъ удовлетворять никого, они только вызовутъ ненависть въ освобождаемомъ сословіи, которое не будетъ въ состояніи примириться съ своимъ новымъ положеніемъ, *ничуть не превосходящимъ старой крѣпостной зависимости*“. Вся записка кн. Чавчавадзе звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ помѣщичьихъ голосовъ; онъ одинъ понялъ

истинную сущность предстоящей реформы и предложилъ болѣе реальныя мѣры для разрѣшенія вопроса. Самымъ интереснымъ является мысль, что реформа необходима для общественнаго благополучія, что участіе въ ней должны принять всѣ, что она одинаково всѣхъ касается, поэтому и нѣтъ разсужденій о жертвахъ, якобы приносимыхъ дворянами; участіе въ реформѣ, даже съ матеріальными лишеніями, есть долгъ, есть историческая необходимость и въ сравненіи съ другими дворянскими проектами, проекту кн. Чавчавадзе нельзя отказать въ извѣстномъ радикализмѣ. На этой запискѣ мы остановились такъ долго и выдѣлили ее изъ числа другихъ потому, что это единственная записка, которая касается въ цѣломъ правительственнаго проекта и въ цѣломъ оцѣниваетъ его, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и свои личныя соображенія. Другія записки и соображенія оспариваютъ уже отдѣльныя положенія и предположенія правительственнаго проекта, и разсмотрѣть ихъ лучше постатейно въ порядкѣ статей и главъ проекта центральнаго комитета.

Проектъ, составленный центральнымъ Закавказскимъ комитетомъ, предъявленный помѣщикамъ Тифлисской губ. носилъ названіе. „*Предварительный проектъ мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Тифлисской губ.*“ Этотъ проектъ опредѣляетъ поземельное устройство, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости *временно-обязанныхъ крестьянъ* Тифлисской губ. Большинство помѣщиковъ экспертовъ возстало противъ понятія „временно-обязанный крестьянинъ“ и просило въ окончательномъ проектѣ мѣстнаго положенія и вездѣ вмѣсто этого понятія—поставить „наслѣдственный хизанъ“; въ настойчивости требованія таилось глубокое стремленіе помѣщиковъ еще разъ отстоять свои права, еще разъ попытаться обратить крестьянъ въ вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ; если бы это требованіе получило реальное осуществленіе, тогда картина рѣзкимъ образомъ измѣнилась бы; разъ въ окончательной редакціи было бы принято понятіе наслѣдственный хизанъ, то тѣмъ самымъ уже дальнѣйшіе статьи проекта вынуждены были бы трактовать новый вопросъ о наслѣдственныхъ арендаторахъ, а не о

крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости и нужно было разрѣшать взаимоотношенія, главнымъ образомъ, между владѣльцами земли, помѣщиками и крестьянами, какъ арендаторами, такимъ образомъ помѣщики, отказываясь отъ личныхъ правъ на крестьянъ, цѣликомъ сохраняли всѣ свои права на земли, ибо права съемщика арендатора на земли могли быть лишь тѣ, какія обусловлены аренднымъ договоромъ, слѣдовательно, ни объ обязательномъ надѣлѣ, ни о правахъ крестьянина на землю не могло быть рѣчи; но затаенная мысль вполнѣ прозрачно проглядывала и этотъ послѣдній натискъ, конечно, остался отбитымъ. Центральный комитетъ категорически отказался принимать въ качествѣ образца хизанское положеніе для рѣшенія крестьянскаго вопроса, потому, съ одной стороны, что это противорѣчило кореннымъ образомъ началамъ дѣйствительной реформы, а съ другой—потому, что смотрѣлъ на хизанское положеніе, какъ на счастливую только случайность и на этомъ, случайнаго происхожденія, институтѣ не могъ комитетъ базировать всю реформу. Къ тому же, хотя признаніе хизанскаго положенія, въ предположеніи дворянъ, и давало крестьянамъ личную свободу, но не давало за то никакого земельнаго обезпеченія, создавало изъ крестьянъ массу безземельнаго пролетаріата и такимъ образомъ предоставляло только выгоду помѣщикамъ, дѣлало ихъ исключительными собственниками земли, а для крестьянъ, новую, при правовомъ самосознаніи и худшую форму экономической зависимости.

Дворяне, однако, не раздѣляли точки зрѣнія центральнаго комитета, и отъ лица дворянъ это положеніе оспаривалъ Д. И. Кипіани, который, какъ наиболѣе свѣдущій, выступалъ всегда со своими мнѣніями, съ которыми было солидарно въ принципѣ дворянство; въ мнѣніи своемъ, отъ 21 мая 1864 г., онъ мобилизовалъ всѣ доказательства, чтобы сохранить для освобождаемыхъ крестьянъ именно хизанское состояніе. Д. Кипіани утверждаетъ, что для Тифлисской губ. хизанское положеніе отнюдь не есть счастливая случайность, наоборотъ, это положеніе, выработанное жизнью и получило оно „ясную сословную опредѣлительность“ и установленіе его, вопреки мнѣнію комитета, не создало бы

никакого затрудненія; проектированныя Закавказскимъ комитетомъ мѣры, по мнѣнію Д. И. Кипіани, дѣйствительно могутъ создать замѣшательство, неудобны потому, что ими „вводятся новыя условія, народу неизвѣстныя и непривычныя". Въ чемъ же неудобство новаго положенія, проектированнаго правительствомъ? „Не смотря ни на какое умственное развитіе, никто изъ насъ помѣщиковъ не поймет справедливости въ мѣрѣ, которая, прекращая установленное законами право наше на крестьянъ, прекращала бы вмѣстѣ съ тѣмъ свободное пользованіе и другимъ нашимъ правомъ, правомъ на земли, ибо, чтобы ни говорить, *но обязанность дать земли крестьянамъ въ постоянное пользованіе* и на единожды предписанныхъ условіяхъ, подвергаетъ насъ такому ограниченію нашего права собственности, *которое равно хищенію.* Справедливое для Россіи не справедливо для Грузіи". Въ Россіи „повинности личныя и поземельныя стушевывались въ оброкѣ или въ барщинѣ до такой степени, что отдѣлить ихъ, провести между ними какую либо черту, положительно невозможно, и потому оброкъ остался оброкомъ, барщина осталась барщиной, съ тою лишь разницей, что размѣры ихъ примѣнены къ размѣрамъ надѣловъ". Въ Грузіи, напротивъ, „однѣ повинности рѣзко отдѣляются отъ другихъ и повинности личныя исчезаютъ совершенно и остаются только повинности поземельныя", и такъ какъ изъ трехъ видовъ послѣдней исключается бегара или повинность издѣльная, то исчезаетъ она вмѣстѣ съ другими, здѣсь „ни объ оброкѣ, ни объ барщинѣ не можетъ и рѣчи, она можетъ быть о личныхъ правахъ, но разъ она коснулась ихъ, онѣ уничтожились", а изъ всего этого слѣдуетъ то, что помѣщики внутреннихъ губерній ничего не потеряли, грузинскіе помѣщики теряютъ наибольшую часть дохода; сумма поземельнаго дохода едва ли въ Тифлисской губ. составляетъ 5 часть отмѣняемой стоимости личныхъ повинностей.

Доводы Д. И. Кипіани едва ли справедливы. Какъ ни различны были отношенія во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и Тифлисской губ., однако помѣщичьи потери были почти, одинаковы, что касается потерь поземельныхъ, то о нихъ не можетъ быть серьезной рѣчи, во - первыхъ, во многихъ

мѣстахъ отрѣзки уменьшали доли крестьянскаго дореформеннаго владѣнія, повинности земельныя сохранялись, а повышенная оцѣнка земли для выкупа составляла слишкомъ ощутительную выгоду. Д. И. Кипіани особенно подчеркиваетъ потерю помѣщиковъ и ему въ общемъ рисуется реформа, какъ такая, которая никакихъ потерь не должна дать помѣщикамъ. Помѣщичьи потери въ такомъ видѣ представляется имъ въ числахъ. Стоимость личныхъ повинностей дворянство губерніи опредѣлило въ среднемъ въ 148 р. въ годъ съ дыма. Въ этой стоимости нѣтъ бегары или издѣльной повинности, но таковая не можетъ быть ниже стоимости галы. Помѣщики имѣютъ право брать въ качествѣ домашней прислуги или въ работники по одному человѣку съ дыма, „это право не подлежитъ никакому спору“; наименьшая средняя годовая плата одному человѣку 60 р.; дымъ, который не даетъ работника уплачиваетъ взамѣнъ другія повинности, стоющія въ общей сложности не менѣе 60 р., поэтому съ прекращеніемъ личной повинности помѣщики теряютъ въ годъ дохода 60 р., слѣдовательно, эта потеря дожна быть, возмѣщена дворянству въ суммѣ, которая давала бы въ годъ по 60 р. съ дыма; но дворянство понимаетъ, что это потребовало бы громадныхъ средствъ и оно согласно и на меньшее вознагражденіе; оно примирилось бы и съ тѣмъ, если бы, вмѣсто 60 р. съ дыма, получило 20 или 24 р.; ясно, что рѣчь о пожертвованіяхъ, на которыя охотно, казалось, готово было итти дворянство, теперь совершенно забыта и мы являемся свидѣтелями того, какъ лихорадочно, судорожно старается дворянство не только не приноситъ „жертвъ“, но сохранить, по возможности, все и никакихъ жертвъ приноситъ не хочетъ.

Дворянство охотно понесетъ указанныя потери, охотно примирится и съ уменьшеніемъ вознагражденія „лишь бы хизанское состояніе было положено въ основаніе освобожденія“ крестьянъ. Но оказывается, что ни хизанскаго состоянія признать, ни вознагражденія, соразмѣрнаго общимъ потерямъ, дать нельзя, но если вознагражденіе деньгами не можетъ быть допущено, то, можетъ, быть, допустимо вознагражденіе другимъ способомъ. Исчезаетъ, вѣдь, и бегара, увеличивая тѣмъ самымъ потери дворянъ. Помѣщичьи

потери съ поземельной повинности не менѣе 2 р. въ годъ на однодневное паханіе земли, предоставляемое крестьянамъ; съ крестьянскаго дыма, пользующагося 10 дневнымъ паханіемъ поливной земли или 20 дневнымъ—неполивной, въ пользу владѣльца отбывается „вѣковой и обычной повинности“ не менѣе 60 р. личныхъ повинностей, не менѣе 20 р. бегары, не менѣе 20 р. галы, всего 100 р. По прекращеніи же крѣпостной зависимости помѣщикъ будетъ получать галу, всего на 20 р. и лишеніе его составитъ $^4/_5$ дохода. Въ виду чувствительности потери Д. И. Кипіани находитъ единственно цѣлесообразнымъ изысканіе болѣе справедливаго, а слѣдовательно болѣе безобиднаго вознагражденія помѣщиковъ.

Для опредѣленія размѣровъ потерь Д. Кипіани и обращается къ вопросу о поземельной рентѣ вообще. По его изысканію, поземельная рента въ Шотландіи составляетъ $^1/_4$ валового дохода, во Франціи въ среднемъ рента=$^1/_3$, въ Англійской Индіи minimum, признанный закономъ, составляетъ $^1/_2$, въ Вологодской губ. $^1/_2$. Закавказскій комитетъ въ Тифлисской губ. за средній урожай со для паханія принимаетъ 16 кодъ; изъ 10 дневнаго паханія надѣла ежегодно будетъ обрабатываться, по мнѣнію комитета, $^1/_2$, поэтому владѣлецъ получитъ 40 кодъ т. е. доходъ будетъ составлять 40 р. На этомъ основаніи въ обезпеченіи интересовъ помѣщиковъ и слѣдуетъ: 1) либо обратить крестьянъ въ хизанъ, безъ ограниченія правъ этого состоянія, существующаго въ Грузіи съ древнихъ временъ, и въ такомъ случаѣ взамѣнъ личныхъ повинностей выдать помѣщикамъ сумму угодную правительству, 2) либо установить надѣлы, по предложенію комитета, и опредѣлить $^1/_2$ доходовъ съ земли въ пользу владѣльца земли, съ вознагражденіемъ, тѣмъ не менѣе, помѣщиковъ за личныя повинности, 3) или же установить надѣлы, по размѣрамъ комитета, опредѣливъ въ пользу владѣльцевъ $^1/_3$ съ урожая, но за то сохранить за ними издѣльныя повинности т. е. или право на одного работника съ дыма, или право на оброкъ вм. работника. Но при всемъ томъ денежное пособіе было бы „непзрѣченнымъ милосердіемъ Монарха къ грузинскому дворянству“; установленіе же въ пользу дворянства лишь одной $^1/_4$ съ урожая подвергнетъ дворянство „чрез-

мѣрному лишенію". Изъ совокупности всѣхъ возможныхъ комбинацій Д. И. Кипіани, а съ нимъ вмѣстѣ Тифлисское дворянство, предпочитало всему хизанское положеніе.

Нѣтъ надобности подробно останавливаться на томъ, что Д. И. Кипіани, отстаивая грубо сословные интересы, нисколько не проявилъ необходимаго элементарнаго пониманія интересовъ государственныхъ, интересовъ крестьянъ.

Кн. И. Багратіонъ-Мухранскій также рѣшительно возражаетъ противъ понятія временно-обязанный крестьянинъ, это ему кажется ничѣмъ не оправдываемымъ внесеніемъ чуждаго грузинской жизни понятія и учрежденія. По его мнѣнію, въ Россіи земля крестьянамъ отдавалась на срокъ, а въ Грузіи совершенно другое поземельное устройство. Все хозяйство требуетъ отъ крестьянина большого труда, какъ по устройству садовъ, такъ и каменныхъ строеній, мельницъ, а „постоянные отводы крестьянамъ самыхъ лучшихъ земель помѣщиками доказываютъ обоюдно выгодныя отношенія", а упустивъ это, законодатель впадетъ въ ошибку, поэтому болѣе соотвѣтствующимъ истинному положенію будетъ понятіе „наслѣдственный арендаторъ," но примѣнительно къ туземному названію „наслѣдственный хизанъ," т. е. понятіе „не носящее характера срочнаго надѣла."

Центральный комитетъ отвергъ требованія помѣщиковъ о переводѣ крестьянъ на хизанское положеніе; уставныя грамоты, составляемыя на основаніи мѣстнаго положенія, наоборотъ, должны устанавливать постоянныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, крестьянами временно-обязанными; относительно порядка ихъ составленія нужно было пользоваться правилами, опредѣленными въ Положеніи 19 февраля.

VIII.

Анализъ правительственнаго проекта Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. и дворянскія возраженія.

1) *О надѣленіи крестьянъ землею и другими угодіями.*

Для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязательствъ предъ правительствомъ и помѣщикомъ предоставляется за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянамъ: ихъ усадебная осѣдлость, виноградные и фруктовые сады и тѣ полевыя земли (пахатныя и сѣнокосныя), которыя состояли въ пользованіи каждаго отдѣльнаго дыма до утвержденія Мѣстнаго Положенія (ст. 3.) Эта статья вызвала возраженіе съ двухъ сторонъ. Кн. Чавчавадзе, записку котораго выше мы уже разбирали, счи алъ несправедливымъ, что за крестьянами должны состоять только тѣ полевыя земли, которыя будутъ у нихъ въ пользованіи до утвержденія Мѣстнаго Положенія Помѣщики могутъ воспользоваться очень легко этой оговоркой и, или вынудятъ крестьянъ оставить земли, или еще хуже, отберутъ и въ день утвержденія положенія у крестьянъ можетъ не оказаться и клочка земли. Мало того, помѣщики во многихъ мѣстахъ изъ опасенія, чтобы за крестьянами не было признано право распоряженія землями, находящимися въ ихъ пользованіи, поспѣшили отобрать у крестьянъ земли, поэтому во избѣжаніе злоупотребленій и въ огражденіе интересовъ крестьянъ болѣе справедливымъ полагаетъ кн. Чавчавадзе признать за крестьянскій надѣлъ тѣ земли и угодія, которыя состояли въ ихъ непосредственномъ владѣніи до изданія положенія объ освобожденіи крестьянъ, т. е. до 19 февраля или до начала въ краѣ реформы. О. К. Мама-

цовъ предложилъ при надѣленіи крестьянъ землей принять въ разсчетъ земли или принадлежащія въ собственность крестьянамъ, или вообще располагаемыя ими, очевидно, такія земли, если только таковыя оказались бы, должны были повліять на надѣленіе крестьянъ землями со стороны помѣщиковъ, въ смыслѣ пониженія ихъ, во-вторыхъ, онъ предложилъ не обязывать помѣщиковъ надѣлять землей тѣхъ крестьянъ, которые обрѣтались въ самовольной отлучкѣ и могли бы явиться во время надѣленія крестьянъ. Повидимому, Закавказскій комитетъ внялъ, если не цѣликомъ, то отчасти этимъ доводамъ и постановилъ, что крестьяне въ постоянное пользованіе получаютъ „*надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, количество* земли“ эта туманная и далеко неясная, по содержанію своему поправка, способна была порождать значительныя недоразумѣнія.

Если у помѣщика за предоставленіемъ земли въ пользованіе крестьянамъ останется половина общаго количества всѣхъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, принадлежащихъ ему въ томъ селеніи, гдѣ водворены крестьяне, то онъ имѣетъ право удержать въ своемъ распоряженіи $^1/_2$ общей совокупности всѣхъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель. (ст. 5 пред. пр.) При многоземеліи помѣщика общее количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ крестьянскихъ дымовъ въ совокупности, можетъ превышать по разсчету на дымъ высшій размѣръ подымнаго полевого участка, въ такомъ случаѣ помѣщикъ можетъ отрѣзать весь излишекъ въ свою пользу. Если излишекъ останется въ пользованіи крестьянъ, то условія пользованія опредѣляются по соглашенію (ст. 6 предв. пр.); статьи эти не достаточно точно формулированы, ибо не опредѣлено съ точностью понятіе высшій размѣръ надѣла и потому она вызвала много возраженій. Эти положенія реально затрагивали интересъ помѣщика, какъ землевладѣльца; многіе изъ помѣщиковъ просили сохраненія за ними $^2/_3$ всѣхъ пахатныхъ земель, безъ сѣнокосныхъ угодій и помѣщики самымъ рѣшительнымъ образомъ разошлись съ центральнымъ комитетомъ, который полагалъ, что сохраненіе, по возможности, существующихъ надѣловъ, „которые установились путемъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отно-

шеній и взаимныхъ выгодъ сословій, составляетъ, лучшее и даже единственное правильное мѣрило". Комитетъ старается убѣдить дворянъ, что справедливѣе принять „за основаніе къ опредѣленію количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель въ постоянное пользованіе крестьянъ существующій надѣлъ".

Наиболѣе серьезныя возраженія представилъ кн. Чавчавадзе, который подошелъ къ вопросу, съ двухъ, сторонъ. Требованія эти онъ призналъ невыполнимыми; ему показалось, что отводимой половиной помѣщики не будутъ въ состояніи воспользоваться, а равно и крестьяне, особенно тамъ, гдѣ земли эти будутъ находиться на далекомъ разстояніи отъ помѣщичьихъ усадебъ; самый сильный его аргументъ и замѣчательно вѣрный тотъ, что крестьянинъ не примирится съ закономѣрностью уменьшенія надѣла, когда и существующій надѣлъ едва обезпечиваетъ его матеріальное существованіе, и помимо этого „*опасно предпринимать подобнаго рода передѣлы для того, чтобы сдѣлать что нибудь угодное для помѣщиковъ*, которые не будутъ въ состояніи воспользоваться мнимымъ благодѣяніемъ закона", не дѣлать этого еще и потому, что межеваніе не указало количества земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, чтобы, зная это количество, можно было бы производить дѣленіе земель между помѣщиками и крестьянами; это возраженіе основательно и глубоко касалось положенія вещей, оно ставило вполнѣ на правильную почву обсужденіе крестьянскаго вопроса, но съ другой стороны, если бы пришлось выполнять указанное требованіе, то реформа не увидѣла бы своего осуществленія долгое время. Князь Чавчавадзе не находитъ практически осуществимымъ дѣленія земель, въ виду великой и разнообразной чрезполосности; если даже дѣленіе будетъ достигнуто, то оно увеличитъ существующую чрезполосность, а чрезполосность, при разбросанности клочковъ земли, едва ли принесетъ пользу и выгоду землевладѣльцу. Если правительство признаетъ необходимость сохраненія обязательныхъ отношеній крестьянина къ помѣщику, то нѣтъ „надобности убавлять что-нибудь изъ крестьянскаго надѣла", правильнѣе было было бы сохранить за крестьянами земли, которыя у нихъ находятся въ пользованіи за

повинности, помѣщики ничего не потеряютъ, потому что они будутъ получать съ своихъ земель регулированный доходъ, а крестьянское хозяйство не будетъ разстраиваться, такъ какъ ничего у нихъ урѣзано не будетъ.

Вообще авторъ рѣшительнѣйшимъ образомъ возсталъ противъ отрѣзокъ отъ крестьянскихъ земель и тѣмъ самымъ шелъ въ разрѣзъ съ общими стремленіями помѣщиковъ, которые, не сочувствуя вообще обязательному надѣленію крестьянъ, охотно защищали отрѣзки, потому что какъ ни какъ, а эти отрѣзки переходили въ ихъ непосредственную собственность и частично охраняли ихъ имущественную собственность; у крестьянъ, настаиваетъ нашъ экспертъ—„*ничего нельзя отрѣзывать, у нихъ и безъ того все отрѣзано*“, и добровольныя соглашенія едва ли будутъ достигать успѣха тамъ, „гдѣ крестьянинъ признаетъ свое право на землю и гдѣ это право у него отнимается въ силу не необходимости, а чтобы держать его въ зависимости отъ помѣщика“, а „такихъ нравственныхъ благодѣяній нельзя навязывать народу, привыкшему жить болѣе или менѣе своимъ умомъ, а не благодѣтельными вліяніями другихъ, не исключая помѣщиковъ“. Урѣзываніе можетъ быть допущено тамъ, гдѣ живетъ и имѣетъ собственное хозяйство помѣщикъ, но въ общемъ едва ли оно выгодно, когда помѣщики владѣютъ землями, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, отъ мѣстъ своихъ личныхъ поселеній, при такихъ условіяхъ какимъ образомъ можно услѣдить и управиться съ правильнымъ извлеченіемъ доходовъ. Доводы кн. Чавчавадзе успѣха не имѣли, комитетъ отъ принципіальнаго своего положенія не могъ отказаться, а дворянство должно было, скрѣпя сердце, согласиться съ обязательностью надѣленія крестьянъ. Закавказскій комитетъ только допустилъ одну весьма существенную ошибку, не обративъ должнаго вниманія на заявленіе кн. Чавчавадзе о чрезвычайной чрезполосности земельныхъ владѣній; заявленіе это заслуживало большого вниманія; чрезполосность, кромѣ общихъ причинъ для этого явленія, въ Тифлисской губ. имѣла свои специфическія условія, она усугубляется орографическими и топографическими свойствами страны, которыя совершенно не имѣли сходства въ условіяхъ землевладѣнія внутреннихъ русскихъ губерній.

Центральный комитетъ, выслушавъ всѣ замѣчанія экспертовъ, постановилъ въ окончательномъ проектѣ, что размѣръ надѣленія крестьянъ землей и другими угодьями въ постоянное пользованіе опредѣляется *„преимущественно по добровольнымъ между помѣщиками и крестьянами соглашеніямъ“*, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы 1) въ пользованіи крестьянъ оставалось земли не менѣе того количества, которое опредѣлено въ этомъ же положеніи (35,101 ст.), если же надѣлъ менѣе того количества, то онъ оставляется въ существующемъ размѣрѣ и не можетъ быть уменьшенъ, 2) сдѣлки, заключаемыя между помѣщиками и крестьянами не должны противорѣчить общимъ гражданскимъ законамъ, не должны ограничивать личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставленныхъ крестьянамъ правъ по Общему Положенію 19 февраля 1861 г. При невозможности достиженія добровольныхъ сдѣлокъ, послѣднія совершаются по спеціальнымъ статьямъ (ст. 4); при этихъ условіяхъ въ постоянномъ пользованіи крестьянъ оставляется усадебная осѣдлость, виноградные и фруктовые сады, гдѣ имѣются и тутовые, полевыя угодія (пахатныя и сѣнокосныя), которыми пользовались крестьяне до утвержденія настоящаго положенія.

Полевыя земли по мѣстнымъ условіямъ дѣлятся обычнымъ порядкомъ, по хозяйственному своему значенію, на двѣ категоріи. Эксперты помѣщики указывали на различія, земель и дѣлили на поливныя и неполивныя; Горійскіе землевладѣльцы и Мамацовъ предложили поливныя земли, орошаемыя канавами въ нижней полосѣ Горійскаго у., раздѣлить въ свою очередь на земли двухъ разрядовъ: 1) земли, подъ названіемъ *напузари*, и 2) земли просто полевыя; напузари—это земли удобренныя, пашутся онѣ ежегодно и даютъ отличный урожай, съ нихъ взимается помѣщиками $^1/_4$ дохода; земли эти годны для огородовъ, виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, высоко цѣнятся, отъ 100 до 200 р. и болѣе за одно-дневное паханіе; полевыя, неудобренныя, значительно ниже по качествамъ своимъ, въ отношеніе производительности; эти неполивныя земли въ свою очередь предлагалось раздѣлить на земли 1) отличающіяся особымъ плодороді-емъ и 2) и уступающія первымъ именно въ плодородіи. Предложенія эти имѣли реальныя основанія и если бы коми-

тетъ принялъ эти предложенія, то ему предстояло не останавливаться на этомъ и принимать подобное дѣленіе и для другихъ уѣздовъ и даже частей уѣзда, что создало бы чрезвычайную дробность въ дѣленіи земель на хозяйственныя полосы, и внесло бы сложность, комитетъ отказался отъ всего этого и принялъ простое дѣленіе, безъ новыхъ подраздѣленій, на земли поливныя и неполивныя: поливными признаны земли, имѣющія орошеніе посредствомъ искусственно напускной воды и земли, не имѣющія такового; при этомъ однодневное паханіе въ поливномъ полѣ приравнено 2-дневному паханію въ неполивномъ (прим. 1 и 2 къ ст. 7).

Помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не обязанъ оставлять въ постоянномъ пользованіи крестьянскаго общества, по разсчету надѣлъ, болѣе высшаго размѣра подымного полевого участка; высшій же размѣръ подымного полевого участка устанавливается для поливныхъ полей=10-дневному паханію; для неполивныхъ—20-дневному. (Однодневное паханіе во всѣхъ разсчетахъ по настоящему положенію принимается равнымъ $^1/_2$ дес. казенной мѣры, именно 1200 кв. с.). Если неполивная земля отличается особымъ плодородіемъ, т. е. даетъ средняго урожая не менѣе 16 кодъ (кода —2 п. 10 ф.) съ однодневнаго паханія, то по просьбѣ о томъ со стороны помѣщика, мировой посредникъ, если онъ признаетъ справедливымъ, входить съ представленіемъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и если имъ будетъ признано достойнымъ уваженія представленіе, то къ такой неполивной землѣ примѣняется размѣръ надѣла, установленный для поливныхъ земель (ст. 9).

Однако, были голоса, иначе настроенные, которые требовали иныхъ нормъ надѣленія, именно ген. И. Багратіонъ Мухранскій настаивалъ на предоставленіи крестьянамъ по 7-дневному паханію въ поливныхъ поляхъ и 14 въ неполивныхъ, если крестьянинъ занимается однимъ хлѣбопашествомъ, но если крестьянинъ надѣленъ, сверхъ пахатной земли, садовой и др. землями, то въ такомъ случаѣ онъ склоненъ былъ еще болѣе понижать размѣры надѣла въ поливныхъ поляхъ до 5 дневнаго паханія, а въ неполивныхъ—10-дневнаго паханія; конечно, эти требованія клонились къ возможному сокращенію земельнаго надѣла у крестьянъ, но поддержки мнѣніе въ комитетѣ не нашло.

Упомянутый нами уже О. Мамацовъ, изъ тѣхъ же побужденій сохраненія въ помѣщичьихъ рукахъ земли, также былъ склоненъ въ возможно большему сокращенію крестьянскихъ надѣловъ. Онъ предложилъ двоякое дѣленіе Горійскаго уѣзда и проектировалъ еще болѣе низкія нормы надѣленія; въ полосѣ напузари, т. е. удобренныхъ земель, размѣръ надѣла опредѣляетъ въ 5-дневное паханіе, во второй мѣстности, значитъ уже неудобренныхъ, этотъ размѣръ принимается въ 10-дневное паханіе. Но при этомъ учитываются особыя обстоятельства: если за крестьянами оказалось бы укрѣпленнымъ пріобрѣтенное недвижимое имѣніе, то помѣщики въ такихъ случаяхъ должны были надѣлять крестьянъ землей дополнительной до нормы; напримѣръ, если за крестьянскимъ дымомъ имѣется укрѣпленной земли 8-дневное паханіе, а ему по разсчету будетъ слѣдовать 10 дневное паханіе, то помѣщикъ обязывался надѣлить недостающимъ до нормы количествомъ, въ данномъ случаѣ 2-дневнымъ паханіемъ. Само собой разумѣется, въ такихъ случаяхъ жертва помѣщика уменьшалась, но авторъ предложенія пытался учесть и воспользоваться въ интересахъ дворянскихъ тѣмъ, что имъ собственно не принадлежало т. е. личными земельными пріобрѣтеніями крестьянъ, но домогательства помѣщиковъ, не были раздѣлены Закавказскимъ комитетомъ, принявшимъ болѣе справедливыя нормы крестьянскихъ надѣловъ.

Независимо отъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ крестьяне получаютъ въ постоянное пользованіе пастьбища, только пользованіе ими остается въ порядкѣ установленномъ обычаемъ; не возбраняя пользованія ими, помѣщики только сохраняютъ за собою право распахивать или устраивать хозяйство на выгонныхъ и пастбищныхъ мѣстахъ, дозволять и постороннимъ лицамъ пользованіе ими „не въ ущербъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“, хотя въ ст. не указаны достаточно опредѣленно именно эти ущербы, но оговорка статьи совершенно измѣняетъ ея смыслъ и низводитъ ея значеніе почти до нуля; помѣщики никакихъ возраженій не представляли, только они просили о двухъ поправкахъ: поясненія слово выгонъ, „соплисъ-санахире“, т. е. выгоны для сельскихъ нуждъ и тѣмъ пре-

дупредить болѣе широкое толкованіе, но другая поправка была болѣе существенной и она получила нѣкоторое выраженіе въ приведенной выше 26 ст., а именно пользованіе выгонами и пастьбами на обычномъ правѣ дозволялось лишь для домашняго и рабочаго скота т. е. комитетъ призналъ, что пользованіе со стороны крестьянъ допускается для домашняго и рабочаго скота. Для устройства парехи, для пользованія ятагами и кишлягами (зимнія и лѣтнія пастбища), которыя необходимы для крупнаго и промышленнаго скотоводства, должны были устраиваться съ особаго съ помѣщиками соглашенія. Что же касается раздѣловъ выгоновъ и мѣстъ для пастьбы скота между помѣщиками и крестьянскимъ обществомъ, то таковые должны быть предметомъ добровольныхъ соглашеній, съ утвержденія только мировыхъ посредниковъ (ст. 27). Но такъ какъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ выгонныя и пастбищныя мѣста представляются весьма существенной статьей, а право пользованія ими не было выяснено, то слишкомъ много произвола открывалось дѣйствіямъ помѣщика; комитетъ, не входя въ болѣе детальное обсужденіе вопроса, постановилъ только (ст. 28), что въ теченіе извѣстнаго времени, усмотрѣнію намѣстника предоставляется право начертать правила, болѣе подробныя и ясныя, о способахъ пользованія со стороны крестьянскихъ обществъ выгонами и пастьбами для скота; равно опредѣленіе размѣра и количества земли, причитающагося въ надѣлъ крестьянскому обществу изъ пастбищъ, по примѣру того, какъ это установлено въ Россіи или по мѣстнымъ соображеніямъ. Странно, что несмотря на 50 съ лишнимъ лѣтъ прошедшихъ послѣ этого постановленія, оно остается и по сей день на бумагѣ. Эти правила о пользованіи выгонами и мѣстами для пастьбы не могли быть распространены на крѣпостныхъ крестьянъ Сигнахскаго у изъ татаръ, которые занимались скотоводствомъ въ большомъ размѣрѣ, для цѣлей промышленныхъ. Экспертъ дворянинъ Р. Андрониковъ обратилъ на это вниманіе въ особой запискѣ. За право пользованія этими участками они, конечно, должны были нести повинности и авторъ записки проектируетъ эту плату производить вмѣсто хлѣба—деньгами, по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ или скотомъ. Что же касается мѣстъ для ятагъ и кишлягъ,

то Р. Андрониковъ не находитъ возможности отводить ихъ вездѣ, потому что они требуютъ особыхъ условій: затишья, обращенія на югъ, на этомъ основаніи цѣнность этихъ земель выше цѣнности другихъ угодій. Предложеніе это было принято центральнымъ комитетомъ, а потому крестьяне изъ татаръ Сигнахскаго у., скотоводы, за пользованіе выгонами и мѣстами для пастьбы, „заповѣдными пастбищами, ятагами и кишлягами, въ теченіе 9 лѣтъ со дня утвержденія положенія отбываютъ повинность, размѣръ которой, примѣняясь къ существующимъ условіямъ, опредѣляется Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, съ утвержденія намѣстника“, и представляется на Выс. утвержденіе. По прошествіи 9 л., въ отношеніи пользованія ятагами и кишлягами должны подчиниться постановленію, опредѣленному въ примѣчаніи къ ст. 26; а въ отношеніи пользованія выгонами и мѣстами для пастьбы тѣмъ правиламъ, которыя будутъ установлены для крестьянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. Въ составъ крестьянскаго надѣла включаются лишь земли удобныя; не полагаются въ счеть надѣла и не облагаются повинностями въ пользу помѣщика, находящіеся среди крестьянскихъ угодій неспособныя къ пашнѣ, сѣнокосамъ, и къ воздѣлыванію негодные пески, болота и т. п. Равно въ пользованіи крестьянъ оставляются кустарники въ крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ находящіеся, также и камышовыя пространства и земли подъ ними. За крестьянами сохраняется и тотъ водопой, которымъ пользовались и раньше крестьяне и былъ общимъ съ помѣщикомъ. Отъ воли помѣщика зависитъ взамѣнъ общаго отвести крестьянамъ особый водопой. Если водопой общій или особый и отдѣленъ отъ крестьянскихъ усадебъ, то къ такимъ водопоямъ, отдѣленнымъ господскими землями, долженъ быть свободный прогонъ.

2). *О крестьянскихъ усадьбахъ.*

Центральный комитетъ относительно усадебъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію, весьма точно и ясно формулированному: „въ полевой надѣлъ входятъ не только пахатныя и сѣнокосныя земли, но и составляющіе дополнительные къ нимъ выгоны, мѣста для пастьбы“, на этомъ общемъ

основаніи и было внесено въ проектъ мѣстнаго положенія, что въ составъ крестьянской усадьбы входятъ: вся земля, состоящая подъ жилыми и хозяйскими строеніями, выпускъ для скота, проулки нужные для проѣзда и прогона скота не входятъ въ составъ осѣдлости. Подъ хозяйскими строеніями признаны скотные дворы, буйлятники, гумна, мякинники. Овчарники не причислены къ усадьбамъ, а подчиняются особымъ правиламъ (ст. 18). По разбросанности крестьянскихъ усадебъ, жилыя и хозяйственныя строенія заключали пустыя мѣста, въ такихъ случаяхъ черта усадебной осѣдлости крестьянскаго дыма проводится по добровольнымъ соглашеніямъ помѣщика съ крестьянами, при отсутствіи таковыхъ по рѣшенію мировыхъ посредниковъ, но „ни въ какомъ случаѣ, однако, земля подъ усадебную осѣдлость на каждый дымъ не должна превышать въ совокупности однодневнаго паханія“ (ст. 18, 19). Далеко не все дворянство шло такъ далеко въ своихъ предположеніяхъ; не единичными были мнѣнія, высказанныя ген. лейт. Ив. Багратіонъ-Мухранскимъ, онъ допускалъ совершенно нелѣпую и непріемлемую комбинацію, включить въ составъ крестьянскихъ надѣловъ одни только пахатныя земли. Исходя изъ этого соображенія, онъ оспариваетъ весьма существенные вопросы, обнаруживающіе очень слабое пониманіе сущности дебатируемаго предмета; онъ полагаетъ, что если крестьянинъ имѣетъ надобность прогнать скотъ въ поле, то для этого существуетъ дорога или должна быть назначена, а потому особаго выгона т. е. выпуска не слѣдуетъ оставлять крестьянину, если даже теперь пользуются по особому соизволенію помѣщика. Рѣчь именно и шла о необходимости такой дороги, и ее можно было выдѣлить только изъ помѣщичьихъ земель; существованіе выпуска имѣло существенное значеніе для крестьянскаго хозяйства, безъ него крестьянинъ не могъ жить, и практика давно разрѣшила этотъ вопросъ. Въ запискѣ кн. Ив. Багратіонъ-Мухранскій потребовалъ разъясненій относительно того, въ какомъ случаѣ усадебная осѣдлость не должна превышать однодневнаго паханія. По его мнѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ живетъ отдѣльно отъ деревни, особо отъ деревни имѣетъ домъ и гумна, но не хозяйственныя строенія подлѣ пахатныхъ полей; такого крестьянина нужно

ограничить указаннымъ въ статьѣ мѣстнаго положенія размѣромъ. Гумна, расположенныя среди многолюднаго селенія и цѣнныхъ мѣсть, предлагаетъ авторъ оставить въ распоряженіи помѣщика, для раздачи нуждающимся поселянамъ, на постройки жилыхъ помѣщеній, а крестьянамъ подлѣ деревни отвести мѣста, удобныя для гумна; удобство мѣстности должно выражаться въ близости къ водѣ.

Съ принципіальной точки зрѣнія къ вопросу о крестьянскихъ усадьбахъ подошелъ членъ Закавказскаго центральнаго комитета т. с. Фадѣевъ. Постановленіе закона, „чтобы ни въ какомъ случаѣ земля подъ усадебную осѣдлость на каждый дымъ не превышала однодневнаго паханія“ кажется ему „стѣснительнымъ для крестьянъ“, основаніе для этого замѣчанія было весьма солидное, ему казалось, что по чрезвычайному разнообразію мѣстныхъ условій такое превышеніе будетъ необходимымъ, какъ вытекающее изъ естественныхъ условій, поэтому лучше, по его предположенію, будетъ постановить, „чтобы при нормѣ пространства усадебной осѣдлости въ однодневномъ паханьѣ, въ случаѣ необходимости, по мѣстному положенію, дать этому пространству большій размѣръ“.

Кн. Чавчавадзе по вопросу о крестьянскихъ усадьбахъ былъ того мнѣнія, что усадьбы должны остаться при тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ онѣ находились до 19 февр. 1861 г., или въ тѣхъ, въ какихъ онѣ существовали до объявленія въ краѣ реформы. Онъ противъ допущенія отрѣзокъ отъ усадебныхъ земель, „пусть немного лишнее пойдетъ *на здоровье* крестьянамъ, которымъ мы *слишкомъ много обязаны* и которые *сумѣли сохранить все наше достояніе* отъ чужого вліянія“, отъ этого помѣщики не пострадаютъ, потому что они получатъ съ крестьянъ повинности за земли подъ усадьбы. Въ то же самое время онъ оспариваетъ положеніе центральнаго комитета относительно устройства овчарниковъ, ему кажется, что, предоставляя право пастьбы на лугахъ крестьянскому скоту, необходимо имъ предоставить и право устройства овчарниковъ, ибо безъ этого права не имѣетъ смысла и теряетъ значеніе первое.

Но крестьянская усадьба представляла сложное соору-

женіе и простого разрѣшенія вопроса тутъ не могло быть: цѣнность усадьбы не вездѣ была одинакова и она зависѣла отъ многихъ причинъ, комитетъ учелъ эти обстоятельства и постановилъ, что всѣ торговыя и промышленныя заведенія, фабрики, заводы, мельницы, лавки, равно огороды, пчельники, непосредственно прилегающіе къ усадебной осѣдлости входятъ въ составъ усадебной осѣдлости (ст. 20). Изъ состава усадебной осѣдлости комитетъ исключаетъ: 1) не прилегающіе къ усадебнымъ землямъ крестьянскіе огороды, пасѣки и т. п., 2) земли подъ крестьянскими промышленными и торговыми строеніями, находящіяся, хотя и въ составѣ крестьянскаго надѣла, но внѣ черты усадебной осѣдлости, 3) усадьбы, устроенныя помѣщикомъ и занимаемыя его должностными лицами, 4) прогоны для скота (ст. 21); торговыя и базарныя площади, доходъ съ которыхъ поступаетъ въ пользу помѣщика, не включаются въ составъ крестьянской усадебной осѣдлости, онѣ остаются въ распоряженіи помѣщика, только съ правомъ для крестьянъ свободнаго прогона и пропуска скота (ст. 22), а на торговыхъ и базарныхъ площадяхъ, остающихся въ распоряженіи помѣщика, крестьяне, наравнѣ съ другими, могутъ производить торговлю, не подвергаясь особымъ сборамъ, лавки же и другія крестьянскія промышленныя заведенія, устроенныя въ крестьянскихъ усадьбахъ, остаются въ пользованіи крестьянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другія строенія (23). Но эти вполнѣ основательныя положенія вызвали со стороны помѣщиковъ экспертовъ попытку ограниченія и урѣзки крестьянскихъ интересовъ. Такъ, кн. Дм. Абашидзе явился сторонникомъ сохраненія за помѣщиками „исключительнаго права“ на торговлю, какъ на торговыхъ и базарныхъ площадяхъ, такъ и въ лавкахъ и др. промышленныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ въ крестьянскихъ усадьбахъ; аргументація его исходила изъ того положенія, что нѣкоторыя селенія въ уѣздахъ отличаются отъ другихъ торговлей и промышленностью, а потому они доставляютъ помѣщикамъ немалыя выгоды. Въ такихъ селеніяхъ хозяйственныя обзаведенія имѣютъ больше цѣнности, чѣмъ въ мѣстахъ, гдѣ занимаются земледѣліемъ, поэтому справедливость требуетъ, чтобы помѣщикъ, который съ освобождені-

емъ крестьянъ лишается значительныхъ услугъ и который предоставляетъ своему крестьянину имѣнія подъ усадьбу, имѣлъ бы упомянутое исключительное право въ производствѣ торговли въ своемъ имѣніи, а на этомъ основаніи и постановить, „чтобы крестьянинъ не имѣлъ права производить ее (торговлю) безъ разрѣшенія помѣщика въ той усадьбѣ и въ другомъ имѣніи, которое предоставляется ему помѣщикомъ, возводить построекъ безъ разрѣшенія помѣщика; вообще не производить торговлю до того времени, пока не пріобрѣтетъ собственность". Это право преимущественной торговли помѣщиковъ поддерживается многими помѣщиками экспертами, и помимо кн. Д. Абашидзе, въ томъ числѣ І. Цицiановымъ, И. Цицiановымъ, болѣе рѣзко подчеркнувшими только эту мысль. Они также доказывали, что право торговли на помѣщичьихъ земляхъ должно быть оставлено за помѣщиками, въ противномъ случаѣ, если и крестьянинъ откроетъ лавку, то лавка помѣщика не будетъ имѣть значенія, и помѣщикъ разорится, вся выгода окажется въ рукахъ крестьянина, потому что численно ихъ заведеній будетъ больше, чѣмъ заведеній помѣщичьихъ.

3) *О виноградныхъ, фруктовыхъ и тутовыхъ садахъ.*

Для Тифлисской губ. вопросъ о садахъ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что они являются самой существенной частью крестьянскаго хозяйства и помѣщики въ сильнѣйшей степени были заинтересованы въ разрѣшеніи этого вопроса. Помѣщики прежде всего въ лицѣ Г. Макаева потребовали немедленной передачи помѣщику тѣхъ пустопорожнихъ мѣстъ, которыя были предназначены для разведенія садовъ или другихъ насажденій; ген. Багратіонъ-Мухранскій подошелъ къ вопросу съ другой стороны. Хотя для разведенія сада и былъ положенъ 2-хъ лѣтній срокъ, но онъ полагалъ, что нужно указать и время, съ котораго крестьянинъ долженъ начать платить за пользованіе садами, по его предложенію, на 5 году крестьянинъ уже долженъ нести повинности за сады. Если же помѣщикъ по работѣ крестьянина замѣтитъ, что послѣдній не воспользовался временемъ, т. е. не на всемъ отведенномъ ему пространствѣ засадилъ лозы, то черезъ посредство мирового посредника

мѣсто возвращается помѣщику. Этотъ же авторъ считаетъ несправедливымъ безвозмездное пользованіе со стороны крестьянъ фруктовыми деревьями, находящимся среди пашенъ и покосовъ, особенно тамъ, что орѣховыя деревья въ большомъ количествѣ, когда деревья приносятъ болѣе дохода, чѣмъ сама пашня, поэтому онъ считаетъ нужнымъ установленіе съ урожая такихъ деревьевъ опредѣленной части. Кн. Чавчавадзе признаетъ безъ ограниченія за крестьянами весь огороженный садовый участокъ, не смотря на то, что въ этомъ участкѣ можетъ оказаться пустое пространство. Едва-ли, полагаетъ онъ, крестьянинъ уступитъ садовое неразведенное мѣсто, а уступивши, едва-ли что нибудь сдѣлаетъ помѣщикъ, поэтому пустыя садовыя мѣста оставить крестьянамъ и обложить, „если уже нѣтъ возможности избѣгнуть этого, повинностями, какія установлены для полевыхъ и усадебныхъ мѣстъ". Доводы дворянскихъ депутатовъ оказали нѣкоторое вліяніе на постановленіе членовъ центральнаго комитета, они рѣшили, что „въ составъ виноградная сада должна входить та часть огороженнаго подъ садъ мѣста, которая находится подъ виноградными лозами, фруктовыми и тутовыми деревьями, остальная часть огороженнаго подъ садъ мѣста, способнаго къ произрастанію винограда, должна быть возвращена помѣщику, если въ теченіе 2-хъ лѣтъ со дня обнародованія положенія не разведетъ виноградныхъ лозъ", вмѣстѣ съ этимъ въ постановленіи журнала Закавказскаго центральнаго комитета сдѣлана оговорка: „для пустыхъ мѣстъ тамъ, гдѣ произрастаютъ виноградники, можетъ быть допущено въ семъ случаѣ исключеніе, если въ теченіе этого времени крестьянинъ разведетъ на тѣхъ мѣстахъ винныя лозы", комитетъ внялъ экспертамъ и ,вмѣсто предположеннаго „неприступитъ" къ разведенію виноградника въ теченіе 2-хъ лѣтъ, внесъ „не разведетъ" виноградныхъ лозъ. Экспертъ Залъ Баратовъ спрашивалъ членовъ комитета, какъ поступить съ тѣми пустыми пространствами въ виноградныхъ садахъ, которыя часто оставляются посреди или внутри виноградниковъ и которыя трудно возвратить помѣщику; повидимому, въ виду небольшого практическаго значенія вопроса комитетъ и не далъ отвѣта. Подъ фруктовыми и тутовыми садами комитетъ понималъ тѣ огороженныя мѣста подъ фруктовыя и тутовыя деревья, которыя, независимо отъ этихъ

насажденій, находились въ исключительномъ и постоянномъ пользованіи крестьянскаго дыма до утвержденія положенія; всѣ плодовыя деревья, за исключеніемъ орѣховыхъ, находящіяся посреди пашенъ и покосовъ крестьянскихъ, входятъ въ составъ сихъ владѣній и не подчиняются никакимъ особымъ правиламъ, они остаются въ безвозмездномъ пользованіи крестьянъ, только незанятыя фруктовыми и тутовыми деревьями земли должны быть возвращены помѣщикамъ. Какъ уступка экспертамъ явилось послѣдующее рѣшеніе: если пустое мѣсто, подлежащее къ возвращенію помѣщику, по неразведенію на немъ виноградныхъ лозъ, окажется, по положенію, неудобнымъ къ отрѣзкѣ отъ сада, то крестьянинъ обязывается отбывать за такое мѣсто въ пользу помѣщика установленныя повинности и въ такомъ количествѣ, какое причтется по соразмѣрности пустого мѣста съ прочими частями виноградnаго сада. Только орѣховыя деревья, не находящіяся посреди пашенъ и сѣнокосовъ, остаются или въ исключительномъ пользованіи помѣщика, или въ совмѣстномъ помѣщика и крестьянина, смотря по обычаямъ. При совмѣстномъ пользованіи помѣщика и крестьянина опредѣленіе повинности съ орѣховыхъ деревьевъ, въ случаѣ спора, производится мировымъ посредникомъ.

4) *О выгонахъ и мѣстахъ для пастьбы.*

По вопросу о пользованіи со стороны крестьянъ выгонами имѣстами для пастьбы возникли серьезныя пренія и замѣчанія со стороны экспертовъ (см. стр. 356). Комитетъ принялъ многія замѣчанія экспертовъ. Пользованіе выгонами и пастбищами оставляется въ порядкѣ, уже установленномъ обычаемъ; не возбраняя пользованія ими крестьянамъ, помѣщики сохраняютъ право распахивать или устраивать хозяйство на выгонахъ и пастьбищахъ, а также дозволять постороннимъ лицамъ пользованіе этими угодіями, но „не въ ущербъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“. Эксперты потребовали, чтобы пояснили неопредѣленное понятіе „выгонъ“, а также распространить это право пользованія только на рабочій и домашній скотъ, что комитетъ и выполнилъ, т. е. крестьянамъ предоставляется пасти на выгонахъ и пастбищахъ до-

машній и рабочій скотъ; пользованіе ятагами и кишлягами дозволяется по особымъ соглашеніямъ; но на пастбищахъ, право пользованія которыми крестьяне имѣютъ, сооруженіе овчарниковъ не допускается, они могутъ быть просто нанимаемы у помѣщиковъ, какъ всякимъ постороннимъ владѣльцемъ Конечно, эти правила не могли въ надлежащей формѣ регулировать отношенія по пользованію выгонами и пастбищами, это отлично понимали члены центральнаго комитета, но съ себя сняли обязательство выработки какихъ нибудь общихъ правилъ, но намѣстнику предоставили составить „подробныя правила“ о „способѣ пользованія со стороны крестьянскихъ обществъ выгонами и мѣстами для пастьбы“. Согласно съ требованіями экспертовъ помѣщиковъ эти правила не распространялись на крестьянъ скотоводовъ изъ татаръ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ, они за пользованіе выгонами и мѣстами для пастьбы, какъ и за заповѣдными пастбищами ятагами и кишлягами отбываютъ въ теченіе первыхъ 9 л., со дня утвержденія положенія особую повинность, размѣръ которой, примѣняясь къ существующему до 1864 г., опредѣляется Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, съ утвержденія намѣстника, по истеченіи 9 л. эти крестьяне подчиняются правиламъ изложеннымъ въ примѣчаніи къ 26 ст., а въ отношеніи пользованія выгонами и пастбищами, правиламъ, которыя будутъ изданы для хлѣбопашцевъ. Ген. Ив. Багратіона-Мухранскаго статьи эти не удовлетворили, онъ сомнѣвается въ возможности отдѣленія выгоновъ или пастбищъ для сельскихъ обществъ, которыя обыкновенно пасутъ свой скотъ между пустыми пахатными полями, незанятыми подъ посѣвы и за такія пастбища, чисто случайнаго происхожденія, онъ не считаетъ справедливымъ назначеніе платы; но за то онъ не можетъ пройти молчаніемъ мимо того, что правила, которыя будутъ созданы для пользованія выгонами и пастбищами, окажутся неосуществимыми въ виду дробности имѣній въ краѣ; если же они коснутся количества земель, которое будто бы принадлежитъ крестьянскому обществу, то это будетъ означать покушеніе на отрѣзку отъ пахатныхъ земель помѣщичьихъ еще части, которая поставить помѣ-

щиковъ въ самое затруднительное положеніе, къ этимъ замѣчаніямъ кн. Мухранскаго присоединились и эксперты кн. І. Цицiановъ и Дм. Абашидзе, добавивъ только, что крестьянину слѣдуетъ предоставить право выгона или пастбища въ чертѣ и за чертой деревни, исключая мѣстное пастбище, которое составляетъ съ давнихъ поръ исключительное и отдѣльное угодіе помѣщика. Однако, комитетъ сдѣлалъ достаточно серьезныя уступки и итти дальше въ ограниченіи правъ крестьянскихъ не могъ, точно также не могъ итти и на расширеніе права крестьянскаго пользованія. Кн. Чавчавадзе обратилъ вниманіе на одну серьезную оговорку, которая по существу низводила на нѣтъ права обычнаго пользованія крестьянами пастбищъ и выгоновъ. Законъ предоставилъ помѣщику право распахивать пастбища и вообще право личнаго пользованія и даже передачи права пользованія постороннимъ лицамъ, лишь бы это не шло въ ущербъ крестьянскимъ дѣйствительнымъ интересамъ. Кн. Чавчавадзе обратилъ вниманіе на опасность оговорки именно въ этой формулировкѣ. Если помѣщики устроятъ что нибудь на выгонныхъ или пастбищныхъ мѣстахъ, или распашутъ ихъ, то, спрашивалъ Чавчавадзе, гдѣ крестьяне будутъ находить эти необходимыя для хозяйства угодія, сколько это будетъ порождать споровъ и что въ силахъ будутъ дѣлать мировыя учрежденія, когда будутъ затрагиваться самыя существенныя нужды крестьянъ; по завѣренію кн. Чавчавадзе, нельзя смѣшивать выгоновъ съ пастбищами; пастбища имѣютъ совершенно другое назначеніе и ихъ нѣтъ тамъ въ деревняхъ, гдѣ предполагается выгонъ для скота. Пастбища, составляя особаго рода собственность, существовали особо отъ выгоновъ и никто имъ даромъ не пользовался. Выгонъ и пастбища, имѣя разныя назначенія, не могутъ имѣть ничего общаго между собою. Это слово должно быть исключено изъ проекта и тогда разрѣшится вопросъ объ овчарникахъ, въ нихъ нѣтъ надобности, кромѣ временнаго помѣщенія для скота, когда выгонъ далеко, но право ихъ устройства вытекаетъ изъ права выгона, „составляющаго общее право для всѣхъ“. Для избѣжанія споровъ не нужно затрагивать вопроса о выгонахъ и лучше оставить это право на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно существуетъ по обычаю;

обычаи достаточно хороши, а потому нѣтъ надобности ихъ уничтожать, на основаніи этихъ доводовъ кн. Чавчавадзе предложилъ свою формулировку: „пользованіе выгономъ со стороны крестьянъ и другихъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности, сохраняется въ порядкѣ, установившемся существующими обычаями".

5). *О лѣсѣ для построекъ, топливѣ и о лѣсныхъ матеріалахъ для садовъ.*

Проектъ комитета опредѣлилъ, что помѣщики не обязаны отпускать крестьянамъ лѣса для построекъ, равно отпускать топливо безвозмездно. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ крестьянамъ производился отпускъ топлива отъ помѣщика, тамъ, въ теченіи 9 лѣтъ, со времени утвержденія Положенія, дрова, валежникъ, сучья или др. матеріалы выдаются и впредь, но не иначе, какъ за особую плату. Способъ же отпуска, плата за топливо должны опредѣляться на будущее время добровольными соглашеніями, при отсутствіи такового мировыми посредниками. По истеченіи 9 л. срока отъ утвержденія Положенія или раньше, если, съ пріобрѣтеніемъ угодій крестьянами въ собственность, прекратятся обязательныя отношенія, отпускъ на указанномъ основаніи прекращается. Что касается лѣсныхъ матеріаловъ: таркальника, сошекъ, жердей, колючки и др., необходимаго для виноградныхъ и другихъ садовъ крестьянскихъ, не возбраняется брать ихъ изъ помѣщичьихъ дачъ во все время продолженія обязанныхъ отношеній, безъ ограниченія срока, до выкупа крестьянами садовъ, но за это пользованіе полагается особая плата. Эти предположенія не противорѣчили нисколько матеріальнымъ интересамъ дворянъ и они не вызвали никакихъ почти возраженій со стороны дворянскихъ экспертовъ, если не считать заявленія І. и И. Ципіановыхъ и Д. Абашидзе; они въ вопросѣ о правѣ крестьянъ на топливо просили исключить указаніе на плату за топливо по обычному праву, потому что обычная плата была разнообразна по различнымъ мѣстамъ, поэтому и справедливѣе имъ кажется въ руководство по данному вопросу пользоваться таксой, установленной для казенныхъ крестьянъ сосѣднихъ мѣстностей и продолжить ее на 9 л., по прошествіи этого срока опредѣлять

плату по соглашенію помѣщика съ крестьяниномъ; это предложеніе существеннаго измѣненія въ основной тезисъ не вносило. Совсѣмъ иначе на вопросъ взглянулъ кн. Чавчавадзе и со свойственнымъ ему глубокимъ знаніемъ предмета и пониманіемъ какъ обстоятельствъ дѣла, такъ равно психологіи крѣпостного, пошелъ въ разрѣзъ со дворянскими пожеланіями и высказалъ весьма оригинальныя и любопытныя сужденія; его мнѣніе діаметрально расходилось съ прочими сужденіями. По его прдположенію, необходимо, чтобы лѣсъ для построекъ и для топлива тамъ, гдѣ крестьяне пользовались до изданія положенія, былъ предоставленъ имъ даромъ и дальше: „этого требуютъ справедливость и сознаніе долга въ отношеніе людей, которые были главными виновниками сбереженія всего состоянія помѣщиковъ," „изъ уваженія къ самому себѣ и изъ благодарности за вѣковое несеніе крестьянами самыхъ тяжкихъ обязанностей предъ помѣщиками, сіи послѣдніе, въ силу нравственнаго закона, обязаны не воспрещать имъ пользоваться даромъ лѣсомъ для своихъ надобностей", „оставаясь по положенію при обязательныхъ отношеніяхъ и неся огромныя повинности за пользованіе землею и др. угодіями, признанными принадлежностью помѣщиковъ, крестьяне, по всей справедливости, имѣютъ полное право на снисхожденіе со стороны землевладѣльцевъ и власти, которые всѣми мѣрами должны стараться облегчить средство къ жизни для людей, не получающихъ почти никакихъ имущественныхъ правъ и преимуществъ при совершеніи всеобщей крестьянской реформы и оставляемыхъ почти въ той, если не въ большей, зависимости отъ помѣщиковъ", „право пользованія лѣсомъ для своихъ нуждъ у насъ равносильно съ правомъ пользованія выгономъ рабочаго скота и водопоемъ", на основаніи всѣхъ этихъ доводовъ кн. Чавчавадзе и полагаетъ, что тамъ, гдѣ крестьяне до изданія мѣстнаго положенія пользовались лѣсными угодіями для своихъ нуждъ, должны сохранить это право на вѣчное время, и пользованіе должно ограничиваться необходимыми потребностями. Подобные предметы пользованія, продолжаетъ кн. Чавчавадзе, никѣмъ и никакими повинностями ни въ чью пользу не облагались.

Однако, замѣчанія кн. Чавчавадзе остались безъ вни-

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Нар. Физ. *

манія и ошибка его заключались въ томъ, что онъ исходилъ въ своихъ доводахъ изъ чувства благодарности къ крестьянамъ за ихъ прошлую дѣятельность; дворяне же заняты были лишь охраненіемъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ, а эта охрана исключала возможность какого бы то ни было иного къ крестьянамъ отношенія, кромѣ того, какое проявилось. Если не по всѣмъ пунктамъ, то, по крайней мѣрѣ, тамъ гдѣ возможно было, они пытались сохранить и уберечь свои интересы.

6) *О размѣрѣ и составѣ подымныхъ участковъ.*

Въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла въ распоряженіи крестьянъ оставляются: усадьбы, сады, пахатныя и сѣнокосныя угодія, въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ они пользовались до утвержденія Положенія. Какъ для поливныхъ, такъ и для неполивныхъ полей установляется высшій размѣръ коренного полевого надѣла, который равняется половинѣ того количества земли, которое составляетъ высшій размѣръ подымнаго полевого надѣла для каждаго изъ родовъ земель. Центральный комитетъ, кромѣ того проектировалъ положеніе, что отрѣзка земель отъ крестьянскаго надѣла въ непосредственное распоряженіе помѣщика, производится изъ общаго состава всей крестьянской земли, а не особо отъ каждаго надѣльнаго участка. Если вслѣдствіе такой отрѣзки отойдетъ отъ крестьянина весь участокъ или часть его, и останется менѣе высшаго размѣра коренного участка, назначеннаго для той мѣстности, то вознагражденіе крестьянъ изъ добавочныхъ участковъ или производство разъ на всегда передѣла земли между всѣми крестьянами предоставляется всему крестьянскому обществу. Противъ этого предложенія, потребовавъ его исключенія, возстали почти всѣ эксперты, а кн. Чавчавадзе возражалъ противъ проектируемаго передѣла, какъ невозможнаго и неисполнимаго требованія, „одно изъ двухъ, писалъ онъ, или все, чѣмъ владѣетъ и пользуется нынѣ крестьянинъ, нужно оставить за нимъ, за извѣстныя повинности, или все, отобравъ, возвратить помѣщику, а крестьянину указать на Божій міръ,“ центральный комитетъ, выслушавъ заявленія экспертовъ, измѣнилъ нѣсколько редакцію, въ томъ смыслѣ, что, если существующее со стороны крестьянъ владѣніе зем-

лей измѣнится, вслѣдствіе отрѣзки помѣщикомъ земель, то въ вознагражденіе крестьянамъ производится между крестьянами передѣлъ остающейся земли по приговору крестьянскаго общества, т. е. ст. подверглась чисто редакціонной обработкѣ, не будучи измѣненной по существу, и это измѣненіе нисколько не удовлетворяло крестьянскихъ интересовъ.

7). *Объ отводѣ надѣла.*

Первоначальный отводъ надѣла производится по „взаимному добровольному соглашенію помѣщика и крестьянина“; на первоначальное утвержденіе надѣла назначается двухъ-годичный срокъ и въ порядкѣ, установленномъ правилами о приведеніи въ дѣйствіе Положенія 19 ф. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ будетъ требовать отрѣзку отъ крестьянскихъ угодій земель, которыя превосходятъ высшій установленный размѣръ, крестьянину предоставляется избирать причитающійся ему размѣръ преимущественно къ одному мѣсту. Первоначальное предположеніе комитета было нѣсколько иное, именно говорилось объ отрѣзкѣ изъ тѣхъ земель, которыхъ не пожелали бы оставить за собой крестьяне въ счетъ причитающагося надѣла. Въ случаѣ заявленія помѣщика объ обращеніи въ непосредственное его пользованіе половины общаго количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, принадлежащихъ ему въ томъ селеніи, гдѣ находятся крестьяне, предоставляется право самому помѣщику раздѣлить такія земли на двѣ равныя половины, крестьяне же могутъ пользоваться правомъ выбора одной изъ нихъ, наконецъ, „отъ воли помѣщика зависитъ предоставить право раздѣла крестьянамъ на двѣ равныя половины, а себѣ право выбора“; при раздѣлѣ по требованію помѣщика, таковому подлежатъ земли подвергшіяся распашкѣ или сѣнокошенію, этотъ раздѣлъ общаго количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, принадлежащихъ въ томъ селеніи помѣщику „производится по требованію помѣщика и въ томъ случаѣ, когда въ пользованіи крестьянъ находятся лучшія и удобнѣйшія въ хозяйственномъ отношеніи, земли“. Эта послѣдняя статья возникла лишь впослѣдствіи и ея не было въ первоначальной редакціи, и возникла она, конечно, не безъ сильнаго вліянія экспертовъ дворянъ.

Въ окончательной редакціи были опущены весьма серьезныя положенія предварительнаго проекта мѣстнаго положенія, а именно пашни и сѣнокосы, подлежащія отрѣзкѣ отъ крестьянскаго надѣла „во уваженіе труда крестьянъ", оставляются въ безвозмездномъ пользованіи въ теченіе 3-хъ лѣтъ со дня утвержденія положенія; въ случаѣ, если помѣщикъ признаетъ неудобнымъ оставить эти угодія въ крестьянскомъ пользованіи на этотъ срокъ, онъ можетъ обратить ихъ въ свое распоряженіе, но съ условіемъ вознагражденія крестьянъ соразмѣрнымъ за это участкомъ земли, опредѣляемымъ по взаимному соглашенію, а эти отводимыя взамѣнъ прежнихъ угодія должны примыкать къ крестьянскимъ надѣламъ „по возможности" „не въ дальнемъ отъ селенія разстояніи", но эта статья въ окончательномъ проектѣ была опущена, какъ мало согласная съ предложеніемъ дворянъ, эту точку зрѣнія лучше всего выразилъ Ив. Багратіонъ-Мухранскій, который не понималъ „во уваженіе какого труда требуется оставленіе въ безвозмездное пользованіе ихъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ" и настаивалъ на пропускѣ этой статьи.

8). *Разграниченіе и разверстаніе угодій.*

Разграниченіе угодій производится по полюбовному соглашенію между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Обязательное разграниченіе угодій съ крестьянскими въ размежеванныхъ имѣніяхъ Тифлисской губ. производится примѣнительно къ 65, 70 и 73 ст. Мѣстнаго положенія для губ. Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ. По истеченіи двухлѣтняго срока, назначеннаго на первоначальное утвержденіе проекта, помѣщикъ можетъ требовать обязательнаго для крестьянъ разграниченія господскихъ угодій съ крестьянскими; крестьянамъ поэтому не предоставлялось право требовать разграниченія земель своего надѣла отъ господскихъ угодій. Въ проектѣ окончательной редакціи оказалась опущенной существенная по смыслу статья о томъ, что въ случаяхъ, когда разграниченіе угодій производится по требованію помѣщика, всѣ расходы относятся на счетъ помѣщика, какъ главнаго виновника разграниченія, но съ опущеніемъ этой статьи, осталась неясность, неопредѣленность по вопросу о расходахъ. Правда, расхо-

ды возложены на помѣщика, но объ этомъ очень глухо сказано въ прим. къ ст. 45.

Тѣ же крестьяне, участки которыхъ при разграниченіи поступятъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика, надѣляются по приговору крестьянскаго общества, изъ земель вновь поступившихъ въ пользованіе общества, новыми участками, по возможности соотвѣтствующими прежнимъ. Если же въ имѣніи, состоящемъ въ чрезполосности съ сосѣдями, будетъ произведено размежеваніе съ сосѣдними владѣльцами и крестьяне изъявятъ согласіе на размѣнъ своихъ участковъ для уничтоженія чрезполосности, то крестьяне, участки которыхъ будутъ отмежеваны другимъ владѣльцамъ, получаютъ по приговору крестьянскаго общества новые, по возможности соотвѣтственные старымъ отходящимъ отъ нихъ участкамъ. Всѣ эти предположенія, какъ нельзя болѣе, удовлетворяли стремленіямъ помѣщиковъ въ сохраненіи возможно болѣе сильнаго и первенствующаго положенія.

Принципіальнымъ противникомъ предположеній проекта оказался кн. Чавчавадзе. Онъ возсталъ противъ обязательной замѣны крестьянскихъ усадебъ, находя, что подобное рѣшеніе можетъ вызвать волненіе среди народа, „это самый страшный и произвольный законъ“, въ силу котораго нельзя добиться отъ крестьянъ уступки сада, онъ скорѣе съ жизнью разстанется, нежели съ садомъ, въ которомъ похоронилъ свое достояніе, свое время; „удивительный способъ, восклицаетъ онъ, обезпеченія интересовъ сословій, между которыми насильно возбуждается непримиримая вражда и ненависть“, поэтому „не долженъ быть допущенъ обязательный замѣнъ другими угодіями“ садовъ, иначе произойдетъ страшное волненіе; недопустимо, чтобы надѣлы производились по приговору сельскаго общества, когда въ губерніи нѣтъ понятія объ общинномъ устройствѣ: „нельзя навязывать народу устройство такого порядка, котораго не допускаетъ народное сознаніе и то еще вопросъ, хорошъ ли навязанный порядокъ или тотъ, который уже выработанъ народной жизнью“,

9). *Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ.*

Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ производится по

добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и помѣщику предоставляется право требовать перенесенія безъ согласія крестьянина въ тѣхъ случаяхъ, 1) если крестьянское усадебное строеніе находится ближе 30 с., а овины, кузницы и другія огнемъ дѣйствующія заведенія ближе 50 с. отъ помѣщичьихъ строеній, возведенныхъ до обнародованія Положенія; 2) если внѣ черты селенія или поселка, посреди господскихъ земель, находится крестьянская усадьба, къ которой пріуроченъ крестьянскій надѣлъ, и наконецъ, 3) если, для разграниченія помѣщичьихъ полевыхъ угодій съ крестьянскими, понадобится перенесеніе нѣсколькихъ или всѣхъ усадебъ селенія.

Въ связи съ перенесеніемъ крестьянскихъ усадебъ поставленъ былъ и другой вопросъ, объ обмѣнѣ участками; отведенными въ постоянное пользованіе крестьянина по уставной грамотѣ, на земли, состоящія въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика. Самыя страстныя и энергичныя возраженія встрѣтили статьи проекта объ обязательномъ отобраніи виноградниковъ. „Это самое страшное, говоритъ кн. Чавчавадзе, и ничѣмъ не оправданное право“, подъ видомъ расширенія и устройства усадьбы помѣщикъ будетъ постоянно тревожить крестьянъ и этого допустить нельзя въ отношеніи виноградныхъ садовъ, для устройства которыхъ затраченъ трудъ, использована земля, „не имѣющая той цѣнности и достоинства, какую вообще имѣютъ трудъ и капиталъ“. „Дайте надежду жить безмятежно (т. е. не принуждайте къ обязательному переселенію), безъ тревогъ, безъ насилія. Безъ такой надежды нѣтъ ему счастья, нѣтъ стремленія къ улучшенію своего быта и своего хозяйства, все для него и вся жизнь его вѣчно будетъ зависѣть отъ случайностей, отъ прихотей, отъ произвола тѣхъ, съ которыми вы связали на вѣчныя времена обязательными условіями, не обѣщающими ничего хорошаго, кромѣ шаткаго и неестественнаго положенія бѣднаго крестьянина“, судьба котораго и послѣ освобожденія изъ „рабства остается въ рукахъ тѣхъ, которые держали его на привязи цѣлые вѣка на цѣпяхъ крѣпостного состоянія“; обязательное разграниченіе угодій, дозволено, но не ранѣе окончательнаго размежеванія края, но это положеніе встрѣтило противодѣйствіе со сто-

роны дворянскихъ экспертовъ, и въ лицѣ кн. Бебутова заявлено было, что такъ какъ совмѣстное размежеваніе далеко, то полезнымъ признаютъ предоставленіе помѣщикамъ права требовать обязательнаго разграниченія и ранѣе, при участіи самихъ крестьянъ въ расходахъ по межеванію. Разграниченіе угодій можетъ обнимать или весь крестьянскій надѣлъ, или часть его, смотря по тому часть или весь надѣлъ въ общемъ или чрезполосномъ владѣніи помѣщика съ крестьянами. Требованіе о разграниченіи выгонныхъ мѣстъ, состоящихъ въ общемъ пользованіи съ крестьянами, могло быть заявлено помѣщикомъ послѣ окончательнаго размежеванія имѣнія: при разграниченіи должно быть соблюдаемо общее правило, что, взамѣнъ отходящихъ земель, крестьянамъ отводятся смежные съ ихъ угодіями участки, равняющіеся по возможности по достоинству отходящимъ Обязательное требованіе разграниченія угодій оказалось правомъ слишкомъ одностороннимъ, въ пользу помѣщика, и несомнѣнно страдали интересы крестьянина; на защиту этихъ интересовъ сталъ членъ Закавказскаго центральнаго комитета т. с. Фадѣевъ; онъ полагалъ, что положеніе, по которому крестьяне не имѣютъ права требовать разграниченія своихъ земель отъ господскихъ угодій, можетъ водить крестьянъ до разстройства, поэтому „нѣтъ надобности отнимать у крестьянъ права доводить подобное обстоятельство до свѣдѣнія начальства, просить о разслѣдованіи или о посредничествѣ“, кн. Чавчавадзе настаивалъ, что разграниченіе угодій должно быть повсемѣстное, и оно должно означать, что остается у помѣщиковъ и что составляетъ крестьянскій надѣлъ, и вообще чѣмъ одна сторона обязывается въ пользу другой, такъ какъ задача реформы „наилучшимъ образомъ обезпечить оба сословія, а обезпеченіе можетъ быть только тогда, когда обѣ стороны имѣютъ независимое право располагать своими долями доставшихся имъ имуществъ“, этого и не видѣлъ кн. Чавчавадзе во всей реформѣ сначала, не видѣлъ стремленія къ этому и въ предлагаемыхъ системахъ разграниченія и разверстанія угодій.

Но вопросъ объ обязательномъ разграниченіи въ одинаковой степени касался, какъ обыкновенныхъ угодій, такъ равно и виноградныхъ садовъ, что не представляло легко

разрѣшимую задачу. Обязательное разграниченіе крестьянскихъ виноградниковъ, т. е. вѣрнѣе обращеніе крестьянскаго виноградника въ пользу помѣщика допускается лишь въ случаяхъ крайней необходимости, удостовѣренной Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по представленію мирового посредника, хотя опредѣлено не обозначается, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ крайней необходимостью, а безъ этого допустимы были всевозможныя толкованія и стѣсненія интересовъ крестьянскихъ. Если необходимость оказалась бы признанной, то крестьянскіе сады, по предварительному проекту, замѣняются другою землей, но прежніе сады не немедленно переходили въ руки помѣщиковъ: а сохранялись въ безвозмездномъ пользованіи крестьянъ въ теченіе 9 л., со времени утвержденія обязательнаго разверстанія угодій. Для разведенія новыхъ садовъ крестьянамъ отводится новая земля, удобная подъ садъ въ томъ же количествѣ, какое было занято отходящими садами и вмѣстѣ съ этимъ крестьянамъ дается необходимое количество виноградныхъ корней или лозъ изъ старыхъ виноградныхъ садовъ и сверхъ этого помѣщикъ вознаграждаетъ крестьянъ по оцѣнкѣ за всѣ сопряженные съ замѣной убытки. Но эта вполнѣ благожелательная статья, до нѣкоторой степени смягчающая необходимость замѣны крестьянскихъ виноградниковъ, была видоизмѣнена другой статьей, въ которой уженѣтъ этой благожелательной точки зрѣнія и естественные интересы крестьянъ принесены въ жертву помѣщикамъ т. е. въ окончательномъ проектѣ было опущено существенное дополненіе, относительно права пользованія старымъ садомъ безвозмездно въ теченіе 9 лѣтъ; теперь взамѣнъ этого вносится положеніе, что помѣщикъ „обязывается дать крестьянину другой садъ, который бы служилъ полнымъ вознагражденіемъ за отошедшій отъ него садъ“, при чемъ не указано насколько это вознагражденіе могло быть согласно съ интересами крестьянина. Равно исчезла въ окончательной редакціи ст., по которой обмѣнъ можетъ состояться по полюбовному соглашенію; но и помимо этого помѣщику предоставляется право „во всякое время“ для приведенія въ ясное исполненіе хозяйственнаго распоряженія требовать обмѣна необходимыхъ ему участковъ. Признавая цѣлесообразнымъ пе-

реводъ крестьянъ, и соглашаясь по этому вопросу съ центральнымъ комитетомъ, одинъ изъ экспертовъ, кн. Гр. Дм. Орбеліани, высказался, что было бы желательно предоставить помѣщикамъ право переводить крестьянъ съ ихъ хозяйствомъ въ другія помѣщичьи селенія, если они будутъ находиться въ смежности и не далѣе 10 в. отъ прежнихъ поселеній, другое частичное указаніе было сдѣлано кн. И. Багратіономъ-Мухранскимъ относительно того, что по тѣснотѣ въ грузинскихъ селахъ проективанное разстояніе въ 30 с., не можетъ быть принято за основаніе, слѣдовательно предпочтильнымъ признается предоставленіе разрѣшеніе этого вопроса мировымъ учрежденіямъ. Болѣе опредѣленно посмотрѣлъ на предложеніе кн. Чавчавадзе, который находилъ въ статьяхъ проекта источники споровъ и неудовольствій. Онъ не находитъ никакихъ поводовъ къ тому, чтобы можно было поднимать народъ съ насиженныхъ мѣстъ и переводить на новыя. Не признавая цѣлесообразнымъ подобныхъ мѣропріятій, онъ считаетъ ихъ опасными и для правительства, интересы котораго въ томъ, чтобы обезпечить край отъ неурядицъ и грабежей, могущихъ произойти отъ всякаго принудительнаго перевода крестьянъ съ мѣста своего жительства.

10) *О пользованіи землей и другими угодіями.*

Въ крестьянскомъ пользованіи сохраняются, за установленныя повинности по уставнымъ грамотамъ, земли. Подымные участки крестьянскаго надѣла остаются въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, безъ вмѣшательства помѣщика или общества въ распоряженіе ими, и переходятъ они по наслѣдству по существующимъ правиламъ. Пренія вызвала статья о томъ, что право постояннаго пользованія усадебными и полевыми участками, состоящими въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, можетъ быть передаваемо съ вѣдома помѣщика каждому крестьянину того же общества. Въ случаѣ сомнительной состоятельности лица, которому передается участокъ, помѣщикъ можетъ пріостановить передачу, подать жалобу мировому посреднику. Если за крестьянина, которому передается участокъ, недоимокъ не числится и онъ внесетъ повинности за годъ

впередъ, то устранить такого крестьянина отъ пріема участка нельзя. Сады и промышленныя заведенія всякаго рода могутъ быть передаваемы и другимъ лицамъ всякаго званія. Дворянскій экспертъ кн. Г. Макаевъ настаивалъ только, чтобы при передачѣ крестьянами усадьбы всей или части въ постороннія руки, по какимъ бы то ни было актамъ, за помѣщикомъ сохранялось преимущество предъ другими т. е. оставлять - таковыя на общемъ основаніи за собой; но въ признаніи за крестьянами права передачи, хотя бы съ вѣдома и согласія помѣщика, нѣкоторые изъ экспертовъ видѣли большую опасность и колебаніе принципа собственности, а именно: І. Циціановъ, Д. Абашидзе, И. Циціановъ доказывали, что право передачи садовъ и мельницъ постороннимъ, предоставленное крестьянамъ, можетъ породить представленіе, „будто бы за крестьяниномъ признано и *право собственности* надъ садомъ и землею подъ ними". Въ теченіе 5 лѣтъ крестьянинъ получитъ достаточно выгодъ, а потому передача мельницъ и садовъ должна быть произведена крестьянамъ того же общества для обезпеченія ихъ быта, а раздробленіе имѣнія можетъ имѣть гибельное вліяніе; при условіи, если никто изъ крестьянъ не возьметъ сада или мельницы, то таковые возвращаются помѣщику съ вознагражденіемъ крестьянъ по добровольному соглашенію. Закавказскій комитетъ не сочувствовалъ вообще всѣмъ этимъ домогательствомъ, но тѣмъ не менѣе въ прим. 2 къ ст. 82 принялъ положеніе, котораго не было въ первоначальномъ проектѣ, что помѣщикъ сохраняетъ на сады, а также на торгово-промышленныя предпріятія право выкупа по цѣнамъ, по которымъ эти имущества отчуждены, только не достаточно ясно указано что это преимущественное право помѣщика.

Въ правѣ распоряженія землей проектъ Закавказскаго комитета вноситъ значительныя ограниченія для крестьянъ. Во-первыхъ, крестьянамъ не дозволяется въ предѣлахъ одного сельскаго общества содержать изъ крестьянскаго надѣла болѣе того количества земли, который бы равнялся тремъ высшимъ размѣрамъ подымныхъ полевыхъ участковъ; во-вторыхъ, при переходѣ подымныхъ полевыхъ участковъ, а равно и садовъ, таковые могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть полевого участка была

не менѣе $^1/_2$ установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра коренного участка, а въ отношеніи виноградnаго сада, чтобы каждая часть его не была менѣе $^1/_2$ дневнаго паханія, наконецъ, безъ согласія помѣщика крестьяне не могутъ утилизировать участковъ, находящихся во всеобщемъ пользованіи. Эти ничемъ не оправдываемыя ограниченія и стѣсненія права свободнаго распоряженія, конечно, не могли вызвать возраженій со стороны экспертовъ дворянъ; правда, они были продиктованы желаніемъ какъ бы предупредить обѣднѣніе крестьянской массы, но это одна видимая причина, на самомъ дѣлѣ, здѣсь нужно усматривать, съ одной стороны, стремленіе сохранить власть и вліяніе помѣщика на крестьянина и далѣе, а съ другой, это обезпеченіе интересовъ помѣщичьихъ, въ отношеніи сохраненія исправности въ отбываніи повинностей крестьянами. Эта опека идетъ дальше и въ окончательный проектъ вносятся очень любопытныя статьи, которыя, правда, едва ли могли имѣть практическое значеніе, но цѣнныя, какъ выраженіе помѣщичьихъ интересовъ. Каждый крестьянинъ обязывается въ предоставленномъ надѣлѣ засѣвать опредѣленную площадь его, но не менѣе $^1/_2$, разнаго рода хлѣбомъ и другими растеніями; за оставленіе въ необработанномъ видѣ соотвѣтствующихъ частей земли умышленно или по нерадѣнію, помѣщикъ можетъ требовать вознагражденія за убытки. Особенно любопытной является ст., которая предписываетъ крестьянину пользоваться надѣльнымъ садомъ, какъ это дѣлаетъ „добрый хозяинъ“, Въ тѣхъ же случаяхъ, когда особыхъ пожертвованій со стороны помѣщика не требуется, проектъ позволяетъ крестьянамъ на земляхъ постояннаго пользованія, кромѣ выгонныхъ мѣстъ и пастбищъ, безпрепятственное добываніе песка, глины, простого камня, конечно, для собственныхъ потребностей, наравнѣ съ этимъ допускается безпрепятственное употребленіе воды для домашнихъ, хозяйственныхъ, даже промышленныхъ надобностей въ предѣлахъ надѣла.

Но предоставленіе этихъ правъ не разрѣшало многихъ очень существенныхъ хозяйственныхъ статей. Это были вопросы, связанные съ правомъ на рыбныя ловли, охоту. Комитетъ признаетъ, что это право принадлежитъ иск-

лючительно помѣщику, но противъ этого права дѣлается существенное отступленіе для тѣхъ мѣстностей, гдѣ пользованіе ими составляло одну изъ главныхъ статей существованія, рѣчь эта касается рыбныхъ ловель, и оставляются онѣ за крестьянами на условіяхъ, опредѣленныхъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; повинности же за пользованіе этими статьями „должны быть соразмѣрены со средствами крестьянъ и выгодами, коими они пользуются и отнюдь не должны превышать существующихъ повинностей". На крестьянскихъ земляхъ крестьянамъ не возбраняется охота на хищныхъ и вредныхъ для хозяйства птицъ и звѣрей.

Въ этихъ статьяхъ много неяснаго и неопредѣленнаго, особенно въ статьѣ о правѣ пользованіи водой, водопоями. Это были вопросы слишкомъ важные въ практическомъ отношеніи, поэтому необходима была регламентація болѣе опредѣленная и подробная, чѣмъ это сдѣлано въ проектѣ Мѣстнаго Положенія. Между тѣмъ на этотъ предметъ были выработаны обычаемъ весьма опредѣленныя указанія и комитетъ самъ не пытался начертать ясныхъ точныхъ основаній пользованія названными статьями, согласовавъ ихъ съ существующими обычными нормами. На эту необходимость справедливо указываетъ кн. Чавчавадзе, по его мнѣнію, слѣдовало бы собрать и изложить въ порядкѣ всѣ эти обычаи и внести въ законоположенія. Ограниченія права охоты и всѣ предшествующія статьи, какъ противорѣчащія обычному праву, находятъ рѣзкія возраженія со стороны того же кн. Чавчавадзе, „всѣ обязанности налагаются, говоритъ онъ, на крестьянъ, которые, по настоящему положенію болѣе обременяются, чѣмъ при старомъ порядкѣ", и эти правила вызовутъ „не только смѣхъ, но и странное недоумѣніе со стороны крестьянъ. Они не поймутъ, какъ, пользуясь землею и другими угодіями, лишены права на охоту, когда всегда пользовались, не только на этихъ, но и на другихъ, входящихъ въ составъ другого селенія", нельзя отнимать права на рыбную ловлю, вообще „не уменьшать, а увеличивать стѣсненныя крѣпостнымъ рабствомъ права крестьянина обязано новое положеніе".

11) *Объ обязательности пользованія и прекращенія онаго.*

Въ теченіи первыхъ 9 лѣтъ со времени утвержденія положенія каждый домохозяинъ обязывается держать за опредѣленныя повинности отведенныя усадьбы и полевой надѣлъ или отказаться отъ нихъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій. Оставленіе въ пользованіи садовъ не обязательно для крестьянъ, но въ случаѣ отказа крестьянина отъ сада, когда садъ находится въ такой связи съ усадьбой, что отдѣленіе отъ нея окажется неудобнымъ по хозяйственнымъ условіямъ, помѣщикъ можетъ перенести усадьбу крестьянина на другое мѣсто, болѣе удобное въ чертѣ того же селенія.

Крестьянину не возбраняется по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ пріобрѣтать изъ состоящаго за нимъ надѣла участокъ земли, заключающій въ себѣ, независимо отъ усадьбы и полевую землю, не менѣе $^1/_2$ коренного участка, и тогда отказаться отъ пользованія остальной частью надѣла; если крестьянинъ пріобрѣтетъ въ собственность участокъ означеннаго размѣра, хотя не изъ своего надѣла, но въ разстояніи отъ мѣста водворенія своего общества не далѣе 15 в., можетъ, не выходя изъ общества отказаться отъ пользованія надѣломъ. Равно во всякое время можетъ отказаться крестьянинъ отъ пользованія добавочнымъ участкомъ. Крестьянинъ, отказавшійся отъ коренного или добавочнаго участка долженъ передать его въ распоряженіе помѣщика, а помѣщику въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность пополнить такими участками не достающіе у другихъ крестьянъ участки до $^1/_2$ коренного надѣла. По добровольнымъ соглашеніямъ помѣщика съ крестьянами, предоставляемый имъ надѣлъ, если таковой не менѣе коренного участка, а по предположенію первоначальнаго проекта, если онъ не менѣе $^1/_2$ высшаго подымнаго надѣла, установленнаго для данной мѣстности, можетъ быть уменьшенъ до этого предѣла, но общество уже этимъ навсегда отказывается отъ обязательнаго пользованія остальною частью. А такое измѣненіе надѣла можетъ быть произведено лишь по постановленію общества или съ согласія тѣхъ крестьянъ, въ пользованіи которыхъ состоятъ участки, поступающіе въ непосредственное пользованіе помѣщика. По добро-

вольному соглашенію съ помѣщикомъ общество можетъ, по пріобрѣтеніи въ собственность части надѣла, отказаться отъ пользованія другой частью его, при непремѣнномъ, однако, условіи, чтобы въ собственность общества поступала на каждый дымъ не менѣе одной трети высшаго размѣра подымнаго полевого надѣла. Эти статьи въ общемъ утверждаютъ непремѣнное право помѣщика на землю и пытаются болѣе отстоять землю и сохранить ее въ помѣщичьихъ рукахъ и до нѣкоторой степени напоминаютъ точку зрѣнія сторонниковъ дарственныхъ или нищенскихъ надѣловъ; т. е. узаконяется явно недостаточное крестьянское надѣленіе, и помѣщики не возражали противъ нихъ, по той простой и естественной причинѣ, что недостаточные надѣлы, не могущіе обезпечить крестьянъ, создавали для послѣднихъ жизненную потребность искать землю у тѣхъ же землевладѣльцевъ и экономическая зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ оставалось почти незыблемой.

Не возражая по существу, эксперты только вносили поправки въ проектируемыя предположенія. А. Бебутовъ исходилъ изъ того соображенія, что необходимо выработать общее правило, которое бы не стѣсняло помѣщиковъ при переселеніи временно-обязанныхъ крестьянъ, это правило выдвигалось, какъ необходимое для болѣе правильнаго распредѣленія неравномѣрно размежеванныхъ группъ сельскаго населенія; не видно изъ предложенія, поскольку вообще было достижимо такое распредѣленіе, а равно, какимъ ближайшимъ практическимъ цѣлямъ оно должно было служить. Къ тому же распредѣленіе населенія явилось, какъ слѣдствіе естественныхъ условій. Что же касается болѣе существеннаго вопроса о 9 лѣтнемъ срокѣ обязательныхъ отношеній, то онъ не вызывалъ никакихъ споровъ и замѣчаній, только кн. Чавчавадзе указалъ на истинную сущность этого положенія. По его мнѣнію, крестьянинъ, получившій личную свободу, долженъ имѣть право настолько, чтобы располагать ею самостоятельно, а эта свобода должна фактически давать ему возможность обязываться предъ помѣщикомъ или отказываться отъ обязательныхъ отношеній къ нему, и онъ не видитъ возможности сочетанія свободы съ зависимостью въ распоряженіи цѣлой или частью надѣла и

не можетъ уяснить себѣ основанія, которое имѣетъ 9 лѣтній срокъ обязательнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ помѣщика.

Точку зрѣнія кн. Чавчавадзе поддержалъ кн. Ив. Багратіонъ-Мухранскій, онъ также противъ 9 лѣтняго срока установленія обязанныхъ отношеній, онъ въ своихъ возраженіяхъ опирается на нравственныя основанія, доказывая исключительную преданность грузина семейному очагу, который не будетъ оставленъ крестьяниномъ, пока не выгонятъ его. „Помѣщики, заключаетъ онъ, уважая трудъ крестьянина и давая ему землю для производства своего труда настолько, насколько можетъ принести въ жертву свое достояніе", не долженъ стѣснять свободу крестьянина „въ виду предполагаемаго улучшенія быта ихъ".

12) *Отказъ отъ земли по прошествіи 9 л.*

По прошествіи 9 лѣтъ крестьянинъ, желающій перейти въ другое сословіе или общество, можетъ отказаться отъ пользованія всѣмъ предоставленнымъ надѣломъ, но это онъ можетъ сдѣлать и не выходя изъ общества; по прошествіи этихъ 9 л. каждый крестьянинъ, который пріобрѣтетъ въ собственность усадебную осѣдлость, можетъ отказаться отъ пользованія всѣми остальными угодіями, не теряя права-собственности на усадьбу; но крестьянинъ не выкупившій еще усадьбы, не имѣетъ права отказаться отъ полевыхъ угодій; редакція статьи очень неясная и смутная вызвала на поляхъ проекта замѣчаніе неизвѣстнаго члена, повидимому, посколько можно дѣлать заключенія по почерку, М. Б. Туманова: „а онъ обязанъ ли выкупить свою усадьбу"? вопросъ не праздный, а существенно важнаго содержанія и значенія; поэтому той же рукой сдѣлана отмѣтка о необходимости переработки статьи, что и было выполнено.

13) *О сдачѣ крестьянамъ упраздненныхъ участковъ.*

Въ предварительномъ проектѣ положенія было еще одно отдѣленіе, въ которомъ спеціально говорилось о сдачѣ крестьянамъ упразднившихся участковъ, т. е. тѣхъ участковъ, отъ которыхъ откажутся крестьяне и поступятъ въ распоряженіе сельскихъ обществъ; такіе участки, по предварительному

предположенію, общества должны были сдавать въ наслѣдственное пользованіе надежнымъ крестьянамъ, но общество должно было оказывать преимущественное предпочтеніе не надѣленнымъ крестьянамъ. Выборъ соискателей предоставляется приговору сельскаго общества и заявляется помѣщику объ этомъ, но послѣднему, какъ заключительной инстанціи, предоставлено право, въ случаѣ сомнѣнія въ состоятельности соискателя, пріостанавливать приговоръ, и заявлять мировому посреднику, который, можетъ утвердить или устранить соискателя, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ „предоставляетъ самому помѣщику сдать упразднившійся участокъ отъ себя кому либо изъ членовъ сельскаго общества“.

Помѣщики эксперты просили устранить эту формальность и вмѣсто этого прямо предоставить помѣщикамъ право упразднившіеся участки сдавать кому либо по личному усмотрѣнію, т. е. при удобномъ случаѣ и никому не сдавать. Указаніе на личное усмотрѣніе—очень тонкій пріемъ, помѣщики, конечно, ничего не говорятъ о передачѣ такихъ упразднившихся участковъ крестьянскимъ обществамъ, но оговорка, чтобы передача упразднившихся участковъ происходила по личному усмотрѣнію, безъ участія правительственныхъ агентовъ, открывала помѣщикамъ свободный просторъ дѣйствій Повидимому, это соображеніе возымѣло силу и въ окончательномъ проектѣ требованіе комитета совершенно исчезло. При отсутствіи желающихъ принять такіе участки, они, по приговору общества же, поступаютъ въ распоряженіе помѣщика. Общество распоряжается не только цѣлыми, но и добавочными участками, которые могутъ быть разбиваемы и сдаваемы по частямъ, могутъ быть составляемы коренные участки, которые поступаютъ въ потомственное пользованіе ненадѣленныхъ крестьянъ или вновь образующихся дымовъ.

14) *О возвращеніи крестьянскихъ надѣловъ помѣщику.*

Полевой надѣлъ, предоставленный крестьянамъ, отчисляется „отъ крестьянъ навсегда и присоединяется немедленно и окончателено“ „къ господскимъ угодіямъ“, если 1) крестьяне или общество откажутся отъ части надѣла, 2) если изъ помѣщичьяго селенія будетъ образованъ посадъ

или мѣстечко и крестьяне, приписанные къ селенію съ согласія помѣщика и собственнаго, будутъ причислены къ городскому сословію.

Окончательно присоединяются къ господскимъ землямъ: упразднившіеся участки по прошествіи первыхъ 9 лѣтъ, когда изъ остающагося за этимъ общаго количества крестьянскаго полевого надѣла будетъ причитаться на дымъ не менѣе $^1/_2$ коренного участка: полевые участки, упразднившіеся въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ, когда за вычетомъ упразднившихся участковъ изъ общаго количества полевого надѣла, будетъ на долю дыма причитаться менѣе $^1/_2$ коренного надѣла, а также упразднившіеся усадебные участки, состоящіе изъ жилыхъ хозяйственныхъ строеній; во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ упразднившіеся участки причисляются къ помѣщичьимъ владѣніямъ, если нѣтъ никого изъ числа членовъ крестьянскаго общества, которые бы взяли ихъ въ постоянное пользованіе за установленныя повинности.

15) *Объ изъятіяхъ для мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ отношеніи надѣла и пользованія крестьянъ землею и другими угодіями.*

Въ особый отдѣлъ центральнымъ комитетомъ было выдѣлено сужденіе о мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, которыхъ въ Тифлисской губ. было не мало. Прежде всего слѣдовало разрѣшить вопросъ о томъ, кого изъ помѣщиковъ признавать мелкопомѣстнымъ; таковымъ былъ признанъ тотъ, у котораго принадлежащей земли удобной разныхъ категорій, т. е. пахатныхъ, сѣнокосныхъ, выгонныхъ, пастбищъ въ населенномъ его имѣніи, въ одномъ или въ нѣсколькихъ селеніяхъ, оказалось бы менѣе 120 дневнаго паханія. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда должны были происходить отрѣзки земли отъ крестьянскаго надѣла въ пользу помѣщика, мелкопомѣстный имѣлъ право оставить въ своемъ распоряженіи не менѣе 60-дневнаго паханія, изъ совокупности всѣхъ принадлежащихъ ему земель, пахатныхъ и сѣнокосныхъ, хотя бы это количество превышало, причитающуюся ему по 6 ст. $^1/_2$ земель, остающихся за отводомъ крестьянамъ. Кромѣ этого помѣщику предоставляется право обратить въ свое непосредственное владѣніе усадьбу и садъ

одного изъ дымовъ крестьянъ по своему усмотрѣнію. Тотъ изъ владѣльцевъ, у котораго всей земли въ населенномъ имѣніи не болѣе 60-дневнаго паханія, освобождается отъ обязанности предоставленія крестьянамъ полевого надѣла. Если населенныя имѣнія мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ состоятъ въ разныхъ селеніяхъ, то помѣщику предоставляется въ непосредственное распоряженіе принадлежащая ему земля, не болѣе 60 дней паханія, съ крестьянскими усадьбами и садами, въ одномъ изъ селеній, по усмотрѣнію, въ остальныхъ имѣніяхъ онъ подчиняется общимъ правиламъ Положенія. Но такъ какъ съ этими операціями сопряжены были значительныя потери для крестьянъ, то возможность ихъ вознагражденія землями, принадлежащими казнѣ или церковному вѣдомству, не исключалась. Намѣстнику предоставляется, гдѣ онъ признаетъ возможнымъ, освободить мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ отъ обязанности надѣленія крестьянъ полевой землей, но за то изъ правительственнаго фонда должны надѣлять крестьянъ землей въ пропорціи, въ какой вообще вознаграждаются крестьяне въ этихъ вѣдомствахъ.

За отобранные сады и угодія крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ получаютъ вознагражденіе, но, до уплаты помѣщикомъ сполна оцѣночной суммы, крестьяне остаются при пользованіи своей усадебной осѣдлостью и садами, съ платой повинности, причитающейся за нихъ.

Предварительный проектъ постановилъ, что, по желанію мелкопомѣстнаго владѣльца, крестьяне водворенные на его землѣ, могутъ быть обращены въ государственныхъ поселянъ съ тѣмъ количествомъ полевого надѣла, которое у нихъ находится, равно съ усадебной осѣдлостью и садомъ; за имѣнія на этомъ основаніи обращенныя въ вѣдомство государственныхъ имуществъ мелкопомѣстный помѣщикъ получаетъ изъ казны вознагражденіе, равное годовому оброку, который причитался бы съ крестьянъ за предоставленный надѣлъ; но могло случиться, что состоящій у крестьянъ полевой надѣлъ превышалъ бы высшій установленный размѣръ надѣла, тогда пріобрѣтеніе въ казну состоящей при мелкопомѣстномъ имѣніи земли, сверхъ этого размѣра, не иначе должно было совершиться, какъ по усмотрѣнію на-

мѣстника и по особому соглашенію съ владѣльцемъ земли, относительно цѣны земли; а крестьяне мелкопомѣстнаго владѣнія обращенные въ казенное вѣдомство причисляются къ сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ и облагаются податными и другими сборами, наравнѣ съ прочими государственными крестьянами.

16) *О повинностяхъ крестьянъ въ пользу владѣльцевъ земли.*

Вопросъ о повинностяхъ крестьянскихъ являлся однимъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ, около котораго происходили большіе споры и столкновенія интересовъ. Проектъ опредѣлилъ, что повинности временно-обязанныхъ крестьянъ за земли отведенныя имъ въ пользованіе опредѣляются „по добровольному между помѣщикомъ и крестьянами соглашенію“, въ томъ размѣрѣ, „какъ сими соглашеніями будетъ постановлено съ тѣми лишь условіями, чтобы, заключаемыя между помѣщикомъ и крестьянами сдѣлки, не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставленныхъ крестьянамъ по общему Положенію“. Повинности крестьяне уплачиваютъ „земельными произведеніями“, до обращенія ихъ въ поземельный оброкъ, или денежнымъ оброкомъ, какъ прибавлено въ окончательномъ проектѣ, замѣна повинностей земными произведеніями денежнымъ оброкомъ происходитъ по соглашенію, точно также и замѣна ихъ издѣльной повинностью (бегары), но въ послѣднемъ случаѣ эти соглашенія заключаются не болѣе, какъ на 3 года, съ правомъ возобновлять ихъ на тотъ же срокъ, и они свидѣтельствуются мировыми посредниками. Не причисляются къ повинностямъ: плата и повинности за топливо и лѣсные матеріалы, тамъ гдѣ крестьяне будутъ получать топливо отъ помѣщика (см. ст. 32-33), плата и повинности съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель и др. оброчныхъ статей, если за эти статьи и производилась, особая плата обществомъ или отдѣльными крестьянами независимо отъ общихъ повинностей, если статьи, за которыя производилась эта плата не входила въ составъ крестьянскаго надѣла; установленныя повинности освобождаютъ крестьянъ: отъ 1) дани или приношенія скотомъ, домашней птицей, вообще издѣліями и произведеніями

домашняго хозяйства, 2) денежныхъ сборовъ, когда они не составляютъ оброка, платимаго въ имѣніи взамѣнъ платежей земными произведеніями или бегары. Крестьяне, которые занимаютъ въ имѣніи помѣщика хозяйственныя должности и будутъ исполнять, если помѣщики того пожелаютъ настоящія ихъ обязанности въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, со дня утвержденія Положенія, свободны отъ повинностей и платежей, по истеченіи этого времени они подчиняются общимъ правиламъ Положенія; при насильственныхъ дѣйствіяхъ, внезапномъ общественномъ несчастіи, пожарахъ, наводненіи, появленіи вредныхъ животныхъ и т. п. крестьяне помогаютъ помѣщикамъ.

Установленныя за крестьянскія земли повинности опредѣляются въ уставныхъ грамотахъ, и особо за усадебныя земли, особо за сады, полевые участки, какъ коренные, такъ и добавочные.

17) *Повинности за усадьбы.*

Въ окончательномъ проектѣ указано, что повинности за усадьбы опредѣляются „только деньгами“, повинности за сады и полевой надѣлъ „земными произведеніями“ или деньгами, если объ этомъ послѣдуетъ особое соглашеніе.

Усадебная осѣдлость, согласно обычаю находится въ подымномъ пользованіи; съ однодневнаго паханія усадебной земли опредѣляется ежегодная плата по 3 р.; въ мѣстахъ, гдѣ торговля или промышленность и густота населенія обезпечиваютъ сбытъ продуктовъ, и гдѣ высокіе заработки, усадьба можетъ быть оцѣнена не свыше 120 р. за однодневное паханіе и съ этой суммы назначается ежегодная плата, равная 5%.

Эти вопросы въ одинаковой степени волновали какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Помѣщики эксперты сдѣлали весьма существенныя заявленія. Одинъ изъ экспертовъ возсталъ противъ крайнихъ предѣловъ оцѣнки, другой вовсе пытался устранить взиманіе галы и требовалъ допустить одну денежную повинность по высшей оцѣнкѣ въ 120 р., но эти голословныя и немотивированныя заявленія тонутъ среди заявленій строго опредѣленнаго характера.

Членъ Закавказскаго комитета т. с. Фадѣевъ находилъ

непомѣрно высокой оцѣнку усадьбы въ 120 р., которая, по его мнѣнію, совершенно непривычна для Грузіи вообще, когда въ Тифлисской губ. едва ли гдѣ нибудь, кромѣ особенно удобныхъ земель для виноградниковъ и садовъ, достигаетъ цѣна земли такой суммы за однодневное паханіе. Противъ этого возраженія выступилъ кол. сов. О. Мамацовъ, который утверждалъ, что однодневное паханіе усадебной земли въ нижней полосѣ Горійскаго у. цѣнится 400 р. и дороже; кромѣ того онъ заявлялъ, что гала должна быть исчислена за однодневное паханіе усадебной земли, какъ за таковое количество земли напузари. Принципіальное возраженіе представилъ кн. Чавчавадзе, онъ доказывалъ, что гала не можетъ быть повинностью за усадебную землю, а лишь за полевую, и онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ крестьянинъ можетъ съ нея платить галу, когда съ усадьбы не получаетъ никакого дохода; но эти заявленія приняты не были и первоначальное предположеніе комитета по вопросу о повинностяхъ не подвергались почти никакимъ измѣненіямъ.

18) *Повинности за сады.*

Повинности за сады, въ особенности за виноградные, являлись самымъ больнымъ мѣстомъ для Тифлисской губ. Комитетъ опредѣлилъ, что повинности за сады, кулухи, по мѣстному названію, должны равняться $^1/_4$ части съ урожая, выраженной виномъ, за фруктовые и тутовые сады, или фруктовыя, тутовыя и орѣховыя деревья, среди виноградниковъ, повинности опредѣляются по взаимному соглашенію между помѣщиками и крестьянами. Ген.-лейт. кн. И. Багратіонъ-Мухранскій настаивалъ, чтобы кулухи взималась въ размѣрѣ $^1/_3$ со всего урожая вина и фруктовыхъ деревьевъ, съ обязательствомъ отпуска древеснаго матеріала и онъ же проектировалъ повинность въ $^1/_4$ часть урожая только тогда, когда у помѣщика не оказалось бы лѣса, изъ котораго могъ бы быть отпущенъ матеріалъ для виноградниковъ, но въ такомъ случаѣ крестьянинъ долженъ перевозить слѣдуемое помѣщику вино въ его домъ, такого же мнѣнія о доставкѣ вина на домъ помѣщика держался и О. Мамацовъ.

Эксперты много спорили относительно размѣра кулухи;

они указывали, что въ послѣднее время помѣщики берутъ отъ $^1/_7$ до $^1/_5$, однако они, вопреки своему же заявленію, требовали платы въ размѣрѣ $^1/_3$, потому что принимали разныя побочныя выгоды, извлекаемыя крестьяниномъ изъ садовъ, они указывали, что крестьянинъ можетъ пользоваться сѣномъ, овощами и т. п., и предполагали, уничтоживъ разницу во взиманіи кулухи, установить однообразную таксу; но они же забыли сказать, что эти выгоды были извѣстны раньше, крестьяне ими пользовались, уплачивая меньше, во всякомъ случаѣ они умолчали о томъ, какъ разрѣшался вопросъ объ этихъ выгодахъ задолго до реформы. Одинъ только кн. Чавчавадзе находилъ проектируемый размѣръ повинности за сады высокимъ, утверждая, что на самомъ дѣлѣ никогда и никто не получалъ $^1/_4$ урожая, ему вполнѣ достаточнымъ казалось опредѣленіе размѣра повинностей за виноградные сады въ $^1/_6$ урожая, если крестьяне получаютъ необходимые лѣсные матеіралы изъ помѣщичьихъ дачъ и въ $^1/_8$, когда ими они не пользуются.

19) *Повинности за полевую землю.*

Спорнымъ являлся, наконецъ, вопросъ о повинностяхъ за полевую землю. За полевую пахатную землю крестьяне вносятъ помѣщику галу, по мѣстному названію, отъ урожая всѣхъ земныхъ произведеній=$^1/_4$. По первоначальному предположенію проекта гала должна была вноситься за каждое однодневное паханіе, въ неполивныхъ поляхъ одна кода, въ поливныхъ двѣ; эта сумма была выведена изъ того разсчета, что доходъ помѣщика за землю, находящуюся въ пользованіи частнаго съемщика, комитетъ опредѣлялъ въ $^1/_4$. Принимая среднюю урожайность съ однодневного паханія въ неполивныхъ поляхъ 8, а въ поливныхъ 16 кодъ, оказалось бы въ неполивныхъ 2, въ поливныхъ 4, но такъ какъ гала взимается съ распаханыхъ и засѣянныхъ, а засѣвается и распахивается въ 2 года одинъ разъ, то слѣдовательно, гала въ неполивныхъ должна была составить доходъ одну коду, въ поливныхъ 2 коды. Далѣе, по проекту комитета, если неполивная земля отличалась особой плодородностью, и давала въ годъ, въ среднемъ не менѣе 15 кодъ съ однодневнаго паханія, то такая земля, по ходатайству помѣщика, должна была

причисляться къ поливнымъ землямъ, и губернскому присутствію предоставлялось повышать, причитающуюся за поливую землю повинность, но не болѣе какъ на 1/10 въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если селеніе, находящееся не далѣе, какъ въ 5-ти верстномъ разстояніи отъ города, представляетъ для крестьянъ выгодные промыслы, 2) если помѣщикъ докажетъ, что крестьянину предоставлены такія выгоды и удобства, что могутъ служить основаніемъ для повышенія. Съ другой стороны, Губернское присутствіе, по ходатайству крестьянъ, можетъ понижать повинности, но не болѣе, какъ на 1/10 и при томъ, если: 1) крестьянская земля худого качества, въ сраненіи съ окрестными 2) если крестьянскія поля такъ отдалены отъ селенія, что разстраивается крестьянское хозяйство, 3) если съ введеніемъ Положенія крестьяне лишаются постояннаго и достаточнаго пользованія топливомъ отъ помѣщика.

Эти статьи опущены въ окончательномъ проэктѣ и вмѣсто опредѣленнаго размѣръ галы указанъ вообще общій размѣръ 1/4, и опущены также статьи о пониженіи или повышеніи повинностей за надѣлы, и, конечно, благодаря вліянію и настоянію помѣщиковъ экспертовъ.

Противъ постоянной галы возсталъ кн. Г. Эристовъ, считая ее невыгодной для хозяевъ, такъ какъ крестьянинъ используетъ землю съ наибольшей выгодой для себя и установленная разъ навсегда повинность можетъ потерять всякое соотношеніе съ этой выгодой. И. Циціановъ, О. Мамацовъ и другіе карталинскіе помѣщики защищали повинность съ урожая, но въ размѣрѣ 1/3, соотвѣтственно съ выгодами, якобы получаемыми съ хизановъ, казенныхъ и церковныхъ крестьянъ. И. Багратіонъ-Мухранскій присовокупилъ только, что произведенія съ пахатныхъ полей слѣдуетъ взимать снопами въ полѣ или арбами, и эту часть сами крестьяне должны перевозить на гумно помѣщика въ томъ же селеніи и вымолачивать. Въ окончательномъ проектѣ прибавлена очень существенная статья, что крестьяне за землю подъ сѣнокосами, равно осокою (исли) платятъ съ укоса или съ урожая 1/3.

О. Мамацовъ настаивалъ, чтобы при опредѣленіи галы различали размѣръ его не только въ нижней и нагор-

ной полосѣ, но въ каждомъ у. Горійскаго округа, по разнообразію пахатныхъ земель, и онъ же просилъ опредѣленіе нормы взысканія предоставлять мировымъ учрежденіямъ по существующему обычаю, если не будетъ достигнуто соглашеніе между помѣщиками и крестьянами.

Наконецъ, проектъ мѣстнаго положенія касается вопроса о порядкѣ взноса повинностей со стороны крестьянъ, и обезпеченія исправности взноса повинностей. Проектъ въ общемъ повторяетъ статьи Общаго Положенія о порядкѣ и исправномъ поступленіи повинностей.

Первоначально предполагалось, что за повинности за упраздненные участки, поступившіе въ распоряженіе сельскаго общества, отвѣчаетъ все общество, обязанное круговой порукой, пока участокъ не поступитъ или въ отдѣльное пользованіе дыма, или не возвратится къ самому помѣщику; разумѣется, эти повинности раскладываются между всѣми крестьянами, а недоимки налагаются по требованію помѣщика на всѣхъ крестьянъ по количеству земли каждаго изъ нихъ. Эти статьи выпали изъ окончательнаго проекта.

Проектъ Мѣстнаго Положенія устанавливалъ для отбыванія повинностей плату земными произведеніями, равную $^1/_4$ части урожая, этотъ размѣръ повинности могъ породить безконечныя столкновенія и недоразумѣнія, благодаря неопредѣленности и нясности, поэтому противъ этого способа платежей и раньше, и въ моментъ реформы раздавались весьма серьезныя возраженія, но они не достигали цѣли, теперь же самъ комитетъ призналъ необходимость переложенія этихъ повинностей на деньги, но отказался отъ такой работы, и предоставилъ намѣстнику произвести расцѣнку ихъ и переводъ повинностей земными произведеніями на деньги, при этомъ комитетъ высказалъ общія соображенія, что для повинности хлѣбомъ (галы) и виномъ (кулухи) доходъ помѣщика долженъ опредѣляться по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ въ первые годы по введеніи положенія и на основаніи этихъ выводовъ и опредѣлять помѣщичій оброкъ по всѣмъ статьямъ крестьянскаго надѣла.

20) *Денежное вознагражденіе помѣщиковъ за потерю личныхъ правъ на крестьянъ.*

Въ своемъ мѣстѣ мы уже видѣли, какъ много спори-

ли и какъ высоко цѣнили Тифлисскіе помѣщики личныя права на крестьянъ, требуя особыхъ условій вознагражденія за потерю таковыхъ.

Закавказскій центральный комитетъ не раздѣлялъ точки зрѣнія помѣщичьей о сохраненіи личныхъ правъ, какъ несовмѣстимыхъ съ идеей реформы. Помѣщики готовы были разстаться съ правомъ на личность крѣпостныхъ, но просили вознаградить ихъ за потерю этихъ правъ, доказывая, что безъ такого вознагражденія они будутъ поставлены въ безвыходное матеріальное положеніе и что этимъ самымъ подвергнуто будетъ серьезному испытанію ихъ хозяйство; вознагражденіе изъ казенныхъ суммъ должно обезпечить дворянамъ возможность болѣе легкаго, безъ особыхъ потрясеній, перехода къ новымъ условіямъ хозяйственной жизни. Просьба о вознагражденіи была почти единогласной; многіе указывали, что это вознагражденіе должно пойти на уплату долговъ кредитнымъ установленіямъ и частнымъ лицамъ. „Если крестьяне будутъ освождены безъ приличнаго вознагражденія помѣщиковъ, то что станетъ съ помѣщиками? Легко на это отвѣтить, что окончательно и вдругъ погибнутъ“, вотъ вопросъ и отвѣтъ, съ которыми постоянно обращаются помѣщики къ властямъ. Мѣстныя власти, начиная съ Тифлисскаго губернатора и кончая намѣстникомъ, соглашались съ дворянами, признавая ихъ притязанія вполнѣ законными.

Намѣстникъ Кавказа очень сочувственно отнесся къ дворянскимъ просьбамъ и высказалъ по ихъ адресу много весьма лестныхъ сужденій. Намѣстникъ считалъ своимъ долгомъ поддержать дворянское ходатайство о денежномъ вознагражденіи за потерю личныхъ правъ на крестьянъ, потому что дворянство грузинское, *„будучи однимъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, несло на себѣ преимущественно въ теченіи болѣе 1000-лѣтія всѣ тягости и всю честь по охраненію отечества своего“*, послѣ водворенія русскихъ оно „по прежнему продолжало нести свою 1000-лѣтнюю доблестную службу“, участвуя во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ, въ виду такой „исторической роли“, какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣднее, *„оно не могло воспользоваться въ одинаковой, съ прочими сословіями, степени тѣми выгодами, кои*

владычество наше (*русское*) *доставило краю*“, и въ особенную заслугу дворянства намѣстникъ ставилъ то, что, несмотря на бѣдность свою, оно „единогласно“ выразило желаніе на освобожденіе крестьянъ. Сумма потребная и достаточная для вознагражденія была опредѣлена намѣстникомъ въ 2 милліона рублей за тѣ „повинности, коихъ они лишаются съ освобожденіемъ крестьянъ въ Грузіи“.

Высочайшимъ рескриптомъ 13 окт. 1864 г. уважено ходатайство намѣстника. Утверждая новое положеніе о крестьянахъ, Императоръ Александръ II въ рескриптѣ на имя намѣстника отмѣчаетъ: „Мы не могли не принять во вниманіе положенія сихъ помѣщиковъ, кои, при настоящемъ весьма ограниченномъ состояніи и вообще при неустройствѣ собственнаго ихъ хозяйства, должны понесть значительныя потери съ отмѣною разнообразныхъ потребностей, коими они пользовались отъ подвластныхъ имъ крестьянъ во время существованія крѣпостного права“. Желая оказать помѣщикамъ Тифлисской губ. денежное вознагражденіе за лишеніе такихъ повинностей, какъ истекающихъ изъ особыхъ отношеній къ нимъ крестьянъ, основанныхъ на мѣстныхъ обычаяхъ, не существовавшихъ въ другихъ частяхъ имперіи, Государь изъявляетъ милость отнести вознагражденіе помѣщиковъ Тифлисской губ. на счетъ казны.

По мѣрѣ введенія новыхъ положеній помѣщики должны были получить денежное вознагражденіе на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) всѣ помѣщики, у которыхъ показаны по послѣднему камеральному описанію крестьяне на собственныхъ земляхъ или въ городѣ и на земляхъ другихъ владѣльцевъ, получаютъ вознагражденіе, по числу душъ по 25 р. за душу м. п., 2) помѣщикамъ, у которыхъ по тѣмъ описаніямъ показано менѣе 21 д. м. п., сверхъ 25 р., могло быть оказано дополнительное вознагражденіе, по Высочайшему усмотрѣнію Государя и назначенію намѣстника, но съ тѣмъ, чтобы сумма вознагражденія вообще, основного и дополнительнаго, не превышала 50 р. на душу м. п., это вознагражденіе должно производиться тѣмъ изъ помѣщиковъ, у которыхъ „дѣйствительно недостаточное состояніе“, которые не имѣютъ ни движимаго, ни недвижимаго имущества, которое ихъ обезпечивало бы; дополнительное сверхъ 25 р. вознаг-

раждение можетъ быть назначено тѣмъ изъ нихъ нихъ, у которыхъ, хотя и болѣе 21 д. крестьянъ, но обременены многочисленнымъ семействомъ или окажутся другія заслуживающія вниманія обстоятельства. Суммы должны были выдавать „имѣющимъ на то право лицамъ безъ всякихъ билетовъ на уплату казенныхъ взысканій или частныхъ долговъ“.

IX.

Отношеніе Кавказскаго комитета къ проекту Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

Проектъ Мѣстнаго Положенія былъ отправленъ въ Петербургъ въ Кавказскій комитетъ для окончательнаго утвержденія 28 іюня 1864 г., намѣстникомъ Кавказа, который былъ того мнѣнія, что Закавказскій комитетъ, оберегая права и выгоды помѣщиковъ, старался „строго, гдѣ представлялась возможность согласовать ихъ съ существующими требованіями крестьянской реформы". Для потребныхъ объясненій и разъясненій основъ проекта Закавказскаго комитета въ Петербургъ намѣстникомъ были командированы, въ Кавказскій Комитетъ, членъ совѣта намѣстника и директоръ департамента судебныхъ дѣлъ Главнаго Управленія д. с. с. Багратіонъ-Мухранскій и редакторъ временнаго отдѣленія Главнаго Управленія по дѣламъ гражданскаго устройства края ст. с. М. Б. Тумановъ, собственно для доставленія дѣла.

Въ сентябрѣ 1864 г. Соединенный комитетъ Кавказскій и Главный объ устройствѣ сельскаго населенія уже успѣли разсмотрѣть проектъ Мѣстнаго Положенія и выслушать объясненія члена совѣта намѣстника кн. Багратіона-Мухранскаго. Кавказскій комитетъ выразилъ, что Закавказскій центральный комитетъ *„неуклонно стремился къ тому, чтобы крестьянская реформа въ Тифлисской губ. была совершена на тѣхъ же главныхъ началахъ, какія для сего были приняты въ Россіи и цѣль эта вполнѣ достигнута комитетомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣстныя особенности не полагали этому преградъ"*.

Соединенный комитетъ Кавказскій и Главный объ устройствѣ сельскаго населенія, не останавливаясь на част-

ностяхъ и мелочахъ, сосредоточили вниманіе на одномъ изъ главныхъ принципіальныхъ вопросовъ, „возбудившемъ на мѣстѣ разномысліе“, именно на вопросѣ о способѣ позе-мельнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ.

Соединенные комитеты, „имѣя въ виду, что главными началами, на которыхъ совершено въ Россіи освобожденіе крѣпостныхъ людей и устройство ихъ быта, установляется обезпеченіе за крестьянами пользованія необходимымъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, земельнымъ надѣломъ“, нашли, что хизанское положеніе не обезпечиваетъ крестьянъ позе-мельнымъ пользованіемъ, подчиняетъ ихъ совершенно власти и произволу помѣщиковъ и потому не можетъ быть по-ложено „въ основаніе новыхъ законоположеній объ устрой-ствѣ быта крестьянъ въ Тифлисской губ.“.

Соединенные комитеты внесли въ проектъ положенія нѣсколько существенныхъ поправокъ, на которыхъ слѣду-етъ остановиться. Они потребовали, чтобы въ началѣ про-екта, въ первой статьѣ, было выражено положительно, какъ это сдѣлано въ Общемъ о крестьянахъ положеніи 19 ф., 1) что „крѣпостное право на крестьянъ Тифлисской губ., водво-ренныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ или водворенныхъ на правахъ хизановъ на землѣ другого владѣльца или вѣ-домства, или живущихъ въ городахъ, *отмѣняется навсегда*“; 2) что на освобожденныхъ крестьянъ распространяют-ся сверхъ общихъ законоположеній 19 ф. 1861 г. и всѣ послѣдующія измѣненія и дополненія къ нимъ, 3) „что порядокъ укрѣпленія за крестьянами недвижимыхъ иму-ществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность подчинить вполнѣ правиламъ, кои по этому предмету постановлены въ общемъ положеніи19 ф. 1861 г.“ Ссылаясь на эти правила, ко-митеты имѣли въ виду, „что помѣщики, отчуждая собственное крестьянина имущество, не оставляли его безъ соотвѣтствен-наго вознагражденія; при существованіи прежнихъ юриди-ческихъ отношеній между обоими сословіями домогательства подобнаго вознагражденія со стороны крестьянъ могли быть такого свойства, что оцѣнка ихъ достоинства должна совершиться съ неизбѣжнымъ произволомъ“; не оспаривая справедливости практическихъ неудобствъ, „которыя могутъ встрѣтиться при разборѣ подобныхъ дѣлъ, Соединенные

комитеты не могли не замѣтить, что при начертаніи общаго положенія имѣлось въ виду, что подобные случаи могутъ представиться и въ Россіи, но одно сіе неудобство признано было недостаточнымъ, чтобы наложить ограниченіе на законное право крестьянъ. Поэтому Соединенные комитеты не усматриваютъ надобности допускать подобное изъятіе въ отношеніе недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ въ собственность помѣщичьими крестьянами Тифлисской губ".

Соединенные комитеты требовали, чтобы выраженное въ (8 ст.) правило объ освобожденіи дворовыхъ людей по истеченіи 2 лѣтъ отъ всякой обязанности къ прежнимъ помѣщикамъ относится и къ крестьянамъ изъ хизанъ; комитеты внесли поправку относительно того, что крестьяне живущіе въ городахъ и мѣстечкахъ, но не приписанные къ нимъ въ отношеніе избранія рода жизни подчиняются Положенію 19 февраля о дворовыхъ.

Соединенные комитеты весьма внимательно отнеслись къ тѣмъ статьямъ окончательнаго проекта Мѣстнаго Положенія, въ которыхъ говорилось о правительственной помощи крестьянамъ при пріобрѣтеніи ими въ собственность надѣловъ; они одобрили вполнѣ статьи проекта; только относительно высшаго размѣра правительственной ссуды, потребовали оговорки, согласно съ мнѣніемъ намѣстника Кавказа, вел. кн. Михаила Николаевича, что высшій размѣръ ссуды подъ земельный надѣлъ не можетъ превышать 350 р., если повинности отбываются денежнымъ оброкомъ и 250 р. при отправленіи повинностей земными произведеніями. Размѣръ же ссуды на крестьянскій дымъ въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго у. и Горскаго округа, согласно съ мнѣніемъ намѣстника, Соединенные комитеты опредѣлили въ 180 р., а не въ 200 р., какъ проектировалось Закавказскимъ центральнымъ комитетомъ.

Разсматривая статьи проекта касательно устройства крестьянскихъ учрежденій въ Тифлисской губ., Соединенные комитеты никакихъ существенныхъ измѣненій не внесли, постановили только, что въ составъ Тифлисскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должны назначать въ качествѣ постоянныхъ членовъ не одного, а двухъ старшихъ чинов-

никовъ Главнаго Управленія намѣстника, по его же усмотрѣнію, а также губернскаго прокурора.

Въ пунктѣ первомъ ст. 56, а равно примѣчаніе къ нему Соединенные комитеты рѣшили согласовать со ст. 69 Мѣстнаго Положенія для Малороссійскихъ губ., изъ котораго была заимствована редакція статьи; по этой ст. помѣщику предоставлено право требовать перенесенія крестьянскихъ усадебъ и строеній, если они находятся не въ 30 саж., какъ было сказано въ проектѣ Закавказскаго комитета, а въ 50 саж. отъ помѣщичьихъ строеній, а овины, кузницы и другія огнемъ дѣйствующія строенія не въ 60, а въ 100 с. отъ господскихъ строеній.

Измѣненію подверглось примѣчаніе первое къ ст. 82. По основному смыслу статьи крестьянину предоставлено право передачи усадебныхъ и полевыхъ угодій члену одного съ нимъ сельскаго общества. Въ случаѣ сомнѣнія относительно состоятельности лица, которому передавались угодія, помѣщикъ могъ пріостановить передачу и уже мировой посредникъ рѣшалъ окончательно вопросъ о передачѣ. Но если крестьянинъ получающій участокъ уплачивалъ повинности, причитающіяся за угодія впередъ за цѣлый годъ, то онъ не могъ быть устраненъ. Закавказскій комитетъи Соединенные комитеты разошлись при опредѣленіи количества повинности причитающейся съ крестьянина за годъ впередъ; Закавказскій комитетъ полагалъ, что количество отбываемой земными произведеніями повинностей должно быть опредѣляемо сообразно съ количествомъ ея за предшествующій годъ, Соединенные комитеты, напротивъ, „дабы расцѣнку поставить въ меньшую зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ“, требовали сопоставлять эту плату съ количествомъ повинностей, которыя уплачивались помѣщику за предшествовавшее трехлѣтіе.

Ст. 92 о водяныхъ мельницахъ съ канавами, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ или отдѣльнымъ крестьянамъ Соединенные комитеты согласовали съ ст. 105 Мѣстнаго Положенія для Малороссійскихъ губ., а это привело къ исключенію изъ ст. 92, помѣщеннаго въ ней правила объ оцѣнкѣ земли для опредѣленія ежегодной платы за устройство мельницъ; если плата за мельницы была обу-

словлена, то ее крестьяне, согласно договору, платятъ сверхъ, повинностей, опредѣленныхъ положеніемъ. Точно также согласована ст. 124 со ст. 164 того же Мѣстнаго Положенія. По проекту Закавказскаго комитета крестьянинъ выходящій изъ общества и не передавшій участка земли со строеніями другому крестьянину обязывался сдать землю помѣщику, а принадлежащія строенія долженъ былъ свезти или продать въ теченіи 3 мѣсяцевъ, въ окончательной редакціи статьи Соединенныхъ комитетовъ крестьянамъ предоставленъ шестимѣсячный срокъ; согласно съ этимъ исправлены сроки въ ст. 117, 169, 170.

Болѣе существенныя поправки Соединенныхъ комитетовъ коснулись статьи о крестьянахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Соединенные комитеты имѣли въ виду, что по Положенію 19 февр. крестьянамъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ дозволено, по ихъ собственному желанію, переселяться на казенныя земли, поэтому справедливымъ и вполнѣ необходимымъ признается распространеніе этихъ правилъ на крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ Тифлисской губ., т. е. комитеты постановляютъ предоставить усмотрѣнію намѣстника разрѣшать названнымъ крестьянамъ переселяться на казенныя и церковныя земли.

Закавказскій комитетъ въ проектѣ положенія для Тифлисской губ. высказался за необходимость перевода натуральныхъ крестьянскихъ повинностей на денежныя; при этомъ указалъ, что оброкъ за угодія, сады и усадебную осѣдлость долженъ подвергнуться переоцѣнкѣ черезъ 12 л., Соединенные комитеты, примѣняясь къ статьямъ Мѣстныхъ Положеній 19 февраля, приняли 20 лѣтній срокъ для переоброчки повинностей.

Въ заключеніе Соединенные комитеты весьма сочувственно отнеслись къ тому, что проектъ Закавказскаго центральнаго комитета принялъ одновременное устройство крестьянскихъ обществъ всѣхъ вѣдомствъ: казенныхъ, церковныхъ, помѣщичьихъ, „по неимѣнію никакого правильно организованнаго управленія въ имѣніяхъ“ всѣхъ этихъ категорій владѣльцевъ; одобряютъ этотъ проектъ комитеты еще потому, что „соединеніе сельскихъ обществъ, безъ различія вѣдомствъ въ одно общее управленіе вполнѣ согла-

суется съ видами правительства по благоустройству сельскаго населенія вообще".

Изъ вышеприведенныхъ поправокъ и измѣненій, произведенныхъ въ Петербургѣ Кавказскимъ комитетомъ и Главнымъ комитетомъ по устройству сельскаго населенія видно, что въ общемъ проектъ Мѣстнаго Положенія, составленный Закавказскимъ центральнымъ комитетомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ правительственнымъ видамъ и задачамъ, которыя проводились въ крестьянской реформѣ на южнойо краинѣ. Большинство поправокъ и дополненій частнаго характера и нисколько не вліяютъ и не касаются основныхъ положеній, выработанныхъ Закавказскимъ комитетомъ, а это въ свою очередь объясняется тѣмъ, что проектъ Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. построенъ весь на общихъ началахъ великой реформы 19 февраля, отступленія, „изъятія", по оффиціальной терминологіи, допущенныя Закавказскимъ комитетомъ, въ виду чисто мѣстныхъ специфическихъ условій, остались въ полной неприкосновенности и рѣшительно никакихъ замѣчаній не вызывали со стороны названныхъ соединенныхъ комитетовъ.

X.

Объявленіе воли въ Тифлисской губ.

Объявленіе воли въ Тифлисской губ. было обставлено съ большой торжественностью, церемоніалъ его былъ спеціально выработанъ канцеляріей намѣстника. Помпезность акта была задумана съ исключительной цѣлью, для большаго воздѣйствія на психику простого крестьянина и стремилась къ созданію и яркаго и выпуклаго впечатлѣнія. Цѣль до извѣстной степени удалась: чтеніе манифеста и положенія въ парадной обстановкѣ, угощеніе, привлекли вниманіе крестьянскаго населенія, да не одного его, но и значительной части провинціальнаго дворянства, въ массѣ своей темнаго и малограмотнаго; но внутренняя сторона акта, совокупность тѣхъ новыхъ правъ, которымъ надѣлялась масса крѣпостного населенія осталась внѣ предѣловъ яснаго пониманія крестьянъ. Конечно, они понимали, что получили свободу, но въ какихъ конкретныхъ формахъ она проявлялась и что она въ себѣ заключала этого въ полнотѣ не могли постигнуть, т. е. понятными остались только внѣшнія предѣлы новой свободы; въ этомъ отчасти былъ повиненъ самый текстъ Мѣстнаго Положенія; правда, онъ былъ переведенъ на грузинскій языкъ, но языкъ этотъ книжный, малопонятный, слишкомъ тяжелый, это почти буквальная передача русскаго текста, спеціальные термины переведены очень неточно, неудачно и въ значительной степени затемняютъ смыслъ, и когда теперь приходится обращаться къ этому переводу, то немало усилій требуется для уясненія его содержанія.

Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произносили рѣчи, въ которыхъ звучатъ слова благодарности, но трудно сказать, насколько онѣ искренни и насколько могутъ служить

истиннымъ выраженіемъ настроенія массы; да вообще требуется къ этимъ оффиціальнымъ проявленіямъ восторга относиться сдержанно.

Объ отношеніи массы къ новой волѣ, по впечатлѣнію ею произведенномъ, очень трудно судить, потому что оффиціальные наши источники по этому поводу молчатъ и, можетъ быть, со временемъ, намъ удастся найти данныя для освѣщенія этого любопытнаго вопроса. Нѣкоторыя отрывочныя и лаконичныя свѣдѣнія, которыя мы уже нашли, даютъ основаніе предполагать, что воля принята была не вездѣ спокойно, но о размѣрахъ и характерѣ безпокойства трудно что либо сказать.

Объявленіе воли состоялось одновременно во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: Сигнахѣ, Гори, Телавѣ, губернскомъ-Тифлисѣ, 8 ноября 1864 г., спеціально командированными отъ намѣстника лицами.

Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ Кавказа, обратился ко всѣмъ освожденнымъ крестьянамъ съ воззваніемъ, которое читалось на грузинскомъ языкѣ, на мѣстахъ; въ воззваніи опредѣлялось значеніе новаго акта для крестьянъ и въ краткихъ словахъ объяснялось что́ получало крестьянство съ выходомъ на свободу. „Сельскіе обыватели, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости! гласитъ воззваніе. Надѣюсь вы оцѣните всю важность и все значеніе нынѣшняго, открывающаго вамъ новую жизнь, оцѣните важность правъ вамъ съ этого дня даруемыхъ, которыя дѣлаютъ васъ полными хозяевами вашего имущества, полными распорядителями вашего труда. Надѣюсь вы поймете, кому обязаны этою милостію. Государь Императоръ, устраивая благосостояніе всѣхъ своихъ подданныхъ, не могъ исключить и васъ изъ круга своихъ высокихъ заботъ, ему вы прежде всего обязаны великою милостію нынѣшняго дня. Благороднымъ дворянамъ, бывшимъ вашимъ помѣщикамъ, принадлежитъ не малая доля въ улучшеніи и устройствѣ вашего быта: они добровольно пожертвовали вашею отъ нихъ зависимостью; уважая ваши труды, они охотно предоставили, для обезпеченія вашего благосостоянія въ постоянное пользованіе, часть своихъ земель. Но пріобрѣтая права и преимущества вамъ даруемыя, вы не должны забывать обязан-

ностей на васъ лежащихъ. Обязанности эти двоякія: предъ правительствомъ и предъ владѣльцами земли, на которыхъ вы поселены..... Только истиннымъ сознаніемъ сихъ обязанностей и безупречнымъ ихъ исполненіемъ вы можете доказать свою благодарность за дарованныя вамъ блага. Вамъ открытъ путь къ созданію своего благосостоянія; *истиннымъ и спокойнымъ трудомъ вы можете его развить и упрочить; бережливостью и безукоризненною жизнью вы увеличите свое и дѣтей вашихъ имущество.* Этого желаетъ Государь Императоръ, этого ожидаю отъ васъ я. Да сопутствуетъ вамъ Божіе благословеніе на новомъ открывающемся вамъ пути".

Особенно эффектно объявленіе воли прошло въ гор. Сигнахѣ. Послѣ объявленія Высочайшаго указа и воззванія намѣстника, одинъ изъ крестьянъ обратился къ правительственному представителю Барановскому съ рѣчью такого содержанія: „мы крестьяне высоко цѣнимъ монаршую милость, объявленную намъ сегодня, Государь всегда былъ нашимъ отцомъ и всегда желалъ намъ добра, мы хорошо это понимаемъ и чувствуемъ отъ всего сердца благодарность Его Величеству за оказанную милость и всегда усердно исполняемъ его повелѣніе; мы въ настоящемъ случаѣ *постараемся всѣми силами съ точностью выполнить его приказанія. Благодаримъ помѣщиковъ за то, что они согласились на наше освобожденіе отъ своей зависимости. Отселѣ постараемся сдѣлаться ихъ добрыми сосѣдями.* Душевно благодаримъ великаго князя намѣстника за ходатайство о дарованіи намъ свободы. Пьемъ за здоровье Государя Императора и Великаго Князя". Тутъ же на празднествѣ одинъ изъ дворянъ, Д. Андрониковъ, обратился къ тому же правительственному представителю съ рѣчью, онъ говорилъ, что, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, дворяне лишаются возможности давать образованіе дѣтямъ и просятъ намѣстника „предоставить дѣтямъ ихъ средства для полученія образованія".

15 ноября того же 1864 г. во всѣхъ церквахъ Тифлисской губ. былъ прочитанъ Высочайшій указъ 13 окт. 1864 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губ.

Первоначальная организація учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Еще до опубликованія Высочайшаго указа 13 окт. 1864 г. въ Тифлисѣ уже отъ 3 окт. приступили къ организаціонной работѣ для оборудованія крестьянскихъ учрежденій, съ тѣмъ, чтобы по обнародованіи указа они могли немедленно приступить къ проведенію въ жизнь новыхъ началъ. Начальникъ Главнаго Управленія намѣстника, еще отъ 3 окт., приказалъ Тифлисскому гражданскому губернатору учредить въ Тифлисѣ подъ своимъ предсѣдательствомъ „Особую временную Коммисію“: 1) изъ тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства, 2) главнаго уполномоченнаго отъ казны по межевымъ дѣламъ, состоящаго при департаментѣ государственныхъ имуществъ Главнаго Управленія намѣстника, 3) предсѣдателя Закавказской казенной палаты, 4) Тифлисскаго губернскаго прокурора 5) д. с. Долинскаго въ качествѣ члена дѣлопроизводителя. Правленіе должно бѣло получить „для соображеній“ дѣла Закавказскаго центральнаго комитета по устройству крестьянъ.

Временная Коммиссія обязывалась: 1) привести въ порядокъ свѣдѣнія о помѣщикахъ и ихъ имѣніяхъ, 2) составить съ этой цѣлью именные списки помѣщичьихъ владѣній, съ обозначеніемъ помѣщиковъ, числа крестьянскихъ дымовъ, числа д. м. и ж. п. въ дымахъ по послѣднему камеральному описанію 3) обозначить сколько крестьянъ живетъ въ имѣніяхъ самихъ помѣщиковъ, сколько на землѣ постороннихъ, сколько въ городахъ 4) опредѣлить какое количество домашней прислуги у помѣщиковъ. Эти списки Временная Коммиссія должна была собрать къ ноябрю.

При отсутствіи статистическихъ свѣдѣній, хаотичности и безпорядочности задача эта не могла быть добросовѣстно выполнена въ короткій срокъ, какой находился въ распоряженіи коммиссіи.

22 октября начальникъ Главнаго Управленіи въ своемъ отношеніи на имя Тифлисскаго губернатора предупреждалъ, что въ Тифлисѣ скоро должны получиться новыя законоположенія о крестьянахъ, и чтобы съ ихъ полученіемъ не оказалось задержки и остановокъ въ приведеніи ихъ въ

дѣйствіе, намѣстникъ просилъ принять перечисленныя выше мѣры.

Временную коммиссію одновременно съ обнародованіемъ Положенія о крестьянахъ превратили въ высшее Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которому ввѣрялось не только наблюденіе и надзоръ надъ мировыми посредниками, но и рѣшеніе могущихъ возникать недоразумѣній и споровъ, между крестьянами и помѣщиками, но самое главное, новому крестьянскому учрежденію ввѣрялось проведеніе новыхъ постановленій относительно надѣленія крестьянъ землей, повинностей и др.

Въ составѣ губернскаго присутствія, сверхъ лицъ, состоящихъ членами временной коммиссіи должны были состоять 4 особыхъ дѣлопроизводителя и 4 выборныхъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ. 26 окт. 1864 г. избранными оказались: 1) состоящій при кавказской арміи ген.-м. Вахт. Орбеліани, 2) ст. с. кн. Рам. Андрониковъ, 3) сов. Кут. губ. правл. кол. сов. кн. Вах. Гурамовъ, 4) пом. тіонетскаго окружнаго нач. кол. асс., кн. Эр. Челокаевъ. По обнародованіи указа 13 окт. Губернское присутствіе немедленно приступило къ дѣйствіямъ.

XI.

Что дала крестьянская реформа крѣпостному населенію и дворянству Тифлисской губерніи.

Обнародованіе Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. 13 окт. 1864 г. положило начало новымъ гражданскимъ отношеніямъ, новой жизни.

Русское правительство съ начала своего водворенія въ Закавказьѣ старалось распространить на Закавказское крѣпостное населеніе дѣйствующіе внутри имперіи законы и практику, имѣющую отношеніе къ крѣпостному населенію. Въ первой части мы пытались прослѣдить дѣятельность русской власти въ этомъ направленіи и мы можемъ утверждать, что русскому правительству удалось достигнуть своей цѣли. Грузинское крѣпостное населеніе управлялось на началахъ русскихъ законовъ о крѣпостномъ населеніи. Если были исключенія, если среди грузинскаго крѣпостного населенія дѣйствовали мѣстныя обычныя нормы, то онѣ имѣли значеніе въ сравнительно узкой сферѣ поземельныхъ, повинностныхъ отношеній, въ сферѣ тѣхъ именно отношеній, которыя возникали на почвѣ пользованія крестьянскимъ трудомъ и его достояніемъ, распоряженіе которыми обусловливалось поземельнымъ правомъ, но и въ данныхъ отношеніяхъ былъ достаточно силенъ контроль русскаго закона.

Реформа 1864 г. увѣнчала дѣятельность русской власти по отношенію къ крѣпостному населенію. Основныя положенія законодательныхъ актовъ 19 ф. 1861 г., во всей своей полнотѣ и цѣлости были перенесены въ мѣстное положеніе для Тифлисской губ. и составители предварительнаго проекта Мѣстнаго Положенія въ Закавказскомъ центральномъ комитетѣ строили свой проектъ даже съ чисто внѣ-

шней редакціонной стороны, а о внутренней, идейной и говорить не приходится, по аналогіи съ Общимъ Положеніемъ 19 ф. 1861 г.

Отступленія отъ общихъ положеній законовъ 19 февраля, допущенныя въ Мѣстномъ Положеніи для Тифлисской губ. не многочисленны. Они коснулись, какъ нами уже было отмѣчено, по преимуществу укрѣпленія за крестьянами ихъ имущественныхъ пріобрѣтеній, сохраненія обычныхъ формъ и принциповъ отбыванія повинностей и пользованія цѣнными угодіями; отступленія допущены были также въ устройствѣ крестьянскихъ учрежденій; Закавказскій комитетъ отказался отъ устройства сельскаго и волостного управленія, ограничился учрежденіемъ одного сельскаго управленія, отступивъ отъ общаго положенія о крестьянахъ. Изъ крестьянскихъ же учрежденій: Закавказскій комитетъ сохранилъ институтъ мировыхъ посредниковъ и Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, исключивъ вторую инстанцію, съѣздъ мировыхъ посредниковъ.

Въ дворянскихъ проектахъ и запискахъ, въ ихъ неоднократныхъ заявленіяхъ, во время обсужденія крестьянской реформы въ Тифлисской губ., мы постоянно слышали жалобы на бѣдность, полное имущественное оскуденіе дворянства губерніи. Для сужденія объ итогахъ крестьянской реформы, естественно, необходимо выяснить, насколько эти дворянскія жалобы основательны и близки къ истинѣ.

Мы не одинъ разъ уже говорили о неудовлетворительной постановкѣ статистическаго изслѣдованія Закавказскаго края; отсутствіе достовѣрныхъ статистическихъ матеріаловъ, невозможность критической провѣрки наличнаго матеріала не даетъ намъ возможности отвѣчать точно на поставленные вопросы и мы должны ограничиться лишь весьма приблизительными вычисленіями.

По даннымъ камеральнаго описанія 1860 и 1861 г. въ Тифлисской губ. числилось помѣщиковъ 1,751., изъ нихъ владѣющихъ, населенными крѣпостными людьми, землями 1537, владѣющихъ одними крѣпостными безъ земли 214 т. е. 14%. Число помѣщичьихъ крестьянъ по тѣмъ же камеральнымъ описаніямъ въ уу. Тифлисскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, и округамъ Тіонетскому и Горскому

и приписанныхъ къ городамъ составляло: дымовъ 17,261; въ нихъ душъ м. п. 67.498; ж. п.—54.622, всего 122.120.

Зная количество помѣщиковъ, владѣющихъ крѣпостными и число послѣднихъ, можно опредѣлить обезпеченность крѣпостными помѣщиковъ Тифлисской губ. Владѣющихъ крѣпостными:

менѣе	21	д. м. п. . .	869
отъ	21— 100	„ . .	729
„	101— 500	„ . .	137
„	501—1000	„ . .	12
свыше—	1000	„ . .	2
			1749 помѣщиковъ

+ 2 помѣщика, у которыхъ не оказалось ни одной души м. п.; изъ этой таблицы видно, что степень обезпеченности Тифлисскихъ помѣщиковъ была далеко не въ блестящемъ состояніи; мелкопомѣстные помѣщики составляли почти 50%; такимъ образомъ, сѣтованія и жалобы помѣщиковъ Тифлисской губерніи не были лишены основаній; преобладаніе мелкопомѣстнаго владѣнія не допускало возможности, конечно, улучшенія сельско-хозяйственной культуры; недостаточная обезпеченность помѣщиковъ землей развивала широкую практику хизанства, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ точно показать какъ велико было число хизанъ по отношенію къ общей массѣ крѣпостного крестьянскаго населенія. Если мы непосредственно не можемъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, то косвенными путями мы можемъ прійти къ безспорному выводу, что мелкопомѣстность и необезпеченность землей помѣщиковъ Тифлисской губ. приводила къ тому, что въ общемъ довольно большой процентъ крестьянъ уходилъ отъ своихъ помѣщиковъ, кто на чужія земли, и становились тамъ арендаторами, не разрывая крѣпостныхъ отношеній, кто въ города, отбывая оброки въ пользу своихъ господъ: на 16,388 дымовъ, проживавшихъ въ уѣздахъ и округахъ, крѣпостного, уѣзднаго, чисто земельческаго населенія приходилось 873 дыма крестьянъ оброчныхъ, городскихъ, что составляетъ 5%; хизанъ въ Тифлисской губ., по весьма неточному исчисленію, наканунѣ самой реформы показано 4,685 дымовъ, что по отношенію къ тому же чисто земледѣльческому крѣпостному населенію составляетъ 27%, такимъ образомъ, эти очень далекія отъ дѣйствительности статистическія данныя показываютъ

намъ, что земельная скудость и матеріальная необезпеченность заставляла 32% крестьянскаго населенія уходить изъ помѣщичьихъ усадебъ и искать въ сторонѣ средствъ существованія, и оставаться въ то же время въ тискахъ крѣпостной зависимости, иначе говоря 1/3 крѣпостного населенія, помимо бремени крестьянскихъ узъ, не была обезпечена землей.

Все указанное наличное количество помѣщичьихъ крестьянъ размѣщалось въ 3,242 отдѣльныхъ помѣщичьихъ владѣніяхъ, слѣдовательно, на одно помѣщичье владѣніе приходилось по 5 дымовъ крестьянъ или въ среднемъ по 37 душъ обоего пола.

Матеріально малообезпеченное въ общей своей массѣ, дворянство Тифлисской губ., лишенное знаній, подготовки, при отсутствіи средствъ сообщенія, индустріи въ краѣ, съ большой охотой закладывало своихъ крестьянъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

Съ 1848 г. Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ Закавказьѣ пріобрѣтаетъ характеръ кредитнаго установленія, подобно тому, какъ это было въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ; съ этого момента начинается усиленное закладываніе главнымъ образомъ населенныхъ имѣній.

Къ первому января 1863 г. т. е. по прошествіи 15 лѣтъ послѣ открытія Приказа заложенныхъ Тифлисскими дворянами помѣщичьихъ крестьянъ было 4,316 дымовъ, т. е. 26% общаго числа крестьянскаго земледѣльческаго населенія; съ 1 января 1864 г. по 1-е іюня 1864 г., число заложенныхъ уже составляло 4.848 дымовъ или почти 30%, (29, 5%); въ залогѣ состояло душъ м. п.—17.392, ж. п. 13.322, всего обоего пола 30.714 душъ; заложенные крестьяне съ ихъ угодіями и садами были оцѣнены въ 2.042.100 р., а съ помѣщичьими угодіями въ 5.047.126 р., долга за помѣщиками числилось по 1-е іюня 1864 г. 1.810.840 р.; всѣ эти данныя показываютъ, что помѣщичьи имѣнія въ значительной части были обременены долгами; заемныя суммы шли не на улучшеніе землепользованія, а на личныя надобности, и по существу безцѣльно исчезали, оказывая лишь весьма несущественную пользу, между тѣмъ бремя долга ложилось на земельное имущество, которое должно было выполнять

двойную службу: содержать владѣльца земли и удовлетворять по обязательствамъ кредитному учрежденію, эта новая тяжесть сильно отзывалась на экономическомъ положеніи крѣпостного населенія, которое въ количествѣ 1/3 находилось уже въ залогѣ, такимъ образомъ, положеніе вещей сильно обострялось; мѣлкопомѣстное дворянство, обременяя имущество долгами, въ то же время вело къ оскуденію и разоренію крѣпостное крестьянство, которое прежде всего отвѣчало на дворянскія тягости личными и поземельными повинностями. Дворянскія жалобы о разорительности реформы имѣли, конечно, извѣстное основаніе, но основаніе относительное.

Учитывая свои потери, дворянство игнорировало тотъ ущербъ, которое несло крестьянство, въ случаѣ безземельнаго освобожденія.

Теперь мы должны разсмотрѣть, насколько, сравнительно, убыточна была реформа для двухъ заинтересованныхъ сторонъ, для дворянства и крестьянства.

О количествѣ земли, принадлежащей помѣщикамъ нѣтъ, данныхъ потому что земли не были размежеваны..

По статистическимъ даннымъ 1860 и 1861 г. въ Тифлисской губ. было показано потомственныхъ дворянъ 12.034 д. об. п.; но собственно помѣщиковъ, какъ уже было указано 1751.

По статистическимъ таблицамъ за 1866 г. дворянское населеніе Тифлисской губ. составляло 3, 5%, сельское же почти 86%; по тѣмъ же таблицамъ оказывается, что значительную часть крестьянскаго населенія образовали государственные крестьяне 65, 5%, далѣе слѣдовали крестьяне церковные 12, 9% и наконецъ, временно-обязанные, собственно помѣщичьи крестьяне 20, 5%, правда, эти свѣдѣнія относятся ко времени нѣсколько позднему—1865 г., и отъ послѣдняго камеральнаго описанія 1861 г. произошло сравнительно замѣтное измѣненіе въ численномъ составѣ крестьянскаго населенія, т. е. если въ 1860-61 г. его числилось въ уѣздахъ 117, 552 д. об. п., то къ 1865 г. оказалось 102, 070.

Весьма серьезной и необходимой задачей является опредѣленіе перемѣнъ, происшедшихъ въ земельномъ довольствіи крестьянъ Тифлисской губ. послѣ освобожденія ихъ изъ

крѣпостной зависимости, но чтобы дать на это, хотя бы удовлетворительный отвѣтъ, нужно знать, какими земельными дачами располагало дореформенное крестьянство, на этотъ послѣдній вопросъ мы можемъ дать слѣдующій отвѣтъ.

Помѣщики утверждали, что почти всѣ ихъ земли находятся въ рукахъ крестьянъ, это заявленіе является справедливымъ, потому что помѣщики своихъ хозяйствъ не вели; однако, передача помѣщичьихъ земель въ пользованіе крестьянамъ далеко не обезпечивала крестьянъ въ виду того, что большинство, почти 50%, принадлежало владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ.

У насъ имѣются обширныя цифровыя свѣдѣнія о заложенныхъ въ Закавказскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія съ 1849—1862 г. г. населенныхъ крестьянами земель, но изъ этихъ данныхъ рѣшительно нельзя вывести заключенія о нормахъ дореформеннаго надѣленія крестьянъ земельными угодіями до такой степени они пестры и разнообразны. Однако, нѣкоторыя приблизительныя вычисленія можно произвести. Въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ до освобожденія отъ крѣпостной зависимости находилось, кромѣ виноградниковъ и усадебъ, составляющихъ 7.049 дес., поливной пахатной земли 34.992 дес., неполивной 42.624 дес. всего 84.605 дес., такимъ образомъ въ среднемъ на крестьянскій дымъ приходилось 5, 9 дес.

Какъ скудны ни были нормы надѣленія землей въ Тифлисской губ., но онѣ съ объявленіемъ реформы еще болѣе понизились и ухудшили экономическое положеніе крестьянства.

По мѣстному Положенію (ст. 7) крестьяне въ Тифлисской губ., получая высшій размѣръ подымнаго полевого участка, пріобрѣтали въ поливныхъ поляхъ на дымъ 10-дневное паханіе, т. е. 5 дес., въ неполивныхъ 20 дневное паханіе или 10 дес., излишекъ сверхъ этихъ нормъ составлялъ полную собственность помѣщика; слѣдовательно, въ имѣніяхъ помѣщиковъ, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, крестьяне должны были разстаться съ большимъ количествомъ земель, которыя ранѣе находились въ ихъ пользованіи; что же касается земель мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, то

крестьяне ихъ безусловно не могли получить тѣхъ земель, которыми они пользовались до реформы и очень незначительное меньшинство получило опредѣленные правительствомъ законные земельные размѣры. И дѣйствительно, 1334 дыма не получили совсѣмъ надѣла 110 дымовъ бобылей остались безъ надѣленія, 386 дымовъ не получили усадебныхъ мѣстъ такимъ образомъ, изъ 14,230 дымовъ въ 1864 г., 1830 дымовъ но получили земельнаго обезпеченія, что составляетъ почти 13%, изъ сказаннаго очевидно, что въ самый начальный моментъ раскрѣпощенія крѣпостного населенія было положено начало образованію безземельнаго и малоземельнаго крестьянскаго пролетаріата и тѣмъ былъ заложенъ ферментъ для постояннаго броженія и общественнаго неустройства.

Въ дореформенное время на долю одного крестьянскаго дыма приходилось около 6 дес., (5, 9.) При надѣленіи крестьянъ землей за ними цѣликомъ сохранили виноградники и усадьбы, 7,049 д. а изъ пахатныхъ земель оставлена за стьянами только часть, 23.376 дес. поливныхъ и неполивныхъ 25.254 дес., всего пахатной земли 55.679 дес, слѣдовательно, крестьяне потеряли 84.665—55.679=28.986 д., поэтому подымное надѣленіе крестьянъ опустилось до 3, 9, вм. дореформенной 5, 9, дес. нормы, на одного ѣдока пришлось менѣе половины десятины (55.679 дес.: 118.532 д.), изъ всего этого ясно, что крестьянское земельное обезпеченіе въ самый начальный моментъ реформы приняло для крестьянства весьма печальный оборотъ и крестьянство Тифлисской губ. сразу образовало громадную массу безземельнаго пролетаріата, въ условіяхъ жизни котораго были заложены основанія новаго рабства на почвѣ экономической, на почвѣ земельнаго голода.

Но этимъ крестьянскія потери не ограничились, они пострадали при рѣшеніи двухъ другихъ важныхъ статей: во-первыхъ, лѣса не поступили въ составъ крестьянскаго надѣла, крестьяне получили лишь право пользованія необходимымъ лѣснымъ матеріаломъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ обязательнаго держанія надѣловъ, но за плату; во вторыхъ, право пользованія выгонами и пастбищами оставлено въ порядкѣ установившемся

обычаемъ, что при новыхъ правовыхъ отношеніяхъ не сулило возможности мирнаго и спокойнаго пользованія ими, когда помѣщикъ сохранялъ полное право эксплоатаціи ими въ любое время. Насущнѣйшая жизненная задача Мѣстнымъ Положеніемъ разрѣшена не была; не было даже попытки произвести раздѣлъ между крестьянскимъ обществомъ и помѣщиками выгоновъ и пастбищъ, этотъ раздѣлъ Мѣстнымъ Положеніемъ былъ предоставленъ добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, что не предвѣщало мира и спокойствія между ними; въ первые же годы послѣ реформы стали возникать большіе споры и недоразумѣнія, которыя должны были рѣшать мировыя посредники, которые очень часто оказывались прямо въ безвыходномъ положеніи въ виду неясности и неопредѣленности обычнаго права пользованія этими угодіями. Особыя правила о пользованіи пастбищами и выгонами, составленіе которыхъ было предоставлено намѣстнику, до сихъ поръ еще не изданы.

Отсутствіе, точно регулирующихъ пользованіе этими угодіями, правилъ является источникомъ безконечныхъ недоразумѣній, столкновеній и преступленій, мѣшающихъ мирному развитію и теченію жизни въ губерніи. Неопредѣленность въ такомъ важномъ дѣлѣ одинаково гибельно отражается на благополучіи какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ; помѣщики не могутъ на пастбищныхъ и выгонныхъ мѣстахъ вводить улучшенныя системы хозяйства, культивировать ихъ, ибо для крестьянскаго хозяйства пастбищныя угодія представляются предметомъ первой необходимости. Странно, однако нельзя не указать, что до сихъ поръ не опредѣлены ясно и категорически понятія „выгонъ“ и „пастбище“, а эта неопредѣленность, неясность въ юридической терминологіи не мало способствуетъ путаницѣ въ пользованіи выгонами и пастбищами. „Крестьянскій пастбищный сервитутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ *сталъ роковымъ въ жизни обоихъ сословій* Тифлисской губ.: дворянскаго и крестьянскаго и дальнѣйшее его сохраненіе обезцѣниваетъ всю предположенную высшей кавказской властью ликвидацію зависимыхъ отношеній“, заявляютъ теперь дворяне Тифлисской губ. „Пастбищный сервитутъ, говорятъ они, сковалъ такими узами частновладѣльческое хозяйство, что *задушилъ въ*

самомъ зародышѣ всякія попытки къ сельско-хозяйственному прогрессу и культурѣ и даже къ простому переходу къ улучшенной системѣ хозяйства. О какой культурѣ, о какомъ хозяйствѣ можетъ мечтать сельскій хозяинъ, когда онъ не можетъ *безъ спора и столкновеній съ крестьянами* завести иное хозяйство, кромѣ примитивно хозяйственнаго". Записка канцеляріи Намѣстника также указываетъ на недостатки Закавказскаго сервитутнаго права и говоритъ: „право помѣщиковъ на распашку этого рода угодій, право устраиванія (помѣщиками) на пастбищахъ иного рода хозяйства и право помѣщика разрѣшать пользованіе пастбищами постороннимъ лицамъ, но не въ ущербъ крестьянамъ, все это такія права, *растяжимость коихъ зависитъ во многихъ случаяхъ отъ усмотрѣнія. Практически такая неопредѣленность ведетъ не только къ недоразумѣніямъ* по пользованію пастбищами, *но и къ столкновеніямъ на этой почвѣ*". (См. записку Тифлисскаго дворянства: „Объ обязательномъ выкупѣ временно-обязанныхъ помѣщичьихъ крестьянъ и владѣльческихъ поселянъ въ Тифлисской губ.", 1910 г., стр. 29—30); почти полъ вѣка спустя Закавказское высшее начальство стало собирать свѣдѣнія объ урегулированіи сервитутнаго права.

Если съ дарованіемъ свободы отъ крѣпостной зависимости стали сокращаться размѣры крестьянскихъ надѣловъ, то одновременно увеличились повинности, падающія теперь на крестьянскій дымъ. Своевременно мы указали на то, что поземельная повинность—гала—сильно колебалась въ разныхъ мѣстностяхъ Тифлисской губ. и не было единообразнаго процента сбора съ урожая хлѣбныхъ растеній, что же касается повинностей съ виноградныхъ садовъ, кулухи, то онѣ колебались отъ $^1/_7$ до $^1/_5$ части урожая, Мѣстное же Положеніе установило общую повинность въ размѣрѣ $^1/_4$ или 25% съ урожая; эта норма повинности увеличила прежніе дореформенные размѣры платежей: повинность съ полевыхъ угодій почти удвоилась, повинность за сады возросла противъ прежней, правда, не въ большой мѣрѣ, но все же чувствительно, такимъ образомъ, крестьянство Тифлисской губ. понесло двойную потерю, лишившись значительной части земель, оно должно было нести въ общей совокупности за

меньшее количество земельныхъ угодій почти двойную сумму повинностей, если къ этому прибавить возложенную на крестьянъ плату за пользованіе лѣсными матеріалами, да $^1/_3$ съ сѣнокосныхъ угодій, то придется заключить, что повинности крестьянскія болѣе, чѣмъ удвоились.

На крестьянъ Тифлисской губ. распространили дѣйствіе выкупной операціи; но наказъ о выкупѣ имѣетъ нѣсколько такихъ неудовлетворительныхъ пунктовъ, что благодаря имъ все значеніе правительственнаго содѣйствія крестьянамъ было сведено къ незначительнымъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, выкупу не подлежали наиболѣе цѣнныя части крестьянскихъ надѣловъ, т. е. виноградники, не подлежали также выкупу выгоны и мѣста для пастьбы скота до составленія для нихъ особыхъ правилъ, при такихъ условіяхъ выкупаемый крестьянскій надѣлъ разстраивался и крестьянское хозяйство экономически теряло все свое значеніе, такъ какъ исключеніе виноградниковъ, какъ наиболѣе доходныхъ частей надѣла, ничѣмъ не компенсировалось.

Виноградные сады могли стать предметомъ особыхъ сдѣлокъ, „по усмотрѣнію обѣихъ сторонъ“, эта туманная формула, естественно, не могла служить гарантіей спокойнаго и мирнаго рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ относительно одинаково для крестьянъ и помѣщиковъ интересныхъ угодій. Далѣе, обязательность выкупа не была установлена правительствомъ: „пріобрѣтеніе крестьянами въ собственность предоставленнаго имъ въ постоянное пользованіе надѣла, какъ въ полномъ его составѣ, такъ и въ отдѣльности каждой изъ частей онаго, допускается *не иначе, какъ съ согласія помѣщика*“ (ст. 3), мало того, помѣщику предоставлено право требовать выкупа, но это требованіе можетъ быть предъявлено не къ отдѣльнымъ дымамъ, а къ цѣлому крестьянскому обществу. Всѣ эти дефекты заранѣе предрѣшали неуспѣхъ выкупной операціи для крестьянъ Тифлисской губ., настолько невыгодными условіями она была обставлена. Можетъ быть, въ концѣ концовъ выкупная операція благодаря необходимости, нуждѣ и подвинулась бы впередъ, если бы правительственное содѣйствіе выкупающимся крестьянамъ не оказалось такъ ничтожно малымъ. Для крестьянъ, которые отбывали земельныя повинности денежнымъ обро-

комъ на однодневное паханіе исчислено правительственной ссуды 350 р. Если крестьяне отбываютъ повинности натурой, то въ первой категоріи земель ссуда на однодневное паханіе установлена въ 20 р., во второй—10 р., на весь надѣлъ—не болѣе 250 р.; въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго у. и Горскаго окр. выкупная ссуда составляла 250 р., при отбываніи повинности денежнымъ оброкомъ и 180 р.—натурой.

Мелкопомѣстные владѣльцы были избавлены отъ обязанности надѣлять крестьянъ землями.

Размѣръ правительственной ссуды, сравнительно съ земельными цѣнами въ губ., былъ настолько незначителенъ, что крестьянству не было выгодно вступать въ долгосрочныя обязательства по выкупу. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимся къ цѣнамъ на земли того времени, то увидимъ, что правительственныя субсидіи выкупающимся крестьянамъ вычислялись совершенно произвольно и не принимались во вниманія реальныя условія.

По оффиціальнымъ даннымъ, т. е. продажнымъ цѣнамъ, регистрируемымъ въ уѣздныхъ судахъ при вводѣ во владѣніе, можно приблизительно опредѣлить стоимость десятины земли; просмотрѣвъ нѣсколько десятковъ показаній земельныхъ цѣнъ, мы опредѣлили, что въ среднемъ, напримѣръ, въ Горійскомъ у. десятина земли стоила 158 р., Телавскомъ и Сигнахскомъ 90 р. Относительно Тифлисской губ. у насъ не имѣется большого количества данныхъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать, хотя бы приблизительныя вычисленія; знаемъ только, что цѣны на земли колебались тоже въ очень большой степени, за періодъ времени отъ февраля 1851 г. по 4 февр. 1864 г. минимальная оцѣнка = 1 р. 20 к., максимальная—111 р. 10 к. Изъ сопоставленія этихъ земельныхъ цѣнностей съ правительственной субсидіей, окажется, что крестьянскія доплаты были весьма чувствительны; правительственная субсидія на земельный надѣлъ въ поливныхъ поляхъ, вмѣстѣ съ усадьбой, на однодневное паханіе, составляла 30 р., т. е. 60 р. на десятину (такъ какъ однодневное паханіе приравнивается $^1/_2$ дес. казенной мѣры), въ неполивныхъ 30 р., на дымъ не болѣе 350 р., minimum 250 р., въ нагорныхъ частяхъ, напримѣръ, Горійскаго и Душетскаго у, если

повинности отбивались земными произведеніями, то содѣйствіе правительства выражалось въ размѣрѣ 180 р. Для поливныхъ полей высшій размѣръ надѣла былъ опредѣленъ на дымъ въ 10 дневное паханіе или 5 дес., въ неполивныхъ 20 дневное или 10 дес. Для большей показательности расчета примемъ правительственную ссуду въ наивысшемъ размѣрѣ въ 350 р.: принимая найденныя нами среднія цѣны для Горійскаго у. въ 158 р. на десятину, то въ первомъ случаѣ, т. е. при нормѣ надѣла, стоимость полевыхъ земель составитъ=158×5=790 р., разница или крестьянская доплата будетъ равна 440 р., слѣдовательно, крестьянская доплата болѣе половины. Для Телавскаго и Сигнахскаго уу. при тѣхъ же пріемахъ расчета окажется, что средняя стоимость 5 дес. надѣла = 450 р., доплата составитъ 100 р.; мы приняли самые минимальные расчеты и при такихъ условіяхъ пріобрѣтеніе оказывается совершенно невыгоднымъ для крестьянина.

Для еще большей доказательности нашихъ выводовъ о полной непріемлемости для крестьянства Тифлисской губ. правительственной субсидіи при пріобрѣтеніи земельныхъ надѣловъ обратимся къ болѣе точнымъ даннымъ. Ссуда на десятину въ размѣрѣ 60 р. и 30 р. не находилась въ пропорціональномъ соотношеніи съ дѣйствительной стоимость; такъ, значительно позже, въ 1889 г., когда выкупная операція продолжала дѣйствовать, средняя стоимость земли въ Тифлисской губ. составляла 81 р., безъ различія категорій земель, при такихъ цѣнахъ, доплата въ поливныхъ поляхъ въ размѣрѣ 21 р. можетъ быть признана пріемлемой, въ неполивныхъ доплата равна на десятинѣ 51 р., что уже весьма велика. Но эти среднія цифры имѣютъ очень большой минусъ, они скрадываютъ большія колебанія; если взять колебанія цѣнъ по уѣздамъ, къ 1880 г., то мы увидимъ еще большую произвольность при установленіи правительственной субсидіи. Въ Тифлисской губ. колебанія цѣнъ весьма велики: отъ 5 р. до 450 р. на десятину; поуѣздныя среднія земельныя цѣны представляютъ также большія движенія. Минимальная стоимость десятины въ Тіонетскомъ у. Горскаго округа, 13 р. maximum 122 р. въ Горійскомъ у., правительственная ссуда нигдѣ не соразмѣрялась съ дѣйствительными земельными цѣнами.

Мы все время пріуменшали земельныя цѣны, а при такомъ пріуменшеніи оказывается, что крестьянскія приплаты составляли въ Тифлисской губ. около 50%. Наши выводы весьма относительны и претендовать на полную точность они не могутъ, такъ какъ всѣ данныя для операціи весьма приблизительнаго значенія. Этими словами мы желаемъ только подчеркнуть, что результаты изслѣдованіи имѣютъ показательную достовѣрность, въ предѣлахъ относительныхъ, и съ ними нужно считаться, какъ съ выводами, приближающими насъ къ истинному положенію вещей.

При такомъ соотношеніи между дѣйствительной стоимостью земли и правительственной субсидіей въ Тифлисской губ. выкупная операція стала весьма медленно подвигаться и не оправдала ожиданій: такъ какъ правительственное содѣйствіе было незначительно, то крестьянство стало отказываться отъ правительственной помощи, помѣщики не желали понижать цѣнъ на земли и добровольныя соглашенія о выкупѣ съ правительственной помощью стали. Крестьянство предпочитало пріобрѣтать земли на свой счетъ.

На сколько безжизненна была форма и мѣры правительственнаго содѣйствія крестьянамъ въ пріобрѣтеніи недвижимости показала сама жизнь. За 15 лѣтъ дѣйствія выкупной операціи въ Тифлисской губ. съ 1 янв. 1868 г. по 1882 г. выкупило всего надѣловъ 5712 ревизскихъ душъ, въ количествѣ 7195 д. съ лишнимъ, на сумму 421.570 р. 60 к. къ концу 1880 г. правительственнымъ содѣйствіемъ воспользовались 11.067 душъ, а отъ помѣщичьей зависимости не успѣло освободиться около 70%, а невыкупленныхъ земельныхъ надѣловъ оставалась до 80%. Настолько большими органическими недостатками страдаетъ выкупная операція въ Тифлисской губ., что остатки и притомъ значительные сохранились до настоящаго времени.

Въ Тифлисской губ. въ 1904 г. числилось помѣщиковъ, владѣвшихъ временно-обязанными крестьянами 2702 человѣка, а крестьянскихъ дымовъ временно обязанныхъ крестьянъ 17.467, и это послѣ 40 лѣтъ по введеніи въ губерніи реформы.

Изъ нашей оцѣнки новаго правового и матеріальнаго положенія, дарованнаго крестьянамъ грузинамъ Тифлисской

губ. видно что по существу, названные крестьяне, хотя и получили личную свободу, но въ отношеніи экономическаго своего положенія и состоянія, сравнительно съ дореформенно эпохой, очень много потеряли, будучи поставлены на путь полнѣйшей пролетаризаціи. Къ же тому слѣдуетъ присовокупить, что Мѣстное Положеніе по многимъ существеннымъ статьямъ: по вопросу о пользованіи лѣсомъ, выгонами пастбищами, по отбыванію поземельныхъ повинностей, не обставило крестьянъ прочными, непоколебимыми законными нормами, предоставивъ рѣшеніе этихъ вопросовъ неяснымъ, растяжимымъ и трудно регистрируемымъ обычнымъ нормамъ, съ одной стороны, и добровольнымъ соглашеніемъ крестьянъ съ помѣщиками по многимъ жизненымъ статьямъ, съ другой. Смѣшеніе нормъ строгаго закона съ слишкомъ подвижнымъ обычаемъ, одинъ изъ самыхъ большихъ дефектовъ Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. Самымъ разительнымъ, показателемъ серьезныхъ дефектовъ этого положенія служитъ сохранившійся до настоящаго дня институтъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

II.

Крестьянская реформа въ Кутаисской губ.

I.

Предварительныя подготовительныя работы.

Окончаніе работъ по проведенію крестьянской реформы въ Тифлисской губ. въ значительной степени облегчало Закавказской администраціи дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи въ другихъ частяхъ края, гдѣ находилось крѣпостное населеніе.

Вслѣдъ за Тифлисской губ. крестьянская рефома была поставлена на очереди въ Кутаисской. Тифлисская и Кутаисская губ., населенныя одной и той же народностью, родственной по духу и культурѣ, говорящей на одномъ и томъ же языкѣ, исповѣдывающей одну и ту же православную христіанскую религію, имѣли не тождественное историческое прошлое, не одновременно вошли въ составъ Россійской имперіи. Эти губерніи, несмотря на общность многихъ явленій культурной и духовной жизни, представляли очень крупныя различія, обусловленныя многочисленными орографическими и географическими особенностями, что въ свою очередь формировало своеобразные бытовые оттѣнки и различія, слѣдовательно, буквальное примѣніе къ крестьянскому населенію Кутаисской губ. всѣхъ началъ Мѣстнаго Положенія 13 окт. 1864 г., изданнаго для Тифлисской губ., представляло значительныя препятствія.

Закавказское начальство этими именно соображеніями руководилось, когда проведеніе крестьянской реформы разъединило въ названныхъ губерніяхъ; кромѣ этого серьезнаго соображенія у Закавказской высшей администраціи было и другое основаніе: ее остановила трудность и сложность задачи, и потому предпочтительной казалась постепенная работа по завершенію крестьянской реформы. Когда же крестьянская реформа стала въ Тифлисской губ. фактомъ,

когда уже были разработаны главнѣйшія основанія реформы, болѣе не представлялось возможнымъ откладывать дѣло. Вслѣдъ за окончаніемъ работъ, связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ въ Тифлисской губ. приступили къ такой же дѣятельности въ Кутаисской.

Въ предложеніи намѣстника Кутаисскому генералъ-губернатору, отъ 8 ноября 1864 г., было указано, что, „при начертаніи нынѣ работъ по крестьянскому дѣлу въ Кутаисской губ., предстоитъ лишь заняться *соображеніями объ изъятіяхъ, измѣненіяхъ означеннаго рода, которыя вызываются особенностями Кутаисской губ., въ цѣломъ ея составѣ или въ отдѣльныхъ ея частяхъ*“, слѣдовательно, предстоящая дѣятельность по выработкѣ основаній крестьянской реформы въ Кутаисской губ. рисовалась мѣстной высшей власти въ упрощенномъ видѣ. Признавая полную пригодность Мѣстнаго Положенія, изданнаго для Тифлисской губ. и для Кутаисской, Закавказская администрація предполагала вносить въ уже готовое Положеніе новыя нормы и статьи, вызванныя особенностями быта и жизни крѣпостного населенія Кутаисской губ.

Для участія въ предварительныхъ работахъ по выработкѣ положенія для Кутаисской губ. первоначально предполагали, по примѣру Тифлисской губ., призвать заинтересованное въ дѣлѣ дворянство, „но такъ какъ опытъ показалъ, что отдѣльныя собранія по уѣздамъ ни къ какому результату не привели, что сужденія возможны были только въ губернскомъ собраніи, а правильность и успѣшность всякихъ преній обусловливается ограниченіемъ числа совѣщающихся, то для „скорости и успѣшности дѣла“ рѣшили избрать другой путь. Отъ каждаго уѣзда губерніи, гдѣ было крѣпостное населеніе, были избраны дворянскіе представители: 2—отъ князей, 2—отъ дворянъ или азнауровъ; эти депутаты отъ уѣзднаго дворянства вмѣстѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства должны были собраться не позже 30 ноября въ г. Кутаисѣ; а 1 декабря, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, долженъ было открыться общій губернскій депутатскій съѣздъ дворянства; съѣздъ или комитетъ дворянскихъ представителей получилъ экземпляръ уже изданнаго Положенія для Тиф-

лисской губ., съ тѣмъ чтобы, не касаясь основныхъ началъ его, „составить *соображенія о тѣхъ измѣненіяхъ въ частностяхъ, какія онъ найдетъ необходимымъ по особенностямъ помѣщичьихъ имѣній въ Кутаисской губ.*“. Срокъ для работъ былъ положенъ 3-хъ мѣсячный, т. е. до 1 марта 1865 г.

Дворянскій комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, учрежденный въ г. Кутаисѣ, закончилъ свои работы 28 февраля 1865 г. и передалъ свой проектъ предположеній въ правительственную коммиссію, которая стала функціонировать съ 1 марта. Коммиссія состояла подъ предѣдательствомъ директора департамента судебныхъ дѣлъ Главнаго Управленія намѣстника т. с. Багратіонъ-Мухранскаго; членами ея состояли: Кутаисскій гражданскій губернаторъ, кн. Святополкъ-Мирскій, предсѣдатель губернскаго суда, губернскій предводитель дворянства кн. Церетели, членъ Тифлисскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Гурамовъ, какъ человѣкъ практически знакомый съ крестьянскимъ вопросомъ въ Имеретіи и 4 чиновника по назначенію губернатора: совѣтникъ Кутаисскаго губернскаго суда н. с. Шиманскій, окружный начальникъ Сенакскаго у. кн. Цулукидзе, ротмистръ кн. Цулукидзе и находящійся въ Кутаисской губ. для составленія инвентарнаго описанія имѣній, чиновникъ Главнаго Управленія намѣстника кол. сов. Бениславскій, въ качествѣ дѣлопроизводителя коммиссіи.

Въ 2-хъ мѣсячный срокъ коммиссія обязана была составить проектъ Мѣстнаго Положенія для Кутаисской губ., принявъ во вниманіе предположеніе дворянскаго проекта по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и представить его къ 15 мая въ Тифлисъ для дальнѣйшаго сужденія и выработки окончательнаго проекта въ Закавказскомъ центральномъ комитетѣ. Мѣстная власть расчитывала осенью 1865 г. уже обнародовать Положеніе.

Правительственная коммиссія по открытіи своихъ дѣйствій приглашала на совѣщанія опытныхъ свѣдущихъ лицъ изъ дворянскаго сословія губерніи. Предсѣдатель коммиссіи, кн. Багратіонъ-Мухранскій вмѣстѣ съ однимъ членомъ ея совершили поѣздку по Кутаисскому у.; объѣздъ уѣзда продолжался семь дней. Цѣль поѣздки заключалась въ томъ,

чтобы „посредствомъ разспросовъ помѣщиковъ и крестьянъ провѣрить“ насколько допустима проектированная дворянскимъ комитетомъ крестьянская реформа; въ то же самое время они пытались *„личными объясненіями съ членами обоихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословій“* ознакомить ихъ *съ „существомъ главныхъ основаній“* крестьянской реформы, чтобы такимъ способомъ, по возможности, устранить *„ошибочное пониманіе ея* (крестьянской реформы), *которая порождаетъ неосновательныя опасенія одного сословія и преувеличенія, неумѣстныя ожиданія другого“*. Къ сожалѣнію, изъ архивныхъ дѣлъ не видно, какія впечатлѣнія вынесли и чего достигли кн. Багратіонъ-Мухранскій и его спутникъ.

Правительственная коммиссія свои занятія закончила 26 апрѣля 1865 г. и представила проектъ положенія Закавказскому центральному комитету для дальнѣйшихъ сужденій.

II.

Мнѣніе дворянства Кутаисской губ. о крестьянской реформѣ.

Въ г. Кутаисѣ происходили засѣданія дворянскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, какъ предпочитали все еще выражаться, какъ оффиціальныя бумаги, такъ и дворяне губерніи.

Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ уѣздныхъ предводителей, и депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства, по 4 человѣка отъ каждаго.

Засѣданія состояли 18 и 20 дек. 1864 г., 17, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29 января; 2, 4, 7, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 27 февраля 1865 г.,

Совѣщанія дворянъ закончились изготовленіемъ „Записки“, которая и представляетъ проектированную дворянствомъ Кутаисской губ. крестьянскую реформу.

Прежде чѣмъ высказаться о необходимыхъ реформахъ въ быту крѣпостныхъ крестьянъ, дворянство пожелало имѣть принципіальныя сужденія о крестьянской реформѣ и отмѣтить вообще свое къ ней отношеніе.

Дворяне Кутаисской губ. указали на древность крѣпостного института въ Имеретіи и Гуріи (Кутаисской губ.); дворяне понимаютъ важность и необходимость предстоящаго раскрѣпощенія населенія: „со времени введенія въ Имеретіи христіанской религіи, придавшей божественнымъ вліяніямъ своимъ грузинскому народу особый обликъ или отпечатокъ, столь рѣзко отличающій его отъ другихъ сопредѣльныхъ съ нимъ народовъ и сохранившійся ненарушимымъ въ теченіе многихъ вѣковъ, посреди внутреннихъ смутъ и многократныхъ вторженій внѣшнихъ враговъ, не

было еще ни одного событія (за исключеніемъ присоединенія грузинскаго народа къ составу Россійской имперіи, отразившагося неисчислимыми благами для края и послѣдствіями въ отношеніи возвышенія уровня общаго благосостоянія и образованности всѣхъ классовъ), которое, по великому значенію своему, могло бы сравниться съ предстоящею намъ теперь крестьянскою реформою. *Необходимость улучшенія крестьянскаго быта, вызываемая этою реформою, стала очевидной, а распространяться теперь объ этомъ, когда уже въ Россіи воспользовалось свободою 20 милл. душъ крестьянъ было бы излишнимъ* Можно только сказать, что реформа крестьянская есть ничто иное, какъ *дальнѣйшее осуществленіе на дѣлѣ братской любви, завѣщанной намъ нашимъ Божественнымъ Спасителемъ*. Имѣя это въ виду, мы помѣщики, *нося званіе христіанъ, обязаны, по долгу совѣсти и любви къ ближнему*, содѣйствовать, по силамъ нашимъ, скорѣйшему осуществленію настоящаго предположенія такъ, чтобы *младшіе братья наши крестьяне*, съ коими мы прожили столько столѣтій дружно, сохранили къ намъ и на будущее время то *довѣріе и привязанность*, коими мы пользовались отъ нихъ до настоящаго времени. Крестьяне наши *никогда не обнаруживали противъ насъ неудовольствія, имѣющаго характеръ возстанія*, а напротивъ, они раздѣляли съ нами терпѣливо всѣ бѣдствія, которыя мы переносили отъ вторженія враговъ и домашнихъ смутъ"; съ этими характерными выраженіями общихъ сужденій мы уже познакомились, когда изучали мнѣнія Тифлисскихъ дворянъ; разница только въ деталяхъ, варіаціяхъ; дворяне Кутаисской губ. готовы даровать своимъ крестьянамъ „самостоятельный бытъ" и обѣщаютъ, что крѣпостные не будутъ „обижены въ имущественныхъ интересахъ своихъ, *насколько это окажется возможнымъ безъ причиненія чувствительнаго вреда собственнымъ нашимъ выгодамъ*", такимъ образомъ, широкая, казалось бы, готовность участія въ реформѣ, немедленно ограничивается т. е. дворянство опасается, что реформа можетъ потребовать лишеній съ ихъ стороны; они, повидимому, готовы понести эти лишенія, но при одномъ важномъ условіи, чтобы это не было „чувствительно",

Крестьяне, доказывали дворяне Кутаисской губ., пріі-

обрѣтались помѣщиками пожалованіями царей и владѣтелей за разныя „заслуги и пожертвованія“ отечеству, сопровождавшіяся „пролитіемъ крови“. Владѣніе крестьянами, кромѣ непосредственной матеріальной выгоды, предоставляло князьямъ и дворянамъ высокое значеніе и положеніе въ государствѣ (Ул. Вахтанга, ст. 23), въ силу такого значенія владѣнія душами, дворяне „на пріобрѣтеніе ихъ, какъ дозволенное закономъ, и обычаемъ, обращали все свое достояніе“. Помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ и на ихъ достояніе, какъ на свою собственность, которыми располагали „по своему произволу“. „Дворянство, пользуясь вѣковыми правами, продолжало до настоящаго времени пріобрѣтать крестьянъ безъ земли и съ землями и для домашней службы дѣвокъ, жертвуя всѣмъ остальнымъ достояніемъ и самыми лучшими землями, угодьями и садами. Цѣна одной служанки доходила до 300 р.“ Съ упраздненіемъ крѣпостного права, права на личность и имущество крестьянъ помѣщичье благополучіе подвергнется очень тяжелому испытанію и экономическому потрясенію. Дворяне знаютъ, что имъ не предоставлено право касаться вопроса вознагражденіи за личную свободу крестьянъ, но, тѣмъ не менѣе, они не могутъ въ виду жизненности этой статьи обойти его молчаніемъ. Особенности помѣщицьяго хозяйства и всего строя ихъ жизни вынуждаютъ просить и настаивать на вознагражденіи помѣщиковъ за личность крестьянъ: „никто изъ помѣщиковъ не имѣетъ устроеннаго собственнаго правильнаго хозяйства и не имѣетъ полей для, такъ называемой, господской запашки, какъ это существуетъ въ Россіи и даже въ Тифлисской губ.“, такое положеніе есть слѣдствіе историческихъ условій жизни края: „помѣщики, бывъ обязаны быть въ готовности всегда защищать свой край отъ нападеній окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ внѣшнихъ враговъ, не имѣли ни времени, ни возможности приниматься за устройство всего того, что необходимо для правильнаго веденія хозяйства. Они, предоставивъ земли свои крестьянамъ, получали отъ нихъ не только необходимые припасы для ежедневнаго пропитанія своего, но и при постигавшихъ ихъ несчастіяхъ или радостныхъ случаяхъ ихъ жизни, какъ, напримѣръ, смерти, по-

жарѣ, плѣненіи, или свадьбѣ и рожденіи и проч. получали все необходимое отъ крестьянъ", „нужды помѣщиковъ, по простотѣ своей, были приноровлены къ быту крестьянъ", такимъ образомъ, помѣщики „составляли со своими крестьянами *какъ бы одну семью, коей они были главою*", этотъ „патріархальный обычай, за весьма немногими исключеніями существуетъ въ настоящее время". Когда будетъ упразднена личная зависимость крестьянъ, помѣщики, которые своихъ хозяйствъ не имѣютъ, „очутятся въ положенія самомъ страдальческомъ и, подъ вліяніемъ заботы о пріисканіи для себя ежедневнаго пропитанія, не будутъ имѣть возможности обзавестись собственнымъ хозяйствомъ". При такихъ условіяхъ уже высшее начальство, правительство обязано взять на себя миссію спасенія погибающаго дворянства; для этого необходимо произвести слѣдующую операцію: взять миминимальную стоимость прислуги, получаемой помѣщикомъ отъ одного дыма въ 20 р. въ годъ и капитализировать эти деньги изъ 6% годовыхъ; при такихъ разсчетахъ окажется что помѣщикъ, пользующійся одной прислугой съ дыма, теряя ее съ упраздненіемъ личной зависимости, долженъ получить не менѣе 320 р. вознагражденія съ дыма, „это то вознагражденіе, самое справедливое, по своимъ основаніямъ, и доставило бы... помѣщикамъ средства для устройства собственныхъ хозяйствъ, которыя могли бы уже быть поддерживаемы тѣми доходами, коими крестьяне будутъ обязаны бывшимъ своимъ помѣщикамъ собственно за отведенныя въ пользованіе ихъ, крестьянъ, земли и другія угодія". Дворянство въ „*порывѣ благодарнаго стремленія*—не отстать отъ другихъ помѣщиковъ имперіи—*заявляетъ готовность освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости*".

Дворянство не желаетъ тормозить дѣла реформы, они убѣждены въ необходимости ея, понимаютъ, „что быть крестьянъ не можетъ быть улучшенъ, не предоставивъ имъ права состоянія свободныхъ сельскихъ жителей, предоставивъ это право, нужно освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, слѣдовательно, и отъ всѣхъ личныхъ повинностей", если тѣмъ не менѣе помѣщики добиваются вознагражденія именно за дарованіе крестьянамъ личной свободы, то къ этому принуждаетъ ихъ безвыходная нужда и бѣдность, признанная правительствомъ.

1) *О правахъ крестьянъ на движимое имущество.*

Покончивъ съ вопросомъ о вознагражденіи дворянъ за личную свободу крестьянъ, Кутаисскій дворянскій комитетъ приступилъ къ обсужденію статей, связанныхъ съ крестьянской реформой.

Первымъ дебатировался вопросъ о правахъ крестьянъ на движимое имущество; комитетъ безъ большихъ преній пришелъ къ заключенію, что „все движимое имущество крестьянъ, какъ то домашнія вещи, рабочія орудія, скотъ“ полная собственность крестьянъ.

2) *О правахъ крестьянъ на жилые дома и другія хозяйственныя строенія.*

Въ первоначальныхъ своихъ сужденіяхъ комитетъ высказался противъ примѣненія къ Кутаисской губ. тѣхъ статей Мѣстнаго Положенія (ст. 18, прим. 1, 2), по которымъ къ усадебной осѣдлости были отнесены жилые дома и хозяйственныя строенія, одновременно съ этимъ протестомъ дворяне были противъ признанія этихъ строеній крестьянской собственностью. Свой протестъ дворянскій комитетъ обстоятельно мотивировалъ, ссылаясь на прошлую обычную практику; по утвержденію комитета, 1) многіе крестьяне были пожалованы царями и владѣтелями дворянамъ со всѣми ихъ землями и находящимися на нихъ постройками, актъ пожалованія утверждалъ права собственности не только на крестьянъ, но и на все имущество ихъ, это право исторически существовало и на основаніи его помѣщики передавали права собственности, путемъ завѣщанія и другими способами, и никто противъ такихъ дѣйствій помѣщиковъ не возражалъ и никакія недоразумѣнія и споры по этимъ предметамъ не возникали; 2) жилые дома, хозяйственныя строенія, на которые помѣщики заявляютъ свои претензіи возводились изъ матеріаловъ, которыми крестьяне пользовались безвозмездно изъ помѣщичьихъ лѣсовъ; 3) когда помѣщики пріобрѣтали крестьянъ на личныя средства, то передавали вмѣстѣ съ усадьбой жилые дома и хозяйственныя строенія или утилизировали для такихъ надобностей выморочныя усадьбы, или же, въ крайнемъ случаѣ, спеціально покупали для своихъ новыхъ крестьянъ;

4) во время раздѣловъ крестьянскихъ семействъ, особенно моджалабовъ, тѣмъ изъ нихъ, которые на личныя средства не могли устраивать усадебной осѣдлости, помѣщики отъ себя давали необходимыя жилыя и другія хозяйственныя строенія; 5) для первоначальнаго обзаведенія усадебной осѣдлостью помѣщики предоставляли своимъ крестьянамъ льготу въ отбываніи повинностей на болѣе или менѣе продолжительное время, а иногда даже приходили на помощь со своими рабочими; 6) жилыя и хозяйственныя строенія въ Тифлисской и Кутаисской губ. представляютъ большія отличія, что не позволяетъ подводить ихъ подъ одинаковыя условія пользованія; въ Тифлисской губ. жилыя постройки сложены въ землѣ изъ брусьевъ съ земляною сверху насыпью, вмѣсто крыши, поэтому они неудобны для сноса и малоцѣнны; между тѣмъ въ Кутаисской губ. жилыя строенія возводятся на поверхности земли, складываются изъ брусьевъ и легко могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто, отъ того они и представляютъ замѣтную хозяйственную цѣнность. Опираясь на эти доводы, Кутаисскій дворянскій комитетъ требовалъ признанія помѣщичьяго права собственности на жилыя и хозяйственныя строенія; признаніе такого права поставило бы освобождающихся крестьянъ въ весьма тяжелое положеніе, что понимали дворяне, и они нѣсколько стали ограничивать строгость своихъ притязаній. Дворянскій комитетъ не забываетъ, что въ иныхъ случаяхъ крестьяне своими собственными трудами и средствами возводили въ усадьбахъ постройки, а въ другихъ, получая ихъ въ готовомъ видѣ отъ помѣщика, поддерживали своими личными усиліями, принимая во вниманіе всѣ подобнаго рода обстоятельства, дворянскій комитетъ готовъ признать нѣкоторое право собственности крестьянъ на хозяйственныя строенія, посколько это право опредѣляется затратами крестьянскаго труда; для предупрежденія споровъ и недоразумѣній дворянскій комитетъ согласенъ отказаться отъ полнаго права собственности на хозяйственныя строенія, за то категорически настаиваетъ на отчужденіи помѣщикамъ четвертой части строеній; въ усадьбахъ, гдѣ выдѣленіе четвертой части строеній будетъ сопряжено съ разстройствомъ усадебнаго хозяйства, тамъ въ теченіи од-

ного года, со дня утвержденія Положенія, постройки должны подвергнуться оцѣнкѣ и помѣщику выплачена четвертая часть оцѣночной стоимости. Никакихъ требованій помѣщики не заявляютъ и признаютъ полной собственностью крестьянъ всѣ устроенныя ими на собственныя средства на помѣщичьей землѣ „жилыя, хозяйственныя и общественныя строенія, промышленныя и торговыя заведенія". По закону царя Вахтанга, говоритъ комитетъ, „все безъ различія имущество крестьянъ принадлежитъ помѣщику, также какъ и они сами лично, но это требованіе закона было *номинальное, а не положительное* т. е. что на практикѣ въ буквальномъ значеніи онъ рѣдко осуществлялся. Такъ, напримѣръ, когда оставалось выморочное, послѣ крестьянина, имѣніе, то тогда и осуществлялось означенное право помѣщика на все принадлежащее крестьянину имущество; но при нормальныхъ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянину сей послѣдній пользовался, безъ ограниченія, всѣми хозяйственными обзаведеніями. Иначе и быть не могло, ибо, въ противномъ случаѣ, крестьянинъ не имѣлъ бы возможности содержать помѣщика средствами своими т. е. доставлять ему все нужное для пропитанія и другихъ потребностей", на все устроенное трудами своими крестьянинъ имѣетъ право собственности, поэтому признаніе права собственности на строенія, сады, созданные трудами крестьянъ „составляетъ для помѣщиковъ *не только долгъ справедливости*, но обусловливается еще *правомъ самихъ крестьянъ* на эти имущества, освященнымъ обычаемъ прошедшаго времени".

Хотя помѣщики изъявили полную готовность признать трудъ крестьянина основаніемъ права собственности, однако ихъ домогательства на четвертую часть строеній крестьянскихъ сводили къ нулю значеніе послѣдней уступки. На защиту крестьянскихъ интересовъ выступила правительственная коммиссія, которая стала на чисто формальную сторону и доказывала, что, по смыслу какъ общихъ крестьянскихъ законоположеній, такъ и Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., усадебныя постройки собственность крестьянъ. Если изслѣдованія покажутъ, что крестьянскія постройки возведены крестьянами или передѣланы и исправлены ими на свой счетъ, или даже получены въ даръ отъ помѣ-

щика, то эти строенія должны быть признаваемы крестьянской собственностью; можетъ случиться, что помѣщикъ будетъ доказывать, что постройки, переданныя въ недавнее время крестьянамъ, не могли ими въ значительной степени исправлены и на этомъ основаніи требовать вознагражденія, но какіе бы доводы помѣщики не представляли, крестьяне не должны лишаться правъ собственности. По смыслу общихъ крестьянскихъ законоположеній право собственности помѣщика на состоявшія во владѣніи крестьянъ постройки не отвергаются, но, продолжаетъ коммиссія, по тому же смыслу законоположеній помѣщикамъ не предоставлено право искать вознагражденія, въ какихъ бы то ни было частяхъ, за отходящія къ крестьянамъ строенія, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній, ни формальныхъ, ни по существу, чтобы вносить измѣненія въ Мѣстное Положеніе для Тифлисской губ. и соотвѣтствующія статьи этого положенія (18-23) должны остаться въ силѣ и для Кутаисской губ.

3) *О правахъ крестьянъ на пріобрѣтенныя ими земли.*

По всѣмъ спорнымъ вопросамъ, связаннымъ съ правомъ крестьянъ на пріобрѣтенныя ими недвижимыя имѣнія, Тифлисскій центральный комитетъ принялъ установленныя для подобныхъ случаевъ правила 32 ст. Общаго Положенія. Помѣщики Кутаисской губ. высказывались въ данномъ случаѣ въ томъ же направленіи, какъ и Тифлисскіе дворяне. Они указывали на рядъ моментовъ, которые должны были обусловливать права помѣщиковъ на крестьянскія пріобрѣтенія: 1) при пожалованіи крестьянъ дворянамъ въ грамотахъ указывалось, въ общихъ выраженіяхъ, что крестьяне „жалуются съ имѣніемъ и достояніемъ, и всѣмъ тѣмъ, что они имѣютъ“, или „съ землею купленною и некупленной“, 2) сами помѣщики продавали крѣпостныхъ „безъ различія правъ крестьянъ на ту или другую землю“, 3) крестьяне съ дозволенія помѣщиковъ продавали помѣщичьи земли и на вырученныя деньги пріобрѣтали другія или обмѣнивали помѣщичьи земли на другія болѣе удобныя по хозяйственнымъ разсчетамъ, такія операціи имѣли мѣсто въ послѣдніе, передъ реформой, годы и помѣщики допускали все это

„вслѣдствіе убѣжденія“, что „крестьяне въ этихъ пріобрѣтеніяхъ не признавали никакого своего участія“ т. е. не признавали правъ собственности на земли, которыя были объектомъ вышеуказанныхъ распоряженій.

Помѣщики не отрицаютъ, что крестьяне въ Кутаисской губ. покупали земли, но крестьянинъ не „пріобрѣталъ права распоряжаться купленной землей на правѣ собственности“, цѣль покупки состояла лишь въ въ обезпеченіи земельнымъ довольствіемъ крестьянъ, чтобы въ случаѣ раздѣловъ крестьянскія семейства, безъ затрудненія, могли исправлять повинности предъ помѣщиками. Доказательствомъ того, что сами крестьяне не признавали купленной земли своей собственностью, по мнѣнію дворянскаго комитета, служитъ то, что ни во времена самостоятельнаго политическаго существованія Имеретіи и Гуріи, ни въ эпоху русскаго владычества, „нѣтъ въ виду заявленія о правахъ своихъ (крестьянъ) на купленныя земли“, „сама верховная власть не признавала права крестьянъ на купленныя земли, предоставляя таковыя по грамотамъ помѣщикамъ“.

Утверждая свои права на земельныя пріобрѣтенія крестьянъ, помѣщики Кутаисской губ., помимо доводовъ уже выставленныхъ, опирались, главнымъ образомъ, на основное утвержденіе законодателя, изъ котораго вытекалъ рядъ послѣдующихъ положеній, что все принадлежащее крестьянину, есть собственность помѣщика, какъ и самъ крестьянинъ; выше мы уже указывали, что сами помѣщики признали за этой нормой закона „номинальное“ а не „положительное значеніе“ и естественно сами себѣ противорѣчили. Мало того, помѣщики слишкомъ суммарно коснулись спеціально крестьянскихъ пріобрѣтеній, которыя съ дозволенія помѣщиковъ практиковались; сужденію помѣщиковъ подлежалъ именно вопросъ о такихъ пріобрѣтеніяхъ крестьянъ, которыя были произведены въ эпоху крѣпостного права, помѣщики обошли этотъ вопросъ, затемнили его посторонними соображеніями, не вытекающими изъ существа дебатируемой статьи и рѣшали огульно, смѣшивая разнородные предметы.

Однако, нельзя не указать на другіе мотивы, выставленные дворянами Кутаисской губ. въ защиту своихъ при-

тязаній на земельныя пріобрѣтенія крестьянъ. Помѣщики просили обратить вниманіе на то, что они не имѣли „обыкновенія оставлять подъ собственныя запашки земли, которыя они предоставляли всегда въ пользованіе крестьянамъ, требуя отъ нихъ только отбыванія повинности по обычаю“, не занимаясь лично хлѣбопашествомъ, помѣщики не только, „отдавали, безъ затрудненія, своимъ крестьянамъ выморочныя имущества, которыя принадлежали помѣщикамъ исключительно, но еще старались всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами увеличить крестьянскіе надѣлы и собственными средствами своими содѣйствовать крестьянамъ къ пріобрѣтенію земель у постороннихъ лицъ или же позволяли имъ продавать земли, которыми они были надѣлены отъ помѣщика, когда представлялся случай крестьянину пріобрѣсти, взамѣнъ такого участка, другую землю, соединяющую въ себѣ болѣе выгодныя для хлѣбопашества условія и на таковыя пріобрѣтенія выдавали, безразлично, крестьянамъ отъ себя бумаги на принадлежность имъ подобныхъ земель въ томъ убѣжденіи, что крестьянинъ съ своею землею принадлежитъ помѣщику и что послѣдній, по существовавшимъ законамъ, не могъ тогда ожидать того, что при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ можетъ лишиться своего помѣщичьяго права на означенныя земли“. Помѣщикъ, помогая крестьянину пріобрѣтать земли, преслѣдовалъ одну единственную цѣль: „обезпечить тѣмъ самымъ и свое благосостояніе, ибо, чѣмъ болѣе крестьянинъ имѣлъ земли, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ средствъ къ исправному отбыванію повинности своему помѣщику“.

Не мало усилій затратили дворяне Кутаисской губ., чтобы обратить вниманіе правительства на особенности топографіи Кутаисской губ., отличающія ее не только отъ внутреннихъ губерній Россіи, но отъ Тифлисской. Эти отличія также должны, по мнѣнію дворянства, служить аргументомъ въ числѣ другихъ, утверждающихъ помѣщичьи права на земельныя пріобрѣтенія крестьянъ. Въ Россіи и даже въ Тифлисской губ., доказываютъ дворяне, помѣщичьи земли образуютъ цѣльныя пространства, и крестьянамъ „весьма трудно заявить право на владѣніе небольшимъ участкомъ этихъ сплошныхъ пространствъ“, но въ Кутаис-

ской губ., наоборотъ, „помѣщики владѣютъ мелкими чрезполосными участками земель“, и крестьяне могутъ легко, „безъ затрудненія, предъявить къ дѣлу подложно составленныя бумаги о пріобрѣтеніи ими подобныхъ небольшихъ участковъ земли и, *пользуясь круговою порукою, найдутъ всегда готовыхъ свидѣтелей*“. Наконецъ, по увѣреніямъ Кутаисскаго дворянскаго комитета, „нѣтъ особенной надобности настаивать на томъ, чтобы за крестьянами было оставляемо много земли, ибо извѣстно, что богатство крестьянина зависитъ не столько отъ количества владѣемой земли, сколько отъ душъ мужескаго пола, способныхъ къ работѣ и въ одномъ дымѣ находящихся“, оказывается даже, что „крестьянинъ заботится обыкновено о пріобрѣтеніи земли тогда только, когда у него большая семья и много рабочихъ рукъ“. Всѣми этими доводами, бездоказательными и парадоксальными, какъ послѣдній, помѣщики неустанно стремились къ достиженію намѣченной цѣли, обезземеленію крестьянства и шли дворяне Кутаисской губ. въ этомъ направленіи съ весьма слабымъ пониманіемъ обстоятельствъ и историческаго момента; такъ же рѣшительно, не всегда логически послѣдовательнымъ и убѣдительнымъ становились дворянство Кутаисской губ., какъ и Тифлисской.

Дворянъ особенно страшитъ то обстоятельство, что послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости будутъ „силою необходимости“ вынуждены завести собственныя запашки и, главное, на многихъ земляхъ, которыми владѣютъ крестьяне „по разнымъ домашнимъ бумагамъ, выданнымъ имъ отъ помѣщиковъ въ прежнее время“; въ Имеретіи, какъ утверждали дворяне, крестьянъ владѣльцевъ по домашнимъ актамъ очень много, поэтому опасаются они примѣненія ко всѣмъ этимъ землямъ 32 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, что можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ для дворянства, которое „доведено будетъ вдругъ до крайняго разоренія“. Во избѣжаніе такихъ „гибельныхъ для дворянскаго сословія послѣдствій“, комитетъ Кутаисской губ. обращается съ ходатайствомъ къ высшей власти о томъ, чтобы для помѣщиковъ Имеретіи и Гуріи было сдѣлано исключеніе относительно примѣненія 32 ст. Общ. Пол.; помѣщики просятъ только тѣ земли при-

знать крестьянской собственностью, на которыя у нихъ окажутся въ законномъ порядкѣ совершенные акты со дня водворенія русской власти; земли, на которыя крестьяне будутъ претендовать въ явочномъ порядкѣ или будутъ предъявлять домашніе акты и если подлинность ихъ не будетъ опровергнута, то помѣщики готовы раздѣлить ихъ пополамъ, съ тѣмъ чтобы каждая изъ сторонъ была утверждена въ правахъ собственности на свою часть. Депутаты Кутаисскаго, Шорапанскаго и Рачинскаго у. просили только оговорить, что права собственности крестьянъ на уступаемыя половины, которыми крестьяне владѣютъ по домашнимъ актомъ, тогда только будутъ законнымъ образомъ утверждаться, когда будетъ доказана 10 лѣтняя давность. Депутаты Озургетскаго уѣзда соглашались признать названныя земли за крестьянами, если пріобрѣтенія ими были сдѣланы со времени уничтоженія дѣйствія законовъ Вахтанга, т. е. съ 1859 г. Всѣ остальныя земли, на которыя никакихъ актовъ и никакихъ претензій не заявляется, должны составить безспорную и неотъемлемую собственность дворянъ.

Правительственная коммиссія занялась изслѣдованіемъ общаго вопроса о правѣ крестьянъ на пріобрѣтенныя ими земли: она исходила изъ того соображенія, что крестьянскія законоположенія 19 февраля уже распространены на Тифлисскую, губ., съ другой стороны, что по дѣйствующимъ законамъ о крѣпостномъ населеніи въ Тифлисской и Кутаисской губ., и по обычному праву, крѣпостные крестьяне въ Кутаисской губ. не подвергались въ правахъ на пріобрѣтенныя недвижимыя имущества, а равно въ правахъ пріобрѣтенія ихъ большимъ ограниченіямъ, чѣмъ въ Тифлисской губ. и наконецъ,—что въ обѣихъ губерніяхъ по дебатируемому вопросу существовала почти одинаковая практика, поэтому коммиссія не согласилась допустить „въ ущербъ крестьянскому сословію Кутаисской губ. изъятія изъ правъ, дарованныхъ крестьянскому сословію законоположеніями 19 ф. 1861 г.“. Однако, коммиссія въ нѣкоторыхъ пунктахъ домогательства дворянъ вполнѣ съ ними солидарна; такъ, коммиссія полагаетъ, что пріобрѣтенія, сдѣланныя крестьянами въ теченіе времени, предшествовавшаго ихъ пожалонію помѣщику, не могутъ быть разсматриваемы, какъ крестьянскія.

янская собственность, такъ какъ права крестьянъ на личныя пріобрѣтенія упразднялись вмѣстѣ съ пожалованіемъ крестьянина помѣщику, который актомъ пожалованія становился полнымъ владѣльцемъ, какъ личности, такъ равно имѣній купленныхъ или въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянина состоящихъ. Коммиссія, далѣе, вмѣстѣ съ дворянской „Запиской“ оспариваетъ права крестьянъ на недвижимыя имѣнія пожалованныя помѣщикомъ крѣпостнымъ въ видахъ заботливости объ улучшеніи состоянія и въ знакъ милости къ крѣпостнымъ. Подобныя пожалованія со стороны помѣщиковъ обусловливались зависимыми отношеніями между сословіями, съ прекращеніемъ которыхъ волѣ и совѣсти помѣщика должно быть предоставлено сохраненіе въ силѣ всѣхъ распоряженій, вытекающихъ изъ чувства милосердія къ крѣпостному; но на земли пожалованныя помѣщикомъ изъ указанныхъ побужденій крестьяне никакихъ претензій заявлять не могутъ.

Имущества по актамъ продажи отчужденныя помѣщикомъ и пріобрѣтенныя крестьянами, составляютъ уже безспорную собственность крестьянъ. Что же касается недвижимыхъ имѣній, отданныхъ помѣщиками крестьянамъ на правѣ пользованія и переуступленныхъ послѣдними крестьянамъ другого помѣщика, то, согласно смыслу законоположеній 13 октября 1864 г., особенно дополнительныхъ къ нему правилъ (ст. 5, прим. 1.), при переуступкѣ, заключающей въ себѣ лишь отчужденіе правъ пользованія имуществомъ, къ нимъ не могутъ быть примѣнены тѣ правила, которыми признаются право собственности крестьянина на пріобрѣтенное имущество. Земельныя пріобрѣтенія крестьянъ отъ другихъ лицъ, подвластныхъ помѣщику, какъ то, азнауровъ, священниковъ изъ крестьянъ, состоящихъ еще въ зависимости отъ помѣщиковъ, по мнѣнію коммиссіи, составляютъ предметъ совершенно самостоятельнаго сужденія, потому что помѣщики названными категоріями лицъ владѣютъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ крестьянами и претензіи помѣщиковъ въ въ такихъ случаяхъ должны быть обращаемы не къ крестьянамъ, какъ пріобрѣтателямъ, а къ лицамъ отчуждавшимъ собственно помѣщичьи имѣнія, къ виновникамъ дѣянія, а за незаконную дѣятельность постороннихъ лицъ крестьяне не

могутъ отвѣтствовать. Хотя по нѣкоторымъ сторонамъ дебатируемаго вопроса о правѣ крестьянъ на земельныя пріобрѣтенія правительственная коммиссія и соглашалась съ доводами дворянской „Записки", но существенное дворянское предложеніе о признаніи за крестьянами лишь тѣхъ земельныхъ пріобрѣтеній, на которыя у крестьянъ могли оказаться подлинные акты, коммиссія рѣшительно отвергла, и пришла къ заключенію, что нѣтъ никакихъ основаній издавать новыя законоположенія, или дѣлать измѣненія и дополненія къ существующимъ, когда Общее Положеніе о крестьянахъ 19 февраля, особенно ст. 32 съ прилож. и Мѣстное Положенія для Тифлисской губ. разрѣшили этотъ спорный вопросъ о порядкѣ укрѣпленія за крестьянами недвижимостей, пріобрѣтенныхъ во время крѣпостной зависимости и на имя помѣщиковъ.

4) *Крестьянскій надѣлъ.*

Обсужденіе вопроса о крестьянскомъ надѣлѣ, опредѣленіе того, что должно войти въ составъ надѣла, выработка размѣра крестьянскаго надѣла вызвали очень много споровъ въ Кутаисскомъ дворянскомъ комитетѣ.

Послѣ долгихъ разсужденій Кутаисскій дворянскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что основанія принятыя Тифлисскимъ центральнымъ комитетомъ относительно крестьянской усадебной осѣдлости вполнѣ пріемлемы для Кутаисской губ., онъ полагаетъ, что „помѣщики, равно какъ крестьяне, принадлежа къ великой семьѣ, которую составляетъ государство, не могутъ отклонять отъ себя обязанностей, налагаемыхъ на нихъ правительственными требованіями. Крестьяне, вышедшіе изъ крестьянской зависимости должны будутъ нести лежащія на нихъ государственныя и земскія повинности, а потому они должны быть убѣждены, что дома, гдѣ они живутъ, земли и сады, коими они пользуются, *не могутъ быть отъ нихъ отобраны по одному произволу помѣщика.* Обезпеченіе ихъ въ семъ отношеніи вызывается не только *правительственною необходимостью*, но и выше нами изъясненнымъ нравственнымъ долгомъ, безъ исполненія коего, мы не могли бы надѣяться на сохраненіе дружескихъ отношеній къ бывшимъ нашимъ крѣпостнымъ",

потому дворяне признаютъ „не только справедливымъ“, но „для помѣщиковъ полезнымъ“, чтобы *крестьянское пользованіе* усадебною осѣдлостью, садами, полевою землею „не было ограничено какимъ либо срокомъ и было постоянное на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Россіи по законоположеніямъ 19 февр. 1861 г. *съ сохраненіемъ за помѣщиками права собственности на земли* и съ обязанностью крестьянъ нести за оныя установленныя повинности“. Кутаисское дворянство, какъ и дворянство Тифлисской губ., проектировало безземельное освобожденіе, т. е. исключительное право собственности на земли сохраняло за собою, но Кутаисское дворянство не такъ категорически отстаивало идею безземельнаго освобожденія, оно вполнѣ желательнымъ признавало выкупъ крестьянскихъ угодій. Такая уступка являлась слѣдствіемъ не внутренняго убѣжденія въ необходимости крестьянскаго обезпеченія, она была слѣдствіемъ лишь неизбѣжныхъ условій, которымъ сопровождалась крестьянская реформа вообще; крестьянское земельное обезпеченіе явилось непремѣннымъ условіемъ не только реформы во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, но и въ сосѣдней, родственной Тифлисской и Кутаисское дворянство отлично понимало безплодность домогательствъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Изучающему крестьянскую реформу можетъ показаться, что дворяне Кутаисской губ. въ своихъ эмансипаціонныхъ настроеніяхъ были демократичнѣе сосѣдей, но это одна видимость; демократизмъ ихъ былъ слѣдствіемъ того положенія, которое пришлось занять Кутаисскому дворянству въ крестьянской реформѣ. Это-демократизмъ по принужденію, подъ давленіемъ фактовъ состоявшейся реформы внутри Россіи и въ Тифлисской губ.

Помѣщики Кутаисской губ., хотя не возставали противъ крестьянскихъ земельныхъ выкуповъ, но предпочитали сохраненіе за крестьянами угодій лишь на правѣ пользованія т. е. болѣе склонялись къ превращенію освобожденныхъ крѣпостныхъ въ арендаторовъ дворянскихъ земель, при томъ вѣчныхъ арендаторовъ, таковъ смыслъ сохраненія за крестьянами земель: *предпочтительнѣе на правѣ пользованія.* Въ Имеретіи и Гуріи, по единогласнолу заявленію дворянскаго комитета, большая часть помѣщичьихъ земель, наилучшаго

качества, находилась въ пользованіи крестьянъ. Такое положеніе вещей было выгодно для помѣщиковъ, потому что хорошо надѣленные землей крестьяне добросовѣстно исполняли свои обязанности предъ помѣщиками, а земли, „находясь подъ присмотромъ крестьянъ, были оберегаемы ими отъ захвата и истребленія стороннихъ лицъ“. Предоставить всѣ эти земли крестьянамъ помѣщики не могутъ въ виду господствующаго въ губерніи малоземелья.

Комитетъ не сомнѣвается въ томъ, что никто не будетъ спорить о качественномъ превосходствѣ земель Кутаисской губ. предъ землями Тифлисской; о томъ, что полевыя земли въ Имеретіи и Гуріи сравнительно болѣе плодородны, доказательствомъ, между прочимъ, служитъ способъ обработки ея: вмѣсто тяжелаго плуга, которымъ пользуются въ Тифлисской губ., приводимаго въ дѣйствіе 4-мя или 8-ью парами сильныхъ буйволовъ и быковъ, имеретинъ или гуріецъ употребляетъ легкую соху съ парою тощихъ быковъ, и чтобы получить обильный урожай, полагается достаточнымъ взрыхлить почву только на нѣсколько вершковъ глубины. Эти указанія на плодородіе почвы и превосходство ея оказались нужными для Кутаисскаго дворянскаго комитета, чтобы доказать два очень существенныхъ положенія: 1) во-первыхъ, комитетъ противъ дѣленія земель на поливныя и неполивныя, такъ какъ, по свойству почвы, въ Кутаисской губ. не представляется надобности въ искусственномъ орошеніи; 2) во-вторыхъ, комитетъ домогается установленія иныхъ принциповъ для опредѣленія въ Кутаисской губ. высшаго размѣра надѣла полевой земли. Благодаря хорошей производительности почвы „высшій размѣръ подымнаго полевого участка долженъ быть несравненно менѣе, нежели въ Тифлисской губ.“, такимъ образомъ, для Имеретіи и Гуріи можетъ быть принятъ размѣръ поливныхъ полей Тифлисской губ., т. е. 10 дней паханія или 10 кцевъ по мѣстной земельной мѣрѣ; земельная мѣра Тифлисской губ., однодневное паханіе, была приравнена 1200 кв. саж. казенной мѣры, кцева—900 кв. с.; уравненіе однодневнаго паханія съ кцевой, принятое дворянскимъ комитетомъ, имѣло чисто формальное значеніе, по существу между эти мѣрами была большая разница, надѣлъ=10 дневному паханію составляетъ

5 дес., а 10 кцевъ—3 дес. 1800 кв. с., т. е. меньше высшаго размѣра надѣла противъ Тифлисской на 1 дес. 600 кв. с.; по предположенію комитета, разница въ размѣрѣ земельнаго надѣленія будетъ компенсироваться плодородіемъ почвы; однако, изъ подлинныхъ сужденіяхъ дворянскихъ депутатовъ, ни изъ дѣлопроизводства комитета не видно, на какихъ практическихъ, опытныхъ данныхъ, были основаны соображенія о компенсаціи размѣровъ надѣла его производительностью.

Въ пользу цѣлесообразности предложенной нормы надѣленія дворянскій комитетъ указалъ еще на то, что въ Имеретіи, по свойству гористой почвы, пахатной земли менѣе, чѣмъ въ Тифлисской губ.: половина высшаго размѣра т. е. 5 кцевъ — 4.500 кв. саж. или неполныхъ двѣ десятины, 1 д. 2100 кв. на дымъ будетъ составлять коренной участокъ полевого надѣла. Такой размѣръ коренного надѣла въ 5 кцевъ дворяне проектировали для Кутаисскаго у., для Шорапанскаго у.—предлагалось 4 кцевы, Рачинскаго—3 кц., отличающихся особеннымъ малоземельемъ. Излишекъ противъ этихъ нормъ крестьянскихъ надѣловъ, съ виноградниками маглари[1]) на земляхъ въ Кутаисскомъ, Озургетскомъ Шорапанскомъ у. у. долженъ быть предоставленъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика.

При опредѣленіи цѣнности надѣловъ помѣщики просили, сверхъ качествъ земли, принимать въ расчетъ густоту населенія, „ибо, нѣтъ сомнѣнія, что земли даже малоплодородныя въ мѣстахъ густо населенныхъ имѣютъ болѣе цѣны, нежели въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ“. На этомъ основаніи самыя цѣнныя полевыя земли оказывались въ Рачинскомъ уѣздѣ, гдѣ удобныхъ къ хлѣбопашеству полей было очень мало и недостаточно для удовлетворенія потребностей населенія, которое „по извѣстному жителей горъ свойству,

[1]) Виноградники, подъ названіемъ маглари, разводились на деревьяхъ, посреди пашенъ, фруктоваго сада, или просто на одиночныхъ высокихъ, большихъ деревьяхъ. Для такихъ виноградныхъ насажденій не требовалось спеціальнаго приспособленія земли. У корня дерева сажали лозу виноградную, которая, разрастаясь, захватывала почти все дерево.

не переходить въ другія мѣста, гдѣ есть болѣе въ отношеніи земли приволья", послѣ Рачинскаго у. цѣнныя земли, по указанію членовъ комитета, были въ Кутаисскомъ у., по долинѣ р. Ріона, гдѣ „земля даетъ урожай ежегодно и никогда не оставляется подъ паръ", далѣе, по степени цѣнности помѣщики расположили земли въ нагорной части Кутаисскаго уѣзда вмѣстѣ съ Шоропанскимъ, наконецъ, Озургетскій у. По мнѣнію членовъ дворянскаго комитета, въ крестьянскіе надѣлы должны быть включаемы и тѣ каменистыя пространства земель Имеретіи, которыя отличаются хорошей урожайностью, какъ это допущено для Тифлисской губ.

Если полевые участки, находящіеся въ пользованіи крестьянъ, будутъ менѣе проектированныхъ нормъ надѣла, то они „должны оставаться въ существующемъ размѣрѣ, безъ уменьшенія, за исключеніемъ случаевъ, предсмотрѣнныхъ ст. 6 Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ."

Во время отрѣзки отъ крестьянскихъ угодій, согласно ст. 5, 8, 42, 43 того же Положенія выборъ къ одному мѣсту участковъ, раздѣленныхъ на двѣ половины, представляется помѣщикамъ, потому что „крестьянину гораздо возможнѣе пользоваться, и охранять участки въ двухъ или трехъ мѣстахъ, нежели помѣщику, у котораго земли разбросаны здѣсь (въ Кутаисской губ.) небольшими частями въ разныхъ уѣздахъ и селеніяхъ".

Такимъ образомъ, „по вопросамъ объ опредѣленіи состава и размѣра каждаго изъ угодій, подлежащихъ къ предоставленію въ надѣлъ крестьянамъ, равно и о томъ, въ какомъ порядкѣ долженъ быть произведенъ отводъ надѣла и на какихъ основаніяхъ должно совершиться самое пользованіе онымъ со стороны крестьянъ, дворяне полагаютъ, что по первому вопросу т. е. по предмету опредѣленія состава и размѣра угодій подлежащихъ въ надѣлъ крестьянамъ", могутъ „безъ неудобства, принять состоявшіяся, по сему предмету, положенія для Тифлисской губ., на основаніи коихъ, изъ числа находящихся нынѣ въ пользованіи крестьянъ, земель, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣнныхъ покосовъ помѣщики, при малоземліи, могутъ отрѣзать съ свою пользу половинную ихъ часть, не включая въ эту отрѣзку лѣсовъ,

остающихся въ исключительномъ пользованіи помѣщиковъ, а, при многоземеліи, когда общее количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ крестьянскихъ домовъ, водворенныхъ въ томъ же селеніи на землѣ одного помѣщика, будетъ превышать, по разсчету на каждый дымъ, высшій размѣръ полевого надѣла, какой установится, помѣщикъ могъ бы весь излишекъ противу сего высшаго размѣра, оставлять также въ своемъ непосредственномъ владѣніи".

5) *Отводъ надѣла, разграниченіе и разверстка угодій, перенесеніе, обмѣнъ усадебъ и т. п.*

По вопросу о разграниченіи усадебъ и разверстки ихъ Кутаисскій дворянскій комитетъ считаетъ возможнымъ примѣненіе ст. 48—54 Мѣстнаго Положенія, изданнаго для Тифлисской губ. съ тѣмъ, чтобы къ этимъ правиламъ было прибавлено разрѣшеніе помѣщикамъ одной деревни, если они изъявятъ общее согласіе, для прекращанія чрезполосности съ крестьянами, отдѣлять къ одному мѣсту, всѣ остающіяся во владѣніи ихъ земли, не требуя на то согласія крестьянъ. Точно также комитетъ дворянъ принимаетъ ст. 63—71 того же Мѣстнаго Положенія о перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, но съ дополненіямъ, чтобы въ случаяхъ указанныхъ въ 56 ст. перенесеніе усадебъ, безъ согласія крестьянъ, было бы обязательно, если крестьянское усадебное строеніе находится ближе 200 саженъ отъ помѣщичьихъ строеній. Принимаются также ст. 73—78 Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. объ обмѣнѣ земель и угодій, но опять съ нѣкоторыми дополненіями, во 1) чтобы, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ 75 ст. помѣщики, имѣли право обмѣниваться съ крестьянами землями при всякихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ: для округленія своего земельнаго участка, для устройства плантацій, вѣтряныхъ мельницъ и др., 2) чтобы взамѣнъ отходящихъ отъ крестьянъ участковъ помѣщики при неимѣніи въ смежности собственныхъ земель, равныхъ по достоинству отходящей землѣ, могли выдавать въ другихъ мѣстахъ, на разстояніи 10 в., все это предлагается на томъ основаніи, что въ Гуріи и Имеретіи помѣщичьи земли слишкомъ разбросаны.

Наконецъ, дворянскій Комитетъ остановился на вопросѣ значительной важности о мельницахъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. По утвержденію дворянъ, мельницы „первая доходная статья"; устраивающій мельницу платить владѣльцамъ 1/2 доходовъ; поэтому ст. 20, 71, 72, 89, 92 мѣстнаго Пол. для Тифлисской губ. комитетъ считаетъ вполнѣ пріемлемыми, съ тѣмъ, чтобы 1) для опредѣленія платы, согласно 71 ст., оцѣнена была мельница со всѣмъ устройствомъ: канавами, землей и изъ 1/2 оцѣночной суммы уплачиваемы были помѣщику 6 %, 2) эти правила распространить на мельницы, которыя находятся внѣ черты усадебной осѣдлости на отведенной въ надѣлъ землѣ.

Право на рыбныя ловли и на охоту комитетъ признаетъ принадлежащимъ помѣщику, пользованіе ими крестьянамъ дозволяется только съ согласія помѣщика за опредѣленную лишь плату.

Касательно возвращенія крестьянскаго надѣла помѣщику дворянскій комитетъ принялъ ст. 107—119 и 120—127 Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

Когда въ дворянскомъ комитетѣ приступили къ сужденіямъ о виноградникахъ, то члены его просили добавленій къ ст. Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., относительно виноградниковъ маглари, которыхъ Тифлисская губ. не знаетъ; они настаивали на томъ, чтобы при отрѣзкѣ маглари, отчисленныхъ къ полевымъ угодіямъ, помѣщикъ вознаграждалъ крестьянина за виноградныя и плодовыя насажденія, по соглашенію.

Дворянскій комитетъ полагалъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ земли подъ маглари составляютъ усадьбы и полевые участки, пользованіе тѣми садами необходимо сдѣлать обязательнымъ для крестьянъ въ теченіи 9 лѣтъ послѣ освобожденія съ платой установленныхъ повинностей, особо отъ земли, затѣмъ примѣнить ст. 96—106 Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

Наконецъ, члены Кутаисскаго дворянскаго комитета просили „заблаговременно обратить вниманіе на устраненіе разбросанности крестьянскихъ усадебъ въ Имеретіи и Гуріи"; обычай разбросанности, разсѣянной жизни особнякомъ признается дворянами весьма вреднымъ, какъ для помѣщиковъ,

такъ для крестьянъ. Помѣщики благодаря этому „теряютъ очень много земли непроизводительно на дороги, соединяющія крестьянскія усадьбы“, а крестьяне, „имѣя обыкновенно около усадебъ и пашни, не могутъ ихъ охранять отъ потравъ своимъ скотомъ и лишаются такимъ образомъ части своихъ произведеній безъ всякой для себя пользы“, разбросанность усадебъ, помимо указанныхъ недостатковъ, будетъ впослѣдствіи мѣшать „хорошему устройству предполагаемыхъ сельскихъ обществъ и общественныхъ ихъ управленій: легко себѣ представить будущія затрудненія сельскаго старосты при передачѣ чинамъ общества разныхъ своихъ распоряженій, когда эти чины будутъ жить на большихъ одинъ отъ другого разстояніяхъ“. Разбросанность крестьянскихъ усадебъ немало будетъ мѣшать устройству общихъ пастбищъ и выгоновъ и будетъ „весьма вредна въ нравственномъ отношеніи, ибо крестьянинъ, находясь внѣ полезнаго контроля сельскаго общества, имѣетъ много удобства къ сохраненію въ тайнѣ беззаконныхъ своихъ дѣйствій, что и содѣйствуетъ развитію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воровства лошадей и другого рабочаго скота“. Безспорно правильны всѣ эти указанія членовъ дворянскаго комитета, но они совершенно игнорировали тѣ условія, которыя способствовали разсѣянію и разбросанности крестьянскихъ усадебъ; гористость губерніи, изрѣзанность ручьями, ручейками; горныя долины и холмы, только и дозволяли крестьянамъ селиться разъединенно, и избирать для усадебъ мѣста, насколько это допускала топографія мѣстности. Мѣры, предложенныя помѣщиками Кутаисской губ. для уничтоженія такой разсѣянной крестьянской усадебной осѣдлости не могли достигнуть цѣли, ибо пришлось бы вступить въ безцѣльную борьбу съ непреодолимыми топографическими условіями, и съ исторически сложившимся характеромъ поселеній, разрушеніе которыхъ было сопряжено съ экономическимъ разстройствомъ крестьянскаго усадебнаго хозяйства; для устраненія всѣхъ указанныхъ неудобствъ, по мнѣнію дворянъ, слѣдовало бы обязать крестьянъ, въ теченіи опредѣленнаго срока перенести въ одно мѣсто всѣ особнякомъ находящіяся усадьбы, съ возложеніемъ содѣйствія и помощи крестьянамъ на помѣщиковъ; ссылки на Тифлисскую губ. въ этомъ

случаѣ не имѣли значенія, такъ какъ Тифлисская губ. болѣе представляла удобствъ для сплошныхъ поселеній.

Наконецъ, помѣщики просили воспретить крестьянамъ селиться внѣ черты, назначенной для устройства усадебъ каждаго селенія или поселка.

Дворянскій комитетъ обсуждалъ съ большимъ вниманіемъ вопросъ о выгонахъ. Комитетъ обрисовалъ существующіе обычаи по пользованію ими: въ Имеретіи и Гуріи, говорили члены комитета, скотъ пасется въ чертѣ селенія въ промежуткѣ между усадебными мѣстами, и на принадлежащихъ крестьянамъ и помѣщикамъ, свободныхъ отъ распашки мѣстахъ, на полевыхъ мѣстахъ до распашки и послѣ уборки. Рѣдкое явленіе въ Кутаисской губ., чтобы одно селеніе принадлежало одному помѣщику, расположеніе помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадебъ чрезполосное. По мѣстнымъ обычаямъ поэтому и установился особый порядокъ пастьбы скота: помѣщики не требовали и не могутъ требовать другъ отъ друга за пастьбу ихъ скота или отъ крестьянъ никакой платы; такое требованіе одного породило бы тоже самое у другого по чрезполосности пастбищныхъ мѣстъ; для прекращенія подобныхъ споровъ помѣщики въ предѣлахъ одного селенія сообща пользовались пастбищами, „по праву общаго въ ономъ участія безплатно“, крестьяне же ихъ пользовались тѣми пастбищами по праву своихъ помѣщиковъ, отбывая имъ общеустановленныя повинности и подати, въ томъ числѣ скотомъ, крупнымъ или мелкимъ, поэтому и на будущее время комитетъ полагаетъ предоставить крестьянамъ пользоваться пастбищами въ предѣлахъ селенія, „по праву участія помѣщиковъ ихъ“, и обязать ихъ платить помѣщику въ годъ по 10 к. съ каждой лошади и крупной скотины и по 5 к. съ мелкой, что же касается до выгоновъ и пастбищъ, состоящихъ внѣ предѣловъ селенія, то пользованіе ими допустить не иначе, какъ съ согласія помѣщика. Правительственная коммиссія стала на другую точку зрѣнія, она признала, что порядокъ пользованія выгонами и мѣстами для пастьбы не отличается отъ порядка существующаго въ Тифлисской губ., и что правильнѣе руководствоваться тѣми правилами.

Что касается лѣса для построекъ, топлива, лѣсныхъ

матеріаловъ, то дворянскій комитетъ счелъ вполнѣ умѣстнымъ примѣнить ст. 30, 31, 33 Пол. для Тифлисской губ.

Такимъ образомъ, статьи Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., относящіяся къ правиламъ о пользованіи со стороны крестьянъ лѣсными угодіями, порядкѣ отвода, утвержденія, разверстанія и разграниченія надѣла, о правѣ пользованія крестьянами землей, о возвращеніи крестьянскаго надѣла помѣщику, объ изъятіяхъ въ пользу мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а также правила, относящіяся къ мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, порядку управленія крестьянскими обществами, отбыванія ими государственныхъ и общественныхъ повинностей безъ значительныхъ измѣненій и съ весьма несущественными частными дополненіями были приняты членами Кутаисскаго дворянскаго комитета и внесены въ свой проектъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости въ Кутаисской губ.

6) *О повинностяхъ крестьянъ за пользованіе земельными угодіями.*

Выше нами было уже отмѣчено, что дворяне Кутаисской губ. безъ особыхъ затрудненій высказались въ пользу предоставленія крестьянамъ земельныхъ угодій въ пользованіе и даже оказались сторонниками крестьянскихъ земельныхъ выкуповъ, хотя такому способу надѣленія крестьянъ землей предпочитали обращеніе крестьянъ въ вѣчныхъ арендаторовъ; но эта мысль ими была высказана вскользь и мимоходомъ, не настаивали на непремѣнномъ осуществленіи ея; въ этомъ отношеніи Тифлисскіе дворяне упорнѣйшимъ образомъ добивавшіеся превращенія своихъ крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ, хизанъ, были куда настойчивѣе и упорнѣе.

Однако, если дворяне сравнительно быстро и легко, безъ особыхъ возраженій, согласились съ передачей крестьянамъ земли въ собственность, то въ другомъ вопросѣ, о крестьянскихъ поземельныхъ повинностяхъ, пытались частично вознаградить себя, т. е. дворяне стояли за высокія нормы повинностей и тѣмъ самымъ затрудняли крестьянамъ возможность какъ пользованія, такъ и пріобрѣтенія земель-

ныхъ угодій. Дворянство Кутаисской губ., въ лицѣ своихъ представителей, старалось, насколько это было возможно, доказать справедливость и законность требуемыхъ ими высокихъ нормъ поземельныхъ повинностей. „Если бывшій главный комитетъ, говорится въ „Запискѣ", по крестьянскому дѣлу въ Россіи, гдѣ крестьянская повинность, раздѣляясь на оброчныя и издѣльныя, представляла, при однообразіи своемъ, нѣкоторое удобство въ опредѣленіи истинной стоимости крестьянскихъ надѣловъ и въ вычисленіи извѣстнаго дохода отъ земельныхъ надѣловъ помѣщика, призналъ однако жъ необходимымъ основаться на существующемъ фактѣ и принять въ соображеніе, при опредѣленіи означенной доли дохода помѣщиковъ нынѣ отбываемыя крестьянами повинности, то тѣмъ болѣе такое основаніе должно быть принято въ Имеретіи и Гуріи, гдѣ повинности крестьянъ *различаются не только по каждому помѣщичьему имѣнію, но даже по каждому подымному участку*"; при всемъ разнообразіи крестьянскихъ повинностей, оказывается, можно уловить двѣ сходныя черты при отбываніи крестьянами повинностей во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на всемъ протяженіи губ; эти общія черты слѣдующія: во-первыхъ, это „извѣстная часть земныхъ произведеній, вина́ и домашней птицы, которыя получаетъ помѣщикъ ежегодно съ каждаго подымнаго участка", и повинности скотомъ или незначительной суммой денегъ, которыя сверхъ указанныхъ повинностей вносятъ крестьяне, во-вторыхъ,—„домашняя прислуга, которую каждый подымный участокъ обязанъ давать помѣщику постоянно по одному человѣку съ дыма"; эти двѣ характерныя черты крестьянскихъ повинностей и отличаютъ Имеретію и Гурію отъ другихъ мѣстъ, отъ внутреннихъ русскихъ губерній; повинности, извѣстной въ Россіи подъ названіемъ барщины, не существуетъ въ Имеретіи и Гуріи, что происходитъ отъ своеобразныхъ „условій быта здѣшнихъ помѣщиковъ, не имѣющихъ собственныхъ запашекъ".

Опредѣленіе нормы для отбыванія повинностей земельными произведеніями, не „для всей губерніи". „но даже для нѣкоторыхъ мѣстностей оной или, въ крайности, для отдѣльныхъ помѣщичьихъ имѣній, нѣтъ возможности, потому что каждый почти дымъ вноситъ своему помѣщику

земныя произведенія: вино, домашнюю птицу, скотъ или деньги не въ одинаковомъ съ своими сосѣдями размѣрѣ", но несмотря на пестроту существующую въ повинностныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, въ нихъ есть одно цѣнное свойство: „это неизмѣняемость, ихъ независимость отъ помѣщицьяго произвола. Ни одинъ крестьянинъ не согласился ни за что въ мірѣ дать помѣщику по одному вымогательству его болѣе того, чѣмъ онъ обязанъ искони". При такихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами „не представляется никакой возможности, не пошатнувъ коренныхъ основаній всего экономическаго быта страны, къ введенію новой какой либо системы отбыванія крестьянскихъ повинностей, хотя бы таковая система представляла условія и болѣе выгодныя для обѣихъ сторонъ. Улучшенія въ семъ отношеніи необходимо предоставить времени и взаимному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками"; изъ такихъ разсужденій естественно вытекалъ очень важный практическій вопросъ относительно сохраненія или измѣненія на будущее время повинностныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, иначе говоря помѣщики должны были отвѣтить на вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить повинности въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ дореформенное время; этотъ вопросъ, по мнѣнію дворянъ, долженъ быть разрѣшенъ, по крайней мѣрѣ, на первыя 9 лѣтъ, пока „помѣщики не приведутъ въ извѣстность количества владѣемыхъ ими земель, не устроятъ своихъ запашекъ и войдутъ сами въ соглашеніе съ крестьянами на счетъ замѣна настоящихъ повинностей денежнымъ оброкомъ".

Но такъ какъ „съ упраздненіемъ крѣпостного права, должна быть упразднена и личная зависимость крестьянъ отъ помѣщика, то само собою разумѣется", что за личную прислугу, которую даютъ крестьяне по одному человѣку съ дыма, должны вносить помѣщику ежегодно отъ 20 до 30 р., или если правительство найдетъ возможнымъ, „выдать капиталъ на эту сумму въ размѣрѣ выше исчисленномъ, т. е по 320 р." на каждый дымъ обязанный давать помѣщику домашнюю прислугу, „этимъ способомъ прекратился бы разомъ этотъ видъ крѣпостной зависимости въ здѣшней странѣ"—и крестьяне обязывались бы вносить по-

мѣщику повинности, выраженныя въ извѣстныхъ частяхъ съ урожая земныхъ произведеній, вина; приношенія домашней птицей, скотомъ, деньгами „могутъ быть упразднены, ибо въ замѣнъ всего этого крестьяне будутъ обязаны вносить нормальную плату помѣщикамъ за усадьбу“. Помѣщики при этомъ считаютъ необходимымъ „замѣтить, что крестьяне не тяготились изъясненными къ помѣщику повинностями; размѣръ ихъ вообще необременителенъ для крестьянъ и онъ установился обычаемъ многихъ столѣтій. По дѣламъ мѣстной администраціи нѣтъ жалобъ на обременительность повинностей“, попытки помѣщиковъ увеличить крестьянскія повинности не удавались, „ибо крестьяне всегда находили защиту въ мѣстной администраціи, старавшейся ограждать ихъ права отъ произвола помѣщиковъ“.

Помѣщики до сихъ поръ говорили о будущихъ крестьянскихъ повинностяхъ вообще, намѣчая тѣ основныя принципы, на которыхъ д ржались повиностныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и на какихъ онѣ должны основываться въ будущемъ, по освобожденіи крестьянъ. Для помѣщиковъ Кутаисской губ. наиболѣе желательнымъ и цѣлесообразнымъ было сохраненіе и на будущее время цѣликомъ всѣхъ поземельныхъ повинностей, но такое желаніе не заключало въ себѣ чисто конкретныхъ нормъ, и потому въ дальнѣйшихъ своихъ сужденіяхъ помѣщики перешли къ дебатированію спеціальнаго практическаго вопроса о томъ, сколько именно и въ какихъ доляхъ земныхъ произведеній крестьяне должны отбывать падающія на ихъ полевыя угодія повинности.

Поземельныя повинности, по мнѣнію членовъ дворянскаго комитета, въ у. у. Кутаисскомъ, Озургетскомъ и Шорапанскомъ должны выражаться въ размѣрѣ $^1/_3$ со всего урожая, а въ уѣздѣ Рачинскомъ въ количествѣ=$^1/_2$. Повинности съ сѣнокосныхъ земель вездѣ проектируются въ $^1/_2$ размѣрѣ съ укоса, съ обязательной доставкой сѣна помѣщику, если мѣсто доставки не отстоитъ далѣе 15 в., отъ пашни, гумна, сѣнокоса и т. п., такой высокій сборъ принимается на томъ основаніи, что сѣнокосныя угодія не требуютъ обработки и особаго ухода.

Депутаты Рачинскаго уѣзда представили дворянскому

комитету свои соображенія относительно предположенной ими нормы повинности. Они указывали на исключительныя условія, въ которыхъ было поставлено землевладѣніе и землепользованіе въ этомъ уѣздѣ: одно изъ этихъ специфическихъ условій: малоземелье и какъ слѣдствіе малоземелья высокая цѣнность земли. Рачинское дворянство „отдаетъ крестьянамъ такое количество по малоземельности, которое превышаетъ возможность, но на это пожертвованіе Рачинское дворянство рѣшается ради сохраненія добраго согласія съ крестьянами и въ уваженіи ихъ добрыхъ услугъ до настоящаго времени". Требованіе повинностей въ половинномъ размѣрѣ, по убѣжденію дворянъ, не является новостью и неожиданностью, такъ какъ крестьяне Рачинскаго у. издавна уплачивали повинности именно въ такомъ размѣрѣ, не считая различныхъ приношеній и другихъ обязанностей, слѣдовательно, эта норма повинностей не стѣснитъ рачинскихъ крестьянъ, потому еще, что они отличаются трудолюбіемъ; съ освобожденіемъ отъ крѣпостной повинности, бытъ крестьянъ улучшится и крестьяне легко будутъ справляться съ повинностями.

Одновременно съ сужденіемъ о крестьянскихъ повинностяхъ дворянскій комитетъ разрабатывалъ вопросъ о крѣстьянской усадебной осѣдлости и попутно съ этимъ разсуждалъ о повинностяхъ за усадебное пользованіе.
Дворянскій комитетъ вполнѣ достаточными считаетъ слѣдующіе размѣры крестьянскаго надѣла: для Кутаисскаго и Озургетскаго у. у.—1 кцеву (900 кв. саж.), Шорапанскаго $^2/_3$ кц. (600 кв. саж.), Рачинскаго—$^1/_2$ кц. (450 кв. саж.); повинности за усадебные надѣлы въ у. Кутаисскомъ и Озургетскомъ, согласно съ 142 ст. Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., вычисляли въ размѣрѣ 3 р. съ кцевы, а въ Шорапанскомъ и Рачинскомъ у у. повинность должна была исчисляться соразмѣрно со стоимостью усадебной земли въ тѣхъ уѣздахъ, въ количествѣ $5^0/_0$ съ оцѣночной суммы. Но этими разсчетами дворянскій комитетъ не удовлетворяется, онъ предвидитъ, что со временемъ цѣны на усадебную землю могутъ увеличиться въ уѣздахъ и опредѣляемыя ими повинности тогда не будутъ соразмѣрны со стоимостью усадебныхъ земель и дворяне понесутъ потери, во

избѣжаніе чего дворянскій комитетъ высказывается за удвоеніе платы, принятой Мѣстнымъ Полженіемъ для Тифлисской губ., и этой удвоенной платѣ подчинить усадебныя земли въ Кутаисской губ.

Дворянскій комитетъ не ограничился установленіемъ размѣровъ повинностей; съ особымъ вниманіемъ обсуждался дворянами порядокъ взноса крестьянскихъ повинностей, слѣдствіемъ этихъ дебатовъ были новыя обязанности, возложенныя на крестьянъ; дворяне были того мнѣнія, что 1) кукуруза, снятая съ поля въ очищенныхъ початкахъ, съ чалою (соломой) должна быть доставляема помѣщику на разстояніи 15 в., въ зернѣ же—кукуруза—75 в., съ оставленіемъ чалы въ послѣднемъ случаѣ въ пользу крестьянина, какъ вознагражденіе за трудъ очистки и приготовленія зерна; 2) гомія (родъ проса) въ колосьяхъ должна просушиваться крестьянами на мѣстѣ, и доставляема помѣщику тоже на разстояніи 15 в., въ зернѣ—75 в., съ оставленіемъ чалы крестьянину, это правило должно быть распространено на всѣ прочія произведенія; о порядкѣ и обезпеченіи исправности взноса повинностей комитетъ стоялъ за примѣненіе 150—171 ст. Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

Наконецъ, дворянскій комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію очень сложнаго вопроса о виноградникахъ и повинностяхъ за нихъ.

Въ Имеретіи и Гуріи культивировались виноградники двухъ категорій; это были виноградные сады, разводимые на таркальникахъ, по мѣстному названію, „*даблари*“ (низкіе виноградные кусты), такіе виноградники по преимуществу существовали въ Тифлисской губ., другая категорія виноградныхъ насажденій, называемыхъ „*маглари*“ (высокіе виноградники) разводились не на таркальникахъ, а на деревьяхъ; виноградную лозу сажали около деревьевъ, фруктовыхъ или другихъ; разрастаясь, лоза покрывала своими развѣтвленіями все дерево. Разведеніе виноградниковъ маглари не требовало ни особаго труда, ни времени, ни, главнымъ образомъ, особаго ухода; между тѣмъ за виноградниками даблари нужно было тщательно слѣдить, ухаживать, что сопряжено было съ затратой времени и усилій; даблари кромѣ того требовали спеціальныхъ земельныхъ площадей

между тѣмъ маглари можно было разводить, гдѣ только были древесныя насажденія, среди пашенъ, въ фруктовыхъ садахъ, и т. п. Относительно доходности даблари стояли выше, потому что маглари раскидываясь на вѣтвяхъ деревьевъ подвергались сильнѣе дѣйствію вѣтра и другихъ неблагопріятныхъ условій. Разведеніемъ виноградниковъ маглари занимались въ Кутаисской губ. весьма охотно, чему способствовало малоземеліе губерній, если они не давали большихъ доходовъ, то за то и не требовали расходовъ.

Кутаисскій дворянскій комитетъ постановилъ оставить въ крестьянскомъ пользованіи, находящіеся въ ихъ распоряженіи виноградные сады, даблари, въ цѣломъ составѣ; что же касается маглари, то право пользованія ими предоставлено крестьянамъ лишь въ томъ случаѣ, если земли подъ ними составляютъ полевые участки крестьянъ и входятъ въ составъ крестьянскаго надѣла. Но виноградники маглари насаждались крестьянами и не на полевыхъ участкахъ, кромѣ того во время разверстанія полевыхъ угодій, а слѣдовательно при отрѣзкѣ отъ крестьянскихъ надѣловъ свыше нормы, могли отойти въ пользу владѣльца участки съ крестьянскими насажденіями и могли пострадать интересы крестьянъ. На это обстоятельство и обратилъ вниманіе дворянскій комитетъ; обратилъ онъ вниманіе на то, что весьма часто крестьяне занимались насажденіемъ тутовыхъ, орѣховыхъ насажденій, которыя нерѣдко попадались среди крестьянскихъ полевыхъ и садовыхъ угодій. Дворянскій комитетъ не находитъ возможнымъ оставить всѣ подобныя насажденія въ безвозмездномъ пользованіи крестьянъ, съ другой—не рѣшается присвоить эти разведенія, на которыя затрачены крестьянскіе труды. Чтобы выйти изъ затрудненія и безобидно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ обратились къ обычаю; оказалось, что частныя лица часто получали земли для разведенія тутовыхъ, орѣховыхъ и другихъ насажденій, по обычному праву, половину урожая получали съемщики, половину владѣльцы земли. Кромѣ того съемщикъ земли дѣлалъ приношенія землевладѣльцу и обязывался работать на землевладѣльца нѣсколько дней въ году. На этомъ основаніи комитетъ считаетъ вполнѣ правильнымъ съ виноградныхъ садовъ, тутовыхъ, орѣхо-

выхъ насажденій крестьянъ требовать повинностей въ половинномъ размѣрѣ съ урожая, съ тѣмъ чтобы часть урожая съ виноградnаго сада, по требованію помѣщика, давали виномъ, часть виноградомъ; всѣ причитающіяся помѣщику повинности должны быть доставляемы крестьянскими трудами, куда помѣщикъ укажетъ, но не далѣе какъ на 15 в., когда доставляется виноградъ и не далѣе 75 в., при доставкѣ вина, требованіе доставки мотивируется разбросанностью помѣщичьихъ владѣній.

Виноградные и другіе сады предоставляются крестьянамъ лишь на правѣ пользованія, а не владѣнія, слѣдовательно, право продажи крестьянамъ не предоставляется. Неразведенное, но огороженное подъ садъ мѣсто должно быть возвращено въ распоряженіе помѣщика.

Дворянскія сужденія о крестьянскихъ повинностяхъ стали предметомъ очень долгаго и внимательнаго обсужденія правительственной коммиссіи; коммиссія обратила вниманіе дворянскаго комитета на то, что до рѣшенія вопроса о размѣрахъ и характерѣ повинностей необходимо строго ограничить понятіе о тѣхъ угодіяхъ, съ которыхъ крестьяне должны отбывать повинности. Такъ какъ крестьянское хозяйство не можетъ обойтись безъ усадьбы, то необходимо разъ навсегда опредѣлить что подразумѣвать подъ крестьянской усадьбой; выше мы уже указали, что правительственная коммиссія ограничила подъ крестьянской усадьбой; крестьянская усадьба обнимаетъ жилыя и хозяйственныя постройки со всѣми къ нимъ прилегающими угодіями, выпусками, которыя повсемѣстно въ губеніи, за исключеніемъ Рачинскаго у., отдѣляются отъ прочихъ земельныхъ угодій, пашенъ и садовъ особой изгородью; пространство въ чертѣ изгороди называется *ezo* или *самасохло*, т. е. дворъ, мѣсто, гдѣ находится поселеніе; но кое гдѣ земля подъ усадьбою сливается съ землею подъ виноградниками маглари и не отдѣляется спеціальной изгородью, но все же существуетъ черта, разграничивающая усадьбу и виноградникъ. Повинность съ такой земельной площади, т. е. съ крестьянской усадьбы, какъ это установлено для Тифлисской губ., должна существовать денежная, въ высшемъ противъ другихъ угодій размѣрѣ; пространство усадьбы

также вездѣ должно включать однообразную норму: размѣръ крестьянской усадьбы во всѣхъ уѣздахъ долженъ равняться одной кцевѣ, ни въ коемъ случаѣ не меньше; эта же мѣра должна быть распространена на малоземельный Рачинскій у.; коммиссія старается убѣдить помѣщиковъ, что такая мѣра кцевы для помѣщиковъ землевладѣльцевъ не будетъ имѣть значенія, потому что, сколько бы ни опредѣляли подъ усадьбу, подъ усадебную осѣдлость отойдетъ именно то количество земли, которое было занято до реформы; заключеніе коммиссіи, конечно, вполнѣ правильное, но оно нисколько не могло успокоить помѣщиковъ по той простой причинѣ, что опредѣленіе размѣра надѣла повсемѣстно въ одну кцеву вызвало бы увеличеніе отрѣзокъ земли въ пользу крестьянъ, а помѣщикамъ, вѣдь, было безразлично на цѣломъ надѣлѣ или на части его устроили бы крестьяне свою усадебную осѣдлость; вполнѣ справедливо замѣчаетъ коммиссія, что уменьшеніе надѣловъ и доведеніе до проектируемаго дворянствомъ minimum'а окажется для крестьянъ крайне стѣснительнымъ.

Сокращая размѣры крестьянской усадебной осѣдлости, дворянскій комитетъ руководствовался тѣмъ, что губернія страдала отъ малоземелья. Этотъ доводъ имѣлъ весьма серьезныя основанія, съ которымъ необходимо было считаться. Правительственная комиссія не могла не согласиться съ наличностью слишкомъ очевиднаго малоземелья въ губерніи.

По вычисленіямъ, притомъ далеко не точнымъ, подполк. военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба Стебницкаго въ 4-хъ уѣздахъ Кутаисской губ. удобныхъ земель показано около 288.000 дес., все это количество земли состояло во владѣніи и пользованіи 28.921 дыма помѣщиковъ съ ихъ крестьянами; помѣщичьихъ семействъ было 4.785, крестьянскихъ дымовъ по послѣднимъ камеральнымъ описаніямъ--24.126+14.311 казенныхъ и церковныхъ. На долю помѣщичьяго владѣнія изъ всего количества земли приходилось 192.000 дес., со включеніемъ крестьянскаго владѣнія. Такимъ образомъ на каждое помѣщичье семейство и на каждый крестьянскій дымъ причиталось около 7 дес. или $18^2/_3$ кцевъ. По свѣдѣніямъ же Главнаго Управленія масса помѣщиковъ распо-

лагала подъ пашнями не болѣе 16 кцевъ, т. е. 6 дес. на дымъ, изъ крестьянъ большинство имѣло на дымъ до 4—5 кцевъ; достаточной же нормой надѣленія были признаны 10—15 кцевъ; но лишь весьма немного крестьянъ владѣли до 30 и болѣе кцевъ всѣхъ угодій; принимая, что у достаточныхъ крестьянъ надѣлъ на дымъ составляетъ отъ 10 до 15 кцевъ, коммиссія признала общимъ для всѣхъ разрядовъ крестьянъ коренной земельный надѣлъ равнымъ 4 кцевамъ, высшій размѣръ—12 кцевамъ т. е. $4^1/_2$ дес., приближающійся къ Тифлисскому высшему размѣру въ 5 дес. Коммиссія постановила обязать помѣщиковъ оставить въ постоянномъ пользованіи крестьянъ земли въ указанномъ ею размѣрѣ; и отрѣзывать такіе размѣры не по количеству дымовъ, составляющихъ крестьянское общество, а каждому отдѣльному крестьянскому дыму; эта оговорка допускается коммиссіей на основаніи того соображенія, что Кутаисская губ. не знаетъ общиннаго землевладѣнія и незнакомая съ земельными передѣлами, будетъ поставлена въ весьма затруднительное положеніе. Коммиссія самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ отрѣзокъ и безъ того малыхъ надѣловъ, какъ то проектировалъ Кутаисскій дворянскій комитетъ; такіе отрѣзки, по мнѣнію коммиссіи, поставятъ $^2/_3$ крестьянскаго населенія въ тягостное положеніе.

Указывая на недопустимость земельныхъ отрѣзокъ и сокращенія надѣловъ, правительственная коммиссія въ подтвержденіе основательности своихъ доводовъ, останавливается на характеристическихъ особенностяхъ крестьянскихъ поселеній въ Кутаисской губ. Въ названной губ. крестьянскія селенія образовались не изъ соединенія и собранія крестьянскихъ усадебъ, а изъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ крестьянскихъ участковъ, на которыхъ водворялись крестьяне съ своими усадьбами, внѣ этихъ усадебъ, крестьянинъ если и имѣлъ полевыя угодія, то въ чрезполосномъ владѣніи; въ Тифлисской губ. крестьянскія усадьбы группировались въ одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ полевыхъ угодій, которыя располагались внѣ черты усадебной осѣдлости. Въ Кутаисской губ. къ каждой крестьянской усадьбѣ прилегали принадлежащія крестьянину земельныя угодія и образовывали съ усадьбой одно неразрывное цѣлое. При

такомъ хозяйственномъ устройствѣ коммиссія не находитъ пріемлемымъ отрѣзки; если бы даже допустить отрѣзки, разсуждала коммиссія, то помѣщики, правда, получатъ рядъ незначительныхъ чрезполосныхъ участковъ, соединеніе которыхъ въ одно цѣльное владѣніе не будетъ возможно, во-первыхъ, по чрезполосности этихъ самыхъ участковъ, во-вторыхъ, по чрезполосности помѣщичьихъ владѣній, такимъ образомъ, отрѣзками помѣщики не увеличатъ площади своихъ земельныхъ владѣній, а крестьяне понесутъ чувствительныя потери; такъ какъ помѣщики сами утилизировать по указаннымъ обстоятельствамъ не будутъ, то все равно эти отрѣзки будутъ сдавать крестьянамъ, для хозяйства которыхъ они должны составлять весьма существенную часть. Доводы правительственной коммиссіи весьма убѣдительны, но они могли достигнуть обратной цѣли. Изъ сужденій членовъ дворянскаго комитета не видно, рисовали они себѣ ту картину, которую должны были представить крестьянскіе отрѣзки и на которую обращено было вниманіе правительственной коммиссіей; члены комитета, защищая отрѣзки, выставляли единственный доводъ: малоземелье, но повторяемъ, нельзя заключать, подумали ли члены комитета о томъ, увеличатъ или не увеличатъ эти отрѣзки дворянскую земельную площадь. Предположимъ, что помѣщики допускали возможность расширенія земельной площади; послѣ доводовъ правительственной коммиссіи дворяне еще настойчивѣе должны были отстаивать идею отрѣзокъ, потому что вкрапленные въ крестьянскія угодія отрѣзки, безполезные, по незначительности своихъ размѣровъ, для помѣщичьяго хозяйства, представляли доходную статью для помѣщиковъ такъ какъ крестьянское хозяйство и такъ малообезпеченное землей, нуждалось въ сильной степени въ этихъ отрѣзкахъ, прилегающихъ къ ихъ угодіямъ, но отстоящихъ отъ помѣщичьихъ владѣній, слѣдовательно, крестьяне волей не волей потянулись бы за ними, а помѣщикъ естественно не могъ не учитывать всей выгодности своей позиціи.

Чтобы согласить помѣщиковъ и крестьянъ, коммиссія и полагаетъ, сохранить за помѣщиками, предоставленное Мѣстнымъ Положеніемъ для Тифлисской губ. ст. 6 право на обращеніе въ непосредственное распоряженіе половины изъ

общаго количества земель, которое причитается помѣщику въ его распоряженіе, съ возложеніемъ на крестьянъ обязанности платить за земли, подлежащія отрѣзкѣ, но удержанныя ими въ пользованіе, возвышенную ловинность противъ обще установленной за земельный надѣлъ.

Относительно виноградниковъ даблари коммиссія согласилась съ предположеніями дворянскаго комитета Но въ отношеніи предположеній касательно виноградниковъ маглари коммиссія и дворянскій комитетъ разошлись. Коммиссія согласна, что въ разведеніи виноградниковъ маглари и дальнѣйшей обработкѣ ихъ крестьяне не несутъ тѣхъ трудовыхъ издержекъ и затратъ, какъ въ отношеніи даблари но тѣмъ не менѣе не представляется основаній причислить маглари безусловно къ полевымъ угодіямъ и подчинить ихъ всѣмъ правиламъ объ угодіяхъ т. е. отрѣзкѣ ихъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика по праву, какое можетъ быть ему предоставлено въ отношеніи другихъ угодій.

На основаніи Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ. сады причислены къ неприкосновеннымъ участкамъ, не подлежащимъ къ отрѣзкѣ въ пользу владѣльца, и земля подъ ними не входитъ въ разсчеты при опредѣленіи права помѣщика на извѣстное количество угодій подлежащихъ отрѣзкѣ, такъ какъ эти основныя положенія примѣнены къ участкамъ даблари, то безусловное причисленіе маглари къ полевымъ участкамъ будетъ уже нарушеніемъ этихъ основаній, лишая крестьянъ такихъ угодій, которыя составляютъ необходимыя средства ихъ существованія.

Съ другой стороны, коммиссія не можетъ не принять въ вниманіе, что виноградники маглари могутъ занимать обширныя пространства земли, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются, какъ полевыя земли; въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ виноградники маглари большею частью не имѣется ни у помѣщиковъ, ни у крестьянъ особыхъ полевыхъ земель, и онѣ замѣняются землею подъ маглари, слѣдовательно, съ признаніемъ маглари не подлежащими отрѣзкѣ въ пользу помѣщика, помѣщики будутъ лишены въ обезпеченіи себя землей права, которое можетъ быть предоставлено помѣщикамъ въ другихъ мѣстахъ. Коммиссія

для соглашенія правъ помѣщика и крестьянина въ отношеніи этого рода имуществъ полагала необходимымъ установить высшій размѣръ надѣла для маглари. Соображаясь съ количествомъ земли, которое обыкновенно имѣются у достаточныхъ крестьянъ подъ виноградниками маглари, коммиссія сочла возможнымъ за высшій размѣръ подъ виноградниками маглари признать пространство, занимаемое этимъ виноградникомъ—въ 4 кцевы, а выше этого отчислять въ пользу помѣщика.

Когда въ распоряженіи крестьянъ будутъ виноградники даблари, заключающіе не менѣе 2-хъ кцевъ, то тогда маглари ихъ нужно причислять къ полевымъ угодіямъ, потому что въ такихъ мѣстностяхъ маглари замѣняютъ полевыя угодія и съ признаніемъ ихъ безусловной и неприкосновенной собственностью помѣщика, крестьяне могутъ очутиться безъ земельнаго довольствія. Это предположеніе основано на томъ соображеніи, что во всѣхъ своихъ разсчетахъ коммиссія кцеву даблари приравнивала двумъ кцевамъ маглари, слѣдовательно 2 кцевы даблари представляютъ высшій размѣръ надѣла, принятаго коммиссіей для маглари.

Коммиссія знаетъ, что въ Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Озургетскомъ у. въ чертѣ усадебной осѣдлости имѣются разныя плодовыя насажденія, приносящія иногда значительный доходъ; коммиссія вполнѣ раздѣляетъ взглядъ, что въ силу того земля подъ усадьбами получаетъ цѣнность не по однимъ удобствамъ, но и по доходамъ; въ Рачинскомъ у. благодаря малоземелію очень высокія цѣны на землю, поэтому коммиссія нашла возможнымъ приравнять въ Кутаисской губ. кцеву однодневному паханію Тифлисской губ., и установить повинность за усадебныя земли въ 3 р., а въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ 144 ст. Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ., а равно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ чертѣ осѣдлости будутъ находиться виноградныя лозы и плодовыя деревья, усадебную землю оцѣнивать не свыше 120 р. за кцеву; въ Рачинскомъ у., въ виду высокой цѣнности земли, въ разсчетахъ по платежу повинностей усадебную землю, заключающую менѣе $^1/_2$ кцевы, принять за $^1/_2$; выше $^1/_2$ кцевы за 1 кцеву.

Вслѣдъ за этимъ коммиссія спеціально занялась вычисленіемъ повинностей за сады; допускать изъятія изъ Положенія, изданнаго для Тифлисской губ. коммиссія не нашла нужнымъ дѣлать, признавъ полную ихъ приложимость къ условіямъ Кутаисской губ. Только обратила вниманіе на то, что необходимо соизмѣрить выгоды владѣльцевъ виноградниковъ маглари, на устройство которыхъ требовалось меньше затратъ, и владѣльцевъ даблари, на устройство которыхъ требовались большіе труды; исходя изъ этой предпосылки, коммиссія опредѣлила размѣръ повинности съ маглари въ $^1/_3$ часть съ доходовъ, съ предоставленіемъ помѣщикамъ права на повинности съ посѣвовъ подъ маглари, въ видахъ уравновѣшенія доходовъ помѣщика съ обоихъ родовъ виноградниковъ, такъ какъ ежегодные издержки на маглари менѣе, чѣмъ на даблари, такъ еще и потому, чтобы крестьянинъ не усилилъ посѣвовъ въ ущербъ виноградникамъ.

Повинности за полевыя угодія коммиссія опредѣляла на основаніи сопоставленій съ наемной платой за землю въ уѣздахъ губерніи. Наемная плата за земли была вообще высока, составляя $^1/_3$, даже $^1/_2$, рѣдко $^1/_5$; но коммиссія не располагала полными свѣдѣніями на этотъ предметъ; но тѣмъ не менѣе изъ немногихъ данныхъ, безспорнаго характера, коммиссія признала повинность, принятую для Тифлисской губ. въ размѣрѣ $^1/_4$. Для тѣхъ же случаевъ, по которымъ коммиссія нашла нужнымъ ограничить помѣщика въ правахъ отрѣзки крестьянскихъ надѣловъ, съ того количества земли, которое подлежало бы обращенію въ непосредственное распоряженіе помѣщика, крестьяне должны были уплачивать повинность въ повышенномъ размѣрѣ, 10%. Но если помѣщикъ докажетъ, что въ томъ или ближайшихъ селеніяхъ обыкновенная наемная плата не ниже $^1/_3$ съ урожая, что земля оставленная въ распоряженіи крестьянина лучшая въ той мѣстности, то Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе можетъ назначить повинность съ такихъ земель въ $^1/_3$ часть. Въ Рачинскомъ у. крестьянинъ обязанъ за подлежащую къ отрѣзкѣ землю платить $^1/_3$ при требованіи этого помѣщика. Если крестьянинъ докажетъ, что земля не подходитъ подъ приведенныя выше правила,

то повышенная оцѣнка ограничивается мировымъ посредникомъ съ разрѣшенія Губернскаго Присутствія.

Относительно порядка взноса повинностей правительственная коммиссія согласилась со всѣми доводами дворянскаго комитета; только возражала противъ доставки въ зернѣ гоми; дѣло въ томъ, что, благодаря примитивнымъ способамъ вымолачиванія, гоми требовалъ большихъ и продолжительныхъ трудовъ, коммиссія на это и указала, считая доставку гоми въ зернѣ очень тягостнымъ; коммиссія пошла на встрѣчу дворянскимъ пожеланіямъ и соглашалась увеличить разстояніе, для доставки имъ крестьянскихъ повинностей, на 75 в. противъ 50 в., установленнаго для Тифлисской губ., это увеличеніе разстоянія являлось для крестьянъ двойнымъ бременемъ: мало того, что крестьяне должны были провозить продукты на лишнія 25 в., они должны были везти по мѣстностямъ лишеннымъ ровныхъ дорогъ, гористымъ, съ безконечными рытвинами и ухабами; крестьяне Кутаисской губ. въ этомъ отношеніи были поставлены въ худшія условія, чѣмъ крестьяне Тифлисской губ., менѣе изрѣзанной и снабженнной лучшими средствами сообщенія.

Въ нагорныхъ имѣніяхъ Рачинскаго у. повинности крестьянами издавна отбывались либо деньгами, либо скотомъ, либо домашними издѣліями и въ размѣрахъ опредѣленныхъ обычаемъ. Губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, по мнѣнію коммиссіи, необходимо предоставить переводъ повинностей скотомъ и домашними издѣліями на деньги, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не встрѣтится неудобствъ для крестьянъ.

Относительно пастбищныхъ и лѣсныхъ угодій коммиссія отказалась дѣлать какія нибудь постановленія и сочла за лучшее предоставить намѣстнику Кавказа опредѣленіе повинностей за означенныя угодія. Поправки, дополненія и возраженія, которыя представила правительственная коммиссія на основныя предположенія дворянскаго проекта крестьянской реформы, не соотвѣтствовали стремленіямъ дворянъ Кутаисской губ., послѣдніе сочли необходимымъ вступить въ полемику съ правительственной коммиссіей въ особой запискѣ, поданной 23 апрѣля 1865 г., полемическая записка преслѣдовала одну единственную цѣль: добиться во

чтобы то ни стало согласія и признанія цѣлесообразности проектируемыхъ дворянствомъ мѣръ для раскрѣпощенія крестьянства. Внимательное изученіе записки не даетъ намъ почти никакихъ новыхъ аргументовъ, составители ея лишній разъ повторяли свои доводы; авторы дворянскаго проекта были недовольны тѣмъ, что правительственная коммиссія, по ихъ предположенію, не оказала вниманія дворянскимъ заключеніямъ. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи уже извѣстныхъ соображеній Кутаисскаго дворянства, укажемъ только на тѣ, наиболѣе существенные вопросы, по которымъ разошлись правительственная коммиссія и Кутаисскій дворянскій комитетъ, какъ выразитель мнѣній и пожеланій дворянства всей губерніи. Въ новой своей запискѣ особенно настойчиво домогаются дворяне сохраненія на будущее время, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ полной неприкосновенности, всѣхъ крестьянскихъ повинностей и рабочихъ дней на помѣщика; они же стараются убѣдить правительственную коммиссію, что по прошествіи двухъ лѣтъ, подати и повинности, которыя будутъ отбывать крестьяне, должны соизмѣряться не съ тѣмъ количествомъ земли, которое получаютъ въ надѣлъ крестьяне Кутаисской губ., а съ обычной практикой; дворяне съ какой то исключительной страстностью, можно сказать, свирѣпостью, возстаютъ противъ какихъ бы то ни было ограниченій или сокращеній крестьянскихъ повинностей; ограниченіе и сокращеніе повинностей, пугаютъ составители новой записки, совершенно разорятъ и разстроятъ помѣщичье хозяйство; только тогда устоитъ помѣщичье хозяйство отъ потрясенія, вызываемаго крестьянской реформой, когда переходъ къ новымъ хозяйственнымъ и экономическимъ отношеніямъ будетъ совершаться постепенно и исподволь; такимъ подготовительнымъ періодомъ долженъ послужить тотъ двухъ годичный срокъ, въ продолженіи котораго будутъ составляться уставныя грамоты, слѣдовательно, въ промежуткѣ этого подготовительнаго періода крестьяне должны оставаться при существующихъ податяхъ и повинностяхъ, въ теченіи этого времени крестьяне должны доставлять и домашнюю прислугу; помѣщики обошли молчаніемъ самый существенный вопросъ: вѣдь, сами они приступили къ улучшенію быта крѣпостныхъ, если

бы на протяженіи первыхъ 2-хъ лѣтъ остался бы въ неприкосновенности весь экономическій и хозяйственный строй крестьянской жизни, то въ чемъ же именно выразилось бы улучшеніе быта крестьянъ; это противорѣчіе, конечно, слишкомъ очевидное, но для составителей полемической записки такихъ случаевъ можно найти не мало.

Но помимо этого предмета, были весьма спорные вопросы, которые волновали и безпокоили помѣщиковъ. Дворянскій проектъ реформы хотѣлъ обязать крестьянъ уплачивать владѣльцамъ земель за пользованіе ими, гдѣ $^1/_3$ урожая съ произведеній земли, а гдѣ и $^1/_2$; правда, дворяне не скрывали того, что губернія переживала острое малоземелье; но дворянскій комитетъ, проектируя очень высокіе размѣры повинностей, все время ссылался на высокую урожайность земель въ губерніи, этотъ доводъ чуть было не убѣдилъ правительственную коммиссію согласиться съ нормами повинностей дворянскаго проекта. Однако этотъ ходъ, если не былъ цѣликомъ обнаруженъ, то частично, по крайней мѣрѣ, былъ понятъ. Правда, Кутаисская губ. стояла выше въ отношеніи урожайности Тифлисской губ., что уже повело къ пониженію размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ въ Кутаисской сравнительно съ Тифлисской; понижая размѣры надѣловъ въ Кутаисской губ., авторы проекта крестьянской реформы компенсировали это пониженіе урожайностью земель; такимъ образомъ, получилась съ внѣшней стороны вполнѣ приличная для вида картина: при случаѣ можно было авторитетно указать, что, хотя крестьяне Кутаисской губ. и получили меньше земли, чѣмъ крестьяне Тифлисской, но за то производительность земель въ Кутаисской губ. покроетъ излишекъ земельныхъ надѣловъ крестьянъ Тифлисской губ. и шансы ихъ, слѣдовательно, уравняются. Все это было вполнѣ правильно съ чисто внѣшней формальной стороны; на самомъ дѣлѣ были опущены два весьма серьезныхъ фактора, низводящихъ до чрезвычайной степени основательность всѣхъ этихъ серьезныхъ, якобы построеній: во-первыхъ, надѣленные незначительными земельными участками, крестьяне Кутаисской губ. вынуждались тѣмъ самымъ безпрерывно и безпрестано эксплуатировать свои надѣлы, что привело бы земли къ преждевременному истощенію, со всѣми вытека-

ющими послѣдствіями; незначительность земельныхъ размѣровъ непозволяла крестьянамъ прибѣгать къ улучшенію сѣвооборота, какъ это вскорѣ послѣ объявленія реформы обнаружилось: крестьянское хозяйство быстро стало чахнуть и гибнуть; наконецъ, густота населенія губ. выводила значительныя части крестьянскихъ надѣловъ изъ ихъ непосредственнаго назначенія, дробя и безъ того незначительныя крестьянскія угодія.

При такихъ условіяхъ повышеніе $^0/_0$ сбора съ крестьянскихъ земельныхъ произведеній, обращеніе ихъ въ крестьянскую повинность сулило крестьянамъ полнѣйшій крахъ; это поняла правительственная коммиссія и попыталась, хотя бы сокращеніемъ крестьянскихъ повинностей частично, вознаградить крестьянъ за скудные земельные надѣлы, и остановилась на обложеніи крестьянъ $25^0/_0$ съ земельныхъ произведеній; такимъ способомъ пыталась коммиссія уравновѣсить относительно, по крайней мѣрѣ, экономическое положеніе крестьянъ и ни на какіе помѣщичьи доводы она уже не соглашалась. Дворяне неоднократно утверждали, что повсемѣстно въ губерніи земли сдавались за $^1/_3$ и если гдѣнибудь крестьяне платили дешевле, то не въ силу обязательныхъ нормъ, не въ силу обычая, а благодаря взаимнымъ соглашеніямъ или вслѣдствіе какихъ нибудь постороннихъ дополнительныхъ обязанностей въ пользу помѣщика: въ видѣ особыхъ приношеній или работы на помѣщика въ теченіи нѣкотораго количества дней. Правительственная коммиссія все же сдѣлала помѣщикамъ одну большую уступку; она не согласилась съ предложеніемъ дворянскаго комитета относительно установленія разныхъ размѣровъ усадебной осѣдлости, въ зависимости отъ степени и характера малоземелья у., но за то для наиболѣе малоземельнаго Рачинскаго у. установила своеобразный принципъ: считать усадьбу менѣе $^1/_2$ кц. за половину и платить какъ бы за цѣлую половину, а менѣе цѣлой кцевы—считать за кцеву съ тѣмъ же обязательствомъ, т. е. платить за цѣлую кцеву; этотъ принципъ несомнѣнно представлялъ выгодную сдѣлку для помѣщиковъ и такимъ способомъ вознаграждались потери помѣщиковъ, а положеніе крестьянскаго хозяйства отягчалось платежами за несуществующе пользованіе; это рѣшеніе

одно изъ самыхъ казуистическихъ, можно даже сказать, единственное, во всей Закавказской крестьянской реформѣ и самое несправедливое и обидное.

7) *Мнѣніе князей и дворянъ Озургетскаго у.*

Мѣры проектированныя правительственной коммиссіей, отчасти и дворянскимъ комитетомъ, не удовлетворяли многихъ дворянъ помѣщиковъ, которыя и выступали съ своими самостоятельными проектами и предположеніями. Такъ 23 апрѣля 1865 г. къ Кутаисскому генералъ-губернатору обратились съ своимъ предложеніемъ и съ просьбой поддержки помѣщики Озургетскаго у.

Они особенно остановились на характеристикѣ чисто мѣстныхъ условій и просили при рѣшеніи крестьянскаго дѣла считаться съ ними и не рѣшать вопроса столь большой важности единообразно, по шаблону. Указаніе на необходимость считаться съ мѣстными условіями имѣло вполнѣ серьезныя и разумныя основанія, но нельзя было и преувеличивать значенія ихъ, какъ это сдѣлали помѣщики Озургетскаго у; если бы правительство стало на ихъ точку зрѣнія, то пришлось бы вопросъ о крестьянской реформѣ для каждой отдѣльной мѣстности и части уѣзда разрѣшать самостоятельно. Какія большія разнообразія не представляла Кутаисская губ., однако, вполнѣ было возможно обнять въ Общемъ Положеніи всѣ состоянія крѣпостного населенія, не упуская изъ виду необходимыхъ отступленій отъ общихъ условій, вызываемыхъ индивидуальными, рѣзкими особенностями отдѣльныхъ частей губ.

Если изъ представленія дворянъ Озургетскаго у. исключить рѣзко выраженную чисто сословную тенденцію, то мотивъ,—вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ, изъ котораго они исходятъ, вполнѣ заслуживаетъ одобренія.

Дворяне Озургетскаго уѣзда стараются доказать, что крестьянская реформа со всѣми ея послѣдствіями является крайне разорительной, и правительство не можеть оставаться равнодушнымъ при гибели цѣлаго сословія, они просять „принять въ соображеніе, съ одной стороны, что *одною даже личною свободою* крестьяне пріобрѣтаютъ неисчислимыя выгоды, а съ другой, что *поземельная повинность въ какомъ*

бы размѣръ она не была опредѣлена ни въ какомъ случаѣ не можетъ вознаградить насъ (дворянъ) за тѣ лишенія, которымъ мы подвергаемся съ уничтоженіемъ крѣпостного права". При раздробленности и чрезполосности земель въ уѣздѣ, какъ и въ цѣлой губерніи, взиманіе поземельныхъ повинностей будетъ сопряжено съ большими затрудненіями, что создастъ невозможность услѣдить за правильнымъ, со стороны крестьянъ, исполненіемъ ихъ обязанностей. Гурія, продолжаютъ дворяне, была театромъ военныхъ дѣйствій, подвергалась постояннымъ безпокойствамъ, грабежи и разбои отъ турецкаго населенія все не прекращаются, слѣдовательно, благодаря чисто специфическимъ мѣстнымъ условіямъ ликвидація отношеній помѣщиковъ съ крестьянами не такъ проста и легка; между тѣмъ какъ скорое, по возможности, рѣшеніе этого дѣла, является крайне необходимой; съ своей стороны дворяне Озургетского у., для скорѣйшаго окончанія зависимыхъ отношеній, предлагаютъ оставить „за освобождаемыми крестьянами все движимое имущество, всѣ жилыя и хозяйственныя постройки, а изъ усадебныхъ земель (пахатной и садовой), нынѣ находящіяся въ пользованіи крестьянъ, за исключеніемъ, разумѣется, лѣсовъ, пастбищныхъ мѣстъ, а также другихъ земель, называемыхъ сабатоно, сахасо"; помѣщики согласны отдать крестьянамъ „въ надѣлъ въ потомственное владѣніе по 6 кцевъ", что же останется за этимъ надѣленіемъ помѣщики желаютъ сохранить за собой, образовать нѣчто въ родѣ помѣщичьяго земельнаго фонда, изъ котораго помѣщики, „если того пожелаютъ", будутъ выдавать желающимъ до 6 кцевъ земли; помимо этого помѣщики обязуются не касаться крестьянской усадебной осѣдлости и усадебныхъ мѣстъ, если она не болѣе 6 кцевъ. Всѣ эти уступки, однако, не безвозмездны; за каждый освобождаемый крестьянскій дымъ, который будетъ получать земельный надѣлъ въ 6 кцевъ, помѣщики Озургетскаго уѣзда просятъ вознагражденія по 500 р. Если помѣщикъ за недостаткомъ земель не будетъ въ состояніи дать каждому дыму по 6 кцевъ, то онъ долженъ сбавлять за недостающую до нормы надѣла кцеву по 60 р.

Что касается суммы вознагражденія въ 500 р., то помѣщики останавливаются на этой нормѣ потому, что по ихъ

оцѣнкѣ стоимость кцевы земли съ садомъ въ уѣздѣ колеблется отъ 60 р. до 100 р.; 500 р. за 6 кцевъ земли кажется имъ вполнѣ добросовѣстной и безубыточной оцѣнкой. Деньги должны быть выданы помѣщикамъ изъ казны, наличными. „Тяжело намъ, заключаютъ просители, прерывать долговременную связь нашу съ крестьянами и лишиться самыхъ лучшихъ земель, на которыхъ теперь водворены наши крестьяне“; если правительство не желаетъ окончательной гибели дворянскаго сословія, то должно пойти на встрѣчу ихъ просьбѣ о денежномъ вознагражденіи, которое обусловливается согласіемъ помѣщиковъ надѣлить крестьянъ землей.

Представленіе дворянъ Озургетскаго у. по существу заключаетъ лишь варіацію тѣхъ мнѣній и заявленій, которыя подавались на засѣданіяхъ Кутаисскаго дворянскаго комитета и отдѣльными членами сословія. Новостью является лишь предложеніе о выкупѣ крестьянскихъ угодій; форма и способы выкупа, проектированные дворянствомъ уѣзда не достаточно обдуманы; дворянство возложило обязанность выкупа на казну и не предусмотрѣло положенія крестьянъ въ такой организаціи выкупа; дворяне предлагали совершенно непріемлемую мѣру для выкупа, когда для имперіи была выработана совершенно иная система выкупа крестьянскихъ угодій. Наконецъ, предложеніе дворянъ Озургетскаго у. касалось лишь части крѣпостного населенія и не рѣшало вопроса общаго характера; это была слишкомъ узкая, небольшая реформа, при томъ выгодная для незначительной части заинтересованнаго въ крестьянской реформѣ сословія и потому была непріемлема.

8) *Мнѣніе Кутаисскаго губернскаго предводителя дворянства И. Н. Церетели.*

Правительственная коммиссія, засѣдавшая въ г. Кутаисѣ весьма внимательно разобралась въ начертанномъ дворянскимъ комитетомъ проектѣ. Разногласія между коммиссіей и комитетомъ оказались весьма существеннаго свойства и по основнымъ вопросамъ крестьянской реформы. Возраженія коммиссіи не были приняты дворянствомъ и возгорѣлась весьма ожесточенная полемика отдѣльныхъ членовъ

дворянскаго комитета и правительственной коммиссіи. Выступленіе дворянъ Озургетскаго у. косвенно явилось отвѣтомъ на работу правительственной коммиссіи и попыткой спасти положеніе дворянства, авторы записки пытались такимъ способомъ воздѣйствовать на членовъ правительства, занятыхъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса; записки и мнѣнія отдѣльныхъ дворянскихъ группъ, конечно, имѣли значеніе, къ нимъ прислушивались, даже считались, но рѣрѣшающаго значенія онѣ не имѣли; особенно это нужно сказать для Кутаисской губ., когда окончаніе работъ о крестьянской реформѣ въ Тифлисской губ. косвенно предрѣшило вопросъ о реформѣ въ сосѣдней губ.; мы не думаемъ утверждать, что мнѣнія, высказанныя въ частныхъ запискахъ не имѣли никакого значенія; мы полагаемъ, что степень ихъ вліянія настолько ничтожна и незначительна, что изслѣдователю трудно конкретно на это вліяніе указать; между прочимъ, степень вліянія отдѣльныхъ мнѣній тѣмъ менѣе, чѣмъ консервативнѣе предлагаемые ими проекты реформы, сравнительно съ общеимперской и въ частности съ Тифлисской губ.; эти записки слишкомъ далеки отъ пониманія сути реформы и мало проникнуты тѣмъ духомъ и направленіемъ, которое приняла крестьянская реформа въ краѣ.

Если проекты дворянскаго комитетета или отдѣльныхъ дворянскихъ представителей интересны для выясненія общаго умонастроенія дворянскаго сословія, то еще большій интересъ представляютъ заявленія, исходящія отъ лицъ дворянскаго сословія, занимающихъ отвѣтственныя мѣста, авторитетъ которыхъ былъ значителенъ среди сословія, съ которыми въ достаточной степени считалось и правительство. На этомъ основаніи мы должны удѣлить вниманіе и возраженіямъ, представленнымъ Кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства флигель-адъютантомъ, гвардіи ротмистромъ кн. И. Н. Церетели, представленнымъ 25 апрѣля. И. Церетели никоимъ образомъ не можетъ согласиться и принять проектированные правительственной коммиссіей размѣры крестьянскихъ надѣловъ: 4 кцевы для коренного, 12 для высшаго размѣра надѣла. Эти размѣры ему кажутся слишкомъ высокими для малоземельной Кутаисской губ. Кн. Церетели ссыл-

кой на обычное право старается доказать, что надѣлъ въ 4 кц. вполнѣ достаточенъ; оказывается, что, во время продажи или переселенія крестьянъ въ Кутаисской губ., правительство обязывало помѣщиковъ надѣлять такихъ крестьянъ 4 кц. земли, слѣдовательно, эта норма еще въ прошломъ была признана вполнѣ обезпечивающей крестьянское довольствіе, и кн. Церетели не находитъ въ настоящее время никакихъ разумныхъ основаній для такого сильнаго увеличенія высшаго размѣра надѣла; если уже правительство хочетъ оказать очень большую милость крестьянамъ, то можно было бы удвоить коренной надѣлъ и установить для высшаго размѣра надѣла 8 кцевъ; наконецъ, кн. Церетели не видитъ оправданія для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ и въ законоположеніяхъ 19 ф., изданныхъ для всей Имперіи; если эти законоположенія признали возможность увеличенія коренного надѣла втрое во внутреннихъ губерніяхъ, то такія дѣйствія были допущены для многоземельныхъ степныхъ частей имперіи, приравниваніе Кутаисской губ. къ такимъ областямъ никоимъ образомъ не можетъ быть допущено, такъ какъ названная губернія страдаетъ отъ малоземелья.

Кн. Церетели обратилъ вниманіе правительства на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, занимающихся торговлей, но находящихся на помѣщичьихъ земляхъ; по мнѣнію кн. Церетели, крестьянъ торговцевъ, по характеру занятій, нельзя подчинить 9 лѣтней обязательной службѣ помѣщику, такое обязательство, стѣсняя свободу дѣйствія крестьянина торговца, можетъ привести его къ разоренію, кн. Церетели цѣлесообразнымъ и представляется разрѣшать такимъ крестьянамъ выходъ изъ обязательныхъ отношеній по истеченіи 2-хъ лѣтъ.

Записка кн. Церетели въ общемъ не блещетъ ни доводами, ни построеніемъ своимъ и, конечно, не могла измѣнить сложившагося у правительственныхъ лицъ отношенія къ крестьянской реформѣ.

III.

Отношеніе представителей высшей Закавказской власти къ крестьянской реформѣ.

1) *Записка кн. І. К. Багратіона-Мухранскаго.*

Кн. Багратіонъ-Мухранскій, директоръ судебнаго департамента Главнаго Управленія намѣстника, предсѣдатель Кутаисской правительственной коммиссіи, одинъ изъ самыхъ большихъ знатоковъ крестьянскаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ; онъ принималъ очень большое и активное участіе въ разработкѣ крестьянской реформы въ краѣ; въ виду этого необходимо разсмотрѣть его мнѣнія относительно предположеній Кутаисскаго дворянскаго комитета.

Кн. Багратіонъ-Мухранскій указываетъ на то, что „Записка“ Кутаисскаго дворянскаго комитета производитъ благопріятное впечатлѣніе: „дворянскій комитетъ могъ впасть въ крайность, при изложеніи о своихъ нуждахъ и ожиданіяхъ; онъ воздержался отъ нея“, но предупреждаетъ Б. М., не слѣдуетъ думать, что дворянскія предположенія умѣренны: „по всѣмъ почти предметамъ дворянскій комитетъ *стремился выговорить себѣ болѣе льготы и снисхожденій*, чѣмъ тѣ, кои даны по Тифлисской губ... и этого надо было ожидать. Если взять въ соображеніе, что дворянскій комитетъ, составленный изъ выборныхъ чиновъ отъ дворянскаго сословія и въ качествѣ *адвокатовъ* его, подчинился въ изъятіяхъ своихъ не столько личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, сколько опасеніямъ не компрометировать интересы своихъ довѣрителей, то дѣлается понятнымъ *одностороннее направленіе къ огражденію выгодъ одного сословія*, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ предоставляя правительству от-

сѣчь отъ ихъ требованій, что въ нихъ окажется чрезмѣрнымъ". Въ Кутаисской губ., какъ и въ Тифлисской, „самые благорасположенные къ крестьянамъ и болѣе далекіе отъ посягательства на принадлежащія симъ послѣднимъ права, *это старые т. е. прежніе* истинные имеретины, „не мудрствующіе лукаво", *полу-образованіе не успѣло ихъ еще испортить*; если они сознаютъ сильно и вполнѣ нѣкоторыя изъ своихъ правъ, то имъ не приходитъ также на мысль отвергнуть голословно тѣ изъ несомнѣнныхъ правъ, кои присвоены обычаями крестьянамъ".

Для того чтобы показать односторонность дворянскихъ притязаній кн. Б.-Мухранскій вступаетъ въ детальное обсужденіе всѣхъ статей проекта; онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ дворянскаго комитета, который заявлялъ свои права на крестьянскія строенія; по мнѣнію Б·-Мухранскаго, въ данномъ случаѣ не можетъ быть допущено отступленіе въ признаніи крестьянскихъ строеній ихъ полной собственностью, когда уже послѣдовало рѣшеніе по этимъ статьямъ, какъ въ Общемъ Положеніи, такъ и въ Мѣстномъ для Тифлисской губ., тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ особенностей по владѣнію такимъ имуществомъ въ Кутаисской губ. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній для помѣщичьихъ притязаній на крестьянскія пріобрѣтенія. Споры, которые могутъ возникать относительно правъ на крестьянскія пріобрѣтенія предусмотрѣны и Мѣстнымъ Положеніемъ для Тифлисской губ. Такимъ образомъ, значительнѣйшая часть заключеній кн. Б.-Мухранскаго исходитъ изъ рѣшеній, уже данныхъ въ Мѣстномъ для Тифлисской губ. и Общемъ Положеніи о крестьянахъ; узаконенія о крестьянахъ уже отвѣчаютъ на всѣ сложные вопросы и кн. Б.-Мухранскій не видитъ основаній для отступленій отъ нихъ.

Дворянскій комитетъ, какъ уже было указано, установилъ неодинаковые размѣры крестьянскихъ надѣловъ: для Рачинскаго у.—3 кц., Шорапанскаго у.—4 кц., Озургетскаго и Кутаисскаго у. у.—5 кц. Кн. Б.-Мухранскій вступилъ въ личныя объясненія съ дворянами и старался ихъ убѣдить въ томъ, что нельзя допускать отрѣзокъ земель, состоящихъ въ одной неразрывной окружной чертѣ съ усадебной осѣдлостью и составляющихъ съ усадьбами одинъ цѣльный уча-

стокъ; и ему удалось склонить на свою сторону почти всѣхъ бывшихъ дворянскихъ депутатовъ и нѣкоторыхъ почетныхъ дворянъ, и они согласились сохранить за крестьянами, въ неприкосновенности, всѣ тѣ земли, которыя прилегали къ усадебной осѣдлости, если только онѣ не превышали коренного размѣра надѣла; нѣкоторые изъ помѣщиковъ готовы были оставить за крестьянами весь коренной надѣлъ, безразлично прилегалъ ли онъ къ усадебной осѣдлости или находился внѣ черты ея. Но за эти уступки помѣщики хотѣли выговорить себѣ право повышать повинности за тѣ части земель, на которыя предъявляли помѣщики свои права и собирались отрѣзать отъ крестьянскихъ усадебъ, слѣдовательно, помѣщики своей мнимой уступчивостью нисколько не облегчали положенія крестьянъ и весьма неохотно поступались своими личными интересами. Правда, не знаемъ насколько помѣщики думали повысить повинности за предоставленіе крестьянамъ отрѣзокъ, но если припомнить, что проектируемыя ими повинности вообще были высоки, то повышенныя повинности на отрѣзки сдѣлали бы пользованіе ими совершенно невозможнымъ.

Немало было споровъ и дебатовъ относительно надѣленія крестьянъ виноградниками. Кн. Б. Мухранскій останавливается на томъ, что виноградники маглари занимаютъ много мѣста: на одной кцевѣ размѣщается 10 деревьевъ, поэтому такіе виноградники не могутъ быть причислены къ обыкновенному типу виноградниковъ, какъ въ Кахетіи, гдѣ на одной кцевѣ можно разсадить до 2 т. лозъ, но виноградниковъ маглари нельзя подвести и подъ обыкновенные полевые участки, слѣдовательно, представляется необходимость опредѣлить высшій размѣръ маглари, который нужно будетъ причислить къ неприкосновеннымъ участкамъ, не подлежащимъ отрѣзкѣ ни въ какомъ случаѣ; свыше опредѣленнаго высшаго размѣра малгари приравниваются къ полевымъ угодіямъ и подлежатъ отрѣзкѣ въ пользу помѣщика. Кн. Б. - Мухранскій допустилъ въ своихъ предположеніяхъ одну неточность: въ Кутаисской губ. подъ маглари спеціально не отводились земземли, наоборотъ, маглари попадались тамъ, гдѣ были деревья, въ садахъ, пашняхъ и т. п., такъ что земля эксплуатировалась одновременно подъ маглари и другія насажде-

нія или культуры; изъ утвержденія кн. Б.-Мухранскаго можетъ получиться убѣжденіе, что маглари занимали исключительно свободныя земли, этого въ виду малоземелья не было, наоборотъ, культивированіе на деревьяхъ высокихъ виноградниковъ было вызвано земельнымъ недостаткомъ.

Кн. Б.-Мухранскій подтверждаетъ, что въ Кутаисской губ., благодаря густотѣ населенія, недостатку пахатныхъ земель, посторонніе съемщики брали ихъ изъ $^1/_2$, но кн. Б.-Мухранскій указываетъ, что необходимо различать плату за наемъ земли и крестьянскія повинности; послѣднія всегда сообразовались съ количествомъ помѣщичьей земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ и со среднимъ урожаемъ этихъ земель, а если принять во вниманіе эти два условія, то оказывается, что повинность отбываемая крестьянами произведеніями земли, колебалась отъ $^1/_6$ до $^1/_{10}$; въ заявленіяхъ дворянъ Кутаисской губ. мы не встрѣчали указаній на такія низкія нормы повинностей и затрудняемся сказать, откуда кн. Б. Мухранскій взялъ ихъ; въ дѣйствительности плата крестьянъ была выше; но авторъ замѣчаній принимаетъ во вниманіе то обстоятельство, что крестьянская реформа отниметъ у помѣщиковъ всѣ повинности и платежи, кромѣ поземельныхъ, которые раньше крѣпостные крестьяне платили своимъ господамъ, и чтобы вознаградитьчастично за эти потери помѣщиковъ, кн. Б.-Мухранскій проектируетъ $^1/_4$ съ урожая земельныхъ произведеній, но онъ не забываетъ, что немало помѣщиковъ получали за свои земли по $^1/_3$, но сдѣлать эту плату всеобщей не находитъ возможности, потому что въ губерніи были помѣщики, которые получали и $^1/_5$ часть съ доходовъ земли. Въ виду трудности абсолютно безобиднаго примиренія сторонъ въ вопросѣ о крестьянскихъ повинностяхъ кн. Б.-Мухранскій предлагаетъ среднюю мѣру: ему кажется, что, можетъ быть, помѣщики согласятся установить умѣренныя повинности, сообразно съ производительностью мѣстности, почвы и другими хозяйственными условіями надѣла. Это самое неудачное и неопредѣленное предложеніе кн. Б.-Мухранскаго, ибо оно не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего опредѣленнаго, конкретнаго, а по своей растяжимости и суммарности заключало въ себѣ источникъ постоянныхъ недоразумѣній и споровъ.

Высказываясь по основнымъ вопросамъ проекта дворянскаго комитета, кн. Б.-Мухранскій думалъ, что ими не могутъ быть рѣшены всѣ споры и статьи крестьянской реформы, онъ отлично понималъ, что его соображенія не будутъ приняты помѣщиками, въ чемъ онъ убѣдился во время личныхъ съ ними бесѣдъ, но не терялъ надежды, что помѣщики вникнувъ въ суть совершающейся реформы, отступятъ отъ крайнихъ требованій: „посмотримъ, пишетъ кн. Б.-Мухранскій, къ какому результату приведутъ насъ ежедневныя объясненія и споры, какъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, такъ и внѣ ея; *за недостаткомъ печати личными объясненіями со всѣми, кто имѣетъ къ тому охоту, замѣняемъ гласность*“.

2) *Замѣчанія Кутаисскаго генералъ-губернатора Д. И. Святополка-Мирскаго на дворянскій проектъ крестьянской реформы.*

Кутаисскій ген.-губ. кн. Святополкъ-Мирскій убѣжденъ, что благополучное завершеніе крестьянской реформы въ губерніи встрѣтитъ большія препятствія и затрудненія; главныя препятствующія причины, по мнѣнію генералъ-губернатора, заключаются почти въ непреодолимой чрезполосности и дробности земель, отсутствіи путей сообщенія, разбросанности и разсѣянности крестьянскихъ усадебъ, спорности земельныхъ владѣній; наконецъ, помѣхой будетъ служить невѣжество населенія, которое затруднитъ выборы мировыхъ посредниковъ, „сварливый, заносчивый, склонный къ враждебнымъ дѣйствіямъ и тяжбамъ характеръ здѣшняго народнаселенія, не отвыкшаго еще владѣть оружіемъ“; не смотря на столь нелестный отзывъ о цѣломъ народѣ, кн. Святополкъ-Мирскій въ крестьянской реформѣ видитъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій для искорененія всѣхъ этихъ отрицательныхъ чертъ народной жизни; неотложная правительственная задача „состоитъ въ доставленіи крестьянамъ возможности скорѣйшаго освобожденія отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, въ поземельномъ довольствіи т. е. въ скорѣйшемъ выкупѣ крестьянскихъ усадебныхъ надѣловъ“.

Спорныхъ вопросовъ, которые породили разногласіе между дворянскимъ комитетомъ и правительственной коммиссіей Кутаисскій ген.-губ. кн. Святополкъ-Мирскій не ка-

сался, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе лишь на обоснованіи мысли о необходимости надѣленія крестьянъ поземельной собственностью, и вся крестьянская реформа является для него интересной, поскольку она создастъ изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ. Укрѣпленіе за крестьянами земельной собственности—основаніе всей реформы и источникъ мирнаго развитія края. Мысль о надѣленіи крестьянъ не могла назваться новой вообще, но въ Закавказскомъ краѣ далеко не всѣ были убѣждены въ цѣлесообразности ея. Кн. Святополкъ-Мирскій такъ увлекся своими доводами, что основному положенію о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ удѣлилъ сравнительно мало вниманія.

Отношеніе отдѣльныхъ представителей Закавказской высшей власти къ крестьянской реформѣ въ Кутаисской губ. имѣетъ одну весьма существенную и типическую черту; въ запискахъ, мнѣніяхъ и т. п. мы, конечно, не находимъ разсужденій объ общихъ вопросахъ, касающихся реформы, нѣкоторое частичное исключеніе составляетъ записка кн. Святополка-Мирскаго; рѣчь идетъ теперь лишь о деталяхъ, о приноровленіи совершающейся реформы къ тѣмъ принципамъ, которые легли въ основаніе крестьянскихъ законоположеній въ имперіи: правительственная власть стремится перенести почти цѣликомъ выработанныя уже положенія, хотя это не всегда оказывалось возможнымъ и допустимымъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ условій, съ которыми какъ никакъ, а приходилось считаться.

IV.

О выкупѣ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ.

Мы достаточно говорили о томъ, съ какимъ ожесточеніемъ возставали дворяне Тифлисской губ. противъ крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, какъ настойчиво они добивались сохраненія въ своихъ рукахъ земельной собственности; не приходится этого говорить о помѣщикахъ Кутаисской губ., они, напротивъ, сами, заговорили о выкупѣ крестьянскихъ угодій и даже предложили свой разработанный проектъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго; правительство узаконило земельное надѣленіе крестьянъ, и возраженія помѣщиковъ не могли имѣть значенія; земельное надѣленіе превратилось въ фактъ, естественно, помѣщики Кутаисской губ. понимали сущность совершившагося земельнаго надѣленія крестьянъ и въ моментъ обсужденія крестьянской реформы въ Кутаисскомъ комитетѣ лишь единичные голоса стояли за безземельное освобожденіе крестьянъ.

Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи выкупъ крестьянскихъ угодій съ правительственной субсидіей былъ поставленъ опредѣленнымъ образомъ: для Тифлисской губ. вырабатывался проектъ выкупной операціи, удостоившійся законодательной санкціи 14 авг. 1868 г., слѣдовательно, дворянамъ Кутаисской губ. оставалось лишь оформить свои желанія и выговорить большую сумму выгодъ отъ будущей операціи и ликвидировать свои отношенія съ крестьянами, отношенія хлопотливыя и не совсѣмъ пріятныя, что обусловливалось постоянными спорами и недоразумѣніями во время сбора крестьянскихъ повинностей.

Дворяне Кутаисской губ. желаютъ, чтобы на Имеретію и Гурію были распространены правила о выкупѣ, которыя будутъ дѣйствовать въ Тифлисской губ., но съ нѣко-

торыми измѣніями, чтобы 1) при опредѣленіи размѣра ссуды подъ полевыя угодія (пахатныя и сѣнокосныя) была установлена нормальная ссуда для названныхъ угодій 20 р. капитальной суммы за каждую кцеву, а не 15 р. какъ въ Тифлисской губ., по причинѣ высокой стоимости земель въ губерніи, 2) чтобы 10 кцевъ полевой земли были приняты за высшій земельный надѣлъ; слѣдовательно, за высшій земельный надѣлъ должо было причитаться: за кцеву усадебной земли 50 р., за 10 кцевъ полевой земли, по 20 р. за кцеву, 200 р., всего 250 р.; если подымный участокъ обязанъ давать помѣщику, прислугу, то, согласно уже сдѣланному вычисленію, къ 250 р. прибавляется 320 р. за нее, получится всего ссуды за дымъ 570 р.; „можно завѣрить положительно, читаемъ мы въ дворянской запискѣ, что ни одинъ крестьянинъ въ Имеретіи, получая въ собственность усадебную осѣдлость со всѣми принадлежащими къ ней постройками, полевой надѣлъ въ 10 кцевъ земли и освобождаясь навсегда отъ обязанности давать постоянную личную прислугу помѣщику, не постѣснится заплатить эту сумму за свое полное освобожденіе и пріобрѣтеніе наименованія свободнаго собственника земли“. Обозначенная выкупная сумма не можетъ быть названа высокой, непосильной для крестьянъ, по мнѣнію составителей записки, потому, что въ произведенныхъ разсчетахъ нѣтъ ничего новаго и призвольнаго; если, говорятъ они, просмотрѣть отпускныя, которыя выдавались помѣщиками крестьянамъ, то окажется, что плата отъ 250 до 500 и болѣе рублей была постоянной и нормальной, при этомъ крестьяне получали „только личную свободу безъ земли“. Когда повинности въ уставныхъ грамотахъ будутъ опредѣлены денежнымъ оброкомъ, то размѣръ ссуды за полевой надѣлъ, подобно Тифлисской губ., долженъ быть выше, а именно на кцеву 30 р., всего на усадьбу и 10 кцевъ земли 350 р. плюсъ 320 р. за личную прислугу, въ общей сложности 670 р.; однако, этими расчетами дворянскій проектъ выкупной операціи не ограничивается; составители проекта утверждаютъ, что во многихъ мѣстахъ Рачинскаго у. и въ окрестностяхъ г. Кутаиса нормальная ссуда на кцеву въ 20 р. будетъ низкой сравнительно съ цѣнами въ означенныхъ мѣстностяхъ; размѣръ ссуды въ

этихъ мѣстахъ „долженъ быть опредѣляемъ не иначе, какъ по оцѣнкѣ на основаніи правилъ, установленныхъ для оцѣнки населенныхъ имѣній, принимаемыхъ въ залогъ подъ выдаваемыя изъ Закавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія ссуды", выкупъ же усадебныхъ мѣстъ въ торговыхъ мѣстечкахъ Сачхере, Хони, Они и др. „долженъ зависѣть отъ добровольнаго соглашенія помѣщика съ крестьяниномъ, такъ какъ въ этихъ мѣстечкахъ все богатство крестьянина, въ особенности евреевъ, состоитъ въ его усадебной осѣдлости, въ барышахъ, которые онъ выручаетъ, занимаясь торговлей". Соображенія дворянскаго комитета о выкупѣ крестьянами земельныхъ угодій касались лишь одной стороны операціи, опредѣленія стоимости выкупаемыхъ земель; при этомъ дворяне совершенно не интересовались въ какой формѣ должно было вылиться участіе правительства во всей выкупной операціи; изъ дворянскихъ сужденій очевидно, что субсидированіе крестьянъ должно было взять на себя правительство, но дальнѣйшее движеніе дѣла не интересовало уже дворянство. Но въ данномъ проектѣ выкупа крестьянской собственности достойно вниманія то, что вопреки уже состоявшейся внутри имперіи крестьянской реформѣ, вопреки категорически сдѣланному Закавказскому дворянству указанію, что личность крѣпостныхъ крестьянъ не подлежитъ выкупу, проектъ дворянъ Кутаисской губ. самымъ настойчивымъ образомъ добивается выкупа крестьянской личности и притомъ по цѣнѣ весьма высокой, значительно превосходящей ссуду на выкупаемыя земельныя угодія.

Кутаисскій ген.-губ. кн. Святополкъ-Мирскій очень много вниманія удѣлилъ той части дворянскаго проекта, въ которой говорилось о выкупѣ. Кн. Святополкъ-Мирскій самымъ рѣшительнымъ образомъ стоитъ за выкупъ крестьянской собственности и является сторонникомъ довольно серьезныхъ уступокъ дворянамъ; прежде всего онъ защищаетъ мысль объ уравненіи кцевы и однодневнаго паханія т. е. кцева Кутаисской губ., оставаясь земельной мѣрой въ 900 кв. с., должна была разсматриваться какъ однодневное паханіе—1200 кв. с.; и присоединяется къ мнѣнію дворянскаго проекта, особенно къ доводамъ губернскаго предводите-

ля дворянства, что высшій размѣръ ссуды на кцеву полевого надѣла можетъ быть допущенъ въ размѣрѣ 30 р., а на дворъ—350 р. Для Озургетскаго у. кн. Святополкъ-Мирскій охотно склоняется къ отступленіямъ и исключенію, въ виду особыхъ условій мѣстности: воинственнаго и непокорнаго духа населенія, близости къ Турціи; въ случаѣ войны съ Турціей Озургетскій у., говоритъ генералъ-губернаторъ, можетъ стать театромъ военныхъ дѣйствій, и трудно угадать послѣдствія, если война застанетъ раздоръ сословій, политическія соображенія требуютъ пойти на встрѣчу требованіямъ сословій уѣзда и устроить ихъ такъ, чтобы отнять причины неудовольствія. Кн. Святополкъ-Мирскій дѣлаетъ слѣдующія предложенія: опредѣлить размѣръ надѣла усадьбы въ Озургетскомъ у. 7—13 кцевъ въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ владѣльцы согласятся на выкупъ; высшій размѣръ выкупной ссуды установить въ 30 р. на кцеву, 350 р. на весь надѣлъ; но съ однимъ важнымъ отступленіемъ отъ общей системы: эти выкупныя ссуды должны падать на всѣ крестьянскіе надѣлы, не различая, отбываютъ ли они повинности денежнымъ оброкомъ или земными произведеніями. Насколько эти мѣры могли умиротворить крѣпостное крестьянское населеніе изъ записки кн. Святополка-Мирскаго не видно; если они могли удовлетворить кого-нибудь, такъ это помѣщичье населеніе уѣзда, которое не могло не согласиться съ высокими оцѣнками принятыми для всѣхъ категорій земель, но едва ли этотъ проектъ могъ успокоить крѣпостное населеніе, слѣдовательно, кн. Святополкъ-Мирскій не могъ достигнуть той политической цѣли, ради которой пренебрегалъ интересами одной значительной части населенія въ пользу другой.

V.

Обсужденіе проекта крестьянской реформы въ Кутаисской губ. въ комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ при главномъ управленіи намѣстника Кавказа.

Послѣ того какъ закончились работы по изготовленію проекта крестьянской реформы въ г. Кутаисѣ, послѣ того какъ онъ былъ подвергнутъ тщательному изученію, исправленію и дополненію въ правительственной коммиссіи, поступилъ на окончательное разсмотрѣніе комитета объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ Управленіи намѣстника Кавказа.

Засѣданія комитета объ устройствѣ крестьянскаго населенія при Главномъ Управленіи намѣстника происходили подъ предсѣдательствомъ т. с. А. П. Николаи, при членахъ: т. с. А. М. Фадѣевѣ, т. с. І. К. Багратіонѣ-Мухранскомъ, д. с. с. Ю. Ѳ. Витте, д. с. с. Е. П. Старицкомъ, Н. И. Барановскомъ, Титовѣ, К. М. Богдановѣ-Калинскомъ; составъ комитета былъ тотъ же самый, который обсуждалъ крестьянскую реформу въ Тифлисской губ. Въ засѣданія комитета былъ приглашенъ Кутаисскій генералъ-губернаторъ кн. Д. И. Святополкъ-Мирскій.

Засѣданія комитета происходили 6, 8, 11, 12, 13 мая 1865 года.

Задача Закавказскаго центральнаго комитета состояла въ томъ чтобы, на основаніи данныхъ предварительнаго обсужденія проекта реформы въ Кутаисской губ. со стороны дворянскаго комитета и правительственной коммиссіи, составить окончательный проектъ Положенія въ формѣ дополнительныхъ статей къ Мѣстн. Положенію 13 окт. 1864 г.

Закавказскій центральный комитетъ въ первомъ же засѣданіи постановилъ, что „освобожденіе помѣщичьихъ кресть-

янъ въ той губерніи (Кутаисской) отъ крѣпостной зависимости и будущее ихъ поземельное устройство предположены на тѣхъ же самыхъ главныхъ началахъ, кои для сего приняты положеніями 13 окт. 1864 г. въ Тифлисской губ. и кои не противны основаніямъ общаго крестьянскаго законодательства 19 февр. 1861 г.", при такой программѣ занятій у центральнаго комитета не было надобности касаться общихъ вопросовъ, возникавшихъ при обсужденіи крестьянской реформы; задача комитета не была сложна, она состояла лишь въ выработкѣ спеціальныхъ нормъ, вытекавшихъ изъ потребностей чисто мѣстныхъ условій. Проектъ реформы представленный Кутаисской правительственной коммиссіей былъ положенъ въ основаніе работъ Закавказскаго центральнаго комитета, который, одобривъ въ общемъ проектъ, внесъ нѣкоторыя поправки, дополненія, кое-гдѣ чисто редакціонныя исправленія.

Не вдаваясь въ подробности и детали обсужденія въ Закавказскомъ центральномъ комитетѣ крестьянской реформы въ Кутаисской губ., остановимся лишь на тѣхъ моментахъ и статьяхъ, которыя потребовали у членовъ комитета дополненій, отступленій или внесенія новыхъ положеній въ существующія уже узаконенія.

а. *Объ отводѣ крестьянамъ надѣла.*

Закавказскій комитетъ для устраненія раздробленности крестьянскихъ полевыхъ угодій, находящихся въ неразрывной связи съ крестьянскими усадьбами, нашелъ цѣлесообразнымъ обращеніе крестьянскихъ участковъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика, и подчинить нѣкоторымъ ограниченіемъ, въ виду чего постановилъ: „въ отрѣзку обращаются сначала всѣ тѣ земли, которыя превышаютъ установленный высшій размѣръ полевого надѣла, затѣмъ недостающее количество отрѣзывается изъ тѣхъ земель, которыя превышаютъ установленный коренной надѣлъ, при чемъ обращаются въ непосредственное распоряженіе помѣщика сначала тѣ участки, которые не прилегаютъ къ усадьбамъ крестьянскимъ" Въ дальнѣйшихъ преніяхъ комитетъ пришелъ и къ другому выводу: „крестьяне, получившіе въ замѣнъ отошедшихъ отъ

нихъ земель участки, заросшіе лѣсомъ или требующіе расчистки освобождаются вообще отъ взноса помѣщику повинностей за сіи участки въ теченіи 2-хъ лѣтъ".

б. *Объ изъятіи для мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ отношеніе надѣла и объ пользованіи крестьянскою землею.*

Мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, для сохраненія хозяйственнаго своего положенія, было предоставлено право сохранить за собой $^1/_2$ того количества земли, которымъ опредѣляется ихъ мелко-помѣстность для Кутаисской губ., вмѣстѣ съ этимъ комитетъ нашелъ нужнымъ предоставить крестьянамъ такихъ владѣльцевъ право, которымъ вообще пользовались крестьяне, просить, взамѣнъ отошедшихъ участковъ, такое же количество земли, если только у помѣщика, сверхъ отошедшихъ крестьянскихъ земель, оказалась бы другая земля лежащая впустѣ или заросшая лѣсомъ.

в. *О крестьянскихъ повинностяхъ.*

Повинности крестьянъ за земельныя угодія вызвали въ центральномъ комитетѣ очень много споровъ и дебатовъ.

Комитетъ прежде всего утвердилъ рѣшеніе правительственной коммиссіи и постановилъ для Кутаисской губ. высшій размѣръ подымного полевого участка считать въ 12 кцевъ, 4 дес. 1200 кв. с.; въ составъ виноградnаго сада маглари должна была входить вся земля подъ виноградными лозами, плодовыми деревьями, равно пашни, имѣющіяся въ одной окружной чертѣ тѣхъ виноградныхъ насажденій; для опредѣленія количества земли, предоставляемаго крестьянамъ подъ маглари установленъ высшій размѣръ= 4 кцевамъ; превышающее этотъ размѣръ пространство отчисляется къ полевымъ угодіямъ и подчиняется общимъ правиламъ существующимъ о нихъ; если въ распоряженіи крестьянина оказался бы виноградникъ даблари, заключающій въ себѣ не менѣе 2-хъ кцевъ, состоящій въ пользованіи его виноградникъ маглари причисляется къ полевымъ угодіямъ.

Мѣстное Положеніе для Тифлисской губ., выдѣлило мѣста, гдѣ, между прочимъ, въ чертѣ усадебной осѣдлости находились виноградныя лозы, плодовыя деревья, которыя

служили источникомъ особыхъ доходовъ; усадебные земли съ такими особенностями составляли особую категорію земель и оцѣнивались, не дороже 120 р., и съ этой суммы опредѣляли ежегодную плату въ размѣрѣ 5% съ оцѣночной стоимости. Однако, при редактированіи статьи обратили вниманіе на приблизительную, по крайней мѣрѣ, доходность виноградныхъ лозъ и фруктовыхъ деревьевъ и такимъ образомъ соизмѣрили оцѣнки усадьбы съ ея доходностью; для предотвращенія возможныхъ злоупотребленій Закавказскій центральный комитетъ нашелъ необходимымъ опредѣлить размѣръ дохода съ насажденій въ крестьянской усадьбѣ, и при томъ въ такую цифру, которая могла бы оправдать принятую оцѣнку въ 120 р.; такимъ образомъ, усадьба могла быть оцѣнена въ 120 р. и съ нее исчисляема плата помѣщику, если ея доходность составляла, по крайней мѣрѣ, 20 р.

По второму весьма спорному вопросу о повинностяхъ за виноградники маглари комитетъ постановилъ предоставить помѣщику право получать съ своихъ крестьянъ или 1/3 часть только съ урожая виноградника, или 1/4 съ урожая виноградника и съ посѣвовъ подъ виноградными насажденіями.

Повинности за полевыя угодія комитетъ примѣнительно къ Тифлисской губ. и на основаніи доводовъ, представленныхъ частью правительственной коммиссіей, частью кн. І. К. Б. Мухранскимъ, установилъ въ размѣрѣ 1/4 съ урожая всѣхъ произведеній.

Доставка повинностей, какъ извѣстно, въ предварительныхъ проектахъ была возложена на крестьянъ; Закавказскій центральный комитетъ не принялъ проектированныхъ нормъ разстоянія для доставки 15 в. для необработанныхъ продуктовъ и 75 в. для обработанныхъ, находя ихъ обременительными для крестьянъ, и сократилъ первое разстояніе до 10 в., второе—50 в., а „тамъ гдѣ по трудности сообщенія доставка производится на вьюкахъ, предоставить мировому посреднику разстояніе опредѣленное въ 50 в. сокращать на половину“.

Главный комитетъ выслушалъ представленіе Кутаисскаго губернскаго предводителя дворянства и отзывъ Кутаис-

скаго-генералъ губернатора объ изданіи особыхъ правилъ для крестьянъ занимающихся торговлей, позволяющихъ имъ, по прошествіи двухъ лѣтъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, оставлять помѣщичьи земли, или оставаться на ней, на основаніи добровольныхъ соглашеній; по мнѣнію Кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Святополка-Мирскаго, „оставленіемъ ихъ (крѣпостныхъ-торговцевъ) въ обязательныхъ отношеніяхъ на болѣе продолжительный срокъ можно стѣснить ихъ торговлю“; но комитетъ не нашелъ въ законоположеніяхъ о крестьянахъ постановленій о какихъ нибудь исключеніяхъ по роду занятій такихъ лицъ, и на этомъ основаніи названныя представленія были оставлены безъ вниманія.

г. *Объ изъятіяхъ для нагорныхъ имѣній Рачинскаго у.*

Рачинскій у. отличается значительной гористостью, затрудняющей разселеніе; члены дворянскаго комитета указывили также на большую, сравнительно съ другими уѣздами губерніи, густоту населенія, что въ совокупности создавало сильную недостаточность въ земельномъ довольствіи; Закавказскій комитетъ внялъ представленнымъ доводамъ и въ особыхъ дополнительныхъ статьяхъ внесъ положеніе о надѣлѣ и пользованіи имъ; въ крестьянскомъ пользованіи оставлена „вся та усадебная осѣдлость и полевыя земли (пахатныя и сѣнокосныя), кои, до утвержденія настоящихъ правилъ, состояли въ исключительномъ пользованіи каждаго крестьянскаго дыма“; имъ же для постояннаго пользованія отводятся за опредѣленныя повинности „пастбищныя и лѣсныя для собственныхъ нуждъ угодія“, повинности за усадебныя и полевыя земли (пахатныя и сѣнокосныя), состоящія въ пользованіи каждаго отдѣльнаго дыма отбываются „въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ отбывались донынѣ въ каждомъ мѣстѣ, а именно: или деньгами, или скотомъ, или же домашними издѣліями, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ установились по обычаю“.

Что же касается усадебныхъ мѣстъ въ Рачинскомъ у., то, принимая во вниманіе особенности этого уѣзда, центральный комитетъ согласился находящійся подъ усадьбой участокъ размѣромъ менѣе $^1/_2$ кцевы, признавать за половину; а менѣе кцевы за кцеву; но при этомъ отка-

зался распространить дѣйствіе этого правила на Шорапанскій у.; мотивомъ къ отказу послужило то, что комитетъ считаетъ оцѣнку земель, принятую въ Кутаисской губ. высокой, сравнительно съ Тифлисской губ., при значительно низкой земельной мѣрѣ для Кутаисской губ., поэтому не оказывается у комитета никакихъ серьезныхъ аргументовъ, чтобы дѣлать еще какія нибудь изъятія и отступленія.

д. *О мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ.*

Дворянскій комитетъ просилъ примѣненія къ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ Кутаисской губ. правилъ, изданныхъ для Тифлисской губ. Мелкопомѣстными же Кутаисскій дворянскій комитетъ призналъ тѣхъ помѣщиковъ, которые въ населенныхъ имѣніяхъ владѣютъ 120 кцевами земли (45 дес.), въ Тифлисской 60 дн. паханія (30 дес.) и освободить отъ обязанности надѣленія крестьянъ владѣющихъ 60 кцевами. Правительственная коммиссія, считаясь съ малоземельемъ, не находила возможнымъ приравнивать Кутаисскую губ. къ Тифлисской, кромѣ того считала слишкомъ высокими, при сравнительной плодородности земель, принятые размѣры и постановила признавать мелкопомѣстными тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ было 60 кц. земли и Закавказскій центральный комитетъ согласился съ правительственной коммиссіей; для нагорныхъ частей губерніи Рачинскаго у., Кударскаго участка главный комитетъ призналъ вполнѣ подходящими правила, изданныя для нагорной части Горійскаго у.

е. *О дворовыхъ людяхъ.*

Дворянскій комитетъ къ дворовымъ людямъ въ Имерѣіи и Гуріи причислилъ только тѣхъ крестьянъ, „кои, находясь въ услуженіи у помѣщика или при его хозяйствѣ, не имѣютъ никакого земельчаго надѣла, ни даже усадебной осѣдлости“; къ такимъ крестьянамъ, а также къ крестьянамъ одного помѣщика, но водвореннымъ на земляхъ посторонняго владѣльца или вѣдомства считалъ возможнымъ тотъ же комитетъ примѣнить положеніе 19 февраля 1861 г. объ устройствѣ дворовыхъ людей. Крестьяне, которые имѣли „на землѣ одного помѣщика осѣдлость, а пользо-

вались полевыми угодіями другого владѣльца или вѣдомства, должны вносить за эту усадьбу плату и особо за личную прислугу, если они таковою обязаны", до тѣхъ поръ, пока „подобные крестьяне не выкупятъ отъ помѣщика по добровольному съ нимъ соглашенію какъ своей усадьбы, такъ и обязанность давать ему личную прислугу". Правительственная коммиссія, примѣняясь къ общему законоположенію 19 февр. 1861 г. и дополнительному закону 13 окт. 1864 г., пришла къ заключенію о необходимости распространенія и на крестьянъ, состоящихъ въ личномъ услуженіи законоположеній о дворовыхъ людяхъ; что же касается льготъ, предоставляемыхъ законоположеніями этому разряду крѣпостного населенія, то таковыя та же коммиссія распространила на моджалобовъ, не имѣющихъ вовсе земельнаго надѣла или владѣющихъ только усадьбами.

Крестьяне, находящіеся въ услуженіи владѣльцевъ при хозяйствѣ или проживающіе на землѣ другихъ владѣльцевъ правительственной коммиссіей были подчинены правиламъ, изданнымъ въ Мѣстномъ Положеніи для Тифлисской губ.

Правительственная же коммиссія обратила вниманіе на выясненіе участи еще одного разряда крестьянскаго населенія, правовое положеніе котораго требовало особаго разсмотрѣнія и рѣшенія; это были крестьяне, принадлежащіе лицамъ не потомственнаго дворянскаго происхожденія. Коммиссія, разбираясь въ юридическихъ основаніяхъ, на которыхъ держалась эта категорія зависимыхъ людей, установила три разряда ихъ: къ первому разряду были причислены тѣ крестьяне, которые состояли въ крѣпостной зависимости у лицъ, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству;—этой группѣ зависимыхъ лицъ коммиссія рѣшила представить всѣ тѣ личныя и имущественныя права, какія были дарованы вообще крѣпостному населенія по Общему Положенію 19 февраля 1861 г.; ко второму—тѣ крестьяне, которые съ момента обнародованія Положенія должны воспользоваться всѣми правами свободнаго состоянія, наконецъ, въ третью категорію вошли, тѣ крестьяне, которые должны были сохранить право пользованія усадебной осѣдлостью въ размѣрѣ опредѣленномъ для крестьянъ Кутаисской губ. и получить въ собственность

безъ вознагражденія владѣльца изъ состоявшаго въ ихъ пользованіи виноградника маглари—1/3, даблари—1/2. Во всей этой группировкѣ очень много неяснаго; неизвѣстно какими соображеніями руководилась правительственная коммиссіи при дѣленіи зависимыхъ лицъ принадлежащихъ не потомственному дворянству, кромѣ того характеристическія черты, отдѣляющія одну группу отъ другой настолько общими чертами набросаны, что очень легко смѣшеніе, и, наконецъ, въ этой группировкѣ обойденъ молчаніемъ очень серьезный вопросъ о вознагражденіи и возмѣщеніи интересовъ владѣльцевъ; очевидно, сама коммиссія чувствовала недостаточную точность юридической формулировки и предвидѣла возникновеніе недоразумѣній и споровъ между владѣльцами и крестьянами, и не сдѣлавъ ничего для возможнаго предотвращенія ихъ, постановила рѣшеніе споровъ и недоразумѣній возложить на крестьянскія учрежденія. Предоставляя свободу крестьянамъ, зависимымъ отъ лицъ не потомственнаго дворянскаго происхожденія, правительственная коммиссія ничего не говорила о вознагражденіи владѣльцевь, надо думать, что, по предположенію коммиссіи, владѣльцы крестьянъ означенной категоріи, какъ пользовавшіеся трудомъ и повинностями крестьянъ, не на полномъ и законномъ основаніи, были вполнѣ вознаграждены въ теченіи времени нахожденія у нихъ крестьянъ и освобождали послѣднихъ отъ повинностей и платежей бывшимъ ихъ господамъ.

Закавказскій центральный комитетъ согласился съ мнѣніемъ правительственной коммиссіи, и на лицъ крестьянскаго сословія, находящихся въ личномъ услуженіи и водворенныхъ на земляхъ помѣщика или на земляхъ посторонних лицъ и вѣдомствъ были распространены всѣ статьи Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

ж. *О пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность земельнаго надѣла и о содѣйствіи имъ правительства.*

Вопросъ о выкупѣ крестьянскаго земельнаго надѣла дебатировался въ Закавказскомъ центральномъ комитетѣ одновременно съ обсужденіемъ проекта крестьянской реформы; и, какъ уже было указано, дворянство Кутаисской губ. не

возражало противъ выкупа надѣловъ, напротивъ, даже представило свой проектъ; слѣдовательно, центральному комитету оставалось выработать нормы выкупныхъ суммъ.

Конечно, въ интересахъ дворянъ было сохранить въ своихъ рукахъ возможно бо́льшее количество земли, и они возражали противъ увеличенія нормъ крестьянскихъ надѣловъ, они доказывали, что увеличеніе коренного надѣла втрое не согласуется ни съ Положеніемъ для Тифлисской губ., гдѣ уже удвоеніе надѣла считается высшимъ размѣромъ надѣленія, ни равно съ количествомъ земли, находящимся вообще въ пользованіи крестьянъ. Бывшихъ членовъ дворянскаго комитета не удовлетворяли принятые для Тифлисской губ. размѣры ссуды. Даже высшій размѣръ принятый правительственной коммиссіей въ 15 р., не составляетъ, по мнѣнію дворянскаго комитета, годового дохода съ кцевы земли, а такіе размѣры могутъ затруднить миролюбивые разводы крестьянъ съ помѣщиками, ибо ссуда составляетъ весьма „незначительное для крестьянъ при выкупѣ земель вспомоществованіе“.

Правительственная коммиссія при опредѣленіи размѣра выкупной ссуды за полевыя земли въ Кутаисской губ. установила за кцеву земли ссуду въ 7 р. и тѣмъ, думала, уравновѣсить стоимость ея съ стоимостью неполивной земли 1-дневного паханія, оцѣненную въ 10 р., такъ какъ кцева меньше по размѣрамъ. За лучшія по доходности и плодородности земли коммиссія положила по 10 р. При платежахъ повинностей деньгами высшій размѣръ ссуды на кцеву коммиссія опредѣлила въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ тогда, когда по винности отбывались земными произведеніями: на кцеву обыкновенной полевой земли 10 р., лучшей 15 р.

Такимъ образомъ, получилась расцѣнка ссудъ на надѣлъ, при платежѣ земными произведеніями:

на кцеву усадебной земли . .		50 р.
„ 12 кцевъ полевой по .	7 р.	84 „
„ 4 кцевы маглари, „ .	10 „	—
какъ за лучшую полевую . . .		40 „
итого за надѣлъ .		174 „

если 12 кцевъ лучшей земли считать по 10 р. —210 р.

При платежѣ повинностей денежнымъ оброкомъ:

на кцеву усадебной земли . .	50 р.
„ 12 кцевъ обыкнов. полевой .	120 „
„ 4 кцевы маглари, какъ . .	—
лучшую полевую землю по 15 р.	60 „
всего .	230 „

Если 12 кцевъ лучшей земли по 15 р. — 290 р.

Поэтому коммиссія и приняла высшій размѣръ ссуды на крестьянскій полевой надѣлъ въ первомъ случаѣ, т. е. при платежахъ повинностей земными произведеніями - 210 р., денежнаго оброка - 290 р. Исключеніе было сдѣлано для нагорныхъ имѣній Рачинскаго у. Въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности за земельный надѣлъ уплачивались скотомъ и домашними издѣліями, коммиссія предложила ссуду на кцеву пахатной земли по 7 р., сѣнокосныхъ земель - 3 р.; при платежахъ денежнаго оброка на кцеву пахатной земли 10 р., сѣнокосной 5 р., ссуда за усадьбу въ обоихъ случаяхъ по 50 р. Высшій же размѣръ ссуды за крестьянскій надѣлъ 180 р. и 250 р. Въ Тифлисской губ. на поливныя земли, къ которымъ коммиссія въ Кутаисской губ. приравняла, повидимому, лучшія земли была назначена двойная, противъ неполивныхъ земель, ссуда; пониженную оцѣнку лучшихъ земель въ Кутаисской губ. правительственная коммиссія мотивировала тѣмъ, что въ Тифлисской губ. при надѣленіи землей крестьянъ сохранялось соотношеніе между поливными и неполивными землями; однодневное паханіе поливной земли тамъ приравнено двухдневному паханію неполивной, сообразно съ этимъ удваивались и цѣны; въ Кутаисской губ. такого различенія земель не было и при надѣленіи крестьянъ землей не сдѣлано различія между землями по качеству. Это объясненіе было бы пріемлемо, если бы коммиссія сама отъ нея не отступила; она неодинаковой оцѣнкой земель внесла различія, которыхъ не было; не было во всякомъ случаѣ рѣзко выраженныхъ и дала новое дѣленіе земель на лучшія и не лучшія, не существовавшее въ обычной практикѣ.

Противъ оцѣнки правительственной коммиссіи возражали Кутаисскій генералъ - губернаторъ кн. Святополкъ - Мирскій и губ. предводитель дворянства Церетели, находя оцѣн-

ку не соотвѣтствующей дѣйствительной стоимости земель въ губерніи; губернскій предводитель дворянства доказывалъ, что оцѣночная сумма не можетъ равняться даже годовому доходу земли; такъ какъ пониженіе выкупной ссуды можетъ мѣшать успѣхамъ выкупной операціи, возражали названныя лица, то въ интересахъ крестьянскихъ, помѣщичьихъ, наконецъ, государственныхъ, способствовать безпрепятственному развитію выкупной операціи; они предлагаютъ сравнить выкупныя ссуды въ Кутаисской и Тифлисской губ., считать кцеву за однодневное паханіе (900: 1200 кв. с.) съ тѣмъ, чтобы высшій размѣръ ссуды на кцеву полевого угодія, безъ различія равнялся 30 р., а на весь надѣлъ 350 р. Закавказскій центральный комитетъ, принимая высокую цѣнность земель въ Кутаисской губ., для опредѣленія нормальныхъ размѣровъ выкупной ссуды, принялъ для Кутаисской губ. оцѣнку земель, допущенную въ Тифлисской; и рѣшилъ возвысить на кцеву земли цѣны до той суммы, какая причтется за такое (т. е. 900 кв. с.) же пространство земли въ Тифлисской губ.

з). *О вознагражденіи помѣщиковъ за личныя повинности крестьянъ.*

Кутаисскій дворянскій комитетъ повторяетъ доводы, которые выставляли дворяне Тифлисской губ. о необходимости вознагражденія помѣщиковъ за личныя права на крестьянъ; дворянство „по первому призыву, безъ колебанія выполнило въ назначенный правительствомъ срокъ *столь важное и, можно сказать, еще рановременное для него дѣло*, въ безотчетномъ упованіи на Государя Императора“. „Раны, полученныя многими изъ дворянъ въ дѣлахъ противъ непріятелей, жертвы и разоренія, понесенныя во время войны 1852 г.“, свидѣтельствуютъ о безграничной преданности дворянскаго сословія, „съ такимъ же вѣрноподданнымъ чувствомъ оно отозвалось предъ Государемъ въ послѣднее время, когда враги Россіи угрожали войной, по случаю мятежныхъ дѣйствій Польши“. Дворянство находится въ большомъ затрудненіи, лишеніе личныхъ крестьянскихъ повинностей будетъ особенно чувствительнымъ, „положеніе дворянства будетъ самое грустное, самое жалкое, потому что оно не имѣетъ образованія, не имѣетъ денежныхъ средствъ для содержанія

себя и улучшенія собственнаго хозяйства, словомъ, не будучи подготовлено къ такимъ огромнымъ жертвамъ, каково освобожденіе крестьянъ, дворянство можетъ дойти до крайней нищеты". Просьба дворянъ была поддержана намѣстникомъ Кавказа, вел. кн. Михаиломъ Николаевичемъ. „Съ уничтоженіемъ, пишетъ въ Высочайшемъ донесеніи вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, крѣпостного права помѣщикамъ сохраняются однѣ поземельныя повинности съ тѣхъ крестьянъ, кои живутъ на помѣщичьей землѣ и пользуются ею", хотя повиности и вознаграждаютъ помѣщиковъ, но „вообще вновь устанавливаемыя повинности за земельное пользованіе съ крестьянъ, далеко не могутъ удовлетворить помѣщиковъ за совокупность тѣхъ разнообразныхъ выгодъ, кои доставляло имъ крѣпостное право", „географическое положеніе этой части края и рядъ обстоятельствъ не выгодно дѣйствовавшихъ на ея экономическое развитіе довели помѣщиковъ до того, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права они лишаются почти единственнаго средства къ существованію", а рядъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ слѣдующаго рода: низкая ступень развитія помѣщиковъ Кутаисской губ., бѣдствія отъ моровой язвы 1812 г., войны 1853-55 гг.; вообще имеретинскіе и гурійскіе помѣщики находили поддержку „въ крѣпостномъ трудѣ своихъ крестьянъ, оставшись затѣмъ чуждыми всякихъ другихъ средствъ къ существованію". По Высочайшему распоряженію 8561 дворянское семейство Кутаисской губ. получило 2,833,815 руб. за личныя повинности крестьянъ.

VI.

Проектъ крестьянской реформы въ Кавказскомъ Комитетѣ.

Послѣ того какъ закончилось обсужденіе проекта крестьянской реформы въ Кутаисской губ. въ Закавказскомъ центральномъ комитетѣ и былъ изготовленъ окончательный проектъ дополнительныхъ правилъ къ Мѣстному Положенію для Тифлисской губ., былъ отправленъ въ Петербургъ въ Кавказскій комитетъ для утвержденія, какъ это было своевременно сдѣлано съ проектомъ Мѣстнаго Положенія для Тифлисской губ.

9 августа 1865 г. въ соединенномъ засѣданіи комитетовъ Кавказскаго и Главнаго объ устройствѣ сельскаго населенія разсматривался проектъ крестьянской реформы въ Кутаисской губ. Находящійся въ это время въ Петербургѣ директоръ департамента общихъ дѣлъ Главнаго Управленія намѣстника Кавказскаго д. с. с. Н. И. Барановскій былъ приглашенъ на засѣданія при разсмотрѣніи проекта дополнительныхъ правилъ.

Соединенные комитеты нашли, что предположенія Кавказскаго главнаго комитета согласованы какъ съ главнѣйшими началами законоположенія 19 фев. 1861 г., о крестьянахъ, такъ и съ особымъ положеніемъ объ устройствѣ быта крестьянъ въ Тифлисской губ., 13 окт. 1864 г., что изъятія же допущенныя по особымъ условіямъ Кутаисской губ. „малоземельности и бѣдности владѣльцевъ, системы хозяйственнаго устройства крестьянъ и т. п“ вполнѣ законны. Соединенные Комитеты остановили вниманіе только на 27 ст. проекта, гдѣ было сказано: „если крестьянинъ имѣетъ собственныя полевыя земли, то онѣ принимаются въ разсчетъ при надѣлѣ его отъ помѣщика, которому предоставляется исключитъ изъ причитающагося крестьянину въ постоянное пользованіе количества

земли такое количество, какое окажется у крестьянъ собственной земли".

Соединенные Комитеты указали на то, что согласно общему правилу, крестьянамъ предоставляется въ постоянное пользованіе не только усадебная осѣдлость, но и полевая земля; между тѣмъ принадлежность крестьянамъ земли на правѣ собственности, не есть явленіе исключительное; собственники крестьяне были и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; ни тамъ, ни здѣсь не было необходимости исключать изъ причитающагося крестьянамъ полевого надѣла принадлежащія имъ на правѣ собственности земли, а въ подтвержденіе такой необходимости для Кутаисской губ. не приведено доводовъ, поэтому, признавая неудобнымъ допустить подобную мѣру, какъ нарушающую справедливость, комитеты постановили исключить 27 ст. Весьма любопытнымъ является то обстоятельство, что Соединенные Комитеты, за исключеніемъ упраздненія ст. 27 никакихъ поправокъ, дополненій, даже просто редакціонныхъ, не сдѣлали въ представленномъ Закавказскимъ центральнымъ комитетомъ проектѣ дополнительныхъ правилъ для Кутаисской губ., настолько они соотвѣтствовали видамъ и стремленіямъ правительства и настолько удовлетворительно эта работа была выполнена; такъ составились дополнительныя правила 13 окт. 1865 г къ Мѣстному Положенію для Тифлисской губ.

VII.

О правахъ азнауровъ, состоящихъ въ зависимости у князей.

Когда мы давали характеристику крѣпостного права въ Грузіи, указали на особый разрядъ зависимаго сословія, на азнауровъ т. е. дворянъ, находящихся въ зависимомъ отношеніи у тавадовъ, князей. Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ всѣхъ разрядовъ отъ зависимости, необходимо было озаботиться выработкой условій, на которыхъ можно было бы развести эти сословія.

Княжескихъ азнауровъ въ Тифлисской губ. приблизительно было показано 1000 дворовъ, у нихъ были свои крѣпостные, слѣдовательно, правительство должно было, съ одной стороны, развести азнауровъ и тавадовъ, а съ другой развести азнауровъ съ ихъ крѣпостными.

Затруднительность удовлетворительнаго рѣшенія задачи заключалась въ томъ, что необходимо было опредѣлить имущественныя права азнауровъ. Высоч. утвержденными правилами 21 мая 1864 г. постановлено, что опредѣленіе правъ князя и азнаура на части имущества должно быть поставлено въ зависимость отъ того, на какомъ основаніи князь владѣетъ азнауромъ; сообразно съ этимъ принципомъ были предложены слѣдующія мѣры: 1) князь получаетъ $^1/_2$ имѣнія азнаура, если предки азнаура были пожалованы предкамъ князя вмѣстѣ съ имѣніемъ, или если имѣніе подарено азнауру тавадомъ (княземъ), или кѣмъ-либо изъ его предковъ,: 2) $^1/_3$—получаетъ тавадъ тогда, если неизвѣстно съ имѣніемъ или безъ него были пожалованы предки азнауровъ таваду, 3) $^1/_4$—если предки азнаура или самъ освобождающійся азнауръ были пожалованы таваду безъ имѣнія. Въ отношеніе членовъ фамиліи Багратіоновъ (въ уу. Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Рачинскомъ) и Гуріели (въ

Озургетскомъ у.), которые еще до русскаго владычества владѣли азнаурами и ихъ имѣніями, не на общемъ основаніи, съ тавадами, а на правахъ удѣльныхъ князей, допущено исключеніе: имъ предоставлено отчуждать въ свою пользу отъ подвластныхъ азнауровъ половину имѣнія. Приведенныя правила далеко не охватываютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, поэтому былъ предусмотрѣнъ еще одинъ моментъ: имѣнія, которыя пріобрѣли предки азнаура или самъ азнауръ, или получили отъ лица, таваду неподвластнаго, должны были укрѣпляться, какъ личная собственность азнаура, на которую тавадъ не имѣетъ никакого права.

Разводъ по имущественнымъ правамъ азнауровъ и тавадовъ былъ предоставленъ межевымъ учрежденіямъ, а до ихъ открытія онъ могъ совершатья либо по мировымъ добровольнымъ соглашеніямъ (ст. 1127, св. Гр. Зак., т. X, ч. 2, изд. 1857 г.), либо третейскимъ судомъ (ст. 1129, 1466). Другой важный вопросъ тѣсно связанный съ разборомъ азнауровъ и тавадовъ состоялъ въ опредѣленіи будущаго положенія азнаурскихъ крестьянъ. Мѣстные люди, членъ Кутаисскаго Губернскаго Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и и. д. губ. предв. дворянства высказали свои сужденія относительно повинностей крестьянъ азнаурскихъ и тавадскихъ: въ до реформенное время крестьяне княжескихъ азнауровъ находились во владѣніи „двухъ разно заинтересованныхъ сословій“, азнаура и черезъ него князя; правила 21 мая 1864 г. опредѣлили доли во владѣніи имуществомъ какъ азнаура, такъ и тавада, слѣдовательно, ими опредѣлены и права сторонъ на крестьянскія повинности; „азнауръ, не будучи самостоятеленъ по имуществу, само собою, не можетъ самостоятельно распоряжаться, отдѣльно отъ князя по устройству быта крестьянъ“, такъ какъ разводъ этихъ сословій не можетъ состояться скоро, очевидно, „азнауръ и его помѣщикъ князь должны дѣйствовать точно такъ же, какъ вообще соучастники въ нераздѣльномъ имѣніи т. е. производить надѣлъ и составлять уставныя грамоты оба они вмѣстѣ“. Авторы даннаго мнѣнія возстаютъ противъ совмѣстнаго распоряженія тавада и азнаура во взиманіи съ крестьянъ повинностей до окончанія развода, такъ какъ будутъ столкновенія и споры; да и помимо того это, „не совмѣстно

ни съ духомъ времени, ниже съ экономическимъ взглядомъ азнаура, князя, и болѣе всего обязанныхъ кресть янъ", лучшимъ поэтому представляется составить уставныя грамоты, и „хотя временно" устранить раздѣлъ временно-обязанныхъ крестьянъ между тавадомъ и азнауромъ, чтобы каждая изъ сторонъ пользовалась той частью, которая ей достанется. Правилами опредѣлено $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ въ пользу тавадовъ съ имѣній азнаура, $^1/_3$ получаютъ князья, когда неизвѣстно основаніе владѣнія азнаурскимъ имѣніемъ, а такъ какъ въ неизвѣстности, неопредѣленности находится разводъ этихъ сословій, то $^1/_3$ можно считать за норму повинностей князей съ азнаурскихъ имѣній. Каждая изъ частей, которая достанется таваду или азнауру должна оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ тавадамъ или азнаурамъ до окончательнаго развода азнауровъ и тавадовъ. Изъ только что приведеннаго предложенія можно сдѣлать заключеніе, что на крестьянъ азнауровъ какъ будто не распространяется дѣйствіе дополнительныхъ правилъ 13 окт. 1865 г., во избѣжаніе такого толкованія вопроса, Главный комитетъ по устройству крестьянъ издалъ новыя правила; исходя изъ того положенія, что съ однихъ азнаурскихъ имѣній не отбывали крестьяне тавадамъ никакихъ повинностей, а съ другихъ, наоборотъ, поступали повинности, комитетъ и постановилъ: на крестьянъ азнаурскаго владѣнія первой категоріи, т. е. свободныхъ отъ повинностей тавадамъ распространить какъ дополнительныя правила 1865 г., такъ равно всѣ послѣдующія въ дополненіе и развитіе къ нимъ изданныя распоряженія; на крестьянъ второй категоріи, отбывающихъ повинности помѣщикамъ распространить силу тѣхъ же положеній, но съ нѣкоторыми изъятіями и отступленіями отъ нихъ, а именно: 1) при провѣркѣ и составленіи грамотъ участвуютъ князья и подвластные имъ азнауры, 2) когда на основаніи ст. 26, 29, 31, 33 дополнительныхъ правилъ для Кутаисской губ. помѣщикъ азнауръ пожелаетъ отрѣзать отъ крестьянскаго владѣнія излишекъ противъ высшаго размѣра, то отрѣзки должны поступать въ распоряженіе азнаура, но доходъ съ нихъ дѣлится между азнауромъ и тавадомъ, сообразно съ тѣмъ, къ какой категоріи отнесены азнаурскія владѣнія.

Въ отношеніи отбыванія повинностей крестьяне второй

категоріи, за пользованіе угодіями на общемъ основаніи, должны вносить повинности азнауру и князю, что же касается размѣровъ взноса, то таковые опредѣляются на основаніи того, къ какому разряду отнесено данное азнаурское имѣніе. Такимъ образомъ, до введенія уставныхъ грамотъ всѣ повинности крестьяне отбываютъ „какъ азнаурамъ, такъ и князьямъ“.

Пріобрѣтеніе имѣній въ собственность азнаурскимъ крестьянамъ не воспрещается, но на это должно послѣдовать согласіе князя, въ случаѣ несогласія Губернское присутствіе вступаетъ въ разсмотрѣніе возраженій и причинъ несогласія.

Послѣ долгихъ сужденій, наконецъ, состоялось рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніяхъ азнауровъ и тавадовъ, къ веснѣ 1867 г., но окончательное разрѣшеніе дѣла значительно задержалось, въ виду чисто техническихъ условій размежеванія владѣній азнаура и тавада, а это явилось слѣдствіемъ неудовлетворительнаго состоянія межевого дѣла.

VIII.

Объявленіе воли въ Кутаисской губ.

Объявленіе воли въ Кутаисской губ. состоялось 8 ноября 1866 г. Церемоніалъ объявленія воли, воззваніе вел. кн. Михаила Николаевича къ освобожденному крестьянству, однимъ словомъ, вся внѣшняя торжественная обстановка съ мельчайшими деталями воспроизводила то, что по такому случаю происходило въ Тифлисской губ. Тѣ же подготовительныя дѣйствія по введенію крестьянскихъ учрежденій.

Командированнымъ на мѣста для объявленія воли лицамъ были преподаны нѣкоторыя спеціальныя указанія, что не было сдѣлано въ Тифлисской губ., а именно, сочли весьма полезнымъ и необходимымъ, чтобы лица командируемыя въ Озургеты, Они, Сакаро, независимо „отъ выполненія обряда прочтенія и раздачи крестьянамъ актовъ, въ программѣ указанныхъ, старались всячески изустными объясненіями съ крестьянами знакомить ихъ съ точнымъ смысломъ законоположеній". Внѣ всякаго сомнѣнія, что съ обнародованіемъ новыхъ законоположеній ожидали проявленія народнаго безпокойства, чему косвеннымъ доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя характерныя свѣдѣнія; начальникъ жандармскаго округа не безъ большого удовольствія сообщалъ въ Тифлисъ, что въ г. Кутаисѣ при чтеніи манифеста „*тишина* на площади была *неимовѣрная*, *порядокъ изумительный*; несмотря на многочисленность собравшагося народа каждое почти слово изъ читаннаго было слышно на площади".

Объявленіе воли въ Кутаисской губ. и жизнь освобожденнаго сословія не протекали мирно; вскорѣ послѣ объявленія новыхъ актовъ дворовые люди побросали своихъ господъ и ушли самовольно, хотя скоро возвратились.

Были единичныя случаи появленія агитаторовъ изъ народа, которые своими толкованіями новыхъ актовъ немало смущали населеніе, но изъ единичныхъ и разрозненныхъ данныхъ пока нельзя дѣлать общихъ заключеній.

IX.

Что дала крестьянская реформа крѣпостному населенію и дворянству Кутаисской губ.

Дополнительныя правила 13 окт. 1865 г. къ Мѣстному положенію для Тифлисской губ. представляютъ совокупность статей, главнымъ образомъ обнимающихъ нормы надѣленія крестьянъ землей; возникновеніе этихъ статей было обусловлено своеобразными особенностями топографіи губерніи, господствовавшимъ здѣсь малоземельемъ, съ другой—эти же условія дали основаніе установленію особыхъ размѣровъ оцѣнокъ тѣхъ земель. Что касается другихъ частичныхъ добавленій и нѣкоторыхъ новыхъ положеній, то они вытекаютъ изъ указанныхъ основныхъ статей; но эти дополнительныя правила нисколько не колеблютъ и не противорѣчатъ тѣмъ общимъ принципамъ, на которыхъ построено Мѣстное Положеніе для Тифлисской губ. 13 окт. 1864 г., но, какъ уже было сказано, это Положеніе цѣликомъ построено на началахъ общаго о крестьянахъ положенія 19 февр. 1861 г., оно представляетъ возсозданіе на почвѣ чисто мѣстныхъ специфическихъ условій жизни, Положенія 19 февр., слѣдовательно, изданіе Дополнительныхъ Правилъ 13 окт. 1865 г. продолжило работу русской власти по направленію окончательнаго утвержденія въ части Закавказья, въ западной и восточной, среди христіанскаго крѣпостного населенія, русскаго законодательства о крестьянскомъ сословіи.

Если мы попытаемся разобраться въ томъ, что пріобрѣло крестьянское населеніе съ упраздненіемъ крѣпостного права въ Кутаисской губ., и что съ нимъ вмѣстѣ получило дворянство, то мы цѣликомъ должны повторить сказанное о Тифлисской губ., т. е. мы будемъ вынуждены сказать,

что экономическое, матеріальное положеніе крестьянства послѣ реформы было поставлено на путь полнаго обѣднѣнія, что было положено начало для рѣзкаго проявленія пролетаризаціи; пріобрѣтенія дворянства, были не блестящи, сравнительно, но удовлетворительны.

Къ тому же надо учесть особыя обстоятельства въ условіяхъ жизни Кутаисской губерніи, которая страдала отъ малоземелья и невыгодныхъ географическихъ условій въ степени большей, чѣмъ Тифлисская губ.

Характерной чертой Кутаисской губ. служила и служитъ, по сю пору, чрезвычайная дробность населенныхъ имѣній; помимо дробности губернія страдаетъ отъ разбросанности имѣній; дробность и разбросаность являются слѣдствіемъ дѣлежа наслѣдственнаго имущества, топографіи губ. Поэтому нерѣдко встрѣчались земли одного помѣщика разбросанныя по разнымъ деревнямъ, участкамъ, уѣздамъ. Такъ, показателемъ разбросанности имѣній можетъ служить фактъ, отмѣченный въ отчетѣ Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, что 18 помѣщиковъ заложили имѣнія съ 502 дымами, разбросанными въ 104 мѣстахъ; въ трехъ уѣздахъ состояло 7896 владѣній, съ 24.136 дымами, разбросанныхъ въ 566 селеніяхъ.

По даннымъ камеральнаго описанія 1860-1861 г. въ четырехъ уѣздахъ: Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Озургетскомъ и Рачинскомъ показано 4785 владѣльцевъ, помѣщичьихъ семействъ, а у нихъ 96.732 д. м. п. или 48.261 дымъ. Въ этомъ числѣ было владѣющихъ менѣе 21 д. м. п. . . 3776

отъ	21—	100	„ . . .	831
„	101—	500	„ . . .	167
„	501-	1000	„ . . .	7
свыше		1000	„ . . .	4
				4785,

иными словами, мелкопомѣстные помѣщики составляли 79%. На каждое помѣшичье владѣніе приходилось не болѣе 5 дымовъ крестьянъ или 20 д. м.

На каждое помѣщичье владѣніе въ среднемъ выводѣ приходилось около 40 дес., на каждый крестьянскій дымъ отъ 4-5 кц. т. е. отъ 1½ д. с. до 2 дес. (ср. стр. 465).

Эти данныя показываютъ вполнѣ опредѣленно, что Кутаисская губ. въ отношеніи экономическаго и матеріальнаго положенія своего стояла значительно ниже Тифлисской губ. Если тамъ крѣпостное населеніе получило сравнительно немного выгодъ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, то еще меньше выиграло крѣпостное населеніе Кутаисской губ.; помимо бѣдности дворянской Кутаисская губ. въ отношеніи количества крѣпостнаго населенія стояла значительно выше Тифлисской губ.; были участки сплошь заселенные крѣпостными людьми; такъ въ Кударскомъ участкѣ Рачинскаго у. крѣпостные составляли 97%; въ Кулашскомъ и Амаглебскомъ, Кутаисскаго у. 87%-90%; въ бывшей вольной Гуріи (Озургетскомъ у.) -70%, въ Имеретіи (Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Рачинскомъ уу.) 63%. Послѣ объявленія реформы въ Тифлиской губ. въ 1865 г. крестьянъ было 106.634 д. о. п., въ Кутаисской въ 1864 г. 181.270 д. о. п., что даетъ отношеніе 1: 1, 7;, въ Кутаисской губ. было $2^1/_2$ раза больше помѣщичьихъ владѣній, чѣмъ въ Тифлисской губ.

Если мы обратимся къ земельному довольствію крестьянъ, то увидимъ слѣдующее, въ дореформенное время крестьяне располагали удобными землями на дымъ отъ $1^1/_2$-2 д., по упраздненіи крѣпостной зависимости крестьяне получили 12 кцевъ т. е. 4 дес. 1200 кв., если сравнить эти двѣ нормы, то получится, что крестьяне получили болѣе, чѣмъ они владѣли до реформы; нѣкоторая разница до и послѣ реформы въ крестьянскомъ земельномъ довольствіи очевидна, но если допустить на дымъ по 3 души, то окажется, что на ѣдока приходилось менѣе десятины отъ 1200 кв. с. до 1600 кв. с. что составляетъ чрезвычайно низкую норму; эта земля не только должна была прокормить владѣльца, но и нести повинности въ размѣрѣ $^1/_4$ въ пользу помѣщика, что предоставляло слишкомъ непосильное бремя; крестьянство Кутаисской губ. въ моментъ полученія свободы было поставлено на вѣрнѣйшій путь нищенства. Увеличеніе населенія, дѣленіе надѣловъ, постепенное истощеніе земли сулило крестьянству Кутаисской губ. безотрадное положеніе, которое усугублялось и усугубляется невозможностью увеличивать земельную площадь, благодаря дороговизнѣ земли и отсутствію свободныхъ земельныхъ фондовъ.

Наказъ о выкупной операціи предоставляетъ крестьянамъ Кутаисской губ. пріобрѣтать въ собственность земельныя угодія. Выкупная операція въ Кутаисской губ. приняла сразу удивительный характеръ и къ тому были весьма серьезныя обстоятельства. Когда повинности отбываются крестьянами частью денежнымъ оброкомъ за усадебную осѣдлость, частью земными произведеніями за полевыя земли, то часть ссуды исчисляется капитализированіемъ годового оброка и ссуда на кцеву опредѣлятся въ первомъ случаѣ въ 7 р. 50 капитальной суммы, въ мѣстностяхъ особенно плодородныхъ—15 р.; на весь надѣлъ ссуда не можетъ быть болѣе 250 р.; но если изъ капитальной суммы, исчисленной на основаніи капитализаціи годового оброка, на кцеву земли причиталось болѣе 11 р. 25 к., а на земляхъ лучшей производительности 22 р. 50 к., и то размѣръ ссуды на каждую кцеву должно было исчисляться этой суммой, а на весь надѣлъ ссуда не должна была превосходить 350 р.; въ нагорныхъ имѣніяхъ Рачинскаго у. размѣръ ссуды не могъ превосходить 250 р. при отбываніи повинностей денежнымъ оброкомъ, и 180 р.—скотомъ или домашними издѣліями. Закавказская власть въ данномъ случаѣ, повидимому, совершенно не считалась съ дѣйствительными цѣнами на земли.

Въ Кутаисской губ. цѣны на земли всегда были значительно высоки; въ 1889 г. (болѣе раннихъ и достовѣрныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется) десятина стоила 297 р. съ колебаніемъ отъ 12—150 р. въ Зугдиускомъ у. до 100—2000 р. въ Лечхумскомъ. Если взять среднюю за 1889 г. въ 297 р., то окажется, что стоимость земельнаго надѣла будетъ равняться 1336 р., принимая высшій размѣръ ссуды въ 350 р., доплата крестьянская должна составить 986 р. Естественно, помѣщики не могли принимать низкой правительственной оцѣнки, а правительственная субсидія была слишкомъ незначительна. На этомъ основаніи для крестьянъ было предпочтительнѣе пріобрѣтать земли на собственныя средства, чтобы не связываться съ долгосрочными обязательствами.

Съ 1869 г. по 1889 г. по 7 уѣздамъ Кутаисской губ. выкупили надѣлъ 23.407 дымовъ въ количествѣ 104.165 дес., на сумму 4.833.258 р., правительственнымъ содѣйствіемъ не

воспользовалось около 50% временно обязанныхъ крестьянъ. Благодаря собственнымъ усиліямъ крестьянское населеніе стало увеличивать свое земельное довольствіе: 57% временно обязанныхъ крестьянъ стали собственниками земли отъ 1—4 дес.; 40%—4—15 дес., 3%—15—30 дес.

Съ первыхъ же дней объявленія воли стали проявляться неудовольствія съ обѣихъ сторонъ, т. е. какъ со стороны крестьянъ, такъ со стороны помѣщиковъ; уже первый оффиціальный отчетъ указываетъ на рядъ печальныхъ явленій: „помѣщики не хотятъ думать о будущемъ, о сохраненіи добрыхъ отношеній съ крестьянами, о составленіи уставныхъ грамотъ, о миролюбивомъ окончаніи дѣлъ"; „помѣщики исключительно заняты приношеніемъ жалобъ, малоосновательныхъ на крестьянъ, за неотбываніе повинностей, а также на служащихъ по мировымъ учрежденіямъ, не понимая, что послѣдніе исполняютъ свою обязанность строго и безпристрастно, примѣняя положеніе о крестьянахъ".

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) Къ вопросу объ учебныхъ пособіяхъ для высшей школы.
2) Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ, какъ историческій источникъ.
3) Опытъ исторической хрестоматіи, ч. I. (Пособіе при изученіи исторіи Западной Европы).
4) Замѣтки о феодализмѣ въ Грузіи.
5) Къ вопросу о значеніи грузиновѣдѣнія и вліяніи Византіи на Грузію.
6) Бумаги А. Е. Назимова, съ пред. проф. И. А. Линниченко.
7) Земскіе соборы.
8) Заслуги Ѳ. И. Леонтовича въ изученіи обычнаго права русскихъ инородцевъ.
9) Библіографическій указатель юбилейной литературы о крѣпостномъ правѣ и крестьянской реформѣ.
10) Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ.
11) Животное и яйцо въ народномъ суевѣріи.
12) Волненія крестьянъ въ царствованіе Александра I.

Типографія „Техникъ“, Гурвичъ и Крохмаль,
Екатерининская, 58.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.